

І.Ф. Шаррась

—
ІСТОРІЯ
КАМПАНІИ

1812

І.Ф. Шаррась

ІСТОРІЯ КАМПАНІИ

—
1812

Ж.-Ф. Шаррас

ИСТОРИЯ КАМПАНИИ 1815 ГОДА ВАТЕРЛОО

*Перевод с французского
П. Пичугина*

Репринтное издание 1868 года

Санкт-Петербург
Альфарет
2012

УДК 93/94
ББК 6.3.3(4) 5
Ш 26

Репринтное издание

Шаррас Ж.-Ф.

Ш 26 История кампании 1815 года: Ватерлоо / Пер. с фр. П. Пичугина: — Репринтное издание 1868 г. — СПб.: Альфарет, 2012. — 620 с.; 7 л. карт., план.

Печатается по изданию:

Шаррасъ [Ж.-Ф.] Исторія кампаніи 1815 года. Ватерлоо. Съ приложеніемъ 7-ми картъ и плановъ / Изданіе и переводъ Генеральнаго Штаба штабсъ-капитана Пичугина. — ПЕТЕРБУРГЪ: в типографіи А. Головачова, 1868. — [4], VIII, 548, II с.; 7 л. карт., план.

«История кампании 1815 года» была подготовлена Жаном-Филиппом Шаррасом и впервые вышла в свет на французском языке в 1857 г., после чего неоднократно переиздавалась. Книга опубликована в России в 1868 г. при Генеральном Штабе Российской империи. Она является переводом четвертого издания 1863 г., выполненным штабс-капитаном П. Пичугиным. Включает предисловие автора к этой публикации.

Труд посвящен крупной военной кампании, осуществленной союзными войсками Седьмой антинаполеоновской коалиции против армии Бонапарта. События развернулись в период так называемых «Ста дней» Наполеона, начиная с побега императора с острова Эльба и заканчивая поражением его армии в битве при Ватерлоо и вторичным отречением от престола. Шаррас использовал большой комплекс материалов как официального, так и частного характера, что позволило историку создать наиболее полную картину событий 1815 г. Представлен подробный анализ стратегии и тактики военных действий Наполеона и его противников. Это основательное военно-историческое исследование, которое современники называли полным трактатом о последней кампании Наполеона, не теряет своей актуальности и по сей день. Существенен антинаполеоновский контекст труда Шарраса и его полемика с историком А. Тьером, автором «Истории Консульства и Империи», большим поклонником личности императора, отражением которой являются «Примечания» данного издания. Книга включает карты и планы сражений.

Жан-Филипп Адольф Шаррас (1810–1865) — французский военный и общественный деятель, военный историк, республиканец, депутат Учредительного и Законодательного собрания Франции второй Республики.

Ш А Р Р А С Ъ.

ИСТОРІЯ
КАМПАНИИ 1815 ГОДА.

БАТЕРЛОО.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ 7-МИ КАРТЪ И ПЛАНОВЪ.

ИЗДАНИЕ И ПЕРЕВОДЪ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ШТАБСЪ-КАПИТАНА

ПИЧУГИНА.

ПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Отъ переводчика	I—VIII
Предисловіе автора.	1— 3
Предисловіе автора къ IV изданію	3— 10
Глава I.	10— 17
Глава II.	17— 53
Глава III	53— 60
Глава IV	60— 69
Глава V.	69— 86
Глава VI (Шарлеруа, 15 іюня)	86—112
Глава VII.	112—120
Глава VIII (Линьи, 16 іюня)	120—160
Глава IX (Кагръ-Бра, 16 іюня)	160—182
Глава X.	182—196
Глава XI (Жемблу.—Мезонъ-де-Руа, 17 іюня)	196—220
Глава XII (Ватерлоо, 18 іюня)	220—285
Глава XIII	285—306
Глава XIV (Вавръ, 18 іюня)	306—322
Глава XV.	322—344
Глава XVI.	344—370
Глава XVII	370—391
Глава XVIII.	391—428
Приложенія (I—XV)	429—548

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

„Въ чемъ же заключается успѣхъ и органическій ростъ науки, если каждому поколѣнію и каждому народу должно съ-изнова передѣлывать все, сдѣланное прежде его предшественниками. Нужно, слѣдовательно, опредѣлить пункты, до которыхъ доведены отдѣльные изслѣдованія, и указать на требующія дальнѣйшей разработки стороны предмета.

Что труды такого рода не исключаютъ оригинальности и самостоятельности, доказывается вышедшимъ недавно сочиненіемъ. Эта превосходная монографія содержитъ въ себѣ не только полное изложеніе критически разобранныхъ фактовъ; но, можно сказать, замыкаетъ собою всѣ прежнія изслѣдованія о томъ же предметѣ. Поэтому она можетъ служить исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ розысканій“.

Вотъ характеристика, сдѣланная историкомъ Грановскимъ, при разборѣ одной монографіи издателя Проппелевъ. Она вполне относится и къ сочиненію Шарраса, являющемуся теперь въ русскомъ переводѣ. Сочиненіе это представляетъ если не позднѣйшій, то, по крайней мѣрѣ, полнѣйшій трактатъ о послѣдней кампаніи Наполеона; считая разумѣется за полноту сочиненія не богатство собраннаго въ немъ историческаго матеріала, но искусную группировку, точность выводовъ, опредѣлительность заключеній, отсутствіе противорѣчій, сбивчивости, путаницы и того мутнаго колорита, какимъ часто окрашиваются военныя сочиненія, когда историкъ не составилъ себѣ строго-обдуман-

наго политическаго взгляда, а старается или обойти его вовсе или, прикрывшись громкимъ словомъ „безпристрастія“, однообразно рисуеъ картину людскихъ страстей и общественныхъ кризисовъ, напоминая средневѣковаго монаха, ведущаго хронографъ, заказанный ему настоятелемъ. Историкъ, предавшій изученію какой либо эпохи, не можетъ быть вполнѣ безпристрастенъ—онъ долженъ быть только умѣрененъ, не унижаясь до брани, оскорбленій или до низкихъ восхваленій, т. е. не дѣлая изъ исторіи ни памфлета, ни заказной оды.

Сочиненіе Шарраса представляетъ одинъ изъ лучшихъ образцовъ основательнаго военно-историческаго изслѣдованія; каждый выводъ основанъ на самой добросовѣстной, можно сказать мелочной (выраженіе самого автора) повѣркѣ; но оно страдаетъ недостаткомъ умѣренности въ изложеніи, вслѣдствіе чего многимъ можетъ показаться, что авторъ пристрастенъ—совсѣмъ нѣтъ. Полный разборъ фактовъ и нѣсколько фѣдкихъ фразъ, примѣшанныхъ къ ихъ изложенію, совсѣмъ не одно и тоже. Первое свойство составляетъ коренное, существенное достоинство сочиненія—его плоть и кровь; второе лишь наносное, почти чуждое сочиненію и обуславливается положеніемъ автора и обстоятельствами, которыя я изложу ниже. Но сперва поясню примѣромъ.

Въ Россіи существуетъ знаменитый историческій живописецъ, страдающій природнымъ недостаткомъ зрѣнія — онъ не можетъ отличить блѣдно-розоваго отъ свѣтло-зеленаго цвѣта. Зритель, незнакомый съ этою частностью, разсматривая картины художника, конечно тотчасъ же придерется къ ошибочному колориту и отнесетъ его къ недостатку дарованія; но, получивъ разъясненіе ранѣе, онъ увидитъ, что это недостатокъ случайный, который хотя и вредитъ общему впечатлѣнію картины; но не даетъ права строго судить творца ея. Судить въ данномъ случаѣ по одному колориту о достоинствахъ картины не разсмотрѣвъ ни вѣрности рисунка, ни чистоты контуровъ, ни

богатства экспрессіи, тоже самое, что видѣть пристрастіе въ исторіи Шарраса по нѣсколькимъ желчнымъ выраженіямъ, т. е. произнести слишкомъ поспѣшное сужденіе, не вдумываясь надъ жизнью историка и надъ капитальными богатствами сочиненія. Шаррасъ республиканецъ по убѣжденіямъ, но этотъ республиканизмъ не переходитъ у него въ ненависть ко всему монархическому. Напротивъ онъ почтительно говоритъ о государяхъ прирожденныхъ, своимъ вступленіемъ на престолъ не оскорбляющихъ чувства народнаго — и разражается лишь противъ монарховъ, захватившихъ верховную власть. Вотъ мотивъ его ненависти къ Наполеону, мотивъ разожженный новымъ переворотомъ, изгнаніемъ и офиціально возбужденнымъ въ литературѣ и обществѣ поклоненіемъ памяти перваго Наполеонида.

Исторія Шарраса протестъ, и, для этой цѣли, онъ выбралъ самую слабую изъ кампаній императора; ту же цѣль онъ преслѣдуетъ и въ своемъ второмъ сочиненіи о войнѣ за независимость Германіи; но какъ въ своемъ Ватерлоо — онъ рисуетъ слабость Наполеона полководца; такъ въ Лейпцигѣ — всю немощность геніальнаго политика, противъ грознаго возстанія двухъ народовъ, ополчившихся за собственное существованіе.

Вообще чтеніе исторіи 1813 года много объясняетъ при чтеніи перваго сочиненія Шарраса. Пусть тотъ, кто видитъ въ Шаррасѣ писателя, составившаго себѣ заранѣе предвзятую цѣль винить Наполеона, обратится къ страницамъ его втораго сочиненія, гдѣ очерчиваетъ онъ всеобъемлющую дѣятельность Наполеона, по прибытіи его къ дѣйствующей арміи, передъ Люценскимъ сраженіемъ. Такой великолѣпной картины я думаю не представлялъ ни одинъ апологистъ императора.

Прибавлю, что я не оправдываю совершенно Шарраса за нѣкоторыя особенно рѣзкія страницы; напримѣръ стр. 365, гдѣ онъ сравниваетъ Наполеона съ Нерономъ (см. Римскія

женщины по Тациту, изслѣдованіе Кудрявцева, стр. 450 — 452), или стр. 503 — 504 филиппики противъ Друо. Можно быть нерасположеннымъ къ правительству, при которомъ живешь, но не служить своей родинѣ въ тяжелую для нея минуту за одно съ правительствомъ — взгляды, едва ли оправдываемый честными гражданами. Наконецъ Друо сблизился съ Наполеономъ, когда весь дворъ послѣдняго состоялъ изъ однихъ штабныхъ офицеровъ и нѣсколькихъ дипломатовъ, когда дворцомъ служили грязные биваки—а раззолоченные, обогатившіеся, обвѣщенные придворные сановники одинъ за другимъ отдалялись отъ императора. Припомнимъ наконецъ, какъ исторически доказано, что самые испорченные правители по инстинкту желаютъ добра массамъ; инстинкты эти извращаются камарильею и всплываютъ, когда человѣкъ очутится лицомъ къ лицу съ кризисомъ—а въ такомъ положеніи былъ Наполеонъ со второй половины 1813 года. Оттого то падающаго властителя всегда окружаютъ люди истинно благородные—исчезаетъ кумиръ, является человѣкъ.

Сочиненіе Шарраса можетъ показаться немного сухимъ, не изобилуя анекдотическими подробностями; но его нѣсколько рѣзкая кисть иногда вдругъ оживляется и проводитъ грандіозныя, мрачныя тѣни, гдѣ уже не до отдѣльныхъ личностей; воображеніе не въ состояніи заниматься ими; оно приковывается общественнымъ катаклизмомъ—гибелью арміи, паденіемъ государства.

Вотъ нѣсколько словъ о жизни Шарраса:

Іоаннъ-Филиппъ-Адольфъ Шаррасъ родился 7-го января 1810 г. въ Лотарингіи, гдѣ отецъ его (впослѣдствіи дивизіонный генералъ) стоялъ съ баталіономъ въ одной изъ крѣпостей *).

---

*) Karcher—Les écrivains militaires de la France; въ извѣстномъ лексиконѣ Ваперо (Dictionnaire des contemporains) сказано, что Шаррасъ родился въ 1808 году.

Получивъ образованіе въ Клермонской школѣ, молодой человекъ блестящимъ образомъ выдержалъ экзаменъ въ Политехническую школу въ 1828 году; но чрезъ два года былъ исключенъ за то, что въ годовщину основанія школы, на товарищескомъ ужинѣ, пилъ здоровье Лафайета и пѣлъ Марсельезу. Вообще республиканскія тенденціи увлекали Шарраса еще въ семьѣ; мать, отпуская его въ Парижъ, сказала на прощанье: „лучше умри, чѣмъ быть легитимистомъ“. Въ іюльскіе дни онъ дрался на баррикадахъ, и командовалъ отрядомъ рабочихъ, „вы умѣете драться!“ сказалъ ему при этомъ генералъ Жераръ.

Съ воецареніемъ новой династіи, Шаррасъ могъ поступить снова въ школу, откуда былъ выпущенъ въ томъ же году подпоручикомъ артиллеріи въ Мецское аппликаціонное училище; но вскорѣ, за принадлежность къ Патріотическому обществу, отчисленъ по роду оружія (*non activité*) вмѣстѣ съ инженернымъ капитаномъ Кавеньякомъ. Опала продолжалась недолго; въ 1833, онъ переведенъ поручикомъ къ 1-й артиллерійскій полкъ, сблизился съ извѣстнымъ публицистомъ Арманъ Карелемъ и, по его приглашенію, принялъ участіе въ изданіи: „National“, помѣстивъ рядъ блестящихъ критическихъ статей по части военнаго обозрѣнія. Съ производствомъ, на вакансію въ капитаны, Шаррасъ назначенъ въ С.-Этьенскій оружейный заводъ; но какъ человекъ подозрительный (по рапортамъ полиціи) высланъ въ Алжиръ, въ 1841 году.

Въ Алжирѣ онъ командовалъ артиллеріею въ фортѣ Шершель, былъ приставомъ (*chef d'un bureau arabe*) и въ 1843, едва не захвативъ эмира Абдель-Кадера, получилъ за свой удачный набѣгъ о. Почетнаго Легіона (*chevalier*), и за отличія въ дѣлахъ, произведенъ въ 1844 г. въ маіоры въ иностранный легіонъ. Вообще правительство довольно туго двигало всѣхъ офицеровъ съ республиканскимъ направленіемъ,

такъ что только усиленные просьбы маршала Бюжо исходатайствовали будущему историку названныя награды.

Въ 1845 г. Шаррасъ сдѣлалъ зимнюю экспедицію, въ 1846 г. получилъ отдѣльный баталіонъ, набранный изъ дисциплинарныхъ ротъ. Въ арміи этихъ людей прозвали зефирами (отъ каламбура: voler—красть, летать). Онъ умѣлъ подтянуть свою сволочь и цѣлый 1847 г. копалъ съ нею поселеніе С.-Дени между гг. Ораномъ и Маскарою. При пріѣздѣ сюда новаго генераль-губернатора принца Омальскаго, генераль Ламорисьеръ сказалъ, представляя Шарраса: „вотъ сынъ якобинца, самъ якобинецъ и одинъ изъ лучшихъ офицеровъ нашей арміи“.

Въ 1848 г., получивъ чинъ подполковника, Шаррасъ взялъ отпускъ; но, пріѣхавъ во Францію, засталъ тамъ республику. Временное правительство назначило его въ помощь астроному Араго, управлявшему военнымъ министерствомъ. Въ этомъ званіи (*sous-secrétaire d'Etat*) онъ оставался до конца года, управлялъ временно министерствомъ, былъ раненъ въ страшную іюньскую рѣзню и отказался отъ всѣхъ повышеній.

Затѣмъ его выбрали въ національное собраніе большинствомъ 82,000 голосовъ, представителемъ отъ департамента Пюи-де-Домъ. Мало по малу онъ переходилъ на сторону крайнихъ республиканцевъ.

„Шаррасъ совсѣмъ сталъ фанатикомъ“, писалъ въ это время С.-Арно своимъ роднымъ *).

При насильственномъ переворотѣ 2 декабря 1851 г. Шаррасъ былъ арестованъ, заключенъ въ фортъ Гамъ и декретомъ 9 января 1852 г. изгнанъ изъ отечества.

Въ изгнаніи онъ женился и посвятилъ себя военно-ученымъ трудамъ. Сочиненіе его: „*Histoire de la campagne de 1815*“, явившееся лѣтъ десять тому назадъ, произвело очень сильное

---

*) «Lettres du maréchal Saint-Arnaud». t. II, p. 339.

впечатлѣніе въ военномъ мірѣ, выдержало 4 изданія и по праву признано классическимъ историческимъ сочиненіемъ.

Затѣмъ онъ принялся за „Исторію войны 1813 года“; но не довелъ ее до конца. Смерть застигла его въ 1865 году, слишкомъ рано для военной науки; начатый трудъ доведенъ до кануна дѣла при Вейсенфельсѣ. Намъ остается только жалѣть о безвременной кончинѣ великаго историка. Талантъ его сталъ покойнѣе, грандіознѣе, шире—характеристики въ исторіи полнѣе... личности выступаютъ болѣе рельефно. Но второе его твореніе все таки остается лишь великолѣпнымъ фрагментомъ въ сравненіи съ законченнымъ эпизодомъ Ватерлооской кампаніи.

Перейду теперь къ настоящему изданію. Оно не составляетъ уже новости; но не думаю, чтобы было излишнимъ въ нашей переводной военной литературѣ. Оно исполнено съ 4 послѣдняго изданія, (*Histoire de la campagne de 1815.—Waterloo—par le L. Colonel Charras, quatrième edition, revue et augmentée des notes en réponse aux assertions de M. Thiers dans son récit de cette campagne, avec un atlas nouveau, Bruxelles 1863*) которое гораздо пространнѣе прежнихъ. Слишкомъ $\frac{1}{4}$ книги занята опроверженіями положеній Тьера. На русскомъ языкѣ эта полемика не имѣетъ такого значенія. Потому что „Исторія консульства и имперіи“, по своему объему (20 томовъ), вѣроятно никогда не явится въ переводѣ. Я думалъ сперва сдѣлать извлеченіе изъ приложений; но нашелъ лучшимъ не искажать подлинника.

Карты и планы сборныя: первыя взяты цѣликомъ съ французскаго подлинника, равно и планъ дѣла при Катръ-Бра, рѣзанный на мѣди съ оригинала, уменьшеннаго фотографією; планы сраженій у Линьи и Вавра копированы съ плановъ „*Histoire de la campagne de 1815*“ Дамица; но войска на первомъ планѣ нанесены согласно Шаррасу.

Наконецъ планъ битвы при Ватерлоо, съ дозволенія А. А.

Ильина, заимствованъ изъ изданнаго имъ Военно-Историческаго атласа войны 1815 года, съ оригинала, уменьшеннаго посредствомъ фотографіи; но съ значительными измѣненіями. Текстъ переведенъ безъ сокращеній, въ приложеніяхъ допущены самыя ничтожныя.

Вѣроятно въ этомъ изданіи встрѣтятся какіе либо недосмотры. Иные, въ подобныхъ случаяхъ, отговариваются какъ Сквозникъ-Дмухановскій неопытностью; но я считаю такую отговорку слишкомъ семейною. Серьезныя оплошности неизвинительны, а о мелкихъ и говорить не стоитъ.

П. Пичугинъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Кампанія 1815 года, столь гибельная для Франціи, была описана много разъ; и французы и иностранцы трудились надъ нею въ волю.

Почти полвѣка прошло съ поры страшной катастрофы, разразившейся надъ нашимъ оружіемъ; но воспоминаніе о ней все еще живо, заставляя биться сердце француза и бывшихъ его противниковъ, принадлежавшихъ къ коалиціи. Иначе и быть не можетъ, въ нихъ говорить патріотизмъ.

Проживъ три года въ Бельгіи, я имѣлъ возможность прослѣдить на самой мѣстности, служившей театромъ военныхъ дѣйствій, кратковременную и ужасную войну, внесшую такую безотрадную страницу въ наши лѣтописи.

Убѣжденный въ вѣрности Наполеоновскихъ мемуаровъ, я принялъ ихъ за основаніе, приступивъ къ своему новому труду, но скоро увидѣлъ невозможность согласовать показанія мемуаровъ съ совершившимися событіями; всѣ фокусы бѣгло набросаннаго, волшебнаго разсказа, искажающаго данныя времени, разстоянія, фактовъ, выдумывающаго послѣдніе вновь, открылись передъ мною—все повѣствованіе имѣло одну цѣль: натянутую апологію самого автора.

Какъ велико значеніе плени, обстоятельствъ и авторскаго таланта! Этой апологіи во Франціи присвоили значеніе исторіи, и въ теченіи слишкомъ 30 лѣтъ она служитъ матеріаломъ для всѣхъ французскихъ сочиненій о войнѣ 1815 года.

Повторяю, что я вѣрилъ Наполеоновскимъ мемуарамъ; но, видя въ нихъ одну ложь, я рѣшился доискаться правды, и

обратился къ историческимъ даннымъ. Я рѣшился перечестъ, разобрать, провѣрить и сличить переписку, приказы, донесенія главнокомандующихъ враждебныхъ армій и подчиненныхъ имъ лицъ; рассказы, замѣтки, объясненія, записки составленныя ими или по ихъ указаніямъ, участниками военныхъ дѣйствій; наконецъ историческихъ и военныхъ писателей и всевозможныхъ критиковъ. Друзья перерыли для меня архивъ Парижскаго военнаго министерства, неполный и заброшенный. Чиновники нидерландскіе, съ любезностью отличающею вообще всѣхъ должностныхъ лицъ здѣшней гостепріимной страны, отдали въ мое распоряженіе архивъ военнаго министерства, откуда я извлекъ драгоцѣнныя данныя; наконецъ многіе изъ участниковъ, и французы и иностранцы, сообщили мнѣ очень важныя замѣтки.

Чтеніе, внимательный анализъ, провѣрка, сообщенія сдѣланныя мнѣ, споры возникшіе между побѣдителями, при чемъ среди размолокъ высказалось много новаго, помогли мнѣ возсоздать кампанію 1815 года безъ всякой предвзятой мысли и съ полнымъ безпристрастіемъ.

Я также написалъ исторію, служившую предметомъ сочиненій на разныхъ языкахъ, и, издавая свою книгу, увѣренъ, что возстановлю факты въ ихъ истинномъ значеніи и личности въ ихъ настоящемъ свѣтѣ: хваля или порицая я не смотрю на національность.

Унижая и умаливая непріятеля, мы уменьшаемъ блескъ собственной побѣды и увеличиваемъ значеніе собственнаго пораженія.

Я не ограничился описаніемъ однихъ военныхъ дѣйствій.

Разсказъ съ исключительно военной точки, передавая какъ войска дерутся при Линьи, Катръ-Бра и Ватерлоо, гдѣ геройство противниковъ перешло въ ярость и напомнило жестокость междоусобныхъ войнъ; рассказывая какъ воинственная нація съ тридцати-милліоннымъ населеніемъ, подобная Франціи, впускаетъ врага на родную землю безъ выстрѣла и даетъ себя поработить въ нѣсколько дней, неполонъ и необъясняетъ подобнаго конца.

Въ 1815 году стратегическіе и тактическіе вопросы, дурно соображенные съ одной стороны, болѣе или менѣе искусно комбинированные съ другой, не были единственными причинами нашего несчастія. Существовали причины иныя, ихъ-то я тщательно искалъ и на нихъ-то указываю.

По прочтеніи этой книги личность Наполеона можетъ быть обмелъчаетъ, но за то французская армія подымется въ нашихъ глазахъ и униженіе Франціи не будетъ столь позорно. Подобный выводъ будетъ отрадіе для моего сознанія, моего чувства, моего патріотизма чѣмъ распространенный вымыселъ.

Надѣюсь читатель раздѣлитъ мое мнѣніе.

Гага, 25 мая 1857.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

КЪ IV ИЗДАНІЮ.

Я тщательно просмотрѣлъ свое сочиненіе и не нашелъ нужнымъ дѣлать никакихъ важныхъ измѣненій и поправокъ.

При изложеніи фактовъ я исправилъ нѣкоторыя мелкія невѣрности, и дополнилъ рассказъ второстепенными данными, до сихъ поръ неизвѣстными; но мои разсужденія о причинахъ нашей гибели, о военныхъ дѣйствіяхъ Наполеона и его генераловъ, остались тѣ же, онѣ высказаны и выведены на тѣхъ же доказательствахъ какъ и въ прежнихъ изданіяхъ.

За свои сужденія я подвергся упрекамъ работѣнныхъ писателей—дѣло понятное. Истина, задѣвая на самомъ дѣлѣ могущественные, господствующіе интересы, или повидимому ихъ задѣвая, всегда вызываетъ нападки; хотя нападающіе часто сами хорошо не знаютъ за что именно нападаютъ.

Мнѣ передали, что меня обвиняють въ томъ, что я хую Наполеона и колеблю его славу. Говорятъ, что слава Наполеона стала достояніемъ Франціи и выше всякой критики.

Я давно знакомъ съ этимъ софизмомъ. Онъ придуманъ въ интересахъ партіи; люди предубѣжденные и невѣжественные возвели его въ догматъ. Не отступивъ передъ нимъ раньше я и теперь не трогаюсь имъ. Я вижу въ этомъ софизмѣ отрицаніе исторіи. Если его обобщить и примѣнить ко всѣмъ государямъ, правившимъ Франціею, и ко всѣмъ полководцамъ, стоявшимъ во главѣ нашихъ армій, то лѣтописи наши обратятся въ сборникъ ложныхъ и бесполезныхъ легендъ.

Общественное сознание вѣками уже признало за историкомъ извѣстные права и обязанности. Наполеоновскій фетишизмъ не подавить ихъ.

Историкъ долженъ говорить безусловную абсолютную истину о событіяхъ и людяхъ, не смотря на личности. Только при этомъ условіи можно написать сочиненіе полезное и дѣйствительно народное.

Исторія Франціи на столько блещитъ заслуженною славой, что ей не для чего прибавлять къ своимъ славнымъ дѣяніямъ вымышленные и ложные подвиги; Франція на столько сохранила благороднаго самолюбія, что спокойно и даже съ благодарностью приметъ урокъ, хотя отъ него и страдаетъ ея гордость.

Что выиграетъ наше отечество, если историкъ, забывши свое призваніе, исказивъ правду ложью, повторивъ бредни, выдуманныя на островѣ св. Елены, расскажетъ, что Наполеонъ дѣйствовалъ какъ великій полководецъ и вина въ бѣдствіи, обрушившемся на нашу армію, ложится на его помощниковъ? Положительно ничего, потому что если слава Наполеона не будетъ умалена, то пострадаетъ репутація д'Эрлона, Рейля, Вандаммы, Сульта, Груши, Нея, а слава этихъ генераловъ также составляетъ гордость Франціи.

Люди, упрекавшіе насъ за то, что мы разбираемъ и осуждаемъ дѣйствія Наполеона, противорѣчатъ собственнымъ силогизмамъ, взводя обвиненія на цѣлую плеяду нашихъ лучшихъ генераловъ.

Я лично подвергся другому упреку и привожу его здѣсь, чтобы показать примѣръ слѣпой ярости, какую возбудили мои отрицанія разсказовъ на островѣ св. Елены.

Неизвѣстный издатель мало интересныхъ мемуаровъ, недавно написалъ ко мнѣ, что я хочу отнять у Франціи ея послѣднее утѣшеніе въ несчастіи—воспоминаніе, что среди общей гибели честь арміи осталась незапятнанною.

Говорю откровенно, что если бы я нашелъ факты, позорящіе французскую армію 1815 года, я тщательно указалъ бы на нихъ и строго осудилъ.

Повтореніе зла сдерживается не тѣмъ, что угодливою ложью мы заслонимъ выказанную слабость и дурное поведеніе, но тѣмъ, что мы будемъ указывать на зло и клеймить его. Мнѣ нечего было прибѣгать къ этому—оставаясь вполне правдивымъ, я всюду могу выставить мужество, неустрашимость, геройство нашихъ солдатъ; даже передавая про страшный разгромъ арміи, я по совѣсти отвесъ всю отвѣтственность къ Наполеону, который съ рѣдкою непредусмотрительностью истощилъ въ неравной борьбѣ силы арміи, не хотѣлъ видѣть, что мы будемъ раздавлены численнымъ превосходствомъ и добивался невозможнаго. Всѣ мои мнѣнія по этому поводу можно резюмировать одною, уже высказанною мною, фразою: „поведеніе войска въ этотъ роковой день было выше всякой похвалы“.

Кажется этихъ словъ достаточно для опроверженія взведенной на меня клеветы.

Коснувшись оскорбленій направленныхъ противъ меня и нападокъ на мою книгу (она запрещена во Франціи секретнымъ указомъ) прибавлю, что послѣднее изданіе разнится отъ предшествовавшихъ тѣмъ, что снабжено множествомъ большею частью довольно пространныхъ приложеній.

Самыя короткія изъ нихъ находятся въ текстѣ; другія же помѣщены въ концѣ, въ приложеніяхъ—всѣ онѣ имѣютъ цѣлю опровергнуть рассказы и доводы Тьера въ его „Исторіи консульства и имперіи“. Г. Тьеръ хотѣлъ представить во время ста дней Наполеона такимъ, какимъ самъ Наполеонъ изобразилъ себя на островѣ св. Елены—человѣкомъ, оставившимъ прежнія заблужденія и искренно преданнымъ либеральнымъ началамъ; человѣкомъ, который, не теряя времени со всею откровенностью, открываетъ Франціи весь кризисъ ея положенія, наставшій для нея послѣ возвращенія съ острова Эльбы; который быстрыми, рѣшительными, дѣятельными мѣрами неутомимо prepares народные элементы къ отпору: у Тьера онъ также рѣшительный, дѣятельный и неутомимъ въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ, но отъ промаховъ своихъ помощниковъ ошибается въ расчетахъ и гибнетъ.

Въ своей книгѣ я показатъ какъ духъ партіи, вѣтреность

и незнаніе создали ложный образъ Наполеона, какъ блекнетъ этотъ образъ передъ свѣтомъ officialныхъ документовъ и фактами; но я не убѣдилъ г. Тьера — что и слѣдовало ожидать.

Г. Тьеръ нѣкогда былъ первымъ министромъ Іюльской монархіи, пока еще не посвятилъ своихъ досуговъ составленію исторіи консульства и имперіи. Занимая это высокое мѣсто онъ пробудилъ поклоненіе памяти героя 18 Брюмера и развилъ его легальнымъ путемъ до такой степени, что личность деспота, демона контръ-революціи, 15 лѣтъ олицетворявшаго въ себѣ духъ завоеваній, облеклась въ самый блестящій апотеозъ. Такимъ образомъ дѣйствія министра заранѣе убили въ будущемъ писателѣ, нужную для безпристрастной оцѣнки жизни Наполеона, свободу мнѣнія. Поклонявшись ему сперва какъ полубогу, странно было низвести его на степень обыкновеннаго смертнаго. Необузданный восторгъ, увлекшій большую часть французовъ, при замогильномъ триумфѣ Наполеона, спуталъ историческую критику и поколебалъ ея здравыя начала.

Мы видѣли какъ историкъ консульства и имперіи оправдывалъ всѣ попытки Наполеона къ достиженію верховной власти; восхвалялъ подавленіе личной, мѣстной и общей свободы; нравственный гнетъ, заключеніе конкордата, возрожденіе формъ, злоупотребленій и самыхъ грубѣйшихъ пороковъ прежняго порядка, разрушеннаго революціею. Мы видѣли съ какимъ трудомъ старался онъ придумать смягчающія обстоятельства для оправданія преступленій; какъ удивлялся разрушительному побѣдоносному потоку, который разлился отъ нашихъ границъ по цѣлому континенту. Въ его глазахъ геніяльно задуманная кампанія, умно данная битва были абсолютными аргументами, передъ которыми долженъ былъ замолкнуть голосъ совѣсти. Пушечный гулъ покрывалъ вопли народовъ поработенныхъ, ограбленныхъ, замученныхъ: пороховой дымъ застилалъ передъ нимъ все... Тьеръ не могъ отличить правды отъ насилія и воображалъ Францію на верху блаженства!

Уже 12 лѣтъ работалъ онъ надъ жизнью Наполеона, какъ роковое событіе вдругъ выказало консульскую и императорскую узурпацію въ ея настоящемъ свѣтѣ. Насилія настоящаго объяснили тиранію прошлаго. Заподозрили энтузіязмъ г. Тьера къ Наполеону. Самъ авторъ не могъ оставаться совершенно безучастнымъ къ великому уроку; пониманіе массы передалось отчасти и его разуму.

Тьеръ переходилъ въ то время къ описанію послѣднихъ годовъ имперіи. Минута была самая удобная, чтобы нѣсколько сдержаться въ своемъ восхваленіи. Сначала, среди похвалъ, начали появляться рѣдкія замѣчанія, онѣ мало по малу перешли въ обвиненія, приняли болѣе строгой оттѣнокъ въ разборѣ политики, губившей насъ по-напрасну и истощавшей наши финансы въ Испаніи, устлавшей поля Россіи гибнущими остатками французовъ, и не оставлявшей кровавой галлюцинаціи всемірнаго владычества даже послѣ битвъ при Люценѣ и Бауценѣ, вслѣдствіе чего она привела непріятеля къ столицѣ Франціи. Наконецъ Тьеръ рѣшился высказать, что его герой кончилъ тѣмъ „что сталъ сѣумашедшимъ“

Непослѣдовательность выводовъ Тьера тутъ-то и бьетъ въ глаза. Политика 1812 и 1813 годовъ была лишь логическимъ заключеніемъ и вѣрнымъ продолженіемъ политики 1808 и 1810 годовъ; та въ свою очередь естественно вытекала изъ системы дѣйствій, которой держалось консульство. Боготворя императорскую политику среди триумфовъ, осуждая ее среди несчастій, г. Тьеръ рѣшился отстоять славу полководца, и провести ее безупречною среди хаоса своихъ разрушенныхъ апологій. Въ бѣглецѣ изъ Россіи онъ думалъ видѣть вождя италіянскихъ войнъ и въ генералѣ, побѣжденномъ подъ Лейпцигомъ, Аустерлицкаго побѣдителя. Особенно отстаиваетъ онъ свой принципъ при описаніи разгрома 1815 года. Чѣмъ замѣтнѣе блекнетъ военный геній Наполеона, тѣмъ болѣе Тьеръ его возвышаетъ и доходитъ до настоящаго бреда. Передъ нимъ носится Наполеонъ въ томъ ореолѣ, въ какой облекли его декреты Тьера, и историкъ старается оправдать ихъ хоть тѣмъ, что придаетъ своему герою военную непогрѣзительность.

Для объясненія гибели, постигшей наше оружіе, авторъ вмѣшиваешь и Бога и людей — ссылаясь то на судьбу, то на провидѣніе — въ тоже время онъ клеймитъ почти всѣхъ Наполеоновскихъ генераловъ. По его увѣренію одинъ Наполеонъ поступаетъ безошибочно.

Опровергая разсказъ, продиктованный Наполеономъ на о. св. Елены, его доводы и доводы его самыхъ ловкихъ поклонниковъ, я показалъ, что смѣшно искать сверхъестественныхъ причинъ въ простомъ земномъ событіи; я доказалъ что всѣ обвиненія, взведенныя на Нея, Груши и многихъ другихъ, невѣрны и не выдерживаютъ критики — и виновные всѣхъ въ роковомъ исходѣ вождь французской арміи.

Г. Тьеръ или обходилъ мои доводы, или измѣнялъ, ихъ и опровергалъ, то въ разсказѣ, то въ пространнѣхъ примѣчаніяхъ.

Не думаю чтобы онъ могъ ими хоть сколько нибудь убѣдить читателя маломальски знакомаго съ военнымъ дѣломъ; но его сочиненіе имѣетъ такой многочисленный и разнообразный кругъ читателей, что я счелъ полезнымъ разобрать положенія Тьера и доказать, что онѣ, подобно источнику ихъ — разсказамъ на о. св. Елены, не выдерживаютъ ни малѣйшаго анализа, на основаніи фактическихъ данныхъ, официальныхъ документовъ и началъ военной науки. Вслѣдствіе сего и явились новыя приложенія къ настоящему изданію войны 1815 г., о чемъ я уже говорилъ въ началѣ предисловія. Я желалъ бы ихъ сократить и отбросить мелочи, но иначе и не убѣдишь общества. Нѣсколькихъ строкъ, даже словъ, довольно чтобы исказить фактъ и провести ложную идею — на оборотъ часто нужно написать много и много страницъ, чтобы доказать невѣрность факта, ложность идеи.

Я опровергъ еще тѣ доводы Тьера, гдѣ онъ основывался на выдумкахъ и панегирикахъ съ о. св. Елены, настоящее значеніе коихъ я уже опредѣлилъ, напр. гдѣ онъ повторяетъ про дѣятельность Наполеона при вооруженіи Франціи и его прямоту, когда онъ немедленно объявилъ о грозившемъ кризисѣ. Я привелъ выписки изъ подлинныхъ официальныхъ

данныхъ, оставленныхъ безъ вниманія г. Тьеромъ, на которыя сперва лишь ссылался.

Я думалъ было снабдить всѣ мои указанія выписками; но увидалъ, что это заведетъ слишкомъ далеко. Наконецъ я такъ все передалъ, разъяснилъ съ такою опредѣленностью, что только слѣдное упорство партіи можетъ раздѣлять заблужденія г. Тьера.

Базель, 15 августа 1863.

ГЛАВА I.

8-го марта въ Вѣнѣ узнали о высадкѣ Наполеона въ Жуанской бухтѣ. Не теряя времени, конгрессъ 13 числа подписалъ и обнародовалъ свою знаменитую декларацію, поставивъ Бѣглеца съ о. Эльбы внѣ международнаго права и предавъ его общественному мщенію. 25-го Великобританія, Россія, Пруссія и Австрія обязались употребить всѣ усилія противъ Франціи; или, выражаясь языкомъ ихъ уполномоченныхъ: лишить Бонапарте возможности возбуждать безпорядки и возобновлять попытки къ владычеству надъ Франціею.

Одною изъ договорныхъ статей, всѣ европейскія государства приглашались къ союзу; и всѣ откликнулись на призывъ. Только Швеція и Португалія отказались выставить свои контингенты.

Бернадотъ получилъ Норвегію, но мечтая о французской коронѣ, онъ удалился недовольный, когда мечта его разсѣялась.

Португалія, истощенная долгою борьбою противъ Наполеонскаго господства, нуждалась въ отдыхѣ.

Испанія на большемъ протяженіи прилегала къ Франціи, но по своему положенію была изолирована отъ театра главныхъ военныхъ дѣйствій; и до такой степени обезсилена, что даже не была способна и для простой диверсіи.

Изгнаннаго короля Людовика XVIII пригласили приступить къ конвенціи, такъ что онъ сталъ тоже договаривающею стороною.

Четыре великія державы порѣшили сообща выставить каждая minimum 150 т. человѣкъ „въ томъ числѣ не менѣе $\frac{1}{10}$

кавалеріи съ потребнымъ количествомъ артиллеріи, не включая въ общую цифру войскъ, оставленныхъ гарнизонами по крѣпостямъ“. Въ послѣдствіи, по позднѣйшему договору, Англіи предоставили право или выставить весь опредѣленный контингентъ или же недостающее число людей и лошадей замѣнить деньгами, при чемъ каждый пѣхотинецъ и всадникъ были оцѣнены въ извѣстную сумму. Послѣ Парижскаго мира иностранныя государства начали постепенно уменьшать свою армию, но не успѣли довести ее до мирнаго состава, не кончивъ между собою передѣлку европейской карты и тасовку различныхъ народностей.

Спорные вопросы, а еще болѣе вопросы порѣшенные, возбудили взаимное недовѣріе, зависть, неудовольствія и раздраженіе.

Событія разрѣшались такимъ образомъ, что дѣлежъ побѣдной добычи велъ видимо къ войнѣ между побѣдителями. Подобная война, даже при Бурбонахъ, была бы счастливымъ шансомъ для Франціи.

Попытка Наполеона разомъ отвратила возможность войны. Въ виду общей опасности, точно волшебствомъ, согласіе возобновилось между союзниками.

Александръ, Фридрихъ-Вильгельмъ и большая часть государей находились въ Вѣнѣ. Во всѣ стороны тотчасъ же послали приказъ привести войска на военное положеніе и усилить ихъ до возможной степени.

Вслѣдствіе разногласій на конгрессѣ, Франція могла выдти изъ своего ужаснаго положенія, до котораго довело ее императорское правительство; но союзники, въ виду возникшихъ затрудненій, оставили значительную вооруженную силу; такъ что вмѣшательство Наполеона, послѣдній благопріятный для насъ шансъ, обратило не въ нашу пользу. Англія, начавъ войну съ Сѣверо-Американскими Штатами, отправила въ Америку много войскъ. Но вслѣдствіе мирнаго трактата, заключеннаго въ Гентѣ и ратификованнаго въ послѣднихъ числахъ февраля, они освободились оттуда. Въ Америку отравили приказаніе тотчасъ же амбаркировать войска на суда и везти ихъ въ британскіе порты. 5 апрѣля прибылъ въ Брюссель изъ

Вѣны Веллингтонъ. Въ Антверпенѣ и Остенде начали безпре-
станно выгружаться суда съ людьми, лошадьми, боевыми при-
пасами и продовольствіемъ.

Вильгельмъ Оранскій, поддержавшій родовую славу смѣлымъ
захватомъ Голландіи и Бельгіи, и добывшій себѣ этимъ ко-
рону, былъ признанъ союзниками въ новомъ достоинствѣ.
Онъ тотчасъ же вступилъ въ обладаніе пріобрѣтенными обла-
стями и ретиво принялся за организацію арміи и приведеніе
ея на военное положеніе.

Ньюпортъ, Остенде и Антверпенъ были вооружены и снаб-
жены продовольствіемъ; остальные бельгійскія крѣпости, или
совершенно скрытыя, или не ремонтируемыя въ продолженіе
25-ти лѣтъ, были обезпечены на всякій случай отъ открытой
эскалады. Шлюзы, устроенные для затопленія Фландріи, были
прикрыты ретраншаментами; для послѣдней цѣли было собрано
до 20 т. рабочихъ, такъ что работа кипѣла.

Первый ударъ, по всей вѣроятности, долженъ былъ раз-
заться надъ королевемъ нидерландскимъ Вильгельмомъ.

Русскіе корпуса, возвращавшіеся въ отечество, повернули
назадъ. 5 апрѣля Александръ явился среди войскъ, оста-
вавшихся на Вислѣ и Нѣманѣ, и, въ приказѣ по арміи, пол-
номъ ненависти къ „этому бичу рода человѣческаго“ — На-
полеону, объявилъ, что становится въ главѣ своей арміи.
Сдѣлавъ необходимыя распоряженія, онъ направилъ свои вой-
ска къ Рейну.

Спустя два дня послѣ Александровскаго воззванія, Фрид-
рихъ-Вильгельмъ обратился къ своей арміи въ такихъ же рѣз-
кихъ выраженіяхъ, съ прибавленіемъ различныхъ оскорбленій
французскимъ солдатамъ. Прусскій король обнародовалъ по-
головное ополченіе въ своихъ областяхъ.

Дѣйствующая армія должна была укомплектоваться въ са-
мый короткій срокъ; кромѣ того приступили къ созванію
ландвера и формированію отрядовъ вольныхъ стрѣлковъ.

Австрійскій императоръ, неожиданно атакованный Мюра-
томъ, выказалъ не менѣе энергіи. вмѣстѣ съ образованіемъ
арміи въ Италіи, для наказанія заносчиваго короля-авантю-

риста, были выставлены два сильных корпуса, назначенные идти на Рейнъ.

Повсюду народъ затаилъ свое неудовольствіе на властителей, которые обѣщали конституцію и либеральныя учрежденія, но цѣлый годъ не исполняли свои обѣщанія.

Военный кличъ раздался по всѣмъ государствамъ германскаго союза, контингенты росли съ быстротою.

Арсеналы были переполнены, большая часть солдатъ, дравшихся за независимость Германіи, оставалась еще подъ знаменами; меньшая часть была только что ропущена, Сень-Джемскій кабинетъ обѣщаль богатыя субсидіи, недавнія побѣды заставили забыть про былые разгромы, и все было ничемъ для возбужденнаго патріотизма. Энтузіазмъ охватилъ всю Германію подобно тому какъ въ годину 1813 года.

Пастырскій амвонъ и профессорская кафедра опять превратились въ трибуны; съ нихъ немолчно раздавался призывъ къ оружію для спасенія отечества. Профессора мѣняли ученую тогу на мундиръ; студенты становились подъ ружье. Пѣсни народныхъ поэтовъ Германіи Арндта и Кернера раздались по городамъ и деревнямъ.

Журнальныя статьи, памфлеты, воззванія появились въ изобиліи; они старались растравить воспоминаніе о недавнихъ обидахъ, пролитой крови и отнятомъ имуществѣ; они поджигали народную ненависть, которая, въ сожалѣнію, безразлично проклинала и грозила Наполеону и Франціи.

Поборы съ Берлина и Гамбурга, безконечныя реквизиціи, наборъ за наборомъ, гибнущія въ войнѣ поколѣнія, произволъ въ континентальной системѣ, часто нарушаемой по побережьямъ Наполеономъ въ свою пользу, насильственное присоединеніе къ Франціи среди мира Рима, Голландіи, Ольденбурга и ганзейскихъ городовъ; нарушенія нейтралитетовъ; венсенское убійство, байоннская ловушка, вторженіе въ Испанію, раздача народовъ въ удѣлы братьямъ, сестрамъ и генераламъ Наполеона; наконецъ бѣдствія, неразлучныя со всякой войной — вотъ причины, вызывавшія націи къ борьбѣ противъ того, кто когда-то думалъ управлять Европою, и до сихъ

поръ еще не оставилъ этой идеи; и противъ его воображаемаго соучастника во всемъ этомъ—народа французскаго.

Подобной солидарности между Наполеономъ и Франціею никогда не существовало.

Наполеонъ суровыми законами обратилъ французовъ въ орудіе своихъ завоевательныхъ цѣлей подобно прочимъ народамъ; но онъ, начиная безмысленныя войны и совершая преступныя насилія, никогда не спрашивалъ согласія народа и даже не рѣшился бы спросить его. Наполеонъ подавилъ трибунатъ, свободу и серьезное представительство націи, царствуя деспотомъ безъ контроля, безъ ограниченій....

Но любовь къ отечеству и пробудившаяся ненависть къ тираніи, въ виду неизбежной опасности отъ нея, не дѣлаютъ подобныхъ различій. Франція и Наполеонъ проклинались безраздѣльно.

Еще разъ тяжелою цѣною пришлось Франціи искупить свою слабость, когда ввѣрjala она судьбу народную капризной волѣ повелителя своего и надѣялась на его счастье. Европа изгнала ее изъ своей среды....

Британскіе писатели и наиболѣе серьезные и безпристрастные ораторы тщетно старались выставить виновникомъ минувшихъ золъ одного Наполеона; и совѣтывали, не начиная войны, подождать и убѣдиться сперва: не исправило ли несчастье Наполеона отъ страсти къ завоеваніямъ; и не сдержитъ ли его воли Франція, строго опредѣливъ объемъ вручаемой ему власти. Эти голоса безсильно раздавались въ Англіи, и были заглушены ревомъ патріотической бури, которая неслась изъ Германіи.

Наполеонъ въ такой степени слилъ свое царствованіе съ войною, завоеваніями и тираніею, что и народы и цари не представляли себѣ возвращенія его къ власти, безъ возвращенія всѣхъ этихъ золъ. Они торопились нападеніемъ, пока ихъ врагъ не собрался еще съ силами.

Германскій союзный протоколъ, явившійся въ началѣ іюня 1815 года, далъ новый и сильный толчокъ народному возбужденію, общаго самоуправленія и представительнаго учреж-

денія для каждаго отдѣльнаго государства. Распредѣленіе союзныхъ силъ въ это время было таково.

Въ Бельгіи 100 т. англичанъ, нидерландскихъ войскъ, ганноверцевъ, брауншвейгцевъ и нассаусцевъ подъ начальствомъ фельдмаршала герцога Веллингтона, и 120 т. пруссаковъ съ фельдмаршаломъ княземъ Блюхеромъ.

Въ Люксамбургскомъ герцогствѣ генераль-лейтенантъ Клейстъ съ 25-ю т. корпусомъ контингентовъ сѣверныхъ нѣмецкихъ владѣтелей.

Фельдмаршалъ Барклай-де-Толли съ 170 т. русскою арміею шель къ Майнцу, Оппенгейму и Мангейму.

По Рейну отъ Шафгаузена до Мангейма находился фельдмаршалъ князь Шварценбергъ съ австрійскими, баварскими, виртембергскими, баденскими, саксонскими войсками и контингентами разныхъ германскихъ принцевъ, имѣя всего до 255 т. войскъ.

По швейцарской границѣ кантоны, на случай нарушенія нейтралитета Швейцаріи, выставили 35 т. ополченія; но нейтралитетъ этотъ былъ направленъ только противъ Наполеона, и ополченіе, въ случаѣ нужды, назначалось дѣйствовать за-одно съ союзниками.

Въ Валлисѣ и Савоіи генераль Фримонъ съ 60-ю т. австрійцевъ и сардинцевъ.

Генераль д'Озаско съ 10-ю т. сардинцевъ занималъ линію по р. Вару. Вся эта масса составляла 775 т. человѣкъ, не считая гарнизоновъ; а за нею организовались и частью подвигались резервы въ числѣ до 300 т. человѣкъ.

Слишкомъ миллионъ солдатъ грозилъ границамъ Франціи, отъ береговъ Сѣвернаго моря до водъ Средиземнаго.

Чтобы находиться ближе къ театру военныхъ дѣйствій, императоры: русскій, австрійскій и король прусскій прибыли въ Гейдельбергъ.

Союзники рѣшились дѣйствовать сосредоточенными силами, поддерживая другъ друга; и выжидали только, когда русская армія покажется у Кайзерслаутерна и когда прибѣдетъ Шварценбергъ, чтобы начать военныя дѣйствія. Русскіе должны

были прибыть туда ранѣе перваго числа іюля мѣсяца. Союзники предполагали начать кампанію 1 іюля.

Союзники, наученные опытомъ послѣднихъ двухъ столь гибельныхъ для насъ кампаній, начертали планъ военныхъ дѣйствій, сущность коего мы передадимъ въ общихъ чертахъ.

Шварценбергъ наступаетъ одновременно двумя массами: лѣвая слѣдуетъ на Базель и Рейнфельденъ, правая на Гермергеймъ и Мангеймъ, сохраняя связь съ русскими. Перейдя Вогезы и рѣку Сааръ, на пути онъ блокируетъ или забираетъ слабыя крѣпости; и, прикрывая Эльзасъ, обложивъ Бельфоръ и Страсбургъ, направляется къ С. Дизье и Шалону-на-Марнѣ.

Русскіе, перейдя рѣку Сааръ ниже австрійцевъ, рѣку Мозель между Тіонвилемъ и Мецомъ и рѣку Маасъ у Вердюна, двигаются къ Реймсу и Шалону-на-Марнѣ, захватывая или блокируя попутныя крѣпости.

Корпусъ Клейста, наступая на Седанъ, назначался прорвать линію крѣпостей, лежащихъ по рѣкѣ Маасу, и для наблюденія и осады оныхъ.

Блюхеръ и Веллингтонъ начинаютъ кампанію, соображаясь съ успѣхами войскъ русскихъ и Шварценберга, наступая на Мобежъ и Авенъ къ Лаону.

Предметомъ дѣйствій для всѣхъ этихъ армій служилъ Парижъ.

Огромная дуга, развернутая отъ Остенде до Базеля, должна была постепенно сжимать и сомкнуть столицу Франціи желѣзнымъ кругомъ.

Союзники, помня послѣднюю кампанію во Франціи, положили избѣгать битвы тамъ, гдѣ придется имѣть дѣло съ Наполеономъ, пока не будутъ имѣть противъ него превосходныхъ силъ.

Предметомъ дѣйствій для австро-сардинской арміи, расположенной въ Валлисѣ и Савойи, служилъ Ліонъ. Овладевъ этимъ важнымъ городомъ, союзники должны были двинуться по рѣкѣ Саонъ на соединеніе съ лѣвымъ крыломъ Шварценберга.

Таковъ былъ планъ союзниковъ.

ГЛАВА II.

Нападки прессы, угрозы и безразсудныя притязанія роялистовъ, прежнихъ эмигрантовъ и католическаго духовенства усилили значеніе правительственныхъ ошибокъ Людовика XVIII, и сконцентрировали всѣ революціонные элементы, для низверженія только что возстановленнаго трона.

Вдругъ Наполеонъ отплылъ съ 1,000 человѣками съ острова Эльбы и смѣло высадился на берегъ у Фрежюса (Frejus).

По словамъ современниковъ революція была близка и неизбежна; но она не имѣла въ виду возстановить павшаго императора. Во многихъ департаментахъ народъ напрасно боялся возвращенія десятины, ценса и прочихъ феодальныхъ прерогативъ въ пользу прежней аристократіи, а землевладѣльцы, обобранные въ революцію, упорно требовали своихъ имѣній: такъ что милліоны скупщиковъ національныхъ имуществъ со страхомъ видѣли, какъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе падаетъ цѣнность этихъ имуществъ.

Возвращеніе Наполеона въ Тюльери положило конецъ тревогѣ.

Франція была истощена войнами. Она хотѣла мира, чтобы собраться съ силами и оживить торговлю и промышленность. Идеи о неравенствѣ сословій и главенствѣ аристократіи, снова проповѣдывавшіяся во всеуслышаніе, были ей противны. Она стремилась къ осуществленію принциповъ первой революціи, и сознавала, что ей нужна свобода. Фальшиво понятая королевская хартія, хотя была коварно перетолкована, но тѣмъ не менѣе представляла больше задатковъ свободы, чѣмъ пора-

божающій періодъ императорскаго правленія. Но народъ не былъ удовлетворенъ хартією.

Отъ правленія Наполеона нечего было ждать ни мира, ни равенства, ни свободы.

Вслѣдствіе этого въ революціонныхъ замыслахъ имя его оставалось въ сторонѣ.

Зорко слѣдилъ Наполеонъ съ своего острова за волненіемъ умовъ. Закинутый въ изгнаніе измѣнчивымъ счастіемъ и думая, что ему грозитъ перевозка на какой нибудь болѣе отдаленный пунктъ, онъ рѣшился предупредить замыслы Бурбоновъ, и, воспользовавшись общимъ неудовольствіемъ, выставить волновавшія край идеи за собственный лозунгъ.

Ступивъ на землю Франціи, на первыхъ порахъ онъ казался человѣкомъ, котораго несчастіе научило, а изгнаніе заставило одуматься.

Въ его прокламаціяхъ и рѣчахъ выражалось желаніе сохранить миръ и высказывалось почтеніе передъ демократією и свободою. Метаморфоза была полная.

Массы довѣрчивы и легко ошибаются. Онъ вдалился въ обманъ новымъ тономъ императорскихъ рѣчей; онъ повѣрили въ возможность мира при Наполеонѣ и въ перерожденіе деспота, возстановившаго родовую знать. Народъ проложилъ Наполеону путь къ Тюльери, за-одно съ армією, привѣтствовавшею своего стараго вождя.

Мѣстами народъ не сочувствовалъ общему увлеченію; но большая часть французскаго населенія увлеклась. Однако иллюзіи, хитро и искусно пущенныя Наполеономъ, скоро разсѣялись, и тогда выяснилась вся нелѣпость полу-военнаго, полународнаго возмущенія, цѣль коего была возвратить престолъ человѣку ненавидимому на-смерть народами и царями.

Одно имя Наполеона, какъ воплощеніе неразборчивой и упорной контръ-революціи, было уже вызовомъ Европѣ. Едва занявъ, покинутый Бурбонами, престолъ, онъ тотчасъ ввелъ придворную пышность и этикетъ. Бывшіе агенты 15 лѣтняго императорскаго деспотизма, стали министрами; исключеніе составлялъ Карно, но и тотъ, получивъ графское достоинство

и наследственное перство официально отрекся отъ прежнихъ принциповъ ¹⁾). Наполеонъ призвалъ или оставилъ на мѣстахъ чиновниковъ имперіи; вся его родня бросилась на захватъ власти, почестей и богатства. О равенствѣ не было и помину; свобода стала риторическою фигурою пустыхъ спичей.

Народный энтузізмъ началъ гаснуть и угасъ совершенно, когда явился дополнительный актъ къ конституціи, издѣліе тайныхъ Тюльерійскихъ совѣщаній, завершавшій новое государственное устройство.

Вѣра въ сохраненіе мира, благодаря всевозможнымъ усиліямъ, длилась дольше.

Наполеонъ съ непоколебимою увѣренностью отвергалъ, искажалъ и украшалъ всѣ извѣстія и всѣ факты, знаменовавшіе неизбежность войны.

Сначала онъ занялъ довѣрчивый народъ слухомъ о возвращеніи Маріи-Луизы. Побѣда привлекла эту женщину на Наполеоновское ложе; но потомъ она съ улыбкою на лицѣ, съ радостью въ сердцѣ бросила изнемогшую Францію, чтобы увлечься гласною и преступною связью. По слухамъ, она должна была возвратиться съ сыномъ во Францію и присутствовать на Майскомъ собраніи, въ ознаменованіе союза съ Австрією, кинувшею Наполеона послѣ гибельнаго зимняго похода въ Россіи ²⁾).

¹⁾ «Республиканцы, наученные опытомъ, изъ благодарности привязаны къ монарху, который ихъ избавилъ и стали самыми ревностными его защитниками». (Отчетъ о положеніи внутреннихъ дѣлъ, прочтенный 13 іюня Карно въ палатахъ).

²⁾ «Избирательныя коллегіи имперіи соберутся въ Парижѣ въ будущемъ мѣсяцѣ на чрезвычайное собраніе на Майскомъ полѣ, чтобы присутствовать при коронованіи императрицы, нашей возлюбленной супруги и возлюбленного сына.» (Ст. III императорскаго декрета въ Ліонѣ отъ 13 марта, напечатаннаго въ «Монитерѣ» отъ 21 марта).

«На новой федераціи императоръ представитъ народу августѣйшую супругу и своего сына, надежду и будущаго властителя націи. Согласно стариннаго, дорогаго намъ обычая, они будутъ коронованы на Майскомъ полѣ и займутъ мѣсто на тронѣ подлѣ великаго Наполеона» (инструкція Карно префектамъ относительно Майскаго собранія).

Декларация 13 марта, распространенная по департаментам въ одно время съ извѣстіемъ о возвращеніи Наполеона въ Тюльери, опровергала всѣ увѣренія императора. Министру полиціи и государственному совѣту приказано выставить эту декларацию какъ фальшивый актъ, поддѣланный посланниками Людовика XVIII на Вѣнскомъ конгрессѣ, дерзнувшими выдать ее будто бы отъ имени всѣхъ иностранныхъ министровъ ³⁾. Наполеонъ поддерживалъ эту ложь даже между самыми довѣренными лицами. Чрезвычайные комиссары, отправленные въ

---

³⁾ Докладъ Фуше, прочитанный 29 марта въ совѣтѣ министровъ и докладъ комиссіи статсъ-секретарей государственнаго совѣта, коимъ было поручено разсмотрѣть декларацию 13 марта. Оба доклада выѣстъ съ самою декларациею были опубликованы въ «Монитерѣ» отъ 13 апрѣля: въ обоихъ сказано, что декларация сочинена французскими уполномоченными на вѣнскомъ конгрессѣ.

Фуше такъ заканчиваетъ: «доказано, что этотъ документъ не могъ быть подписанъ уполномоченными Австріи, Россіи и Англіи; онъ изданъ посольствомъ графа Липьскаго (Людовикъ XVIII) въ Вѣнѣ: къ своему прежнему преступленію — вызову на убійство, это посольство прибавило новое, подписавшись подъ руку уполномоченныхъ на конгрессѣ.

Докладъ комиссіи составленъ также въ утвердительномъ тонѣ: «Мы скажемъ съ министромъ полиціи, что декларация выдумана французскими уполномоченными; министры Россіи, Австріи, Пруссіи и Англіи не могли подписать акта, отъ котораго посѣтѣнно отрекутся ихъ правительства... Только французское посольство, думая остановить движеніе Наполеона и застрашать народъ французскій относительно настоящихъ намѣреній иностранныхъ державъ, могло рѣшиться на поддѣлку ложной декларации 13 марта... но запальчивому, насильственному, безсовѣстному тону ея видна рука представителей Бурбона и участниковъ ордонанса 6 марта, которыхъ Наполеонъ былъ объявленъ внѣ закона.»

Приведенныя выписки не оставляютъ никакого недоразумѣнія; однако г. Тьеръ въ 19 томѣ «Histoire du Consulat et de l'Empire», желая показать всю откровенность Наполеона, съ какою была передана Франціи опасность ея положенія, говоритъ: «Наполеонъ началъ съ того, что официально объявилъ о существованіи деклараций 13 марта и собралъ затѣмъ засѣданіе совѣта. Совѣтъ, подтвердивъ подлинность деклараций, дѣйствительно изданной по приказанію государей, участвовавшихъ на конгрессѣ, объявилъ, что она нарушаетъ право и проч.»

Довольно привести текстъ и объясненія Тьера, чтобы видѣть, какъ понимается онъ смыслъ самыхъ важныхъ документовъ.

провинціи, ⁴⁾ и министр внутренних дѣлъ Карно официальнымъ циркулиромъ возвѣщали скорое прибытіе императрицы съ сыномъ.

Курьеры, посланные Тюльрійскимъ кабинетомъ, были остановлены на границахъ Германіи и Италіи; въ Лондонъ они пробрались только съ помощью жалкой уловки. Вездѣ говорили, что Франція блокирована. По приказанію Наполеона, въ опроверженіе всякихъ опасеній, распустили слухъ, что это случай или недоразумѣніе, которое вѣроятно скоро объяснится; увѣряли что переговоры начинаются, и въ „Монитерѣ“ появилось письмо императора къ государямъ, смахивавшее на идиллію, гдѣ онъ приглашалъ ихъ спокойно наслаждаться благами мира.

Существованіе союзной конвенціи, бывшей прямымъ послѣдствіемъ деклараціи 13 марта, также отвергалось.

Наконецъ, когда сквозь эти штуки общественное мнѣніе начинало прозрѣвать истину, императоръ старался увлечь его новыми иллюзіями.

Въ „Монитерѣ“ явился длинный докладъ министра иностранныхъ дѣлъ. Говоря чрезъ своего министра, Наполеонъ призналъ существованіе деклараціи, арестъ своихъ курьеровъ; призналъ возможность заключенія договора 25 марта, подтверждавшаго Шомонскія условія; подтвердилъ, что въ разныхъ концахъ Европы производились вооруженія и войска начинали двигаться: но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увѣрялъ, что цѣль всего этого только оборонительная ⁵⁾; и, чтобы ослабить впечатленіе запоздалыхъ и вынужденныхъ признаній, приказалъ министрамъ полиціи, финансовъ и юстиціи адресовать цирку-

---

⁴⁾ Маршалъ Ней такъ рассказываетъ данное ему порученіе въ сѣверной и восточной части Франціи:

«Я получилъ инструкціи съ нарочнымъ, объявить вездѣ, что императоръ условился на островѣ Эльбѣ съ Англіею и Австріею о мирѣ, что Марія-Луиза съ Римскимъ королемъ остается заложницею въ Вѣнѣ, пока Франція не получитъ либеральную конституцію и не выполнитъ принятыхъ обязательствъ, послѣ чего императрица съ сыномъ прибудетъ въ Парижъ».

⁵⁾ «Moniteur» du 14 avril.

ляръ къ своимъ низшимъ агентамъ, которые непосредственно сносились съ народными массами, о томъ, что вѣроятно Франціи не придется воевать за независимость, потому что иностранныя правительства навѣрное преклонятся предъ волею провидѣнія, возвратившаго тронъ Наполеону ⁶⁾. Продолжая печальную комедію Наполеонъ увѣрялъ публично, что не знаетъ непріятелей Франціи ⁷⁾.

Наконецъ „Мониторъ“ опредѣлялъ силу союзныхъ армій въ 400 т. человѣкъ, увѣряя что въ томъ числѣ до 100 т. баденцевъ, виртембергцевъ, бельгійцевъ, голландцевъ, саксонцевъ и баварцевъ готово разбѣжаться.

Малѣйшія благопріятныя обстоятельства выставлялись съ умѣньемъ, стараніемъ, энергіею.

Въ англійскомъ парламентѣ оппозиціонное меньшинство возставало противъ Вѣнскаго конгресса; и, опираясь на печать, на манифестаціи и петиціи безсильныхъ митинговъ, требовало отъ министерства сохраненія мира, тогда какъ то готовилось къ войнѣ. Наполеонъ приказалъ полу-офиціальнымъ журналамъ преувеличивать значеніе этой оппозиціи: она росла на журнальных страницахъ со дня на день, становилась большинствомъ, пробиралась въ кабинетъ и вдругъ обезсиливала коалицію, отказавъ ей въ субсидіяхъ, обѣщанныхъ лордами Ливерпулемъ и Кастльре.

Правительство старалось обратить вниманіе общества на

---

⁶⁾ Циркуляры отъ 10, 13 и 14 апрѣля: «Первыя мѣры, принятыя иностранными державами среди первой тревоги и неизвѣстности будущаго, будутъ безъ послѣдствій и останутся безсущными, когда Европа узнаетъ, что Бурбоны могутъ разсчитывать лишь на гостепріимство....» (Циркуляръ Фуше, отъ 13 апрѣля).

«Провидѣнію было угодно, для исполненія своихъ начертаній, чтобы тронъ Наполеона поднялся точно волшебствомъ. Надо думать, что воля эта будетъ принята союзниками и Франціи не придется отстаивать свою независимость». (Циркуляръ Годена, отъ 14 апрѣля).

⁷⁾ Молебень на нашихъ границахъ покажетъ иностранцамъ, что наши междоусобія кончены... говорю «иностранцамъ», потому что не знаю непріятелей Франціи. (Рѣчь Наполеона, сказанная 16 апрѣля Парижской національной гвардіи и напечатанная въ «Мониторѣ» отъ 17 апрѣля).

карту Европы, разъяснить ему неизбежныя причины разрыва между союзниками за раздробленныя территоріи, и толковать ему, что союзники скорѣе начнутъ войну между собою чѣмъ двинутся на Францію. По приказанію Наполеона повсюду твердили объ угнетенныхъ народностяхъ, готовыхъ возстать, свергнуть иго своихъ правителей и разсѣять арміи Пруссіи, Австріи и Германскаго союза. По слухамъ, изъ-за Рейна, Альповъ и Пиринеевъ народы обращались къ освободителю, который въ свое долгое царствованіе лишь угнеталъ всѣ народности. Въ свое время всѣ: нѣмцы, италіянцы, голландцы, португальцы, испанцы, испытали всѣ муки рабства, подъ хищною, насильственною рукою чуждаго деспотизма.

Государи, наученные опытомъ, не вѣрили словамъ Наполеона; въ отвѣтъ на его искреннее увѣреніе сохранить миръ, они поспѣшно начали вооружаться.

Народы, обманутые Наполеономъ, стали за-одно съ царями, потому что боялись побѣдоноснаго Наполеоновскаго ига, боялись сдѣлаться добычею честолюбца, его алчныхъ родныхъ и жадныхъ генераловъ или министровъ. Конечно самъ Наполеонъ нисколько не обманывался на счетъ враждебнаго настроенія всей Европы; онъ видѣлъ неизбежность войны, видѣлъ какъ она обрушится на него и на Францію.

Въ своемъ заключеніи на островѣ св. Елены, Наполеонъ, стараясь оправдаться передъ судомъ исторіи, сказалъ, что въ 1815 году зять его Мюратъ, своею смѣшною и нелѣпою попыткою въ Италіи, разрушилъ послѣдніе шансы на сохраненіе мира. Это обвиненіе бездоказательно.

Декларация 13 марта, редактированная Талейраномъ и представленная на конгрессъ Австріею отъ своего имени, явилась гораздо раньше появленія выскочки, недовольствовавшагося Неаполитанскимъ королевствомъ. Вторженіе въ Церковную область стало извѣстно только тогда, когда была подписана союзная конвенція, бывшая какъ извѣстно рѣшеннымъ и непремѣннымъ слѣдствіемъ Мартовской деклараціи. Наконецъ прокламація Мюрата къ италіянцамъ явилась только 31-го марта, слѣдовательно вся попытка не имѣла ничего общаго

съ рѣшеніями конгресса и образомъ дѣйствій, принятымъ Австріею.

Замѣчательно, что Наполеонъ не говорилъ ничего противъ Мюрата, даже послѣ понесенной послѣднимъ неудачи „Moniteur“ и „Journal de l'Empire“ надсаживались изъ всѣхъ силъ, пока счастье минутно улыбнулось неаполитанской арміи. Они передавали публикѣ телеграфическія извѣстія про такія побѣды, которыхъ Мюратъ никогда и не одерживалъ; потомъ очень поздно подтвердили извѣстіе о пораженіи и бѣгствѣ Мюрата и упоминали лишь о его прибытіи во Францію. Никто не заикнулся противъ него.

Конечно приведенные факты далеко не согласуются съ тѣми горькими упреками, которые разсыпалъ Наполеонъ зятю въ своемъ мучительномъ заточеніи послѣ Ватерлоо.

Можно предположить, что Мюратъ дѣйствовалъ согласно намѣреніямъ Наполеона. По крайней мѣрѣ Мюратъ высказываетъ это въ письмѣ къ Фуше въ іюлѣ 1815 года:

„Я отвѣчу“, говоритъ онъ, „своимъ обвинителямъ, что открылъ рано непріязненные дѣйствія, по формальному требованію императора. Въ іюнѣ онъ писалъ въ грустно-искреннемъ письмѣ къ одной ближней особѣ: „по приказанію императора король Іосифъ меня увѣдомилъ, чтобы я немедленно двинулся къ Альпамъ ^{*)}“.

---

^{*)} По словамъ г. Тьера письмо Іосифа, отправленное изъ Праггена (въ Швейцаріи) 16 марта 1815 г., существуетъ во французскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ: Іосифъ передавалъ Мюрату про послѣдніе успѣхи Наполеона (вступленіе въ Ліонъ), заклиная его содѣйствовать ему въ Італіи оружіемъ и дипломатіею и отвлечь въ тоже время австрійцевъ отъ коалиціи, прибавивъ роковыя слова: «начинайте, дѣйствуйте по внушенію вашего сердца; наступайте къ Альпамъ, но не переходите ихъ».

Г. Тьеръ старается уменьшить значеніе этого письма; онъ говоритъ, что Іосифъ, обрадовавшись первымъ успѣхамъ, далъ волю своимъ мечтамъ и написалъ письмо безъ вѣдома Наполеона; онъ старается видѣть противорѣчіе въ двойномъ совѣтѣ дѣйствовать оружіемъ и дипломатіею, понимая слова: наступайте къ Альпамъ, но не переходите ихъ, въ томъ смыслѣ, что Іосифъ приглашалъ Мюрата не переходить границъ Франціи.

Отсюда ясно, что если и существовали какія нибудь вѣроятія на сохраненіе мира до попытки Мюрата, то самъ Наполеонъ виноватъ въ томъ, что поторопиль на войну своего зятя, въ надеждѣ напугать народнымъ возстаніемъ Вѣнскій конгрессъ. Повторяемъ, что рѣшеніе государей, подтвержденное въ конвенціи, послѣдовало ранѣе, чѣмъ поведеніе Неаполитанскаго короля могло вызвать ихъ на что нибудь подобное. Вѣроятность мира! въ одной побѣдѣ была такая вѣроятность. Запоздалыя увѣренія въ противномъ, какъ и слишкомъ многія обвиненія и увѣренія Наполеона, явились на островѣ св. Елены; и, пущенные въ свѣтъ услужливыми товарищами его заключенія, были рассчитаны собственно на то, чтобы снять всю отвѣтственность съ Наполеона, отвѣтственность тяжелую, потому что она стоила Франціи двухъ нашествій.

Наполеонъ принялъ Францію съ границами по Рейнъ, а оставилъ побѣжденную и съ обрѣзанными границами; такъ что до-революціонная монархія была обширнѣе. Положимъ, что Наполеонъ, побѣдивъ, искренно желалъ бы мира; но только побѣда могла дать миръ. Эта побѣда была тяжела, даже и тогда,

---

Мы справедливо можемъ возразить на комментаріи г. Тьера, что во-первыхъ, Іосифъ былъ слишкомъ робокъ, чтобы говорить отъ себя за политику брата; во-вторыхъ, онъ достигъ пятидесяти-лѣтняго возраста, гдѣ уже не убаюкиваются полетомъ фантазій; въ-третьихъ, дипломатія можетъ идти рука объ руку съ войною; а въ четвертыхъ, нельзя допустить, что Іосифъ могъ бояться враждебныхъ противъ Франціи дѣйствій короля Неаполитанскаго.

Мюратъ и Наполеонъ противорѣчатъ другъ другу; замѣчательно, что г. Тьеръ оставилъ безъ вниманія то обстоятельство, что Наполеонъ, оставаясь на тронѣ, не осуждалъ дѣйствій своего зятя, такъ что мы, съ своей стороны, вѣримъ словамъ Мюрата. Высказывая противное мнѣніе, г. Тьеръ тѣмъ не менѣе принужденъ согласиться въ главномъ положеніи: неудачное вѣтшателство Мюрата не имѣло и не могло имѣть никакого вліянія на рѣшеніе Вѣнскаго конгресса, въ чемъ напрасно обвинялъ его Наполеонъ; однако, избавляя Мюрата отъ отвѣтственности за его политическую дѣятельность въ ужасную годину 1815 года, г. Тьеръ держитъ отчасти сторону Наполеона, оклеветавшаго своего зятя, и нападаетъ на военныя ошибки послѣдняго. Онъ выпадаетъ въ ошибку, разбирать мы ее здѣсь не будемъ, но читатель изъ любопытства можетъ обратиться къ приложенію I.

если бы, не теряя времени и безъ устали, принялись за развитіе оборонительныхъ средствъ Франціи.

Борьба была близка и серьезна. Европа напрягала всѣ усилія; и Наполеонъ, на своемъ внезапно возстановленномъ тронѣ, долженъ былъ, не теряя ни дня, ни часа, приступить къ оборонѣ. Въ эту страшную эпоху день стоилъ мѣсяца, мѣсяцъ — года. Слѣдовало съ геройскою рѣшимостью повѣдать народу, что наступилъ кризисъ и торжественно воззвать къ Франціи и ея энергіи для спасенія независимости отечества. Конвентъ не игралъ такъ съ событіями въ подобную же эпоху. Онъ смѣло и правдиво раскрылъ предъ государствомъ настоящее положеніе дѣлъ, возможность будущей развязки ихъ и въ то же время потребовалъ самыхъ крайнихъ жертвъ. Конвентъ отразилъ вторженіе, и спасъ отечество.

Наполеонъ, скрывая и искажая до послѣдней минуты истину, не послѣдовалъ примѣру конвента. Когда Европа взялась за оружіе, онъ говорилъ о мирѣ; когда война была близка, онъ увѣрялъ въ ея возможности—Франція поняла всю крайность своего положенія при громѣ первыхъ пушечныхъ выстрѣловъ на границахъ,

Своею двуличною внутреннею политикою Наполеонъ охладилъ народный энтузіазмъ,⁹⁾ тогда какъ прямымъ и открытымъ образомъ дѣйствій могъ возбудить и поднять его; всѣ диктаторскія мѣры, принятія имъ для спасенія отечества, тогда получили бы легальность въ глазахъ массы. Онъ не отважился такъ дѣйствовать, не рѣшаясь показать что лишь возвращеніе его съ острова Эльбы накликало опасность на Францію. Наполеонъ боялся, что предупрежденная Франція, чтобы отклонить отъ себя нависшую грозу, разрушитъ сама слѣдствія событія 20 марта.

Развѣнчавъ Наполеона, и введя у себя либеральное прав-

---

⁹⁾ Наполеонъ нисколько не заблуждался относительно народного настроенія. Наканунѣ обнародованія дополнительнаго акта, онъ сказалъ одному изъ своихъ совѣтниковъ Бенжаменъ-Констану: «Общественное мнѣніе было прекрасно, теперь оно никуда не годится!» (Mémoires sur les cent-jours. par Benjamin Constant).

леніе, Франція успокоивала государей и народы; коалиція могла распасться.

Эгоистичная боязнь императора имѣла или не имѣла основанія, но безъ сомнѣнія она была причиною обмолвокъ, колебаній, промедленій и полумѣрь, погубившихъ отечество.

По словамъ памфлета, Наполеонъ думалъ защищать Оермонилю по приемамъ. Онъ вооружался точно украдкою, когда ему слѣдовало, объявивъ отечество въ опасности, организовать поголовное вооруженіе и поднять цѣлый народъ.

Онъ повторилъ ошибки 1814 года, и приготовилъ вторичную катастрофу.

Въ веденныхъ на островъ св. Елены мемуарахъ, Наполеонъ впрочемъ хвалился тѣмъ, что въ періодъ времени отъ 20 марта по 15 іюня, выказалъ необыкновенную энергію и дѣятельность; и представилъ великолѣпную картину; но недоставало именно энергіи и дѣятельности, т. е. такой, какая соотвѣтствовала бы значенію опасности и важности нападенія.

Составъ арміи былъ опредѣленъ королевскимъ ордонансомъ 12 мая 1814 года изъ 10⁷ пѣхотныхъ полковъ, 61 кавалерійскаго полка, 8-ми полковъ пѣшей артиллеріи и 4 полковъ конной, 1 баталіона понтонеровъ, 4 эскадроновъ артиллерійскаго фурштата (*escadrons du train*), 3 полковъ инженеровъ, нестроевой роты инженернаго вѣдомства, роты инженернаго фурштата и 2-хъ баталіоновъ обознаго фурштата (*d'équipages militaires*).

Пѣхота состояла изъ 90 полковъ линейной и 15 полковъ легкой пѣхоты, 3-хъ баталіоннаго состава, ¹⁰⁾ баталіоны были 6-ти ротные; остальные два полка составились изъ остатковъ старой гвардіи и назывались королевскими гренадерами и егерями Франціи; они были 4-хъ баталіонные ¹¹⁾, а баталіоны 6-ти ротные.

---

¹⁰⁾ Ордонансомъ 12 августа 1814 года прибавлено 6 баталіоновъ къ 4 существовавшимъ полкамъ, которые назначались для службы въ колоніяхъ.

¹¹⁾ Сначала они состояли изъ трехъ баталіоновъ; но потомъ прибавлены четвертые баталіоны.

Всѣ пѣхотные полки имѣли кадръ офицеровъ еще на одинъ баталіонъ. Кавалерія состояла изъ 61 полка, т. е. 12 кирасирскихъ, 2 карабинерныхъ, 15 драгунскихъ, 6 уланскихъ, 15 конно-егерскихъ (*chasseurs*), 7 гусарскихъ ¹²⁾; остальные 4 полка были составлены изъ бывшей гвардейской кавалеріи и назывались: королевскими конно-гренадерами, драгунами, уланами и конно-егерями Франціи.

Всѣ полки были 4-хъ эскадронные съ кадромъ офицеровъ на 5-й эскадронъ.

Полкъ пѣшей артиллеріи заключалъ 21 роту, полкъ конной 6 ротъ, баталіонъ понтонеровъ состоялъ изъ 8-ми ротъ, полкъ инженеровъ изъ 12 ротъ.

Численность арміи по мирному составу полагалась въ 149,795 человекъ пѣхоты ¹³⁾, 38,611 человекъ кавалеріи съ 32,164 лошадей и 15,993 человекъ артиллеріи. Всего въ 211,812 человекъ.

Кромѣ того находилось 120 ротъ ветерановъ въ числѣ 10 т. человекъ, и 14 т. конныхъ и пѣшихъ жандармовъ для отправленія полицейской службы въ Парижъ и департаментахъ.

Наличное число людей сперва было значительно ниже штатнаго; но въ ноябрѣ, въ виду важныхъ несогласій, возникшихъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, король призвалъ подъ знамена до 60 т. человекъ, и 1-го января, по свѣдѣніямъ полученнымъ въ военномъ министерствѣ, состояло на лицо 118 т. пѣхоты ¹⁴⁾ и 23 т. кавалеріи.

Прибавивъ къ этому артиллерію, инженеровъ и пр., получимъ всего, считая съ офицерами, до 155 т. человекъ, состоявшихъ на лицо; кромѣ того въ депо оставалось отъ 40 до 50 т., не включая жандармовъ и ветерановъ. Вотъ силы на кои могла опереться реставрація.

---

¹²⁾ Сначала оставлено 6 полковъ; по внослѣдствіи прибавленъ еще полкъ.

¹³⁾ Не считая 6 баталіоновъ, назначенныхъ въ колоніи.

¹⁴⁾ Не считая вновь сформированныхъ четырехъ швейцарскихъ полковъ и колоніальныхъ баталіоновъ. (Архивъ военнаго министерства въ Парижѣ).

По вполне достовернымъ свидѣтельствамъ армія была всѣмъ снабжена, одѣта и получала исправно все слѣдующее ей довольствіе.

9-го марта королевское правительство вновь предписало сборъ старослуживыхъ солдатъ, потому что приходилось защищаться противъ Наполеона.

Событія шли съ такою быстротою, что эта мѣра не была вполне исполнена, хотя и увеличила армію на 20 т. въ минуту правительственнаго переворота.

Данныя, служившія намъ для выводовъ въ приведенныхъ числахъ, взяты изъ вѣдомости, составленной въ военномъ министерствѣ по 1 апрѣля.

По этой вѣдомости значитъ: 1-го апрѣля на лицо было 223,972 человѣка всѣхъ родовъ войскъ включая офицеровъ ¹⁵⁾; кромѣ того лежало до 8 т. въ госпиталяхъ, 19,300 человѣкъ находилось во временномъ отпуску, а 13,644 въ безсрочномъ отпуску ¹⁶⁾.

Только 155 т. изъ этого числа могли выйти въ поле, конечно подобная цифра была далеко недостаточна при обстоятельствахъ, среди которыхъ очутилась Франція съ возстановленіемъ имперіи. Однако, дѣйствуя энергически и быстро, можно было значительно усилить имѣвшіяся средства.

Не смотря на истощеніе отъ долгихъ и гибельныхъ войнъ, страна представляла еще много средствъ — оставалось только воспользоваться ими какъ слѣдуетъ.

Въ 1814 году мы имѣли въ дѣйствующихъ войскахъ у Парижа, подъ Ліономъ, Тулузою и въ Италіи, въ гарнизонахъ по крѣпостямъ во Франціи, Бельгіи, на Рейнѣ, въ Германіи и пр. вмѣстѣ съ рекрутскими депо всего до 450 т. человѣкъ. До 150 т. военноплѣнныхъ вернулось послѣ заключенія мира.

Слѣдовательно 1-го апрѣля 1814 г. Франція располагала

---

¹⁵⁾ Въ это число вошло 700 человѣкъ, оставшихся на островѣ Эльбѣ и 1,000 человѣкъ возвратившихся съ Наполеономъ.

¹⁶⁾ Наполеонъ въ мемуарахъ увѣряетъ, что въ королевской арміи въ то время было всего 172 т.; г. Тьеръ почти также невѣренъ, показывая численность арміи въ 180 т.

кромя 224 т. человекъ наличныхъ, еще запасомъ въ 376 т. годныхъ солдатъ, откуда она могла комплектовать свои легионы. Конечно уменьшеніе территоріи, раны, болѣзни, недуги, смертность и браки значительно уменьшили послѣднюю цифру; но мы нисколько непреувеличимъ, если скажемъ, что она превышала 250 т. способныхъ къ службѣ людей.

Захватывая молодежь будущихъ сроковъ, императоръ издалъ въ октябрѣ 1813 года декретъ о призывѣ конскриптовъ 1815 года. Обстоятельства помѣшали исполненію этой мѣры ¹⁷⁾. Годовой контингентъ конскриптовъ 1815 года былъ въ 160 т. Съ обрѣзкою нашихъ границъ и вслѣдствіе разныхъ причинъ, вліявшихъ на уменьшеніе приведенной цифры контингента, мы все-таки получаемъ цифру minimum въ 110 т. конскриптовъ.

Издавъ обыкновенный декретъ, мы призывали на защиту отечества въ самое короткое время 360 т. человекъ, изъ коихъ до 250 т. были боевыми солдатами. Изъ 100 т. отставныхъ и неспособныхъ можно было набрать отъ 25 т. до 30 т. людей, полезныхъ для несенія внутренней и гарнизонной службы. Для охраненія прибрежныхъ фортонъ и крѣпостей, могли съ пользою служить бывшіе матросы и флотскіе офицеры, праздно остававшіеся со времени упадка нашихъ морскихъ силъ.

Наконецъ оставалась національная гвардія; приступивъ къ общей мобилизаціи ея, мы могли сформировать значительное число баталіононъ для гарнизонной службы и составить изъ нихъ громадный резервъ для регулярныхъ войскъ.

Наполеонъ не упустилъ изъ виду ни одной изъ этихъ мѣръ; но онъ приступилъ къ нимъ колеблясь, медленно и робко.

Только чрезъ 3 недѣли по прибытіи въ Тюльери, онъ рѣшился отдать первыя приказанія къ усиленію военныхъ средствъ Франціи.

Въ Мониторѣ появился 9 апрѣля, а въ „Bulletin des lois“

---

¹⁷⁾ Изъ числа конскриптовъ до 45 т., собранныхъ въ депо зимою съ 1813 на 1814 годъ, были розпущены при заключеніи мира. Ихъ мы не включали въ вышеприведенное число 450 т. человекъ. (Отчетъ Капио палатамъ 13 іюня 1815 г.).

11 числа декретъ ¹⁸⁾, призывавшій въ ряды всѣхъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, оставившихъ ихъ по какимъ бы то ни было причинамъ ¹⁹⁾. Императоръ, вѣрный своей привычкѣ скрывать по возможности затруднительность обстоятельствъ, положительно обѣщалъ отпустить тотчасъ по домамъ призываемыхъ людей, какъ только будетъ упроченъ существующій миръ ²⁰⁾.

Для нагляднаго доказательства, что въ призывѣ нѣтъ крайности, министерскіе циркуляры, необходимые для разъясненія императорскаго декрета, были подписаны 12-мъ числомъ.

21-го марта ²¹⁾ Наполеонъ приказалъ переформировать старую гвардію. При призывѣ старослуживыхъ солдатъ, онъ сформировалъ 16 полковъ молодой гвардіи ²²⁾ и усилилъ кадры въ арміи

Пѣхотныя и кавалерійскія части тотчасъ же должны были приступить къ формированію четвертыхъ баталіоновъ и пятыхъ эскадроновъ, имѣвшихъ до того лишь кадры офицеровъ, въ кадренный составъ. Каждый полкъ формировалъ еще офицерскіе кадры для пятыхъ баталіоновъ и шестыхъ эскадроновъ, но укомплектованіе ихъ нижними чинами должно было быть произведено только по дополнительному приказу военнаго министра.

Въ ожиданіи прибытія призываемыхъ солдатъ, было предписано изъ всѣхъ наличныхъ людей образовать двухъ-баталіонныя и трехъ-эскадронныя полки; эти части одни пока должны были считаться дѣйствующими; при этомъ декретъ

---

¹⁸⁾ Декретъ помѣченъ 28-мъ мартомъ.

¹⁹⁾ Смыслъ этихъ словъ былъ точнѣе разъясненъ въ циркулярѣ военнаго министра: декретъ былъ распространенъ на унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, получившихъ временный или совершенный отпускъ.

²⁰⁾ Г. Тьеръ, проводящій мысль, что Наполеонъ не скрывалъ отъ Франціи грознаго положенія дѣлъ, приводитъ въ декретѣ слова съ совершенно инымъ значеніемъ: «старослуживые были созваны... обѣщали ихъ уволить, какъ только наступитъ миръ».

²¹⁾ Декретъ помѣченъ 13-мъ числомъ, но обнародованъ 21-го.

²²⁾ Декретомъ 9 апрѣля учреждено 12 полковъ молодой гвардіи, остальные четыре прибавлены спустя мѣсяць.

обходилъ всякій намекъ, что они приводятся на военное положеніе.

Черезъ нѣсколько дней полкамъ возвращены ихъ прежніе номера, съ которыми они дрались 25 лѣтъ, съ которыми прославились даже въ наши несчастныя войны.

13 апрѣля военный министръ обратился ко всѣмъ бывшимъ военнымъ, приглашая ихъ на службу въ специально назначенные для того, артиллерійскіе баталіоны и роты.

Въ тотъ же день предписано приступить къ формированію изъ отставныхъ жандармовъ, которые изъявляютъ желаніе поступить на службу, четырехъ резервныхъ баталіоновъ пѣшихъ жандармовъ; артиллерійскій фушгатаъ усиленъ до 8 эскадроновъ; а обозный фушгатаъ въ арміи до 8 баталіоновъ.

23 апрѣля образованы 60 ротъ канонеровъ приморской артиллеріи, въ томъ числѣ 10 мѣстныхъ.

Въ первыхъ числахъ мая приступили къ организаціи 20 морскихъ полковъ.

Спустя мѣсяць изъ Париза отправили, но не во всѣ департаменты, приказъ о наборѣ конскриптовъ 1815 года. касающійся впрочемъ только тѣхъ, „кто въ предыдущій сборъ былъ назначенъ къ отправленію въ войска. Ревизіонныя совѣты (*conseils de révision*) должны были окончить наборъ въ 15 іюню.

Составить новые офицерскіе кадры было не трудно, потому что множество офицеровъ всѣхъ чиновъ и всѣхъ оружій только и выжидали министерскаго циркуляра, чтобы поступить въ указанныя имъ части. Но безостановочное пополненіе этихъ кадровъ унтеръ-офицерами и рядовыми не удалось Наполеону, и вслѣдствіе медленности распоряженій и оттого, что патріотизмъ націи былъ недостаточно возбужденъ, а администраціи не передали энергіи, и она дѣйствовала вяло.

Вмѣсто 250 т. старослужащихъ, призванныхъ императорскимъ декретомъ, собралось всего 60 т., считая и тѣхъ, которые уже явились въ силу королевскаго повелѣнія 9 марта. Вообще принятая мѣра удалась въ Шампани, Лотарингіи, Эльзасѣ, Франшъ-Конте, Бургони, Дофинѣ, Парижѣ и его

окрестностях; но на югъ, западъ и сѣверъ Франціи, къ сожалѣнію, вышли печальные результаты.

Напримѣръ въ департаментъ Устьевъ Роны 9 іюня, изъ подлежащихъ призыву 3283 человекъ, отправилось только 137 человекъ. Въ департаментъ Воклюзскомъ, изъ 2500 человекъ, пошло въ дорогу 485 человекъ 5 іюня, но большая часть разбѣжалась до присоединенія къ полкамъ. Въ департаментъ Тарны и Гаронны, вмѣсто 1000 явилось къ 3 іюню всего 100 человекъ ²³).

Въ мѣстахъ, гдѣ военныя и административныя власти имѣли въ распоряженіи достаточно войскъ, были образованы подвижныя колонны для ловли дезертировъ и нѣтчиковъ, но все это привело къ жалкимъ результатамъ.

Въ сѣверныхъ областяхъ, цѣлая дивизія, разбитая на подвижныя колонны, съ трудомъ могла въ 15 дней поймать съ сотню ослушниковъ; съ помощью жителей они легко скрывались отъ поисковъ.

Людовикъ XVIII передъ бѣгствомъ своимъ въ Бельгію, объявилъ армію распущенною и запретилъ военную службу при Наполеонѣ. Роялисты, вѣрные измѣническимъ традиціямъ, старались объ исполненіи королевскихъ приказаній, и, благодаря вялости и бездѣйствію должностныхъ лицъ, успѣвали во многихъ мѣстахъ.

Наполеонъ, мѣшая изложенные въ дополнительномъ актѣ либеральные принципы съ старыми деспотическими привычками, назначилъ при многихъ дивизіяхъ комисіи ²⁴), имѣвшія право арестовывать, брать подъ надзоръ полиціи и высылать изъ департаментовъ всѣхъ подозрительныхъ лицъ. Но эти крайнія мѣры, предписанныя императорскими декретами, раздражили населеніе и не остановили роялистскихъ интригъ, потому что ихъ жертвами становились иногда лучшіе патріоты.

Волонтеровъ по призыву собралось до 10 т. Отставные

---

²³) См. донесеніе императору его ординарцевъ Лапуа и Плана.

²⁴) Комисіи состояли изъ командующаго дивизією, префекта и императорскаго прокурора того города, гдѣ была расположена дивизионная штабъ-квартира.

усердно отзывались на предложение: число поступивших въ ряды безъ преувеличенія можно опредѣлить въ 25 т. ²⁵⁾).

Хотя организація ротъ приморской артиллеріи по южному берегу оказалась почти невозможною, но все-таки набрали отъ 4 до 5 тысячъ.

Прибѣгли къ вербовкѣ иностранныхъ солдатъ, оставшихся послѣ заключенія мира во Франціи или прибывшихъ въ послѣднее время съ острова Эльбы; и образовали изъ нихъ кадры для двухъ кавалерійскихъ полковъ трехъ-эскадроннаго состава (поляки, бельгійцы) и 7 пѣхотныхъ двухъ-баталіонныхъ полковъ (швейцарцы, поляки, нѣмцы, бельгійцы, испанцы и ирландцы). Въ нихъ поступило до 4,000. Отставныхъ матросовъ собралось до 20,000.

Наполеонъ не любилъ національную гвардію, какъ революціонное учрежденіе; но онъ прибѣгнулъ къ ней въ концѣ 1813 года, когда пришли роковые дни, хотя и искажилъ это учрежденіе, подобно тому, какъ искажалъ онъ всѣ неуничтоженныя еще имъ революціонныя учрежденія. Національная гвардія въ 1813 году была организована частями и не вполнѣ, при королѣ примѣнили ея организацію въ болѣе широкихъ размѣрахъ; а на первыхъ порахъ послѣ 20 марта въ городахъ она устроилась вполнѣ.

---

²⁵⁾ Въ отчетѣ о вооруженныхъ силахъ Франціи по 10 іюня, представленномъ палатѣ 13 числа того же мѣсяца, Карно опредѣляетъ число поступившихъ изъ отставки въ 33 т.; но цифра эта невѣрна потому, что ни одинъ баталіонъ не достигъ числительности 500 человекъ, а ихъ всего было сформировано 56. Наконецъ весь отчетъ, направленный къ тому, чтобы ввести въ заблужденіе иностранцевъ на счетъ общественнаго мнѣнія Франціи, сочувствующаго Наполеону, полонъ неточностей.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Числительность арміи, бывшая къ 20 марту въ 220 т., показана всего въ 175 т. Отставные въ числѣ 25 т., показаны вдвойнѣ: разъ въ мобилизованной національной гвардіи, другой—въ линейныхъ войскахъ. Въ отчетѣ уменьшено число пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ, состоявшихъ до 20 марта, и показано число молодой гвардіи въ 20 т., тогда какъ въ вѣдомости, подписанной 16 іюня начальникомъ штаба Дерію, списочный составъ ея показанъ въ 9787, считая офицеровъ.

Но національная гвардія представляла только мѣстную силу; надобно было ее мобилизовать. Декретъ 10 апрѣля вспомнилъ это, хотя и нѣсколько поздно.

Все мужское населеніе отъ 20 до 60 лѣтъ было раздѣлено на 3,131 баталіонъ, представлявшій массу въ 2.254,320 ч.

Баталіоны состояли изъ 720 человѣкъ и были шести-ротнаго состава, рота заключала 120 человѣкъ — баталіонъ состоялъ изъ одной гренадерской, одной егерской и четырехъ фузелерныхъ ротъ.

Назначеніе всѣхъ чиновъ въ національную гвардію зависѣло отъ исполнительныхъ властей.

Этотъ обширный планъ почти цѣликомъ остался на бумагѣ.

Гренадерскія и егерскія роты должны были мобилизоваться, туда поступали граждане въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ.

Департаментскія и окружныя коммисіи выбирали людей въ національную гвардію, и опредѣляли кто изъ поступившихъ въ состояніи одѣться и вооружиться на свой счетъ. Коммюны и департаменты должны были озаботиться расходами на экапировку неимущихъ людей.

Новый декретъ, явившійся тоже 10 апрѣля, назначилъ немедленное образованіе 204 гренадерскихъ и егерскихъ баталіоновъ шести-ротнаго состава во Фландріи, Артоа, Пикардіи, Шампани, Лотарингіи, Брессѣ, Эльзасѣ, Бургони, Франшъ-Конте, Савоіи и Дофинѣ.

Запоздалые декреты 15 и 27 апрѣля, 1 и 10 мая распространили мобилизацію на остальные провинціи, увеличивъ такимъ образомъ число баталіоновъ до 417. Баталіонныхъ командировъ и помощниковъ къ нимъ назначили изъ служащихъ и отставныхъ офицеровъ.

Баталіоны, по мѣрѣ формированія, поступали въ распоряженіе военнаго министра, для несенія службы по крѣпостямъ, горнымъ проходамъ, на переправахъ и для земляныхъ полевыхъ работъ, по указанію комитета обороны.

Эти 417 баталіоновъ должны были представить силу въ 300,240 человѣкъ; но набрали только половину этой цифры.

Къ 10 іюню 240 баталіоновъ были на указанныхъ пунктахъ или находились на пути слѣдованія къ нимъ.

¹/₁₀ часть національныхъ гвардейцевъ вооружилась на свой счетъ.

Множество отставныхъ разныхъ чиновъ, до 25 т. по увѣреніяжъ Карно, въ его отчетѣ камерамъ отъ 13 іюня, поступили въ мобилизованные баталіоны, и принесли большую пользу неопытной милиціи.

Кромѣ мобилизованныхъ баталіоновъ, въ большей части крѣпостей, учреждены роты крѣпостной артиллеріи изъ національныхъ гвардейцевъ.

Въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ больше всего собралось отставныхъ, выказалось и наиболѣе усердія къ образованію національной гвардіи.

Въ мѣсяцъ люди собрались по баталіонно; части представляли почти полный комплектъ. Совѣтъ иное оказалось напр. въ департаментахъ Сѣверномъ, Нижней Сены, Жиронды, Дордони и проч., тамъ едва справились съ формированіемъ, да и то баталіоны представляли половинное число людей, а въ иныхъ департаментахъ, какъ напр. Устьевъ-Роны, Тарны и Гаронны, Финистерре и другихъ никто не пошелъ ²⁶).

Однимъ словомъ, гдѣ населеніе не ждало внушеній свыше, тамъ все шло хорошо и скоро; но гдѣ собственной инициативы не было, все не клеилось и сдѣлали очень мало.

Въ доказательство того, какъ медлили вооружать и одѣвать мобилизованные баталіоны, служить то, что 10 и 15 іюня

---

²⁶) Департаменты Сѣверный и Нижней Сены должны были выставить 14 баталіоновъ, Жиронды 3, Дордони 4, Тарны и Гаронны 2, Финистерре 5 баталіоновъ.

Наполеонъ писалъ 29 мая военному министру: «департаментъ Нижней Сены выставитъ вмѣсто четырнадцати только 7 баталіоновъ; Сѣверный департаментъ долженъ по прежнему выставить 14; но думаю, что онъ не дастъ болѣе 7 баталіоновъ; дай Богъ, чтобы Па-де-Кале далъ столько же.

Позднѣе военный министръ говорилъ въ своемъ докладѣ 23 іюня: «нужно сознаться, что наборъ отборныхъ баталіоновъ національной гвардіи встрѣчаетъ самыя большія затрудненія въ 8-й дивизіи».

многіе баталіоны не получили еще шинелей, ружей и патронных сумъ.

Правительство не скупилось впрочемъ на предписанія, инструкціи, повторенія и ордера.

Никогда столько не писали. Циркуляры сыпались за циркулярами, декреты за декретами, приказы за приказами. Чрезвычайные комиссары были отправлены въ департаменты, чтобы понудить мѣстныя власти къ скорѣйшему исполненію; но неудачно выбранные, эти вялые люди не поддали никакой бодрости чиновникамъ, и посылка ихъ оказалась бесполезною.

Парижская національная гвардія состояла изъ 30 т. человекъ и раздѣлялась на 12 легіоновъ и 48 баталіоновъ. Принимали только зажиточныхъ горожанъ, большею частью семейныхъ и пожилыхъ. Они годились для домашней полицейской службы, въ случаѣ вторичнаго появленія непріятеля. На случай настоящей обороны слѣдовало бы сформировать одинъ или два легіона здоровыхъ, энергическихъ гражданъ; и кромѣ того набрать молодежь, ремесленниковъ, людей пламенныхъ, съ мозолистымъ кулакомъ, съ крѣпкими мышцами. Не довѣряя народу, Наполеонъ не рѣшился на это. Послѣ долгаго колебанія, онъ прибѣгнулъ къ полумѣрѣ, да и ту не довелъ до конца.

18 мая императорскимъ декретомъ учреждено 24 стрѣлковыхъ баталіона національной гвардіи. Стрѣлки выбирались изъ людей невзятыхъ въ національные гвардейцы, и преимущественно изъ парижской федераціи.

Отъ 14 до 15 т. тотчасъ же поступило въ стрѣлки. Унтеръ-офицеры были по выбору, офицеры и начальникъ стрѣлковыхъ баталіоновъ поступили изъ арміи, по назначенію императора. Число желающихъ было бы очень значительно, если бы не медлили выдачею волонтерамъ жалованья, оружія, одежды и т. п. Черезъ двѣ недѣли имъ роздали всего 3 т. ружей; людей собирали разъ въ недѣлю по воскресеньямъ. Пылъ желающихъ охладѣлъ и поступленіе остановилось, тогда какъ одна парижская федерація могла выставить до 40 т. человекъ.

Однажды передъ Тюльери показали густыя массы федератистовъ; они были одѣты за-просто, въ рабочей одеждѣ, но ихъ отважныя фizioноміи горѣли военною отвагою. Они напомнили герою Брюмера, что многіе изъ нихъ „дрались за славу и свободу“ ²⁷⁾, и просили оружія. Наполеонъ общалъ, но не исполнилъ своего обѣщанія.

У этихъ людей идея народности и свободы стояла выше личности императора, что и проявлялось въ ихъ восклицаніяхъ.

Наполеонъ не довѣрялъ имъ и не воспользовался патриотическимъ одушевленіемъ массы, которая въ укрѣпленіяхъ замѣнила бы собою солдатъ, необходимыхъ въ полѣ ²⁸⁾.

Изъ огромнаго парижскаго населенія, способнаго къ дѣйствительной службѣ, всего собрали 24 стрѣлковыхъ баталіона и нѣсколько ротъ канонеровъ, набранныхъ изъ городской молодежи и воспитанниковъ разныхъ школъ и лицеевъ.

12 стрѣлковыхъ баталіоновъ и нѣсколько артиллерійскихъ ротъ въ то же время было сформировано въ Ліонѣ; но ихъ вооружили столь же неудовлетворительно.

Къ упомянутымъ мѣрамъ прибѣгнули только спустя два мѣсяца по возвращеніи въ Парижъ Наполеона. Какъ будто императоръ думалъ, что раньше года не придется имѣть дѣло съ союзниками.

Императорское правительство хотя также поздно принялось за матеріальную часть; но тутъ оно выказало болѣе дѣятельности, чѣмъ по укомплектованію арміи людьми.

Къ 1 апрѣлю въ казенныхъ складахъ хранилось до 150 т. ружей исправныхъ и до 300 т., требовавшихъ починки или лежавшихъ въ составныхъ частяхъ. Холоднаго оружія было достаточно. Заводы производили до 20 т. ружей въ мѣсяцъ.

Артиллерійское вѣдомство дало подрядчикамъ различныя льготы при пріемкѣ установленныхъ образцовъ и увеличило этимъ ежемѣсячное производство ружей до 40 т. штукъ.

---

²⁷⁾ Подлинныя слова адреса, поданнаго федератистами на Тюльерійскомъ дворѣ, 14 мая Наполеону.

²⁸⁾ См. приложение II.

Въ половинѣ апрѣля въ Парижѣ завели 10 большихъ мастерскихъ: для сборки ружейнаго прибора, для исправленія стараго оружія, для фабрикаціи ружей вновь. До 6 т. рабочихъ было занято на нихъ въ іюнь. Артиллерійскіе офицеры такъ трудились на этихъ работахъ, что съ мая мѣсяца выходило ежедневно изъ мастерскихъ до 1 т. новыхъ или починенныхъ ружей, а съ іюня до 1,500.

По мѣрѣ того какъ рабочіе приучивались къ ружейному мастерству, цифра производства увеличивалась и ее предполагали довести до 3 т. на день.

По главнѣйшимъ крѣпостямъ устроили мастерскія для исправленія старыхъ ружей. Въ половинѣ іюня выдѣляли вновь и исправили прежнихъ ружей отъ 180 т. до 190 т. штукъ, что съ прежнимъ запасомъ составило отъ 330 т. до 340 т. годныхъ ружей. Изъ этого числа нужно было отдать 40 т. для волонтеровъ и отпускныхъ, явившихся въ ряды вслѣдствіе декрета 9 апрѣля, 150 т. въ мобилизованную національную гвардію, 45 т. поступившимъ вновь отставнымъ солдатамъ и морякамъ. Остальные 100 т., увеличиваясь ежедневно тремя тысячами вновь фабрикованныхъ ружей, могли служить необходимымъ запасомъ для войскъ, для будущей мобилизаціи національной гвардіи и для конскриптовъ 1815 г.

Немобилизованная національная гвардія имѣла довольно много оружія; такъ что уменьшивъ всѣ гадательныя показанія о числѣ онаго, мы получимъ цифру 250 т. ружей. Этотъ запасъ могъ принести пользу, если бы его роздать въ мобилизованные баталіоны и отобрать оружіе отъ людей сомнительныхъ или неспособныхъ къ дѣйствительной службѣ.

Наконецъ по деревнямъ, на востокъ и югъ Франціи, въ прошломъ году крестьяне подобрали за нашими войсками нѣсколько тысячъ ружей.

Часть ихъ была возвращена въ арсеналы и могла приражаться ежедневно.

Артиллерійскій запасъ былъ достаточенъ на самую громадную армію, и могъ пополнять потери въ теченіи нѣсколькихъ кампаній.

Конская аммуниція была плоха и въ недостаточномъ количествѣ; но принялись съ такимъ стараніемъ за ея исправленіе, что въ первыхъ числахъ іюня снабдили 75 полевыхъ батарей, да почти приготовили еще на 20 батарей.

Въ порохѣ и снарядахъ не ощущалось недостатка, но работа кипѣла на пороховыхъ и литейныхъ заводахъ.

Обмундированіе представляло серьезныя затрудненія. Изъ расплотившихся въ военное время фабрикъ солдатскихъ суконъ, по заключеніи мира одни закрылись, другія уменьшили свое производство. Въ началѣ апрѣля казна подрядилась съ фабрикантами; но тѣ, снабдивъ фабрики всѣмъ необходимымъ, только чрезъ мѣсяцъ могли начать работу. Однако, за рѣдкими исключеніями, полки успѣли одѣть незначительное число вернувшихся въ ряды солдатъ. Люди, оставшіеся до того въ арміи, были хорошо обмундированы ²⁹⁾.

Для мобилизованной національной гвардіи и людей, опредѣлившихся изъ отставки, не достало сукна; хотя первые получили только суконныя шинели, имѣя холщевые панталоны и штіблеты.

Вѣроятно сукна нашли бы вдоволь, если бы были въ казнѣ деньги.

Наполеонъ принялъ превосходную мѣру относительно Корсики, вспомнивъ свои собственныя распоряженія въ Египтѣ, и мѣры Сюше и другихъ въ Испаніи и прочихъ странахъ. Онъ приказалъ одѣть въ крестьянское сукно 4 баталіона корсиканскихъ стрѣлковъ, набранныхъ для защиты острова. По-

---

²⁹⁾ Наполеонъ оставилъ два очерка кампаніи 1815 года: одинъ генерала Гурго въ 1818 году «Campagne de 1815.»; а другой въ IX томѣ, «Mémoires pour servir à l'histoire de France», появившихся въ 1830 году и диктованныхъ на островѣ св. Елены. Въ первомъ сочиненіи говорится: «армія была вовсе не одѣта» (въ реставрацію); во второмъ: «военное министерство не отпускало никакой одежды въ войска; одѣвали только тѣ 6 полковъ, которые носили имена короля и принцевъ».

Это утѣреніе, подобно многимъ другимъ, невѣрно. Мы имѣли случай убѣдиться въ томъ, имѣя въ рукахъ данныя объ 22-хъ полкахъ, представленныя намъ старыми офицерами; они положительно опровергаютъ приведенныя слова.

добную мѣру можно было примѣнить и къ Франціи, гдѣ крестьяне каждой провинціи носятъ одноцвѣтное платье изъ сукна мѣстнаго издѣлія ³⁰⁾).

Ремонтированіе конскимъ составомъ кавалеріи, артиллеріи и фушштата было дѣломъ первостепенной важности.

Въ кавалеріи состояло на лицо 20 т. лошадей, въ артиллеріи менѣе 2 т.; но 6 т. артиллерійскихъ лошадей въ видахъ экономіи были розданы по крестьянамъ для прокормленія. Ихъ вернули.

Обозныхъ лошадей въ арміи было всего 500.

Всего этого было недостаточно.

Въ половинѣ апрѣля приступили къ покупкѣ на ярмаркахъ 20 т. лошадей въ кавалерію, и 15 т. для обозовъ. Но въ ожиданіи медленно производившихся доставокъ ³¹⁾ приступили къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, вслѣдствіе вопіющей нужды. Въ корпусѣ жандармовъ состояло 9,300 лошадей. За большую часть ихъ отдали деньги, на которыя въ двѣ недѣли жандармы достали у жителей другихъ лошадей; и правительство приобрѣло такимъ способомъ отъ 6 до 8 т. выѣзженныхъ лошадей, тотчасъ же отправленныхъ въ полки кирасирскіе, драгунскіе ³²⁾ и гвардейскую кавалерію.

На верховыхъ и ломовыхъ лошадей наложили реквизиціи, и эту мѣру примѣнили даже въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ коневодства не существовало ³³⁾. Реквизиціями добыли до 5 т. верховыхъ и столько же вьючныхъ лошадей.

---

³⁰⁾ Тьеръ говоритъ, что Наполеонъ отправилъ по крѣпостямъ мобилизованные батальоны національной гвардіи въ простыхъ блузахъ съ цвѣтными воротничками; но онъ смѣшиваетъ костюмъ деревенской національной гвардіи съ мобилизованною. Последніе были одѣты въ шинели (саротес), такъ что народъ долго еще дразнилъ ихъ прозвищемъ шинельниковъ. Наконецъ циркуляры Карно префектамъ департаментовъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ.

³¹⁾ Такъ на ярмаркахъ коннозаводчики запродали 9 т. кавалерійскихъ лошадей генералу Бурсе для Версальскаго ремонтнаго депо, но къ 6 іюню доставили туда всего 2 т. лошадей.

³²⁾ Карабинеры, кирасиры и драгуны получили 4,155 лошадей.

³³⁾ Приведемъ примѣры подобныхъ реквизицій по департаментамъ:

Въ цвѣтущее время имперіи мы истратили громадныя суммы на постройку уступленныхъ нынѣ крѣпостей: Александріи, Пескъеры и друг., и оставили безъ вниманія крѣпости, прикрывавшія съ 1789 года нашу границу. Одни морскіе пункты, постоянно угрожаемые англичанами, поддерживались и укрѣплялись.

Послѣ поражений 1813 года, по недостатку денегъ и времени, нельзя было поправить сдѣланную оплошность; работы начатыя въ крѣпостяхъ, лежавшихъ на старинной границѣ, вовсе не имѣли значенія долговременныхъ построекъ.

Реставрація оставила все по старому.

Событія снова подгоняли насъ. Не теряя времени принялись за работу и сдѣлали довольно для обороны. Даже въ крѣпостяхъ 3-й линіи верки были защищены противъ эскалады. При подобной обстановкѣ, крѣпости, имѣя порядочные гарнизоны съ рѣшительными комендантами и снабженныя вооруженіемъ, боевыми запасами и продовольствіемъ, должны были представить упорное сопротивленіе.

Нѣсколько городовъ, важныхъ по своему положенію, были прикрыты ретраншаментами; дефили Юры, Вогезовъ, Аргоннъ и Мормальскаго лѣса были укрѣплены. Здѣсь населеніе охотно работало надъ общою защитою.

Матеріальная часть крѣпостной артиллеріи была въ исправности. Предполагали реквизиціями заготовить лѣсомъ, нужнымъ для крѣпостныхъ оборонительныхъ работъ, и продовольствіемъ; но во многихъ мѣстахъ эта повинность была или неисполнена или исполнена только отчасти.

Къ 10 іюню крѣпости, расположенныя въ 1-й линіи, были

Въ Эискомъ (Aisne)	140	кавал.	330	вьючныхъ лошадей.
» Воклюзскомъ	20	»	—	»
» Арденскомъ	40	»	—	»
» Устье-Роны	40	»	109	»
» Арденскомъ	230	»	380	»
» Тарны и Гаронны . . .	40	»	и проч	»

Лошадей этихъ отправляли въ ближайшія ремонтныя депо, гдѣ ихъ принимали; по реквизиціи не были еще окончены къ началу іюня.

снабжены запасами на 4 и до 6 мѣсяцевъ; лежація во 2-й линіи на болѣе короткій промежутокъ времени; крѣпости 3-й линіи еще на кратчайшій періодъ: но всѣ были хорошо вооружены и снабжены въ изобиліи боевыми припасами.

Событія 1814 года убѣдили самымъ нагляднымъ и тяжелымъ опытомъ въ необходимости укрѣпить столицу Франціи— Парижъ, и второй городъ по значенію Ліонъ.

Наполеонъ, въ своихъ мемуарахъ, доказалъ историческими примѣрами вредъ того, что не былъ укрѣпленъ Парижъ, бывшій столицею великой націи, политическимъ ея центромъ и самымъ дорогимъ залогомъ для страны.

Наполеонъ рѣшилъ исправить свою ошибку. Но явилась-ли тотчасъ эта рѣшимость? мы отвѣтить не можемъ; извѣстно только, что спустя 40 дней по возвращеніи въ Тюльери, т. е. 1 мая, Наполеонъ отдалъ первыя приказанія о приведеніи этого предположенія въ исполненіе ³⁴⁾.

Возможно было устроить одни полевые укрѣпленія. Извѣстные инженеры Гаксо (особенно замѣчательнѣе) и Ронья составили планъ для нихъ.

По этому плану непрерывная линія укрѣпленій шла по высотамъ Монмартра, Муленъ, Шомона, Бельвиля, кладбищу отца Лашеза и по равнинѣ на-право отъ послѣдняго пункта, упираясь къ окопамъ, устроеннымъ у заставы Звѣзды, которые были дефилированы огнемъ верковъ Венсенскаго замка, и къ редутамъ у парка Берси.

Между Шомономъ и кладбищемъ отца Лашеза, позади линіи укрѣпленій, три замкнутыхъ съ горжи шанца служили редюитами. Близъ триумфальной арки у Елисейскихъ полей, предположено воздвигнуть сомкнутое укрѣпленіе для связи Монмартра съ высотами Пасси.

Хотѣли окончить Уркскій каналъ, ведущій отъ ла-Виллетъ въ Сень-Дени, такимъ образомъ, чтобы лѣвый берегъ образовалъ валъ, а правый прикрытый путь. Сень-Дени предполагали обнести ретрашаменами.

---

³⁴⁾ Въ письмѣ къ военному министру.

7 мая принялись за работы съ самымъ небольшимъ числомъ рабочихъ. Въ этотъ день на всемъ протяженіи между Монмартромъ и Берси работало только 1.000 человѣкъ. Къ 15 выходило не болѣе 1,800 рабочихъ. Но съ этого времени національная гвардія, федератисты, ученики лицеевъ и школъ, горожане, ремесленники и отряды императорской гвардіи усилили нанятыхъ рабочихъ; число послѣднихъ также увеличилось и работы начали быстро подвигаться. 10 іюня линія Уркскаго канала, укрѣпленія Сень-Дени, линія отъ Монмартра до Венсенскаго шоссе были почти готовы и мѣстами палисадированы. Для вооруженія, большею частью взяли орудія морской артиллеріи и собрали въ Парижѣ отъ 400 до 500 орудій.

Для прислуги къ орудіямъ назначили 6 ротъ полевыхъ артиллеристовъ, 8 ротъ бывшихъ матросовъ, 6 ротъ морской артиллеріи и 20 ротъ изъ воспитанниковъ политехнической школы, военнаго училища, Эльфортской школы и студентовъ школъ правовѣденія и медицинской; учениковъ лицеевъ, инвалидовъ и національныхъ гвардейцевъ

Сомкнутыя укрѣпленія, долженствовавшія служить редюитами, шанецъ у триумфальной арки и линія укрѣпленій, между Монмартромъ и Пасси вовсе не были начаты.

На лѣвомъ берегу Сены, тоже трасировали линію укрѣпленій, но за работу не принимались.

Такимъ образомъ, располагая средствами 700 т. городского населенія, при 3-хъ мѣсячномъ рабочемъ срокѣ, наконецъ находясь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ страшнаго урока 1814 г., правительство не сумѣло окружить столицы укрѣпленіями, тогда какъ въ нихъ только и было спасеніе. Будь правительство рѣшительно, предусмотрительно и съ достаточнымъ запасомъ твердости, оно начало бы эти работы 30 марта и окончило бы ихъ къ 1 мая.

Наполеонъ приказалъ укрѣпить Ліонъ, но и тамъ поздно принялись за работу. Хотя вокругъ города существовала значительная часть прежней ограды, но 10 іюня работы не были еще окончены. Впрочемъ къ вооруженію нѣкоторыхъ

укрѣпленій, особенно передъ предмѣстьемъ Ла-Гилотьеръ, могли уже приступить; для вооруженія назначалось 300 орудій, взятыхъ изъ морскихъ арсеналовъ. Прислугу при орудіяхъ составили: 4 роты полевыхъ артиллеристовъ, 600 человекъ морскихъ и 900 человекъ изъ національной гвардіи и воспитанниковъ ветеринарной школы и лицеевъ.

Изъ городского населенія были вооружены только 2,400 національныхъ гвардейцевъ и 1,000 стрѣлковъ-федератистовъ.

1 іюня вооруженныя силы Франціи состояли изъ линейныхъ войскъ и чрезвычайнаго резерва. Линейныя войска заключали въ наличности, считая офицеровъ, 276,982 человека ³⁵⁾. Въ этомъ числѣ 198,130 находились въ дѣйствующихъ частяхъ, 55,719 распредѣлялись по ремонтнымъ и рекрутскимъ депо въ формируемыхъ частяхъ и не могли еще быть посланы въ дѣло, 23,133 человека составляли кадры въ депо, слабосильныя команды, нестроевыхъ, солдатскихъ дѣтей (*enfants de troupe*) и проч. ³⁶⁾.

Чтобы довести дѣйствующіе баталіоны до 600 человекъ, а формируемые баталіоны до 500 человекъ; дѣйствующіе эскадроны до 170, а формируемые до 150 человекъ, недоставало въ линейныхъ войскахъ для пѣхотныхъ частей 86,097 человекъ, для кавалерійскихъ 11,945 человекъ, для спеціальныхъ войскъ и фуштата 6,951 человекъ; всего же недоставало для линейныхъ войскъ 104,893 человека ³⁷⁾.

Конскій составъ былъ также неполонъ, недоставало 18,934 кавалерійскихъ и 1,551 артиллерійскихъ и подъемныхъ лошадей ³⁸⁾.

Какъ мы видѣли выше, реставрація оставила армію въ 223,972 человека, въ томъ числѣ 155,000 дѣйствующихъ. Въ настоящее время сила арміи доходила до 277,782 чело-

---

³⁵⁾ Въ армейскихъ корпусахъ состояло 1 іюня 247,609 человекъ, въ гвардіи 13 іюня 29,373 челов., о состояніи послѣдней 1 іюня свѣдѣній нѣтъ.

³⁶⁾ Цифры взяты изъ officialнаго отчета къ 1 іюню.

³⁷⁾ *Idem.*

³⁸⁾ *Idem.*

вѣкъ, изъ коихъ активной силы 198,130 человекъ ³⁹⁾, слѣдовательно въ 2½ мѣсяца Наполеонъ усилилъ армию только на 53,000; изъ этой цифры на долю дѣйствующихъ войскъ приходилось 43 т.

Тѣмъ не менѣе Наполеонъ хвалился необыкновенною быстротою распоряженій и возбудилъ общіе восторги за нихъ.

Въ теченіе апрѣля и мая, изъ дѣйствующихъ войскъ Наполеонъ постепенно сформировалъ: корпусъ императорской гвардіи, 7 армейскихъ корпусовъ, 4 резервныхъ кавалерійскихъ корпуса, 4 обсерваціонныхъ корпуса на Юрѣ, на рѣкѣ Варѣ, въ Западныхъ Пиринеяхъ и Восточныхъ Пиринеяхъ и Вандейскую армию. Въ половинѣ мая роялисты подняли оружіе на родинѣ Шаретта и Ларошжаклена. На правомъ берегу Дуары также обнаружилились признаки возмущенія.

Въ первыхъ числахъ іюня гвардія находилась въ Парижѣ и окрестностяхъ, армейскіе корпуса были сгруппированы. 1-й къ Валансьену, 2-й къ Авену, 3-й къ Рокруа, 4-й къ Мецу, 6-й къ Лаону и Аррасу; четыре резервные кавалерійскіе корпуса стояли между рѣками Эномъ и Самброю, за исключеніемъ одной кавалерійской дивизіи, бывшей въ Эльзасѣ.

Численность этихъ корпусовъ вмѣстѣ съ парками простиралась 10 іюня до 128,088 человекъ съ 344 орудіями. Имъ была предназначена главная роль въ готовой разыгратъ драмѣ.

Ниже мы приведемъ подробный составъ этихъ войскъ, теперь же покажемъ общую численность и расположеніе прочихъ дѣйствующихъ войскъ.

Въ Эльзасѣ 5 корпусомъ командовалъ генералъ Раппъ, въ Савойи 7 корпусомъ маршалъ Сюше, на Юрѣ генералъ Лекурбъ, на рѣкѣ Варѣ маршалъ Брюнъ, въ Восточныхъ и Западныхъ Пиринеяхъ генералы Декенъ и Клозель, Вандейскою арміею генералъ Ламаркъ.

---

³⁹⁾ Наполеонъ въ IX томѣ своихъ мемуаровъ считаетъ число линейныхъ войскъ къ 1 іюню въ 363.000; но сюда онъ включаетъ 77,500 человекъ конскриптовъ 1815 г., изъ коихъ ни одинъ еще не былъ призванъ 1 іюня.

Корпусъ Раппа (5-й).

3 пѣхотныхъ дивизіи. 28 баталіоновъ. . .	15,501 чел.
1 кавалерійская дивизія. 14 эскадроновъ. . .	2,082 >
Спеціальныя войска, фурштаты и проч. . .	1,448 >
Итого . .	19,031 чел. съ 46 оруд. ⁴⁰⁾ .

Корпусъ Сюше (7-й).

2 пѣхотныхъ дивизіи. 16 баталіоновъ. . .	6,925 чел.
1 кавалерійская дивизія. 6 эскадроновъ . .	787 >
Жандармовъ.	54 >
Артиллерія, инженеры, фурштаты и пр. . .	1,048 >
Итого . .	8,814 чел. съ 42 оруд. ⁴¹⁾ .

Корпусъ Лекурба.

1 пѣхотная дивизія. 8 баталіоновъ. . . .	2,783 чел.
1 кавалерійская дивизія. 9 эскадроновъ . .	1,064 >
Спеціальныя войска и проч.	599 >
Итого. . .	4,440 чел. съ 21 оруд. ⁴²⁾ .

Войска Брюна.

1 пѣхотная дивизія. 13 баталіоновъ . . .	3,286 чел.
1 кавалерійскій полкъ. 3 эскадрона . . .	444 >
Артиллерія и проч.	350 >
Итого. . .	4,081 чел. съ 16 оруд. ⁴³⁾ .

Войска Декена.

1 пѣхотная дивизія. 6 баталіоновъ. . . .	2,894 чел.
1 кавалерійскій полкъ. 3 эскадрона . . .	462 >
Артиллерія и проч.	589 >
Итого. . .	3,945 чел. съ 30 оруд. ⁴⁴⁾ .

⁴⁰⁾ Вѣдомость отъ 20 іюня, подписанная начальникомъ корпуснаго штаба.

⁴¹⁾ Вѣдомость отъ 10 іюня, 6 легкій полкъ былъ отправленъ въ 4-й корпусъ.

⁴²⁾ Вѣдомость отъ 10 іюня.

⁴³⁾ Вѣдомость отъ 20 іюня. Здѣсь прибавлены свѣдѣнія объ артиллеріи и проч., не показанныя въ вѣдомости.

⁴⁴⁾ Строевой рапортъ отъ 1 іюля. Этотъ корпусъ имѣлъ потому такъ много артиллеріи, что долженъ былъ быть усиленъ мобилизованными баталіонами національной гвардіи.

Корпусъ Клозеля.

1 пѣхотная дивизія. 6 баталіоновъ.	2,954 чел.
1 кавалерійскій полкъ. 3 эскадрона	389 »
Артиллерія и проч.	590 »
Итого.	3,933 чел. съ 30 оруд. ⁴⁵⁾ .

Армія Ламарка.

2 пѣхотныхъ дивизій. 17 баталіоновъ.	7,620 чел.
Сводная кавалерійская команда изъ раз- ныхъ корпусовъ	476 »
Артиллерія и проч.	474 »
Итого.	8,570 чел. съ 18 оруд. ⁴⁶⁾ .

Сила всѣхъ этихъ корпусовъ, назначавшихся для второстепенныхъ дѣйствій, простиралась до 52,820 человекъ (въ томъ числѣ 5,704 всадниковъ) съ 203 орудіями.

Всего къ 10 іюню было дѣйствующихъ войскъ 180,908 человекъ считая съ офицерами.

Около 6 т. человекъ сборныхъ командъ были на маршѣ къ своимъ частямъ; 11 т. артиллеристовъ и инженеровъ находились въ Парижѣ, Ліонѣ и по крѣпостямъ.

Таково было распредѣленіе 198 т. дѣйствующихъ войскъ.

Къ 15 іюню эти войска, равно какъ прочія силы имперіи, не получили особеннаго приращенія; такъ что оставался недочетъ болѣе чѣмъ въ 100 т. ⁴⁷⁾ и впереди не видѣли никакой возможности усилить въ скоромъ времени армію значительными подкрѣпленіями, рекрутскія депо до того истощи-

⁴⁵⁾ Въ строевомъ рапортѣ не показали артиллеристовъ; но судя по одинаковому, числу орудій съ предыдущимъ корпусомъ, мы прибавили такое же число къ итогу.

⁴⁶⁾ Строевой рапортъ отъ 20 іюня. Приведенный итогъ долженъ былъ увеличиться на 1,463 человека, потому что къ корпусу двигались 4 слабыхъ баталіона изъ Мана, Ренна и Лоріана. По докладу военнаго министра, отъ 23 іюня, Ламаркъ долженъ былъ получить подкрѣпленія изъ кавалерійскихъ депо въ Ніюртѣ, Поатѣ и Турѣ; и кромѣ линейныхъ войскъ располагать 2,600 пѣшихъ и конныхъ жандармовъ; сверхъ того 800 челов. слѣдовали на присоединеніе къ его арміи.

⁴⁷⁾ Докладъ военнаго министра отъ 23 іюня.

лись, что во всѣхъ депо между Парижемъ и рѣкою Соммой 21 іюня можно было послать въ дѣйствующія войска только 2,500 человекъ ⁴⁸⁾).

Военный министръ въ своемъ докладѣ 23 іюня говорить: „рекрутскіе депо истощены и не въ состояніи укомплектовать арміи, въ нихъ остались по большей части одни кадры.

Вообще добытый результатъ былъ очень неудовлетворителенъ, принимая во вниманіе наступающій кризисъ.

Къ 15 іюню чрезвычайнаго резерва было около 260 т., изъ этого числа 150 т. мобилизованныхъ гвардейцевъ, 45 т. отставныхъ или неспособныхъ и отпускныхъ матросовъ, 5 или 6 т. приморскихъ артиллеристовъ и столько же альпійскихъ и пиринейскихъ стрѣлковъ, собранныхъ съ мая мѣсяца для пограничной службы. Половина людей была не одѣта, треть людей не получила оружія.

Наполеонъ раздѣлил запасныхъ людей на двѣ части. Одна назначалась для полевой службы, другая въ крѣпостные гарнизоны.

Первая состояла исключительно изъ національной гвардіи; изъ нея образовали: дивизію въ 3 т., расположенную въ Сент-Менегу для охраненія проходовъ чрезъ Аргоннскій лѣсъ; 5,000 дивизію на Мозель, 3,000 для корпуса Раппа, двѣ дивизіи, силою вмѣстѣ до 10 т., для корпуса Лекурба, 3 дивизіи, силою вообще до 12 т., для корпуса Сюше, 4 т. для Декена, 3 т. для Клозеля ⁴⁹⁾; двѣ дивизіи, силою до 6 т., для Вандейской арміи. Всего же выставлено по 15 іюня на подкрѣпленіе линейныхъ войскъ 46,000. Они могли помочь арміи, но къ сожалѣнію, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, польза отъ нихъ оказалась незначительною.

Большая часть національныхъ гвардейцевъ явилась поздно, неодѣтая, ничѣмъ не снабженная, что даже случалось и въ восточныхъ департаментахъ.

---

⁴⁸⁾ Донесеніе отъ 19 іюня военному министру.

⁴⁹⁾ Артиллерія при національной гвардіи въ корпусахъ Раппа, Лекурба, Сюше и др. высчитана нами въ общемъ перечисленіи полевыхъ батарей.

Нѣсколько тысячъ не получили даже ружей. Корпусные командиры тщетно возставали противъ подобнаго порядка. Сюше напр. посылалъ депешу за депешей и все-таки ничего не добился. 18 іюня онъ говоритъ въ письмѣ къ военному министру: „у меня 2 т. человекъ національной гвардіи, они не имѣютъ ни патронныхъ сумъ, ни ранцевъ, ни одежды... я надѣюсь только тогда ихъ обмундировать, когда ваше превосходительство устроите швальни въ Ліонѣ и заготовите отъ 8 до 10 т. паръ платья... рассчитывать на префектовъ не стоитъ“.

Въ другомъ письмѣ, маршалъ прибавляетъ: „энтузіязмъ національныхъ гвардейцевъ гаснетъ, потому что ихъ оставляютъ нагишомъ; ихъ пугаютъ, что съ тѣми изъ нихъ, которые попадутся въ крестьянскомъ платьѣ, не станутъ обращаться какъ съ военноплѣнными. Только тогда мы и сохранимъ нѣсколько баталіоновъ, когда по вашему приказанію устроить въ Ліонѣ швальни“.

Обращаясь прямо къ императору отъ 11 іюня, Сюше говоритъ: „плачевное состояніе національной гвардіи, не снабженной ничѣмъ, развиваетъ дезертирство, несмотря на всѣ усилія воспрепятствовать этому злу“.

Сюше жаловался также на то, что ему недостаетъ 600 упряжныхъ артиллерійскихъ лошадей.

Корпусъ назначался для горной войны, а не было муловъ. Начальникъ корпусной артиллеріи, начальникъ инженеровъ, и даже самъ интендантъ не имѣли въ кассахъ ни гроша.

Раппъ и Лекурбъ горько и напрасно жаловались. По рапортамъ начальниковъ корпусныхъ штабовъ 10 и 20 іюня, видно что не было заготовлено продовольствія для войскъ и негдѣ было купить для лошадей фуража. И люди и лошади перебивались со дня на день.

Вторую половину запасныхъ людей составляли остальные мобилизованные національные гвардейцы и люди, опредѣлившіеся изъ отставныхъ и бывшихъ матросовъ.

Изъ національныхъ гвардейцевъ до 52 т. были размѣщены гарнизоны въ крѣпостяхъ сѣверныхъ и по Маасу, до 18 т. въ крѣпостяхъ по Мозелю, 18 т. въ эльзаскихъ крѣпостяхъ,

11 т. въ крѣпостяхъ по Юрѣ, 4 т. въ альпійскихъ, 5 т. въ нормандскихъ. Все это представляло 15 іюня массу въ 108 т. человѣкъ ⁵⁰⁾, по большей части не одѣтую; часть людей оставалась безъ ружей и патроновъ ⁵¹⁾.

20 т. матросовъ образовали гарнизоны по приморскимъ крѣпостямъ. Изъ 25 т. отставныхъ также образовали нѣсколько баталіоновъ; остальная часть разослана въ пограничныя сухопутныя крѣпости, въ Марсель, Тулузу, Бордо, и въ тѣ города, гдѣ особенно высказывались роялистскія тенденціи.

Роты ветерановъ и таможенныхъ надсмотрщиковъ были размѣщены по крѣпостямъ.

Въ крѣпостяхъ артиллерійскую прислугу, вмѣстѣ съ полевыми артиллеристами составляли роты отставныхъ артиллеристовъ, національныхъ гвардейцевъ и морскихъ канонеровъ.

Сравнивъ величину и количество пограничныхъ крѣпостей съ численностью размѣщенныхъ въ нихъ гарнизоновъ, найдемъ численность эту очень слабою, что обнаружилось бы если бы крѣпостямъ пришлось играть активную роль при оборонѣ государства; но катастрофа разразилась съ необыкновенною быстротою.

Патріотическое населеніе восточныхъ провинцій сформировало нѣсколько партизанскихъ отрядовъ; изъ нихъ нѣкоторые выказали въ послѣдствіи много мужества.

Вотъ общее состояніе всѣхъ оборонительныхъ средствъ Франціи въ первыхъ числахъ іюня 1815 года. Наполеонъ сбилъ съ толку общество своими ложными увѣреніями о сохраненіи мира, и охладилъ народный пылъ своею двусмысленною и коварною политикою и изданіемъ дополнительнаго

---

⁵⁰⁾ Цифры взяты изъ доклада военнаго министра отъ 23 іюня и строевыхъ рапортовъ отъ корпусовъ Раппа, Лекурба и проч.

⁵¹⁾ Военный министр, 12 іюня, писалъ начальнику артиллерійскаго управленія: «маршалъ Султъ, осмотрѣвъ національную гвардію Сѣвернаго департамента, донесъ императору, что недостаетъ 10 т. ружей. Сдѣлайте распоряженіе о немедленной ихъ доставкѣ, безъ ружей національная гвардія никуда не годится.

Г. Тьеръ однако увѣряетъ, что національная гвардія была снабжена всѣмъ вооруженіемъ.

акта; онъ наводнилъ администрацію антипатріотическими, вялыми, лѣнивыми исполнителями и потерялъ три недѣли времени на безплодныя колебанія, когда вся Европа бралась за оружіе. Плодомъ инерціи и апатіи была общая распушенность.

Въ своихъ мемуарахъ, Наполеонъ вздумалъ сравнивать свою дѣятельность въ 1815 году съ дѣятельностью конвента; и рѣшился увѣрить, что онъ совершилъ болѣе чѣмъ великій конвентъ ⁵²⁾. Нѣтъ! если бы, подобно Наполеону, конвентъ имѣлъ подъ рукою 200,000 подъ ружьемъ, да въ запасѣ 400,000 т. старослуживыхъ солдатъ, унтеръ-офицеровъ и офицеровъ разныхъ родовъ оружія, откуда могли комплектоваться дѣйствующія войска, образоваться кадры и являться начальники для волонтеровъ и рекрутъ; если бы арсеналы были полны, а литейное и пороховое производство удовлетворяло потребностямъ самой большой арміи; оружейныя же фабрики быстро фабриковали много оружія, наконецъ многочисленное артиллерійское вѣдомство обладало бы такими свѣдѣніями, взявъ притомъ центральное положеніе государства, конвентъ въ 3 мѣсяца вывелъ бы въ поле не 180 т. линейныхъ войскъ и 50 т. національной гвардіи, а 600,000 т. человѣкъ. Конвенту нужно было все создавать, и наличный составъ арміи, и матеріальную часть для нея, и генераловъ, и солдатъ.

Конвентъ все и создалъ: среди борьбы партій въ самомъ собраніи; среди войны съ иностранцами, загорѣвшейся на всѣхъ границахъ; среди междоусобій, объявившихъ полъ-Франціи, конвентъ спасъ отечество и раздвинулъ между Франціи такъ радикально, что только пятнадцать лѣтъ императорскихъ сумасбродствъ, отодвинули ее назадъ.

Дѣйствительно конвентъ имѣлъ болѣе времени чѣмъ Наполеонъ для обороны, конвентъ не боролся съ такими страшными массами, какія съ такою быстротою сгустились на нашихъ границахъ. Но взвѣсьте обстоятельства того и другого времени, средства, результаты и судите!

---

⁵²⁾ См. приложение III.

ГЛАВА III.

Мюратъ, разбитый австрійцами, осмѣянный итальянцами, и оставленный своими недавними подданными, присталъ бѣглецомъ къ берегамъ Прованса. Франція осталась одна, а вся Европа шла на нее.

Что оставалось дѣлать ей? Выжидать нападеніе или, предупредивъ врага, броситься на него, пока еще не всѣ силы коалиціи появились на нашей границѣ?

Въ Тюльери было собрано нѣсколько засѣданій чтобы обсудить вопросъ, какого плана держаться; и пришли къ двумъ планамъ военныхъ дѣйствій.

Планъ оборонительный заключался въ томъ: чтобы выставить союзниковъ зачинщиками, позволить имъ врѣзаться между линіею нашихъ крѣпостей и идти на Ліонъ и Парижъ; тогда, базируясь на эти оба пункта, начать съ непріателемъ упорную борьбу.

При предположеніи, что вражескія арміи перейдутъ нашу границу 1 іюля, что дѣйствительно непріатель и думалъ сдѣлать, при наступленіи же будутъ двигаться одновременно, можно было заключить, что непріатель покажется въ окрестностяхъ Парижа не ранѣе послѣднихъ чиселъ іюля мѣсяца.

До того времени Парижъ могъ быть обнесенъ укрѣпленіями; укрѣпленія же вооружены и палисадированы. Снабженіе крѣпостей было бы кончено вполнѣ, вмѣстѣ съ формированіемъ 417 мобилизованныхъ баталіоновъ. Почти одѣтые и вооруженные баталіоны пошли бы на усиленіе крѣпостныхъ гарнизоновъ и обсерваціонныхъ корпусовъ.

Конскрипты 1815 года успѣли бы собраться въ депо, кончили бы закупку лошадей, а рекрутскія депо могли послать подкрѣпленія въ армію.

Отступивъ на Парижъ и соединивъ съ гвардіею 6-ть пѣхотныхъ и 4 резервныхъ кавалерійскихъ корпуса, съ резервами можно было, опираясь на укрѣпленный парижскій лагерь, маневрировать съ 160 т. арміею на обоихъ берегахъ Сены и Марны. Всѣ рекрутскія и ремонтныя депо дѣйствующихъ корпусовъ, перенесенныя въ Парижъ, вмѣстѣ съ канонерскими ротами волонтеровъ, стрѣлками національной гвардіи (въ предположеніи что послѣдніе будутъ наконецъ вооружены), съ мобилизованною національною гвардіею, представили бы массу слишкомъ въ 100 т., исключительно назначенную для защиты столицы.

Полагая, что непріятельскія арміи, перейдя границу въ числѣ около 650 т. человекъ, принуждены будутъ оставить для охраненія своихъ сообщеній и блокады крѣпостей до 150 т., получимъ, что они явятся въ числѣ 500 т. передъ 160 т. арміею Наполеона.

Борьба выдетъ неравна!

Однако, годъ тому назадъ, Наполеонъ выдерживалъ еще болѣе неравную борьбу, и едва не одержалъ успѣха, а съ нимъ и не достигъ мира на сходныхъ условіяхъ.

Въ кампанію 1814 года, императоръ обнаружилъ такія же способности, быстроту въ дѣйствіяхъ и военный геній, какъ въ свои республиканскіе походы; коалиція побѣдила только благодаря непростительной небрежности, съ которою не укрѣпили Парижа и оставили его безъ защиты, такъ что онъ не могъ продержаться и двухъ дней. Ошибка неисправленная за все время царствованія, была бы поправлена къ концу іюля, и Парижъ съ своимъ укрѣпленнымъ лагеремъ на обоихъ берегахъ Сены и 160 т. гарнизономъ, могъ служить опорнымъ пунктомъ для маневрированія Наполеоновской арміи.

Оставаясь императоръ тѣмъ же, что и прошлымъ году, онъ очутился бы въ болѣе выгодныхъ условіяхъ чѣмъ въ кампанію 1814 года.

Австро-сардинская армія, назначенная для движенія на Ліонъ, заключала около 60 т.; отъ 80 до 100 т. австрійцевъ были назначены на ея усиленіе, но они находились еще въ Средней и Нижней Италіи.

Укрѣпленія Ліона могли быть окончены и вооружены. Съ перенесеніемъ туда военныхъ депо корпусовъ Лекурба и Сюше, стрѣлки національной гвардіи, артиллерійскіе волонтеры и мобилизованная гвардія, могли удобно защищать городъ, въ то время, какъ соединенные корпуса Лекурба и Сюше маневрировали бы на обоихъ берегахъ Соны и Роны.

Правда мы уступали безъ выстрѣла много областей, что было очень дурно; но непріятельское вторженіе могло разжечь и воскресить заснувшій патріотизмъ; разоренное населеніе занятыхъ провинцій могло возстать, и, помогая гарнизонамъ безчисленныхъ крѣпостей, озаботило бы непріятеля, причинивъ ему много вреда.

При этомъ положивъ, что какимъ нибудь чудомъ Наполеонъ пересталъ бы бояться народныхъ массъ и воспользовался всѣми легальными средствами противъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, поднявъ народъ передъ самымъ нашествіемъ, мы имѣли еще болѣе шансовъ на успѣхъ.

Второй планъ заключался въ томъ, чтобы начать военныя дѣйствія, пока еще союзники не готовы къ наступленію.

Бельгія была занята 220 т. англичанъ и пруссаковъ; они составляли двѣ арміи и были въ распоряженіи двухъ главнокомандующихъ.

Шесть пѣхотныхъ корпусовъ, 4-е резервныхъ кавалерійскихъ и гвардіи, всего до 150 т., могли собраться на сѣверной границѣ къ половинѣ іюня; остальная часть границы прикрывалась бы для виду другими корпусами.

Двинувъ быстро эту массу и захвативъ непріятеля въ его квартирномъ расположеніи, или пока онъ не успѣлъ соединиться, можно было напасть отдѣльно на непріятельскія арміи, разбить и отбросить каждую изъ нихъ, такъ что и та и другая не могли бы долго оправиться отъ пораженія.

Такимъ образомъ избавлялись отъ 220 т., т. е. отъ цѣлой трети вражескихъ войскъ, грозившихъ вторженіемъ.

Подобный успѣхъ воодушевилъ бы на борьбу съ русскими, австрійцами и пр., наэлектризовалъ бы умы и далъ возможность найти неисчислимыя средства для обороны.

Въ этомъ планѣ Наполеонъ видѣлъ иные шансы на успѣхъ, въ случаѣ удачъ въ Бельгіи, приводившіе къ рѣшительнымъ результатамъ. „Если бы мы разбили“ говорить онъ „англичанъ, голландцевъ и пруссаковъ, Бельгія бы возстала и своей арміею укомплектовала нашу; пораженіе англичанъ влекло паденіе министерства, и въ главѣ правленія становились сторонники мира, принципа невмѣшательства; это обстоятельство кончало войну.

Бельгія и 4 Рейнскіе департамента, прибавляетъ онъ „громко звали къ себѣ своего освободителя, а въ бельгійской арміи мы имѣли сообщниковъ.

Пораженіе не исправило Наполеона отъ иллюзій его счастливой поры. По прежнему онъ принималъ свои желанія за совершившійся фактъ, и покорялся въ такой степени этому самообольщенію, что совершенно не хотѣлъ думать надъ вещами, доступными пониманію всякаго здравомыслящаго человека.

Не только нельзя было рассчитывать на возстаніе Бельгіи, но напротивъ оно было невѣроятно. Правда—въ ней, какъ и въ четырехъ Рейнскихъ департаментахъ, существовала французская партія, совершенно безсильная.

Бельгійцы, подавленные рабствомъ и безпощаднымъ конскрипціоннымъ гнетомъ, отчуждились отъ насъ. Они съ негодованіемъ вспоминали недавній возмутительный поступокъ Наполеона ¹⁾; духовенство, до настоящаго времени сохранившее все свое вліяніе, возбуждало народъ противъ французовъ.

---

¹⁾ Присяжные въ ассизномъ брюссельскомъ судѣ оправдали Антверпенскаго мера. Это рѣшеніе признано не дѣйствительнымъ; диктаторская власть отправила вновь судить его въ Дуэ, гдѣ онъ умеръ съ горя въ городской тюрьмѣ 5 апрѣля 1814 года.

Духовенство не было расположено къ королю-протестанту Вильгельму Оранскому; но оно чувствовало ненависть къ челоуѣку, который отправлялъ клериковъ изъ семинаріи въ казармы, заключалъ епископовъ, посягалъ на личность кардиналовъ, на особу и свѣтскую власть папы.

Бельгійскіе солдаты были за-одно съ народомъ. Думать, что они покинутъ, подобно саксонцамъ подъ Лейпцигомъ, свои знамена, было страннымъ заблужденіемъ.

Бельгійцы это доказали на дѣлѣ.

Наконецъ замѣтимъ кстати, что ихъ было очень мало (меньше 10 т.) въ нидерландской арміи.

Наполеонъ заблуждался еще въ своемъ заключеніи о тѣхъ результатахъ, которые повлечетъ за собою пораженіе англійской арміи.

Въ Англіи существовала съ 1792 года партія „сторонниковъ мира и свободы національностей.“

Получивъ преобладаніе, она низвергла министерство Питта и заключила Аміенскій миръ; но консулъ Бонапарте скрывалъ пока ненасытное властолюбіе Наполеона. Въ 1815 году партія мира была очень слаба, хотя шумѣла много. Парламентъ, отвергнувъ предложенія и петиціи въ пользу мира, вотировалъ заемъ въ милліардъ и большія субсидіи союзникамъ; ожесточенный долгою и упорною борьбою, народъ стоялъ за парламентъ.

Надежды Наполеона на Бельгію были неосновательны, на Англію—воздушные замки.

Второй планъ военныхъ дѣйствій представлялъ важныя неудобства.

Открывая кампанію въ половинѣ іюня, мы ускоряли вторженіе союзниковъ въ восточныя области, не собравъ конскриптовъ 1815 года, не окончивъ снабженія крѣпостей припасами и гарнизонами, не укрѣпивъ Парижа и Ліона.

Въ случаѣ, если въ Бельгіи, вмѣсто побѣды наша армія встрѣчала неудачу, мы ускоряли движеніе союзниковъ къ Парижу.

„Въ такомъ случаѣ, говорятъ Наполеонъ, мы вернемся къ

первому плану“. Такъ—но за то мы теряли всѣ выгоды, представляемыя послѣднимъ, если бы прямо приступили къ нему.

Наполеонъ рѣшилъ дѣйствовать по второму плану, нѣсколько впрочемъ измѣнивъ его. Корпусъ Жерара былъ передвинутъ съ Мозеля къ сѣверу, а Раппъ остался въ Эльзасѣ, такъ что императоръ добровольно лишилъ себя содѣйствія болѣе чѣмъ 20 т. человѣкъ; въ Эльзасѣ они остались безъ пользы, а въ Бельгіи могли принести большую пользу. Такимъ образомъ онъ нарушилъ свое неизмѣнное правило, такъ часто и такъ счастливо примѣняемое на опытѣ—сосредоточивать силы на главномъ пунктѣ, не прикрывая всѣхъ пунктовъ, потому что иначе вездѣ окажешься слабымъ. Эту важную ошибку онъ пробовалъ поправить, но было слишкомъ поздно ²⁾).

Если мы возьмемъ одни сочиненія Наполеона, и будемъ въ нихъ искать причины, почему ускорили началомъ войны, то поймемъ ихъ неясно; для этого нужно представить себѣ личное состояніе Наполеона въ то время и занимавшія его думы.

Возвращеніе съ о. Эльбы породило демократическое движеніе скорѣ или угасшее или ставшее нецрѣлзненно къ имперіи; нація отдалялась болѣе и болѣе отъ восстановленнаго трона; въ южныхъ и западныхъ провинціяхъ смѣлость роялистовъ замѣтно возростала. Дополнительный актъ хотя и былъ представленъ на утвержденіе націи, но только меньшинство вотировало въ пользу его; большинство выразило свой протестъ общимъ молчаніемъ. Палата депутатовъ была набрана по той же системѣ, которая за 15 лѣтъ привела въ результатъ къ прототицу раболѣпныхъ собраній—законодательному собранію.

Впрочемъ пресса, пользуясь свободою печатя, могла указать на недостатки принятой системы всеобщей подачи голосовъ.

Состоявшіеся выборы служили вѣрнымъ отраженіемъ общественнаго мнѣнія. Большинство депутатовъ требовало серьезныхъ гарантій противъ того, что ошибки имперіи не повторяются; всѣ были увѣрены, что они потребуютъ и добьются

---

²⁾ См. приложение IV.

этихъ гарантій отъ исполнительной императорской власти. Напротивъ Наполеонъ нетерпѣливо выжидалъ, когда будетъ можно отказаться отъ сдѣланныхъ уступокъ.

Всякое свободное проявленіе подкапывало его власть; промедленіе грозило опасностью. Обаяніе побѣды нужно было ему— онъ думалъ найти ее въ Бельгіи и бросился туда.

ГЛАВА IV.

Армія, назначенная для дѣйствій въ Бельгіи и предводи-мая лично Наполеономъ, состояла изъ 1, 2, 3, 4 и 6 пѣхотныхъ корпусовъ, императорской гвардіи и 4 резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ.

Главный штабъ арміи былъ образованъ всего нѣсколько дней; начальникомъ главнаго штаба былъ назначенъ маршалъ Сульта, принявшій титулъ *major général*; Бертье, прежде долго носившій этотъ титулъ, добровольно удалился въ изгнаніе; надъ нимъ уже носилась таинственная и трагическая смерть.

Главная квартира Сульта была въ Лаонѣ.

1 іюня мобилизованная національная гвардія заступила по крѣпостямъ гарнизонами вмѣсто линейныхъ войскъ.

Въ это время 1-й пѣхотный корпусъ (Эрлона) находился близъ Валансьена, 2-й (Рейля) около Авена, 3-й (Вандам-ма) у Рокруа, 4-й (Жерара) у Меца, 6-й (Лобау) близъ Лаона, имѣя одну дивизію около Арраса; почти вся императорская гвардія въ Компіенѣ; 1-й резервный кавалерійскій корпусъ (Пажоля), 2-й (Эксельмана), 3-й (Келлермана) и 4-й (Мильго) были расположены между Лаономъ и Авенонъ; одна изъ дивизій 4 кавалерійскаго корпуса была еще въ Эльзасѣ.

Вся резервная кавалерія состояла подъ главнымъ начальствомъ маршала Груши. Парки были въ Ла-Ферѣ. Рѣшившись открыть кампанію въ Бельгіи, Наполеонъ двинулъ всѣ корпуса съ такимъ расчетомъ, чтобы они сосредоточились 14 іюня между Самброю и Маасомъ, на самой границѣ, противъ Шарлеруа. Чтобы замаскировать движеніе Рейля, Эр-

лона, Вандамма и Жерара, мобилизованные національные гвардейцы, имѣвшіе мундиры, заступили на аванпосты вмѣсто линейныхъ войскъ.

Наполеонъ освятилъ начало своего конституціоннаго правленія торжественною церемоніею, имѣвшею больше гражданскаго блеска чѣмъ военнаго; и впервые объявилъ „отечество въ опасности“. 7 онъ открылъ засѣданіе палатъ, а 11 принялъ отъ нихъ адресъ; притязанія палатъ были едва прикрыты увѣреніями въ преданности; онъ вынужденъ былъ высказать нѣсколько упрековъ, не лишенныхъ впрочемъ величія. На другой день, въ 4 часа утра, Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа, сильно озабоченный высказавшимся настроеніемъ парламента. Вечеромъ онъ ночевалъ въ Лаонѣ, гдѣ видѣлъ, что поздно начатыя укрѣпленія вокругъ города не были еще окончены. 13 числа императоръ прибылъ въ Авенъ, 14 въ Бомонъ, отстоящій на 8 лье отъ Шарлеруа.

Армія оканчивала сосредоточиваніе. Къ вечеру 14 она расположилась по тремъ направленіямъ.

Лѣвое крыло, въ числѣ до 45 т. человѣкъ, состояло изъ 1 и 2 пѣхотныхъ корпусовъ; оба корпуса занимали правый берегъ Самбры отъ Леръ-Фосто до Сольра-на-Самбрѣ; 2 корпусъ находился впереди.

Центръ (60 т. человѣкъ), состоявшій изъ 3 и 6 пѣхотныхъ корпусовъ, гвардіи и резервной кавалеріи, массировался у Бомона; 3 корпусъ былъ расположенъ на 1 лье впереди, правѣ Бомона, резервная кавалерія еще правѣе, по направленію къ Валькуру.

Правое крыло (15 т. человѣкъ), изъ 4 пѣхотнаго корпуса и кирасирской дивизіи ¹⁾ находилось большею частью на полпереходѣ отъ Филиппвилья.

Аванпосты отстояли на половину лье отъ границы; чтобы скрыть огни отъ непріятеля, биваки были расположены за возвышеніями.

---

¹⁾ Эта дивизія, 4 резервнаго кавалерійскаго корпуса, шла изъ Эльзаса и присоединилась на другой день къ корпусу.

Сосредоточившаяся армія заключала 20 пѣхотныхъ дивизій, 14 кавалерійскихъ, 31 пѣшую и 16 конныхъ батарей, артиллерія была неравномѣрно распредѣлена по корпусамъ.

1-й пѣхотный корпусъ генераль-лейтенанта Друзъ д'Эрлона. — Дивизіи: Аликса, Донзело, Марконье и Дюрютта. — 33 батал.	16,885 ч.
Кавалерійская дивизія Жакино (гусары и конно-егеря). — 11 эскадр.	1,506 »
5 пѣшихъ и 1 конная батарея, инженеры, фуришаты.	1,548 »
Всего. . .	19,939 ч. съ 46 оруд.

2-й пѣхотный корпусъ генераль-лейтенанта Рейля. — Дивизіи: Башелю, Гильемино, Жирара и Фуа. — 40 батал.	20,635 ч.
Кавалерійская дивизія Пире (конно-егеря, улань). — 15 эскадр.	1,865 »
5 пѣшихъ и 1 конная батарея, инженеры, фуришаты.	1,861 »
Всего. . .	24,361 ч. съ 46 оруд.

3-й пѣхотный корпусъ, генераль-лейтенанта Вандамма. — Дивизіи: Лефоля, Габера, Берте- зена. — 34 батал.	16,851 ч.
Кавалерійская дивизія Домона (конно-еге- ря). — 10 эскадр.	1,017 »
4 пѣшихъ и 1 конная батарея, инженеры, фуришаты.	1,292 »
Всего. . .	19,160 ч. съ 38 оруд.

4-й пѣхотный корпусъ, генераль-лейтенанта Жерара. — Дивизіи: Пеше, Вишери, Бурмо- на. — 26 батал.	12,800 »
Кавалерійская дивизія Морена (гусары, кон- но-егеря, драгуны). — 14 эскадр.	1,628 »
4 пѣшихъ и 1 конная батарея, инженеры, фуришаты.	1,507 »
Всего. . .	15,995 ч. съ 38 оруд.

6-й пѣхотный корпусъ, генераль-лейтенанта Лобау. — Дивизіи: Зиммера, Жанена, Теста. — 21 батал.	9,218 »
4 пѣшихъ батареи, инженеры, фуришаты и проч.	1,247 »
Всего. . .	10,465 ч. съ 32 оруд.

Императорская гвардія:

ПѢХОТА

Дивизія Фріяна (старая гвар., гренадеры) .	4,140 ч.
» Морана (старая гвардія, егеря) .	4,603 »
» Дюэма (молодая гвардія, вольти- жеры, стрѣлки)	4,283 »
Итого 24 бат. . .	13,026 ч.

КАВАЛЕРІЯ

Дивизія Гюо (конно-гренадеры)	786 ч.
(драгуны)	816 »
» Лефевра-Денуэта (конно-егеря) . .	1,197 »
(улань).	880 »
Образцовые жандармы	106 »
Итого . . .	3,795 ч.

9 пѣшихъ батарей и 4 конныхъ (3,168 ч.) инженеровъ и моряковъ 219 ч., фуриштата 676 чел.	4,063 ч. ²⁾ .
Всего . . .	20,885 ч. съ 96 оруд.

РЕЗЕРВНАЯ КАВАЛЕРІЯ ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ МАРШАЛА ГРУШИ.

1-й резервный кавалерійскій корпусъ, ге- нераль-лейтенанта Пажоля.—Дивизіи: Суль- та (гусары) и Сюберви (гусары и конно-еге- ря).—17 эскадр.	2,717 ч.
2 конныхъ батареи.	329 »
Итого . . .	3,046 ч. съ 12 оруд.

2-й резервный кавалерійскій корпусъ, ге- нераль-лейтенанта Эксельмана. — Драгунскія дивизіи: Строльпа и Шастеля.—25 эскадр. .	3,220 ч.
2 конныхъ батареи.	295 »
Итого . . .	3,515 ч. съ 12 оруд.

3-й резервный кавалерійскій корпусъ, ге- нераль-лейтенанта Келлермана.—Дивизіи: Ле- ригье (драгуны и кирасиры), Руссель д'Урбаля (кирасиры). — 25 эскадр.	3,360 ч.
2 конныхъ батареи.	319 »
Итого . . .	3,679 ч. съ 12 оруд.

²⁾ Сюда включены 1,115 человекъ канонеровъ и ѣзовыхъ, при-
командированныхъ изъ арміи.

4-й резервный кавалерійскій корпусъ, генераль-лейтенанта Мильго.— Кирасирскія дивизіи Ватье и Делора.— 26 эскадр.	3,194 ч.
2 конныхъ батареи	350 »
Итого. . .	3,544 ч. съ 12 оруд.

Артиллерійскій и понтонный паркп, ма-стеронные и проч. около	3.500 ч.
Общій итогъ.. . . .	128,088 ч. съ 344 оруд.

Въ томъ числѣ было 89,415 ч. пѣхоты, 22,302 ч. кавалеріи, 12,371 ч. артиллеристовъ, нестроевыхъ и фурштатовъ, 3,500 чел. въ паркахъ.

Съ подобными силами Наполеонъ открывалъ кампанію. Среднимъ числомъ баталіоны были силою въ 500 чел., эскадроны въ 125 человекъ

При каждой пѣхотной дивизіи состояла батарея изъ 6-ти 6-ти ф. пушекъ и 2-хъ гаубицъ, и одна рота саперовъ.

При каждой кавалерійской дивизіи конная батарея изъ 4-хъ 6-ти ф. пушекъ и 2-хъ гаубицъ; при каждомъ пѣхотномъ корпусѣ батареинная батарея изъ 6-ти 12-ти фунт. пушекъ и 2-хъ гаубицъ. Кромѣ дивизіонной артиллеріи, при гвардіи состоялъ артиллерійскій резервъ изъ 52-хъ орудій. Артиллерія въ батареяхъ и въ паркахъ имѣла только одинъ комплектъ снарядовъ. Въ прежнія кампаніи она выступала съ двойнымъ; но теперь былъ такой недостатокъ въ лошадяхъ, что пришлось для пополненія парковъ, соединенныхъ въ одинъ главный паркъ, составить 8 отдѣленій, въ 50 лошадей каждое, изъ почтовыхъ лошадей съ почтальонами вмѣсто ѣздовыхъ.

Армія состояла изъ опытныхъ офицеровъ, и здоровыхъ, большею частію молодыхъ, закаленныхъ въ послѣднихъ войнахъ солдатъ ³⁾; она была одушевлена прекраснымъ духомъ и горѣла нетерпѣніемъ скорѣе подратъся.

³⁾ Впрочемъ самые молодые солдаты служили съ первой половины 1813 года; остальные были сроковъ отъ 3 до 12 лѣтняго включительно.

Солдаты забыли роковые дни Витторіи, Лейпцига, Кульма, Парижа, и безконечное отступление своих знаменъ отъ Лиссабона до Тулузы, отъ Москвы до Парижа. Они помнили только великіе дни безсмертныхъ побѣдъ и были убѣждены въ своей фанатической гордости, что только измѣна помогла превосходному въ числѣ непріятелю. Да—то была прекрасная и храбрая армія; но вопреки увѣреніямъ иностранныхъ писателей, она уступала, она не могла не уступать арміи былого, счастливаго времени.

Только два мѣсяца какъ были сформированы бригады, дивизіи и корпуса.

Въ полкахъ не было той внутренней крѣпости и того единства, какія пріобрѣтаютъ части, только послѣ долгихъ мирныхъ занятій и боеваго опыта.

Годъ тому назадъ, въ іюнѣ полки были переорганизованы совершенно; въ декабрѣ людей перетасовали съ отпусковыми и вернувшимися изъ плѣна; затѣмъ въ апрѣлѣ и маѣ произошла новая тасовка; даже кадры перемѣнили свой составъ.

Ни начальники, ни офицеры, ни нижніе чины не успѣли еще узнать другъ друга.

Но это не было единственною подрывающею армію причиною.

Многіе изъ генераловъ обогатились и систематически развратились вслѣдствіе императорскаго мотовства; избалованные роскошью и наслажденіями, они утомились двадцатилѣтними походами и предпочитали спокойную жизнь въ своихъ дворцахъ и замкахъ военнымъ трудамъ и бивачнымъ лишениямъ.

Поживъ годъ мирно, они съ сожалѣніемъ разставались съ покоемъ. Иные не могли забыть понесенныя пораженія въ бытность отдѣльными дѣйствителями; другіе, подъ живымъ впечатлѣніемъ бѣдствій 1813 и 1814 года, видя слабость собственныхъ оборонительныхъ средствъ и массы наступающаго противника, отчаялись въ исходѣ борьбы. Всѣ были по прежнему храбры, безстрашны; но уже многіе утратили энергію, рѣшимость и отвагу прежнихъ лѣтъ; находились и

такіе, что при первой неудачѣ потеряють голову. Солдатъ вѣрилъ безгранично въ Наполеона, но не вѣрилъ многимъ изъ начальниковъ, видя какъ эти люди, въ продолженіе менѣе чѣмъ года, одинаково восторженно привѣтствовали сперва Бурбоновъ, потомъ императора; онъ не вѣрилъ ихъ вѣрности императорскому знамени, слыша отъ нихъ ругательства надшешему императору, разсыпавшима въ безчисленныхъ адресахъ и прокламаціяхъ. Эти поклонники минутнаго успѣха склонялись ницъ передъ тѣмъ, кто пріобрѣталъ власть. Солдаты подозрѣвали начальство въ измѣнѣ, и эти подозрѣнія пока еще неопредѣленно, но упорно тяготѣли надъ штабными лицами, оставившими военную свиту Людовика XVIII и надъ мелкими офицерами, которыхъ едва-едва зацѣпила королевская милость.

Знаменитыя прокламаціи съ береговъ Жуанской бухты, произнесъ слово: „измѣна“, развили подобное настроеніе. Измѣна довела насъ до бѣдствій — въ 1814 году мы были не побѣждены, а проданы.

Наполеонъ увѣрялъ въ томъ, и солдатъ жадно схватился за это увѣреніе, очищавшее вождя отъ тяжелой отвѣтственности и льстившее солдатскому самолюбію.

Наполеонъ билъ на то, чтобы возвратить себѣ прежнее обаяніе въ глазахъ арміи, а ей внушить полную увѣренность въ собственныхъ силахъ; но это увѣреніе грозило серьезною опасностью, потому что и безъ него убѣжденіе въ измѣнѣ запало такъ глубоко, что могло породить глубокую недовѣрчивость въ рядахъ.

Многіе маршалы, генералы и офицеры послѣдовали за бѣжавшими Бурбонами. Иные находились съ французскимъ королемъ, т. е. съ участникомъ враждебной Франціи союзной конвенціи, въ Гентѣ, и вызывали оттуда къ дезертирству, что къ сожалѣнію иногда и удавалось. Число дезертировъ само по себѣ было не велико, но недоброжелатели нарочно дѣлали изъ мухи слона; беспокойство солдатъ возрастало и вся армія вѣрила въ то, что Гентскій дворъ рассчитываетъ на сторонничество въ войскахъ, которое и выкажется при первомъ удобномъ случаѣ.

Съ подобнымъ убѣжденіемъ конечно всякій неуспѣхъ будетъ приписанъ измѣнѣ, а пораженіе превратится въ катастрофу.

Едва только войска стали биваками, какъ почували присутствіе Наполеона. Какъ и всегда въ важныхъ обстоятельствахъ, онъ обратился къ нимъ съ приказомъ. Никогда еще не звучали такимъ краснорѣчіемъ слова императора. Чтобы возбудить энтузіязмъ и рвеніе въ войскахъ, въ кипучей рѣчи, напоминавшей аркольскія и ривольскія вдохновенныя тирады, онъ напомнилъ имъ славные дни былыхъ тріумфовъ. Онъ разжигалъ храбрость и мощь арміи, и унижалъ непріятеля, осылая его оскорбленіями.

„Противъ этихъ самыхъ пруссаковъ, которые теперь зазнались, вы шли подъ Іеною одинъ на двухъ, подъ Монмиралемъ одинъ на трехъ“...

О англійскихъ солдатахъ не говорилось, потому что нечего было сказать послѣ ряда пораженій, испытанныхъ нами въ Испаніи; но онъ заклеилъ всю націю, раздражая справедливо накипѣвшую ненависть своимъ безпощаднымъ лакомизмомъ.

„Пусть тѣ, кто былъ въ плѣну у англичанъ, расскажутъ вамъ о ихъ понтонахъ и о вынесенныхъ тамъ страданіяхъ“.

Странно было слышать отъ человѣка, который подчинилъ своему господству столько народностей, который сдѣлалъ изъ нихъ добычу для своего честолюбія и для жадности своей родни, слѣдующія обвиненія, взводимыя на всю коалицію.

„Эта коалиція ненасытна. Раздавивъ 12 м. поляковъ, 1 м. саксонцевъ, 6 м. бельгійцевъ, она проглотитъ второстепенныя государства Германіи... саксонцы, бельгійцы, ганноверцы и солдаты Рейнскаго союза жалуются, что ихъ заставляютъ помогать государямъ — этимъ врагамъ правды и правъ народныхъ“.

Какое смѣлое забвеніе прошедшаго! въ императорской прокламаціи говорится о правдѣ и правѣ народовъ, и въ ней нападается на эти идеи. Наполеонъ закончилъ свою прокла-

мацію мрачнымъ и полнымъ величія обращеніемъ (что слѣдовало сдѣлать 3 мѣсяца тому назадъ).

„Настала минута, когда каждый истинный французъ долженъ побѣдить или умереть!“

Восторженные восклицанія арміи были отвѣтомъ на кипучее воззваніе.

ГЛАВА V.

Армія, бывшая подъ начальствомъ фельдмаршала герцога Веллингтона, состояла изъ двухъ частей: дѣйствующихъ войскъ и войскъ, занимавшихъ бельгійскія крѣпости. Последнія состояли изъ нѣсколькихъ голландскихъ и бельгійскихъ баталіоновъ, англійской дивизіи (6 баталіоновъ — въ томъ числѣ 2 батал. ветерановъ) силою въ 3 т. чел., и 4-хъ ганноверскихъ бригадъ, набранныхъ изъ рекрутъ и сведенныхъ въ резервный корпусъ (9 т.) генераль-лейтенанта фонъ-деръ-Деккена.

Дѣйствующія войска заключали 26 бригадъ пѣхоты, 12 кавалеріи, 15 пѣшихъ и 14 конныхъ батарей. Въ пѣхотѣ было: 9 бригадъ англійскихъ, 2 иностраннаго легіона, который состоялъ на службѣ англійскаго правительства и назывался нѣмецкимъ королевскимъ легіономъ ¹⁾; 5 бригадъ ганноверскихъ, 2 брауншвейгскихъ, 6 голландско-бельгійскихъ, 1 нассауская, бывшая на службѣ нидерландскаго правительства и 1 бригада нассаускаго контингента. Англійскія и ганноверскія бригады и

---

¹⁾ Легіонъ первоначально образованъ въ 1803 году, когда Мортъ занялъ курфиршество ганноверское.

Сначала онъ былъ набранъ изъ офицеровъ и солдатъ курфиршеской арміи, оставившихъ ряды послѣ альбской конвенціи. Англійскіе корабли перевезли ихъ въ Англію изъ датскихъ портовъ.

Большая часть роспущенной арміи послѣдовала примѣру бѣглыхъ.

Въ концѣ 1806 года, легіонъ заключалъ 13 т. челов. Впослѣдствіи онъ комплектовался дезертирами и военноплѣнными иностранныхъ корпусовъ, входившихъ въ составъ французской арміи, и нѣмецкими патриотами, которые искали случая драться съ Наполеономъ.

Въ іюнь 1815 года, численность легіона была 12,057 офицеровъ и солдатъ. Легіонъ состоялъ изъ 11 баталіоновъ, 5 кавалерійскихъ полковъ и 5 батарей. Часть его находилась въ Англіи, Португаліи и Сициліи; но большая часть легіона была въ Бельгіи.

бригады нѣмецкаго легіона составили 6, такъ называемыхъ, англійскихъ дивизій, брауншвейгцы составляли особенную дивизию, войска нидерландскаго правительства 3½ дивизіи, а нассаускій контингентъ не входилъ въ составъ дивизій.

Въ кавалеріи 7 бригадъ было англійскихъ, заключавшихъ въ себѣ сверхъ того 5 полковъ нѣмецкаго легіона; 1 бригада ганноверская, 1 брауншвейгская, 3 голландскихъ и бельгійскихъ, сведенныхъ въ кавалерійскую дивизию; всѣ остальные бригады не были формированы въ дивизіи.

Батарей было: 15 англійскихъ, 2 ганноверскихъ, 7 нидерландскихъ, 2 брауншвейгскихъ, и 3 нѣмецкаго легіона.

Всѣ эти войска образовали 4 корпуса: 2 армейскихъ, резервный и кавалерійскій.

1-й корпусъ принца Оранскаго. — Дивизіи:
Кука (Cooke), англійская гвардія 4,000 чел.;
Альтена (англійская); Пернончера (голландско-бельгійская); Пассе (idem). — 40 батал. . 25,942 чел.

Кавалерійская дивизія Коллерта (нидерландская), карабинеры, драгуны, гусары. —
23 эскадр. . . . . 3,405 »
5 пѣшихъ и 4 конныхъ батареи, инженеры,
фуришаты ²⁾, staff corps ³⁾ . . . . . 2,198 »

Итого. . 31,545 чел. съ 64 оруд.

2-й корпусъ генераль-лейтенанта Гилля. —
Дивизіи: Кипитона (англійская), Кольвиля (англійская), Штедмана (нидерландская), бригада Антинга или индійская (нидерландская ⁴⁾). Штедманъ и Антингъ подчинены были принцу Фридриху Нидерландскому. — 38 батал. . 24,499 чел.

Гусарская бригада Эсторфа (ганноверцы). —
12 эскадр. . . . . 1,277 »
5 пѣшихъ, 1 конная батарея, инженеры и проч. . . . . 1,472 »

Итого. . 27,248 чел. съ 40 оруд.

²⁾ Кроме фуришата, англичане имѣли еще въ вагенбургѣ отдѣленія подвозъ, нанятыхъ у жителей.

³⁾ Конные и пѣшие въставые для штабной службы, разбивки лагерей и военной полиціи.

⁴⁾ Она называлась такъ потому, что назначалась на службу въ голландскія колоніи: въ Остъ и Вестъ-Индію.

Резервъ (не имѣлъ общаго начальника). —
 Дивизіи: Пиктона (англійская), Коля (англій-
 ская), нассаускій контингентъ Крузе.—23 бат. 14,939 чел.
 4 пѣшихъ батареи, инженеры и проч. . . . 960 »
 Итого. . . 15,899 чел. съ 24 оруд.

Брауншвейгскія войска подъ начальствомъ
 герцога Брауншвейгскаго.—8 бат. . . . . 5,376 чел.
 Уланы и гусары.—5 эскадр. . . . . 822 »
 1 пѣшая и одна конная батарея . . . . . 460 »
 Итого. . . 6,658 чел. съ 16 оруд.

Общій артиллерійскій резервъ . . . . . 480 чел. съ 12 оруд.
 Итого въ резервномъ корпусѣ
 31 батал. 5 эскадр. . . . . 23,037 чел. съ 52 оруд.

Кавалерійскій корпусъ генераль-лейтенанта
 Уксбриджа: тяжелая англійская кавалерія —
 бригада Сомерсета (лейбъ-гвардія и гвардей-
 скіе драгуны), бригада Понсонби (армейскіе
 линейные драгуны).—23 эскадр. . . . . 2,605 чел.

Легкая англійская кавалерія: бригады Дорн-
 берга, Ванделера, Гранта, Вивіена, Арен-
 шильта (облегченные драгуны и гусары).—
 49 эскадр. . . . . 7,908 »
 5 конныхъ и 1 ракетная батарея . . . . . 1,300 »
 Итого. . . 11,813 чел. съ 30 оруд.

Паркъ артиллерійскій, инженерный, обозы,
 понтоны и проч. . . . . 1,860 чел.
 Общій итогъ. . . 95,503 чел. съ 186 оруд.

Въ томъ числѣ было 70,756 человекъ пѣхоты, 16,017
 человекъ кавалеріи ⁵⁾, 8,730 артиллеріи, инженеровъ и пр.

Все англійскіе полки, за исключеніемъ двухъ, были одно-
 баталіонные. Нидерландскіе, ганноверскіе, брауншвейгскіе бата-
 ліоны и баталіоны нѣмецкаго легіона составляли отдѣльныя
 хозяйственныя единицы.

Баталіоны среднимъ числомъ были силою въ 600 человекъ

---

⁵⁾ «Я буду имѣть до 16 т. кавалеріи, изъ нихъ тысячъ 10 будетъ отличной.» (Письмо Веллингтона къ Шварценбергу, отъ 21 мая 1815 г.).
 (The dispatches of fieldmarshall the duke of Wellington, t. XII).

Бригада имѣла отъ 2 до 6 баталіоновъ и подчинялась генераль-маіору или полковнику; дивизія же состояла изъ 2 или 3 бригадъ, и ею командовалъ генераль-маіоръ или генераль-лейтенантъ.

Средняя сила эскадрона была въ 160 человекъ. 3 или 4 эскадрона составляли полкъ, бригада имѣла отъ 2 до 4 полковъ; ею командовалъ генераль-маіоръ или полковникъ. Нидерландскія и брауншвейгскія батареи были 8 орудійнаго состава; англійскія, ганноверскія и батареи нѣмецкаго легіона 6 орудійныя. Калибры были 12, 9 и 6 фунтовья (9 англійскихъ фунтовъ почти равняются 8 французскимъ).

Во всей артиллеріи, кромѣ нидерландской, были отдѣльныя гаубичныя батареи.

Начальникъ артиллеріи и начальникъ инженеровъ въ арміи состояли только въ чинахъ полковниковъ.

Когда Наполеонъ сосредоточивалъ армію на правомъ берегу Самбры, англо-голландская армія занимала разбросанное квартирное расположеніе между сторонами входящаго угла, который образуется дорогами изъ Шарлеруа въ Брюссель и изъ Брюсселя въ Гентъ.

Главная квартира Веллингтона находилась въ Брюсселѣ, принца Оранскаго въ Бренъ-ле-Контъ, Гилля въ Атъ, Укбриджа въ Граммонъ.

Крайнее лѣвое крыло—дивизіи Перпончера и Шассе занимали: первая—Женаппъ, Франъ (Frasnes), Нивель; вторая—Фей-ле-Сенефъ, Генъ-сенъ-Пьеръ и Морланвельзъ. Дивизія Альтена находилась въ Суаньи и въ окрестностяхъ онаго; дивизія Бука въ окрестностяхъ Ангіена.

Кавалерійская дивизія Коллерта была расположена около Монса, въ Ре, Гавре и Сенъ-Симфоріенъ.

Изъ корпуса Гилля дивизія Клинтонъ была въ Ленсѣ, Атъ Лезъ; дивизія Кольвиля въ Рене, Уденардъ и правѣ послѣдняго пункта между Шельдою и Леіе (Lys); дивизія Штедмана и индійская бригада, подъ общимъ начальствомъ принца Фридриха Нидерландскаго, находились въ Ландскотерѣ, Бамбрюгге и Левергемъ; кавалерійская бригада д'Эсторфа между

Монсомъ и Турне; а главная квартира принца Фридриха въ Соттемѣ.

Резервъ занималъ квартирное расположеніе въ Брюсселѣ и его окрестностяхъ: дивизіи Пиктона и Коля ⁶⁾ въ столицѣ, Андерлехтъ и Галъ; брауншвейгцы между Брюсселемъ и Мехельномъ; бригада Крузе (контингентъ герцогства Нассау) по Лувенской дорогѣ, резервная артиллерія и парки впереди Брюсселя.

Различныя бригады кавалерійскаго корпуса занимали Гентъ, Нинювъ или были размѣщены по деревнямъ по Дендрской долигѣ. 2 полка наблюдали границу между Турне и Ипромъ.

Дивизіи 1 корпуса должны были сосредоточиться у Нивеля, Фея, Суаньи, Ангіена и Ре; дивизіи 2 корпуса у Ата, Рене, Уденарда и Ландскотера; резервъ въ Галѣ, Брюсселѣ и Вильвордѣ; кавалерійскій корпусъ въ Граммонѣ.

Фронтъ арміи прикрывался Монсомъ, Атомъ, Турне, Уденардомъ, Куртре и Ипромъ, гдѣ уже два мѣсяца производились значительныя фортификаціонныя работы; правый флангъ обезпечивался тѣмъ, что были кончены работы для производства сильнаго наводненія; Ньюпортъ и Остенде были приспособлены къ оборонѣ. Мѣстность, занятая квартирнымъ расположеніемъ, была прорѣзана продольными дорогами, расходящимися отъ Брюсселя къ границѣ и дорогами поперечными.

Веллингтонъ подвергся сильнымъ нападкамъ за выборъ квартирнаго расположенія. Говорили, что войска были слишкомъ разбросаны, что кавалерія стояла далеко отъ пѣхоты и что артиллерія помѣщалась на такомъ разстояніи отъ войскъ, что не могла одновременно съ ними поспѣть въ дѣло.

Послѣднее увѣреніе опровергается фактами. При каждой пѣхотной дивизіи находилось по двѣ батареи, расположенныхъ вмѣстѣ съ пѣхотою. Точно также конныя батареи были при своихъ кавалерійскихъ бригадахъ. Въ первыхъ же встрѣчахъ англо-голландскихъ войскъ съ нашими, пропорція артиллеріи у непріятели была вполне соразмѣрная

---

⁶⁾ Три баталіона дивизіи Коля находились въ Гентѣ.

На каждый корпусъ приходилось достаточно кавалеріи, исключая резервнаго, имѣвшаго только 800 коней.

Дѣйствительно, главная масса кавалеріи была расположена слишкомъ вправо, такъ что въ случаѣ атаки лѣваго фланга не могла поспѣть туда своевременно.

Въ секретномъ меморандумѣ, отъ 30 апрѣля, отправленномъ Веллингтономъ къ принцу Оранскому, Гиллю и Уксбриджу, объяснены причины, руководившія имъ при выборѣ квартирнаго раіона.

Веллингтонъ думалъ, что его могутъ атаковать съ трехъ сторонъ: во первыхъ, со стороны Леіе (Lys) и Шельды, во вторыхъ, со стороны Самбры и Шельды, и въ третьихъ, одновременно съ двухъ упомянутыхъ базисовъ. Съ какой бы стороны нападеніе не послѣдовало, онъ хотѣлъ быть готовымъ; хотя третье его предположеніе не имѣло почти вѣроятія.

Будучи атакованъ съ фланга, онъ могъ стянуть къ угрожаемому флангу половину арміи въ одинъ усиленный переходъ, а въ два дня могъ сосредоточить всю армію.

Въ данномъ случаѣ ложная атака, введя главнокомандующаго въ заблужденіе, могла имѣть важныя и трудно поправимыя слѣдствія; злю уменьшалось при болѣе сосредоточенномъ расположеніи арміи.

Англійскій полководецъ долженъ былъ въ концѣ мая перенести свою главную квартиру на 6 или 8 лье ¹⁾ впереди Брюсселя, и сгруппировать войска на кантонирь-квартирахъ у Галя, Нивеля, Ангіена и Нинова, хотя бы пришлось поставить биваками часть арміи. Тогда, выдвинувъ сильныя авангарды на пограничныхъ дорогахъ, онъ былъ приготовленъ ко всѣмъ случайностямъ.

Съ какой бы стороны нападеніе не послѣдовало, войскамъ приходилось пройти незначительное пространство.

Веллингтона обыкновенно оправдываютъ тѣмъ, что онъ не хотѣлъ стѣснять жителей, такъ какъ трудно было продовольствовать людей и лошадей на такомъ ограниченномъ раіонѣ.

---

¹⁾ Авторъ вездѣ принимаетъ лье въ 4 километра (3³/₄ версты).

Доводы эти не имѣютъ никакого основанія, потому что Веллингтонъ имѣлъ большія денежныя средства, въ арміи существовала строгая дисциплина, а провинція Брабантъ населена и представляетъ всё удобства къ доставкѣ средствъ, нужныхъ для войскъ.

Прусская армія фельдмаршала князя Блюхера Вальштадтскаго, состояла изъ 16 пѣхотныхъ бригадъ и 4 кавалерійскихъ дивизій, 27 пѣшихъ и 12 конныхъ батарей. Армія раздѣлялась на 4 неравныхъ корпуса: генераль-лейтенантовъ Цитена, Пирха I, Тильмана и Бюлова.

1-й корпусъ Цитена.—Бригады: Штейнмеца, Пирха II, Ягова, Генкеля.—34 бат. . .	27,887 чел.
Кавалерійская дивизія Редера (драгуны, уланы, гусары).—32 эскадр.	1,925 »
9 пѣшихъ и 3 конныхъ батарей, саперы и фуруштаты.	2,880 »
Итого. . .	32,692 чел. съ 96 оруд.

2-й корпусъ Пирха I.—Бригады: Тиннелъ-скирха, Крафта, Браузе и Лангена.—32 бат.	25,831 »
Кавалерійская дивизія Юргаса (драгуны, уланы, гусары).—36 эскадр.	4,468 »
7 пѣшихъ и 3 конныхъ батарей, инженеры и проч.	2,400 »
Итого. . .	32,704 чел. съ 80 оруд.

3-й корпусъ Тильмана.—Бригады: Борке, Кемпена, Люка и Штульнгагеля.—30 бат. . .	20,611 »
Кавалерійская дивизія Марвина (драгуны, уланы, гусары).—24 эскадр.	2,405 »
3 пѣшихъ и 3 конныхъ батарей, инженеры и проч.	1,440 »
Итого. . .	24,456 чел. съ 48 оруд.

4-й корпусъ Бюлова.—Бригады: Гаке, Риселя, Лостгина, Гиллера.—36 бат.	25,381 чел.
Кавалерійская дивизія принца Вильгельма Прусскаго (драгуны, уланы, гусары). — 43 эскадрона.	3,081 »
8 пѣшихъ и 3 конныхъ батарей, инженеры и проч.	2,640 »
Итого. . .	31,102 чел. съ 88 оруд.

Парки	3,120 »
Всего. . .	124,074 чел. съ 312 оруд.

Въ томъ числѣ 99,715 пѣхоты, 11,879 кавалеріи и 12,480 человекъ прочихъ оружій.

Всѣ пѣхотные полки были 3 баталіонные и 4-хъ ротнаго состава. Кавалерійскіе полки имѣли отъ 3 до 4 эскадроновъ. Пѣшія и конныя батареи были въ 8 орудій, 6 и 12 фунтоваго калибра. Гаубиць было мало и изъ нихъ составили отдѣльныя батареи.

Среднимъ числомъ баталіоны были силою въ 730 человекъ, эскадроны имѣли только по 60 коней въ 1 корпусъ и до 100 въ прочихъ корпусахъ.

Пѣхотными полками командовали полковники. Бригада кавалеріи состояла изъ 2 или 3 полковъ, ею командовалъ генералъ-маіоръ, полковникъ или подполковникъ. При каждой пѣхотной бригадѣ было 2 эскадрона и 1 легкая батарея. При корпусѣ 2 саперныхъ роты; кавалерійскій и артиллерійскій резервъ состоялъ изъ батарей и эскадроновъ, не приданныхъ къ дивизіямъ.

Главная квартира Блюхера была въ Намюрѣ, на разстояніи 16 лье (60 верстъ) отъ главной квартиры Веллингтона.

Цитенъ, Пирхъ 1, Тильманъ и Бюловъ находились въ Шарлеруа, Намюрѣ, Синнеъ и Люттихѣ. Одна бригада корпуса Цитена (Штейнмеца) была расположена на лѣвомъ берегу Самбры въ Фонтенъ-Левекъ и Биншѣ для сохраненія связи съ англо-голландцами; бригада Пирха 2 въ Маршпеннѣ, Шарлеруа, Шателе, Таминѣ; бригада Ягова въ Флерусѣ; бригада Генкеля въ Мутье-на-Самбрѣ.

Цѣпь аванпостовъ растягивалась отъ Бонъ-Эсперансъ чрезъ Лоббъ, Туинъ, Гамъ-сюръ-Эръ и Жерпинъ до Сосуа (Sosoys).

Кавалерія и резервная артиллерія стояли между Флерусомъ и Сомбрефомъ. Флерусъ былъ сборнымъ пунктомъ для 1 корпуса.

Части 2 корпуса занимали Намюръ, Гюи, Геронъ и Торабме-ле-Бегюинъ, резервная артиллерія по дорогѣ къ Готмону, резервная кавалерія въ Ганутъ, аванпосты выдвинуты къ Динапу.

Намюръ былъ сборнымъ пунктомъ 2 корпуса.

Корпусъ Тильмана былъ въ Синей, аванпостная цѣпь протянута къ Маасу отъ Динана за Рошфоръ, наблюдая переправу въ Живе.

Пѣхота Бюлова занимала Люттихъ, Голонъ, Варемъ, Леръ и проч., кавалерія стояла въ Сень-Тронъ, Лозъ и Тонгръ.

Непонятно, почему впереди своего расположенія пруссаки не устроили никакихъ преградъ, тогда какъ отъ Монса до Нѣмецкаго моря ихъ было устроено безчисленное множество.

Подобно Веллингтону, Блюхеръ занималъ слишкомъ широкій квартирный районъ.

Если бы атаковали одинъ изъ его фланговъ, то первые три корпуса могли стянута только чрезъ 36 часовъ; а вся армія не ранѣ двухъ сутокъ.

Не слѣдуетъ дарить столько времени атакующему для осуществленія его комбинацій.

Наполеонъ правильно замѣтилъ, что прусскій главнокомандующій долженъ былъ, въ послѣднихъ числахъ мая, перенести главную квартиру въ Флерусъ, и массировать армію кругомъ Флеруса на разстояніи 6 или 8 лье (22½—до 30 в.), усиленно наблюдая за переправами на Самбръ и Маасъ.

Веллингтонъ и Блюхеръ получили положительное приказаніе не переходить французской границы, пока государи, ждавшіе только прибытія русской арміи, не начнутъ военныхъ дѣйствій ⁸⁾).

---

⁸⁾ Вагнеръ въ своемъ очеркѣ кампаніи 1815 года (*Recueil des plans des combats et des batailles etc.*) и Даміцъ въ своемъ описаніи той же войны (*Geschichte des Feldzugs von 1815*), говорятъ, что Веллингтонъ и Блюхеръ условились вступить на французскую территорию 1 іюля. Но утвърненія обоихъ писателей опровергаются тремя письмами Веллингтона.

Первые два, отъ 9 мая и 2 іюня, написаны къ Шварценбергу, а послѣднее, отъ 15 іюня, къ русскому императору (*The dispatches, et cet t. XII*).

Веллингтонъ и Блюхеръ выжидали пока русскіе, австрійцы и проч. подвинутся на столько, что будутъ съ ними на одной высотѣ: тогда, имѣя возможность быть поддержанными, оба генерала предполагали начать наступленіе съ сѣвера: мы знаемъ уже, что русскіе и австрійцы хотѣли начать наступленіе 1 іюля.

Исполняя данное приказаніе, оба генерала могли узнавать только чрезъ шпионовъ о движеніяхъ французской арміи; но подобныя показанія бывають всегда неточны и неудовлетворительны. Они должны были понимать, какъ необходимо держать арміи сосредоточенными и сохранить возможность круговой поруки.

Въ концѣ мая главнокомандующіе условились въ планѣ военныхъ дѣйствій, если Наполеонъ вторгнется въ Бельгію по какому либо направленію. Положили, что если онъ атакуетъ правое крыло пруссаковъ или лѣвое крыло англичанъ, то прусская армія сосредоточивается съ возможною скоростью у Сомбрефа, а англійская къ Катръ-Бра: широкое шоссе связывало оба пункта, отстоявшіе всего на половину перехода одинъ отъ другого.

Этотъ маневръ былъ бы превосходенъ и имѣлъ рѣшительные результаты, если бы обѣ арміи не были расквиты; при разбросанности же союзныхъ армій, онъ былъ очень рискованъ и могъ повести къ пораженію, потому что Сомбрефъ и Катръ-Бра находятся слишкомъ близко къ границѣ.

Въ обѣихъ арміяхъ офицеры генеральнаго штаба тщательно осмотрѣли позиціи при Сомбрефѣ, Катръ-Бра и нѣсколько другихъ, на всякій случай.

Веллингтонъ любилъ скорѣе принимать чѣмъ давать сраженія; потому онъ лично выбралъ крѣпкую оборонительную позицію по дорогѣ изъ Шарлеруа къ Брюссель, впереди неизвѣстнаго до того мѣстечка Ватерлоо.

Таковы были 14 іюня 1815 года силы и расположеніе англо-голландской и прусской армій, передъ которыми массировалась Наполеоновская армія.

129 т. съ 350 орудіями, имѣли передъ собою 220 т. п 500 орудій.

Наполеонъ говоритъ, что слѣдуетъ оцѣнивать силу противныхъ сторонъ не по одному численному отношенію ихъ другъ къ другу: такъ у него одинъ англичанинъ стоилъ одного француза, а французъ двухъ пруссаковъ, нидерландцевъ и солдатъ Германскаго союза.

Наполеонъ слишкомъ низко цѣнилъ своихъ враговъ и его вычисленіе оказалось ложнымъ.

Веллингтоновская армія имѣла разнородный составъ; по достоинству части были не равны; но разница между ними не была такъ значительна, какъ сказалъ Наполеонъ. Армія состояла изъ:

32,700 англичанъ.
7,500 нѣмецкаго легіона.
15,800 ганноверцевъ.
25,000 голландцевъ и бельгійцевъ.
4,300 нассаусцевъ, бывшихъ на службѣ нидерландскаго правительства.
3,000 нассаускаго контингента.
6,700 брауншвейгцевъ.

Итого. 95,000 челов.

Англійскіе солдаты были народъ послужившій, прошедшій суровыя кампаніи на Пиринейскомъ полуостровѣ; они справедливо гордились освобожденіемъ Испаніи отъ владычества императора и тѣмъ, что послѣ 6 лѣтнихъ походовъ, перенесли знамя Британіи отъ устьевъ Тахо на берега Гаронны; шести-лѣтняя война началась и длилась съ переменнымъ счастьемъ, пока не закончилась длиннымъ рядомъ непрерывныхъ успѣховъ, среди коихъ рѣзко выдавался роковой день втораго Лейпцига—день битвы при Витторіи.

Англичане полагались на себя и на своихъ генераловъ, вѣрили въ превосходство ихъ и Веллингтона надъ французскими генералами и Наполеономъ; Веллингтоновская суровая школа глубоко вкоренила въ нихъ чувство долга, и англійская армія въ полномъ смыслѣ слова была отборнымъ войскомъ.

Таковъ же былъ и нѣмецкій легіонъ, 12 лѣтъ отстаивавшій британское знамя и закаленный въ пиринейскихъ походахъ.

Ганноверскій контингентъ состоялъ на одну треть изъ линейныхъ войскъ и на двѣ трети изъ ландвера. Въ линейныхъ войскахъ служили большею частью старые солдаты и офицеры императорской арміи, дравшіеся въ битву 1813 года.

Напротивъ въ ландверѣ было много людей совсѣмъ незнакомыхъ съ военнымъ дѣломъ; за то кадры ландвера были очень хороши и имѣли хорошихъ начальниковъ; патріотизмъ, охватившій всю Германію, одушевлялъ и ряды ландвера, придавая ему тѣмъ кое-какія достоинства.

Линейные баталіоны и баталіоны ландвера были сведены по бригадно; бригадами командовали ганноверскіе офицеры; бригады были перемѣшаны въ дивизіяхъ съ англичанами и войсками нѣмецкаго легіона; эта совмѣстная служба съ испытанными солдатами служила имъ прекраснымъ примѣромъ.

Голландско-бельгійская армія начала организоваться въ концѣ 1813 г., когда Голландія возстала противъ Наполеона. Хотя армію продолжали формировать и потомъ, но организація ея не была еще вполне окончена. Бельгія успѣла выставить очень слабый контингентъ.

Пѣхота на половину состояла изъ голландской милиціи, на половину изъ голландскихъ и бельгійскихъ баталіоновъ. Кавалерія и артиллерія состояли исключительно изъ однихъ регулярныхъ войскъ ⁹⁾.

Резервная пѣхота состояла изъ дезертировъ Наполеоновскихъ войскъ и волонтеровъ, поступившихъ на службу при первой вспышкѣ народнаго возстанія; въ послѣдствіи она наполнилась офицерами и солдатами, уволенными изъ французской службы и военнопленными, закинутыми въ неволю несчастнымъ исходомъ нашихъ войнъ. Баталіонъ бывшихъ великовъ императорской гвардіи, послѣ заключенія мира, также вернулся въ освобожденную Голландію.

Не смотря на обыкновенные недостатки всѣхъ недавно сформированныхъ войскъ, нидерландскія войска вообще годились для боевой службы, исключая негодной милиціи, набранной отчасти изъ волонтеровъ, отчасти изъ людей поступившихъ по жребію. Половина офицеровъ въ ротѣ выбиралась милиціоне-

---

⁹⁾ Только въ англо-голландской арміи; ибо вообще въ нидерландскихъ войскахъ и эти роды оружія частью состояли изъ милиціонеровъ.

рами, другая половина и всѣ офицеры въ старшихъ чинахъ назначались королемъ ¹⁰⁾).

Всѣ эти рѣзкія различія не успѣли сгладиться, и баталіоны вообще представляли малоопытныя войска. Но ненависть къ Наполеону и борьба за независимость отечества могли подвигнуть ихъ къ энергическимъ усиліямъ.

Большая часть генераловъ и офицеровъ добыли чины въ кровавыя войны республики и имперіи; а ихъ начальникъ, принцъ Оранскій, возмужавшій при особѣ Веллингтона въ Испаніи, своими дарованіями и своимъ мужествомъ, вполне заслужилъ свое назначеніе.

Нассауская бригада, служившая нидерландскому правительству, состояла болѣе чѣмъ на половину изъ молодыхъ солдатъ. Но кадры, набранные изъ полковъ долго служившихъ Наполеону, были хороши; благородный пылъ одушевлялъ молодыхъ и старыхъ солдатъ.

Къ организаціи брауншвейгскихъ войскъ хотя приступили въ концѣ 1813; но, приступивъ съ энергіею, успѣли окончить формированіе. Военные разныхъ чиновъ, закаленные въ рядахъ англійской или французской арміи, представляли значительный процентъ въ составѣ брауншвейгскихъ войскъ. Они были возбуждены въ высшей степени противъ Наполеона, и рады имѣть вождемъ владѣтельнаго герцога Брауншвейгскаго, человека отважнаго, твердаго и преданнаго до самоотверженія германскимъ интересамъ.

Возмущеніе саксонцевъ въ Люттихѣ очистило ряды прусской арміи отъ этой прихвостли. Армія на одну треть состояла изъ ландверныхъ полковъ, а на двѣ трети изъ линейныхъ полковъ. Ландверъ имѣлъ надежные кадры и прошелъ школу 1813 и 1814 годовъ. Линейныя войска, за рѣдкими исключеніями, состояли изъ старыхъ солдатъ.

Въ арміи служили представители всѣхъ классовъ прусскаго народа; любовь къ отечеству и борьба за быть или не быть

---

¹⁰⁾ Хотя только бывшіе офицеры могли воспользоваться этимъ выборомъ, но король Вильгельмъ принялъ болѣе либеральныя мѣры, чѣмъ Наполеонъ относительно мобилизованной національной гвардіи.

довела ихъ до фанатизма. Всякій французъ былъ для нихъ смертельнымъ врагомъ (грустныя слѣдствія Наполеоновскаго честолюбія); пруссаки уже не были солдатами былого времени битвъ при Вальми и Іенѣ, равнодушно смотрѣвшими на войну затѣянную королемъ; легко побиваемыми и еще легче разрывавшими всѣ узы военной дисциплины; нѣтъ—жажда завоеванія и мести за оскорбленное отечество сдѣлала изъ нихъ героевъ. Всякое испытанное ими пораженіе за и по сю сторону Рейна только придавало имъ новыя силы, а въ памяти вѣрзались два дни: Лейпцига и Парижа.

Начальники пользовались полнымъ довѣріемъ солдатъ, раздѣляя и энтузіязмъ и чувства войска. Наполеонъ ошибался: два пруссакъ стояли болѣе одного француза.

Противуположные характеры главнокомандующихъ могли имѣть вредныя слѣдствія для обѣихъ армій. Къ тому же союзныя арміи имѣли двѣ разныя операціонныя линіи. Блюхеръ базировался на Кельнъ и Рейнъ, а Веллингтонъ на Антверпенъ и Нѣмецкое море. Но эти невыгоды исчезли когда начались битвы. Главнокомандующіе помогли другъ другу скоро и дружно, не такъ какъ выдохшіеся Наполеоновскіе маршалы помогали одинъ другому въ Испаніи.

Наполеонъ мало уважалъ Блюхера, хотя могъ вѣрно оцѣнить противника, наносивъ ему частыя и сильныя пораженія; но Наполеонъ впалъ въ ошибку. Блюхеръ былъ грубъ, необразованъ, кутила и рубака; не обладалъ первостепенными военными дарованіями; но имѣлъ желѣзную волю и былъ горячій патріотъ; имѣлъ вѣрный военный взглядъ и исполненъ рѣшимости; не смотря на лѣта необыкновенно дѣятеленъ и предусмотрителенъ, наконецъ былъ одаренъ неоглядною отвагою и получилъ большую сноровку къ Наполеоновской тактикѣ и стратегіи; словомъ онъ былъ опаснымъ противникомъ Наполеону. Солдаты называли его: „marschall Vorwärts“ (генераль вперед), хотя ему часто приходилось водить ихъ назадъ. Въ послѣднее время прусская армія пришла съ нимъ съ береговъ Одера и Эльбы на берега Рейна и оттуда въ Парижъ.

Веллингтонъ не сталкивался еще съ Наполеономъ; но своими походами въ Португаліи, Испаніи и Франціи, онъ показлъ себя первымъ изъ непріятельскихъ полководцевъ, далеко оставивъ за собою всѣхъ остальныхъ. Наполеонъ не признавалъ за нимъ способностей главнокомандующаго. Въ „Монитерѣ“ его выставляли генераломъ „неспособнымъ, безразсуднымъ, съ претензіями на военныя дарованія, невѣжественнымъ, который навѣрное погубитъ армію“; его успѣхи представлялись поражениями или незначущими стычками, о роковыхъ для Франціи дняхъ Витторіи, Нивеллы и многихъ другихъ умалчивалось.

Наполеонъ точно думалъ, что низвелъ Веллингтона на степень дюжинныхъ главнокомандующихъ, выбравъ его въ своемъ офиціальномъ органѣ.

Конечно англійскому генералу было далеко до Наполеона, но разница эта была вовсе не такъ велика, какъ считалъ ее Наполеонъ; и какъ думали долго потомъ у насъ вслѣдствіе распространенія разныхъ вымысловъ.

Одинъ былъ военный геній въ самомъ полномъ объемѣ этого понятія; но безразсудная политика властителя мѣшала самымъ удивительнымъ стратегическимъ соображеніямъ, а упадокъ физическихъ силъ не могъ не вліять вредно среди той боевой обстановки, когда весь успѣхъ зависитъ отъ быстроты и бодрого перенесенія военныхъ трудовъ

Другой былъ лишь талантливый генералъ; но военный талантъ его былъ такъ полонъ и такъ глубокъ, что граничилъ съ геніальностью.

Веллингтонъ имѣлъ самый прямой взглядъ на вещи, былъ одаренъ глубокимъ политическимъ тактомъ, строго держался отечественныхъ традицій, не ошибался въ оцѣнкѣ людей и основательно ознакомился съ военнымъ искусствомъ въ теоріи и на практикѣ.

Дѣлая иногда ошибки, онъ умѣлъ сознаваться въ нихъ и не упирался тогда, чтобы поставить на своемъ; заботился о солдатахъ, берегъ ихъ въ дѣлѣ, строго преслѣдовалъ безпорядки и былъ грозой для мародеровъ.

Онъ искусно составлялъ планы дѣйствій и искусно умѣлъ приводить ихъ въ исполненіе; являясь, смотря по обстоятельствамъ, то осторожнымъ и медлительнымъ, то смѣлымъ и не теряющимъ времени генераломъ; несчастье не ослабляло его твердости, успѣхи не увлекали. Веллингтонъ въ желѣзномъ тѣлѣ имѣлъ желѣзную душу ¹¹⁾, онъ создалъ армію ¹²⁾, и не смотря на ея небольшую численность, успѣлъ сдѣлать многое. Онъ остается по праву одною изъ колоссальныхъ военныхъ личностей нашего столѣтія.

Онъ былъ ровесникомъ Наполеону, родившись въ 1769 г., и имѣя 46 лѣтъ въ описываемую эпоху.

Въ концѣ 1806 года, послѣ разгрома прусской арміи и прусской монархіи, Блюхеръ жилъ военнопленнымъ въ Гамбургѣ, и предсказывалъ паденіе Наполеона и близость времени, когда истомленная и доведенная до крайности Европа возстанетъ противъ него.

Подобное же убѣжденіе раздѣлялъ въ продолженіи всей Испанской войны Веллингтонъ, только что прибывшій на полуостровъ; онъ ясно высказывается въ своихъ разновременныхъ офиціальныхъ депешахъ; даже Ваграмъ и бракъ съ австрійскою эрцгерцогинею не поколебали его завитнаго убѣжденія.

Когда вся Европа, исключая Англіи и Пиринейскаго полуострова, казалось на всегда приникла предъ Наполеономъ, Веллингтонъ одобрялъ измученныхъ, потерявшихъ всякую бодрость британскихъ министровъ, указывая имъ причины, которыя должны повести за собою неминуемое разрушеніе императорскаго владычества.

Предсказанія обоихъ генераловъ оправдались въ 1814 г.

Чудесное воскресеніе имперіи нисколько не поколебало ихъ убѣжденій въ новомъ паденіи Наполеона.

Въ солдатскихъ фразахъ, Блюхеръ обѣщалъ опять напоить

---

¹¹⁾ Англичане прозвали его желѣзнымъ герцогомъ (iron duke).

¹²⁾ Чтобы имѣть понятіе о томъ, что такое была англійская армія, когда Веллингтонъ принялъ надъ нею начальство, надо заглянуть въ его офиціальныя депешы и донесенія, гдѣ онъ очень вѣрно обрисовываетъ ея состояніе.

своихъ нѣмцевъ французскимъ виномъ, а Веллингтонъ писалъ изъ Вѣны 12 марта къ министру Кастльре: „я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что Наполеонъ низвергнетъ французскаго короля, но онъ не выдержитъ дружнаго напора всѣхъ европейскихъ государей ¹³⁾).

Коалиція не могла сдѣлать удачнѣе выбора главнокомандующихъ, которые должны были выдержать первый ударъ Наполеона.

---

¹³⁾ The dispatches et cet. t. XII.

ГЛАВА VI.

Шарлеруа (15 июня).

Наполеонъ состарѣлся преждевременно. Его крѣпкое здоровье сильно разстроилось вслѣдствіе продолжительнаго неограниченнаго господства, постоянныхъ порывовъ безпредѣльнаго честолюбія, усиленныхъ кабинетныхъ и боевыхъ трудовъ, душевныхъ потрясеній, тѣхъ мученій, какія вынесъ онъ за три года неслыханныхъ пораженій, внезапнаго паденія съ трона, казалось основаннаго на-вѣки, тяжелаго вынужденнаго бездѣйствія въ изгнаніи и двойной болѣзни, симптомы которой повторялись все чаще и принимали угрожающій характеръ.

Тотъ же огонь блисталъ въ его глазахъ, также могучъ былъ его взглядъ; но вся фигура осунулась, разжирѣла; лицо отекло, а щеки обвисли; замѣтно было, что онъ дряхлѣетъ. Сонъ его былъ тяжелъ и императоръ не могъ подчинить своей волѣ эту потребность какъ прежде, т. е. спать сколько и когда захочетъ. Продолжительной и быстрой верховой ѣзды онъ совсѣмъ не могъ переносить ¹⁾.

Быстрота, сила и глубина соображенія въ немъ сохранились; но мысль уже не такъ послѣдовательно и настойчиво вырабатывалась въ головѣ, а самое худшее было то, что Наполеонъ утратилъ прежнюю энергію и рѣшимость. Какъ многіе пожилые люди, онъ любилъ говорить, пускался въ пренія и терилъ время на бесплодную болтовню ²⁾. Онъ долго не рѣшался

---

¹⁾ См. приложение V.

²⁾ < Часто самыя важныя соображенія, перерывались пустою болтовнею; онъ разсѣявался, не могъ преодолевать сна и усталости. Онъ не

приступить къ чему нибудь; приступивъ опять колебался, и наконецъ въ самомъ исполненіи не оставлялъ своей мнительности. Отъ его прежней настойчивости осталось только упрямство, качество для него роковое; ему непремѣнно хотѣлось видѣть вещи въ выгодномъ, а не въ настоящемъ ихъ свѣтѣ.

Характеръ его надломился подъ непрерывными ударами судьбы. Исчезла прежняя вѣра въ себя, качество почти необходимое при всякомъ великомъ предпріятіи; прежняя увѣренность въ своемъ счастіи, которое 15 лѣтъ чуднымъ образомъ служило ему какъ генералу, какъ консулу и какъ императору. По собственному признанію Наполеона, темное предчувствіе въ гибельномъ исходѣ войны тревожило его постоянно.

Упадокъ моральныхъ и физическихъ силъ особенно былъ нестатен при настоящемъ затруднительномъ и опасномъ положеніи дѣлъ. Обстоятельства были въ такой степени критически, что Богъ знаетъ могъ-ли восторжествовать надъ ними императоръ хотя бы и сохранилъ ту живость и ту энергію, какія блещли напр. въ Италіи, подъ Регенсбургомъ, или воскресли въ немъ со всею силою подъ Шампоберомъ и Монмиралемъ.

Французская армія была въ два раза слабѣе англо-голландской и прусской арміи.

Побѣда была сама по себѣ дѣломъ труднымъ для Наполеона; но простой побѣды было мало—нужно было разбить непріятеля на-голову, разбить его быстро, мгновенно; потому что, при первомъ извѣстіи объ открытіи военныхъ дѣйствій, русскіе, австрійцы и проч. устремятся на наши восточныя области и двинутся на Парижъ. Нужно было совершенно разсѣять непріятеля въ Бельгіи и успѣть остановить грозное вторженіе.

Скорая, великая, рѣшительная побѣда надъ прусскою и

въ состояніи былъ уже быть внимательнымъ по прежнему». Такъ выражается Бенжаменъ-Констанъ, часто видѣвшій и работавшій съ Наполеономъ.

«Наполеонъ посылалъ за мною два, три раза въ день и бесѣдовалъ по цѣлымъ часамъ.» (Mémoires de Lavalette).

англо-голландскою арміями, являлась первымъ и необходимымъ условіемъ принятаго Наполеономъ плана дѣйствій.

Всѣ шансы на быстрый успѣхъ исчезали, когда обѣ арміи соединялись; тогда пропадала всякая возможность разбить ихъ на-голову.

Вслѣдствіе подобной комбинаціи былъ рѣшенъ выборъ операціонной линіи.

Собственно говоря, для выбора представлялось четыре пути: изъ Лилля или Валансьенна двинуться на правое крыло и центръ Веллингтоновскаго расположенія или изъ Живе на лѣвое крыло Блюхера или, направившись изъ Авена, разобить обѣ непріятельскія арміи.

При фланговой атакѣ союзнаго расположенія, т. е. при движеніи на правый флангъ англичанъ, связь между союзниками не прерывалась; и, потѣсенные съ одной стороны, они отступали на свои же силы, что вело только къ скорѣйшему сосредоточенію всей массы войскъ.

Атака Веллингтоновскаго центра была затруднительнѣе и рискованнѣе, но не представляла никакихъ рѣшительныхъ послѣдствій.

При атакѣ изъ Авена, на крайнее лѣвое крыло англійской и правый флангъ прусской арміи, конечно не избѣгали невыгодъ, присущихъ всякой центральной атакѣ; но, по мнѣнію Наполеона, при всякомъ иномъ операціонномъ планѣ представлялось болѣе невыгодъ.

Наполеонъ, видя что ему приходится имѣть дѣло съ осторожными, медлительными Веллингтономъ, и смѣлыми, неутомимымъ Блюхеромъ, рассчиталъ, что послѣдній бросится на встрѣчу французамъ съ частью силъ, тогда какъ первый не рѣшится помочь союзнику, пока не соберетъ большую часть своей арміи.

Расчетъ былъ рискованный; но Наполеонъ много надѣялся на то, что непріятель имѣлъ различныя операціонныя линіи.

При базированіи Веллингтона на Антверпенъ и Нѣмецкое море, а Блюхера на Кельвъ и теченіе Рейна, должны были возникнуть недоразумѣнія при стратегическихъ комбинаціяхъ;

которые увеличатся, когда атака обрушится на центръ союзнаго расположенія. Французскій полководецъ видѣлъ въ томъ залогъ скораго успѣха и возможность, разобивъ непріятельскія арміи, опрокинуть одну изъ нихъ въ долину Мааса, а другую отбросить къ Шельдѣ.

Вслѣдствіе подобныхъ соображеній рѣшено двинуться изъ Авена и разобить непріятельскія арміи.

Шоссе изъ Шарлеруа въ Брюссель имѣло важное стратегическое значеніе, служа опорною линіею для соединенія обѣихъ армій. Быстро двинувъ туда всю массу французскихъ войскъ, слѣдовало захватить это шоссе, такъ чтобы ни Веллингтонъ, ни Блюхеръ не успѣли собрать свои сильно разбросанныя дивизіи.

Шоссе изъ Намюра въ Нивель, идущее параллельно французской границѣ, отстоитъ отъ послѣдней примѣрно отъ 12 до 14 лье (15 до 52½ верстъ), и разрѣзываетъ подъ прямымъ угломъ большую дорогу изъ Брюсселя въ Шарлеруа. Оно служило главною соединительною артеріею между союзными арміями, проходя поперекъ ихъ кантониръ-квартиръ; шпіоны успѣли дать общее понятіе о расположеніи союзниковъ.

Арміи противника или совершенно разобщались, или ихъ соединеніе было бы крайне затруднено если бы часть намюрскаго шоссе была занята французами. (См. карту № I).

Слѣдовательно было необходимо немедленно занять его, что было возможно въ одинъ усиленный переходъ.

Наполеонъ рѣшился на форсированный маршъ; на совершеніе его и назначался первый день кампаніи.

Вечеромъ 14 іюня французская армія расположилась тремя колоннами по тремъ различнымъ направленіямъ; но всѣ три пути сходились въ одинъ центральный пунктъ: городъ Шарлеруа на Самбрѣ.

Лѣвая колонна состояла изъ корпусовъ Рейля и Эрлона; средняя изъ корпусовъ Виндама, Лобау, императорской гвардіи и резервной кавалеріи; правая изъ корпуса Жерара и одной дивизіи резервной кавалеріи.

Еще на бивакахъ не утихли взрывы солдатскаго восторга,

возбужденнаго воззваніемъ Наполеона, какъ изъ главной квартиры были разсланы офицеры къ корпуснымъ командирамъ съ диспозиціею на завтрашній день.

2-й корпусъ Рейля, бивакировавшій на правомъ берегу Самбры у Лера, долженъ былъ двинуться въ 3 часа утра внизъ по рѣкѣ къ мостамъ у города Туина и деревни Альнъ, и къ 9 часамъ утра прибыть къ Маршіеню, небольшому городку, лежащему на Самбрѣ на $\frac{1}{2}$ лье ($1\frac{7}{8}$ верст.) выше Шарлеруа.

Корпусу надо было пройти 5 лье ³⁾ ($18\frac{3}{4}$ версты) отъ Лера до Маршіеня, но въ то время между этими пунктами не было устроено шоссе.

1-й корпусъ д'Эрлона занималъ бивачное расположеніе въ 2-хъ лье ($7\frac{1}{2}$ верстъ) позади Лера, у Соль-сюръ-Самбръ; ему приказано двинуться въ одно время съ Рейлемъ, идти по слѣдамъ 2-го корпуса, и, смѣнивъ, одною изъ своихъ дивизій, войска, оставленныя для охраненія переправъ у Туина и Альна, устроить тотъ-де-поны въ обоихъ пунктахъ.

1-й резервный кавалерійскій корпусъ Пажоля въ $2\frac{1}{2}$ часа утра двигается къ Шарлеруа, имѣя впереди, временно состоящую при корпусѣ, кавалерійскую дивизію 3-го корпуса.

Корпуса Вандамма, Лобау (6-й) и гвардія поддерживаютъ Пажоля, выступая—Вандамъ въ 3 часа утра, Лобау въ 4, молодая гвардія въ 5, егеря старой гвардіи въ $5\frac{1}{2}$, гренадеры старой гвардіи въ 6 часовъ утра, слѣдуя въ одной общей колоннѣ.

Маршалъ Груши получилъ приказаніе прикрывать съ 2-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ движеніе справа, выступивъ въ 5 часовъ утра.

3-й и 4-й корпуса резервной кавалеріи слѣдуютъ за нимъ, снимаясь съ позицій въ $6\frac{1}{2}$ и въ $7\frac{1}{2}$ часовъ утра.

Отъ Бомона до Шарлеруа войскамъ приходилось сдѣлать 7 лье ($26\frac{1}{2}$ верстъ) по проселкамъ и неровной мѣстности.

Правое крыло, состоявшее изъ 4-го корпуса Жерара, на-

---

³⁾ Вездѣ принято : лье длиною въ 4 километра ($3\frac{3}{4}$ версты).

правляется также на Шарлеруа; но только когда весь корпус стянется къ Филиппвилю, откуда до Шарлеруа 6 лье разстоянія.

Въ диспозиціи, отданной для движенія арміи, императоръ объявилъ, „что онъ желаетъ посидѣть къ Самбрѣ ранѣе полудня и перевести армію на лѣвый берегъ рѣки“.

Мы рассказали уже, какія предосторожности были приняты, чтобы скрыть движеніе корпусовъ отъ Меца къ Валансьену и расположеніе арміи между Самброю и Маасомъ. Шпіоны, прибывшіе въ ночь на 15 іюня изъ Намюра и Брюсселя, донесли императору, что непріятель пока ничѣмъ не тревожится. Но дѣла могли перемениться за бытность шпіоновъ въ дорогѣ, потому что отъ Намюра до Бомона болѣе 15 лье (56 ¹/₄ верстъ), а изъ Брюсселя болѣе 20 лье (75 верстъ).

По собраннымъ свѣдѣніямъ можно было заключить, что до полудня непріятель не зналъ еще о движеніи французскихъ колоннъ вдоль границы.

Ночь прошла покойно.

Не разсвѣтало, какъ раздались звуки утренней зари; люди поднялись весело и съ нетерпѣніемъ рвались въ бой.

Въ 3 часа утра, согласно диспозиціи, заколыхалась лѣвая колонна, имѣя въ головѣ корпусъ Рейля.

Не успѣлъ Рейль сняться съ биваковъ, какъ наткнулся на прусскіе аванпосты тотчасъ же отступившіе; въ 4 часа раздались первые выстрѣлы французской батареи противъ Туина, гдѣ стоялъ баталіонъ ландвера.

Кампанія въ Бельгіи открылась! Послѣ короткаго сопротивленія прусская пѣхота была выгнана изъ Туина. Живо преслѣдуемая, она остановилась у Монтиньи, но была вытѣснена оттуда, и вторично остановилась, поддержанная двумя эскадрами; но наша кавалерія опрокинула и разсѣяла непріятельскую пѣхоту и конницу, такъ что пруссаки съ трудомъ могли добраться до Маршіеня, потерявъ до 100 убитыми и ранеными и до 200 человекъ плѣнными.

Баталіонъ съ двумя орудіями защищалъ г. Маршіенъ, выстроенный на обоихъ берегахъ р. Самбры.

Въ 1815 году чрезъ рѣку былъ перекинутъ узенькій мостъ, отъ коего идетъ узкая улица.

По безпечности, непріятель не заготовилъ ничего, чтобы взорвать этотъ мостъ и всѣ прочіе мосты на Самбрѣ; онъ торопливо устроилъ баррикады на мосту; но послѣ недолгой пушечной и ружейной перестрѣлки съ авангардомъ Рейля, очистилъ городъ и отступилъ въ 10 часовъ черезъ Дамреми въ Жилли, безъ преслѣдованія съ нашей стороны.

Очистивъ мостъ, Рейль, нѣсколько задержанный переправою, дебушировалъ съ корпусомъ изъ города на высоты, гдѣ сосредоточилъ корпусъ и пройдя одно лье ($3\frac{3}{4}$ верст.) по направленію къ Жюме, въ ожиданіи приказаній, занялъ позицію, примыкая къ шарлеруасскому шоссе, исполнивъ приказъ Наполеона, помѣченный $8\frac{1}{2}$ часами утра.

Другая денеша, отправленная нѣсколько позже къ д'Эрлону, предписывала ему переправиться чрезъ Самбру у Альна или Маршіена, выдвинуться на проходящую мимо города дорогу изъ Шарлеруа въ Монсъ и войти въ связь съ корпусомъ Рейля.

Но д'Эрлонъ въ то время еще не достигъ Самбры.

Въ центрѣ Пажоль съ 1 резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ и кавалерійскою дивизіею Домона (изъ корпуса Вандамма), составляя авангардъ, двинулся въ назначенный часъ къ Шарлеруа. Близъ Гамъ-сюръ-Ерѣ онъ наткнулся на прусскій полубаталіонъ, занимавшій аванпосты, атаковалъ его, захватилъ 200 плѣнныхъ и къ 8 часамъ достигъ Марцинеля.

Узкая, обсаженная плотина, длиною 200 метровъ, ведетъ изъ деревни, оставленной пруссаками, къ мосту противъ г. Шарлеруа, самый мостъ былъ спереди замкнутъ палисадомъ, а сзади баррикадированъ. Пажоль бросился на „ура“ съ головною кавалерійскою бригадою на плотину, но попавъ подъ огонь непріятельскихъ стрѣлковъ, засѣвшихъ по сторонамъ плотины за изгородями, принужденъ былъ отступить. Онъ полагалъ, что пѣхота 3 корпуса идетъ за нимъ; для дальнѣйшаго движенія содѣйствіе пѣхоты было необходимо, но корпуса за нимъ вовсе не было. Главный штабъ забылъ от-

править диспозицію къ Вандамму; въ шесть часовъ утра три его дивизіи еще не снялись съ своихъ биваковъ и тронулись только въ семь часовъ утра.

Молодая гвардія первая поддержала Пажоля. Наполеонъ поздно узналъ о бездѣйствіи 3 корпуса и приказалъ молодой гвардіи идти проселками лѣвѣе дороги, указанной для слѣдованія 3 корпуса, около полудня молодая гвардія прибыла къ Шарлеруа.

Ея прибытіе заставило пруссаковъ отступить; гвардейскіе саперы и моряки бросились съ топорами на мостовой палисадъ, срубили его и заднюю баррикаду и проложили путь войскамъ. Пажоль и вслѣдъ за нимъ молодая гвардія прошли черезъ Шарлеруа ⁴⁾.

Отъ Шарлеруа до Брюсселя 13 лье (48^{3/4} верстъ). Шоссе идетъ на Госсели, Франъ, Катръ-Бра, Женаппъ и Ватерлоо. Почти отъ самаго Шарлеруа отдѣляется вправо другое шоссе длиною 10 лье (37^{1/2} верстъ) на Жилли и Флерусъ къ Намюру.

Пройдя Шарлеруа, Пажоль выслалъ, по брюссельскому шоссе, генерала Клари съ гусарскимъ полкомъ, чтобы освѣтить свой лѣвый флангъ и войти въ связь съ Рейлемъ, который, какъ извѣстно, переправился черезъ Самбру у Маршіени, т. е. выше Шарлеруа на ¹/₂ лье; самъ Пажоль съ остальными войсками подвинулся по намюрскому шоссе; но былъ остановленъ непріятелемъ.

Баталіонъ, защищавшій Шарлеруа, отступилъ въ порядкѣ и былъ подкрѣпленъ нѣсколькими баталіонами, кавалерійскимъ полкомъ и батареею.

Недоходя дер. Жилли (1 лье отъ Шарлеруа) Рейль остановился передъ пруссаками и ограничился перестрѣлкою.

Въ это время прибылъ къ войскамъ самъ Наполеонъ; онъ двинулъ на поддержку Клари Лефевра-Денгута съ гвардейскими конно-егерями и уланами и 2 батареями, и приказалъ

---

⁴⁾ Генераль Пажоль вступилъ въ полень въ Шарлеруа (бюллетень 15 іюня).

Дюэму, окончивъ дебушированіе изъ Шарлеруа, отрядить 3 полка молодой гвардіи въ помощь Пажолю, а 4-й въ резервъ Лефевру-Денуэту, который прошелъ одно лье по дорогѣ на д. Госсели. Правое крыло арміи двигалось медленнѣ центра и лѣваго крыла.

Жераръ (4-й корпусъ) долженъ былъ дожидаться своей дивизіи, отставшей на 3 или 4 лье (11¹/₄ верстъ до 15 верстъ) за Филиппвилемъ и выступилъ только въ 5 часовъ утра.

Колонны тронулись... войска бодро шли по дорогѣ на Шарлеруа, какъ вдругъ разнесся слухъ, что начальникъ авангарда, дивизионный генералъ дезертировалъ въ Бельгію со всѣмъ своимъ штабомъ.

Отвратительная новость была справедлива. Самъ Жераръ убѣдился въ томъ изъ письма дезертира—генералъ-лейтенанта Бурмона.

Бурмонъ служилъ въ арміи Конде, потомъ былъ предводителемъ роялистскихъ шакъ въ Западной Франціи, въ консульство долго сидѣлъ въ заключеніи и въ 1810, въ видѣ изъятія изъ закона, принятъ на службу полковникомъ; выказывая храбрость и дарованія достигъ повышенія, потомъ явился усерднымъ агентомъ Бурбонскаго правительства, а 13 марта присталъ къ Наполеону, которому теперь измѣнялъ. „Меня не увидятъ въ непріятельскихъ рядахъ“, писалъ онъ Жерару, „я не открою непріятелю ничего, что могло бы повредить французской арміи... но я постараюсь защитить французовъ не включенныхъ въ амнистію, оградить наше отечество отъ конфискацій и имѣть въ виду народную независимость“. Какое жалкое оправданіе поступку неимѣющему оправданій—преступленію.

Сообщниками Бурмона были начальникъ его штаба полковникъ Клуэ, помощникъ начальника штаба эскадронный командиръ Вилутре, два адъютанта Дандинье и Треманъ и офицеръ, прикомандированный къ дивизионному штабу, капитанъ Сурда ⁵⁾).

---

⁵⁾ Въ сочиненіяхъ на островѣ св. Елены, вездѣ говорится, что Бурмонъ

Такъ оправдались ходившіе въ арміи слухи, что измѣна кроется въ рядахъ только до перваго удобнаго случая.

Дивизія, оставленная Бурмономъ, пришла въ ярость: Жераръ поскакалъ къ ней и успокоилъ нѣсколько солдатъ своими увѣреніями, что эта гнусная измѣна не будетъ имѣть никакого вліянія на исходъ начатаго движенія.

По общей диспозиціи, 4-й корпусъ долженъ былъ направиться на Шарлеруа; но въ полдень получили приказаніе Сульта, помѣченное 3½ часами утра, слѣдовать вправо на Шателе. Эта деревушка лежитъ на Самбрѣ на 1½ лье ниже Шарлеруа.

Авангардъ Жерара прибылъ туда къ 5 часамъ пополудни; мостъ былъ не тронуть, а два прусскихъ баталіона очистили деревню еще въ 3 часу и ушли къ Флерусу.

Главные силы 4 корпуса, задержанные дурными проселками и пересѣченною мѣстностью, далеко отстали.

Итакъ въ 3 часу по-полудни лѣвое крыло арміи находилось по ту и по сю сторону Маршіена; центръ частью за Шарлеруа, частью не доходя этого города, правое крыло частью въ Шателе, а частью по дорогѣ къ нему.

Въ диспозиціи Наполеонъ объявилъ, что желаетъ перейти Самбру до полудня; слѣдовательно армія опоздала.

Встрѣтившіяся непріятельскія войска были изъ бригады Пирха 2-го (корпуса Цитена).

Корпусъ Цитена былъ растянутъ отъ Фонтенъ-Левека до Мутъ; Флерусъ назначенъ сборнымъ пунктомъ для корпуса.

Правофланговая бригада входила въ связь съ англо-голландскою арміею у Бинша и прикрывала пространство отъ Бинша до Самбры. На лѣвый берегъ Самбры были посылаемы

дезертировалъ 14 іюня. Эта, съ умысломъ введенная, неточность была повторена потомъ почти всѣми французскими писателями.

Отчетность 4 корпуса о перемѣнахъ въ наличномъ составѣ штабныхъ офицеровъ, существуетъ. Деsertированіе Бурмона съ сообщеніями отнесено къ 15 іюню. Наконецъ и самое письмо генерала Бурмона къ Жерару о своемъ побѣгѣ адресовано 15 іюня изъ Флорена (близъ Филиппвилля).

отъ насъ лишь кавалерійскіе разъѣзды, не переходившіе границы и не тревожившіе квартирнаго расположенія бригады. Штейнмецъ, узнавъ о движеніи французовъ, немедленно стянулъ войска и отступилъ чрезъ Госсели къ Флерусу.

Пирхъ 2-й, занимавшій Туинъ, Маршіенъ, Шарлеруа, Шателе, отвелъ свою бригаду къ Флерусу.

Бригада Ягова, квартировавшая въ окрестностяхъ Флеруса, стянулася немедленно къ городу.

Бригада Генкеля находилась на маршѣ къ Флерусу.

Наполеонъ рассчитывалъ застать въ-расплохъ, разбить и уничтожить корпусъ Цитена; но Цитенъ успѣлъ въ порядкѣ начать отступленіе къ сборному пункту прежде перехода французскихъ колоннъ на лѣвый берегъ Самбры.

Надо было предупредить Цитена у Флеруса, но предупредить ли? вотъ въ чемъ состоялъ вопросъ дня.

Въ 3 часа по-полудни егеря и гренадеры гвардіи, слѣдовавшіе къ Шарлеруа вслѣдъ за молодою гвардіею, были собраны тотчасъ за городомъ; корпусъ же Вандаммы еще не кончилъ дебушировать изъ города.

Наполеонъ послалъ Рейлю приказаніе „двинуться на Госсели и атаковать остановившійся тамъ непріятельскій отрядъ“. Этотъ отрядъ состоялъ изъ пѣхотнаго полка бригады Ягова и уланскаго полка, присланнаго Цитеномъ облегчить отступленіе бригады Штейнмеца.

Рейль двинулся проселкомъ чрезъ лѣсъ Монсо на Жюме: кавалерія обогнула лѣсъ съ-лѣва. Авангардъ прибылъ во время на подкрѣпленіе гусаръ Клары, тѣснимыхъ прусскими уланами.

Между тѣмъ Штейнмецъ достигъ Госсели, такъ что здѣсь собралось до 12 т. пруссаковъ.

Рейль поджидалъ для атаки, пока стянется вся его пѣхота, и съ прибытіемъ пѣхотныхъ дивизій, двинулся на Госсели и Ломбукскій лѣсокъ, лежащій въ сторонѣ.

Пруссаки не выжидали нападенія и, отстрѣливаясь, продолжали отступать къ Флерусу.

Въ 5 часовъ по-полудни ⁶⁾ къ головнымъ колоннамъ Рейля прибылъ маршалъ Ней.

11 іюня Наполеонъ отправилъ къ военному министру слѣдующее лаконическое посланіе: „Позовите Ней; если онъ желаетъ участвовать въ первомъ сраженіи, пусть явится 13 числа въ мою главную квартиру, въ Авенъ“.

Ней жилъ тогда въ окрестностяхъ Парижа. Предувѣдомленный министромъ, онъ тотчасъ же явился, на другой день утромъ отправился въ дорогу и, вечеромъ 14, прибылъ въ Бомонъ. Онъ не имѣлъ даже верховой лошади, а весь его штабъ состоялъ изъ одного адъютанта. 15 ему удалось купить по случаю двухъ лошадей, такъ что въ 11 часовъ онъ могъ выѣхать изъ Бомона. Въ 4 1/2 часа по-полудни онъ встрѣтился съ Наполеономъ за Шарлеруа, тамъ гдѣ отъ брюссельскаго шоссе отдѣляется вѣтвь на Намюръ. Послѣ первыхъ привѣтствій, Наполеонъ сказалъ: „я вамъ отдаю въ команду 1 и 2 пѣхотные корпуса. Рейль идетъ на Госсели, д'Эрлонъ долженъ почевать въ Маршіенъ“.

У васъ будетъ легкая кавалерійская дивизія Пире; и я вамъ придамъ гвардейскихъ конно-егерей и гвардейскихъ уланъ, только не употребляйте ихъ въ дѣло. Завтра присоединится къ вамъ тяжелая кавалерія Келлермана. Ступайте и тѣсните непріятеля“ ⁷⁾.

Распросивъ Рейля о положеніи дѣлъ, Ней приказалъ дивизіи Пире немедленно двинуться впередъ по брюссельскому -

---

⁶⁾ Notice historique sur les mouvements du 2 corps, pendant la campagne de 1815. Соч. генераль-лейтенанта графа Рейля.

⁷⁾ Relation de la campagne de 1815 pour servir à l'histoire du maréchal Ney. Соч. очевидца, маршальскаго адъютанта, полковника Геймеса.

Это сочиненіе было напечатано въ добавленіяхъ къ IX тому «Mémoires de Napoléon» (Paris 1830), а позже въ брошюрѣ герцога Эльхингенскаго (второго сына маршала Ней): «Documents inédits sur la campagne de 1815». Инструкціи, полученныя маршалою Неемъ 15 числа вечеромъ отъ Наполеона, и многія другія показанія не сходятся съ показаніями, приведенными въ очеркахъ, диктованныхъ на островѣ св. Елены. Ниже мы будемъ имѣть случай убѣдиться, что эти очерки неточно передаютъ данныя Неею инструкціи.

шоссе, дивизіи Башелю поддерживать ее, дивизіи Жирана преслѣдовать пруссаковъ къ Флерусу, а дивизіямъ Гильемино и Фуа расположиться: первой въ Ломбукскомъ лѣсу, а второй въ Госсели; спустя нѣсколько времени Ней самъ двинулся за Пире съ гвардейскими конно-егерями и уланами.

Не доходя до Франа, деревни отстоящей на $2\frac{1}{2}$ лье отъ Госсели и на одно лье ($3\frac{3}{4}$ версты) отъ Катръ-Бра, онъ услышалъ загремящую вдругъ канонаду.

Въ $6\frac{1}{2}$ часовъ ⁸⁾ Пире наткнулся у Франа на непріятеля.

Деревню занималъ одинъ баталіонъ бригады герцога Бернгарда Саксенъ-Веймарскаго (дивизіи Перпончера, изъ корпуса принца Оранскаго) съ одною батареею. Бригада герцога (слишкомъ 4000 челов.) состояла изъ двухъ нассаускихъ полковъ, бывшихъ на службѣ нидерландскаго правительства; она была расположена отъ Женаппа до Франа и составляла окончность лѣваго крыла англо-голландской арміи.

Пушечные выстрѣлы, раздавшіеся утромъ на Самбрѣ, распространили тревогу; крестьяне, спасавшіеся отъ французскаго нашествія, принесли первыя достовѣрныя извѣстія о нашемъ движеніи.

При первомъ извѣстіи, принцъ Бернгардъ собралъ свою бригаду къ Катръ-Бра, предупредивъ такимъ образомъ позже отданное ему приказаніе ⁹⁾.

Черезъ нѣсколько времени онъ собралъ вѣрныя свѣдѣнія о занятіи французами Шарлеруа, и кончилъ всѣ распоряженія, когда разъѣзды Пире начали перестрѣливаться у Франа.

Пире сдѣлалъ нѣсколько тщетныхъ попытокъ отрѣзать баталіонъ, занимавшій подступы къ деревнѣ. Баталіонъ, подъ покровительствомъ огня своей батареи, успѣлъ отступить на резервы, занимавшіе шоссе и сосѣдній лѣсъ. Здѣсь непріятель

---

⁸⁾ Донесеніе изъ Катръ-Бра 15 іюня, въ 9 часовъ вечера, принца Бернгарда Саксенъ-Веймарскаго генералу Перпончеру.

⁹⁾ Изъ Бренъ-де-Конта о томъ отправили приказъ въ Нивель къ Перпончеру въ 3 часа по-полудни, за подписью начальника корпуснаго штаба принца Оранскаго, генерала Констанъ-де-Ребека. (Архивъ военнаго министерства въ Гагѣ).

держался упорно, такъ что прибывшій на поле сраженія Ней, обозрѣвъ непріятельское расположеніе, приказалъ авангарду Башелю ускорить движеніе.

Наступилъ вечеръ, довольно сильная канонада, раздававшаяся съ пяти часовъ между Шарлеруа и Флерусомъ, продолжала гремѣть въ этомъ направленіи — позади и вправо отъ Франа.

Дивизія Башелю была еще на-маршѣ. Войска, бывшія на ногахъ съ 2¹/₂ часовъ утра, совершенно утомились, лошади приставали....¹⁰⁾ отъ Наполеона не приходило приказанія занять Катръ-Бра; наконецъ серьезная атака могла начаться только при наступленіи ночи, а силы противника были неизвѣстны. Вслѣдствіе всего этого, Ней справедливо заключилъ, что пора остановиться.

Дивизія Пире получила приказаніе отойти къ Франу; за нею стали уланы и конно-егеря Лефевра-Денуэта и дивизія Башелю.

Въ 10 часовъ Ней уѣхалъ въ Госсели, гдѣ назначилъ свою главную квартиру и оттуда поскакалъ въ Шарлеруа, отдать отчетъ императору и испросить у него новыхъ инструкцій.

Лѣвое крыло было расположено слѣдующимъ образомъ: корпусъ Эрлона эшелонировался между Маршіеномъ и Жюме; двѣ дивизіи Рейля у Госсели, дивизія Жирара близъ Флеруса въ Ваньени, дивизіи Башелю, Лефевра-Денуэта и Пире у Франа. Слѣдовательно авангардъ лѣваго крыла продвинулся 4 лье за Шарлеруа.

Центръ, лично предводительствуемый Наполеономъ, продвинулся еще менѣе не смотря на то, что вся суть состояла въ безостановочномъ движеніи.

---

¹⁰⁾ Одинъ изъ замѣчательныхъ военныхъ людей, принцъ Бернгардъ Саксенъ-Веймарскій, всегда рассказывавшій мнѣ о кампаніи 1815 года съ рѣдкою скромностію, вѣрностію, и безпристрастіемъ, говорилъ мнѣ; что онъ былъ пораженъ усталостію нашей пѣхоты и лошадей, вечеромъ 15 іюня.

Въ очеркахъ Геймеса сказано: «войска изнурились совершенно».

Мы знаемъ причину запозданія Вандамма; онъ поздно пришелъ въ Шарлеруа и только въ 4 часа кончилъ дебушировать изъ города. Получивъ приказаніе наступать, онъ немедленно двинулся къ Жилли, гдѣ значительныя силы пруссаковъ остановили Пажоля. Драгуны Эксельмана подходили на подкрѣпленіе, когда прибылъ на позицію начальникъ резервной кавалеріи маршалъ Груши. Онъ увидѣлъ, что для атаки нужна пѣхота, и поѣхалъ за нею къ Наполеону. Тотъ отправлялъ въ это время Нея къ Катръ-Бра ¹¹⁾.

Наполеонъ простился съ Неемъ и поскакалъ съ Груши къ Жилли. Корпусъ Вандамма между тѣмъ выстроился за Пажолемъ и Эксельманомъ.

Высоты, возвышающіяся за ручьемъ Жилли, были заняты, по приказанію Цитена, бригадою Пирха 2.

Пирхъ 2 имѣлъ 7 баталіоновъ, драгунскій полкъ и 8 орудій. Онъ занялъ боевую позицію по направленію отъ аббатства Солейманъ на Шателино, поперекъ флерусскаго шоссе и по обѣ стороны дороги, которая идетъ чрезъ Ламбюсаръ на Флерусъ. Четыре баталіона стали въ первую линію, три въ резервъ.

Правофланговый баталіонъ, прикрытый аббатствомъ Солейманъ, упирался въ Лобскій и Рансарскій лѣски; одинъ баталіонъ занялъ перелѣсокъ у ламбюсарской дороги, баталіонъ лѣвѣе перелѣска, а одинъ баталіонъ прикрывалъ батарею, обстрѣливавшую выходы изъ Жилли вдоль по шоссе и скаты высотъ.

Резервъ былъ на ламбюсарской дорогѣ и по опушкѣ Трипегевскаго и Роншанскаго лѣса.

На лѣвомъ флангѣ драгуны наблюдали за дефиле, которое тянется къ Шателе и было занято авангардомъ корпуса Жерара.

Пирхъ 2 воспользовался подареннымъ временемъ и устроилъ засѣдки по шоссе.

Два баталіона бригады Ягова стояли между Фарсіеномъ и

---

¹¹⁾ Observation sur la Relation de la campagne de 1815, генерала Гурго, изданный генераломъ Груши (Филадельфія 1819 г.).

Ламбюсаромъ на $\frac{3}{4}$ лье позади лѣваго фланга; 2 другихъ баталіона, 4 кавалерійскихъ полка и 16 орудій стягивались къ Ламбюсару на подкрѣпленіе Пирха 2.

Наполеонъ быстрымъ взоромъ окинулъ позицію, гдѣ непріятель повидимому думалъ держаться, и приказалъ начать атаку ¹²⁾.

Двѣ артиллерійскія батареи тотчасъ же открыли огонь, скоро подбили нѣсколько орудій и заставили прусскую батарею сняться съ позиціи.

Три пѣхотныя двухъ-баталіонныя колонны были двинуты: первая на лѣсокъ у ламбюсарской дороги, другая, оставивъ влѣво дер. Жилли, на центръ пруссаковъ, третья въ обходъ деревни.

Двѣ бригады Эксельмана поддерживали наступленіе; одна угрожала обходомъ лѣвому крылу; другая двинулась по флерусскому шоссе.

Цѣль Цитена была по возможности задерживать наступленіе французской арміи; но не подвергать себя при томъ опасности — цѣль эта была вполне достигнута.

Видя атаку, онъ приказалъ отступать.

Едва только стрѣлковыя цѣпи стали подаваться назадъ, какъ Наполеонъ, раздосадованный тѣмъ, что пруссаки ускользаютъ у него изъ рукъ, ускорилъ наступленіе всей линіи и послалъ въ атаку своего адъютанта, генерала Летора съ 4 эскадронами собственнаго конвоя.

Изъ 3-хъ баталіоновъ, бывшихъ лѣвѣе флерусскаго шоссе, одинъ укрылся въ Тришегевскій лѣсъ; два остальныхъ свернули въ каре, но одно было прорвано и на половину изрублено конвойными эскадронами, а другое почти отрѣзано не достигнувъ лѣса.

Баталіонъ, стоявшій правѣе флерусскаго шоссе, ушелъ безъ потери, благодаря засѣкамъ, которыя примыкали вплоть до лѣса и совершенно остановили нашу кавалерію.

---

¹²⁾ Въ пять часовъ императоръ приказалъ начать атаку (бюллетень 15 іюня).

Генераль Латоръ, геройски врубившійся съ конвойными эскадронами, былъ смертельно раненъ. „То былъ храбрѣйшій изъ храбрыхъ и одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ кавалерійскихъ офицеровъ“, говоритъ о немъ Наполеонъ. Пруссаки медленно отступали къ Ламбюсару, преслѣдуемые Груши и Вандаммомъ. У выхода изъ Ламбюсарскаго лѣса резервы приняли боевую линію на себя; но прежде чѣмъ французы выстроились въ боевой порядокъ, пруссаки отступили съ новой позиціи подъ покровительствомъ сильнаго артиллерійскаго огня; чрезъ нѣсколько времени они повторили тотъ же маневръ и отошли за Флерусъ.

Груши и Вандаммъ остановились недоходя $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ лье до города Флеруса. Не смотря на личное присутствіе Наполеона, отъ самой деревни Жилли, преслѣдованіе шло довольно вяло.

Въ 8 часовъ ¹³⁾ Наполеонъ возвратился въ Шарлеруа, гдѣ ему приготовили помѣщеніе въ томъ самомъ домѣ, гдѣ Цитенъ квартировалъ утромъ. Совершенно разбитый отъ усталости, онъ бросился на постель, чтобы отдохнуть нѣсколько часовъ.

Груши и Вандаммъ стали биваками съ наступленіемъ сумерекъ. Корпусъ Пажоля по обѣ стороны флерусскаго шоссе у Ламбюсара и фермы Мартенру, лежащей послѣ д. Ваньени; лѣвѣе Пажоля дивизія Домона, а сзади корпусъ Эксельмана; Вандаммъ расположился въ 3-й линіи.

Два баталіона изъ корпуса Цитена остались въ городѣ; весь корпусъ стоялъ нѣсколько позади.

Прусскій генераль искусно и удачно маневрировалъ цѣлый день. Онъ сильно замедлилъ маршъ французской арміи и могъ соединиться съ прусскою арміею, гдѣ бы та не вздумала сосредоточиться. Потеря Цитена была незначительна: 1,200 челов. по прусскимъ писателямъ, до 2,000 по словамъ Наполеона.

---

¹³⁾ Письмо барона Фена, написанное по приказанію Наполеона къ Іосифу Бонапарте (Шарлеруа, 15 іюня, 9 часовъ вечера).

Мы потеряли отъ 500 до 600 человекъ ¹⁴⁾. Французскіе историки намекаютъ на то, что Груши и Вандаммъ остановились вопреки приказаній Наполеона; но это увѣреніе совершенно напрасно. Оно не встрѣчается даже въ описаніяхъ, диктованныхъ на о. св. Елены.

Какъ и наканунѣ, французская армія бивакировала въ трехъ массахъ. Лѣвое крыло: Эрлона и Рейля стояло эшелонами отъ Маршіеня къ Франу, и одна дивизія корпуса Рейля близъ Флеруса у Ваньени.

Центръ: Пажоль, Эксельманъ и Вандаммъ въ названныхъ выше пунктахъ, гвардейская пѣхота между Жилли и Шарлеруа, кирасиры Мильго, Келлермана и корпусъ Лобау у Шарлеруа и на правомъ берегу Самбры.

Правое крыло: Жераръ впереди Шателе къ сторонѣ Флеруса.

Сторона квадрата, занятого арміею, была 4 лье (15 верстъ).

Наполеонъ высказалъ два мнѣнія о первомъ днѣ кампаніи.

Сначала онъ сказалъ, что всѣ его маневры удались какъ нельзя лучше, обѣ непріятельскія арміи застигнуты въ-расплохъ и сообщеніе между ними крайне затруднено; а французская армія стоитъ между ними и можетъ бить ихъ по частямъ. Непріятель избѣгнетъ пораженія, лишь стянувшись къ Брюсселю или за него ¹⁵⁾.

Потомъ онъ говоритъ: „при движеніи центра къ сожалѣнію потеряно цѣлыхъ 8 часовъ, что помѣшало перенести главную квартиру въ Флерусъ ¹⁶⁾“.

---

¹⁴⁾ Въ бюллетенѣ 15 іюня сказано 10 убитыхъ и 80 раненыхъ; но одинъ корпусъ Рейля потерялъ до 200 человекъ. (Письмо начальника штаба 2 корпуса съ приложеніями, читанное въ палатѣ депутатовъ 1 іюля.

¹⁵⁾ Mémoires, t. IX, p. 76—77.

¹⁶⁾ Mémoires, t. IX, p. 159.

«Роковая проволочка», говоритъ опять Наполеонъ по этому случаю (Campragne de 1815.—Гурго). Замѣтимъ при этомъ, что въ 8-мъ томѣ своихъ мемуаровъ, отвѣчая на нападки критики, онъ говоритъ, что онъ думалъ «занявъ Флерусъ авангардомъ, скрыть главные силы за

Изъ двухъ противоположныхъ суждений, лишь послѣднее справедливо.

День былъ отчасти потерянь.

Въ диспозиціи Наполеонъ объявилъ: „что желаетъ перевести армію на лѣвый берегъ Самбры ранѣе полудня.

Французскую армію вели съ такою быстротою конечно не для того чтобы, остановивъ въ 1^{1/2} лье за Маршіеномъ, Шарлеруа и Шателе, встревожить непріятеля пушечною пальбою и дать ему время собраться.

Наполеонъ неудовлетворялся этимъ; одного взгляда на карту достаточно, чтобы понять его намѣренія, когда онъ диктовалъ общую диспозицію.

Армія переправилась чрезъ Самбру въ вершинѣ исходящаго угла, который образованъ дорогами въ Брюссель и Намюръ. Отъ вершины его въ 5 лье разстоянія (18^{3/4} верстъ) проходитъ шоссе изъ Нивеля въ Намюръ. Оно служило главнымъ путемъ, соединяющимъ обѣ арміи, доставляя имъ возможность быстро соединиться передъ Брюсселемъ.

Нивельская дорога пересѣкаетъ брюссельское шоссе у Катръ-Бра и соединяется съ флерусскимъ у Сомбрефа. Разстояніе между точками пересѣченія 3 лье (11^{1/4} в.).

Если бы часть нивельскаго шоссе между Катръ-Бра и Сомбрефомъ была занята съ боя французами, то центръ союзнаго расположенія былъ бы прорванъ, и, говоря словами Наполеона, непріятелю оставалось одно средство уйти отъ пораженія: отступить къ Брюсселю или за Брюссель. Именно для этой цѣли, то есть для занятія Катръ-Бра и Сомбрефа въ первый же день кампаніи, Наполеонъ хотѣлъ усиленнаго марша для арміи.

Этихъ пунктовъ не заняли, потерявъ по пустому времени: сообщеніе Блюхера съ Веллингтономъ было въ опасности, но не

лѣсомъ; и ни въ какомъ случаѣ не занимать Сомбрефа и не обнаружить присутствія всей арміи.»

Но это увѣреніе противурѣчитъ той быстротѣ, съ какою Наполеонъ желалъ совершить свое движеніе и основнымъ принципамъ его стратегіи, такъ что представляется простою полемикою.

было прервано. Оттого Наполеонъ и сказалъ въ своихъ сочиненіяхъ „къ сожалѣнію потеряно время,“ а мы прибавимъ: „и весь день 15-го былъ отчасти потерянъ.“

Наполеонъ по обыкновенію и здѣсь приписалъ своимъ помощникамъ малый успѣхъ дѣйствій.

Вандамму виновать, что утромъ потерялъ пять часовъ, онъ опоздалъ выступить съ 3-мъ корпусомъ и потомъ сбился съ дороги; а вечеромъ онъ и Груши потеряли 3 часа, отложивъ до 7 часовъ вечера атаку Жилли, тогда какъ имъ предписано было произвести ее въ 4 часа.

Мы говоримъ словами сочиненій на о. св. Елены; но они лгутъ. Вандамму не сбивался въ пути, и хотя долго промедлил на бивакѣ, но отвѣтственность падаетъ не на него, потому что онъ узналъ случайно и поздно про диспозицію.

Прочтя разсказъ безпристрастнаго очевидца, который самъ передалъ Вандамму про движеніе арміи ¹⁷⁾, мы вполне убѣждены въ своихъ словахъ.

Генераль Бонапарте, прежде чѣмъ отдыхать, удостовѣрился бы переданы ли какъ слѣдуетъ всѣ его приказанія; но императоръ Наполеонъ избавлялъ себя отъ такого труда, поручивъ все начальнику главнаго штаба: тотъ же и не узналъ, что офицеръ, отправленный съ диспозиціею къ Вандамму, упалъ съ лошади, сильно ушибся и не выполнилъ порученія.

Вслѣдствіе безопасности штаба упустили время, но не столько какъ говоритъ Наполеонъ.

Онъ самъ приказалъ гвардіи, тронувшейся въ 5 часовъ утра, забрать проселками лѣвѣе направленія, назначеннаго Вандамму; такъ что она, двигаясь въ головѣ колоннъ центра, заступила мѣсто 3-го корпуса.

Вандамму торопиль по возможности движеніе войскъ, такъ что прошелъ Шарлеруа (по свидѣтельству бюллетеня 15 іюня) въ 3 часа по-полудни; а подъ Жилли онъ не замѣшкалъ до

---

¹⁷⁾ Campagne de Waterloo. Соч. Жанена, состоящаго безъ должности полковника генеральнаго штаба. (1820).

Въ приложеніи VI помѣщенъ его разсказъ.

7 часовъ по той причинѣ, что поступилъ подѣ начальство Груши только на слѣдующій день, а самая деревня была атакована въ 5 часовъ ¹⁸⁾. Бюллетень подтверждаетъ наши слова, онъ не лжетъ, потому что былъ написанъ подѣ свѣжими впечатлѣніями въ 8 часовъ вечера, провѣренъ и можетъ быть даже продиктованъ Наполеономъ.

Замѣтимъ еще, что если бы Наполеонъ дѣйствительно приказалъ начать атаку въ 4 часа, то исполненіе его приказанія не находило препятствій. Корпусъ Вандамма кончалъ свое дебушированіе изъ Шарлеруа, впереди былъ Эксельманъ, а вся гвардейская пѣхота давно уже была собрана между городомъ и д. Жилли и могла быть употреблена въ дѣло въ ожиданіи прибытія корпуса Вандамма, такъ что время не было бы потеряно.

Корпуса Пажоля, Эксельмана, Вандамма и гвардія составляли до 44 т. человѣкъ; эта цифра въ скоромъ времени могла усилиться кирасирами Мильго, Келлермана и оставленнымъ на правомъ берегу Самбры корпусомъ Лобау.

Пруссакъ не долго держались въ Жилли; но они и не подумали бы держаться, имѣя дѣло съ такими значительными силами. Къ 7 часамъ Флерусъ, лежащій въ 2 лье отъ Жилли, былъ бы занятъ, а вслѣдъ за нимъ захватывали часть нивельскаго шоссе около Сомбрефа.

Ни Груши, ни Вандамъ невиноваты въ томъ, что не дошли до шоссе. Можно думать, что самъ Наполеонъ отказался отъ этого важнаго движенія, боясь наткнуться у Флеруса на всю прусскую армію, когда одинъ авангардъ корпуса Жерара дошелъ въ 3 часа до Шателе, а самый корпусъ могъ придти туда поздно вечеромъ; корпусъ же Эрлона запоздалъ за рѣкою Самброю.

Неутомимый и дѣятельный Жераръ невиноватъ въ медленномъ движеніи праваго фланга; его задержало ожиданіе отставшихъ колоннъ, пересѣченная до крайности мѣстность, пред-

---

¹⁸⁾ «Въ 5 часовъ по-полудни императоръ приказалъ начать атаку: непріятельская позиція была обойдена и взята.»

ставлявшая безпрестанныя дефиле и дурныя проселочныя дороги, потому что, по этому направленію въ 1815 году, вплоть до Самбры не было устроено шоссе.

Наполеонъ, самъ не заявившій ни Флеруса, ни нивельскаго шоссе, увѣряетъ что Нею дано было приказаніе взять Катръ-Бра 15 числа вечеромъ, и даетъ ясно понять, что маршалъ не исполнилъ даннаго приказанія вслѣдствіе излишней осторожности, почти робости.

Большинство французскихъ писателей повторило въ голосъ за императоромъ; но факты опровергають это свидѣтельство.

Полковникъ Геймесь, единственный адъютантъ и единственный штабный офицеръ при Неѣ въ день 15 іюня, слышалъ лично приказаніе Наполеона Нею ¹⁹⁾. Мы привели разговоръ между ними, гдѣ названіе Катръ-Бра даже не упоминалось. Сказано было только: „идите и тѣсните непріятеля!“

Въ 1829 году герцогъ Эльхингенскій, второй сынъ маршала Нея, рѣшившись защитить память отца отъ обвиненій, взведенныхъ на него Наполеономъ, отправился съ полковникомъ Геймесомъ къ маршалу Сульту и спросилъ его—дѣйствительно ли Наполеонъ велѣлъ занять Катръ-Бра 15-го вечеромъ. Сультъ отвѣчалъ: „императоръ не думалъ занимать Катръ-Бра 15 числа, и не далъ на это никакого приказанія“ ²⁰⁾. Нельзя допустить, чтобы начальникъ главнаго штаба не зналъ о такомъ важномъ приказаніи. Прибавимъ, что различныя приказанія, разосланныя вечеромъ 15-го и на другой день, вовсе не указываютъ на инструкцію, предписывающую взятіе Катръ-Бра 15-го.

Мемуары на о. св. Елены ²¹⁾ не только приводятъ эти сло-

---

¹⁹⁾ Геймесь былъ верхомъ подлѣ маршала Нея, въ минуту встрѣчи съ императоромъ, на дорогѣ изъ Шарлеруа; слышалъ весь разговоръ и передаетъ его буквально въ своемъ повѣствованіи. Онъ повторилъ мнѣ снова и положительно, что объ Катръ-Бра даже не упоминалось въ разговорѣ. (Письмо герцога Эльхингенскаго къ генералу Жюини, отъ 19 октября 1841 года).

²⁰⁾ Documents inédits.

²¹⁾ Томъ IX.

весныя инструкціи, но рассказываютъ какимъ образомъ они были даны Нею и почему онъ ихъ не исполнилъ.

„Маршалъ Ней только что пріѣхалъ; императоръ приказалъ ему отправиться въ Госсели, принять начальство надъ лѣвымъ крыломъ арміи, состоявшимъ изъ 1 и 2 корпусовъ, дивизіи Лефевра-Денуэта и тяжелой кавалеріи Келлермана—всего до 47 т. человекъ—ломить все, что ни встрѣтится по брюссельской дорогѣ и занять боевую позицію за Катръ-Бра, выставивъ сильныя авангарды къ сторонѣ Брюсселя, Нивеля и Намюра.“

Потомъ мемуары рассказываютъ, „какъ Рейль, взявъ Госсели, двинулъ дивизію Жирара за пруссаками, отступавшими къ Флерусу; а самъ съ тремя остальными дивизіями и кавалеріею продолжалъ наступать къ Катръ-Бра, имѣя впереди Лефевра-Денуэта. Лефевръ-Денуэтъ вытѣснилъ принца Бернгарда Саксенъ-Веймарскаго изъ Франа и Катръ-Бра къ Женаппу.

Пѣхота Рейля подвигалась безъ препятствій, и думала стать биваками впереди Катръ-Бра.

Въ это время прибылъ маршалъ Ней. Услыхавъ канонаду со стороны Флеруса и получивъ донесеніе генерала Жирара, что съ его стороны замѣтны значительныя непріятельскія силы, маршалъ счелъ нужнымъ остановиться, выдвинувъ авангардъ къ Франу“.

Въ этихъ бѣглыхъ очеркахъ неточности встрѣчаются на каждомъ шагѣ.

Когда Ней принялъ начальство надъ лѣвымъ крыломъ, Келлерманъ былъ позади Шарлеруа, на правомъ берегу Самбры. По приказанію Наполеона онъ оставался тамъ ночь и почти все слѣдующее утро: 1-й корпусъ только что началъ выходить изъ Маршіена въ 2½ лье отъ Госсели: одна изъ дивизій перваго корпуса до поздняго вечера оставалась близъ Туина ²²⁾, т. е. въ 4 лье отъ Маршіена. Изъ приведенной

---

²²⁾ Доказательствомъ служатъ два приказа, отправленные начальникомъ главнаго штаба къ д'Эрлону. Одинъ въ 3 часа по-полудни, другой безъ означенія часа, но уже по принятіи Неемъ начальства, потому что говорится, что д'Эрлонъ получитъ приказанія отъ Нея.

цифры 47,800 человекъ надо исключить 1-й корпусъ и корпусъ Келлермана, потому что маршалъ Ней не могъ имѣть ихъ подъ рукою. Въ обоихъ этихъ корпусахъ было до 23 т.

Разсказывая о движеніи войскъ по занятіи Госсели, мемуары еще болѣе отдаляются отъ истины.

При движеніи, Рейль не думалъ занимать Катръ-Бра или идти дальше, слѣдовательно и не былъ остановленъ Неемъ. Непричастный обсуживаемому факту, онъ издалъ историческій очеркъ ²³⁾, гдѣ разсказалъ движеніе 2-го корпуса, какъ это передано въ нашемъ разсказѣ.

По словамъ Рейля, Ней именно у Госсели прибылъ къ войскамъ, гдѣ были расположены четыре пѣхотныя дивизіи, и тотчасъ же занялъ его. Потомъ, исполняя полученныя отъ Наполеона приказанія, направилъ дивизію Жирара къ Флерусу, а двѣ дивизіи расположилъ на позиціи отъ Ломбукскаго лѣса до Госсели, остальные же силы 2-го корпуса и приведенную съ собою дивизію Лефевра-Денуэта выдвинулъ къ Франу. Самъ Рейль остался въ Госсели.

Что касается отступленія принца Бергарда Саксенъ Веймарскаго за Катръ-Бра, то оно только и существуетъ въ разсказахъ автора мемуаровъ на о. св. Елены.

Подобныя грубыя неточности конечно не убѣждаютъ въ существованіи инструкции, когда приводимыя подробности такъ не вяжутся однѣ съ другими.

Но мало того, что искажена правда. Допустимъ даже, что Нею было приказано подвинуться за Катръ-Бра; мы не можемъ его винить за ослушаніе.

Ней получилъ начальство надъ лѣвымъ крыломъ въ 4½ часа по полудни ²⁴⁾, находясь въ то время въ 1½ лье отъ Госсели. Около 5 часовъ онъ прибылъ туда, и тотчасъ же, исполняя приказаніе Наполеона, двинулъ на Флерусъ дивизію

---

²³⁾ Documents inédits и проч.

²⁴⁾ Мы такъ опредѣляемъ время: маршалъ Груши засталъ у Шарлеруа Наполеона съ маршаломъ Неемъ. Наполеонъ тотчасъ же простился съ нимъ и поскакалъ къ Жилли, а въ 5 часовъ онъ началъ атаку этой деревни.

Жирана, а къ брюссельскому шоссе для рекогносцировки дивизію кавалеріи и дивизію пѣхоты.

Въ 5^{1/2} часовъ обстановка еще совершенно не разъяснилась для него, большую часть войскъ онъ могъ лишь позже двинуть на Катръ-Бра.

Отъ Госсели до Катръ-Бра 3^{1/2} лье (13 верстъ). Пѣхота, измученная и бывшая на ногахъ съ разсвѣта, могла дойти только къ 9 часамъ. Безъ Эрлона, кирасиръ Келлермана и дивизіи Жирана Ней имѣлъ 22 т. человекъ. Для охраненія тыла нужно было оставить отъ 5 до 6 тысячъ около Госсели; такъ что приходилось всего съ 16 или 17 т. и за ¹/₂ часа до темноты подступать къ Катръ-Бра.

Столкновеніе съ непріателемъ было не только вѣроятно, но даже неизбежно. Тогда приходилось драться ночью, врѣзавшись въ квартирное расположеніе союзниковъ, еще съ утра встревоженныхъ пушечною пальбою, имѣя непріателя съ фронта и съ фланговъ.

Идти на проломъ за Катръ-Бра значило рисковать подобно Вандаму подъ Кульмомъ; Ней поступалъ умно не исполнивъ приказанія; но повторимъ, что этого приказанія не существовало. Лишь одновременное занятіе Катръ-Бра и Самбрефа было возможно и рационально.

Двѣ массы, каждая силою въ 45 т. человекъ, имѣя въ резервѣ Наполеона съ остальными силами французской арміи, и, сохраняя возможность круговой поруки, занявъ оба пункта обезпечивали себя отъ фланговой атаки и всякой серьезной опасности. Но атаки эти становились крайне опасными будучи произведены отдѣльно.

Наполеонъ понималъ это очень хорошо; не дойдя самъ даже до Флеруса, конечно онъ не сталъ бы приказывать Неоу идти на проломъ.

Ниже мы увидимъ, что Наполеонъ назначилъ общую атаку Катръ-Бра лѣвымъ крыломъ, а Самбрефа правымъ крыломъ арміи.

Пройдя 3 лье за Ламбюсаръ, откуда доносилась пушечная пальба и достигнувъ съ кавалерією и дивизією пѣхоты къ

вечеру 15 іюня Франа, отстоящаго на 1 лье отъ Катръ-Бра, Ней сдѣлалъ все, что предписывало ему благоразуміе. и что вѣроятно приказывалъ ему Наполеонъ.

Наполеонъ поклепалъ напрасно на Нея; и инструкціи сочинены послѣ, когда кампанія имѣла такой трагическій исходъ.

Какъ бы то ни было, повторяемъ день 15 іюня былъ почти потерянъ; но потерянное время могло вознаградиться.

Для этого нужна была рѣшимость—ее было мало; нужна дѣятельность—а той и совсѣмъ не было ²⁵⁾).

---

²⁵⁾ См. приложение VI.

ГЛАВА VII.

Блюхеръ и Веллингтонъ должны были перейти границу по увѣдомленію союзныхъ государей; всякое сообщеніе между Франціею и Бельгіею было прервано слишкомъ три мѣсяца, такъ что союзные генералы узнавали о движеніи нашихъ войскъ только чрезъ шпионовъ, дезертировъ и сторонниковъ Бурбонскаго правительства, которые сносились съ Гентскимъ дворомъ. Эти средства развѣдыванія были такъ невѣрны и недостаточны, что главнокомандующіе могли постоянно опасаться внезапнаго нападенія.

Имъ слѣдовало стѣснить свой квартирный районъ, вмѣсто того они его безмѣрно разширили. Обстоятельства помогали успѣху Наполеоновскихъ плановъ; но не на столько однако, чтобы движеніе французской арміи къ границѣ осталось тайною до послѣдней минуты, до перваго дѣла.

Нѣмецкіе писатели разнорѣчиво показываютъ какимъ образомъ Блюхеръ узналъ о грозившей атакѣ; изслѣдованіе этого представляетъ весьма мало интереса, такъ что достаточно сказать, что онъ былъ предувѣдомленъ и указать на первыя его распоряженія.

14 іюня, въ полдень, дошли до Блюхера первые смутные слухи о приближеніи къ Самбрѣ значительныхъ силъ. Онъ тотчасъ же послалъ приказаніе въ самый дальній корпусъ Булова, сняться съ пространныхъ квартиръ и перевести войска на одинъ переходъ отъ д. Ганнута, куда должна была перейти корпусная квартира изъ Люттиха.

Деревня лежитъ въ 10 или 11 лье (около 40 верстъ) отъ Сомбрефа.

Въ тотъ же вечеръ, часовъ въ 10 или 11, Блюхеръ, получивъ точныя извѣстія, приказалъ Тильману выступить къ Намюру; Пирху 1-му, пройдя Намюръ, идти въ д. Мази у Сомбрефа; Бюлову продолжать движеніе черезъ Ганнута къ Сомбрефу; а Цитену предписано задерживать непріятеля по возможности, но не вдаваться въ неравный бой и маневрировать такимъ образомъ, чтобы достигнуть Флеруса.

По соглашенію съ Веллингтономъ прусскій полководецъ сосредоточивалъ армію къ Сомбрефу.

Мы рассказали про дѣйствія Цитена, съ успѣхомъ выполненнаго возложенное на него порученіе ¹⁾.

Пирхъ 1-й и Тильманъ въ точности выполнили приказанія. Тильманъ, въ 10 часамъ вечера, сосредоточилъ весь свой корпусъ въ $\frac{1}{2}$ лье передъ Намюромъ; а Пирхъ 1-й привелъ въ Мази свои три бригады въ то время, какъ головы французскихъ колоннъ отошли только на 1 лье отъ переправъ на Самбрѣ.

4-я бригада корпуса Пирха 1-го пришла въ Намюръ въ полночь.

Одинъ Бюловъ не выполнилъ приказанія. Считалъ-ли онъ полученное приказаніе, продолжать маршъ отъ Ганнута къ Сомбрефу, неважнымъ или былъ убѣжденъ, что прусская армія сосредоточится къ Ганнуту, или наконецъ руководился иными причинами, такъ какъ приводятъ объ этомъ много догадокъ ²⁾—только онъ не дошелъ до Ганнута, и вечеромъ 15 іюня корпусная квартира оставалась въ Лютихѣ.

Къ 4 часамъ Блюхеръ перенесъ свою главную квартиру въ Сомбрефъ, и, пока раздавалась канонада при Жилли, обозрѣлъ прилегающее плато. Старый фельдмаршалъ не измѣнилъ обыч-

---

¹⁾ 2 мая Цитену въ предписаніи объяснено, какъ долженъ онъ дѣйствовать въ различныхъ случаяхъ, при нападеніи французской арміи; все его маневрированіе въ день 15 іюня было только буквальный исполненіемъ полученнаго приказанія.

²⁾ Поведеніе Бюлова вызвало въ нѣмецкой военной литературѣ большіе споры, не рѣшившіе однако ни pro ни contra за него. См. Militair Wochenblatt (1845).

ной отвагѣ и, не смотря на приближеніе Наполеона, настоялъ на сосредоточеніи арміи къ Сомбрефу.

Въ очеркахъ, диктованныхъ на о. св. Елены, часто повторяется, что Бурмонъ открылъ Блюхеру наступленіе французовъ къ Самбрѣ. Но выше мы замѣтили, что Бурмонъ дезертировалъ лишь 15 іюня въ 5 или 6 часовъ утра, и не могъ прибыть въ Шарлеруа раньше 8 часовъ утра ³⁾. Въ то время вся прусская армія была на маршѣ къ сборному пункту, а приказанія идти къ Сомбрефу были разосланы уже 12 часовъ еще изъ Намюра.

Въ ночь съ 15 на 16, корпусъ Цитена занималъ С.-Амандъ и Линьи позади Флеруса, гдѣ остались 2 баталіона; 3 бригады Пирха 1-го въ Мази, а 4-я въ Намюрѣ; корпусъ Тильмана въ $\frac{1}{2}$ лье отъ Намюра въ Болградѣ, корпусъ Бюлова въ 4 или 5 лье за Ганнутомъ.

Веллингтонъ болѣе медлилъ сосредоточивая армію.

Извѣстіе, заставившее Блюхера приказать Бюлову идти сперва въ Ганнутъ, а потомъ въ Сомбрефъ съ Пирхомъ 1-мъ и Тильманомъ, нисколько не встревожило Веллингтона.

Слухи о близкомъ наступленіи непріятеля уже нѣсколько дней ходили въ Бельгіи.

Англійскій полководецъ предписалъ: „дивизіямъ быть на готовѣ, а баталіонамъ собираться въ сборы днемъ, и только вечеромъ, когда все будетъ тихо, по прежнему расходиться по квартирамъ“ ⁴⁾. На этой мѣрѣ Веллингтонъ и остановился.

Англо-голландская армія была растянута отъ шоссе изъ

---

³⁾ Цитень отправилъ Бурмона къ Блюхеру. «Блюхеръ, бывшій въ Сомбрефѣ, принявъ его съ такимъ пренебреженіемъ», говоритъ одинъ иностранный писатель, «что приближенные напомили фельдмаршалу, что на Бурмонѣ бѣлая кокарда. Старый солдатъ разгорячился и нисколько незаботясь, что Бурмонъ можетъ быть понимаетъ по-нѣмецки, закричалъ: «Einerlei was das Volk für einen Zeichen auf steckt! Hundstott bleibt hundsfoth», т. е. мерзавцы остаются мерзавцами подъ всякою кокардою.

⁴⁾ Приказаніе отъ 9 іюля въ корпусъ принца Оранскаго; оно скрѣплено начальникомъ корпуснаго штаба Констанъ-де-Ребекомъ. (Архивъ военнаго министерства въ Нидерландахъ).

Брюсселя въ Шарлеруа, куда примыкало лѣвое крыло принца Оранскаго, до Шельды—гдѣ кончалось правое крыло Гилля.

Кавалерія Уксбриджа находилась по теченію Дендры, а резервы у Брюсселя.

15 іюня, въ 9 часовъ утра, Веллингтонъ получилъ депешу Цитена изъ Шарлеруа ⁵⁾, гдѣ говорилось, что непріятель тѣснить его аванпосты къ Самбрѣ; но серьезно ли наступалъ непріятель, Цитенъ не говорилъ, можетъ быть то была демонстрація, чтобы скрыть настоящую атаку на другомъ пограничномъ пунктѣ?

Веллингтонъ, въ ожиданіи новыхъ извѣстій, не приказывалъ ровно ничего. Усердные и многочисленные поклонники англійскаго генерала пробовали защитить это бездѣйствіе и видѣли въ этомъ предосторожность противъ демонстраціи; но можно было немедленно приступить къ такимъ мѣрамъ, которыя нисколько не портили дѣла, т. е. корпуса принца Оранскаго и Гилля стянуть по дивизіямъ, резервъ стянуть къ Брюсселю, а резервную кавалерію придвинуть къ центру общаго расположенія арміи.

Начальникъ корпуснаго штаба принца Оранскаго генералъ Констанъ-де-Ребекъ, по собственной инициативѣ отдалъ первый приказъ въ корпусной квартирѣ, Бренъ-ле-Контѣ, о сосредоточеніи войскъ.

Шассе, сохранявшій непосредственную связь съ Цитеномъ, донесъ, что непріятель атакуетъ переправы на Самбрѣ; и Констанъ-де-Ребекъ въ 2 часа по-полудни предписалъ кавалерійской дивизіи генерала Коллерта стянуться по бригадно за рѣчкою Геномъ, дивизіи Шассе собраться у Фей-ле-Сенефъ; а Перпончеру собрать къ 3 часамъ одну бригаду въ Нивель, а другую въ Катръ-Бра.

Шассе предупредилъ приказаніе, равно какъ и одинъ изъ

---

⁵⁾ Веллингтонъ въ письмѣ въ Гентъ къ министру Людовика XVIII Кларку, 15 іюня, говоритъ про полученіе депеши, содержаніе ея передано прусскими писателями.

«Съ 9 часовъ я не получалъ никакого извѣстія изъ Шарлеруа.» (The dispatches etc.).

бригадныхъ командировъ дивизіи Перпончера принцъ Саксенъ-Веймарскій, уже двинувшійся къ Катръ-Бра.

Дивизіи Коллерта, Шассе и Перпончера составляли лѣвое крыло англо-голландской арміи.

Принца Оранскаго не было.

Осмотрѣвъ утромъ аванпосты за Геномъ и полагая, что собранныя свѣдѣнія не на столько важны, чтобы его присутствіе было нужно въ Бренъ-ле-Контъ. онъ уѣхалъ въ полдень въ Брюссель.

Константъ-де-Ребекъ немедленно отправилъ донесеніе Шассе въ Брюссель и донесъ о сдѣланныхъ распоряженіяхъ. Денеша не измѣнила рѣшенія Веллингтона. Онъ продолжалъ ждать.

Наконецъ въ 8 или 9 часовъ вечера, а можетъ быть и позже, письмо Блюхера объяснило ему „что Туинъ взятъ и французы угрожаютъ Шарлеруа“ ⁶⁾, тогда онъ приказалъ стянуться дивизіямъ и быть въ готовности выступить по первому приказанію.

Сборными пунктами для корпуса Гилля назначались Уденардъ, Граммонтъ, Сотгемъ и Атъ; для корпуса принца Оранскаго: Атъ, Бренъ-ле-Контъ и Нивель; кавалерія Уксбриджа должна была собраться къ Нинову, оставивъ одинъ полкъ для занятія форпостной цѣпи между Шельдою и Леіе (Lys) и одну бригаду въ Вильвордъ; резервному корпусу слѣдовало идти въ Галь, Брюссель и Вильвордъ ⁷⁾.

Дивизіямъ Перпончера и Шассе предписывалось стянуться

---

⁶⁾ Подлинныя выраженія Веллингтона въ письмѣ къ герцогу Беррійскому, на коемъ помѣчено: 15 іюня, 9½ часовъ вечера. (The dispatches et cet.).

⁷⁾ Въ предписаніи не означено часа; когда оно написано; но судя по приведенному письму, оно было отправлено ранѣ половины десятаго; а по журналу Константъ-де-Ребека не ранѣ 8 часовъ вечера.

Англійскіе и нѣмецкіе писатели ошибочно относятъ отправку этого приказанія къ 4½ или 5 часамъ. Изъ журнала военныхъ дѣйствій принца Фридриха Нидерландскаго, который командовалъ дивизіею Штедмана и индійскою бригадою и имѣлъ свою штабъ-квартиру въ Сотгемъ, видно, что оно получено было только 16 числа утромъ; и конечно пришло бы туда раньше полуночи, если бы было послано въ 4 или 5 часовъ по-полудни, какъ говорятъ цитируемые нами писатели.

къ Нивелю ⁸⁾; если же Нивель будетъ атакованъ, то дивизія Альтена должна была перейти туда изъ Бренъ-ле-Конта; но только въ такомъ случаѣ, когда удостовѣрятся, что непріятель дѣйствительно наступаетъ на правое крыло прусской и лѣвое крыло англо-голландской арміи.

Выходитъ, что Веллингтонъ не думалъ защищать брюссельскаго шоссе, и думалъ перевести всѣ стоявшіе по шоссе части къ Нивелю, хотя бы непріятель велъ атаку на шоссе. Этотъ планъ дѣйствій совершенно противенъ плану, условленному въ данномъ случаѣ съ Блюхеромъ.

Разославъ приказанія, Веллингтонъ отправился вечеромъ на балъ къ герцогинѣ Ричмондъ, гдѣ не выказывалъ ни безпокойства, ни тревоги. На балу онъ пребылъ недолго.

Въ 10 часовъ, получивъ болѣе опредѣлительныя извѣстія, онъ продиктовалъ диспозицію для передвиженія части своей арміи.

Съ трудомъ вѣрится факту, что въ Брюсселѣ до сихъ поръ не знали, что французы еще въ полдень взяли Шарлеруа ⁹⁾.

Гиллю съ корпусомъ приказано поспѣшно идти къ Ангіену; Уксбриджу направиться туда же; дивизіямъ Кука и Альтена, изъ корпуса принца Оранскаго, двинуться въ Нивель и Бренъ-ле-Контъ.

Если бы эти распоряженія были исполнены, англо-голландская армія заняла бы ломаную линію въ 7 лье (26³/₄ верстъ) отъ Ангіена черезъ Бренъ-ле-Контъ до Нивеля. Резервъ очу-

---

⁸⁾ Мы свели въ общую диспозицію всѣ приказанія для сосредоточенія арміи, потому что напр. въ корпусъ принца Оранскаго отправлено отдѣльное приказаніе, доставленное въ 10¹/₂ часовъ вечера въ Бренъ-ле-Контъ адъютантомъ принца, лордомъ Росселемъ. Депеша, писанная по-англійски, хранится въ Гагѣ въ архивѣ военнаго министерства. Въ ней говорится о направленіи дивизій Шассе и Перпончера къ Нивелю, но войска должны быть двинуты только въ часъ ночи, дивизіи Коллерта предписывается собраться на высотахъ позади Ла-Генъ-Сенъ-Пьера.

⁹⁾ Веллингтонъ въ 10 часовъ вечера пишетъ Кларку: «изъ Шарлеруа я не имѣю никакихъ вѣстей съ 9 часовъ утра.» а герцогу Беррійскому «кажется непріятель угрожаетъ Шарлеруа».

тился бы въ 7 лье позади у Брюсселя, а окончность лѣваго фланга пришлось бы въ 2^{1/2} лье отъ Катръ-Бра и въ 5^{1/2} лье (около 20 верстъ) отъ Сомбрефа, гдѣ сосредоточивалась прусская армія ¹⁰⁾.

Широкая брешь въ союзномъ расположеніи открывалась предъ Наполеономъ; но генераль Перпончеръ въ Нивель лучше сообразилъ положеніе дѣлъ чѣмъ Веллингтонъ въ Брюсселѣ, и сдѣлалъ очень умно, позволивъ себѣ послушаться. Впослѣдствіи его достойно отблагодарили за это.

Къ 11 часамъ въ главную квартиру пришли изъ Монса, Бренъ-ле-Конта, Катръ-Бра и Сомбрефа вѣрныя извѣстія о переходѣ французской арміи чрезъ Самбру, взятіи Маршіена, Шарлеруа и атакѣ Франа. Курьеры и ординарцы помчались по всѣмъ направленіямъ съ новыми приказаніями главнокомандующаго.

Принцъ Оранскій, задержанный Веллингтономъ, тотчасъ же отправился перенести корпусную квартиру изъ Бренъ-ле Конта въ Нивель, передвинуть кавалерію въ Аркенъ, поторопить на маршъ дивизіи Кука и Альтена.

Корпусъ Гилля долженъ былъ идти къ Бренъ-ле Конту, кавалерійскій корпусъ направиться туда же; резервъ, снятый на разсвѣтъ съ позицій у Вильворда, Брюсселя и Галя двинуться по большому брюссельскому шоссе.

Вся армія такимъ образомъ дѣлала фланговое движеніе влѣво; но оно могло быть исполнено только чрезъ нѣсколько часовъ, а распоряженія и безъ того были отданы слишкомъ поздно.

Англійскіе писатели придумывали разныя оправданія этому промедленію.

Говорятъ, что Веллингтона увѣдомили изъ Франціи, будто Наполеонъ двинется изъ Валансьенна и Мобежа къ Бренъ-ле Конту, и герцогъ повѣрилъ извѣстію.

---

¹⁰⁾ Чтобы еще несправедливѣе обвинить Нея за его дѣйствія въ вечеръ 15 іюня, г. Тьеръ говоритъ, что Веллингтона думалъ лишь о Катръ-Бра. Приводимая нами диспозиція показываетъ всю ложность этихъ словъ.

Мы вѣримъ этому, потому что граница отъ Монса до моря была тщательно усилена укрѣпленіями, тогда какъ не устроили ничего по теченію Самбры и Мааса. Но подобное объясненіе дѣлаетъ еще грубѣе промахъ Веллингтона, который, по собственнымъ дѣйствіямъ, долженъ былъ знать, что Наполеонъ не имѣлъ привычки заранѣе объяснять свои планы.

Тѣ же писатели доказываютъ, что Веллингтонъ дѣйствовалъ съ рациональною осторожностью, откладывая фланговое движеніе влѣво, во избѣжаніе ошибочнаго марша, который могъ все погубить; онъ долженъ былъ выжидать, пока разъяснится, что атака на линію Самбры не ложная, а настоящая.

Начнемъ съ того, что долгое выжиданіе герцога все-таки не предохранило арміи отъ ложныхъ распоряженій и приказаніе Перпончеру идти къ Нивелю ошибочно въ полномъ смыслѣ слова; ложно ли не ложно вели атаку на Шарлеруа, но дѣло бы нисколько не испортилось, если бы дивизіи на всякій случай были стянуты въ сборные пункты. Наконецъ оставалось еще вѣрное и ничего не портившее средство: съ утра перевести главную квартиру въ Бренъ-ле-Контъ или Нивель, гдѣ Веллингтонъ былъ ближе къ военнымъ дѣйствіямъ; арміи же, сохранивъ связь съ пруссаками, занять центральную позицію.

Веллингтонъ не принялъ этой мѣры. Извинить его невозможно. Вообще въ этой путаницѣ 15 іюня, онъ не узнаваемъ—куда дѣвалась глубокая проникаемость, вѣрный военный взглядъ и обычная его энергія.

Дорого бы обошлась Веллингтону его мѣшкотность, если бы Наполеонъ оставался тѣмъ же, какимъ онъ являлся въ Италіи и подъ Регенсбургомъ.

Даже отдавъ приказаніе стянуть армію къ лѣвому флангу, Веллингтонъ не могъ исполнѣ разувѣриться, что Наполеонъ не идетъ на Брюссель чрезъ Нивель и Бренъ-ле-Контъ, и до послѣдней минуты боялся этого маневра.

Веллингтонъ сѣумѣлъ поправить свою капитальную ошибку.

ГЛАВА VIII.

Л и н ь и (16 июня).

Французская армія оставалась спокойно на мѣстѣ, гдѣ за-стала ее ночь, не смотря на то, что было уже 8 часовъ утра.

Войска съ ранняго утра были готовы выступить и удив-лялись странному бездѣйствію. Генералы его не понимали ¹⁾, пруссакамъ и англичанамъ оставалось только имъ воспользо-ваться.

Каждый инстинктивно понималъ это, по рядамъ раздавался говоръ. Упуская дорогое время, Наполеонъ бездѣйствовалъ въ главной квартирѣ, раздумывалъ, не рѣшался...

Маршалъ Ней, прибывшій ночью изъ Шарлеруа за прика-заніями, уѣхалъ въ 2 часа ночи съ отвѣтомъ, что приказанія будутъ ему посланы.

Въ 8 часовъ Наполеонъ наконецъ рѣшился. Онъ раздѣлилъ армію на два крыла и резервъ; крылья должны были одно-временно наступать по брюссельскому и намюрскому шоссе.

---

¹⁾ «Утромъ 16, генералъ Эксельманъ навѣстилъ меня въ Шатле; наши войска стояли по сосѣдству, и, согласно полученнаго приказанія, были на готовѣ съ двухъ часовъ по-полуночи.

«Я выразилъ ему свою досаду на то, что не получаю приказа о вы-ступленіи и прибавилъ, что подобныя проволочки не доведутъ до добра. По моему мнѣнію только одни быстрыя движенія, разорванъ центръ непріятельскаго расположенія почти внезапно для противника, могутъ имѣть рѣшительныя слѣдствія.»

(«Quelques documents sur la bataille de Waterloo», генерала Жерара, 1829 г.).

Лѣвое крыло оставлено Нею, правое поручено Груши, а резервъ остался у Наполеона подъ рукою.

Распоряженія, намѣренія и надежды французскаго вождя видны изъ его длинной депеши Нею, продиктованной адъютанту генералу Флаго, и двухъ инструкцій, отправленныхъ начальникомъ главнаго штаба къ Нею и Груши. Передаемъ ихъ содержаніе:

„Я посылаю къ вамъ съ настоящею запискою моего адъютанта генерала Флаго“; писалъ Наполеонъ Нею: „начальникъ главнаго штаба пришлетъ вамъ приказанія; но я шлю ихъ тоже отъ себя, потому что мои офицеры исполняютъ скорѣе порученія, чѣмъ тѣ, кого онъ разсылаетъ. Вы получите диспозицію, но я хочу вдаться въ нѣкоторыя подробности, потому что это очень важно. Я двигаю маршала Груши съ 3 и 4 пѣхотными корпусами на Сомбрефъ, гвардію къ Флерусу, гдѣ я останусь до полудня. Если встрѣчу непріятеля, атакую его и очищу дорогу въ Жемблу; потомъ, смотря по обстоятельствамъ, составляю планъ дѣйствій или въ 3 часа или вечеромъ. Я желалъ бы, чтобы вы могли идти на Брюссель, я васъ подкрѣплю изъ Флеруса и Сомбрефа гвардіею. Я желаю завтра утромъ быть въ Брюсселѣ. Начните движеніе туда вечеромъ, а если я успѣю вамъ сообщить сегодня же мой планъ, то пройдите 3 или 4 лье въ вечеръ, такъ чтобы завтра къ 7 часамъ утра быть въ Брюсселѣ.

Я думаю что вамъ можно такъ распредѣлить свои войска: одну дивизію въ 2½ лье за Катръ-Бра, особеннаго риску въ томъ нѣтъ; шесть пѣхотныхъ дивизій кругомъ Катръ-Бра, а одну дивизію въ Марбе ²⁾ для того чтобы, въ случаѣ надобности, я могъ притянуть ее къ Сомбрефу, во всякомъ случаѣ она не помѣшаетъ вашему маршу; 3 т. кирасирскій корпусъ графа Вальми поставьте тамъ, гдѣ старая римская дорога пересѣкается съ нивельскимъ шоссе, тоже на случай если онъ мнѣ понадобится. Когда я передамъ вамъ свое рѣшеніе, присоедините его къ себѣ, но взаимнѣ кирасиръ я бы желалъ имѣть гвардейскую дивизію Лефевра-Денуэта. Теперь, если

²⁾ На половинѣ дороги отъ Катръ-Бра къ Сомбрефу.

будетъ нужно, я лучше притяну графа Вальми, чѣмъ заставлю Лефевра-Денуэта ходить по-пусту, потому что я сегодня вечеромъ можетъ быть двинусь съ гвардіею на Брюссель. Берегите гвардію, выдвиньте впередъ кавалерію корпусовъ Эрлона и Рейля; если придется драться съ англичанами, пусть лучше дерется армейская кавалерія чѣмъ гвардія.

Въ эту кампанію я положилъ себѣ дѣйствовать двумя массами и резервомъ. Ваше крыло будетъ состоять изъ 4-хъ дивизій 1-го корпуса, 4 дивизій 2-го, двухъ дивизій легкой кавалеріи и двухъ дивизій тяжелой кавалеріи графа Вальми. Все это составитъ приблизительно 45 или 50 тысячъ.

Правое крыло будетъ имѣть такую же численность, я его поручаю маршалу Груши. Гвардія составитъ резервъ, и смотря по обстоятельствамъ, я буду лично распоряжаться у васъ или у Груши. Начальникъ главнаго штаба отдастъ самыя точныя распоряженія, чтобы въ отдѣлѣ ваши приказанія исполнялись корпусными командирами; когда же я самъ приѣду, то буду лично имъ приказывать. Если сочту нужнымъ, ослаблю крылья и усилю резервъ.

Вы понимаете какъ важно для насъ взятіе Брюсселя. Это можетъ повести къ удачнымъ дѣламъ, потому что части англійской арміи въ Монсѣ, Остенде и проч. будутъ отрѣзаны такимъ быстрымъ и рѣшительнымъ наступленіемъ.

Я желаю чтобы вы распорядились такъ, чтобы, по первому моему приказанію, могли съ вашими 8-ю дивизіями безостановочно идти на Брюссель“.

Съ Груши Наполеонъ также многорѣчивъ какъ и съ Неемъ.

„Посылаю къ вамъ моего адъютанта Лабедойера съ настоящимъ письмомъ. Начальникъ главнаго штаба долженъ передать вамъ отъ меня приказанія; но его офицеры ѣздятъ на такихъ влячахъ, что мой адъютантъ можетъ быть доѣдетъ раньше. Я желаю, чтобы вы, какъ начальникъ праваго крыла, приняли командованіе надъ 3-мъ корпусомъ генерала Вандамма, 4-мъ генерала Жерара, кавалерійскими корпусами генераловъ Пажоля, Мильго и Эксельмана; все это составитъ около 50 тысячъ человекъ. Съ ними вы должны прибыть въ Сомбрефъ;

направьте поэтому немедленно корпуса Пажоля, Мильго, Эксельмана, Вандамма и идите безостановочно. 4-му корпусу я прикажу идти прямо въ Сомбрефъ минуя Флерусъ, во избѣжаніе скопленія войскъ, потому что я переносу туда мою главную квартиру; отправьте къ Жерару тотчасъ же ординарца, сообщите о вашемъ движеніи и передайте, чтобы онъ шелъ немедленно. Я желаю чтобы вы отдавали отъ себя приказанія корпуснымъ командирамъ, только на мѣстѣ я буду самъ приказывать имъ. Въ 11 часу я прибуду въ Флерусъ, затѣмъ ѣду въ Сомбрефъ, оставивъ въ Флерусѣ гвардію — только въ необходимомъ случаѣ я направлю ее къ Сомбрефу. Если встрѣчу непріятеля, я атакую его въ Сомбрефѣ, даже въ Жемблу и захвачу послѣднюю позицію; обрекогносцировавъ оба пункта, я думаю ночью двинуться и дѣйствовать противъ англичанъ съ лѣвымъ крыломъ маршала Нея. Не теряйте ни минуты: чѣмъ раньше разъяснится для меня обстоятельства, тѣмъ лучше для нашихъ будущихъ операцій; полагаю, что теперь вы находитесь въ Флерусѣ, сообщайтесь постоянно съ генераломъ Жераромъ, чтобы въ случаѣ нужды онъ могъ содѣйствовать вашей атакѣ на Сомбрефъ.

Дивизія Жирара выступила изъ Флеруса; она должна идти всю ночь, такъ что разрѣшаю вамъ только въ крайности располагать ею; молодую гвардію и гвардейскую артиллерию оставить въ Флерусѣ. Графъ Вальми съ двумя кирасирскими дивизіями наступаетъ по брюссельскому шоссе... онъ вошелъ въ связь съ Неемъ, чтобы содѣйствовать ему вечеромъ. По всѣмъ свѣдѣніямъ пруссаки имѣютъ противъ насъ не болѣе 40 т. ³⁾.

Пока Наполеонъ диктовалъ эти депеши, начальникъ главнаго штаба повторялъ ихъ въ формѣ приказанія:

„По приказанію императора, вы должны направиться съ

---

³⁾ Денеши Наполеона къ Груши до сихъ поръ была намъ неизвѣстна; сколько мы знаемъ ни одинъ изъ историковъ не зналъ о ея существованіи.

Она доказываетъ, что Наполеонъ 16 іюня не рассчитывалъ встрѣтить серьезное сопротивленіе.

1, 2 пѣхотными и 3 кавалерійскимъ корпусами на Катръ-Бра, гдѣ займете позицію и обрекогносцируете дороги брюссельскую и нивельскую, по которымъ вѣроятно отступилъ непріятель.

Если не представится затрудненій, его величество желаетъ чтобы вы заняли Женаппъ съ кавалерійскою дивизію, и приказываетъ вамъ отправить дивизію по направленію къ Марбе для сохраненія связи между Катръ-Бра и Сомбрефомъ.

Императоръ идетъ на Сомбрефъ; отсюда маршалъ Груши получить приказаніе двинуться на Жемблу и занять его съ 3-мъ и 4-мъ пѣхотными и 1, 2 и 4 кавалерійскими корпусами“.

Начальникъ штаба предписывалъ Груши слѣдующее:

„По приказанію императора вы выступите къ Сомбрефу съ 1, 2 и 4 кавалерійскими корпусами, и займете тамъ позицію. Я предписываю такое же движеніе генералъ-лейтенантамъ Вандамму и Жерару и предлагаю имъ состоять съ 3-мъ и 4-мъ пѣхотными корпусами подъ вашимъ начальствомъ.

Честъ имѣю сообщить вамъ, что князь Москворѣцкій получилъ приказаніе двинуться и проч.

Занявъ Сомбрефъ вы немедленно выставите авангардъ и обрекогносцируете всѣ дороги, сходящіяся къ Сомбрефу, преимущественно же намюрское шоссе“.

Четыре депеши, были исполнены въ 9 часу утра 4). Наполеонъ думалъ, что ни онъ, ни Ней не встрѣтятъ серьезнаго сопротивленія, и рассчитывалъ на легкое занятіе Катръ-Бра,

---

4) Генералъ Флаго въ письмѣ отъ 24 ноября 1829 г. (Documents inédits) къ герцогу Эльхингенскому, говорить, что онъ написалъ письмо подъ диктовку Наполеона въ 9 часу утра.

Жераръ, бывший въ 1½ лье отъ Шарлеруа въ Шатле, получилъ предписаніе начальника главнаго штаба поступить подъ начальство Груши и двинуться впередъ въ 9½ часовъ утра.

Подлинный приказъ Вандамму существуетъ; на немъ помѣчено 8 часовъ утра. Генералъ Бертезень, командовавшій дивизію въ 3-мъ корпусѣ, говорить, что Вандамъ и Жераръ начали движеніе около 10 часовъ утра. (Souvenirs militaires).

Женаппа, Сомбрефа и Жемблу. Уже мечталъ онъ, что лѣвое крыло арміи и остальные войска съ нимъ будутъ въ Брюсселѣ раньше сутокъ ⁵⁾).

Маршалъ Груши отправилъ императору два донесенія, одно въ 5, другое въ 6 часовъ утра о томъ, что массы пруссаковъ тянутся по намюрской дорогѣ къ С. Аманду, Бри и окрестнымъ деревнямъ ⁶⁾. Но вѣроятно императоръ не придалъ особеннаго значенія этому извѣстію; кажется онъ былъ убѣжденъ въ противномъ, т. е. что пруссаки собираются у Намюра и Ганнута, а англо-голландцы отступаютъ на Антверпенъ. Онъ не бралъ въ расчетъ ни стойкости Веллингтона, ни энергіи и отваги вѣчно бодрого старика Блюхера; онъ позабылъ про свое промедленіе наканунѣ и утромъ; и больной, нерѣшительный, поникшій духомъ, мѣрилъ противниковъ на свой аршинъ.

Иллюзіи еще баюкали императора, когда онъ вышелъ изъ кареты на флерусскомъ плато; былъ 12 часъ и половина дня была потеряна.

Вандаммъ, по приказанію Груши, занялъ городъ Флерусъ, съ утра оставленный прусскою пѣхотою.

Пажоль, поддерживаемый драгунами Эксельмана, потѣснилъ отрядъ прусской кавалеріи къ Линьи, разбѣившіеся съ нимъ нѣсколькими пушечными выстрѣлами,

Гвардія начала выходить изъ лѣсу, кирасиры Мильго шли за нею, корпусъ Жерара еще не достигъ скатовъ плато.

6-й корпусъ Лобау оставленъ на время у Шарлеруа ⁷⁾.

---

⁵⁾ Г. Тьеръ, считая своего героя все предвидящимъ, впадаетъ въ грубую ошибку, говоря, что Наполеонъ былъ убѣжденъ, что три четверти прусской арміи сосредоточено между Флерусомъ и Сомбрефомъ.

⁶⁾ Генераль Ламаркъ рассказываетъ въ своемъ: «Essai historique sur les Cent-Jours», что императоръ, пріѣхавъ въ Флерусъ, не вѣрилъ въ присутствіе непріятеля; послалъ за Вандаммомъ, не повѣрилъ и тому, и отправилъ разузнать нѣсколько офицеровъ, которые однако не разубѣдили его.

(«Souvenirs et memoires du général Lamarque», изданные его семействомъ 1836 г.).

⁷⁾ «16, когда центръ началъ движеніе на Флерусъ, а маршалъ Ней

Солнце пекло, жаръ былъ невыносимый, клубы пыли неподвижно стояли въ воздухѣ.

Въ С. Амандѣ, Линьи, у Бри и у Сомбрефа было замѣтно присутствіе непріятельскихъ войскъ.

Въ часъ по-полудни ⁸⁾ съ прибытіемъ гвардіи, Жерара, Наполеонъ выстроилъ боевой порядокъ.

Въ боевыя линіи стали: 3-й корпусъ Вандамма, имѣя за собою дивизію Жирара изъ 2-го корпуса, впереди Флеруса ⁹⁾ въ центрѣ 4-й корпусъ Жерара, правѣе его 1 и 2 кавалерійскіе корпуса Пажоля и Эксельмана. Въ резервѣ на высотѣ Флеруса гвардія и 4-й кавалерійскій корпусъ Мильго.

Пока войска строились, Наполеонъ почти безъ свиты обѣхалъ цѣпь ведомовъ, взлѣзалъ на возвышенія, на вѣтряныя мельницы, стараясь распознать мѣстность и силы непріятеля.

Поверхность флерусскаго плато очень волниста и спускаясь къ сѣверу противъ Сентъ-Аманда и Линьи довольно значительными скатами, образуетъ ложбину, по которой изливается ручей Линьи, давшій названіе и самому мѣстечку.

Противуположный берегъ ложбины круче и подымается довольно неровно, потомъ возвышается пересѣченное плато, гдѣ вѣтряная мельница Бюсси, отстоящая на 1,000 метровъ къ сѣверо-западу отъ деревни Линьи, считается командующимъ пунктомъ всей мѣстности.

Ручей Линьи вытекаетъ въ сосѣдствѣ намюрскаго шоссе у кабака Труа-Баретъ. Онъ течетъ сперва на юго-западъ и юго-востокъ, потомъ, сливаясь съ маленькимъ ручьемъ Ванье-

---

съ частью лѣваго крыла оставался въ Франціи, 6-й корпусъ былъ оставленъ къ Шарлеруа, съ приказаніемъ идти, въ случаѣ нужды, на помощь Нею. Таково было возложенное на меня порученіе » («Comptage de 1815.», полковника Жанена, помощника начальника штаба въ 6-мъ корпусѣ).

⁸⁾ «Quelques documents sur la bataille de Waterloo», генерала Жерара.

⁹⁾ Эта дивизія прибыла къ Ваньени, но въ денешъ Нею сочтена въ числѣ восьми дивизій, находившихся въ его распоряженіи. То была одна изъ многихъ обмолвокъ этого дня.

ни, поворачиваетъ почти подъ прямымъ угломъ къ сѣверо-востоку.

Деревня Сентъ-Амандъ расположена нѣсколько выше точки сліянія и лежатъ на правомъ берегу ручья Линьи; она состоитъ изъ одной длинной улицы параллельной первоначальному направлению ручья.

На 400 метровъ выше С. Аманда, на правомъ берегу ручья, находится замокъ и смѣжная съ нимъ ферма, а чуть-чуть выше ихъ деревня Сентъ-Амандъ-ле Ге, отъ которой отдѣляется группа нѣсколькихъ строеній, называемая Сентъ-Амандскимъ выселкомъ (S.-Amand-le Hameau).

Еще выше на 1,000 метровъ лежитъ по обоимъ берегамъ ручья деревня Ваньеле.

Въ 1,000 метрахъ ниже С. Аманда ручей прорѣзываетъ вдоль большое селеніе Линьи; огибаетъ подошву высотъ, на спускахъ коихъ выстроены Сомбрефъ, и дѣлаетъ крутой изгибъ противъ послѣдняго селенія.

Потомъ ручей направляется на югъ, обтекаетъ Тонгринскую возвышенность и, снова перемѣнивъ теченіе, впадаетъ въ Орно притокъ Самбры.

Глубина ручья не превосходитъ 30 сантиметровъ (около $\frac{1}{2}$ аршина) а ширина 2-хъ или 3-хъ метровъ (до $1\frac{1}{2}$ саженой); но отвѣсныя берега высотой отъ одного до двухъ метровъ, и русло, обсаженное сплошь рядомъ деревьями, представляютъ препятствіе особенно для артиллеріи. Только противъ Линьи, по обѣ стороны мостика, продѣланы широкіе сходы.

Всѣ упомянутыя селенія прочно-выстроены, окружены или перерѣзаны садами, фруктовыми деревьями, огородами, канавами, изгородями, стѣнками и углубленными дорогами.

Дорога изъ Шарлеруа въ Намюръ идетъ по сѣверной грани флерускаго плато, круто спускается къ ручью Линьи, проходитъ каменный мостъ и у двухъ домиковъ Пуанъ-дю-Журъ соединяется съ шоссе изъ Нивеля въ Намюръ.

Если мы пойдемъ по шоссе на Нивель, то въ 1,500 метрахъ (почти $1\frac{1}{2}$ версты) отъ пункта соединенія обоихъ шоссе встрѣтимъ сел. Сомбрефъ; далѣе въ $\frac{3}{4}$ лье отъ Сомбрефа

старую римскую дорогу, которая пересѣкаетъ шоссе ¹⁰⁾ у кабака Труа-Баретъ выше деревни Бри; потомъ чрезъ ¹/₂ лье деревня Марбе, а еще пройдя 2 лье придемъ въ Катръ-Бра.

Припомнимъ что утромъ Наполеонъ приказывалъ Нею, по занятіи Катръ-Бра, отправить дивизію пѣхоты въ Марбе, чтобы въ случаѣ надобности притянуть ее въ Сомбрефъ.

Въ ту минуту какъ Наполеонъ осматривалъ мѣстность за ручьемъ Линьи въ зрительную трубу, изъ четырехъ корпусовъ, составляющихъ прусскую армію, три корпуса стояли уже на позиціи. Цитенъ занялъ С. Амандъ и Линьи нѣсколькими баталіонами; кавалерія его стала впереди Линьи, а большая часть корпуса была массирована у Бри и на возвышеніи Бюсси.

Корпусъ Пирха 1-го занялъ сѣверные скаты плато отъ Сомбрефа до кабака Труа-Баретъ на нивельскомъ шоссе.

Корпусъ Тильмана сталъ въ колоннахъ у Пуанъ-де-Журъ, занявъ одною дивизією Тонгринскую возвышенность.

Блюхеръ воспользовался бездѣйствіемъ Наполеона и сосредоточилъ почти всю армію, за исключеніемъ корпуса Бюлова, опоздавашаго выполненіемъ данныхъ приказаній. Бюловъ снѣшилъ исправить свой промахъ и шелъ изъ Ганнута по римской дорогѣ; но было уже поздно, потому что отъ Ганнута до Линьи отъ 10 до 11 лье разстоянія (около 40 верстъ).

Блюхеръ занялъ позицію, заранѣе условленную съ Веллингтономъ; тотъ въ свою очередь долженъ былъ сосредоточить армію къ Катръ-Бра.

Занявъ позиціи у Линьи и Катръ-Бра, союзныя арміи сообщались другъ съ другомъ по нивельскому шоссе. Разстояніе между названными пунктами всего 3 лье. Союзники прикры-

---

¹⁰⁾ Дорогу эту вѣрнѣе назвать дорогою Брунесильды. Она идетъ изъ Баве въ Тонгръ и Мاستрихтъ. По народному повѣрью дьяволъ провель ее въ одну ночь, и она носитъ названіе чертовской. Сосѣдніе собственники постоянно запахивали ее все больше и больше, такъ что эта дорога въ 1815 году была очень узка.

вали предметъ дѣйствій Наполеона—Брюссель; и, въ случаѣ отдѣльнаго пораженія, что могло случиться у Катръ-Бра и Линьи, пока ихъ арміи дѣйствовали отдѣльно, имѣли возможность отступить—англичане черезъ Женепъ къ Брюсселю, а пруссаки туда же черезъ Вавръ.

Обѣ арміи соединялись за столицею Бельгіи или впереди ея, и въ послѣднемъ случаѣ давали битву побѣдоносному до сихъ поръ противнику. Блюхеру приходилось на время оставить свою операціонную линію; но всѣ невыгоды отъ этого съ избыткомъ вознаграждались соединеніемъ обѣихъ армій.

Вслѣдствіе приведенныхъ соображеній, союзные полководцы рѣшились на битву.

Какъ мы увидимъ, Наполеонъ не вдругъ распозналъ силы пруссаковъ. Его опытный глазъ обманулся въ виду пересѣченной мѣстности, густой зелени и высокой жатвы. Онъ не понималъ почему Блюхеръ, собравъ большую часть арміи, рѣшается на отдѣльную битву, когда общая выгода обоихъ полководцевъ была драться сообща.

Если бы Наполеонъ зналъ, что дѣлается у мельницы Бюсси, онъ понялъ бы все. Наполеонъ думалъ, что Блюхеръ можетъ быть еще въ Намюрѣ, что Веллингтонъ навѣрно еще въ Брюсселѣ; а между тѣмъ оба генерала совѣщались у мельницы о взаимныхъ распоряженіяхъ на этотъ день.

Веллингтонъ говорилъ: „моя армія собирается у Катръ-Бра. Скоро я буду имѣть столько силъ, что опрокину все, что ни встрѣчу, тогда и помогу вамъ. Ждите меня въ 4 часа“ ¹¹⁾).

---

¹¹⁾ «Der Feldzug von 1815 in Frankreich», General's Clausewitz. Berlin 1835.

Клаузевицъ былъ друженъ съ начальникомъ штаба прусской арміи Гнейзенау, котораго охотно слушалъ Блюхеръ; и конечно пишетъ со словъ своего друга. Онъ прибавляетъ, что только увѣренность въ помощи Веллингтона позволила Блюхеру отважиться на битву.

Вагнеръ («Pläne der Schlachten und Treffen». Berlin 1825.) говоритъ тоже, что и Клаузевицъ.

Прусскій офицеръ Дамницъ, составившій исторію войны 1815 года («Geschichte des Feldzugs von 1815.» Berlin 1837), по документамъ, оставленнымъ генераль-квартирмейстеромъ прусской арміи, генераломъ Грольманомъ, также утверждаетъ, что лишь твердая увѣренность въ

Положившись на эти увѣренія прусскій полководецъ отважился на битву, что было можно избѣжать.

Замѣчательно, что Блюхеръ и Веллингтонъ придумали контръ-маневръ тому маневру, который былъ предписанъ Нею нѣсколько часовъ назадъ. Наполеонъ вновь подтверждалъ его, приказавъ ему двинуть съ возможною быстротою большую часть своихъ силъ.

Веллингтонъ подвелъ Блюхера, Ней Наполеона. Упущенное время отозвалось обѣимъ сторонамъ.

Въ 2 часа французскій полководецъ наконецъ рѣшился. По его приказанію начальникъ главнаго штаба писалъ Нею слѣдующее:

„За Флерусомъ 16 іюня, 2 часа по-полудни“.

„Императоръ поручилъ мнѣ предупредить васъ, что непріятельскій корпусъ ¹²⁾ занялъ позицію между Сомбрефомъ и Бри; и маршалъ Груши съ 3-мъ и 4-мъ пѣхотными корпусами его атакуетъ чрезъ полчаса. Его величество желаетъ чтобы вы, атаковавъ и отбросивъ непріятельскія силы, находящіяся противъ васъ, повернули на-право назадъ и помогли намъ окружить прусскій корпусъ о которомъ я вамъ говорилъ.

англійской помощи заставила пруссаковъ принять битву. Онъ пишетъ: «вотъ подлинныя слова Веллингтона: «я убѣжденъ, что къ двумъ часамъ соберу у Катръ-Бра столько войскъ, что могу перейти въ наступленіе». По словамъ Дамича, Веллингтонъ хотѣлъ рѣшить, смотря по обстоятельствамъ, наступать ли съ арміею по намюрскому шоссе или идти за Франъ, и угрожать Наполеону обходомъ его фланга и тыла.

Мюффлингъ, прусскій комисаръ при англійской главной квартирѣ, принимавшій съ Гнейзенау и Грольманомъ участіе въ совѣщаніи Блюхера съ Веллингтономъ въ своихъ посмертныхъ запискахъ («Aus meinen Leben». Berlin 1851.), говоритъ, что Веллингтонъ сначала вызвался наступать черезъ Франъ; и когда Гнейзенау ему замѣтилъ, что подобное наступленіе медленно и не приведетъ къ особымъ результатамъ, герцогъ обѣщалъ, если самъ не будетъ атакованъ, идти прямо на помощь пруссакамъ.

Самый уважаемый въ Англіи историкъ о войнѣ 1815 года, Сибурнъ, передаетъ въ своемъ сочиненіи («History of the war in France and Belgium». London 1848) почти тоже что и Дамичъ.

¹²⁾ Г. Тьеръ не допуская мысли, что Наполеонъ ошибся, слѣдуетъ разсказамъ на островѣ св. Елены и въ депешѣ Сульта слова прусскій корпусъ замѣняетъ словами прусская армія.

Если же мы опрокинемъ непріятеля раньше, то его величество будетъ маневрировать такимъ образомъ чтобы помочь вамъ.

Увѣдомьте тотчасъ императора о вашихъ распоряженіяхъ и о томъ, что дѣлается впереди васъ...”

Объ этой депешѣ, посланной въ Госсели, мы еще будемъ говорить; въ ней ясно видно, что Наполеонъ не зналъ еще силъ противника, думая что имѣетъ предъ собою только одинъ корпусъ съ которымъ справится Груши съ Вандаммомъ и Жераромъ, тогда какъ предъ нимъ находилось $\frac{3}{4}$ непріятельской арміи.

Веллингтонъ поѣхалъ назадъ въ Катръ-Бра, а Блюхеръ, полагаясь на его обѣщаніе и на мужество своихъ солдатъ, остался ждать атаки; французская армія, видя предъ собою у Линьи непріятеля, рвалась скорѣе въ бой,

Наполеонъ находился подлѣ Флеруса у вѣтряной мельницы; вдругъ замѣтили подлѣ него суматоху, ординарцы поскакали во всѣ стороны и вслѣдъ за тѣмъ линія французскихъ колоннъ заколебалась.

Опираясь на Флерусъ армія перемѣнила фронтъ правымъ флангомъ впередъ.

3 корпусъ сталъ противъ С.-Аманда образуя тупой уголъ и имѣя на лѣвомъ флангѣ кавалерію Домона, а въ резервѣ дивизію Жирара; 4 корпусъ расположился частью противъ Линьи, а частью противъ того мѣста, гдѣ ручей образуетъ дугу; маршалъ Груши съ Пажолемъ и Эксельманомъ сталъ подъ угломъ къ фронту 4-го корпуса, примкнувъ лѣвымъ флангомъ къ шоссе изъ Шарлеруа, а правымъ къ проселку, идущему изъ Флеруса въ Намюръ чрезъ Онозъ.

Гвардія и кирасиры Мильго составили 2-ю линію, расположившись по сторонамъ Флеруса.

Въ Шарлеруа, къ Лобау посланъ приказъ немедленно прибыть на поле сраженія и служить общимъ резервомъ арміи.

Пока мы стояли на мѣстѣ, непріятель не могъ угадать пунктовъ атаки: она могла быть произведена на пространствѣ между С.-Амандомъ и Ваньеле или же между С.-Амандомъ, Линьи

и Сомбрефомъ. Потому Блюхеръ и расположилъ войска такимъ образомъ, чтобы можно было одинаково удобно построить боевой порядокъ къ каждой сторонѣ.

Онъ не двигался, выжидая пока наши намѣренія выяснятся; съ высоты Бюсси всѣ наши движенія были видны какъ на ладони. Съ перемѣною фронта, Блюхеръ тотчасъ же сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія.

Кавалерія, стоявшая по сю сторону ручья Линьи, отодвинута за ручей и расположилась въ лощинѣ между Линьи и Сомбрефомъ, впрочемъ лощинка не представляла для нея почти никакого закрытія.

3 баталіона были оставлены въ С.-Амандѣ и сосѣднихъ замкѣ и фермѣ. 6 баталіоновъ стали въ резервъ по лѣвую сторону ручья за первою ложбиною.

3^{1/2} баталіона заняли С.-Амандъ-ла-Ге и С.-Амандскій выселокъ.

4^{1/2} баталіона были въ Линьи; ихъ подкрѣпили 6 баталіонами, поставленными за селеніемъ.

11 баталіоновъ стали между мельницею Бюсси и деревнею Бри.

Гусарскій полкъ съ батареею, еще съ утра поставленный впереди д. Ваньеле для наблюденія римской дороги и нивельскаго шоссе, оставленъ на мѣстѣ.

Всѣ войска эти принадлежали корпусу Цитена и составляли 34 баталіона, 32 эскадрона и 96 орудій.

Пирхъ 1-й оставилъ бригаду въ Сомбрефѣ, бригаду у кабака Труа-Баретъ и выдвинулся съ остальными 2 бригадами и всею кавалеріею къ с. Бри.

Тильманъ продвинулъ за Сомбрефъ бригаду, 2 баталіона изъ этой бригады заняли ферму Монпотрію, возвышающуюся надъ скатами къ ручью.

Другая бригада заняла высоты надъ мостомъ на флерусскомъ шоссе, и сосѣднія къ нему строенія.

Изъ остальныхъ двухъ бригадъ одна осталась въ Пуанъ-де-Журъ, а другая примкнула правымъ флангомъ къ с. Тон-

гину, занявъ небольшими отрядами д. Тонгринель, Буанье и Балатръ, лежащія на правой сторонѣ ручья Линьи.

Кавалерія Тильмана стояла между д. Тонгринъ и Пуанъ-де-Журомъ,

Числительность трехъ прусскихъ корпусовъ, за вычетомъ потери 15 числа и 1,000 человекъ, оставшихся за Маасомъ, простиралась до 87,000 человекъ, изъ коихъ 8,500 кавалеріи съ 224 орудіями ¹³⁾.

Мы имѣли противъ этихъ силъ 68 т. человекъ, въ томъ числѣ 13 т. кавалеріи съ 210 орудіями; кромѣ того на подкрѣпленіе шель корпусъ Лобау въ числѣ 10,500 человекъ съ 32 орудіями ¹⁴⁾.

	Всего.	Въ томъ числѣ кавалеріи.	Орудій.
¹³⁾ Въ корпусѣ Цитена . . .	32,692 чел.	1,925 чел.	96
» » Пирха 1-го . .	32,704 »	4,468 »	80
» » Тильмана . .	24,456 »	2,405 »	48
Итого . .	89,852 чел.	8,798 чел.	224
Потеря 15 іюня	1,500 »	100 »	—
Отстало за Маасомъ	1,000 »	200 »	—
Остается за тѣмъ . .	87,352 чел.	8,498 чел.	224

По настоящему слѣдовало бы изъ этихъ цифръ исключить нестроевыхъ, фуришатовъ и проч.; но, чтобы не вдаваться въ излишнія подробности, мы этого не дѣлаемъ, конечно поступивъ такимъ же образомъ при вычисленіи французской арміи. Наконецъ въ обѣихъ арміяхъ число нестроевыхъ такъ незначительно, что пропорція между пруссакми и французами остается почти та же, исключаемъ ли мы ихъ или не исключаемъ.

¹⁴⁾ Корпуса главной арміи:	Всего.	Въ томъ числѣ кавалеріи.	Орудій.
3-й Вандамма	19,160 чел.	1,017 чел.	38
Дивизія 2-го корпуса, Жирара	4,297 »	— »	8
4-й корпусъ Жерара	15,995 »	1,628 »	38
Гвардія	18,652 »	1,718 »	90
6-й корпусъ Лобау	10,465 »	— »	32
1-й кавалер. кор. Пажоля	3,046 »	2,719 »	12
2-й » » Эксельмана	3,515 »	3,220 »	12
4-й » » Мильго	3,544 »	3,194 »	12
Итого . .	78,674 чел.	13,494 чел.	242
Потеря 15 іюня	400 »	100 »	—
	78,252 чел.	13,394 чел.	242

Фронтъ позиціи былъ выбранъ параллельно боевому расположенію французовъ послѣ совершенной ими перемѣны фронта, и приходился по прямой проведенной отъ Сомбрефа къ Госсели.

Если мы измѣримъ перпендикуляръ, опущенный изъ Катръ-Бра на эту прямую, то получимъ его длину отъ Катръ-Бра до С.-Аманда 2½ лье (менѣе 8½ верстъ).

По словамъ Наполеона правое крыло пруссаковъ было открыто (*était en l'air*); но Блюхеръ разсчитывалъ на сильную помощь Веллингтона со стороны Катръ-Бра, и надѣялся поправить невыгоду подобнаго расположенія: его надежда не исполнилась; правое крыло такъ и осталось, но Наполеонъ не воспользовался удобнымъ для себя шансомъ.

Вслѣдствіе мѣстныхъ условій, вообще позиція пруссаковъ была крѣпка и усиливалась теченіемъ ручья Линьи и рядомъ большихъ селеній, окруженныхъ чащами, изгородами и каменною оградой.

Противныя стороны, кончили всѣ приготовленія къ сраженію. Настало затишье.... потомъ три пушечныхъ выстрѣла мѣрно, одинъ за другимъ раздались у Флеруса—императоръ далъ Вандамму условленный сигналъ начать атаку. Часы на С.-Амандской колокольнѣ пробили половину третьяго.

Дивизія Лефоля построилась въ три колонны, и, разсыпавъ застрѣльщиковъ, съ музыкою и барабаннымъ боемъ пошла на С.-Амандъ. По странному анахронизму революціонныя пѣсни, громко раздавшіяся въ рядахъ, какъ то странно вязались вмѣстѣ съ восторженными криками: „Vive l'empereur!“

Между Шарлеруа и Намюромъ съ маршаломъ Неемъ:	Всего.	Въ томъ числѣ кавалеріи.	Орудій.
1-й корпусъ Эрлона	19,939 чел.	1,506 чел.	46
2-й „ Рейля	20,086 „	1,865 „	38
Гвардейская дивизія Лефевра- Денуэта	2,232 „	2,077 „	6
Келлермана 3-й кавалерійскій корпусъ	3,679 „	3,360 „	12
Итого.	45,936 чел.	8,808 чел.	102
Потеря 15 іюня	200 „	50 „	—
За тѣмъ итогъ.	45,736 чел.	8,758 чел.	102
Въ Шарлеруа парки.	3,500 чел.		

Пруссаки, забаррикадировавъ всѣ доступы, прикрытые зеленью, заборами и оградами, спокойно ждали за зубчатою стѣною атакующихъ и, подпустивъ на ружейный выстрѣлъ французскія колонны, открыли огонь — перестрѣлка затрещала по всему протяженію С.-Амандской ограды. Однако дивизія Лефоля не попятилась.... солдаты бросились чрезъ кусты и палисадники и ворвались въ деревню. Не смотря на самое упорное сопротивленіе, три прусскихъ баталіона были опрокинуты къ ручью. Наши двинулись было за ручей; но, встрѣченные съ ближнихъ высотъ сильнымъ огнемъ нѣсколькихъ баталіоновъ и картечнымъ огнемъ изъ 8 орудій, были принуждены вернуться и укрыться за строеніями.

Оборона С.-Аманда была поручена генералу Штейнмецу. Кромѣ 3-хъ баталіоновъ, выбитыхъ изъ селенія, у него оставались еще 6 баталіоновъ въ резервъ съ батареею, которая своимъ огнемъ заставила податься Лефоля. Штейнмецъ собралъ отступившіе баталіоны, прибавилъ къ нимъ 2 баталіона изъ резерва и повелъ ихъ на С.-Амандъ; но атака была неудачна. Тогда онъ ввелъ весь свой резервъ и снова двинулся впередъ; часть пруссаковъ ворвалась въ селеніе, а другая направилась между селеніемъ и замкомъ въ обходъ лѣваго фланга Лефоля.

Вандамъ былъ принужденъ ввести въ дѣло часть дивизіи Бертезена, которая двинулась къ замку и фермѣ; а дивизія Жирара бросилась на выселокъ и селеніе Ла-Ге ¹⁵⁾.

По всему протяженію завязался ожесточенный бой. Пруссаки были вторично опрокинуты и Штейнмецъ отвелъ баталіоны за ручей; но попытка Лефоля и Бертезена перейти ручей осталась безъ успѣха; встрѣченные огнемъ 24 орудій, они отступили къ С.-Аманду.

Замокъ и ферма, обнесенные крѣпкою стѣною и защищаемые прусскимъ полубаталіономъ, были взяты; но огонь непріятельской артиллеріи уничтожалъ всякую возможность двигаться оттуда дальше.

---

¹⁵⁾ Мы будемъ называть, чтобы не смѣшивали: д. С. Амандъ-ла-Ге — Ла-Ге, а С. Амандскій выселокъ — просто выселкомъ.

Дивизія Жирана успѣла между тѣмъ захватить селеніе Ла-Ге и выселокъ.

Со взятіемъ С.-Аманда и Ла-Ге, наступленіе Вандамма стало грознымъ. Артиллерія, задержанная до того мѣстными препятствіями, начала по частямъ въѣзжать на позицію. Вандамму, поддержанный гвардіею, смѣлымъ натискомъ изъ Ла-Ге могъ захватить с. Бри, мельницу Бюсси и нивельское шоссе и овладѣть ключемъ непріятельской позиціи. Прусскій полководецъ, слѣдившій съ высоты Бюсси за движеніями Вандамма, угадалъ опасность и тотчасъ же принялъ мѣры парировать ее.

Бригадѣ Пирха 2 (корпуса Цитена) приказано изъ с. Бри идти атаковать Ла-Ге. Генералу Юргасу поддерживать это движеніе съ тремя бывшими въ его распоряженіи кавалерійскими бригадами (изъ корпуса Пирха 1) и пѣхотною бригадою Типпельскирха (корпуса Пирха 1); она прежде стояла у Труа-Баретъ, но передвинута оттуда и также подчинена ему.

Общее начальство надъ боевою линіею отъ Ваньеле до С.-Аманда поручено Цитену.

Бригада Пирха (9 баталіоновъ) скоро вступила въ огонь; баталіоны построились въ двѣ линіи въ колонны къ атакѣ.

Первая линія смѣло устремилась на Ла-Ге, гдѣ была бригада дивизіи Жирана, другая бригада оставалась за деревнею.

Пирхъ II мгновенно овладѣлъ передними строеніями, и скоро успѣлъ захватить половину деревни; но, отчаяннымъ усиліемъ, Жиранъ выбиваетъ пруссаковъ и отбрасываетъ ихъ въ безпорядкѣ; подкрѣпленный второю линіею Пирхъ повторяетъ атаку, захватываетъ полдеревни, но не можетъ удержать ее за собою. Послѣ кровавой схватки, баталіоны подались назадъ, разстроились и были отброшены за ручей.

Увидя отступленіе, Блюхеръ скачетъ къ отступавшимъ, и своимъ личнымъ присутствіемъ, своею грозною рѣчью ободряетъ солдатъ. Ряды смыкаются, и старый фельдмаршалъ приказываетъ Пирху 2 вести ихъ снова въ огонь.

Во время атаки Штейнмецъ долженъ былъ оставаться противъ замка и С.-Аманда, а нѣсколько опоздавшій Юргасъ выдвинулся изъ Ваньеле и обоидти лѣвое крыло Жирана.

Ударили къ атакѣ. Пирхъ 2 двинулся на Жирана, и завязался рукопашный бой. Безстрашный и пламенный Жираръ держался сколько могъ, и палъ смертельно раненый. Войска его, уступая численному превосходству, отступили въ порядкѣ шагъ за шагомъ, отдавая съ боя всякую улицу, каждое строеніе или ограду; они очистили наконецъ селеніе и отошли къ высылку потерявъ до 1,000 человекъ, т. е. четвертую часть наличнаго числа людей. Оба бригадные генерала были ранены и полковникъ Тибурцій (Tiburce) Себастьяни принялъ начальство надъ дивизіею.

Когда ожесточенный бой началъ стихать въ Ла-Ге, Юргасъ двинулся изъ Ваньеле взять Жирана во флангъ и въ тылъ. Движеніе не имѣло успѣха.

Вандамъ на всякій случай выдвинулъ противъ Ваньеле бригаду изъ дивизіи Габера съ батареею. Бригада стала подъ угломъ (*en potence*) къ фронту Жирана и разсыпала впереди въ высокомъ хлѣбѣ густую цѣпь застрѣльчиковъ. Дивизія Домона расположилась лѣвѣе.

Кажется Юргасъ пошелъ безъ предосторожностей; онъ подвѣлъ свою пѣхоту подъ такой убійственный огонь нашей цѣпи, что она разстроилась и бросилась бѣжать къ Ваньеле, и Юргасъ съ большимъ трудомъ собралъ часть бѣгущихъ подъ прикрытіемъ 3 баталіоновъ и батарей, остававшихся въ Ваньеле. Эти войска и 2 кавалерійскія бригады, бывшія между Ваньеле и Ла-Ге остановили наше преслѣдованіе. Третья кавалерійская бригада оставалась противъ кавалеріи Домона.

Была половина шестаго; Вандамъ понесъ значительныя потери, но владѣлъ лишь С.-Амандомъ и замкомъ; далѣе двигаться онъ не могъ. Вторая бригада дивизіи Габера оставалась противъ Ваньеле для поддержки первой, вся артиллерія была введена въ боевую линію; резервы истощены до послѣдняго баталіона, до послѣдняго орудія. Самый сильный огонь гремѣлъ по боевой линіи.

Для наступленія лѣваго крыла нужны были подкрѣпленія.

Наполеонъ отправилъ изъ корпуса Нажоля дивизію Сюберви съ одною гвардейскою батареею на помощь Домона къ Ваньеле,

гдѣ начинала массироваться непріятельская кавалерія; но эта поддержка была недостаточна. Вандаммъ просилъ пѣхоты— нужна была пѣхота.

Бригада Штейнмеца потерявъ изъ 9 т., 2,350 человекъ ¹⁶⁾, была передвинута Блюхеромъ въ резервъ, между высотой Бюсси и Сомбрефомъ.

Столь же сильно пострадавшіе три баталіона бригады Ягова (корпуса Цитена) были отправлены за Линьи къ своей бригадѣ.

Изъ корпуса Пирха 1-го 9 баталіоновъ бригады Крафта были передвинуты къ Линьи и С. Аманду; а бригада Лангена (9 баталіоновъ) изъ Сомбрефа къ мельницѣ Бюсси. Мы уже упомянули, что бригада Тинельскирха у Труа-Барреттъ была замѣнена бригадою Браузе и поступила подъ начальство Юргаса, чтобы идти въ атаку изъ Ваньеле; но эта атака имѣла самый плачевный исходъ.

На усиленіе Юргаса съ лѣваго крыла была перемѣщена кавалерійская бригада Марвица (корпуса Тильмана). Съ прибытіемъ ея, у Юргаса собралась масса кавалеріи въ 5,000 человекъ.

Мы атаковали прусскій центръ въ Линьи полчасомъ позднѣе чѣмъ С. Амандъ. Жерару поручили вести атаку; онъ былъ достоинъ подобнаго порученія.

Въ 4 корпусѣ было всего 16 т. человекъ, считая кавалерію, артиллерію и проч.

Жераръ долженъ былъ отдѣлить дивизію Гюло ¹⁷⁾ и кавалерію Морена вправо къ выгибу ручья, такъ что ему пришлось брать Линьи лишь съ дивизіями Вишери и Пеше, т. е. менѣе чѣмъ съ 10 т. человекъ.

Деревню занимали 4 ¹/₂ баталіона, имѣвшіе сзади резервъ изъ 6 баталіоновъ. — Эти войска, взятые изъ корпуса Цитена и бригадъ Ягова и Генкеля, были въ числѣ отъ 8 до 9 т.; но они имѣли на своей сторонѣ всѣ мѣстные выгоды.

¹⁶⁾ Recueil des plans de combats et batailles par Wagner. (Berlin 1825).

¹⁷⁾ Генераль-маіоръ Гюло, какъ старшій въ чинѣ, принялъ командованіе послѣ дезертированія Бурмона.

Выходы изъ улицъ, проходы между садами и палисадниками были баррикадированы еще съ утра, въ домахъ и по оградѣ пробиты бойницы, а замокъ Линьи, лежащій на правой оконечности оборонительной линіи, былъ приспособленъ къ защитѣ, 16 орудій обстрѣливали подступы къ селенію со стороны замка ¹⁸⁾, а 16 орудій съ-лѣва.

Жераръ выставилъ противъ селенія 24 орудія и открылъ огонь; вслѣдъ за тѣмъ началась атака. Три колонны двинулись почти въ одно время. Первая пошла на лѣвую сторону селенія, вторая противъ середины, а третья къ правой сторонѣ, гдѣ былъ замокъ. Войска шли съ музыкою и барабаннымъ боемъ; восторженные, оглушительныя восклицанія едва-едва покрывались пушечными раскатами.

Какъ и въ С. Амандѣ пруссаки — спокойно и безмолвно выжидали наши колонны, и, подувшись на близкое разстояніе, открыли такой убійственный огонь, что штурмующія войска остановились; но колебаніе было мгновенно, и колонны смѣло продолжали двигаться противъ непріятеля, за-крытаго изгородами, стѣнками съ бойницами и баррикадами; ядра низали наши ряды, но не смотря на то войска дошли до задворковъ.

Здѣсь мы встрѣтили такое упорное сопротивленіе, что принуждены были попытаться. Атака тщетно возобновлялась еще два раза; наконецъ въ 4-й разъ мы овладѣли садами, кругомъ опоясывающими селеніе Линьи. Пруссакъ ввели въ дѣло часть резерва и, возобновивъ кровавую схватку, вытѣснили насъ вонъ.

Потери были значительны съ обѣихъ сторонъ, наши гранаты зажгли селеніе во многихъ мѣстахъ, замокъ горѣлъ.

Жераръ подкрѣпилъ колонны и повелъ ихъ на проломъ; непріятель держался стойко, но не выдержалъ наконецъ стремительности французской атаки. Сады и огороды захвачены снова вмѣстѣ съ началами улицъ. Генералы Вишери и Пеше прорвались до половины деревни и перешли ручей.

---

¹⁸⁾ Въ настоящее время этотъ замокъ не существуетъ.

На нашей сторонѣ ручья одинъ замокъ и нѣсколько со-
сѣднихъ строеній оставались еще въ рукахъ пруссаковъ.

Яговъ взялъ изъ резерва послѣдніе 2 баталіона, къ нимъ
Блюхеръ прислалъ еще 1 баталіонъ изъ бригады Крафта. Ба-
таліоны ударили на середину селенія по большой улицѣ, оттѣс-
нили французовъ за ручей и перешли сами по-сю сторону ручья.

Здѣсь по цѣлой деревнѣ завязалась одна изъ самыхъ оже-
сточенныхъ схватокъ, какія только запомнить военная исто-
рія. Французы и пруссаки перемѣшались и дрались на-смерть;
пощады не было никому. Даже офицеры вооружились ружья-
ми. То былъ не бой, а тысячи отдѣльныхъ дракъ. Каж-
дая улица, каждое строеніе, каждая загородъ переходили
изъ рукъ въ руки. Стрѣляли въ упоръ, дрались штыками,
прикладами... въ сѣняхъ, въ комнатахъ, по хлѣбамъ, среди
вспыхивающаго поминутно пожара, рѣзались съ остервѣ-
неніемъ.

Отвага перешла въ бѣшенство, звѣрство. Одинъ иностран-
ный писатель справедливо говоритъ: „эти люди нападали другъ
на друга съ личною ненавистью; каждый точно видѣлъ въ
непріятелѣ смертельнаго врага, и радовался, что наступила
минута мщенія“.

Жераръ ввелъ послѣдніе свои резервы на эту бойню; они
были храбры, одушевлены.

Блюхеръ взялъ отъ бригады Генкеля, бывшей у мельницы
Бюсси, еще 2 баталіона и направилъ ихъ въ Линьи.

Рѣзня за обладаніе Линьи продолжалась съ перемѣннымъ
успѣхомъ.

Поле битвы постепенно расширилось по теченію ручья вправо
до фермы Потрію, а влѣво до селенія С. Аманда.

Въ 5 1/2 часовъ адъютантъ императора Гурго, находившійся
при корпусѣ Жерара, прибылъ къ Наполеону, оставшемуся
впереди Флеруса, и передалъ ему нерѣшительные результаты
боя въ селеніи Линьи ¹⁹⁾.

На правомъ крылѣ, гдѣ начальствовалъ Груши, битва не

---

¹⁹⁾ «Campagne de 1815», Gourgaud.

принимала такого оборота, какъ въ центрѣ и на нашемъ лѣвомъ крылѣ.

Подъ начальствомъ маршала находились: изъ корпуса Жерара дивизіи Гюло и Морена, затѣмъ легкая кавалерія Пажоля и драгуны Эксельмана.

Груши стоялъ почти тыломъ къ Жерару; Гюло и Моренъ были противъ выгиба ручья.

Груши имѣлъ противъ себя 4 бригады пѣхоты и кавалерію Тильмана; выше упомянуто о расположеніи этихъ войскъ: бригада Борке въ сторонѣ отъ Сомбрефа, Штульпнагеля въ Пуанъ-де-Журъ, Люка на высотѣ флерусскаго шоссе за мостомъ, Кемпена къ сторонѣ Тонгринна, резервная кавалерія между деревнею Тонгриномъ и шоссе.

Застрѣльщики Гюло открыли перестрѣлку съ цѣпью Тильмана по выгибу ручья Линьи не ранѣ 4-хъ часовъ, но въ продолженіи полутора часа на этомъ пунктѣ не произошло ничего особеннаго. Пруссаки очистили селенія Буацье и Балатръ; но удержались въ Тонгринелѣ, оттуда французы было ихъ вытѣснили.

Наполеонъ ослабилъ Груши, отправивъ дивизію Сюберви къ Вандамму; съ своей стороны Блюхеръ перевелъ къ Ванселе кавалерійскую бригаду Марвица изъ корпуса Тильмана; бригада Лангена (изъ корпуса Пирха) перемѣщена къ мельницѣ за Бри, мѣсто ея у Сомбрефа заняла бригада Штульпнагеля, бригаду же Борке выдвинули впередъ и помѣстили между Сомбрефомъ и выгибомъ ручья.

До самаго конца битвы на нашемъ правомъ крылѣ должны были происходить лишь второстепенныя дѣйствія.

Всѣ наши демонстраціи на правомъ крылѣ имѣли цѣлью обезпokoить Блюхера и заставить его держать здѣсь значительныя силы, тогда какъ главный ударъ направлялся на него съ другой стороны.

Мы увидимъ, что прусскій фельдмаршалъ, озабоченный удержаніемъ за собою намюрскаго шоссе, былъ обманутъ нашими демонстраціями.

Въ 5½ часовъ положеніе сражавшихся сторонъ было слѣдующее:

На лѣвомъ крылѣ весь корпусъ Вандамма и дивизія Жирара удержали за собою С. Амандъ и выселокъ.

Въ центрѣ двѣ дивизіи Жерара дрались въ Линьи.

На правомъ крылѣ Груши взялъ Буанье и Балатръ, и съ незначительною частью своихъ войскъ демонстрировалъ противъ Тильмана.

Всего было введено въ дѣло Наполеономъ 36 или 37 т.

У пруссаковъ: весь корпусъ Цитеца, за исключеніемъ резервной кавалеріи; 1½ пѣхотныхъ бригады и кавалерія корпуса Пирха 1-го были въ огнѣ въ центрѣ и на правомъ крылѣ; на лѣвомъ Тильманъ съ нѣсколькими баталіонами завязалъ дѣло съ Груши. Всего ввели въ дѣло 46 или 47 т.

Считая съ подходившимъ корпусомъ Лобау, Наполеонъ имѣлъ въ резервѣ до 40 т.; резервы Блюхера были равносильны и прусскій главнокомандующій зналъ уже, что на сдѣйствіе корпуса Бюлова рассчитывать было нельзя.

Встрѣтивъ такое упорное сопротивленіе въ С.-Амандѣ и въ Линьи, Наполеонъ быстро сообразилъ, что имѣетъ дѣло не съ однимъ непріятельскимъ корпусомъ, какъ было сообщено въ депешѣ Нею, отправленной въ 2 часа, а съ большею частью прусской арміи. Онъ понялъ почему непріятель держался на позиціи и правое крыло пруссаковъ виситъ въ воздухѣ—они ждали наступленія англо-голландцевъ.

Наполеонъ приказалъ начальнику главнаго штаба отправить къ Нею слѣдующую депешу:

„Впередѣ Флеруса, 3¼ часа по-полудни“.

„Г. маршалъ, часть тому назадъ, я васъ увѣдомилъ. что императоръ атакуетъ непріятеля на позиціи между деревнями С.-Амандъ и Бри. Въ настоящую минуту завязалось сильное дѣло; по порученію императора предлагаю вамъ тотчасъ же маневрировать такимъ образомъ, чтобы вы могли обойти правое крыло непріятеля и зайти ему въ тылъ. Прусская армія погибнетъ, если дѣйствія ваши будутъ рѣшительны — судьба Франціи въ вашихъ рукахъ. Не медлите и испол-

найте тотчасъ же предписанное императоромъ движеніе, направляясь къ высотамъ Бри и С.-Аманду. Съ вашимъ приходомъ мы одержимъ рѣшительную побѣду.

Непріятель, двинувшись на соединеніе съ англичанами, захваченъ нами на-маршѣ“.

Соображенія Наполеона становились грандіознѣе по мѣрѣ того какъ обстоятельства предъ нимъ разъяснялись. Въ 9-мъ часу утра онъ требуетъ отъ Нея пѣхотной дивизіи: „чтобы притянуть ее на случай надобности;“ въ 2 часа онъ приказываетъ Нею гнать все, что тотъ ни встрѣтитъ передъ собою, и потомъ двинуться въ тылъ прусскому корпусу, находящемуся между Бри и Сомбрефомъ; а въ 3¼ часа онъ побуждаетъ его идти на гибель непріятельской арміи и помочь рѣшительной побѣдѣ.

Планъ этотъ, превосходно задуманный, по праву нашелъ себѣ множество почитателей; но Наполеонъ напрасно полагалъ исполненіе его зависящимъ отъ маршала Нея; эту увѣренность онъ повторилъ потомъ письменно, а за нимъ это обвиненіе повторили безъ счету.

Счастливый случай давалъ Наполеону средство поправить свою ошибку.

Мы сказали, что въ 5½ часовъ дивизія Сюберви была передвинута къ лѣвому крылу на подкрѣпленіе Вандамма; а корпусъ Лобау подходилъ къ мѣсту битвы.

Наполеонъ послалъ къ Ла-Ге дивизію молодой гвардіи и одну егерскую бригаду старой гвардіи; а самъ двинулъ остальной резервъ къ Линьи на прорывъ прускаго центра; но въ это время отъ Вандамма пришло извѣстіе: „что въ одномъ лѣе отъ нашего крайняго лѣваго фланга показалась изъ лѣсу непріятельская колонна, которая обходитъ насъ, двигаясь по видимому на Флерусъ ²⁰⁾“.

Можетъ быть Вандаммъ ошибался, принявъ за непріятеля отрядъ Нея, вмѣсто Марбе, взявшій ошибочно направленіе на Флерусъ?

---

²⁰⁾ «Campagne de 1815», Гурго.

Могло быть и то, что Блюхеръ скрывалъ эти войска и отправилъ ихъ въ обходъ, или же они принадлежали къ англо-голландской арміи? Необходимо было тотчасъ разузнать на-вѣрное, прежде чѣмъ предпринять что нибудь рѣшительное.

Резервы были остановлены и адъютантъ поскакалъ во всю прыть разузнать про неизвѣстную колонну.

Въ ожиданіи его прибытія, Наполеонъ приказалъ Вандамму и Жерару удерживать во что бы то ни стало занятія позиціи; и въ крайнемъ случаѣ продвинуть до С.-Аманда дивизію молодой гвардіи Дюэма съ одною егерскою бригадою старой; а на половинное разстояніе до Линьи направлена бригада гвардейскихъ егерей. Три гвардейскихъ батареи были выдвинуты противъ Линьи и открыли огонь по селенію.

Попытки Вандамма двинуться впередъ за С.-Амандъ были напрасны; выселокъ оставался за нимъ, но всѣ усилія выбить непріятеля изъ Ла-Ге кончились ничѣмъ. Самый сильный огонь безостановочно поддерживался по боевой линіи.

Юргасъ собралъ баталіоны Типпельскирха, разсѣянные при атакѣ изъ Ваньеле и ободрилъ людей.

Ему приказали возобновить атаку на лѣвое крыло Вандамма. Въ то же время кавалерійская бригада, подкрѣпленная кавалерією Марвица, должна была способствовать атакѣ Юргаса наступленіемъ изъ Ла-Ге. Энергически веденная атака кончилась успѣшно. Дивизія Габера подалась назадъ; два баталіона Типпельскирха, подъ личнымъ предводительствомъ Блюхера, выбили послѣ самаго упорнаго сопротивленія французовъ изъ выселка.

Бригада Типпельскирха развернулась за выселкомъ, а бригада Пирха 2-го начала наступать изъ Ла-Ге. Боевыя линіи Вандамма заколебались...

Планъ Блюхера выяснился. Онъ рассчитывалъ обойти лѣвое крыло французской арміи, овладѣть шоссе изъ Шарлеруа на Флерусъ и отбросить Наполеона въ тѣнины Самбры.

Планъ этотъ могъ быть роковымъ если бы подоспѣлъ, столь

нетерпѣливо ожидаемый, англійскій корпусъ. Могло быть, что войска, замѣченные Вандаммомъ, и принадлежали къ этому корпусу.

Жераръ продолжаетъ геройскій бой въ Линьи; улицы, строенія переходятъ изъ рукъ въ руки и пруссаки начинаютъ утомляться.

По приказанію Блюхера разстроенная бригада Генкеля выведена изъ боя и смѣнена одною половиною бригады Крафта. Другая половина этой бригады находилась передъ С.-Амандомъ ²¹⁾. Во все продолженіе боя Жераръ былъ подкрѣпленъ лишь 3-мя батареями гвардейской артиллеріи. Утомленные дивизіи Вишери и Пеше представляютъ одни остатки; но личности ихъ генераловъ и Жерара вырастаютъ по мѣрѣ опасности, а солдаты и офицеры своимъ мужествомъ доказываютъ, что достойны такихъ начальниковъ.

Резервная артиллерія Пирха 1-го вмѣстѣ съ батареями Цитена, постепенно вводимыми въ дѣло, выстроилась противъ Ваньеле, Ла-Ге, Линьи и засыпала снарядами выходы изъ селенія и проходы черезъ ручей Линьи.

Группы продолжали демонстрировать на правомъ крылѣ противъ Тильмана съ кавалеріею и дивизіею Гюло; и прусскій генералъ выдвинулъ наконецъ противъ него бригады Кемпена и Люка, построивъ ихъ между фермою Потрію и Тонгринелемъ. Намюрская дорога сильно озабочивала Блюхера.

Въ 6^{1/2} часовъ адъютантъ, отправленный узнать какія войска видѣлъ Вандаммъ, вернулся къ Наполеону ²²⁾.

Вандаммъ ошибся, принявъ за пруссаковъ или англичанъ 1-й корпусъ д'Эрлона. Адъютантъ достигъ его ближе одного лье отъ С.-Аманда.

Прикажи Наполеонъ — и 20 т. человѣкъ, двинувшись къ Ваньеле и Бри, взяли бы въ тылъ правое крыло и центръ

---

²¹⁾ Дамницъ говоритъ, что изъ 4,721 человѣка онъ потерялъ 2,500. Дамницъ писалъ по даннымъ, оставленнымъ генералъ-квартирмейстеромъ прусской арміи, генераломъ Грольманомъ.

²²⁾ «Mémoires de Napoléon», t. IX.

прусской арміи, въ то время какъ Вандаммъ и Жераръ, усиленные всѣмъ резервомъ, потѣснятъ ее съ фронта.

Планъ, задуманный Наполеономъ, осуществлялся—изъ всей прусской арміи дай Богъ чтобы спаслось тогда 20 т. чел.

Но Наполеонъ не отдалъ никакого приказанія—за д'Эрлономъ не послали.

Наступленіе, остановленное ложнымъ донесеніемъ Вандаммы, было снова начато.

Дивизія молодой гвардіи Дюэма и егерская бригада старой гвардіи, продвинутые уже къ С.-Аманду, вступили въ боевую линію и были отданы Вандимму.

Наполеонъ двинулся къ Линьи съ дивизіею гвардейскихъ гренадеровъ, съ гвардейскою кавалеріею, артиллеріею и кирасирами Мильго.

Корпусъ Лобау, только что прибывшій изъ Шарлеруа, былъ остановленъ на шоссе правѣе Флеруса.

Гвардія двинулась къ Ла-Ге скорымъ шагомъ съ музыкою и барабаннымъ боемъ: разстроенные, отступавшіе солдаты Вандаммы встрѣтили ея приближеніе громовыми восклицаніями, ожили духомъ и остановились.

Вандаммъ, оставивъ въ резервъ бригаду гвардейскихъ егерей, ударилъ съ дивизіею Дюэма (8 баталіоновъ) на Юргаса. Пруссаки быстро были отброшены назадъ, выслоекъ захваченъ и непріятель оттѣсненъ къ Ваньеле. Полковникъ Себастіани, оставшійся старшимъ въ дивизіи Жирара, вогналъ Пирха 2-го въ Ла-Ге. Прусская кавалерія, не смотря на свое численное превосходство, была удержана дивизіями Домона и Сюберви, прибывшими съ праваго крыла.

Все пространство до ручья было очищено отъ пруссаковъ.

При началѣ нашей атаки, Блюхеръ передвинулъ отъ Труа-Бареттъ къ мѣсту битвы бригаду Браузе. Юргасъ ведетъ 5 прибывшихъ баталіоновъ впередъ изъ Ваньеле, самъ Блюхеръ кидается съ остальными 4-мя баталіонами бригады Браузе на Ла-Ге. Прибытіе 6 т. человѣкъ свѣжаго войска ослабило нашу атаку, затѣмъ пруссаки мало по малу утвердились снова на оспариваемыхъ позиціяхъ и снова оттѣснили насъ къ высылку.

*

Бригада Типпельскирха, потерявшая $\frac{1}{3}$ людей ²³⁾, была перемѣщена Блюхеромъ въ резервъ. Въ тоже время еще болѣе потерпѣвшая дивизія Жирара, утомленная зноемъ, усталая отъ долгаго упорнаго боя, при чемъ приходилось преодолевать безпрестанныя мѣстные препятствія, была выведена изъ огня Вандаммомъ.

Въ Линьи между тѣмъ кипѣла страшная битва. Блюхеръ ввелъ въ селеніе 5 баталіоновъ бригады Лангена (изъ корпуса Пирха 1-го).

Получивъ подкрѣпленіе, храбрые пруссаки удержали за собою большую часть деревни и объятый пламенемъ замокъ. Жераръ едва держался—невозможное не во власти человѣка.

На нашемъ правомъ крылѣ Тильманъ наконецъ вышелъ изъ своего бездѣйствія—кавалерійская бригада Лоттума двинулась по флерусскому шоссе, поддерживаемая нѣсколькими баталіонами и двумя батареями. Бригада Бюрта (корпуса Эссельмана) произвела блестящую атаку на непріятеля и отбросила его, причемъ драгуны захватили 6 прусскихъ орудій.

Вслѣдствіе этой рѣшительной схватки, по выгибу ручья Линьи завязалось жаркое дѣло, въ особенности на мосту и у фермы Потрію. Пѣхота Гюло дралась съ частью бригады Борке, и оказала здѣсь чудеса храбрости.

Въ 7 $\frac{1}{2}$ часовъ битва была еще не рѣшена. Свѣжихъ войскъ оставалось у Наполеона: половина гвардейской пѣхоты, дивизія Гюо, кирасиры Мильго и корпусъ Лобау — всего до 24 т. человѣкъ, т. е. около $\frac{1}{3}$ арміи; напротивъ Блюхеръ ввелъ въ дѣло $\frac{5}{6}$ своихъ силъ, хотя надобно сказать, что онъ могъ разсчитывать еще на 3 бригады сильно утомленныя и потерпѣвшія въ дѣлѣ, которыя были выведены изъ боевыхъ линій.

На содѣйствіе англичанъ нечего было надѣяться; по послѣднимъ полученнымъ извѣстіямъ, Блюхеръ узналъ, что они завязали упорное дѣло у Катръ-Бра. Однако это нисколько не поколебало Блюхера, онъ не терялъ надежды на успѣхъ. Ему

---

²³⁾ 1,891 человѣка потери (Дамицъ).

казалось даже, что наступила удобная минута и остается употребить послѣднее усиліе, которое рѣшить судьбу дня. Онъ рѣшился обрушить главный ударъ на наше лѣвое крыло, охватить его, смять и овладѣть флерусскимъ шоссе. Помочь ему въ исполненіи этого маневра было дѣло англо-голландцевъ; но Веллингтонъ не пришелъ на помощь, и Блюхеръ безъ него отдѣльно пробовалъ то, что условливались они сдѣлать сообща.

Три свѣжихъ баталіона бригады Лангена (корпуса Пирха 1) двинуты на Ла-Ге; два сильно пострадавшіе въ началѣ дѣла баталіона Штейнмеца и разстроенная бригада Типпельскирха, едва успѣвшая получить новые патроны, снова введены въ огонь.

Старый фельдмаршалъ ободрялъ рѣчью и личнымъ примѣромъ наступавшія колонны, общая имъ побѣду въ награду послѣдняго усилія.

Бригады Браузе и Пирха 2 тѣснятъ Дюэма и Габера; и подъ прикрытіемъ кавалеріи Юргаса вся линія подается вправо за выселокъ, чтобы охватить лѣвое крыло Вандамма.

Дюэмъ и Габеръ не выдержали удара; но бригада гвардейскихъ егерей подошла на помощь, славные остатки дивизіи Жирара снова двинуты въ огонь; а кавалерія Домона и Сюберви удержала кавалерію Юргаса. Новая попытка Блюхера остановлена, и битва кипитъ на пространствѣ отъ С.-Аманда до Ла-Ге и за выселкомъ. Блюхеръ былъ внѣ себя отъ неудачи; напрасно употреблялъ онъ всѣ усилія, чтобы ободрить солдатъ.... узнавъ, что личное присутствіе его необходимо на другомъ пунктѣ, онъ поначался туда въ карьеръ.

Резервы, предводимые Наполеономъ, двинувшись впередъ, нанесли рѣшительный ударъ.

Выйдя противъ Линьи, гдѣ все еще держался Жераръ, они построились къ атакѣ: артиллерія была выдвинута и открыла огонь по прусскимъ батареямъ; баталіоны гвардіи сомкнулись въ густыя колонны передъ деревней, кавалерія построилась сзади для поддержки общаго наступленія. Войска должны были ворваться въ Линьи, очистить его окончательно отъ пруссаковъ и двинуться къ ключу позиціи—на плато Бюсси.

Послѣ непродолжительной канонады ²⁴⁾ барабаны забили къ атакѣ: грозныя массы прошли мимо Наполеона, указавшаго имъ на горѣвшую деревню.

Исполненныя бѣшенаго одушевленія, съ громовыми криками: „Vive l'empereur! не давать пощады!“ бросились онѣ на Линьи

Ни перекрестный огонь непріятельскихъ батарей, ни улицы, заваленныя горами труповъ и раненыхъ, ни пылавшія зданія — ничто не удержало порыва гвардіи; солнце закатывалось за сгущавшимися тучами, когда колонны гвардіи, имѣя впереди геройскія войска Жерара, перешли на лѣвый берегъ ручья ²⁵⁾.

Прусскій центръ былъ ослабленъ недавнимъ отдѣленіемъ войскъ къ Ла-Ге; кромѣ того, по ошибкѣ, остатки бригады Штейннеца были передвинуты къ фермѣ Потріо.

Штульпнагель и Борке напрасно стояли у Сомбрефа и Потріо, и отдѣлили даже каждый по два баталіона къ мосту на ручьѣ.

Одинъ баталіонъ Лангена, остатки бригады Генкеля и ка-

---

²⁴⁾ Во время минутной остановки передъ Линьи, генераль Роге, помощникъ полковаго командира гвардейскихъ гренадеръ, созвавъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, сказалъ:

«Предупредите гренадеръ, что первый, кто приведетъ ко мнѣ плѣннаго пруссака, будетъ разстрѣлянъ».

Ужасныя слова, за которыя чрезъ два дня враги столь же ужасно отплатили.

²⁵⁾ «Мы прошли деревню для преслѣдованія непріятеля.» (Письмо маршала Сульта къ Юсифу Бонапарте, въ 8 1/2 часовъ вечера 16 іюня, пройдя Линьи).

Спустя недѣлю генераль Дроу, читая въ палатахъ длинный докладъ о бельгійской кампаніи, выразился: «гвардейскіе гренадеры прошли деревню Линьи...», въ рукописной замѣткѣ 1819 года, находящейся передъ нами, Дроу выражается: «гвардія прошла Линьи, очистивъ съ-боя выходъ изъ селенія.» Гвардія не имѣла общаго начальника, Дроу же былъ подъ Линьи помощникомъ начальника гвардейскаго штаба и лучше всѣхъ зналъ про движеніе этого отборнаго войска.

Тѣмъ не менѣе г. Тьеръ увѣряетъ, что гвардія не проходила чрезъ Линьи; онъ не ссылается ни на кого, довольствуясь замѣчаніемъ, что Наполеонъ не пожертвовалъ бы своими отборными войсками для того, чтобы ихъ раздавили въ развалинахъ Линьи.

валерія Цитена только и оставались для удержанія натиска гвардіи.

При выходѣ изъ деревни, баталіоны гвардіи и Жерара остановились построиться, прежде чѣмъ подыматься на скаты плато, гдѣ выгнанные изъ Линьи пруссаки спѣшили устроиться.

Въ это время Блюхеръ прискакалъ изъ Ла-Ге къ своему центру. Неотвратимая опасность не смутила его.

Онъ ободрилъ своимъ присутствіемъ разстроенныя войска, и привелъ ихъ въ порядокъ. Пѣхота и батареи покрывали плато, кавалерія готовилась поддерживать ихъ.

Французская пѣхота двинулась. Пруссаки, подувтивъ ее на близкое разстояніе, встрѣтили сильнѣйшимъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ; въ то же время полковникъ Люцовъ съ 4 эскадронами уланъ обскакалъ ее справа. Гвардейскій баталіонъ, построивъ каре, остановилъ своимъ огнемъ атаку. Уланы потеряли четверть людей, подъ Люцовымъ была убита лошадь и этотъ горячій патріотъ и смѣлый партизанъ 1813 года попался въ плѣнъ.

Восемь другихъ эскадроновъ повторили атаку; но кирасиры Делора (корпуса Мильго), вслѣдъ за коими проскакали чрезъ Линьи гвардейскіе драгуны и конно-гренадеры, смаяли и изрубили эту кавалерію.

Начались кавалерійскія атаки, производившіяся съ переменнымъ успѣхомъ эскадронами Цитена; эти атаки, пушечный и ружейный огонь замедлили наступленіе французовъ, но не остановили его.

Въ одной изъ отчаянныхъ кавалерійскихъ схватокъ подъ героемъ Блюхеромъ убили лошадь. Фельдмаршалъ упалъ подъ нее. Наши кирасиры промчались мимо незамѣтивъ его. Онъ только и спасся, благодаря мужеству своего адъютанта, капитана Ностица и тому, что вернулась прусская кавалерія, опрокинувшая нашихъ кирасиръ ²⁶⁾.

---

²⁶⁾ Адъютантъ Ностицъ, увидѣвъ паденіе фельдмаршала, остался возлѣ него, и закричалъ: «на помощь!» когда показалась снова прусская кавалерія. Ушибеннаго и ошеломленнаго паденіемъ Блюхера посадили на унтеръ-офицерскую лошадь и отвезли за Бри.

Наконецъ французы достигли мельницы Бюсси и захватили послѣ свалки плато. Прусскія каре, занимавшія его, были опрокинуты штыками, а нѣсколько каре было изрублено гвардейскими драгунами и конно-гренадерами и кирасирами.

Отъ густыхъ тучъ, покрывшихъ небо, стало еще темнѣе; буря начинала шумѣть и хлынулъ проливной дождь.... центръ прусской арміи въ безпорядкѣ отступилъ къ Бри, на нивельское шоссе и къ Сомбрефу. Пораженіе центра ускорило отступление крыльевъ; оно началось, когда мы взяли Линьи и угрожали плато.

Дивизія Вишери, поддерживаемая кирасирами Ватье, выйдя изъ Линьи, повернула на Сомбрефъ. Штейнмецъ и Штульпнагель отступили къ мельницѣ Бюсси. Послѣ недолгой, но горячей схватки Вишери опрокинулъ перваго и заставилъ другого отойти къ Сомбрефу ²⁶⁾. Въ то же время Гюло овладѣлъ фермою Потрію, мостомъ на шоссе, очистилъ сосѣдніе дома и открылъ такимъ образомъ путь кавалеріи, которая помчалась впередъ, имѣя въ головѣ дивизію Мореня (корпуса Жерара), и гнала все передъ собою. Массированныя бригады Борке, Люка и Кемпена остановили натискъ ея за Пуанъ-де-Журомъ. При послѣдней атакѣ храбрый Моренъ былъ тяжело раненъ.

Въ 9^{1/2} часовъ вечера корпусъ Лобау прошелъ Линьи и сталъ въ первую линію между Бри и Сомбрефомъ, гдѣ началъ перестрѣлку съ разсѣянными прусскими отрядами, которые бродили по полю для соединенія съ своими.

Тамъ и сямъ происходили еще отдѣльныя кавалерійскія схватки; но скоро все утихло. Наполеонъ не рѣшился на ночное преслѣдованіе и французская армія расположилась биваками.

Вандаммъ сталъ впереди С.-Аманда, Ла-Ге и Ваньеле; Лобау на плато Бюсси; правѣ его Жераръ; гвардія и кирасиры Миальго стали во второй линіи; Груши съ дивизіею Гюло у фермы Потрію и по выгибу ручья Линьи.

---

²⁷⁾ Штульпнагель потерялъ 850 челов. изъ строя.—Дамицъ.

Передъ самыми сумерками, дивизія Дюрютта и почти вся кавалерія Жакино, отдѣленные отъ корпуса д'Эрлона, прибыли къ Ваньеле, гдѣ и остановились.

Пруссакки оставили въ Бри сильный аррьергардъ; корпуса Цитена и Пирха 1 отступили въ Тилли; корпусъ Тильмана остался въ Сомбрефѣ, сосредоточившись между этимъ мѣстечкомъ и Пуанъ-де-Журъ.

Эти распоряженія были отданы начальникомъ главнаго штаба прусской арміи генераломъ Гнейзенау, потому что нѣкоторое время думали, что Блюхеръ убитъ или взятъ въ плѣнъ.

Французы почти не мѣшали пруссакамъ, такъ что бригады Штейнмеца и Генкеля, отброшенные къ Сомбрефу, успѣли уйти къ своимъ корпусамъ по нивельскому шоссе, которое отстоятъ всего на 1,000 метровъ отъ мельницы Бюсси.

Въ 11 часовъ ночи Наполеонъ вернулся въ Флерусъ, гдѣ была его главная квартира.

Кампанія открылась побѣдою и Наполеонъ разбилъ прусскую армію; но результаты побѣды заключались всего въ 25 или 30 отбитыхъ орудійхъ, да въ нѣсколькихъ тысячахъ оставленныхъ непріятельскихъ раненныхъ.

Обѣ стороны понесли значительныя потери. Пруссіеистики полагають, что Блюхеръ потерялъ отъ 11 до 12 т.; но ихъ показаніе слишкомъ скромно, въ ихъ сочиненіяхъ попадаются доказательства противнаго, такъ что безъ преувеличенія можно опредѣлить потерю пруссаковъ въ 18 т. ²⁸⁾.

---

²⁸⁾ Если мы соберемъ различныя показанія, приводимыя Вагнеромъ и Дамиемъ въ ихъ сочиненіяхъ, то получимъ, что 9 прусскихъ пѣхотныхъ бригадъ потеряли всего съ офицерами 11,388 человекъ. О потерѣ, понесенной бригадами Пирха 2-го, Ягова и Борке эти писатели умалчиваютъ. Двѣ первыя бригады, долго выдерживавшія самый упорный бой, должны были потерять вмѣстѣ столько же, сколько потеряли бригады Штейнмеца и Генкеля, т. е. около 5 т. Бригада Борке принимала въ бою незначительное участіе, не потерявъ и 300 человекъ. Сложивъ всѣ эти цифры получимъ, что потеря прусской пѣхоты доходила до 16 т. человекъ; но къ суммѣ надо прибавить еще потерю въ кавалеріи и артиллеріи, т. е. 1,500 или 1,600 человекъ. Плато (der Krieg der verbundeten Europa gegen Frankreich im Jahre 1815. — Berlin 1818) приводитъ валовую потерю каждаго прусскаго корпуса съ 15 июня

Въ своихъ мемуарахъ Наполеонъ говоритъ, что потерялъ 6,970 чел., приводя детальныя цифры потерь по корпусамъ.

Показанія эти къ сожалѣнію невѣрны. Такъ убыль въ корпусъ Жерара показана убитыми и ранеными 2,300 человекъ, тогда какъ этотъ корпусъ потерялъ 3,686 человекъ ²⁹⁾. Про гвардію сказано, что она лишилась 200, между тѣмъ какъ настоящая ея потеря превышала 1,000 человекъ. По всей вѣроятности наша армія лишилась болѣе 11,000 выбывшими изъ строя ³⁰⁾ т. е. $\frac{1}{7}$ часть всѣхъ силъ бывшихъ подъ Линьи; въ корпусахъ же Блюхера вышло вѣскольکو болѣе $\frac{1}{5}$ части. Последнее отношеніе измѣнилось ночью, потому что отъ 10 до 11 т. пруссаковъ разбѣжались по дорогамъ къ Лютиху; такъ что въ прусской арміи, дравшейся подъ Линьи, недоставало цѣлой трети ³¹⁾.

по 3 іюля. Потеря цѣлой арміи высчитана въ 33 т., что, какъ впоследствии увидимъ, почти сходно съ потерей при Линьи, которую мы опредѣлили въ 18 т. человекъ.

Въ Наполеоновскомъ бюллетенѣ сказано: «уронъ непріятеля не менѣе 15 т. человекъ».

²⁹⁾ Въ 4-мъ корпусѣ подъ Линьи вышло изъ строя 3,686 офицеровъ и солдатъ. Я взяла это число изъ вѣдомостей потерямъ, представленныхъ мнѣ на слѣдующее утро начальниками дивизій. (Quelque documents, генерала Жерара).

³⁰⁾ Потери эти распредѣляются такъ:

Корпусъ Вандамма потерялъ . . .	4,000
Дивизія Жирара	1,900
Корпусъ Жерара	3,700
» Пажоля	300
» Эксельмана	400
» Мильго	150
Императорская гвардія	1,000
Итого	11,450 чел.

³¹⁾ Дамницъ ограничиваетъ число бѣглецовъ восемью тысячами. Наполеонъ въ своихъ трудахъ показываетъ число ихъ то въ 10, 20, 30 и даже 40 т., смотря потому, какое изъ чиселъ нужно ему для его доказательствъ. Считая силы пруссаковъ при началѣ кампаніи въ 120 т. Наполеонъ только однажды вѣрно опредѣлилъ число разбѣжавшихся, сказавъ, что съ прибытіемъ Бюлова, утромъ 18 іюня, у пруссаковъ было 90 т. человекъ; слѣдовательно число бѣжавшихъ было въ 12. т. человекъ. (Campagne de 1815.—Гурго).

Дорого купленный успѣхъ хотя и былъ значителенъ, но Наполеону, въ его критическомъ положеніи, нуженъ былъ полный и совершенный успѣхъ.

Цѣлью французскаго полководца было разобщеніе армій Блюхера и Веллингтона; до сихъ поръ не только не достигли этой цѣли, но напротивъ того дѣло казалось выходило на оборотъ.

Послѣ ожесточенной битвы пруссаки оставили побѣдителямъ только нѣсколько тысячъ раненыхъ и отъ 25 до 30 орудій, уступивъ непріятелю одно поле сраженія.

Прусскій центръ былъ разстроенъ, но крылья отошли въ порядкѣ, шагъ за шагомъ. Ихъ заднія цѣпи у Бри и Оомбрефа были расположены на ружейный выстрѣлъ отъ нашихъ аванпостовъ, оба селенія приспособлены къ самому упорному сопротивленію; а армія бивакировала такъ близко отъ насъ, что императорская гвардія, изъ опасенія непріятельскаго нападенія, стала на бивакъ кареями по-баталіонно и держала переднюю шеренгу подъ ружьемъ.

Армія испытала пораженіе, но не была деморализована.

По римской дорогѣ соединялся съ нею, шедшій изъ Ганнута, корпусъ Бюлова; а съ его прибытіемъ потери пополнялись и армія достигала силы передъ сраженіемъ при Линьи, имѣя кромѣ того значительно больше артиллеріи.

Прусская армія была частью эшелонирована между Бри и Тилли, частью же сосредоточена у Сомбрефа, такъ что дорога на Вавръ и оттуда въ Брюссель осталась въ рукахъ пруссаковъ. Они могли сконцентрироваться на новой операціонной линіи, усилившись прибытіемъ Бюлова до 90 т. съ 300 орудіями. Отдохнувъ, оправившись и опираясь на англо-голландскую армію, операціонная линія которой проходила отъ Катръ-Бра на Брюссель и Антверпенъ, пруссаки могли отважиться на новый бой. Только быстрыя дѣйствія Наполеона могли этому помѣшать.

Вообще можно было предвидѣть, что пруссаки будутъ дѣйствовать подобнымъ образомъ при всякомъ вождѣ; съ такимъ

рѣшительнымъ главнокомандующимъ какъ Блюхеръ это было несомѣнно.

При удачѣ плана всѣ комбинаціи французскаго вождя разбивались въ прахъ.

Немедленное, неослабное и самое рѣшительное преслѣдованіе разбитой арміи было единственнымъ средствомъ осуществить наши планы. При стойкости обѣихъ крыльевъ прусской арміи, Наполеонъ не отважился на ночное преслѣдованіе тотчасъ же; но при короткости лѣтнихъ ночей время, упущенное ночью, вознаграждалось въ одно утро, если бы приступили къ преслѣдованію.

Таковъ былъ жизненный вопросъ всей кампаніи, успѣхъ при Линьи подготовилъ его рѣшеніе, но на подготовкѣ дѣло и кончилось.

Выкажи Наполеонъ въ этотъ день энергію и рѣшимость какъ въ былые походы своей молодости—слѣдствія были бы иныя.

Самъ Наполеонъ сказалъ, что онъ желалъ перенести главную квартиру въ Флерусъ наканунѣ, т. е. 15 іюня. Желаніе его неисполнилось; но если невозможно было его исполнить 15 числа, то на слѣдующее утро оно легко исполнялось. Отъ самого Наполеона зависѣло отдать приказъ войскамъ двинуться на разсвѣтъ; между тѣмъ оно было отдано только въ 9 часу утра. Ней пошелъ по брюссельской дорогѣ съ лѣвымъ крыломъ арміи, а войска, находившіяся подъ личнымъ предводительствомъ императора, направились на Флерусъ.

Битва могла быть начата не въ 2½ часа по-полудни, а въ 7 и никакъ не позже 8 часовъ утра; когда подъ Линьи находились только корпусъ Цитена и 3-я бригада корпуса Пирха. Корпусъ Тильмана и 4-я бригада корпуса Пирха прибыли туда только къ 11 часамъ.

Лишенный содѣйствія Бюлова, недошедшаго до Ганнута, имѣя подъ рукою только часть арміи, конечно Блюхеръ старался бы избѣжать неравной встрѣчи и отступилъ-бы на свои резервы къ Намюру или же по римской дорогѣ на Ганнуть. Въ обоихъ случаяхъ дорога на Вавръ и Брюссель была для

него потеряна и онъ разобщался съ англо-голландцами. Уклонившись отъ битвы при Линьи, Блюхеръ, преслѣдуемый по пятамъ Наполеономъ, долженъ былъ дать сраженіе въ тѣснинахъ Мааса или Жемблу, гдѣ армія его погибла бы навѣрное.

Напротивъ, если-бы Блюхеръ рѣшился твердо держаться на плато у Линьи, онъ не имѣлъ времени укрѣпить деревни и понесъ бы пораженіе гораздо скорѣе, чѣмъ то случилось въ дѣйствительности. Положимъ даже, что дѣло продолжалось бы также долго, во всякомъ случаѣ ночь не наступала такъ кстати и не спасала прусскую армію отъ преслѣдованія. Въ нѣсколько часовъ пока бы стемнѣло, Наполеонъ, воспользовавшись своею побѣдою, разстраивалъ преслѣдованіемъ большую часть прусской арміи, на-долго лишивъ ее возможности принимать дѣйтельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Бездѣйствіе и нерѣшимость, выказанныя въ утро 16 іюня, были капитальною ошибкою; ниже мы увидимъ какъ слѣдствія ея отразились на ходѣ другаго дѣла, происходившаго на лѣвомъ крылѣ нашей арміи, гдѣ начальствовалъ маршалъ Ней.

Но кромѣ этой ошибки въ этотъ день были сдѣланы еще промахи.

Самъ Наполеонъ пишетъ, что въ 6½ часовъ по-полудни онъ достовѣрно узналъ о присутствіи цѣлаго корпуса д'Эрлона, на разстояніи менѣе чѣмъ одного лье отъ С.-Аманда, но не употребилъ въ дѣло этихъ войскъ.

Отдай онъ короткое приказаніе въ двухъ словахъ: „1-й корпусъ въ огонь“ ³²⁾, и къ 8-ми часамъ до 20 т. съ 46 орудіями прибывали на поле сраженія.

Эти войска, двинувшись прямо на Ваньеле и Ла-Ге, превращали пораженіе прусской арміи въ катастрофу: пруссаки разстроеныя, разбѣянные, разбѣжавшіеся, были бы отброшены далеко за ваврекую дорогу въ дефилеи Мааса, лишаясь всякой возможности соединиться съ англо-голландцами.

---

³²⁾ «Гвардію въ огонь» таковъ лаконическій приказъ, написанный Наполеономъ карандашемъ и отправленный къ гвардейскому корпусу, чтобы двинуть его въ Люценскій бой.

Въ оправданіе Наполеона говорили, что приближеніе 1-го корпуса онъ счелъ признакомъ скорого прибытія Нея и желалъ предоставить маршалу полную свободу дѣйствій. Но это невѣрно — посланный адъютантъ обстоятельно передалъ императору, вслѣдствіе какихъ причинъ 1-й корпусъ произвелъ подобное движеніе, а эти причины напротивъ не только не служили предвѣстіемъ прибытія Нея, но напротивъ требовали, чтобы Наполеонъ лично распорядился войсками д'Эрлона.

Французскій полководецъ, оставивъ въ бездѣйствіи д'Эрлона, который имѣлъ-бы самое рѣшительное вліяніе на исходъ боя, сдѣлалъ вторую ошибку, не употребивъ съ пользою корпуса Лобау.

Въ то время, какъ армія двинулась впередъ, корпусъ Лобау былъ оставленъ въ Шарлеруа; онъ хотя и поздно получилъ приказаніе идти къ Флеруру; но въ 6^{1/2} часовъ по-полудни былъ уже на высотѣ Флеруса, въ то самое время, когда главный ударъ направлялся на Линьи.

Корпусъ Лобау имѣлъ 10,500 человекъ.

Двинутый Наполеономъ на наше лѣвое крыло онъ усилилъ бы эту часть нашего фронта въ такой степени, что правое крыло пруссаковъ было-бы раздавлено, и разстроено подобно центру, нивельское шоссе занято, дорога на Вавръ отрѣзана — и Блюхеру пришлось бы отступить на Намюръ съ большими потерями, чѣмъ тѣ, которыя онъ понесъ.

Результаты подобнаго маневра въ такой степени ясны, что бездѣйствіе Лобау можно только тѣмъ объяснить, что, на случай неожиданнаго появленія какого нибудь прусскаго или англо-голландскаго корпуса, Наполеонъ считалъ необходимымъ имѣть резервъ подъ рукою.

Назадъ тому 10 лѣтъ Наполеонъ не выказалъ-бы столько осторожности ³³⁾.

Въ противоположность французскому полководцу Блюхеръ выказалъ большую дѣятельность и необыкновенную рѣшитель-

---

³³⁾ См. приложение VIII.

ность. Ни твердость, ни отвага его не поколебались когда и Бюловъ и Веллингтонъ оставили его. Тѣмъ не менѣе онъ надѣлалъ ошибокъ.

Блюхеръ слишкомъ растянулъ фронтъ влѣво, позволилъ Груши обмануть себя демонстраціями и держалъ цѣлый день между Сомбрефомъ и Тонгринелемъ вдвое болѣе войска чѣмъ слѣдовало, ослабляя въ тоже время постепенно свой центръ.

Блюхера оправдывали тѣмъ, что онъ долженъ былъ беречь сообщеніе съ Намюромъ. Но это вздоръ.

Въ случаѣ побѣды сообщеніе оставалось въ его рукахъ, а въ случаѣ пораженія надо было отказаться отъ этой операціонной линіи и выбрать новую, чтобы приблизиться къ англо-голландской арміи.

Двѣ бригады Тильмана почти не участвовали въ дѣлѣ³⁴⁾; передвинутыя во время къ Линьи, онѣ могли предотвратить пораженіе.

Блюхеръ напрасно двинулъ на свое правое крыло такую массу кавалеріи, она осталась тамъ безъ пользы, между тѣмъ какъ въ рѣшительную минуту въ центрѣ ея не оказалось.

Зная, что Веллингтонъ не придетъ, что Наполеонъ имѣетъ подъ рукою сильныя резервы, онъ сдѣлалъ крупную ошибку, упорствуя обойти лѣвое крыло французовъ.

Послѣдняя его ошибка въ томъ, что онъ ввелъ большую часть арміи слишкомъ скоро въ дѣло.

Разбитый Блюхеръ не осыпалъ горькими упреками своего подчиненнаго Бюлова, за запоздалое исполненіе полученныхъ приказаній, или своего товарища Веллингтона, не сдержавшаго своего общанія — Блюхеръ предоставилъ исторіи осудить виноватыхъ.

Побѣдитель Наполеонъ поступилъ иначе.

Онъ настойчиво обвинялъ маршала Нея въ неисполненіи данныхъ приказаній, что помѣшало ему воспользоваться своею побѣдою при Линьи. Но доблестный генераль, достойно за-

---

³⁴⁾ Напрямѣръ бригада Люка потеряла всего 90 человекъ.

служившій названіе храбрѣйшаго изъ храбрыхъ, могъ ли выполнить порученіе въ кампаніи, рѣшавшей судьбу Франціи? и виновать ли въ томъ, что не взялся за него? — увидимъ ниже.

ГЛАВА IX.

К а т р ь - Б р а (16 іюня).

16-го іюня Ней оставилъ Наполеона въ Шарлеруа въ два часа ночи и отправился назадъ въ Госсели, въ свою главную квартиру, гдѣ долженъ былъ ожидать приказаній отъ императора, когда тотъ опредѣлитъ, куда наступать лѣвому крылу, центру и правому крылу.

Изъ Госсели Ней отправился въ Франъ и объѣхалъ наши аванпосты, давно уже перестрѣливавшіеся съ непріятельскими на высотахъ, за деревнею. Около 10^{1/2} часовъ адъютантъ Флаго привезъ ему депешу, переданную нами въ предъидущей главѣ ¹⁾).

Припомнимъ, что Наполеонъ приказывалъ маршалу идти съ 6-ю пѣхотными дивизіями на Катръ-Бра, одну дивизію продвинуть, если возможно, на два лье за Катръ-Бра, одну дивизію направить къ Марбе, и оставить кирасирскій корпусъ Келлермана сзади Франа на пересѣченіи брюссельскаго шоссе съ римскою дорогою, чтобы имѣть возможность притянуть его къ Флерусу.

Силы маршала въ 10^{1/2} часовъ утра были размѣщены слѣдующимъ образомъ: пѣхотная дивизія Башелю, кавалерія Пире и Лефевра-Денуэта у Франа, дивизія Жирара подлѣ Флеруса у Ваньени, дивизіи Фуа и Гильемино въ селеніи Госсели и сосѣднемъ съ нимъ Ломбюкскомъ лѣсу; корпусъ Эрлона въ

---

¹⁾ Въ X главѣ мы покажемъ, что именно въ 10^{1/2} часовъ или нѣсколько ранѣе Флаго прибылъ къ маршалу.

Жюме и позади, кирасиры Келлермана, слѣдую изъ Шарлеруа, миновали Госсели.

Согласно полученному приказанію, Ней тотчасъ же разослалъ диспозицію отъ себя ²⁾).

Башелю долженъ былъ немедленно занять высоты за Женаппомъ; Фуа двигаться за нимъ къ Бонтерле; Гильемино и Жираръ дойти до Катръ-Бра; д'Эрлонъ, отрядивъ одну дивизію къ Марбе, съ остальными тремя и съ кавалеріею пройти до Франа, куда приказано прибыть и Пире; Келлерману расположить одну дивизію въ Либершье, другую въ Франфъ; Лефевру-Денуэту оставаться въ Франфъ.

Командиръ 2-го корпуса Рейль находился въ Госсели. Флаго, проѣзжая чрезъ эту деревню къ Нею, передалъ содержаніе инструкцій Рейлю: тотъ, не ожидая особыхъ приказаній отъ Ней, немедленно приказалъ дивизіямъ Фуа и Гильемино изготавиться и идти къ Франу. Въ это время прибылъ офицеръ отъ генерала Жирара съ извѣстіемъ, что непріятель показывается по намюрской дорогѣ, у С. Аманда; Рейль поспѣшилъ передать полученное извѣстіе Нею и донесъ ему, что впредь до приказанія, дивизіи Фуа и Гильемино останутся у Госсели, на случай—если маршалъ сочтетъ нужнымъ измѣнить ихъ первоначальное назначеніе. По всей вѣроятности отвѣтъ Ней пришелъ въ 11^{3/4} часовъ; дивизіи, стоявшія подъ ружьемъ, двинулись къ Франу.

Ней ждалъ ихъ съ нетерпѣніемъ, чтобы очистить мѣстность впереди. Нетерпѣніе его возрасло, когда онъ получилъ новое, короткое извѣстіе отъ начальника главнаго штаба—навѣрное оно пришло въ полдень ³⁾). По пустому слуху, (какъ мы ниже

---

²⁾ Она подписана: «За князя Москворѣцкаго, старшій адъютантъ полковникъ Neumès.

³⁾ Въ своемъ историческомъ очеркѣ Рейль говоритъ, что узнавъ о инструкціяхъ Наполеона отъ Флаго, онъ началъ движеніе въ 11 часовъ утра. Но Рейлю измѣняетъ память, что доказывается письмомъ его къ Нею, отправленнымъ изъ Госсели въ четвертъ одиннадцатаго. Въ письмѣ онъ говоритъ, что узнавъ отъ Флаго о намѣреніяхъ императора, онъ подвигалъ войска — но не тронетъ ихъ до полученія прика-

увидимъ), сообщенному уланскимъ офицеромъ, вѣроятно раненымъ на аванпостахъ, явившимся въ 10 часовъ утра въ Флерусъ, когда Наполеонъ выѣзжалъ оттуда, что значительныя непріятельскія силы показываются со стороны Катръ-Бра ⁴⁾, Сульть предписывалъ Нею сосредоточить корпуса Рейля, д'Эрлона и Келлермана и съ ними ломить все, что ни встрѣтитъ по дорогѣ. Къ этому Сульть небрежно прибавлялъ (самъ или по приказанію Наполеона): „Вчера Блюхеръ оставался въ Намюрѣ... вы столкнетесь лишь съ войсками, наступающими изъ Брюсселя“. Ней скоро по опыту увидѣлъ, что непріятель наступаетъ не изъ одной лишь столицы Бельгіи.

Принцъ Бернгардъ Саксенъ-Веймарскій оставался на позиціи впереди Катръ-Бра со своею бригадою и 8 орудіями. Въ часть ночи, къ генералу Перпончеру въ Нивель, пришелъ приказъ стянуть дивизію къ этому пункту — бригада принца Веймарскаго принадлежала къ дивизіи. Однако Перпончеръ лучше понималъ ходъ дѣла, чѣмъ Веллингтонъ, приказывавшій изъ Брюсселя и незнавшій о наступленіи непріятеля къ Франу; разумно настаивая въ своемъ обдуманномъ послушаніи, Перпончеръ прибылъ въ Катръ-Бра къ 4-мъ часамъ утра съ другою бригадою своей дивизіи—генерала Биландта и артиллерійскою батареею.

Въ 6 часовъ утра прибылъ чрезъ Бренъ-ле Контъ принцъ Оранскій изъ Брюсселя; и, разблагодаривъ генерала Перпончера, сталъ лично дѣлать распоряженія къ оборонѣ. Катръ-Бра (четыре руки) получило названіе отъ пересѣченія большихъ дорогъ изъ Намюра въ Нивель, и изъ Брюсселя въ Шарлеруа—первая направляется отъ юго-востока къ сѣверо-западу, а вторая съ юга на сѣверъ. Въ точкѣ пересѣченія, на слегка всхолмленной мѣстности, возвышается трактиръ, ферма и два или три дома.

Мѣстность къ сѣверу и востоку спускается очень легкимъ

заній отъ Ней, потому что генераль Жираръ увѣдомилъ о появленіи двухъ непріятельскихъ колоннъ по намюрской дорогѣ, у С. Аманда. (См. приложение IX).

⁴⁾ См. приложение IX.

скатомъ къ долину; вдоль долины идетъ рывина, по которой протекаетъ ручеекъ. Онъ пересѣкаетъ шоссе и изливается въ Диль. Начиная отъ ручья подъемъ къ Франу довольно замѣтенъ.

На 1300 или 1400 метровъ южнѣ Катръ-Бра лежитъ почти у самаго шоссе большая ферма Жимонкуръ на правомъ берегу упомянутого ручья. Она окружена фруктовымъ садомъ, обнесеннымъ живою изгородью изъ кустовъ, и окаймленнымъ рядомъ деревьевъ.

Къ востоку отъ фермы находится выселокъ Пирмонъ, съ одной стороны граничащій съ намюрскимъ шоссе, а съ другой почти подходящій къ лѣсу Гютъ, который тянется вплоть до высотъ Франа.

На-лѣво отъ шоссе тянется лѣсъ Боссю. Онъ начинается противъ Катръ-Бра, гдѣ отстоитъ не далѣе 200 метровъ (100 сажень) отъ шоссе, и идетъ къ югу отдаляясь отъ шоссе до 1600 или 1700 метровъ. Длина лѣса въ 3000 метровъ, а средняя ширина отъ 500 до 600 метровъ. На восточной его опушкѣ находится ферма большой Пьеръ-Понъ ⁵⁾.

Въ распоряженіи принца Оранскаго находилось 5 баталіоновъ наассауцевъ (бригада Бернгарда Саксенъ-Веймарскаго), 4 голландскихъ баталіона (бригада Биландта) и 16 орудій, т. е. всего около 7000 человекъ. Въ 2 или 3 часа по-полудни эти силы должны были увеличиться до 8000, прибытіемъ бельгійскаго баталіона, который былъ оставленъ въ Нивелъ до перваго прибытія туда другихъ войскъ.

Кавалерію составляли 50 прусскихъ гусаръ, случайно отступившихъ изъ Госсели къ Франу. Ихъ тутъ пока и оставили.

Принцъ Оранскій расположилъ 4 наассаускихъ баталіона въ лѣсу Боссю и занялъ ими большой Пьеръ-Понъ; два голландскихъ баталіона: одинъ впереди фермы Жимонкуръ, другой лѣвѣе фермы, 11 орудій по обѣимъ сторонамъ брюссельскаго шоссе почти на высотѣ большаго Пьеръ-Понъ подъ прикры-

---

⁵⁾ Этотъ лѣсъ совершенно разчищенъ въ 1816 и 1817 годахъ.

тіемъ одного баталіона нассаусцевъ; два орудія были поставлены у фермы большой Пьеръ-Понъ; а два голландскихъ баталіона съ 3 орудіями расположились въ резервъ у Катръ-Бра.

Позиція была очень растянута, но ее заняли съ намѣреніемъ ввести въ заблужденіе непріятеля и заставить его думать, что передъ нимъ находятся значительныя силы; лѣсъ, поспѣвшіе хлѣба, и волнистая мѣстность способствовали этому.

Веллингтонъ, выѣхавъ изъ Брюсселя въ 5 часовъ ⁶⁾ утра, прибылъ къ 10 часамъ въ Катръ-Бра ⁷⁾ и одобрилъ сдѣланныя распоряженія. По обыкновенію спокойный, холодный и невозмутимый ⁸⁾, медленно проѣхавъ онъ по линіи аванпостовъ, взглядываясь въ расположеніе французовъ, куда подъѣхавъ Ней: и, окончивъ обзоръ, отправился къ Блюхеру обѣщать помощь; но французскій маршалъ заставилъ Веллингтона нарушить данное обѣщаніе.

„Вѣроятно васъ скоро атакуютъ“, сказалъ утѣшая Веллингтонъ принцу Оранскому; но я надѣюсь, что вы продержитесь здѣсь до прибытія подкрѣпленій, они на маршѣ“.

Юный принцъ, ученикъ его, заслуживалъ подобной довѣренности и не обманулъ ея.

Обѣщанныя подкрѣпленія не могли скоро поспѣть къ полю сраженія. Ближе всѣхъ находились войска, выступившія изъ Брюсселя. Хотя они выступили съ разсвѣтомъ, но имъ было приказано оставаться до новаго распоряженія на привалѣ у дер. Ватерлоо, т. е. за тѣмъ пунктомъ, гдѣ отъ брюссельскаго шоссе отходитъ вѣтъ на Нивель. Только въ полдень

---

⁶⁾ Muffling: «aus meinem leben».

⁷⁾ Дспена, отправленная имъ къ Бюлову помѣчена «на высотахъ за Франонъ, 10 1/2 часовъ утра».

⁸⁾ Иные писатели вздумали представить, что Веллингтонъ прибылъ къ Катръ-Бра растерянный и встревоженный. Мы спрашивали недавно у очевидца, одного изъ высшихъ офицеровъ и человѣка безпристрастнаго, представленнаго Веллингтону принцемъ Оранскимъ, въ какомъ состояніи находился англійскій полководецъ и получили отвѣтъ: «Онъ былъ совершенно спокоенъ, точно французы были въ 100 лье отъ насъ».

войска двинулись къ Катръ-Бра. Отъ Ватерлоо до Катръ-Бра 17 километровъ (менѣе 16 верстъ).

Веллингтонъ, по непонятному промедленію, только изъ Женаппа послалъ къ нимъ приказъ идти дальше.

Въ 1^{3/4} по-полудни въ Франъ прибыла дивизія Фуа; съ ея прибытіемъ Ней имѣлъ 9,000 пѣхоты, 1,850 кавалеріи ⁹⁾ и 22 орудія; кромѣ того была дивизія Лефевра-Денуэта съ батареею, силою до 2 т. коней; но, какъ мы видѣли, Наполеонъ не приказывалъ вводить ее въ дѣло.

Дивизія Гильемино, стоявшая отъ Франа нѣсколько дальше дивизіи Фуа, должна была скоро подойти.

Въ 2 часа раздался первый пушечный выстрѣлъ съ нашей стороны ¹⁰⁾.

Слѣдовательно Ней предупредилъ приказаніе Наполеона, отдаваемое въ данную минуту въ Флерусѣ чрезъ начальника главнаго штаба: „императоръ желаетъ чтобы вы атаковали непріятеля, находящагося передъ вами“.

Рейль повелъ войска—дивизія Башелю, построясь въ баталіонныя колонны, двинулась правѣе брюссельскаго шоссе; бригада Готье дивизіи Фуа пошла вдоль по шоссе, оставивъ за собою въ резервъ бригаду Жамена; Пире одною бригадою прикрывалъ движеніе справа, а другую расположилъ впереди и за интерваломъ дивизіи Фуа и Башелю. Лефевръ-Денуэтъ остался на высотахъ Франа.

Завязалась перестрѣлка между цѣпями—войскъ Башелю и лѣваго голландскаго баталіона; голландская цѣпь подалась назадъ, баталіонъ, не успѣвъ построить каре, былъ опрокинутъ кавалерійскимъ полкомъ и собрался только за фермою Жимонкуръ. Башелю занялъ выселокъ Пирмонъ.

Въ это время артиллерія Фуа и Пире открыла огонь по

---

9) Дивизія Башелю 9 баталіоновъ	4,103 чел.
„ Фуа 10 баталіоновъ . .	4,788 „
„ Пире 10 баталіоновъ .	1,865 „

¹⁰⁾ Очень важно опредѣлить съ точностью начало боя. Мы приво-
димъ его по голландскимъ донесеніямъ и англійскимъ историкамъ.
Рейль (Notice historique) говоритъ, что дѣло началось въ 2 часа.

непріятельскимъ батареямъ. Пѣхота была принуждена отступить на холмики, командующіе долиною Жимонкуръ.

Нашъ артиллерійскій огонь скоро сталъ такъ убійствененъ, что принцъ Оранскій рѣшился двинуться на батареи. Смѣлая атака, предпринятая съ горстью людей, въ виду нашей кавалеріи, неудалась.

Принцъ Оранскій, махая надъ головою своею шляпою съ султаномъ, повелъ впередъ баталіонъ; но полкъ кавалеріи Пире обскакалъ его съ фланга, смѣшалъ и опрокинулъ за ферму Жимонкуръ. Въ сумятицѣ самъ принцъ едва не попалъ въ плѣнъ, а одинъ изъ его адъютантовъ остался раненный на мѣстѣ свалки.

Два баталіона бывшіе въ резервѣ у Катръ-Бра, усилили боевую линію; горячій бой загорѣлся въ долинкѣ и кругомъ фермы Жимонкуръ. Фуа со шпагою въ рукѣ велъ бригаду Готье; онъ перешелъ ручей и послѣ упорнаго сопротивленія овладѣлъ мызою, отбросивъ голландцевъ на плато къ Катръ-Бра.

Бригадѣ Жамена, оставленной въ резервѣ, Рейль приказалъ атаковать нассаусцевъ принца Саксенъ-Веймарскаго, защищавшихъ ферму большой Пьеръ-Понъ и лѣсъ Боссю.

Нассаусцы держались стойко. Молодой, рѣдкій лѣсокъ, перемѣшанный съ частымъ кустарникомъ, способствовалъ оборонѣ, кромѣ того ихъ подкрѣпилъ изъ Нивеля послѣдній баталіонъ дивизіи Перпончера.

Въ 3 часа дивизія Гильемино ¹¹⁾ введена въ огонь для атаки лѣса; а бригада Жамена упиралась въ ферму большой Пьеръ-Понъ, а лѣвая къ плато Катръ-Бра. Вся артиллерія окаймляла гребень плато, баталіоны сильно пострадавшіе, успѣли перестроиться и держались упорно.

Принцъ Оранскій вскорѣ однако очутился въ критическомъ положеніи.

---

¹¹⁾ Дивизія Гильемино по числительности была самою сильною въ арміи. Въ ней было одной пѣхоты 7,819 человекъ.

Иеронимъ Бонапарте находился при ней со вчерашняго дня; но въ сущности ею распоряжался по прежнему генералъ-лейтенантъ Гильемино.

Гильемино овладѣлъ фермою большой Пьеръ-Понъ и ворвался въ лѣсъ, а генералы Фуа и Башелю начинали одолевать на плато; еще усиліе—и голландцы съ наассаусцами были бы оттѣснены на нивельское шоссе, гдѣ подверглись бы почти неминуемому пораженію—но ихъ стойкость не пропала даромъ. Въ 3 1/2 часа ¹²⁾ начали показываться нетерпѣливо ожидаемыя подкрѣпленія.

У Катръ-Бра въ одно время появились бригада Ванъ-Мерлена (изъ бельго-голландской дивизіи Колларта) въ числѣ 1,100 коней съ артиллерійскою батареею, слѣдовавшая изъ Гена чрезъ Нивель; и дивизія Пиктона въ числѣ 7,500 человекъ съ двумя батареями (12 орудій), прибывшая изъ Брюсселя.

Ванъ-Мерленъ направился между лѣсомъ Боссю и брюссельскимъ шоссе, Пиктонъ построилъ дивизію въ 2 линіи, въ 6 баталіоновъ каждая, упирая первую правымъ флангомъ къ Катръ-Бра а лѣвымъ къ дорогѣ, ведущей въ Саръ-Дамъ-Авелинъ.

Ванъ-Мерленъ перестроился, но Пиктонъ еще не окончилъ построенія, какъ принцъ Оранскій, болѣе и болѣе тѣсный Фуа и Башелю, рѣшился воспользоваться прибытіемъ первыхъ подкрѣпленій и очистить пологости къ Катръ-Бра.

Ванъ-Мерленъ имѣлъ одинъ гусарскій (голландцы) и одинъ легкій драгунскій (бельгійцы) полкъ. Принцъ послалъ его въ атаку съ гусарами на два французскіе баталіона, поддерживавшіе у шоссе смѣло напиравшую застрѣльщицю цѣнь. Атака

---

¹²⁾ Веллингтонъ въ своемъ донесеніи говоритъ, что первыя подкрѣпленія прибыли въ 2 1/2 часа, нѣкоторые англійскіе писатели въ 3 часа; но послѣдніе сами приводятъ, что резервы, остановленные въ Ватерлоо, только въ 12 часовъ получили приказаніе продолжать маршъ: невозможно пройти меньше 3 1/2 часовъ пространство до Катръ-Бра (17 километровъ), не смотря на всю поспѣшность.

Съ другой стороны голландскія донесенія все одинаково показываютъ, что бригада Ванъ-Мерлена, прибывшая къ Катръ-Бра вмѣстѣ съ англійскими подкрѣпленіями изъ Ватерлоо, появилась на поле сраженія только въ 3 1/2 часа.

была поддержана частью пѣхоты, артиллеріею—а драгуны должны были быть на-готовѣ.

Покушеніе кончилось безуспѣшно. Полковникъ Фодоа на-скакалъ на гусаръ съ 6 конно-егерскимъ полкомъ, имѣя за собою 5 уланскій полкъ, опрокинулъ ихъ, смялъ поддерживавшую пѣхоту и изрубилъ артиллерійскую прислугу, такъ что одна батарея была почти уничтожена ¹³⁾.

Напрасно драгуны пытались остановить этотъ блестящій кавалерійскій натискъ и ударили въ атаку.

Послѣ упорной рукопашной схватки, драгуны повернули назадъ, чтобы собраться за Катръ-Бра; но имъ уже не пришлось участвовать въ дѣлѣ; потому что на-несчастіе англійскій баталіонъ, принявъ ихъ по мундирамъ за нашихъ конно-егерей, встрѣтилъ ихъ самымъ убійственнымъ огнемъ у намюрскаго шоссе ¹⁴⁾.

Въ то время какъ принцъ Оранскій началъ свою несчастную атаку, Веллингтонъ прибылъ на поле сраженія послѣ свиданія съ Блюхеромъ, а за Пиктономъ построилась только что прибывшая колонна брауншвейгцевъ.

Она выступила утромъ изъ Вильворда въ составѣ 5 баталіоновъ и 5 эскадроновъ, всего до 3 т. штыковъ и 800 сабель, и находилась подъ личнымъ начальствомъ герцога Браун-

---

¹³⁾ Подлинныя слова донесенія генерала Перпончера. (Архивъ военнаго министерства въ Гагѣ).

¹⁴⁾ Генераль-маіоръ бельгійской службы Ренаръ въ очень интересной брошюрѣ, основанной на показаніяхъ офицеровъ, принимавшихъ, непосредственное участіе въ схваткѣ, рассказываетъ про первую встрѣчу между французами и бельгійцами:

«Нашимъ молодцамъ пришлось перенести тяжелое испытаніе. Они очутились противъ товарищей, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, дѣлившихъ съ ними одинъ и тѣ же опасности. Они называли нашихъ по именамъ и склоняли перейти къ нимъ. Капитанъ Деленъ наткнулся на своего стараго соратника Девіеля; капитанъ Ваяъ-Ремортёръ былъ раненъ въ животъ своимъ бывшимъ унтеръ-офицеромъ. Вахмистръ Босъ рубился съ вахмистромъ, служившимъ съ нимъ въ одномъ эскадронѣ.» (Réponse aux allégations anglaises sur la conduite des troupes belges en 1815. Bruxelles 1855).

швейгскаго. Остальныя брауншвейгскія войска (3 баталіона и 16 орудій) могли прибыть только часа черезъ три.

Веллингтонъ, окинувъ поле сраженія, увидѣлъ, что Ней хочетъ вести свое правое крыло и центръ, и тотчасъ же принялъ противъ этого мѣры.

Дивизія Пиктона состояла изъ англійскихъ бригадъ Кемита и Пака и ганноверской бригады Беста ¹⁵⁾, всѣ бригады были 4-хъ баталіоннаго состава. Веллингтонъ быстро выдвинулъ 6 англійскихъ баталіоновъ на 500 или 600 метровъ за намюрское шоссе; ганноверская бригада стала во второй линіи на шоссе; одинъ англійскій баталіонъ противъ Катръ-Бра, а другой подлѣ шоссе противъ Пирмона.

На поддержку его, герцогу Брауншвейгскому приказано выдвинуть 1 баталіонъ; для обрекогносцированія пространства вправо отъ лѣса Боссю назначить ему одинъ эскадронъ; а съ остальными войсками стать впереди Катръ-Бра, между лѣсомъ и брюссельскимъ шоссе.

Войска, введенныя въ дѣло принцемъ Оранскимъ были перемѣщены въ резервъ, за исключеніемъ нассаусцевъ принца Саксенъ-Веймарскаго и одного баталіона изъ бригады Биландта, оставленныхъ для обороны лѣса противъ Гильемино.

Веллингтонъ не ошибся. Ней подготовилъ общее наступленіе. Оно началось, какъ только успѣли войска Пиктона и герцога Брауншвейгскаго занять назначенныя имъ мѣста.

Башелю, оставивъ одинъ баталіонъ въ Пирмонтѣ, двинулся на Пиктона съ четырьмя пѣхотными полками, имѣя за своимъ лѣвымъ флангомъ полкъ уланъ и полкъ конно-егерей дивизіи Пире. Фуа двинулся за ферму Жимонкуръ двумя колоннами, а Гильемино продолжалъ дѣло въ лѣсу.

Вся артиллерія корпуса Рейля, выстроившись по ту сторону ручья Жимонкуръ, своимъ огнемъ покровительствовала наступленію войскъ Башелю и Фуа.

---

¹⁵⁾ Бригада Беста состояла собственно въ дивизіи Коля и была перемѣщена въ дивизію Пиктона для замѣны ганноверской бригады Винке.

На пути, Башелю долженъ былъ перейти сперва ручей Жимонкуръ съ берегами обрывистыми, густо засаженными изгородами ¹⁶⁾, а потомъ небольшую рытвинку тоже огороженную, гдѣ изгородь мѣстами была мало доступна.

Войска преодолѣли съ трудомъ препятствія, но ряды разстроились. Англійская цѣпь была потѣснена; перейдя вторую лощинку Башелю достигъ покатости плато; но здѣсь войска были встрѣчены чуть не въ упоръ сильнымъ ружейнымъ огнемъ и картечью. Первая линія Пиктона (6 баталіоновъ) лежала въ густомъ хлѣбѣ и, держа ружья на изготовку, выжидала приближенія непріятеля. Полки Башелю, закрывшіе свою артиллерию не выдержали убійственного огня и смѣшались.

Рѣшительный и энергическій Пиктонъ, видя колебаніе нашихъ, ударилъ въ штыки, опрокинулъ ихъ за обѣ лощины и перешелъ на нашу сторону ручья; но тутъ попалъ подъ сильный огонь 108 полка, составлявшаго лѣвую колонну Башелю. Полкъ этотъ, задержанный мѣстными препятствіями, рубилъ въ это время изгородь.

Англійскіе баталіоны остановились. Наши уланы и конноегеря, воспользовавшись удобною минутою, ударили на нихъ и привели въ разстройство. Французская линія оправилась влѣдствіе этой блестящей атаки и, ударивъ въ штыки, въ свою очередь опрокинула непріятеля за обѣ лощины къ плато; но у ручья Башелю остановился.

Первая встрѣча съ британскими солдатами была очень кровопролитна. Лощины и бока ихъ были покрыты убитыми и ранеными въ синихъ и красныхъ мундирахъ.

Герцогъ Брауншвейгскій занялъ позицію, указанную ему Веллингтономъ; его лѣвое крыло упиралось въ брюссельское шоссе. нѣсколько впереди одинокого домика, а правое въ лѣсъ Боссю, связываясь двумя ротами легкой пѣхоты съ линіею Пиктона.

Построеніе это совершилось подъ нашимъ артиллерійскимъ

---

¹⁶⁾ Послѣ 1815 г. эти изгороди исчезли, равно и канавы, прорѣзывавшія подошву плато Катръ-Бра и самое плато.

огнемъ, такъ что герцогъ, не имѣя возможности быть поддержаннымъ голландскими батареями, приказалъ просить нѣсколько орудій у Веллингтона.

Веллингтонъ отправилъ отъ Пиктона 4 орудія, но едва только эти орудія снялись съ передковъ, какъ два изъ нихъ были подбиты, а остальные два были принуждены замолчать.

Вдругъ герцогъ замѣтилъ, что изъ Жимонкурской долины наступаютъ двѣ пѣхотныя колонны, прикрытыя густою стрѣлковою цѣпью.

То были колонны Фуа, двинувшіяся на центръ, одна шла на брюссельское шоссе, другая подвигалась ближе къ лѣсу.

Брауншвейгская цѣпь подалась подъ сильнымъ натискомъ стрѣлковъ Фуа, и правая наша колонна уже сблизилась съ баталіонами, находившимися передъ одинокимъ домикомъ, какъ герцогъ Брауншвейгскій лично, въ главѣ 300 уланъ, бросился въ атаку; но не доскакалъ со своею кавалеріею.

Первый баталіонъ свернулся мгновенно въ каре и, встрѣтивъ кавалерію залпомъ, обратилъ ее назадъ; самъ герцогъ не могъ остановить бѣгущихъ. Первая линія брауншвейгской пѣхоты, уже сильно пострадавшая, начала отступать, сначала въ порядкѣ; потомъ, при приближеній уланскаго и конно-егерскаго полковъ, поддерживавшихъ Фуа, она разстроилась и баталіоны въ безпорядкѣ бросились одни въ лѣсъ Боссю, другіе на намюрское шоссе. Герцогъ Брауншвейгскій, тщетно стараясь остановить бѣгство, былъ смертельно пораженъ пулею. Смерть застигла этого храбраго воина и горячаго патріота на 40 году его жизни.

Брауншвейгскіе гусары пробовали остановить нашу кавалерію въ этой сумятицѣ; но въ свою очередь были разбѣяны, преслѣдуемы и были опрокинуты на правое крыло Пиктона, развернувшееся въ это время на плато послѣ своего кроваваго столкновенія съ Башелю.

Наши уланы и конно-егеря, въ пылу преслѣдованія, занеслись къ баталіонамъ Пиктона, сомкнулись и кинулись на нихъ въ атаку.

Уланы прорвали и изрубили каре 42 полка ¹⁷⁾, потерявшее при этомъ своего подполковника и одного изъ майоровъ; потомъ вскакали въ соседнее каре 44 полка, но были осыпаны градомъ пуль и принуждены отступить за пѣхоту.

Конно-егеря доскакали въ перемѣшку съ брауншвейгскими гусарами до Катръ-Бра, обрушились на 92 англійскій полкъ, были отбиты пальбою и, едва не захвативъ на пути герцога Веллингтона, гнали непріятельскую кавалерію вплоть до намюрскаго шоссе. Здѣсь наконецъ ихъ остановили голландскіе резервы и нассаускій контингентъ и принудили укрыться за нашу пѣхоту.

Бригада нассаускаго контингента генерала Крузе только что успѣла прибыть изъ окрестностей Брюсселя. Не смотря на прибытіе слишкомъ 3 т. человекъ, положеніе Веллингтона было довольно опасно.

Гильемино продвинулся чрезъ лѣсъ Боссю на высоту колоннъ Фуа, принцъ Саксенъ-Веймарскій, тѣснимый съ фронта и угрожаемый обходомъ съ праваго фланга, отступалъ къ Гутенъ-ле-Валь, наша артиллерія низала ряды англійскихъ баталіоновъ, а Пире, собравъ свои 4 уланскихъ и конно-егерскихъ полка, готовился къ новой атакѣ; Вашелю, отбитый съ фронта, принявъ вправо и чрезъ Пирмонъ началъ обходить лѣвый флангъ Веллингтона.

Сборный пунктъ англо-голландской арміи почти находился въ рукахъ Нея.

Въ 5 ¹/₂ часовъ по-полудни прибылъ къ Катръ-Бра, по нивельскому шоссе изъ Суаньи, Альтенъ съ двумя бригадами своей дивизіи и двумя батареями ¹⁸⁾.

Конно-артиллерійская батарея дивизіи Бука слѣдовала въ хвостъ колонны Альтена.

Веллингтонъ получилъ до 6 т. подкрѣпленія съ 18 ору-

---

¹⁷⁾ Полки дивизіи Пиктона были одно-баталіонные.

¹⁸⁾ Третья бригада нѣмецкаго легіона получила на маршѣ приказаніе остаться въ Аркенѣ. Большая часть писателей ошибочно увѣряютъ, что она участвовала въ дѣлѣ подъ Катръ-Бра. («History of the King's german Legion», Бемша.

діями, въ то время какъ Ней истощилъ весь свой пѣхотный резервъ.

За исключеніемъ понесенныхъ потерь, англійскій главнокомандующій имѣлъ подъ рукою болѣе 30 т. человекъ, въ томъ числѣ 1,800 кавалеріи съ 48 орудіями; Ней лишь 20 т. человекъ съ 38 орудіями, имѣя впрочемъ за собою во Франціи дивизію Лефевра-Денуэта и одну изъ дивизій Келлермана. Хотя Наполеонъ не приказывалъ ихъ вводить въ дѣло, чтобы имѣть возможность притянуть послѣдняго къ Флерусу; но обстоятельства были таковы, что нечего было заботиться о точномъ исполненіи полученныхъ приказаній.

Битва длилась уже 3½ часа, къ Нею одна за другою приходили вѣсти, что дивизія Жирара притянута къ С.-Аманду Наполеономъ, а цѣлый корпусъ д'Эрлона не пошелъ по данному направленію и отдалился въ сторону отъ Ней.

Ней отправилъ офицера вернуть д'Эрлона, но не былъ увѣренъ, что въ нужную минуту прибудетъ его корпусъ на поле битвы, гдѣ силы непріятеля постоянно возрастали.

Наконецъ пришелъ приказъ изъ Флеруса, помѣченный вторымъ часомъ по-полудни ¹⁹⁾, гдѣ предписывалось, опрокинувъ непріятеля, зайти лѣвымъ плечомъ и идти къ Наполеону.

Конечно подобное приказаніе вполнѣ разрѣшало маршалу Нею употребить кавалерію Лефевра-Денуэта и Келлермана; тѣмъ болѣе, что маршалъ Сульть въ своемъ послѣднемъ письмѣ позволилъ распоряжаться Келлерманомъ; но Ней рѣшился продолжать бой, не трогая этого отборнаго резерва.

Альтенъ пришелъ съ бригадою Галькета (4 англійскихъ ба-

---

¹⁹⁾ На оборотѣ написано: «Его Высочеству князю Москворѣцкому, въ Госсели, по брюссельской дорогѣ»; а внизу карандашомъ: «Ваньени, Ломбюкскій лѣсъ».

На дубликатѣ написано: «Ваньени, Ронсаръ» (Documents inédits). Всѣ эти названія мѣстностей означаютъ разумѣется пункты, чрезъ которые должны были слѣдовать курьеры.

Разстояніе отъ Флеруса до Жимонкурской долины, гдѣ находился маршалъ Ней, 6 лье, слѣдовательно по всей вѣроятности первая депеша изъ Флеруса пришла къ 5 часамъ.

таліона) и бригадою Кильмансегге (6 ганноверскихъ баталіоновъ).

Веллингтонъ направилъ Кильмансегге на лѣвое крыло, тѣснимое Башелю изъ Пирмона; и выдвинулъ за Катръ-Бра бригаду Галькета съ 2 оправившимися брауншвейгскими баталіонами.

Изъ трехъ прибывшихъ съ Альтеномъ батарей, одна была выдвинута къ лѣсу Боссю, другая на брюссельское шоссе, а третья между ними позади. Нассаускій контингентъ поддержалъ принца Саксенъ-Веймарскаго, голландскія войска остались въ резервъ за Катръ-Бра. Пиктонъ, выдержавъ ударъ нашихъ уланъ и конно-егерей, свернулъ войска въ два двухъ-баталіонные каре.

Усиленіе непріятеля остановило успѣхи Гильемино, въ свою очередь Фуа долженъ былъ вернуться къ Жимонкурской ложницѣ.

Ней сосредоточилъ огонь всей артиллеріи противъ плато Катръ-Бра, и нетерпѣливо ждалъ, когда пушечный огонь расстроитъ непріятельскія массы, чтобы идти снова въ атаку.

Англійская батарея, расположенная вдоль лѣсной опушки, была на половину подбита и принуждена сняться съ позиціи; батарея, дѣйствовавшая по шоссе, тоже сильно пострадала, но продолжала держаться.

Въ 6 часовъ Ней получилъ изъ Флеруса депешу ²⁰⁾, отправленную въ 3¼ часа по-полудни. Въ ней Наполеонъ звалъ его къ себѣ и выражался: „судьба Франціи въ вашихъ рукахъ!“

Призывъ императора былъ настоятеленъ и торжествененъ; маршалъ рѣшился ввести въ дѣло остававшюся позади кавалерію. Онъ послалъ Келлерману приказаніе тотчасъ же прибыть съ одною бригадою кавалеріи изъ Франа, не рѣшившись однако ввести въ дѣло другую его бригаду ²¹⁾, равно какъ и дру-

²⁰⁾ Mémoires de Napoléon, t. IX.— Documents inédits sur la campagne de 1815.

²¹⁾ Многие писатели ошибочно увѣряютъ, что эта бригада (драгуны) была въ дѣлѣ подъ Катръ-Бра.

гую дивизию корпуса Келлермана и кавалерию Лефевра-Денуэта.

Спустя нѣсколько времени Келлерманъ показался; Ней, подѣланный впечатлѣніемъ императорскаго призыва, помчался къ нему и, сжавъ съ силою руку Келлермана, сказалъ: „дорогой генералъ! нужно сдѣлать все, что возможно — и прорвать эту массу пѣхоты. Судьба Франціи въ вашихъ рукахъ! я васъ подкрѣплю кавалеріею Пире—идите!“

Отъ подобнаго порученія всякій привычный и закаленный въ схваткахъ кавалеристъ дрогнулъ бы; говорятъ что самъ герой Маренго и безчисленныхъ кавалерійскихъ прорывовъ, Келлерманъ удивился выслушавъ маршала — но душа его не смутилась.

Онъ построилъ бригаду во взводную колонну, поднялся въ гору по шоссе и далъ сигналъ къ атакѣ. 800 кирасиръ обрушились на пѣхоту Галькета. 69 полкъ въ развернутомъ строю, подиустивъ кавалерію менѣе чѣмъ на 100 шаговъ, встрѣтилъ ее огнемъ; но латники опрокинули шеренги пѣхоты, изрубили подполковника и половину людей и отбили знамя, схваченное кирасиромъ 8 полка Лами. 69 полкъ разсѣлся и разбѣжался по лѣсу.

Келлерманъ собралъ эскадроны и наскочилъ на каре 30 полка, атака была неудачна; тогда онъ бросился на 33 полкъ, смялъ его вѣстѣ съ двумя брауншвейгскими баталіонами, и, рубя бѣгущихъ, доскакалъ съ ними до Катръ-Бра. Центръ Веллингтона былъ прорванъ.

Пока производились эти изступленные атаки, Пире съ своими уланами и конно-егерями тщетно пытался прорвать каре Пиктона; нѣсколько кавалерійскихъ атакъ было отбито, и геройская пѣхота хладнокровно отбивала натиски кавалеріи, поражая ее мѣткимъ огнемъ.

Среди боя 6-й уланскій полкъ съ полковникомъ Гольбоа прорвался до намюрскаго шоссе, изрубилъ одинъ ганноверскій баталіонъ дивизіи Пиктона, но попалъ подъ огонь двухъ сосѣднихъ баталіоновъ, и, потерявъ своего полковаго командира

тяжело раненнымъ, принужденъ былъ отступить. Черезъ нѣсколько времени полкъ снова былъ въ дѣлѣ.

Маршалъ Ней жадно слѣдилъ, сквозь клубы порохового дыма, за дѣйствіями своей кавалеріи.

Видя счастливое начало Келлермановскихъ атакъ, все болѣе и болѣе смѣлые натиски уланъ и конно-егерей, видя что Гильемино, начавъ снова свое наступленіе, уже достигаетъ сѣверной опушки лѣса Боссю, тянущейся вдоль нивельскаго шоссе, и слыша что трескъ ружейной перестрѣлки со стороны Башелю, тѣснившаго лѣвое крыло непріятеля, отдаляется, маршалъ двинулъ на Катръ-Бра обѣ колонны Фуа.

Правая колонна захватила одинокій домикъ и отбила нападенія 92 полка; а лѣвая колонна очистила опушку лѣса; въ это время Келлерманъ началъ атаку на Катръ-Бра: латники были осыпаны градомъ пуль изъ-за строеній, домовъ и лѣса и встрѣчены сильнымъ картечнымъ огнемъ.

Подъ Келлерманомъ убили лошадь и геройски дравшаяся до сихъ поръ кавалерія замѣшалась, разстроилась и вслѣдъ затѣмъ обратилась въ бѣгство; не внимая голосу начальниковъ, она въ полнѣйшей паникѣ кинулась въ Жимонкурскую лощину, проскакала ее и была остановлена лишь у Франа дивизіею Лефевра-Денуэта. Келлерманъ съ трудомъ выбрался изъ этой давки, ухватившись руками за гривы двухъ кирасирскихъ лошадей, безъ шляпы и безъ оружія; потомъ онъ едва добѣжалъ до нашей пѣхоты.

Видя бѣгство кирасиръ, колонны Фуа дрогнули; уланы и конно-егеря Пире отошли за пѣхоту, началось колебаніе.

Ней употребляетъ всѣ усилія чтобы ободрить солдатъ; онъ еще надѣется на успѣхъ, разсчитывая что прибытіе корпуса д'Эрлона рѣшитъ битву, хотя было уже 7 часовъ вечера.

Но пока Ней уговаривалъ своихъ, къ Веллингтону прибыли по нивельскому шоссе дивизія Кука (англійская гвардія) съ батареею, а по брюссельской дорогѣ 3 остальныхъ брауншвейгскихъ баталіона съ 16 орудіями.

Крoвавый бой становился болѣе и болѣе не равнымъ.

За вычетомъ потерь, понесенныхъ обѣими сторонами, силы

англо-голландцевъ возрасти до 37 т. и 70 орудій; французы усилились лишь 800 кирасирами Келлермана.

Не теряя ни минуты, Веллингтонъ выдвинулъ въ 1 линію дивизію Кука, расположившуюся правѣ лѣса и въ самомъ лѣсу; 3 свѣжихъ брауншвейгскихъ баталіона съ 2 батареями впереди Катръ-Бра; сильно пострадавшіе отъ кирасиръ баталіоны Галькетта успѣли оправиться, а войска, стоявшія въ резервъ за Катръ-Бра, вступили въ боевую линію.

Другой генералъ на мѣстѣ Нея, видя развертываніе такихъ массъ, началъ бы отступленіе: но вся энергія, всѣ способности маршала выказывались лишь въ критическіе моменты. Онъ рѣшился держаться на позиціи—но есть невозможное и для героевъ. Артиллерія была слишкомъ слаба въ сравненіи съ непріятельскою, атаки Пире на плато неудались, Гильемино сталъ уступать натиску англійской гвардіи; наконецъ, къ довершенію всѣхъ золъ, маршалъ узналъ, что на содѣйствіе д'Эрлона разсчитывать нечего. Говорятъ это извѣстіе привело въ отчаяніе маршала Нея, человека вынесшаго самыя тяжелыя испытанія за время своей боевой карьеры.

Оставаясь подъ перекрестнымъ огнемъ англійскихъ батарей и среди снарядовъ, сыпавшихся вокругъ него, онъ вскрикнулъ:

„Посмотрите на эти ядра! ахъ! если бы всѣ онѣ попали въ меня“ ²²⁾).

Вся линія нашихъ войскъ получила приказаніе отступать.

Отступленіе было произведено въ порядкѣ, шагъ за шагомъ; войска держались стойко и въ теченіи двухъ часовъ отступили лишь на $\frac{1}{2}$ лье (менѣе двухъ верстъ).

Къ 9 часамъ бой смолкъ; Ней расположилъ войска бивакомъ на высотахъ не доходя Франа противъ Веллингтоновскихъ биваковъ. Правое крыло непріятеля заняло южную опушку лѣса Боссю, центръ же и лѣвое крыло расположились впереди фермы Жимонкуръ и выселка Пирмонъ.

Обѣ стороны понесли сильныя потери.

---

²²⁾ «Mémoires de Fleury de Chaboulon».—Londres, 1820.

Ней потерялъ болѣе 4,000 изъ 21 т. введенныхъ имъ въ дѣло, а Веллингтонъ до 5,000 изъ числа 37 т. ²³⁾).

Въ началѣ ночи, къ англійскому фельдмаршалу прибыла кавалерія Уксбриджа и бригада, оставленная Альтеномъ въ Аркенѣ.

Остальныя силы англо-голландской арміи были распределены въ 4-хъ массахъ.

У Нивеля дивизія Шассе и Клинтона, 1 бригада дивизіи Кольвиля и 2 бригады дивизіи Коллерта (голландско-бельгійская кавалерія).

У Бренъ-ле Конта 2 бригады Кольвиля, 2 полка ганноверской кавалеріи бригады д'Эсторфа.

У Ангіена, подъ начальствомъ принца Фридриха Нидерландскаго, дивизія Штедмана и индійская бригада.

У Брюсселя дивизія Коля и артиллерійскій резервъ.

Въ сутки могли быть притянуты къ арміи все отдѣльныя отряды.

Впрочемъ распорядись Веллингтонъ иначе, онъ могъ имѣть къ началу боя болѣе войскъ, чѣмъ было ихъ подъ рукою къ концу дѣла.

Въ часть по-полудни дивизія Шассе и двѣ бригады Кол-

---

²³⁾ Въ письмѣ, адресованномъ начальникомъ штаба 2-го корпуса, отъ 1-го іюля 1815 года, къ президенту палаты депутатовъ, съ приложеніемъ офиціальныя данныя, потеря 2-го корпуса въ дѣлѣ убитыми и ранеными показана въ 4,125 человекъ.

Кирасиры потеряли около 250 человекъ. (Рейль въ «Notice historique» говоритъ нѣсколько сотъ).

Вся потеря Нея 4,375 человекъ.

Въ офиціальному донесеніи Веллингтона показано: 2,480 англичанъ и 404 ганноверца убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими. Это донесеніе не возбудило противъ себя противорѣчій, хотя и было отдано на совершенно свободное обсужденіе націи.

Голландцы, по офиціальнымъ даннымъ, потеряли изъ дивизіи Перпончера и бригады Ванъ-Мерлена 867 человекъ. (Архивъ военнаго министерства въ Гагѣ).

Брауншвейгцы лишились 708 человекъ («Geschichte des herzoglich Braunschweigischen Armée-Corps»); нассаускій контингентъ (бригада ф. Крузе) 200 человекъ.

Слѣдовательно вся потеря Веллингтона была 4,659 человекъ.

ларта находились въ Нивелѣ и Аркенѣ. Имъ было приказано оставаться въ этихъ пунктахъ, тогда какъ въ 3 часу пополудни они могли бы прибыть къ Катръ-Бра.

Бригада Омштеда (дивизіи Альтена), остановленная въ Аркенѣ, могла прибыть на поле сраженія вмѣстѣ съ двумя остальными бригадами своей дивизіи.

Мы отказываемся объяснить причины, заставившія Веллингтона оставить эти войска вдали отъ мѣста боя; быть можетъ онъ былъ не вполне убѣжденъ, что главный ударъ Наполеона устремленъ на прусскую армію и лѣвое крыло англійской, и рассчитывалъ на возможность появленія французовъ въ значительныхъ силахъ у Бренъ-ле-Конта и Нивеля.

Видно какъ онъ колебался все утро, двинуть ему или нѣтъ — по дорогѣ на Шарлеруа дивизію Пиктона, брауншвейгцевъ и нассаускій контингентъ. Головы этихъ частей, прибывъ въ 7 часовъ утра къ Ватерлоо, были тамъ остановлены до полудня, потому что отъ Ватерлоо дорога расходится на Шарлеруа и на Нивель, а Веллингтонъ не зналъ куда ему идти. Рѣшившись наконецъ двинуться къ Катръ-Бра, онъ все таки не двинулъ по этому направленію всѣ силы, приходившія съ его праваго фланга. Непонятная и непростительная ошибка. Вредъ отъ нея хотя и уменьшился послѣ 16 іюня, но былъ ощутителенъ.

Д'Эрлонъ появился у Франа въ то время какъ войска Нея стали на биваки.

1-й корпусъ, состоявшій изъ 4-хъ пѣхотныхъ и 1 кавалерійской дивизіи, вслѣдствіе приказанія маршала Нея, двинулся въ полдень изъ Жюме къ Франу; но не доходя Франа, свернулъ съ шоссе на-право и послѣ долгихъ проволочекъ очутился на высотѣ сел. С.-Аманда, менѣе чѣмъ въ одномъ лье отъ лѣваго крыла Наполеона. Корпусный командиръ, оставивъ здѣсь пѣхотную дивизію Дюрютта и 3 кавалерійскихъ полка Жакино, съ остальными силами предпринялъ обратное движеніе къ Франу. Получивъ утромъ приказаніе маршала Нея, направить одну пѣхотную и одну кавалерійскую дивизію къ Марбе, д'Эрлонъ вѣроятно думалъ, что испол-

няютъ въ точности инструкцію, оставляя Дюрютта и Жакино въ одномъ лѣ отъ названной деревни.

Дюрюттъ, какъ старшій въ чинѣ, принялъ начальство надъ оставленнымъ отрядомъ, долго колебался и наконецъ потянулся къ намюрскому шоссе, на нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни Ваньеле, имѣя впереди кавалерію.

Подойдя на пушечный выстрѣлъ къ шоссе, она наткнулась на наблюдательные прусскіе эскадроны. Дюрюттъ выставилъ артиллерію, открылъ огонь; но когда ввелъ на позицію и пѣхоту, пруссаки ушли и французы, повернувъ на Ваньеле, прибыли туда въ то время какъ прусская армія уже отступала ²⁴⁾.

Во время этихъ передвиженій, начальникъ штаба въ дивизіи Дюрютта полковникъ Гордонъ, и адъютантъ Дюрютта эскадронный командиръ Гогле дезертировали, слѣдуя преступному примѣру Бурмона ²⁵⁾.

Дюрюттъ, предоставленный самому себѣ, не принялъ никакого участія въ битвѣ при Линьи, равно какъ и весь 1-й корпусъ, вернувшійся съ д'Эрлономъ во Францъ. 20 т. человекъ

---

²⁴⁾ Мы беремъ эти подробности изъ статьи генерала Дюрютта, который помѣстилъ ее въ «Documents inédits» и сильно осуждаетъ дѣйствія генерала д'Эрлона.

Кстати замѣтимъ, что она доказываетъ неточность разсказовъ, увѣряющихъ, что 1-й корпусъ подошелъ къ Бри на пушечный выстрѣлъ отъ прусскихъ резервовъ и былъ возвращенъ къ Францу по приказанію Нея.

д'Эрлонъ даже не дошелъ до Ваньеле, а Дюрюттъ до нивельскаго шоссе. Это ясно изъ расположенія прусскихъ войскъ.

²⁵⁾ Гордонъ прибылъ въ Гентъ 20 іюня и написалъ для Кларка записку о силахъ и нравственномъ состояніи французской арміи. Она хранилась еще въ 1839 году въ архивѣ военнаго министерства въ Парижѣ. Приведемъ изъ нея слѣдующее мѣсто:

«Духъ арміи ужасенъ; солдатъ довели до бѣшенства и я увѣренъ, что ближайшими слѣдствіями настоящаго пораженія (при Ватерлоо) будетъ упадокъ дисциплины и рядъ преступленій. Армія грабила не выходя еще изъ Франціи и обѣщала при отступленіи все предать пожару.

«Большая часть генераловъ не составили себѣ никакого убѣжденія. Они не любятъ ни короля, ни Бонапарте.»

Спустя нѣсколько дней Гордонъ, склоня къ сдачѣ гарнизонъ крѣпости Конде, трагически погибъ на крѣпостномъ гласисѣ.

съ 46 орудіями прошлялись съ полудня до 9 часовъ вечера между двумя полями сраженій, отстоящими всего на два лье одно отъ другого, и не участвовали ни въ томъ, ни въ другомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, двинувшись прямо на Ла-Ге и Ваньеле, они рѣшали участь прусской арміи, а употребленные во время при Катръ-Бра давали Нею возможность отбросить англо-голландцевъ. Въ послѣднемъ случаѣ судьба прусской арміи снова рѣшалась и достигалась цѣль, указанная Наполеономъ въ двухъ предписаніяхъ, отправленныхъ изъ Флеруса.

ГЛАВА X.

Что побудило д'Эрлона къ его безплоднымъ передвиженіямъ, или выражаясь яснѣе, съ какой стати 1-й корпусъ свернулъ на С. Амандъ, вмѣсто того, чтобы продолжать движеніе къ Франу; а потомъ повернулъ обратно къ послѣднему пункту?

Разъясненіе этихъ вопросовъ породило частые и горячіе споры по той причинѣ, что бездѣйствіе 1-го корпуса имѣло вліяніе не на одинъ день 16-го іюня, но на всю кампанію.

Ней ¹⁾ и многіе писатели раздѣляли установившееся мнѣніе что 1-й корпусъ, во время своего марша къ Франу, подобно дивизіи Жирара, былъ направленъ къ С. Аманду самимъ Наполеономъ. Но Наполеонъ положительно и съ неудовольствіемъ отрекался отъ подобнаго приказанія ²⁾; онъ правъ,

---

¹⁾ «Встрѣча при Катръ-Бра разыгралась въ серьезное дѣло, и побѣда была въ моихъ рукахъ, какъ вдругъ, приказавъ иѣхотѣ 1-го корпуса, стоявшей въ резервѣ у Франа. двинуться впередъ, я узналъ, что главнокомандующій (Наполеонъ), не давъ мнѣ знать, распорядился направить этотъ корпусъ и дивизію 2-го корпуса Жирара къ С.-Аманду, на подкрѣпленіе своего лѣваго крыла, выдерживавшаго сильный бой съ пруссаками. Я былъ пораженъ этихъ извѣстіемъ, и имѣя только три дивизіи вмѣсто восьми, на кои рассчитывалъ, былъ принужденъ уступить побѣду...» (Письмо маршала Ней къ Фуше отъ 26 іюня 1815 года).

²⁾ Горячій бонапартистъ Флери-де-Шабулонъ, рекетмейстеръ государственнаго совѣта, состоялъ при Наполеонѣ въ кампанію 1815 года и высказываетъ въ своихъ мемуарахъ мнѣніе о дѣйствіяхъ д'Эрлона 16 іюня: «Наполеонъ послалъ отъ себя приказаніе 1-му корпусу идти съ возможною скоростью на правое крыло пруссаковъ». («Mémoires». — Londres, 1820).

Наполеонъ отзывается на это объясненіе такимъ образомъ: «Объ-

потому что нельзя согласить движеніе 1-го корпуса къ С. Аманду съ депешами, отправленными къ Нею изъ Флеруса въ 2 и 3 ¹/₄ часа по-полудни.

Припомнимъ, что въ нихъ не говорится о подобномъ движеніи, а напротивъ предписывается Нею — обойти правое крыло пруссаковъ и ударить имъ въ тылъ, т. е. ему отдаются два разнорѣчивыя приказанія.

Наполеонъ не остановился на томъ, что отказался отъ участія въ движеніи д'Эрлона къ С. Аманду, и свалилъ всю вину на Нея и д'Эрлона, рассказывая: „Ней оставилъ 1-й корпусъ въ резервъ впереди Госсели, въ 2 ¹/₂ лье отъ Катръ-Бра, а д'Эрлонъ поспѣшилъ поддержать атаку С. Аманда ³⁾“. И то, и другое невѣрно.

Ней не оставлялъ 1-го корпуса въ 2 ¹/₂ лье отъ Катръ-Бра, но приказалъ ему непремѣнно идти къ Франу, отправивъ это приказаніе въ 10 ¹/₂ часовъ утра, по прїѣздѣ изъ Шарлеруа въ Франъ адъютанта Флаго съ депешою. Получивъ предписаніе своего непосредственнаго начальства идти къ Франу, гдѣ раздавалась уже пушечная пальба, д'Эрлонъ идетъ къ другому пункту, гдѣ разыгрывается сраженіе. Однако онъ не на-обумъ предпринимаетъ свое движеніе, приводя слѣдующія причины: „Около 11 часовъ утра или около полудня, маршалъ Ней прислалъ мнѣ приказаніе двигаться къ Франу и Катръ-Бра, гдѣ я получу дальнѣйшія приказанія. Я тотчасъ двинулся съ корпусомъ, и, приказавъ скорѣе вести головныя части корпуса, поскакалъ впередъ узнать, что дѣлается у Катръ-Бра. Корпусъ Рейля по-видимому завязалъ дѣло. Проѣхавъ Франъ, я остановился поговорить съ гвардейскими генералами, какъ ко мнѣ подѣхалъ генералъ Лабедойеръ. Онъ мнѣ показалъ записку, написанную карандашемъ къ Нею, гдѣ предписывалось двинуть мой корпусъ къ Линьи. Генералъ Лабедойеръ очень дурно. Молодой человекъ дѣлаетъ первую кампанію, не участвуетъ въ битвѣ и, находясь на одно лье позади поля сраженія, воображаетъ, что можетъ разъяснить что нибудь.“ (*Mémoires*, t. VIII p. 265).

яснено очень дурно. Молодой человекъ дѣлаетъ первую кампанію, не участвуетъ въ битвѣ и, находясь на одно лье позади поля сраженія, воображаетъ, что можетъ разъяснить что нибудь.» (*Mémoires*, t. VIII p. 265).

³⁾ *Mémoires*, t. IX, p. 85—86.

дойеръ предварилъ меня при этомъ, что мои колонны уже двинуты имъ по новому направленію, и указалъ, гдѣ я могу ихъ догнать... я тотчасъ поскакалъ къ нимъ; но имѣлъ-ли порученіе генераль Лабедойеръ сворачивать мои войска ранѣ свиданія съ маршаломъ? я не знаю — но думаю, что нѣтъ ⁴⁾“.

Адъютантъ маршала Нея полковникъ Геймесь, исправлявшій при немъ должность начальника штаба, подтверждаетъ своимъ свидѣтельствомъ показаніе д'Эрлона; но называетъ полковника Лорена, который перемѣнилъ направленіе движенія 1-го корпуса и отиравился передать это маршалу ⁵⁾.

Почти навѣрное было отдано приказаніе, вслѣдствіе коего корпусъ д'Эрлона свернулъ на С. Амандъ; но оно не послѣдовало отъ Наполеона ⁶⁾, а было передано по ошибкѣ, вслѣдствіе неумѣстнаго усердія ординарца...

Вслѣдствіе чего-же 1-й корпусъ разъ достигнувъ С. Аманды, повернулъ опять на Франъ?

Маршалъ Ней увѣряетъ, что приказъ этотъ былъ отданъ Наполеономъ ⁷⁾.

Наполеонъ обвиняетъ въ томъ Нея ⁸⁾; д'Эрлонъ говоритъ,

---

⁴⁾ Письмо генерала д'Эрлона герцогу Эльхингенскому, отъ 9 февраля 1829 года. («Documents inédits» et cet.).

⁵⁾ Въ брошюрѣ, изданной въ 1818 г., и написанной, какъ извѣстно, при содѣйствіи Фуа, Гамо, зять маршала Нея, еще раньше Геймеса приписывалъ все артиллерійскому полковнику Лорену, состоявшему при главномъ штабѣ арміи. («Réfutation, en ce qui concerne le maréchal Ney, de l'ouvrage ayant pour titre: Campagne de 1815», par Gourgaud). 21 сентября того же года въ письмѣ, написанномъ въ редакцію «Journal général», онъ опредѣляетъ прибытіе полковника Лорена къ Нейю въ три часа, прибавляя: «этотъ офицеръ еще живъ и подтвердить, что дѣйствительно онъ передалъ приказаніе направить корпусъ д'Эрлона къ Аманду».

⁶⁾ Герцогъ Эльхингенскій рассказываетъ, что Бертранъ, смотрѣвшій на все глазами Наполеона, вернувшись съ острова св. Елены, заговоривъ о сраженіи при Катръ-Бра, спросилъ его: «Скажите; съ какой стати маршалъ прислалъ намъ къ С.-Аманду корпусъ д'Эрлона?»

⁷⁾ Письмо Нея къ Фуше, приведенное нами выше.

⁸⁾ «Mémoires», t. IX, p. 91.

что онъ исполнилъ настоятельное приказаніе маршала, приведенное къ нему генераломъ Делькамбромъ ⁹⁾).

Эти разнорѣчивыя показанія въ сущности однако не будутъ противорѣчить другъ другу — если допустимъ, что Наполеонъ приказалъ или согласился на удаленіе корпуса, а маршалъ дѣйствительно настоятельно требовалъ возвращенія д'Эрлона.

Мы должны допустить, что императоръ или приказалъ или согласился на удаленіе д'Эрлона, если припомнимъ, что Наполеонъ самъ лично сносился съ корпуснымъ командиромъ, когда отправилъ изъ Флеруса адъютанта разузнать свои или непріятельскія войска показались на лѣвомъ крылѣ Вандаммы.

Странно предположить, что д'Эрлонъ, приблизясь къ С. Амаиду, вслѣдствіе ошибочно переданнаго Лабедойеромъ или Лореномъ приказанія, отойдетъ назадъ въ самый разгаръ битвы безъ приказанія главнокомандующаго.

Пока не вернулся посланный адъютантъ, Наполеонъ можетъ быть не знать, что Ней завязалъ дѣло у Катръ-Бра съ превосходнымъ въ силахъ непріателемъ, но когда ему это передали, то онъ рѣшился приказать д'Эрлону идти назадъ или же передать ему, чтобы онъ, въ случаѣ призыва со стороны маршала Нея, исполнилъ это требованіе ¹⁰⁾.

Вѣроятно такъ было на самомъ дѣлѣ. Подобное заключеніе мы вывели изъ того, что повѣствованія на св. Елены не обвиняютъ д'Эрлона въ неисполненіи Наполеоновскихъ приказаній, когда онъ повернулъ назадъ въ Франъ.

---

⁹⁾ Письмо д'Эрлона, на которое мы сослались раньше («Documents inédits»).

¹⁰⁾ Генералъ Дюрюттъ, въ приведенной нами запискѣ, утверждаетъ, что д'Эрлонъ, вслѣдъ за приказаніемъ отъ Нея, получилъ новыя настоянія Наполеона идти къ Бри; но тѣмъ не менѣе рѣшился вернуться къ Нею. Но если слово: «настоянія» сказано въ смыслѣ: «приказанія», то невѣроятно, чтобы д'Эрлонъ, получивъ ихъ, не повиновался имъ.

Дюрютту невѣрно передали про сношенія между императоромъ и д'Эрлономъ; а что эти сношенія существовали показываютъ, и записка Дюрютта, и мемуары на островѣ св. Елены.

Большая часть французскихъ писателей сваливаетъ вину въ контръ-маршѣ на Нея и д'Эрлона—они оставили въ бездѣйствіи 1-й корпусъ въ день 16 іюня; Ней не долженъ былъ отдавать подобныхъ приказаній, д'Эрлону же, получивъ ихъ, нечего было слушаться, а слѣдовало идти на пруссаковъ.

Одинъ отдавалъ запоздалыя приказанія, другой могъ понять, что онъ опоздаетъ къ Катръ-Бра.

Подобныя упреки неосновательны, и выведены лишь изъ факта, что корпусъ д'Эрлона, прибывъ къ 9 часамъ вечера въ Франъ, оказался тамъ бесполезнымъ. Этого обстоятельства нельзя было предвидѣть ни за два часа, ни за двѣ минуты; потому что, не смотря на наступленіе ночи, Веллингтонъ могъ продолжать свои успѣхи и стойкая ретирада Нея обратилась бы въ поражение. Въ послѣднемъ случаѣ прибытіе д'Эрлона во время предотвращало подобную катастрофу, гибельную для цѣлой арміи.

Какая несообразность! писатели, критиковавшіе дѣйствія Нея и д'Эрлона, въ тоже время не находятъ словъ для выраженія своего негодованія противъ другаго Наполеонскаго генерала, за то что тотъ не пришелъ хотя бы ночью на поле битвы, гдѣ рѣшалась участь войны.

Наконецъ фактъ выдающійся между всѣми остальными, фактъ вполне оправдывающій и Нея и д'Эрлона, тотъ—что когда 1-й корпусъ, по ошибкѣ-ли Лабедойера и Лорена или по другой причинѣ, прибылъ въ распоряженіе Наполеона, императоръ, зная это, не ввелъ его въ дѣло за два часа до сумерекъ и позволилъ ему уйдти назадъ, хотя бы на то и не давалъ особаго приказанія.

Ней могъ и долженъ былъ видѣть только происходящее передъ глазами и заботиться о собственномъ самосохраненіи. Д'Эрлонъ былъ подчиненъ маршалу и получилъ отъ него приказаніе идти къ Катръ-Бра; не получая отъ Наполеона приказанія остаться, конечно онъ обязанъ былъ повиноваться. Повторимъ снова, что Наполеонъ какъ главнокомандующій самъ могъ взять на себя отвѣтственность и двинуть 1-й корпусъ на пруссаковъ; онъ долженъ былъ разумно отважиться

на то, чтобы, предоставивъ д'Эрлону нанести окончательный ударъ прусской арміи, положиться на испытанную стойкость Нея, который задержалъ бы англо-голландцевъ у Катръ-Бра. Но разумная отвага измѣнила Наполеону.

Капитальная ошибка была сдѣлана, она спасла армію Блюхера отъ истребленія; сваливать ее на Нея и д'Эрлона несправедливо и неразумно.

Въ былое время Наполеонъ дѣйствовалъ-бы иначе, теперь онъ опустился—и вотъ разгадка бездѣйствія 1-го корпуса и того, что Блюхеръ ушелъ отъ гибели.

Ней, лишенный содѣйствія д'Эрлона и дивизіи Жирана, оказалъ громадную услугу; можетъ быть одинъ онъ, при своей изумительной энергіи, и могъ оказать подобную, помѣшавъ Веллингтону подоспѣть на помощь къ Линьи и сдержавъ свое обѣщаніе, тогда какъ прусскій вожь рѣшился на битву съ Наполеономъ только въ надеждѣ на помощь.

Находили что Ней мало сдѣлалъ, что онъ долженъ былъ разбить, разсѣять англо-голландцевъ; и, обратившись на Бри и С.-Амандъ, порѣшить съ Блюхеромъ. Въ его рукахъ была судьба Франціи, судьбу эту онъ упустилъ.

Въ такомъ смыслѣ описанія на о. св. Елены формулировали, распространили и популяризировали убѣжденіе, раздѣляемое цѣлою Франціею; но извѣстѣйшіе иноземные военные писатели не раздѣляютъ подобнаго взгляда.

Этотъ взглядъ несправедливъ въ основаніи.

Наполеонъ не ограничился голословнымъ упрекомъ Нею, за то что тотъ оставилъ 1-й корпусъ въ 2½ лье позади Катръ-Бра и послалъ за нимъ слишкомъ поздно; онъ говоритъ, что Нею были даны инструкціи; но исполненіе ихъ было несвоевременно и нерѣшительно до трусости.

Наполеонъ говоритъ: „Ней получилъ ночью приказъ, идти 16 числа съ разсвѣтомъ за Катръ-Бра, и занять крѣпкую позицію по сторонамъ брюссельскаго шоссе, удерживая вправо и влѣво своими фланкерами шоссе изъ Нивеля въ Намюръ. Съ приказаніями къ нему былъ отправленъ графъ Флаго ¹¹⁾).

¹¹⁾ «Mémoires», t. IX, p 78.

Ней двинулся только въ полдень, въ два часа началъ перестрѣлку, и только въ 3 часа, когда канонада при Линьи была слышна во всей своей силѣ, онъ повелъ настоящее нападеніе на непріятеля“ ¹²⁾).

Разсказъ этотъ почти весь вымышленъ.

Ней провелъ почти всю ночь въ главной квартирѣ Наполеона въ Шарлеруа, и уѣхалъ только въ два часа утра. Никто не опровергаетъ этого факта, подтверждаемаго адъютантомъ Геймесомъ и генераломъ Рейлемъ ¹³⁾).

Если Наполеонъ дѣйствительно приказывалъ маршалу двинуться съ разсвѣтомъ къ Катръ-Бра, то ему нечего было отправлять Флаго или другого, потому что онъ могъ передать это приказаніе лично.

Ночная поѣздка Флаго выдумана, онъ самъ сознается въ томъ. Переданный приказъ, написанный имъ подъ диктовку императора тотъ самый, на который указываетъ Наполеонъ. По словамъ Флаго, его продиктовали ему въ 9 часу утра, и онъ немедленно отправился съ нимъ изъ Шарлеруа по назначенію ¹⁴⁾).

Разсказы на о. св. Елены говорили бы противъ себя передавая, что Ней получилъ лично отъ Наполеона пресловутый приказъ двинуться съ разсвѣтомъ къ Катръ-Бра; потому что Ней продержали въ Шарлеруа до 2 часовъ по-полуночи; а въ половинѣ іюня разсвѣтаетъ уже въ половинѣ третьяго.

---

¹²⁾ «Mémoires», t. IX, p. 89—90.

¹³⁾ «Въ Шарлеруа маршалъ Ней въ полночь отдалъ отчетъ о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ. Императоръ оставилъ его ужинать, всѣ важные сановники императорской главной квартиры это засвидѣтельствуютъ.

«16-го, въ два часа утра, маршалъ вернулся въ Госсели.» («*Rélation de la campagne de 1815*». — Полковника Геймеса).

«16-го въ семь часовъ утра генералъ Рейль пошелъ за приказаніями къ маршалу Ней, который ночью вернулся въ Госсели («*Notice historique sur les mouvements de 2 corps*». — Генераль-лейтенанта Рейля).

¹⁴⁾ Письмо генерала Флаго къ герцогу Эльхингенскому 24 ноября 1829 г. («*Documents inédits*» et cet).

Перечислимъ еще свидѣтельства, совершенно опровергающія повѣствованія на о. св. Елены.

Рейль пишетъ: „отправившись къ маршалу Нею, который вернулся ночью въ Госсели, въ 7 часовъ утра за приказаніями, генераль услышалъ отъ маршала, что тотъ доложивъ императору наканунѣ, ждетъ до сихъ поръ отъ него приказаній ¹⁵⁾.“ Подобный отвѣтъ нисколько не сходится съ словами Наполеона, увѣряющаго, что приказанія были отданы ночью.

Помощникъ начальника штаба 6 корпуса полковникъ Жаненъ рассказываетъ, что утромъ 16 его отправили разузнать силы непріятеля, стоявшія противъ Нея, указавъ ему, что онъ найдетъ аванпосты Нея впереди Госсели ¹⁶⁾.

Вспомнимъ, что отъ Госсели до Катръ-Бра три лье разстоянія.

Приведенный фактъ конечно не доказываетъ, что Ней получилъ приказаніе идти съ разсвѣтомъ къ Катръ-Бра. Отдача этого приказанія также опровергается письмомъ начальника главнаго штаба изъ Шарлеруа въ утро 16.

Сультъ предваряетъ Нея, что императоръ приказалъ Келлерману стянуть свой корпусъ и двинуться съ нимъ въ Госсели, такъ заключая свое письмо: „прошу васъ, увѣдомьте меня: передвинулся-ли 1-й корпусъ утромъ? и точно назовите пункты, занятые 1 и 2 армейскими корпусами съ двумя, состоящими при нихъ, кавалерійскими дивизіями...“

Ясно, что если бы Нею приказано было идти съ разсвѣтомъ къ Катръ-Бра, Сультъ въ письмѣ спросилъ бы его въ какой мѣръ исполнено это важное порученіе. Напротивъ, онъ даже не намекаетъ на него, не упоминаетъ имени Катръ-Бра, а просто спрашиваетъ про передвиженія 1-го корпуса, т. е. про то, стянулся-ли онъ совершенно, и увѣдомляетъ маршала, что Келлерманъ передвинуть къ с. Госсели, отстоящему на 3 лье отъ Катръ-Бра.

---

¹⁵⁾ «Notice historique». — Генераль-лейтенанта Рейля.

¹⁶⁾ «Campagne de Waterloo», par E. F. Janin colonel d'état-major.

Въ точности неизвѣстно когда было отправлено письмо начальника штаба; но вѣрно, что его отправили не ранѣе 8 часовъ утра.

Всѣ сношенія, существовавшія до того между Неемъ и главною квартирою Наполеона, вовсе не доказываютъ, что дѣйствительно Нею было приказано идти на Катръ-Бра.

Напротивъ, всѣ данныя послѣ 8 часовъ утра, болѣе точно намъ извѣстныя, положительно опровергаютъ доводы мемуаровъ на о. св. Елены.

Мы привели уже содержаніе двухъ депешъ, отправленныхъ изъ Шарлеруа къ маршалу Нею Наполеономъ и начальникомъ главнаго штаба Сультомъ. Припомнимъ, что въ нихъ находились инструкціи, какъ дѣйствовать въ день 16 іюня, хотя депеша Сульта представляетъ только дубликатъ Наполеоновской. Обѣ онѣ, какъ мы увидимъ ниже, были написаны въ 9 часу утра.

Прочтя ихъ убѣждаемся, что ранѣе не было отдано никакой диспозиціи. Вотъ начало депеши Сульта:

„Императоръ приказалъ вамъ двинуться къ Катръ-Бра (по брюссельской дорогѣ) съ 1 и 2 армейскими корпусами и отданнымъ въ ваше распоряженіе 3-мъ кавалерійскимъ корпусомъ. Тамъ вы займете позицію...“ оканчивается она также ясно: „прошу васъ немедленно донести императору, какія мѣры будутъ вами приняты для исполненія посылаемыхъ приказаній.“

Приведенныя тирады, объясняютъ какъ нельзя лучше, что ранѣе ничего не приказывали на-счетъ движенія къ Катръ-Бра, иначе странно было-бы толковать генералу о томъ, что уже давно ему извѣстно.

Наполеоновская депеша приводитъ къ такимъ же выводамъ.

Показаніе мемуаровъ, направленное противъ маршала Нея, выдуманно, что доказывается свидѣтельствами Флаго, Геймеса, Рейля, Жанена и офиціальными документами императорской главной квартиры.

Наполеонъ приказалъ Нею идти къ Катръ-Бра, лишь порѣшивъ двинуть центръ и правое крыло арміи на Флерузь.

Мы сдѣлали замѣчаніе, что разъ маршалъ не успѣлъ занять

Катр-Бра вечеромъ 15 іюня, движенія туда и на Флерусъ должны были совершаться въ связи, т. е. одновременно — фактически оно такъ и совершилось.

Но правъ ли Наполеонъ, говоря, что Ней потерялъ много времени до атаки англо-голландцевъ и самую атаку велъ вяло?

Здѣсь мы по неволѣ должны вдаться въ мелочи; но это неизбежно при описаніи короткой кампаніи 1815 года. Въ ней часы значили тоже, что цѣлые дни въ другихъ войнахъ; надо опредѣлять время съ необыкновенною точностью, чтобы не впасть въ ошибки при чтеніи описаній, искажаемыхъ съ цѣлью.

Для оцѣнки дѣйствій Нея, необходимо знать когда онъ получилъ приказаніе идти къ Катр-Бра; мы уже упоминали, что предписаніе это было изложено въ депешѣ Наполеона и въ депешѣ Сульта; но обѣ онѣ были исполнены одновременно въ Шарлеруа. Времени на депешахъ не означено; но соображая, что наступленіе лѣваго крыла, центра и праваго крыла арміи должно было произойти вмѣстѣ, что Вандамму посланъ приказъ о томъ въ 8 часовъ утра, что къ Жерару, бывшему впереди Шателе, менѣе чѣмъ въ 2 лье отъ Шарлеруа, приказаніе пришло въ 9½ часовъ, не трудно заключить, что депеши Нею написаны въ 9 часу утра; тѣмъ болѣе, въ данномъ случаѣ, мы ссылаемся на показаніе адъютанта Флаго, что Наполеонъ продиктовалъ ему письмо къ Нею въ 9 часу утра; выше было сказано какъ письмо это предварило диспозицію, отправленную къ маршалу Сультомъ ¹⁷⁾.

Письмо Наполеона очень пространно. Предположимъ, что оно было написано подъ диктовку быстро, такъ что Флаго могъ отправиться изъ Шарлеруа въ три четверти девятого. Ему надо было проѣхать 17 километровъ (около 16 верстъ) и по дорогѣ захватить къ Рейлю въ Госсели и передать тому

---

¹⁷⁾ «Начальникъ главнаго штаба долженъ вамъ отдать приказанія; но я вамъ пришлю ихъ раньше, потому что мои ординарцы поспѣваютъ скорѣе, чѣмъ его.» (Письмо Наполеона къ Нею).

Рейль и Геймесь тоже говорятъ, что письмо Наполеона пришло раньше къ Нею.

содержаніе приказа ¹⁸⁾. При быстрой ѣздѣ, т. е. дѣлая по 3 лье въ часъ, онъ могъ прибыть въ половинѣ 11-го въ Франъ, и только около этого времени (Геймесь говоритъ въ 11 часовъ) письмо Наполеона было доставлено Нею.

Надобно было прочесть его, отдать приказанія Рейлю, д'Эрлону и Келлерману; такъ что Рейль, находясь вназди болѣе чѣмъ въ 2 лье у Госсели, могъ получить приказъ двинуться не ранѣе половины двѣнадцатаго.

Предувѣдомленный Флаго, Рейль былъ на-готовѣ и не медлилъ на маршѣ; Ней тоже не терялъ времени на распоряженія, потому что атака на принца Оранскаго началась въ два часа по-полудни, а вѣря иностраннымъ писателямъ и раньше.

Маршалъ остается безупреченъ отъ обвиненія въ потерѣ времени.

Обвиненіе въ вялости и нерѣшительности, съ какими велась атака, тоже не рационально, особенно падая на человѣка съ Неевскимъ закаломъ, который еще въ добавокъ не рисковалъ отвѣтственностью, имѣя точное и письменное приказаніе лопнуть впередъ.

Потому сочли нужнымъ прибавить, что маршалъ дѣйствовалъ вяло только въ началѣ дѣла; потомъ же въ критическія минуты онъ выказалъ неустрашимость и много рѣшительности.

Противникъ Ней былъ молодой, искусный и рѣшительный человѣкъ; онъ командовалъ войсками полными одушевленія, занималъ выгодную оборонительную позицію, и вслѣдствіе того держался со стойкостью почти полтора часа противъ силъ сперва равныхъ, потомъ превосходныхъ, когда къ Нею подоспѣла дивизія Гильемино. Мы не находимъ доказательствъ, что атака велась вяло.

Ней овладѣлъ Катръ-Бра около трехъ съ половиною часовъ, какъ подоспѣли Пиктонъ и герцогъ Брауншвейгскій, это

---

¹⁸⁾ «Генералъ-лейтенантъ Флаго передалъ мнѣ приказаніе, которое онъ везетъ къ вашему превосходительству.» (Письмо Рейля къ маршалу Нею изъ Госсели въ 10 1/4 часовъ утра.—Documents inédits).

фактъ неоспоримый, признаваемый даже голландскими писателями ¹⁹⁾).

Съ прибытіемъ ихъ, силы противниковъ уравнились; тѣмъ не менѣе по прошествіи двухъ часовъ, по словамъ англійскихъ историковъ, положеніе Веллингтона стало критическимъ ²⁰⁾; но прибытіе Альтена и нассаускаго контингента выручило его.

Всѣ приведенныя обстоятельства служатъ лишь къ чести Ней.

Денеші, отправленныя изъ Флеруса въ два и три съ четвертью часа по-полудни, дошли до маршала въ шестомъ часу—предписанное въ нихъ движеніе было невозможно. Не смотря на прибытіе Альтена и нассаускаго контингента, до половины шестаго Ней могъ надѣяться еще на овладѣніе Катръ-Бра; но спустя часъ, когда подосѣла дивизія Кука и остальные брауншвейгскія войска, вся надежда была потеряна.

Маршалъ, подавляемый превосходными силами, началъ отступленіе и только благодаря своей энергіи избѣгнулъ пораженія.

Ней виноватъ въ одномъ что, не смотря на предписанія Наполеона, не употребилъ въ дѣло цѣлаго корпуса Келлермана и дивизія Лефевра-Денуэта. Но и введя ихъ въ дѣло, Ней могъ лишь взять Катръ-Бра и удерживаться противъ атакъ Веллингтона. Наполеонъ не ограничивался этимъ; онъ хотѣлъ чтобы Ней, занявъ Катръ-Бра, обратился назадъ на правое крыло пруссаковъ и зашелъ имъ въ тылъ.

Предписанный маневръ былъ бы возможенъ и своевремененъ, если бы д'Эрлонъ не свернулъ съ указаннаго ему пути. Но д'Эрлонъ пришелъ въ Франъ только къ девяти часамъ вечера. Ней сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло и, повторимъ опять, оказалъ громадную услугу не допустивъ Веллингтона помочь

---

¹⁹⁾ Смѣлшемъ между прочимъ на Ванъ-Лебенсельса, адъютанта принца Фридриха Нидерландскаго («Précis de la campagne de 1815». — Гага 1849 г.), писателя добросовѣстнаго, у коего всѣ дѣйствія голландско-бельгійскихъ войскъ разобраны очень хорошо.

²⁰⁾ Илаженный почитатель Веллингтона Сибуртъ говоритъ, что когда прибылъ Альтенъ: «дѣла были очень дурны».

Блюхеру, потому что тогда исходъ битвы при Линьи былъ бы иной.

Сведя вмѣстѣ, послѣ внимательнаго разбора, частныя показанія, время, депеши и офиціальныя приказы, мы приходимъ къ заключенію, что Ней и д'Эрлонъ не заслуживаютъ упрековъ, взведенныхъ на нихъ сперва Наполеономъ, а по его слѣдамъ многими писателями.

Ней съ быстротою исполнилъ полученныя предписанія. Онъ приказалъ 1-му корпусу идти къ Франу; но, не смотря на положительное приказаніе, 1-й корпусъ ушелъ въ сторону. Лишенный содѣйствія 20 т. Ней, продолжая битву, выказалъ чудеса рѣшительности и самоотверженія.

Двинувшись на С.-Амандъ, д'Эрлонъ думалъ что исполняетъ приказанія Наполеона, и сблизясь съ французскою арміею, войдя съ нею въ связь, не получалъ приказаній идти въ дѣло; побуждаемый настоятельными требованіями Нея, онъ повернулъ къ Франу, гдѣ также грохотала канонада.

Объясненія дѣйствій 16 іюня, сочиненныя на о. св. Елены, придуманы уже послѣ урока, вынесеннаго изъ послѣдующихъ за этимъ днемъ событій, съ цѣлью замаскировать ошибки Наполеона.

Мы указали на эти ошибки и на вліяніе ихъ на исходъ битвы при Линьи.

Онъ выдается еще болѣе, когда мы рассмотримъ дальнѣйшій ходъ кампаніи.

Въ колебаніи и бездѣйствіи Наполеонъ потерялъ почти все утро—слѣдствіемъ этого была поздняя атака прусской арміи, а наступившая ночь помѣшала ему довершить побѣду. Но потерянное время могло быть вознаграждено вслѣдствіе счастливой ошибки адъютанта. Наполеонъ упустилъ изъ рукъ благоприятный случай — цѣлый корпусъ д'Эрлона, въ числѣ до 20 т., явился въ его распоряженіе въ рѣшительную минуту битвы; и этому корпусу приказали или позволили отправиться къ Катръ-Бра.

День 16 іюня ознаменовался кровавыми встрѣчами у Линьи и Катръ-Бра. Солдаты и генералы выказали въ нихъ чудеса

храбрости и стойкости, они не выдали своего вождя — но вождь ихъ выдалъ.

Вотъ и вся разгадка дѣла. Вождь былъ уже не тотъ, печальные и гибельные факты скоро подтвердили эту истину ²¹⁾.

---

²¹⁾ См. приложение XI.

ГЛАВА XI.

Жемблу.— Мезонъ-де-Руа (17 іюня).

Солнце уже высоко стояло на небѣ утромъ 17-го іюня, но побѣдоносная французская армія оставалась еще на своихъ бивакахъ. Наполеонъ не рѣшился на ночное преслѣдованіе; и не отдавалъ никакихъ приказаній на настоящій день для преслѣдованія непріятеля.

Одинъ Пажоль съ кавалерійскою дивизією Сульта II и слабою пѣхотною дивизією Теста (6-го корпуса), былъ посланъ на рекогносцировку по дорогѣ къ Намюру; драгунская бригада Бертонъ (корпуса Эксельмана) поддерживала это движеніе.

Время теряли и до побѣды и послѣ побѣды; бездѣйствіе возбуждало общее удивленіе и неудовольствіе.

Наполеоновскіе легіоны, прошедшіе всю тактическую школу императора, не понимали почему не гонятъ по-пятамъ разбитаго непріятеля и даютъ ему время опомниться, оправиться и соединиться съ подкрѣпленіями.

„Наполеонъ уже не тотъ“ грубо сказалъ ворчливый Вандамъ своимъ офицерамъ, „результаты побѣды потеряны“. Преданный душою императору Жераръ выразилъ ту же мысль, хотя и въ иныхъ выраженіяхъ: жалѣя о непонятной, неоправимой медленности.

Солдатъ вѣрилъ въ непогрѣшимость и неутомимость Наполеона; и подозрѣвалъ, что измѣна подкапываетъ всѣ успѣхи.

Разсыпавшісь по полю сраженія, взятому грудью, войска подбирали раненыхъ. По словамъ очевидцевъ видъ боеваго поля былъ ужасенъ. Груды труповъ валялись на улицахъ, въ

домахъ и по садамъ. Главная улица сел. Линьи была покрыта окровавленными кусками человѣческаго мяса, потому что накануне артиллерія вскачь проскакала здѣсь, давя подъ колесами орудій и мертвыхъ и умирающихъ; убитые и раненые сплошь лежали по обѣимъ сторонамъ ручья у мельницы Бюсси.

Все показывало съ какимъ ожесточеніемъ кипѣла битва, одинъ писатель выразился про нее: „самые привычные люди, закалившіеся въ ужасахъ войны, дрогнули передъ тою яростью, какая оказалась здѣсь“ ¹⁾.

Въ 8 часу на биваки пришло приказаніе отъ начальника главнаго штаба, но не о наступленіи, а что Наполеонъ будетъ смотрѣть армію. Самъ императоръ оставался еще во Флерусѣ; вскорѣ ему дали знать, что Пажоль захватилъ по намюрскому шоссе у д. Мази прусскую батарею и часть обозовъ, и разогналъ кавалерійскій конвой; а потомъ въ главную квартиру вернулся адъютантъ Флаго, исполнившій порученіе къ Нею. Трудно вѣрить, хотя это совершенно справедливо, что когда Флаго уѣзжалъ изъ Франа, тамъ еще ничего не знали о результатѣ битвы при Линьи, а Флаго принесъ первыя извѣстія о дѣлѣ при Катръ-Бра. Между главнокомандующимъ арміею и начальникомъ лѣваго крыла, находившимися одинъ отъ другого менѣе чѣмъ въ 3 лье разстоянія (11¼ верстъ) не было никакихъ сношеній съ 9 часовъ вечера до 8 ч. утра. Оба виноваты въ подобной неисправности.

Наполеонъ тотчасъ же отправилъ депешу къ Нею чрезъ начальника главнаго штаба; она ясно показываетъ чѣмъ былъ занятъ и что предполагалъ императоръ: „прибывшій сію минуту генералъ Флаго передалъ, что вы не знаете чѣмъ кончился для насъ вчерашній день. Однако кажется мы увѣдомили васъ о побѣдѣ, одержанной императоромъ. Прусская армія разбита и преслѣдуется генераломъ Пажолемъ на Намюръ и Люттихъ . . . императоръ ѣдетъ на мельницу Бри, мимо которой проходитъ большая дорога изъ Намюра въ

---

¹⁾ «Mémoires de Fleury de Chaboulon».

Катръ-Бра. Нельзя предполагать, чтобы англійская армія предприняла что нибудь противъ васъ; иначе императоръ тотчасъ же двинется по прямой дорогѣ на Катръ-Бра, а вы атакуете ее съ фронта вашими дивизіями, вѣроятно уже стянутыми вами. Увѣдомьте Его Величество самымъ обстоятельнымъ образомъ, какъ расположены ваши войска и что дѣлается у непріятеля.

Его Величество желаетъ чтобы вы, согласно полученному приказанію, заняли позицію у Катръ-Бра: если-же нельзя, то донесите тотчасъ же подробно почему—и императоръ двинется, какъ я уже сказалъ. Если противъ васъ находится лишь арріергардъ, атакуйте его и занимайте позицію.

Арміи сегодня-же нужно окончить эти передвиженія, заставить боевыми снарядами, собрать отсталыхъ и притянуть разные отряды. Отдайте нужныя для этого распоряженія“²⁾.

Слѣдовательно, около 8 часовъ утра, Наполеонъ думалъ, что прусская армія въ разстройствѣ отступаетъ на Намюръ и Лютихъ, и хотѣлъ чтобы Ней расположился у Катръ-Бра, если этотъ пунктъ занять однимъ непріятельскимъ арріергардомъ; рассчитывая самъ двинуться туда только въ случаѣ надобности, день же употребить на пополненіе припасовъ и собраніе отсталыхъ.

Въ девятомъ часу наконецъ выѣхалъ онъ изъ Флеруса въ каретѣ; какъ говорятъ, не оправясь отъ вчерашней усталости. Въ С. Амандѣ онъ сѣлъ на коня и медленно объѣхалъ мѣстность, гдѣ велись Вандаммовы атаки. Тамъ и сямъ валялись еще неубранные раненые офицеры и солдаты; императоръ велѣлъ ихъ подобрать, со многими вступалъ въ разговоръ и фамиліи нѣкоторыхъ приказалъ записать; затѣмъ онъ проѣхалъ по фронту войскъ, выбѣгавшихъ по мѣрѣ его приближенія безъ оружія на линію; гулъ восторженныхъ восклицаній сопровождалъ Наполеона.

---

²⁾ На письмѣ не означено часа, когда оно отправлялось, но по фразѣ: «императоръ ѣдетъ на мельницу Бри», можно догадаться о времени; известно, что Наполеонъ выѣхалъ изъ Флеруса послѣ 8-ми часовъ.

На всякомъ шагѣ императоръ останавливался и заговаривалъ съ генералами, полковниками; однихъ благодарилъ, къ другимъ привѣтливо обращался.

Около 10 часовъ Наполеонъ приказалъ направить къ Марбе (одно лье отъ с. Бри) корпусъ Лобау, за отдѣленіемъ дивизіи Теста ³⁾, отправленной съ Пажолемъ, и кавалерійскія дивизіи Сюберви и Домона. Черезъ часъ за корпусомъ Лобау потянулись императорская гвардія и корпусъ Мильго.

Осмотръ продолжался; объѣхавъ войска, Наполеонъ сошелъ съ лошади и долго разговаривалъ съ генераломъ Жераромъ и маршаломъ Груши о настроеніи умовъ въ Парижѣ, законодательномъ собраніи, якобинцахъ и всякой всячинѣ, совѣмъ не идущей къ тому, что должно было исключительно занимать его вниманіе въ настоящую минуту ⁴⁾.

Оригинальный разговоръ былъ прерванъ прибытіемъ кавалерійскаго отряда, отправленнаго на рекогносцировку къ Катръ-Бра. Англичане находились еще тамъ. Колебанія Наполеона прекратились и рѣшеніе было принято; но по вчерашнему цѣлые полдня было потеряно ⁵⁾.

Начальникъ главнаго штаба написалъ къ Нею:

Впередн Линьи, 17-го іюня, полдень.

„Г. маршалъ! императоръ занялъ позицію, съ пѣхотнымъ корпусомъ и съ гвардіею, пройдя Марбе. Его Величество поручилъ мнѣ, передать вамъ свою волю, чтобы вы выгнали неприятеля изъ позиціи у Катръ-Бра. Одинъ корпусъ будетъ тому содѣйствовать изъ Марбе.

---

³⁾ Она тронулась около 10 часовъ, потому что въ полдень Пажоль доносилъ Груши изъ д. Мази (два лье отъ Линьи): «двинусь съ дивизіею Теста, только что присланною мнѣ Его Величествомъ».

⁴⁾ «Observations sur la Relation de la campagne de 1815», изданное генераломъ Гурго и «Refutation» et cet графа Груши. (Парижъ 1819 г.).

⁵⁾ Понятно почему Наполеонъ говоритъ, что рекогносцировка вернулась къ 10 часамъ («Campagne de 1815». — Гурго). Груши, ссылаясь на очевидца, адъютанта императора, генерала Бертрана, показываетъ, что напротивъ она вернулась въ полдень («Observations sur la Relation de la campagne de 1815». — Графа Груши).

„Его Величество ѣдетъ въ Марбе и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ вашихъ донесеній“.

Армія была раздѣлена на двѣ неравныя массы: одна 72,447 человекъ съ 240 орудіями назначена для дѣйствій подъ личнымъ предводительствомъ Наполеона; другая, въ числѣ 33,119 человекъ съ 96 орудіями, поступила подъ начальство маршала Груши.

Первую часть составляли: корпуса, находившіеся въ Франціи, 6-й корпусъ безъ дивизіи Теста, императорская гвардія, дивизіи Домона и Сюберви, взятые отъ корпусовъ Вандамма и Пажоля, и кирасиры Мильго ⁶⁾.

Вторую часть образовали: корпуса Вандамма, Жерара съ дивизіею 6-го корпуса Теста, Эксельмана и дивизіи Судьта (корпуса Пажоля) ⁷⁾.

⁶⁾ За исключеніемъ потерь, понесенныхъ 15 и 16 іюня.

1-й корпусъ	19,939 чел.	46 оруд.
2-й „	15,761 „	38 „
6-й „	7,748 „	24 „
Гвардія	19,884 „	96 „
Дивизія Домона . . .	900 „	6 „
„ Сюберви . . .	1,392 „	6 „
Корпусъ Мильго . . .	3,394 „	12 „
Корпусъ Келлермана .	3,429 „	12 „

Итого. , 72,447 чел. 240 оруд.

⁷⁾ За исключеніемъ потерь 15 и 16 іюня.

3-й корпусъ	13,847 чел.	32 оруд.
4-й „	12,309 „	38 „
Дивизія Теста	2,717 „	8 „
„ Судьта	1,331 „	6 „
Корпусъ Эксельмана .	3,115 „	12 „

Итого. . 33,319 чел. 96 оруд.

общій числовой выводъ:

У Наполеона	72,447 чел.	240 оруд.
„ Груши	33,319 „	96 „
Дивизія Жирара, оставленная въ Линьи .	2,397 „	8 „
Потери 15 іюня	600 „	— „
„ 16 іюня	15,825 „	— „
Итого.	124,588 чел.	— „
Парки	3,500 „	— „
Общій итогъ.	128,088 чел.	344 оруд.

Храбрая дивизія Жипрара, такъ жестоко пострадавшая наканунѣ, была оставлена въ С. Амандѣ, по словамъ мемуаровъ на о. св. Елены, для присмотра за ранеными и составлять на всякій случай резервъ въ Катръ-Бра. Многіе писатели думаютъ, что она просто была забыта.

Сдѣлавъ распоряженія, Наполеонъ передалъ ихъ маршалу Груши. „Преслѣдуйте пруссаковъ“, сказалъ онъ ему, „когда догоните, атакуйте, довершите ихъ пораженіе и не теряйте изъ виду. Я иду на соединеніе съ маршаломъ Неемъ, двинусь на англичанъ и дамъ имъ битву по сю сторону лѣса Суанъ. Пересылайте ко мнѣ донесенія по шоссе на Катръ-Бра“⁸⁾.

Вождь французовъ рѣшился разбить отдѣльно Веллингтона подобно Блюхеру.

Но были-ли своевременны подобный маневръ? союзные полководцы могли воспользоваться нерѣшительностью и проволочками своего противника; а самое главное, надо было рѣшить, имѣлъ-ли Груши возможность выполнить возложенное на него порученіе?

Порученіе было не изъ легкихъ. Ему приказали „не терять пруссаковъ изъ виду“, а они 14 часовъ находились въ отступленіи.

Съ 33,000 и 96 орудіями онъ долженъ былъ настичь ихъ, атаковать и довершить ихъ пораженіе; но одинъ изъ 4-хъ прусскихъ корпусовъ, именно корпусъ Бюлова, неучаствовавшій подъ Линьи и можетъ быть уже соединившійся съ Блюхеромъ, былъ равносильнъ всѣмъ войскамъ Груши.

Груши ужаснулся порученія и, стараясь отъ него избавиться, замѣтилъ Наполеону: „что пруссаки начали отступать еще наканунѣ съ 10 часовъ вечера, что войска разбѣлись, чистятъ оружіе, не ждутъ марша и пройдетъ много времени, пока готовы будутъ къ выступленію... что кавалерія не присылаетъ извѣщенія, куда отступаетъ главная масса прусскихъ силъ, хотя можно думать, что Блюхеръ отступаетъ на Намюръ и

---

⁸⁾ Письмо Груши, отъ 20 ноября 1815 года, къ Мери и Бартелеми. «Observations sur la Relation de la campagne de 1815». — Графа Груши.

наконецъ, что, преслѣдуя непріятеля, онъ разобщается съ Наполеономъ и будетъ не въ состояніи содѣйствовать ему“.

Императоръ сухо принялъ всѣ эти возраженія; тогда Груши началъ умолять позволить ему остаться при немъ; но, не внявъ этой просьбѣ, императоръ повторилъ свое приказаніе, прибавивъ, что дѣло маршала открытъ направленіе, по которому отступаетъ Блюхеръ. Маршалу оставалось только повиноваться ⁹⁾.

Груши сказалъ правду, и войска долго копались пока все было готово къ выступленію. Маршалъ удалился отдать необходимыя приказанія, какъ Наполеонъ получилъ новыя донесенія, и рѣшился точнѣе обставить порученіе, данное Груши въ такихъ общихъ выраженіяхъ.

Донесенія по всей вѣроятности были присланы генераломъ Бертономъ. Генераль Бертонъ былъ отправленъ сначала по намюрскому шоссе вслѣдъ за Пажолемъ, а потомъ, передвинутый къ Жемблу, наткнулся на значительный прусскій отрядъ, остановившійся недалеко за городомъ ¹⁰⁾.

Наполеонъ продиктовалъ генералу Бертрану слѣдующее письмо маршалу Груши:

„Г. Маршалъ! извольте направиться съ кавалерійскимъ корпусомъ Пажоля... (слѣдуетъ перечисленіе войскъ, отданныхъ въ распоряженіе Груши) къ Жемблу, обрекогносцируйте дороги на Намюръ и Мاستрихтъ и преслѣдуйте непріятеля. Откройте направленіе его отступленія и увѣдомьте меня о его намѣреніяхъ для необходимыхъ соображеній.

Моя главная квартира переходитъ въ Катръ-Бра, гдѣ еще утромъ оставались англичане. Прямое сообщеніе съ вами по намюрскому шоссе.

Если Намюръ будетъ очищенъ непріятелемъ, передайте въ Шарлемонъ начальнику 2-й военной дивизіи, чтобы онъ занялъ

---

⁹⁾ «Observations sur la Relation de la campagne de 1815». — Графа Груши, письмо его къ Мери и Бартелеми.

¹⁰⁾ «Précis historique, militaire et critique des batailles de Fleurus et de Waterloo». — Генераль-маіора Бертона. Парижъ 1818 г.

его баталіонами національной гвардіи и тѣми батареями, которыя сформируетъ въ Шарлемонѣ.

Необходимо узнать намѣренія непріятеля: отдѣлится-ли онъ отъ англичанъ или захочетъ соединиться съ ними, чтобы прикрыть Брюссель и Люттихъ и рѣшиться на новую битву“.

Мы видимъ, что Наполеонъ не зналъ куда ушла прусская армія и что хочетъ предпринять Блюхеръ.

Онъ допускалъ возможность соединенія союзныхъ армій для защиты Брюсселя. Ему слѣдовало произвести усиленную рекогносцировку изъ Линьи къ Монъ-Сенъ-Гиберу, откуда дорога направляется на Вавръ и Брюссель. Однако онъ ограничился только рекогносцировкой намюрской дороги, и не обратилъ особеннаго вниманія Груши на важность перваго пути; а маршаль, предоставленный собственнымъ соображеніямъ, не поправилъ промаха своего главнокомандующаго. Ему приказали идти къ Жемблу — онъ и ограничился буквальнымъ исполненіемъ приказанія. Эксельманъ съ кавалеріею и бригадою Бертонна присоединился къ Груши уже подъ Жемблу.

Только въ два часа по-полудни колонны Вандаммы двинулись изъ С. Аманда. Цѣлый день дождь лилъ какъ изъ ведра, такъ что движеніе войскъ, особенно-же артиллеріи, было сильно затруднено, и къ Жемблу Вандамму прибылъ только въ девятomъ часу вечера, пройдя 3 1/2 лье (около 13 верстъ) въ семь часовъ времени.

Жераръ, подвигавшійся за нимъ, тащился также медленно, ставъ на биваки, не доходя Жемблу, въ 10 часовъ вечера. Но мы вѣримъ его свидѣтельству — войска прошли сколько хватило силъ въ ливень и по испорченнымъ дорогамъ ¹¹⁾).

Пока корпуса подвигались съ такимъ трудомъ по проселкамъ, Груши достигъ Жемблу и опросилъ жителей; но добился сомнительныхъ и неточныхъ показаній.

Корпусъ Тильмана оставался у города до двухъ часовъ по-полудни, но затѣмъ куда онъ ушелъ, вѣрно не знали.

---

¹¹⁾ «Quelques documents». — Генерала Жерара. Шоссе, ведущее нынѣ изъ Сомбрефа въ Жемблу, въ то время не существовало.

Эксельманъ, пройдя Жемблу, прошелъ еще одно лье до Совеньера, но и тамъ не много узналъ.

Пажоль прошелъ утромъ по намярскому шоссе до Мази, гдѣ захватилъ батарею и нѣсколько человѣкъ бѣглецевъ, потомъ свернулъ влѣво на Сень-Дени, сдѣлалъ тамъ продолжительный привалъ, и вернулся чрезъ Боссьеръ назадъ въ Мази, гдѣ сталъ бивакомъ, не доставивъ маршалу никакихъ точныхъ и свѣжихъ свѣдѣній. Груши недоумѣвалъ — имѣя порученіе не терять изъ виду пруссаковъ, до сихъ поръ онъ не набрелъ на ихъ слѣды; ему приказали преслѣдовать пруссаковъ, нагнать и довершить пораженіе; но онъ не зналъ даже, куда они отступаютъ. Въ ночь Эксельману предписано стать бивакомъ у Совеньера и послать 6 эскадроновъ къ Саръ-ле-Валену, а 3 эскадрона къ Гранъ-Леесу.

Вандаммъ, ночевавшій между Жемблу и Совеньеромъ, получилъ приказаніе, на слѣдующій день въ 6 часовъ утра, продвинуться за Саръ-ле-Валенъ ¹²⁾, впереди его долженъ былъ слѣдовать Эксельманъ, а за нимъ Жераръ ¹³⁾; Пажолю приказано въ 5 часовъ утра сняться съ бивака при Мази и слѣдовать къ Гранъ-Леесу, гдѣ онъ получитъ новыя приказанія.

Въ десять часовъ вечера, Груши отправилъ донесеніе къ Наполеону, гдѣ высказывалъ свое невѣденіе на счетъ движеній прусской арміи.

„Честъ имѣю донести Вашему Величеству“, писалъ онъ, „что я занимаю Жемблу, а кавалерія находится въ Совеньерѣ. Непріятель въ числѣ до 30,000 человѣкъ продолжаетъ отступать.

По всѣмъ собраннымъ донесеніямъ кажется, что, по прибытіи въ Совеньеръ, пруссаки раздѣлились на двѣ части:

---

¹²⁾ Письмо Груши къ Вандамму изъ Жемблу, 17 іюня. (Архивъ парижскаго военнаго министерства).

¹³⁾ «Я желаю, чтобы завтра вы двинулись за корпусомъ Вандамма въ восемь часовъ утра...» (Письмо Груши Жерару изъ Жемблу, 17 іюня, десять часовъ вечера).

одна двинулась чрезъ Саръ-ле-Валенъ къ Вавру, другая думать надо къ Первезу — слѣдовательно часть ихъ арміи идетъ на соединеніе съ Веллингтономъ; а центръ, подъ начальствомъ самого Блюхера, отступаетъ къ Люттиху — кромѣ того, колонна пруссаковъ съ артиллеріею отступила по намюрской дорогѣ.

Генералу Эксельману поручено ночью отправить 6 эскадроновъ къ Саръ-ле-Валену и 3 эскадрона къ Первезу. Если главная масса прусской арміи отступаетъ къ Вавру, я двинусь за нею, чтобы отрѣзать отъ Брюсселя и пути соединенія съ Веллингтономъ; если же я узнаю, что главныя силы отступили на Первезъ, то направлюсь чрезъ этотъ городъ для преслѣдованія непріятеля!“

Слѣдовательно, до настоящаго времени, Груши не зналъ куда отступили главныя силы Блюхера.

Прусская армія воспользовалась продолжительнымъ отдыхомъ побѣдителей, и начала отступленіе тотчасъ же послѣ пораженія.

Подступы къ с. Бри были баррикадированы, въ селеніи и кругомъ было оставлено нѣсколько баталіоновъ, а корпуса Цитена и Пирха I двинулись къ д. Тилли, отстоящей на $\frac{1}{4}$ лье отъ поля сраженія, и стали биваками между этою деревнею и деревнями Жантинъ и Меллери, куда перенесена была главная квартира Блюхера.

Корпусъ Тильмана былъ сосредоточенъ между Сомбрефомъ и Пуанъ-де-Журомъ.

Перезъ разсвѣтомъ Цитенъ, Пирхъ 1-й и Тильманъ двинулись дальше.

Вавръ назначенъ сборнымъ пунктомъ для арміи. Цитенъ, направившись по испорченнымъ проселкамъ чрезъ Виллеру и Монъ-Сенъ-Гиберь, достигъ Вавра къ 10 часамъ утра; и, перейдя р. Диль, занялъ позицію нѣсколько выше города у м. Бьержъ.

Пирхъ 1-й шелъ по тому же направленію и расположился, недалеко отъ Вавра, между деревнями Сенъ-Аннъ и Эзежонъ, занявъ пѣхотною бригадою дефилен у Монъ-Сенъ-Гибера,

а бригадою кавалеріи м. Жантинъ. Хотя арріергардъ очистилъ Бри только днемъ, но отступленіе обоихъ корпусовъ произошло безъ выстрѣла.

Парки резервной артиллеріи, находившіеся въ день битвы между Сомбрефомъ и Жемблу, прибыли въ Вавръ къ 5 часамъ по-полудни; и тотчасъ-же въ нихъ закипѣла работа, чтобы пополнить въ войскахъ выпущенные въ громадномъ количествѣ патроны и заряды.

Тильманъ сильно промедлилъ при своемъ движеніи. Хотя онъ, подобно Цитену и Пирху 1, выступилъ до разсвѣта, но арріергардъ его оставался въ Сомбрефѣ до поздняго утра, а корпусъ миновалъ Жемблу въ 8-мъ часу утра.

Пройдя нѣсколько за Жемблу, Тильманъ остановилъ войска до двухъ часовъ по-полудни, слишкомъ небосторожно рассчитывая на бездѣйствіе французовъ. Застигнутый на пути дождемъ и слѣдуя по грязи, онъ только поздно вечеромъ достигъ Вавра, расположившись биваками за городомъ у замка Баветь. Дивизія въ арріергардѣ и бригада кавалеріи, изъ за ночнаго времени, принуждены были остановиться на правомъ берегу р. Диля.

Пока корпусъ дѣлалъ привалъ у Жемблу, присоединились 1 баталіонъ и 2 эскадрона, прибывшіе изъ Динана.

Мы видѣли, что Бюловъ не принялъ участія въ битвѣ при Линьи. Онъ узналъ о результатѣ сраженія въ то время, какъ головныя колонны корпуса, слѣдуя изъ Ганиута по римской дорогѣ, поравнялись съ Нижнимъ Бодессе, не доходя селенія Совеньера. Здѣсь Бюловъ ночевалъ и утромъ на слѣдующій день получилъ приказаніе отступить къ Вавру. Спусти нѣсколько часовъ корпусъ Бюлова былъ уже расположенъ кругомъ г. Вавра на высотахъ Діонъ-ле-Монъ, оставивъ дивизію у Вье-Сара и смѣнивъ отрядомъ полковника Ледебюра войска, оставленныя Пирхомъ 1 въ Монъ-Сенъ-Гиберъ и Жантинъ.

Такимъ образомъ вся прусская армія была сосредоточена у Вавра, въ числѣ 90,000 человекъ съ 275 или 280 орудіями.

Цѣлыя сутки она была оставлена совершенно въ покоѣ и потеряла только нѣсколько орудій, зарядныхъ ящиковъ и обозныхъ фуръ, въ ночной суматохѣ ошибочно отправленныхъ по намюрской дорогѣ. Даже эта потеря была очень кстати, потому что безпечный побѣдитель вдался въ обманъ касательно пути отступленія прусской арміи.

Нѣтъ почти примѣра чтобы разбитая армія могла на другой день отступить съ такимъ удобствомъ, отдохнуть и приготовиться къ новой битвѣ.

Наполеонъ подарилъ пруссакамъ первую половину сутокъ; Груши, поздно получивъ порученіе преслѣдовать пруссаковъ, далъ имъ воспользоваться другою половиною.

Послѣ битвъ при Линьи и Катръ-Бра, Веллингтонъ и Блюхеръ продолжали имѣть въ виду прежнюю цѣль—соединиться по возможности скорѣе противъ Наполеона и прикрывать взаимно Брюссель.

Потому прусскій генераль и отступилъ къ Вавру; отступление прусской арміи влекло за собою одновременное и подобное же отступление англо-голландцевъ.

Блюхеръ поспѣшилъ увѣдомить союзника, но въ попыткахъ сдѣлать важное упущеніе. Ушибенный и страдавшій отъ вчерашняго паденія, чуть не ставшаго для него роковымъ, онъ не виноватъ въ томъ и вся вина падаетъ на начальника главнаго штаба Гнейзенау, человѣка впрочемъ очень дѣятельнаго и осмотрительнаго.

Порученіе первостепенной важности было поручено не 3 или 4 офицерамъ, а только одному, поручику Винтерфельду. По дорогѣ онъ былъ смертельно раненъ французскимъ разѣздомъ, чуть не попался въ плѣнъ и не довезъ депеши ¹⁴⁾.

Пока Наполеонъ почивалъ еще въ Флерусѣ, Веллингтонъ выѣхалъ верхомъ изъ своей главной квартиры въ Женаппѣ и поскакалъ къ Катръ-Бра. Все показывало, что Ней не тро-

---

¹⁴⁾ Прусскіе историки не называютъ фамиліи офицера. Мы узнали ее отъ ветерана войны 1815 года. извѣстнаго военнаго писателя, генерала Гоффмана, который недавно умеръ.

гался никуда съ вечера — изъ этого можно было заключить, что Блюхеръ потерпѣлъ неудачу противъ Наполеона, въ противномъ случаѣ Ней былъ бы вынужденъ убраться.

Вѣроятное пораженіе Блюхера подвергало англо-голландскую армію опасности быть атакованною съ фронта и лѣваго фланга—слѣдовало отступить.

Всякая минута была дорога; чтобы узнать скорѣе, что произошло наканунѣ и въ ночь, Веллингтонъ немедленно отправилъ на рекогносцировку къ Бри своего адъютанта подполковника Гордона съ гусарскимъ прикрытіемъ. Гордонъ открылъ французскіе ведеты за Марбе по намюрской дорогѣ и обратился влѣво. Крестьянинъ навелъ его на слѣды отступавшей прусской арміи и проводилъ до д. Тилли, гдѣ Цитенъ сообщилъ Гордону про общее отступленіе пруссаковъ къ Вавру.

Въ 7 или 8 часовъ утра Гордонъ привезъ это важное извѣстіе въ Катръ-Бра въ одно время съ поручикомъ Масовымъ, пріѣхавшимъ туда прямо отъ Блюхера. Старый фельд-маршалъ увѣдомлялъ о своемъ вчерашнемъ пораженіи, и ругался что армія его будетъ готова къ новому сраженію, лишь только раздадутъ ей провіантъ и патроны ¹⁵⁾.

Вслѣдствіе полученныхъ сообщеній, Веллингтонъ рѣшился отступить на Брюссель; и отправилъ назадъ поручика Масова къ Блюхеру съ извѣщеніемъ: что завтра онъ приметъ битву впереди Суаньскаго лѣса на Монъ-Сень-Жанской позиціи, если только можетъ разсчитывать на содѣйствіе двухъ прусскихъ корпусовъ.

Англо-голландская армія была разбросана въ четырехъ массахъ:

45,000 человекъ были у Катръ-Бра, 21,000 у Нивеля, 6,000 въ Бренъ-ле-Контъ, 10,000 подъ начальствомъ принца

---

¹⁵⁾ «Geschichte des Feldzugs der englisch-hannoverisch-niederländisch-braunschweigischen Armée, unter Herzog Wellington und der preussischen Armée, im Jahre 1815». Stuttgart und Tübingen 1817.

Названное сочиненіе, какъ извѣстно, принадлежитъ прусскому генералъ-маіору Мюфлингу.

Фридриха Нидерландскаго въ Англенѣ, а остальные силы арміи по брюссельской дорогѣ между Катръ-Бра и столицею. Веллингтонъ продолжалъ упорно биться за свой правый флангъ.

Войскамъ, бывшимъ у Нивеля, приказано двинуться въ 10 часовъ утра по шоссе къ Монъ-Сенъ-Жану, отдѣливъ кавалерійскую бригаду д'Эсторфа къ Галю; войскамъ въ Бренъ-ле-Контъ оставаться на мѣстѣ до особаго распоряженія, а принцу Фридриху Нидерландскому перейти въ Галь ¹⁶⁾. Часть же арміи, собранная у Катръ-Бра, должна была начать отступление въ 10 часовъ утра ¹⁷⁾.

Отступление къ Монъ-Сенъ-Жану началось въ назначенное время. Чтобы скрыть его, на позиціи сначала оставалась дивизія Альтена и 4 или 5, большею частью брауншвейгскихъ, баталіоновъ; потомъ въ полдень пѣхоту убрали и противъ французовъ осталась кавалерія д'Уксбриджа, выстроенная въ двѣ линіи позади намюрскаго шоссе. Веллингтонъ былъ при ней.

Все это время Ней оставался въ бездѣйствіи.

До 10 часовъ утра къ нему вѣроятно пришла депеша изъ Флеруса, извѣщавшая о побѣдѣ при Линьи и предписывавшая ему атаковать непріятеля, если только противъ него находится одинъ непріятельскій арріергардъ, и занять позицію за Катръ-Бра.

Въ это время на позиціи оставался не арріергардъ, а цѣлая половина англійской арміи.

Та же депеша предписывала извѣстить императора, если англійская армія остается у Катръ-Бра, и тогда императоръ двинется на нее.

По всей вѣроятности, маршалъ видя, что непріятель не атакуетъ, выжидалъ только, когда покажутся по намюрской дорогѣ силы, обѣщанныя Наполеономъ, чтобы двинуться впередъ.

---

¹⁶⁾ «The dispatches».

¹⁷⁾ Донесеніе герцога Веллингтона графу Батурсту.

Подобное выжиданіе было предписано свыше, дѣломъ первой важности было не встревожить Веллингтона.

Оставаясь на позиціи до прихода Наполеона, англійскій полководецъ, атакованный съ фронта и фланга, погубилъ бы свою армію.

Завидѣвъ по намюрскому шоссе передовые разѣзды французовъ, уже по отступленіи непріятельской пѣхоты, Ней выдвинулъ свою кавалерію. Ординарцы, прибывшіе отъ Наполеона, передали корпусу д'Эрлона, стоявшему въ 1-й линіи, приказаніе наступать. На лѣвомъ флангѣ Веллингтона началась перестрѣлка между гусарскими фланкерами — нашими и непріятельскими; но она была завязана съ цѣлью скрыть отступление пѣхоты арріергарда. Уксбриджъ тотчасъ же получилъ приказаніе податься назадъ и свернулъ кавалерію въ 3 колонны. Средняя состояла изъ двухъ бригадъ тяжелой кавалеріи (*guards and heavy dragoons*) и двухъ легкихъ полковъ; она направилась по брюссельскому шоссе къ переправѣ чрезъ Диль у Женаппа; остальныя двѣ колонны двинулись — одна къ мосту Ти (*Thu*), другая къ броду выше Женаппа.

Корпусъ д'Эрлона, прибывъ къ Катръ-Бра, столкнулся съ головною частью колонны, наступавшей изъ Линьи.

Въ два часа по-полудни дождь разразился ливнемъ.

Наполеонъ проѣхалъ до Катръ-Бра въ каретѣ.

Здѣсь онъ сѣлъ на лошадь и приказалъ Сюберви, Домону и Мильго начать преслѣдованіе англійской кавалеріи; д'Эрлону поддерживать наступленіе кавалеріи; Лобау, гвардіи и Келлерману идти за нимъ, а Рейлю составить арріергардъ.

Уксбриджъ отступалъ, уклоняясь отъ дѣла; но при выходѣ изъ Женаппа, пока его боковыя колонны переправлялись чрезъ Диль, занялъ позицію на высотахъ; и когда наша конница начала дебушировать изъ дефиле, образованнаго длинною улицею селенія, онъ двинулъ на нее въ атаку гусаръ; но они были опрокинуты нашими уланами. Уксбриджъ бросился тогда на уланъ съ гвардейскимъ и легкимъ полками и вогналъ ихъ въ Женаппъ.

Послѣ этой удачи Уксбриджъ продолжалъ отступленіе, обмѣниваясь съ нами пушечными выстрѣлами.

Дождь лить все сильнѣе, движеніе по размокшей почвѣ стало затруднительно; пѣхота тащилась съ трудомъ и въ разстройствѣ.

Въ 6^{1/2} часовъ по-полудни ¹⁸⁾ Сюберви, Домонъ и Мильго достигли высотъ передъ трактиромъ Бель-Алліансъ; на 3 километра (2 вер. 400 саж.) отъ него отстоялъ выселокъ Монъ-Сень-Жанъ.

Туманъ не позволялъ различать вдали — однако за англійскою кавалеріею замѣтна была пѣхота.

Наполеонъ, ѣхавшій при корпусѣ Мильго, приказалъ ему развернуться подъ покровительствомъ 4-хъ батарей и сдѣлать ложную атаку — 50 или 60 непріятельскихъ орудій было демаскировано. Наполеонъ убѣдился въ присутствіи всей англо-голландской арміи.

Онъ говоритъ что продлился день еще два часа, онъ могъ бы ее атаковать. Что тутъ пенять на 2 часа, когда утромъ потеряли пѣлыхъ 8 часовъ!

Даже 2-хъ часовъ было мало. Пѣхота запоздала за дождемъ и грязью и отстала, д'Эрлонъ и Лобау поравнялись только къ 8 часамъ съ Планшенуа.

Арміи приказано стать биваками, и только въ глухую ночь войска расположились на позиціи.

Множество пѣхотинцевъ долго еще подтигивались къ своимъ частямъ.

Въ первой линіи, между сел. Планшенуа и замкомъ Мон-плезиромъ, стали направо 1-й корпусъ, налѣво 6-й корпусъ.

Во второй линіи была гвардія и резервная кавалерія. Корпусъ Рейля остановился въ Женапѣ и съ разсвѣтомъ двинулся на присоединеніе къ арміи.

Наполеонъ перенесъ свою главную квартиру въ ферму Калью (Caillon), на брюссельскомъ шоссе, смѣжную съ выселкомъ Мезонъ-де-Руа.

---

¹⁸⁾ «Campagne de 1815». — l'урго.

Главная квартира Веллингтона находилась въ Ватерлоо, въ 16 километрахъ (около 15 верстъ) отъ столицы Бельгіи. Армія его занимала позицію на лѣе впереди у Монъ-Сень-Жана. Позиція, какъ очень удобная для защиты Брюсселя, была избрана еще въ прошломъ году ¹⁹⁾ и нѣсколько недѣль тому назадъ была тщательно осмотрѣна. Здѣсь Веллингтонъ рѣшился принять битву, если Блюхеръ исполнить требованіе отправленное къ нему утромъ, т. е. поможетъ двумя корпусами.

Отвѣтъ пришелъ въ Ватерлоо и былъ достоинъ Блюхера: „я двину къ вамъ не два корпуса, а всю мою армію; и если непріятель не атакуетъ васъ 18-го, мы сами его атакуемъ 19-го числа“ ²⁰⁾.

Какая удивительная вѣра въ себя послѣ понесеннаго пораженія! какая энергія въ 70-ти лѣтнемъ старикѣ, еще не оправившемся отъ несчастія, чуть не стоившаго ему жизни! только необыкновенною дѣятельностью и отважною рѣшимостию можно добиться упорно недающей побѣды.

Веллингтонъ просилъ принца Фридриха Нидерландскаго держаться въ Галѣ сколько хватитъ силъ, а генералу Кольвилю, ожидавшему приказаній, приказалъ отправиться съ разсвѣтомъ изъ Бренъ-ле-Конта съ 2-мя бригадами своей дивизіи на присоединеніе къ принцу и поступить подъ его начальство.

Галъ лежитъ на шоссе, которое проходитъ изъ Монса въ Брюссель чрезъ Бренъ-ле-Контъ — разстояніе по прямой линіи между Монъ-Сень-Жаномъ и Галемъ 3 лѣе.

Англійскій главнокомандующій все еще боялся за свое правое крыло.

Сюзники съ пользою употребили цѣлый день 17-го іюня. Блюхеръ безъ выстрѣла сосредоточилъ всю армію къ Вавру, и далъ ей отдыхъ — войска оправились, подтянули отсталыхъ,

---

¹⁹⁾ Меморандумъ о защитѣ Нидерландовъ, представленный лорду Батурсту. («The dispatches»).

²⁰⁾ «Geschichte des Feldzugs» et cet. — Мюфлинга.

сдѣлали новый расчетъ въ частяхъ, пострадавшихъ въ дѣлѣ, и запаслись припасами.

Веллингтонъ, послѣ пустой кавалерійской стычки, успѣлъ занять съ большою частью своей арміи (отъ него зависѣло собрать ее всю) извѣстную и заранѣе выбранную позицію и вошелъ на одну высоту съ прусскою арміею, на разстояніи отъ нея по прямой линіи въ 3¹/₂ лье. Блюхеръ увѣрилъ его, что подоспѣетъ во-время не смотря на грязь.

Наканунѣ оба главнокомандующіе были еще ближе одинъ отъ другого и прекрасное шоссе служило сообщеніемъ; но за то Ней былъ также недалеко отъ Наполеона и стоялъ непосредственно противъ англичанъ, въ то время какъ императоръ былъ противъ пруссаковъ.

Напротивъ теперь французская армія была разбита на двѣ отдѣльныя массы, отстоявшія одна отъ другой болѣе чѣмъ на 5 лье по прямой линіи, Груши даже не зналъ куда ушелъ Блюхеръ и отсталъ отъ него на цѣлый переходъ.

Результаты побѣды при Линьи не только не стали значительнѣе, но даже видимо уменьшились. Нерѣшительность и промедленіе Наполеона были тому причиною.

Дѣйствія Наполеона въ первую половину дня 17 іюня въ такой степени непростительно дурны, что даже многіе изъ его поклонниковъ съ усиліемъ рѣшаются сказать что нибудь въ ихъ оправданіе. Однако самъ Наполеонъ отважился выгородить себя совершенно, сваливъ все на Нея и Груши. Для достиженія своей цѣли, онъ систематически выдумалъ цѣлый рядъ фактовъ.

Вина Нея велика, но за то она и единственная. Онъ не далъ во-время знать объ исходѣ сраженія при Катръ-Бра.

Груши тоже грубо промахнулся, послѣдовавъ примѣру Наполеона и не обрекогносцировавъ дорогу отъ Линьи на Вавръ черезъ Монъ-Сенъ-Гиберъ.

Вотъ ошибки маршаловъ — теперь очередь ошибкамъ главнокомандующаго.

Наполеонъ долженъ былъ немедленно извѣстить Нея о побѣдѣ при Линьи и поправить оплошность маршала, отпразднать

разузнать во Франъ о томъ, что ему забыли сообщить; но онъ ничего не сдѣлалъ. Между двумя главными квартирами, отстоявшими менѣе чѣмъ 3 лье одна отъ другой, за всю ночь и порядочную часть утра не было никакихъ сношеній.

Иные увѣряютъ что всему виноватъ начальникъ главнаго штаба маршалъ Сультъ, человекъ прошедшій огонь и воду, но въ короткую кампанію 1815 года оказавшійся ниже своей прежней военной репутаціи.

Справедливо, но это не оправдываетъ главнокомандующаго. Дѣло его приказывать и наблюдать за исполненіемъ своихъ приказаній.

Наполеонъ долженъ былъ ночью разослать шпионовъ, а съ разсвѣтомъ сильныя рекогносцирующіе отряды по всѣмъ направленіямъ, куда пруссаки могли отступить, особенно же по тѣмъ, которые вели на операціонную линію англо-голландцевъ; но онъ сдѣлалъ грубую ошибку обрекогносцировавъ только дорогу на Намюръ.

Мемуары такъ стараются оправдать сдѣланную ошибку: „На разсвѣтъ 17-го, генералъ Пажоль съ кавалерійскою дивизіею изъ своего корпуса и дивизіею Теста двинулся преслѣдовать пруссаковъ по направленію къ Вавру, по дорогамъ чрезъ Тилли и Жемблу ²¹⁾“. На самомъ дѣлѣ Пажоль и Тестъ пошли по намюрскому шоссе ²²⁾, гдѣ захватили батарею и нѣсколько обозныхъ фуръ.

Обрекогносцировавъ съ разсвѣтомъ нашли бы безъ труда прусскую армію --- съ одной стороны послѣдніе баталіоны очищали Бри, а съ другой Сомбрефъ былъ только что покинутъ. По размокшей вечернимъ ливнемъ землѣ и по измятой жатвѣ легко было наткнуться на слѣды отступавшей арміи.

Получи Наполеонъ въ это время донесеніе изъ Катръ-Бра, и поскачи самъ въ Линьи, онъ собственными глазами увидалъ

²¹⁾ «Mémoires», t. IX.

²²⁾ «Прусская армія разбита. Генералъ Пажоль преслѣдуетъ ее на Лютихъ и Намюръ.» (Вышеприведенное нами письмо начальника главнаго штаба къ Нею изъ Флеруса, въ восемь часовъ утра).

Письмо Пажоля къ Груши также доказываетъ, что генералъ этотъ не шелъ вовсе къ Вавру.

бы куда уходили пруссаки и тотчасъ же рѣшился бы на одну изъ слѣдующихъ мѣръ: или идти со всѣми силами за непріателемъ, или послать за нимъ легкую кавалерію съ 2-мя или 3-мя пѣхотными дивизіями, а самому идти съ большею частью силъ на Катръ-Бра.

Въ первомъ случаѣ, Блюхеръ былъ-бы достигнуть въ то время, какъ его армія была еще въ разстройствѣ безъ патроновъ и зарядовъ, и не избѣжалъ бы полного пораженія; во второмъ, Блюхеру нанесенъ былъ бы значительный уронъ, а Веллингтонъ, разобщенный съ союзникомъ, былъ бы раздавленъ натискомъ Нея и Наполеона.

Императоръ ничего не узналъ про Катръ-Бра, лѣниво и въ колебаніи провелъ утро до 8 или 9 часовъ во Флерусѣ, выѣхалъ чтобы сдѣлать продолжительный и бесполезный смотръ, и далъ пройти цѣлой половиной дня ни на-что не рѣшившись. Наполеонъ въ своихъ мемуарахъ увѣряетъ, что Нею было приказано наступать съ разсвѣтомъ къ Катръ-Бра и произвести сильное нападеніе на англійскій арріергардъ, прибавляя слѣдующую подробность: „герцогъ Веллингтонъ поздно ночью узналъ про пораженіе при Линьи и тотчасъ же приказалъ отступать на Брюссель, оставивъ въ арріергардѣ генерала Уксбриджа съ корпусомъ кавалеріи и легкою артиллерією.

Все это чистѣйшій вымыселъ.

Ней не получалъ приказанія напасть съ разсвѣтомъ на англійскій арріергардъ, потому что иначе узналъ бы отъ ординарца про побѣду при Линьи; это извѣстіе оставалось для него тайною въ то время какъ адъютантъ Флаго возвращался изъ Франа обратно къ Наполеону во Флерусъ ²³⁾.

Самый приказъ не могъ быть посланъ Нею, потому что Наполеонъ не зналъ до самаго прибытія Флаго, подробностей дѣла при Катръ-Бра, относительнаго положенія Нея и Веллингтона и въ состояніи ли Ней атаковать. Наконецъ

---

²³⁾ «... Генераль Флаго, только что вернувшійся, передалъ, что намъ еще неизвѣстны результаты вчерашняго дня.» (Депеша начальника главнаго штаба, которую мы привели выше).

откуда Наполеонъ узналъ о отступленіи Веллингтона и томъ, что у Катръ-Бра остается лишь арріергардъ англійской кавалеріи, когда Веллингтонъ получилъ извѣстіе о пораженіи Блюхера въ 7 или 8 часовъ утра и началъ отступать только около 10 часовъ?

Выше мы рассказали какъ происходило дѣло *de facto*— первая денеша, отправленная къ Нею послѣ битвы при Линьи, была написана по возвращеніи Флаго въ 8 часовъ утра, когда Наполеонъ ѣхалъ на мельницу Бри. Содержаніе ея мы привели. Въ ней предписывалось Нею занять позицію у Катръ-Бра, атаковать непріятеля, если остается одинъ арріергардъ ²⁴⁾, въ противномъ случаѣ требовать помощи.

Не арріергардъ, а цѣлая половина англійской арміи была на позиціи.

Ней обратился конечно къ Наполеону за помощью; ждалъ долго—до 2-хъ часовъ по-полудни, и чистъ отъ всякаго взвѣсимаго на него упрека. Онъ не долженъ былъ начинать боя, пока не узнаетъ про исходъ сраженія у Линьи; узнавъ же, Ней обязанъ былъ не двигаться пока не совершится концентрическое движеніе Наполеона чрезъ Марбе.

Движеніе это, предпринятое своевременно, погубило бы Веллингтона.

Мы не возражаемъ на то, что Ней поступилъ бы рачіонально если бы началъ наступленіе, когда выяснилось отступленіе англо-голландцевъ; но результатъ былъ бы тотъ, что наша армія нѣсколько раньше приходила на высоты за Мезонъ-де-Руа, а непріятель потерялъ бы 2 или 3 т. вмѣсто 200 или 300, какъ это случилось при преслѣдованіи Наполеона, т. е. результаты бы мало измѣнились, и время начинать сраженіе было упущено.

Возможность, нанести рѣшительный ударъ англо-голландской арміи утромъ, не представилась вторично вечеромъ.

Оправдываясь въ невозможномъ для оправданія, Наполеонъ

---

²⁴⁾ Вторичное доказательство того, что Наполеонъ не зналъ какія силы остаются у англичанъ при Катръ-Бра.

заклеймилъ также репутацію Груши. Въ своихъ мемуарахъ сначала онъ ведетъ разсказъ такимъ образомъ, будто Груши двинулся изъ Линьи съ разсвѣтомъ, потомъ говорить:

„Маршалъ преслѣдовалъ Блюхера по дорогамъ на Монъ-Сень-Гиберь и Жемблу; но, повѣривъ донесеніямъ, что главныя силы пруссаковъ отступили чрезъ Жемблу, онъ двинулся съ большею частью войскъ на послѣдній пунктъ. Прибывъ туда въ 4 часа по-полудни, маршалъ узналъ, что корпусъ Бюлова былъ здѣсь ночью, и отправилъ рекогносцировки по направленію къ Вавру и Лютиху за двумя отступившими арріергардами. Затѣмъ Груши занялъ позицію, хотя и прошелъ всего 2 лье ²⁵⁾. Вечеромъ пришли къ нему точныя извѣстія, что главныя непріятельскія силы направились къ Вавру. Было 6 часовъ вечера, солдаты ужинали и маршалъ разсудилъ, что поспѣетъ завтра догнать пруссаковъ, которые однако отделились уже отъ него на 3 лье ²⁶⁾“.

Подобный разсказъ, обвиняя во всемъ Груши, искусно оправдываетъ бездѣйствіе Наполеона за первую половину дня, вслѣдствіе чего упустили пруссаковъ; но онъ не выдерживаетъ критики.

Груши только послѣ полудня получилъ командованіе и двинулся не для преслѣдованія, но для розысканія пруссаковъ; два эти опредѣленія совсѣмъ не одно и тоже. Два пѣхотныхъ корпуса двинулись изъ С.-Аманда и Линьи только въ 2 или 3 часа по-полудни ²⁷⁾, вслѣдствіе изложенныхъ нами причинъ, и не по винѣ Груши.

---

²⁵⁾ Отъ Линьи до Жемблу, по прямому направленію 10 километровъ, по дорогѣ же болѣе 12 километровъ.

²⁶⁾ «4-й корпусъ въ 12½ часовъ получилъ приказаніе идти на Жемблу вслѣдъ за 3-мъ корпусомъ. Генераль Гюло, начальникъ головнаго эшелона, долженъ былъ выждать, пока лѣвое крыло Вандамма очистить дорогу для движенія, такъ что двинулся только въ три часа, слѣдуя непосредственно за 3-мъ корпусомъ. («Quelques documents» et set.—Генерала Жерара).

²⁷⁾ «Г. Маршалъ извольте идти къ Жемблу съ корпусомъ. Паполя (слѣдуетъ перечисленіе войскъ, поступившихъ подъ начальство Груши)». Письмо генерала Бертрана, диктованное Наполеономъ.

На Монъ-Сенъ-Гиберъ не шла никакая колонна, и здѣсь Груши промахнулся подобно Наполеону.

Груши двинулъ почти всѣ свои войска къ Жемблу, не вслѣдствіе полученныхъ донесеній, что прусская армія отступила по этому направленію, но потому что имѣлъ на то положительное и письменное приказаніе Наполеона.

Прибылъ онъ на мѣсто не въ 4 часа по-полудни, а въ 9½, и вовсе не узнавалъ про прибытіе ночью корпуса Бюлова въ Жемблу, потому что этотъ корпусъ остановился у Нижняго Бодессе.

Маршалъ Груши дѣйствительно отправилъ на рекогносцировку путей къ Вавру (черезъ Саръ-ле-Валенъ) и Люттиху. Наполеонъ ему предписывалъ ²⁸⁾ рекогносцировать дороги на Мاستрихтъ (выѣстъ и на Люттихъ) и на Намюръ; но къ сожалѣнію отряды были посланы не до 6 часовъ вечера, какъ говорятъ мемуары, а только въ ночь ²⁹⁾.

Груши не получалъ вѣрныхъ извѣстій о томъ, что главныя непріятельскія силы отступили къ Вавру; въ 10 часовъ вечера онъ отправляетъ донесеніе Наполеону, гдѣ высказываетъ свое недоумѣніе на счетъ того, куда дѣлась прусская армія ³⁰⁾.

Груши не останавливался на позиціи въ 6 часовъ по-полудни, а солдаты его не ужинали въ это время; войска прибыли къ Жемблу въ 10 часу вечера, подвигаясь сколько хватало силъ по ужаснымъ дорогамъ и въ ливни лившій дождь ³¹⁾. Замѣтимъ здѣсь кстати, что пѣхота шла скорѣе у Груши чѣмъ Наполеоновская отъ Катръ-Бра къ Планшенуа или корпусъ Тильмана къ Вавру.

Наконецъ непріятель не выигралъ передъ Груши 3-хъ лье пространства, напротивъ Груши выигралъ передъ нимъ переходъ отъ Линьи къ Жемблу.

²⁸⁾ «Вы обрекогносцируете дороги на Намюръ и Мастрихтъ.» (Инструкція Бертрана).

²⁹⁾ Генералу Эксельману приказано ночью отправить 6 эскадроновъ на Саръ-ле-Валенъ, а 3 эскадрона на Первезъ. (Депеша Груши къ Наполеону изъ Жемблу, въ 10 часовъ вечера).

³⁰⁾ «Quelques documents» et cet.—Генерала Жерара.

Такова достовѣрность мемуаровъ, диктованныхъ Наполеономъ; однако они послужили матеріаломъ для всѣхъ почти французскихъ описаній кампаніи 1815 года.

Мы вдались снова въ мельчайшія подробности относительно времени, отданныхъ приказаній и движеній; но онѣ необходимы чтобы возстановить правдивый разсказъ о событіяхъ 17 іюня ³²). Сдѣланныя въ этотъ день ошибки оказали громадное вліяніе на битву, которая разыгралась на слѣдующій день и рѣшила судьбу кампаніи, Наполеона и Франціи.

---

³²) См. приложение XI въ опроверженіе положеній г. Тьера.

ГЛАВА XII.

В а т е р л о о (18 июня).

Наступила темная ночь, рѣдкая молнія бороздила небо, густо нависшее тучами; слышались отдаленные раскаты грома, дождь не переставалъ и продолжалъ лить какъ изъ ведра.

Наполеонъ сѣлъ на лошадь, и, въ сопровожденіи Вертрана, отправился въ часъ по-полуночи на возвышенность, прорѣзываемую брюссельскимъ шоссе у фермы Россомъ. Линія огней окаймляла горизонтъ отъ Бренъ-ла-Де до Фришмона. То были биваки англо-голландской арміи.

Вчерашній маршъ не былъ продолжителенъ для непріятельскихъ войскъ. Люди пришли рано на позицію, во-время воспользовались сосѣдствомъ лѣса и нанесли дровъ на костры, чтобы защититься отъ непогоды.

Рѣдкіе огни мерцали вдоль линіи французскихъ биваковъ. Солдаты не имѣли тѣхъ удобствъ, какія выпали на долю непріятели, и нетерпѣливо ждали конца бурной ночи.

Казалось непріятель не трогался.

Въ случаѣ отступленія Наполеонъ думалъ идти за нимъ и, не смотря на темноту, завязать дѣло; такъ говоритъ онъ въ запискахъ; но трудно вѣрить ему послѣ ночнаго бездѣйствія, послѣдовавшаго за побѣдою надъ Блюхеромъ.

Видно что подобныя усилія были уже ему не по силамъ.

Наполеонъ возвратился въ главную квартиру, гдѣ скоро убѣдился въ своемъ предположеніи, которое было выведено по количеству разложенныхъ бивачныхъ огней. Донесенія шпіо-

новъ, аванпостовъ и двухъ дезертировъ подтвердили что англо-голландская армія остается на позиціи.

Наполеонъ былъ очень доволенъ полученными извѣстіями, но все боялся, что утро разочаруетъ его. Съ разсвѣтомъ онъ могъ убѣдиться собственными глазами, что Веллингтонъ ждетъ боя.

Не смотря на свою медленность и нерѣшительность послѣ побѣды надъ пруссаками, Наполеонъ видѣлъ возможность отдѣльно разбить англичанъ. Когда то, въ „Монитеръ“, онъ выразился про Веллингтона, что онъ „невѣжествененъ, безразсуденъ, съ претензіями на военное дарованіе и навѣрное погубить армію,“ и видѣлъ осуществленіе неосновательнаго пророчества.

При этомъ онъ сказалъ генераламъ: „изъ ста шансовъ выиграть сраженіе, мы имѣемъ девяносто въ нашу пользу.“ Это убѣжденіе было выражено впоследствии въ мемуарахъ и мы не сомнѣваемся въ подлинности его словъ.

Веллингтонъ надѣлся на силу заранѣе выбранной и знакомой позиціи, на мужество войскъ и стойкость своихъ прежнихъ пиринейскихъ сослуживцевъ, на общаніе Блюхера, и рассчитывалъ на удачный исходъ сраженія, которое было возможно избѣжать. Онъ писалъ къ сэру Карлу Стюарту въ Брюссель: „Пруссаки готовы снова идти въ бой, утромъ—все разрѣшится къ лучшему“ (all will turn out well), а герцогу Беррійскому „я не только надѣюсь; но имѣю полное основаніе думать, что все окончится къ лучшему“ ¹⁾.

Получивъ извѣстіе, отправленное въ ночь, что англо-голландская армія отступила на позицію при Монъ-Сень-Жанъ, Блюхеръ отвѣчалъ—что съ разсвѣтомъ двинетъ туда большую часть своихъ силъ; остальные же силы не замедлятъ двинуться за ними. Отвѣтъ этотъ подтверждалъ общаніе, данное наканунѣ, и былъ доставленъ Веллингтону въ то время, какъ онъ высказывалъ такую увѣренность въ письмахъ.

---

¹⁾ Эти два письма помѣчены: «изъ Ватерлоо, 18 іюня въ три часа утра»; письмо къ герцогу Беррійскому написано по-французски. («The dispatches», t. XII.

Въ 6 часовъ утра дождь пересталъ, но небо не прояснялось. Англо-голландская армія начала строиться въ боевой порядокъ.

Если идти отъ фермы Калью, гдѣ была главная квартира Наполеона, по шоссе къ столицѣ, то встрѣчаются три ряда холмистыхъ возвышенностей одинаково направляющихся съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Брюссельское шоссе перерѣзываетъ гребни этихъ грядъ сначала у фермы Россомъ, потомъ у трактира Бель-Алліансъ и наконецъ въ разстояніи отъ 150 до 200 метровъ за фермою Ла-Ге-Сентъ. Послѣдній гребень возвышеній составляетъ южную грань обширной возвышенности, которая простирается къ западу за выселокъ Мербъ-Бренъ, расположенный въ долинѣ; къ востоку до Огена; къ сѣверу до выселка Монъ-Сентъ-Жана, откуда мѣстность спускается слабою покатостью къ деревнѣ Ватерлоо. Ватерлоо лежитъ въ Суанскомъ лѣсу на разстояніи 1 лье отъ Ла-Ге-Сента ²⁾).

Возвышенность носить названіе Монъ-Сентъ-Жанскаго плато; въ 500 или 600 метрахъ къ западу отъ Ла-Ге-Сента, отъ плато отдѣляется отрогъ, кончающійся пологимъ скатомъ вблизи брюссельскаго шоссе и трактира Бель-Алліансъ. Водораздѣлъ бассейна Санны и Дили идетъ по этому отрогу — отъ отрога начинаются двѣ лощины: одна тянется къ юго-западу позади замка Гумона и впадаетъ въ Мербъ-Бренскую долину; другая на юго-востокъ огибая подошвы Ла-Ге-Сента, фермы Папелотъ, Ла-Ге и выселка Смогенъ. Лощины траншеею идутъ вдоль Монъ-Сентъ-Жанскаго плато, а упомянутый нами отрогъ пересѣкаетъ ихъ какъ траверсъ. Скаты плато къ югу и сѣверу вообще удобовосходимы даже для артиллеріи — но у Ла-Ге-Сента спускъ на протяженіи 500 или 600 метровъ (около полу-версты) довольно крутъ. Ферма лежитъ на самомъ шоссе.

---

²⁾ Съ 1815 года часть, окружающая д. Ватерлоо, лѣса вырублена, такъ что теперь остался лѣсъ только къ западу отъ брюссельскаго шоссе, на востокъ же, гдѣ онъ росъ вплоть до Вербъ-Куку, онъ снесенъ на цѣлыхъ три четверти лье къ сѣверу.

На 1500 метровъ къ западу (менѣе $1\frac{1}{2}$ версты) отъ брусельскаго шоссе, лежитъ замокъ Гумонъ, возвышающійся на вершинѣ ската, идущаго внизъ въ лощину; лѣвѣе замка въ 350 метрахъ проходитъ нивельское шоссе; оно идетъ по насыпи чрезъ Мербъ-Бренскую долину и соединяется съ большою дорогою изъ Шарлеруа въ Брюссель у Монъ-Сень-Жана.

Къ востоку отъ Ла-Ге-Сента лежатъ въ 1400 или 1500 метрахъ (менѣе $1\frac{1}{2}$ версты) фермы Пепелотъ и Ла-Ге, а въ 2000 метрахъ выселокъ Смогенъ. Лощина у Ла-Ге суживается и становится рывиною; отсюда изъ болотистаго мѣста вытекаетъ ручей, обтекающій Огенъ и вливающійся въ ручей Ланъ, который впадаетъ въ Диль.

Въ 300 метрахъ на югъ отъ Смогена выстроенъ замокъ Фришмонъ, на гребнѣ спуска къ лощинѣ.

Такова была позиція, на которой Веллингтонъ рѣшился выдержать напоръ Наполеона. Она представляла возвышенность полого спускающуюся къ югу. Спускъ удобно обстрѣливается настильными выстрѣлами; а подступы къ ней защищены были подобно ряду передовыхъ построекъ Гумономъ, Ла-Ге-Сентъ, Пепелотъ, Ла-Ге, Смогеномъ и Фришмономъ. Отъ Огена въ Бренъ-ла-Ле идетъ проселочная дорога, она тянется по южному гребню плато до высоты замка Гумона, пересѣкаетъ брусельское шоссе на 200 метровъ сѣвернѣе Ла-Ге-Сента, и проложена по естественному грунту; мѣстами крѣпкая изгородь огораживаетъ дорогу съ обѣихъ сторонъ ³⁾. По правую руку шоссе, дорога на протяженіи 600 метровъ углублена на 2 метра, представляя такимъ образомъ траншею, а по лѣвую руку выходитъ на мѣстный уровень ⁴⁾.

Проселочная дорога почти опредѣляла фронтъ позиціи. Лѣвое крыло англо-голландской арміи стало между Ла-Ге и брусельскимъ шоссе сильно баррикадированнымъ.

---

³⁾ Этихъ изгородей не осталось.

⁴⁾ Сохранилась лишь сѣверная насыпь дороги; южная скрыта для насыпки холма подъ памятникъ — на коемъ лежитъ дѣвъ, а на цоколѣ выстѣчена лаконическая надпись: «18 июня 1815 г.».

Въ 1 и 2 линіи стали дивизіи Пиктона, Перпончера и одна бригада дивизіи Коля. Пѣхота Перпончера заняла Папелотъ, Ла-Ге, Смогенъ, Фришмонъ и дороги, тянущіяся отъ этихъ пунктовъ на плато.

Двѣ англійскія кавалерійскія бригады разсыпали фланкеры, отрядивъ часть къ Огену.

Центръ прикрывалъ пространство между брюссельскою и нивельскою дорогами. Онъ состоялъ изъ дивизій Альтена, Кука (англійская гвардія) и бригады фонъ-Крузе (нассаускій контингентъ).

Ла-Ге-Сентъ и Гумонъ были заняты частями войскъ, отряженными отъ центра, и однимъ баталіономъ дивизіи Перпончера. Правое крыло образовалось изъ дивизій Клинтонъ, Шассе и бригады Митчеля (дивизіи Кольвилля). Последняя, примкнувъ лѣвый флангъ къ баррикадированной нивельской дорогѣ, стала на продолженіи линіи центра. Дивизія Клинтонъ стала въ колоннахъ за бригадою Митчеля въ Мербъ-Бренской долинь и выше оной, связавшись стрѣлковою цѣпью съ дивизіею Шассе, которая заняла на 1,500 метровъ къ западу большое селеніе Бренъ-ла-Ле, лежащее въ долинь, тянущейся подобно Мербъ-Бренской долинь также съ юга на сѣверъ.

Три бригады англійской кавалеріи расположились за правую стороною центра.

Въ резервъ стояли брауншвейгскія войска, расположенныя между Мербъ-Бреномъ и нивельскимъ шоссе, бригада Ламберта (дивизіи Коля) у Монъ-Сенъ-Жанской фермы, 6 батарей англійской конной артиллеріи, дивизія Колларта (голландско-бельгійская кавалерія) и двѣ бригады тяжелой англійской кавалеріи—Сомерсета (гвардія) и Понсонби, частью впереди фермы, частью по сторонамъ ея.

Пиктонъ начальствовалъ лѣвымъ крыломъ, принцъ Оранскій центромъ и Гилль правымъ крыломъ.

Не вся англо-голландская армія была собрана на позиціи. Мы видѣли, что принцъ Фридрихъ Нидерландскій занималъ Галь съ дивизіею Штедмана, индійскою бригадою и ганноверскою кавалеріею д'Эсторфа — на пути къ сему пункту нахо-

дѣлись двѣ бригады дивизіи Кольвиля, утромъ выступившія изъ Бренъ-Ле-Конта, такъ что съ прибытіемъ ихъ должно было собраться у Галя около 17 т. человѣкъ.

Веллингтонъ не переставалъ совершенно неосновательно бояться за свой правый флангъ и обходъ къ Брюсселю ⁵⁾— вѣроятно онъ бы избѣжалъ подобной ошибки, если бы не считывалъ на помощь Блюхера.

Отдѣливъ довольно значительный отрядъ, онъ могъ вывести въ дѣло только 70 т. человѣкъ (въ томъ числѣ 13½ т. кавалеріи) съ 159 орудіями ⁶⁾.

⁵⁾ Эта боязнь положительно высказана въ письмѣ отъ 18 іюня въ три часа утра къ герцогу Беррійскому: «Погода ужасная, дороги почти непроходимыя; но непріятель можетъ насъ обойти на Галь, хотя я оставилъ корпусъ принца Фридриха Нидерландскаго между Галемъ и Ангеномъ. Въ такомъ случаѣ я буду просить Ваше Королевское Высочество и короля удалиться въ Антверпенъ, но не иначе, какъ узнавши навѣрное, что непріятель обошелъ меня со стороны Галя и занялъ Брюссель.

Численность англо-голландской арміи (всѣхъ родовъ оружія)	Всего.	Въ томъ числѣ кавалеріи.	Орудій.
14 іюня	95,503 чел.	16,016 чел.	186
(Ракетная батарея).			
Потеря 16 іюня	4,659 »	160 »	5
» 17 іюня	268 »	145 »	—
Въ отдѣленіи: 1½ кавалерійскихъ полка (2-й и 3-й гусарскіе германскаго легіона) на границѣ между Ипромъ и Турне	900 »	900 »	—
81-й линейный полкъ (дивизіи Коля) въ Брюсселѣ	401 »	— »	—
14-й баталіонъ голландской милиціи (дивизіи Штедмана) въ Уденардѣ . .	506 »	— »	—
Въ Галѣ: дивизія Штедмана съ нидійскою бригадою	9,814 »	— »	16
Двѣ бригады дивизіи Кольвиля (англійская Джонстона, ганноверская Ліона)	5,448 »	— »	6
Бригада д'Есторфа	1,380 »	1,380 »	—
Парки въ Брюсселѣ	1,860 »	— »	—
Итого . .	25,316 чел.	2,585 чел.	27

Затѣмъ у Монъ-Сень-Жана осталось 70,187 человѣкъ (13,432 человѣка кавалеріи) и 159 орудій.

Всѣ распоряженія Веллингтона были окончены къ 8 часамъ утра.

Французская армія была готова и ждала приказаній. Еще съ разсвѣтомъ отданъ былъ приказъ готовиться къ бою. Усталость и бессонная ночь, проведенная въ грязи подъ проливнымъ дождемъ, были забыты—армія рвалась въ дѣло.

„Въ 8 часовъ утра,“ рассказывается въ мемуарахъ на о. св. Елены, „артиллерійскіе офицеры, объѣхавъ мѣстность, доложили что артиллерія хотя съ трудомъ, но можетъ маневрировать и черезъ часъ почва будетъ не такъ вязка.“

Наполеонъ сѣлъ на коня и въѣхавъ на возвышенность у Бель-Алліанса увидѣлъ линіи непріятельскихъ войскъ, которыя уже наблюдалъ ночью.

Инженеръ генераль-лейтенанту Гаксо поручено подъѣхать ближе и разсмотрѣть не возведено-ли непріателемъ какихъ либо укрѣпленій; онъ вернулся скоро назадъ и доложилъ, что невидно никакихъ слѣдовъ укрѣпленій.

Наполеонъ подумалъ немного и продиктовалъ диспозицію къ битвѣ, адъютанты понесли съ нею къ разнымъ корпусамъ.

Армія двинулась впередъ 11-ю колоннами. Четыре изъ нихъ должны были стать въ 1-ю линію, четыре во 2-ю, а три въ третью.

Въ первой линіи были слѣдующія колонны: а) лѣвая—кавалерія 2 корпуса, вторая—три дивизіи 2 корпуса (Рейля), третья—четыре дивизіи 1-го корпуса (д'Эрлона), а правая кавалерія 1-го корпуса.

Во 2-й линіи: лѣвая колонна—кирасиры Келлермана, вторая—двѣ дивизіи 6-го корпуса, третья—двѣ легкихъ кавалерійскихъ дивизіи Домона и Сюберви, отдѣленные наканунѣ отъ корпусовъ Вандамма и Пажоля, правая—кирасиры Мильго.

Въ 3-й линіи: лѣвая колонна—дивизія гвардейскихъ конно-гренадеръ и драгунъ Гюйо, средняя—три дивизіи старой и молодой гвардіи Фріяна, Морана и Дюэма; правая—гвардейскіе конно-егеры и уланы Лефевра-Денуэта.

Артиллерія шла на флангъ, вторые зарядные ящики и госпитальныя повозки въ хвостъ колоннъ.

Въ 9 часовъ головы колоннъ 1-й линіи прибыли на позицію, гдѣ должны были развернуться.

Прочія колонны начали показываться на высотахъ: войска шли съ музыкою; любимыя пѣсни, подъ которыя въ былыя времена одерживались сотни побѣдъ, раздавались въ рядахъ. „Земля казалось гордилась“, говоритъ Наполеонъ, „что попирается такимъ множествомъ героевъ. Зрѣлище было торжественно—вѣроятно непріятель, видѣвшій его съ своей позиціи, былъ пораженъ имъ“.

Всѣ колонны развернулись съ точностью, и безъ малѣйшаго замѣшательства; рѣдко случается, что подобныя массы исполняли бы такъ легко построение.

Лѣвая колонна 1-й линіи: кавалерія корпуса Рейля построилась въ три линіи поперекъ нивельскаго шоссе, почти на высотѣ южной части окружающаго Гумонъ лѣса, наблюдая разѣздами влѣво до Бренъ-ла-Ле и выставивъ противъ послѣдняго пункта наблюдательные отряды, легкая конная батарея стояла на нивельскомъ шоссе.

2-я колонна, т. е. пѣхота втораго корпуса, заняла протяженіе отъ 1,800 до 2,000 метровъ между нивельскимъ и брюссельскимъ шоссе. Дивизія Гильемино ¹⁾ примкнула лѣвый флангъ къ первому шоссе и выстроилась противъ Гумонскаго лѣса, Фуа былъ въ центрѣ, а Башелю на правомъ крылѣ, упираясь въ брюссельское шоссе у фермы Бель-Аллиансъ.

Пѣхотныя дивизіи стояли въ 2-хъ линіяхъ, линіи въ 60 метрахъ (90 шаговъ) одна за другою, артиллерія выдвинута впереди фронта, имѣя 2-й комплектъ ящиковъ у нивельскаго шоссе.

3-я колонна, состоявшая изъ пѣхоты д'Эрлона, упиралась лѣвымъ флангомъ въ Бель-Аллиансъ, имѣя правый противъ фермы Ла-Ге. Дивизіи стояли въ 2-хъ линіяхъ, артиллерія была въ интервалахъ между бригадами.

4-я колонна—кавалерія д'Эрлона развернулась въ три линіи вправо, наблюдая за Ла-Ге, Фришмономъ и разставивъ пикеты

---

¹⁾ При этой дивизіи съ 16 числа находился Иеронимъ Бонапартъ.

по направленію къ Огену. Артиллерія ея стала на правомъ флангѣ.

Едва первая боевая линія была выстроена, какъ головы колоннъ второй линіи вступили въ назначенныя для нихъ мѣста.

Кирасиры Келлермана стали въ двѣ линіи на 60 метровъ одна за другою; и въ 200 метрахъ (300 шаговъ) сзади 2-й линіи колоннъ Рейля, находясь на равномъ разстояніи отъ обѣихъ шоссе, и имѣя по батареѣ на крыльяхъ.

Корпусъ Лобау былъ также въ 200 метрахъ сзади Рейля, и остался въ дивизионныхъ колоннахъ влѣво отъ брюссельскаго шоссе, занимая въ глубину до 200 метровъ и сохраняя интервалъ между бригадами въ 50 метровъ (75 шаговъ), артиллерія расположилась на его лѣвомъ флангѣ.

Дивизіи Домона и Сюберви были выстроены вправо отъ шоссе въ эскадронныхъ колоннахъ, на одной высотѣ съ войсками Лобау, отдѣляясь отъ послѣднихъ только полотномъ дороги, и имѣли артиллерію на правомъ флангѣ.

Кирасиры Мильго развернулись въ двѣ линіи, въ 60 метрахъ первая за второю, позади колоннъ д'Эрлона въ 200 метрахъ; лѣвымъ флангомъ къ шоссе, а правымъ къ замку Фришмонъ.

По фронту кирасиры заняли до 1,000 метровъ (съ версту); одна батарея стала на лѣвомъ флангѣ ихъ, другая въ центрѣ. Колонны Келлермана, Лобау, Сюберви, Домона и Мильго не кончили еще построеніемъ боеваго порядка, какъ головныя части трехъ послѣднихъ колоннъ 3-й линіи достигли указанныхъ мѣстъ.

Гвардейскіе конно-гренадеры и уланы развернулись въ двѣ линіи въ 60 метрахъ одна за другою, въ 200 метрахъ позади Келлермана, имѣя въ центрѣ артиллерію.

Пѣшая гвардія стала по сторонамъ брюссельской дороги впереди фермы Россомъ по бригадно въ 6 линій въ баталіонныхъ колоннахъ, линія за линіею въ 20 метрахъ; дивизионная артиллерія была по сторонамъ, а артиллерійскій резервъ сзади пѣхоты.

Гвардейскіе уланы и конно-егеря были развернуты въ двѣ линіи въ 60 метрахъ одна за другою, и въ 200 метрахъ сзади Мильго.

Въ 10^{1/2} часовъ общее передвиженіе окончилось; войска заняли указанныя мѣста и мертвая тишина воцарилась на полѣ битвы.

Оба шоссе брюссельское и нивельское не были заняты войсками, чтобы очистить мѣсто для резервной артиллеріи, если она понадобится.

Часть парковъ еще слѣдовала изъ Катръ-Бра ⁸⁾.

Готовая къ бою армія заключала всѣхъ родовъ оружія до 72 т. человекъ (въ томъ числѣ 15 т. кавалеріи съ 240 орудіями ⁹⁾). Она была почти равносильна англійской, но превосходила ее числомъ кавалеріи и артиллеріи, особенно же послѣдней; ей приходилось наступать по вязкому и страшно размокшему грунту и атаковать сильную непріятельскую позицію.

Наполеонъ пронесся передъ фронтомъ, провожаемый громовыми, восторженными восклицаніями.

Время уходило и ни одинъ пушечный выстрѣлъ не раздался, хотя прошла почти половина дня.

Размокшій грунтъ не могъ замѣтно укрѣпиться въ два или три часа; для арміи конечно нуженъ былъ отдыхъ, послѣ мучительно проведенной ночи, но она могла окончить построеніе къ 7 или 8 часамъ утра.

Все послѣдующее затѣмъ время было безвозвратно потеряно, а на войнѣ подобныя потери не вознаграждаются. Промедленіе наше было счастіемъ для Веллингтона. Онъ тоже объѣхалъ ряды войскъ. Его не привѣтствовали восклицаніями, но тѣмъ не менѣе солдаты твердо рѣшились честно исполнить свой долгъ.

---

⁸⁾ Всѣ подробности боевого порядка французской арміи почти буквально взяты изъ IX тома мемуаровъ на островѣ св. Елены.

⁹⁾ Численность при выступленіи изъ Катръ-Бра была въ 72,417 человекъ. При преслѣдованіи англійской кавалеріи потеряли около 200 человекъ, такъ что къ утру 18 оставалось 72,247 человекъ.

Около 11 часовъ Наполеонъ продиктовалъ диспозицію, гдѣ впервые высказалъ планъ битвы.

„Около часу по-полудни, по данному отъ императора приказанію маршалу Нею, атака начнется взятіемъ деревни Монъ-Сень-Жана, которая лежитъ на пересѣченіи дорогъ.

Батарейная артиллерія 2-го и 6-го корпусовъ присоединится къ батарейной батареѣ 1-го корпуса; 24 орудія откроютъ огонь по Монъ-Сень-Жану и графъ д'Эрлонъ двинетъ въ атаку лѣво-фланговую дивизію, по мѣрѣ надобности поддерживая ее остальными дивизіями 1-го корпуса.

2-й корпусъ будетъ подвигаться впередъ соображаясь съ наступленіемъ 1-го корпуса, оставаясь на одной съ нимъ высотѣ.

Саперная рота 1-го корпуса приготовится немедленно баррикадировать Монъ-Сень-Жанъ“.

Сильнѣйшею частью непріятельскаго боеваго построенія былъ центръ, вогнутый къ срединѣ и защищаемый на оконечностяхъ, выдающимися впередъ массивными постройками Гумона и Ла-Ге-Сента.

Эти обстоятельства заставляли устремить главную атаку въ другую сторону; но была болѣе важная причина, заключавшаяся въ томъ, что Веллингтонъ, въ силу благопріятныхъ условій расположенія своего центра, могъ отступить за Монъ-Сень-Жанъ упираясь правымъ флангомъ въ Мениль и Эстре, лѣвымъ къ Веръ-Куку и Суаньскому лѣсу. Онъ продолжалъ тогда владѣть брюссельскимъ шоссе и почти на всемъ пути вымощенною альзембергскою дорогою. Чтобы отрѣзать Веллингтона отъ сообщеній съ пруссаками и Антверпеномъ, надобно было захватить обѣ названныя дороги. Атака на правый флангъ Веллингтона была тѣмъ болѣе нераціональна, что Веллингтонъ, въ случаѣ пораженія, отступалъ на Блюхера. Напротивъ сбивъ лѣвое крыло англо-голландской арміи, Наполеонъ тогда же овладѣвалъ брюссельскимъ шоссе и опрокидывалъ ее въ Мербъ-Бренскую долину и къ Бренъ-Ла-Ле, гдѣ она должна была отступить по пересѣченной мѣстности и дур-

нымъ проселочнымъ дорогамъ, въ сторону противоположную отъ пруссаковъ, т. е. къ Фландріи; такъ что все заставляло вести главную атаку на лѣвое крыло. Наконецъ, по счастливой случайности, оно представляло самую слабую часть позицій. На пути лежали только маленькія фермы Папелотъ и Ла-Ге, а на плато не было ни одного опорнаго пункта. Веллингтонъ имѣлъ свои причины къ подобному расположенію своего лѣваго крыла, но мотивированіе ихъ не было извѣстно Наполеону.

Императоръ, диктуя диспозицію, задался мыслью устремиться на лѣвое крыло, сбить его и произвести рѣшительный ударъ выше Ла-Ге-Сента въ пунктъ соединенія центра съ лѣвымъ крыломъ.

Д'Эрлону было назначено вести рѣшительную атаку; Лобау и часть кавалерійскихъ резервовъ должны были его поддерживать по сторонамъ шоссе, а въ крайнемъ случаѣ для того же назначались остальная часть кавалерійскаго резерва и вся гвардія. Рейлю надлежало атаковать находившуюся противъ него часть позицій.

Планъ императора былъ прекрасно задуманъ, могъ великолѣпно осуществиться на полѣ битвы и повелъ бы къ вѣрному успѣху, если бы ничто не разстроило соображеній Наполеона.

Исполненіе было возложено на маршала Нея, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ императора; въ его распоряженіе отданы корпуса д'Эрлона и Рейля.

Проѣхавъ по боевымъ линіямъ, Наполеонъ остановился на возвышенности Россомъ, вправо отъ фермы и шоссе, у спуска по дорогѣ въ Планшенуа. Вся мѣстность вплоть до англо-голландскихъ линій открывалась передъ нимъ.

По землѣ разостлали солому, изъ фермы принесли столъ и стулъ; Наполеонъ сошелъ съ коня и сѣлъ передъ развернутою картою Бельгіи. Онъ былъ твердо убѣжденъ въ успѣхѣ, думая что Веллингтонъ разобщенъ отъ пруссаковъ и потернѣть скорое и рѣшительное пораженіе.

Въ 11^{1/2} часовъ ¹⁰⁾ раздалась пушечная пальба и затрещала ружейная перестрѣлка на оконечности лѣваго крыла французской арміи. Рейль двинулъ дивизію Гильемино на Гумонъ.

Эта атака была произведена съ цѣлью отвлечь вниманіе Веллингтона, занять его и облегчить тѣмъ производство главной атаки на лѣвое непріятельское крыло. Атака была ложная — нечего было развить ее до той степени, чтобы брать съ боя позицію; цѣль демонстраціи и безъ того достигалась.

Позиція непріятеля была очень крѣпка. Замокъ Гумонъ расположенъ на гребнѣ южнаго ската возвышенности, менѣе чѣмъ въ 300 метрахъ отъ гребня Монъ-Сенъ-Жанскаго плато. Онъ состоялъ изъ пространнаго жилого дома, фермы, часовни, разныхъ службъ — стѣны построекъ образуютъ кругомъ замкнутый прямоугольникъ, куда ведутъ всего двѣ двери — одна съ южнаго, а другая съ сѣвернаго фасада.

Къ восточной сторонѣ замка примыкаетъ большой паркъ; огороженный съ сѣверной стороны плетнемъ, а съ двухъ остальныхъ толстою кирпичною стѣнкою вышиною болѣе 2 метровъ. Еще восточнѣе находится обширный фруктовый садъ съ огородами; съ одной стороны онъ прилегаетъ къ парковой стѣнѣ, а съ трехъ остальныхъ обнесенъ высокою изгородью и рядами зелени, окопанными канавою.

Рѣдкій ¹¹⁾ кустарникъ окружаетъ съ юга замокъ, паркъ и садъ; промежутокъ между ними въ 30 метровъ; вдаль онъ тянется на 300 метровъ, въ глубину нѣсколько менѣе, растетъ на покатости, спускающейся къ нашей боевой линіи и кончается у начала Мербъ-Бренской долины, которая начинается здѣсь легкою складкою. Къ востоку отъ кустарника простирается

---

¹⁰⁾ Такъ опредѣляютъ начало битвы голландскія донесенія. Говорятъ, что англійскіе генералы, со своимъ неизмѣннымъ спокойствіемъ и акуратностью, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, повѣрили время по часамъ — было 11 часовъ 35 минутъ. Точный Вагнеръ свидѣтельствуетъ то же самое. («Plane der Schlachten»).

¹¹⁾ Вырубленъ впоследствии.

лугъ, а къ западу вплоть до нивельскаго шоссе идутъ по ложивъ садъ и кусты.

Всѣ эти закрытія были заняты баталіономъ нассаусцевъ изъ дивизіи Перпончера силою около 700 человекъ и двумя ротами ганноверцевъ, изъ коихъ одна имѣла штуцера.

Четыре роты англійской гвардіи (дивизіи Кука) занимали замокъ, паркъ и садъ.

Въ стѣнѣ пробили бойницы, а къ сторонѣ сада, устроили банкеть для стрѣльбы чрезъ банкъ.

Гильемино двинулъ сперва на лѣсокъ 5 баталіоновъ бригады Бодуэна въ колоннахъ слѣва, густая стрѣлковая цѣпь прикрывала наступленіе, а двѣ батареи—своя и дивизіи Пиреогнемъ готовили успѣхъ атаки. Войска стремительно бросились впередъ и не смотря на чашу, упорное сопротивленіе и смерть храбраго Бодуэна, убитаго въ началѣ дѣла, начали тѣснить непріятеля. Видя надобность подкрѣпленій, Гильемино ввелъ въ огонь 2-ю бригаду, а Наполеонъ приказалъ Келлерману выставить еще двѣ батареи противъ Гумона; непріятель ввелъ артиллерію правой части центра, на этомъ пунктѣ завязался живой артиллерійскій огонь.

Атака получила перевѣсъ надъ обороною.

Веллингтонъ былъ верхомъ на плато у нивельскаго шоссе и слѣдилъ за ходомъ атаки. Видя успѣхи Гильемино и лѣсокъ почти въ нашихъ рукахъ, онъ двинулъ туда брауншвейгскій баталіонъ, но не успѣлъ тотъ подоспѣть, какъ войска Гильемино выгнали непріятеля и достигли уже сѣверной опушки лѣска — какъ вдругъ были встрѣчены такимъ ужаснымъ огнемъ, что передніе ряды храбрецовъ повалились.

Англійская гвардія, скрытая за плетнемъ и за стѣнкою, встрѣтила нашихъ съ устроеннаго банкета, и новыя препятствія открылись передъ атакующими.

Стѣна и изгороди имѣли болѣе 2-хъ метровъ вышины, между тѣмъ не запаслись никакими средствами для эскалады; чрезъ лѣсокъ нельзя было протащить орудій, чтобы пробить брешь, а подъ рукою не имѣлось даже нѣсколькихъ мѣшковъ пороху, чтобы устроить петарду и обрушить часть стѣны.

Штурмъ былъ очевидно невозможенъ, но ни офицеры, ни солдаты не думали отступать. Убийственная перепалка загорѣлась между нашими и защитниками замка, парка и сада. Геройскія усилія войскъ были напрасны — непріятель билъ на-вѣрняка, а наши выстрѣлы направлялись на удачу. Нѣсколько смѣльчаковъ пролѣзли чрезъ изгородь, гдѣ она была неплотна, подсаживая другъ друга, и пробрались чрезъ садъ до парка, но были перебиты. Этими героями только жертвовали по-пустому. Всѣ бѣды обрушились на бригаду Сойе; бригада же Бодуэна обошла лѣсокъ, захватила палисадникъ въ лощинѣ; но дойдя до западнаго фасада замка была остановлена стѣною и оставалась подъ убійственнымъ ружейнымъ огнемъ, въ то время какъ англійская артиллерія обстрѣливала ее съ плато. Стѣна съ западной стороны совершенно открыта, такъ что четырехъ батарейныхъ орудій было довольно чтобы обрушить ее въ нѣсколько минутъ. Однако ни Гильемино, ни Иеронимъ Бонапарте, ни самъ Рейль не подумали о томъ, и отдали свои баталіоны на разстрѣливаніе невидимому непріятелю.

Нѣсколько ротъ 1-го легкаго полка и кучка саперъ прорвались до сѣверныхъ воротъ замка и разбили ихъ, не смотря на градъ пуль и картечи. Но предпріятіе кончилось неудачно. Подпоручикъ Легро съ топоромъ въ рукахъ и нѣсколько смѣльчаковъ вбѣжали на дворъ, но всѣ были перебиты; и разщелину въ воротахъ тотчасъ же загородили.

Дивизія Гильемино была сильно разстроена, не имѣя возможности идти впередъ и не желая отступить назадъ; въ это время подоспѣлъ брауншвейгскій баталіонъ, имѣя въ головѣ 4 роты англійской гвардіи.

Съ прибытіемъ подкрѣпленій, вытѣсненные изъ лѣсу войска, уже отступившія за садъ въ лощину, снова вернулись въ дѣло — и Гильемино потерялъ цѣлую половину лѣска, въ часу полудни.

Застрѣльщики цѣпи были разсыпаны по всей боевой линіи вплоть до мѣста противъ фермы Папелотъ.

Непріятельская цѣпь подалась назадъ и была расположена

на покатосяхъ плато. На нашемъ правомъ крылѣ огонь батарей подготавливалъ атаку.

Къ Наполеону только что пришла важная новость.

Атака Гумона началась; императоръ безопасно обводилъ въ зрительную трубу мѣстность, лежащую впереди Россомской возвышенности, какъ вдругъ замѣтилъ какія-то войска у Сень-Ламбера. Разстояніе туда по прямой линіи отъ фермы Россомъ 7 километровъ; деревня лежитъ по направленію отъ Смогена къ Вавру, и отстоитъ на $4\frac{1}{2}$ километра отъ перваго пункта. Ее огибаетъ ручей Лань, протекающій въ крутизнахъ узкой долины, которая окаймляетъ съ запада Дильское плато.

Дѣломъ первой важности было узнать немедленно, что за войска показались въ сосѣдствѣ сражающихся войскъ.

Адъютантъ императора генералъ Бернаръ понесся туда съ кавалерійскимъ развѣздомъ, а за нимъ были движуты двѣ кавалерійскія дивизіи Домона и Сюберви для развѣдыванія.

Наполеонъ говоритъ, что онъ надѣялся, что войска, показавшіяся у Сень-Ламбера, были отдѣлены отъ силъ Груши. Это увѣреніе хотя и возможно, но вообще мало вѣроятно.

Отдѣлившись отъ маршала, Наполеонъ съ тѣхъ поръ получилъ двѣ депеши, обѣ изъ Жемблу. Одна была отправлена въ 10 часовъ вечера, а другая въ 2 часа утра 18-го іюня,

Въ первой Груши высказалъ свое недоумѣніе на-счетъ пути отступленія прусской арміи: отступила-ли она чрезъ Вавръ или чрезъ Первезъ (деревня по близости римской дороги) и прибавлялъ что, смотря по полученнымъ донесеніямъ, двинется по тому или другому направленію.

Во второй депешѣ маршалъ доносилъ, что идетъ на Саръ-ле-Валенъ, не поясняя куда направится дальше.

Саръ-ле-Валенъ отстоитъ на $1\frac{1}{2}$ лье отъ прямого сообщенія Жемблу съ Вавромъ и на $\frac{1}{2}$ лье сѣвернѣе римской дороги. Выборъ промежуточнаго пункта доказывалъ, что маршалъ находился въ полнѣйшей нерѣшительности.

Первая депеша прибыла въ главную квартиру. Наполеона въ 2 часа ночи, а вторая въ 6 часовъ утра.

Наполеонъ отвѣчалъ только въ 10 часовъ утра письмомъ, отправленнымъ отъ имени Сульта:

„Императоръ получилъ ваше послѣднее донесеніе изъ Жемблу. Вы упоминаете только о двухъ прусскихъ колоннахъ, миновавшихъ Совеньеръ и Саръ-ле-Валенъ, между тѣмъ получены извѣстія, что третья и довольно значительная колонна прошла чрезъ Жери и Жантинъ, направляясь къ Вавру.

Императоръ поручилъ вамъ передать, что онъ немедленно атакуетъ англійскую армію, занявшую позицію у Ватерлоо, впереди Суаньскаго лѣса; Его Величество желаетъ, чтобы вы двинулись къ Вавру, находясь такимъ образомъ ближе къ намъ и дѣйствуя за-одно. Гоните передъ собою корпусъ прусской арміи, отступающіе на Вавръ, и подоспѣйте какъ можно скорѣе къ Вавру, гдѣ непріятель можетъ остановиться. Непріятеля, повернувшаго на-право, не теряйте изъ виду, наблюдая его легкими кавалерійскими отрядами, чтобы подбирать его отсталыхъ... пожалуйста постарайтесь войти съ нами въ связь.“

Въ этомъ письмѣ, написанномъ въ 10 часовъ утра, заключалось первое приказаніе Груши идти на Вавръ, оно не могло имѣть никакого вліянія на движеніе Груши ¹²⁾.

Донесеніе Груши въ 2 часа ночи, гдѣ онъ говоритъ, что двинется изъ Жемблу въ Саръ-ле-Валенъ, никакимъ образомъ не могло повести къ заключенію, что часть его силъ могла прибыть около полудня къ Сень-Ламберу.

Отъ Жемблу до Саръ-ле-Валена по прямой линіи 1½ лье, да отъ Саръ-ле-Валена до С.-Ламбера 4½ лье по прямой линіи, что составитъ по проселкамъ болѣе 8 лье марша.

Наполеонъ очень хорошо зналъ, что дождь перепортилъ дороги, а мѣстность по пути и безъ того была пересѣченная и неудобная для слѣдованія войскъ.

---

¹²⁾ Въ двухъ разказахъ на островѣ св. Елены приводится, что еще ночью было отправлено къ Груши приказаніе идти къ Вавру и даже занять Сень-Ламберъ. Но это сказки и ниже мы это докажемъ. Приведенное письмо доказываетъ отчасти наши слова. Тамъ не только не говорится, но даже нѣтъ ни малѣйшаго намека на полученіе какихъ либо приказаній.

Слѣдовательно мы можемъ допустить только весьма проблематически, что надежда оживила Наполеона, когда онъ увидѣлъ войска у С.-Ламбера.

Какъ бы то ни было, но иллюзія скоро исчезла. Адъютантъ Бернаръ поскакалъ по направленію къ С.-Ламберу, соскочилъ съ лошади и кустарникомъ пробрался къ берегу ручья Ланъ — отсюда онъ ясно увидѣлъ цѣпь прусскихъ стрѣлковъ, показавшуюся изъ лощины, и наступавшую по направленію къ Планшенуа. Бернаръ помчался назадъ и передалъ Наполеону непріятное извѣстіе.

Но въ какихъ же силахъ былъ непріятель, разрушавшій всѣ комбинаціи французскаго вождя?

Войска показавшіяся у С.-Ламбера, были-ли авангардомъ сильнаго корпуса или просто то былъ отрѣзанный прусскій отрядъ, отступившій сюда въ суматохѣ послѣ пораженія и искавшій случая соединиться съ англо-голландскою арміею?

Скоро Наполеонъ узналъ долю истины. Конно-егерскій офицеръ привезъ къ нему прусскаго гусара, захваченнаго нашею кавалеріею при движеніи къ ручью Ланъ.

Гусаръ везъ письмо, чрезвычайно интересное и открывавшее желаемыя подробности. Колонна у С.-Ламбера оказалась авангардомъ 30 т. корпуса Бюлова, не участвовавшего въ битвѣ при Линьи.

Бюловъ извѣщалъ о своемъ прибытіи и испрашивалъ приказаній Веллингтона.

Гусаръ разсказалъ, что утромъ онъ былъ въ Ваврѣ, гдѣ ночевали три прусскихъ корпуса, а французовъ не было совсѣмъ видно ¹³⁾.

Скорое и неожиданное для Наполеона прибытіе 30 т. пруссаковъ на поле сраженія, гдѣ французы имѣли уже противъ себя непріятеля въ равныхъ силахъ, было важнымъ обстоятельствомъ. Значеніе его было тѣмъ важнѣе, что вся остальная прусская армія была совершенно неожиданно сосредоточена у Вавра. Отъ Вавра до Смогена, куда упиралось лѣвое крыло

---

¹³⁾ «Mémoires», t. IX.

англо-голландской арміи по прямому пути всего 3 лье разстоянія.

Однако императоръ рѣшился продолжать только что начатую, хотя и поздно, битву.

Лобау приказано зайти дивизіями лѣвыя плечи впередъ, перейти брюссельское шоссе и двинуться къ сторонѣ С.-Ламбера на поддержку Домона и Сюберви; гдѣ онъ долженъ былъ выбрать хорошую промежуточную позицію, на которой бы въ случаѣ нужды могъ держаться противъ 30 т. человѣкъ.

Лобау немедленно двинулся, лѣшая гвардія заняла мѣсто его корпуса, и въ то же время начальникъ главнаго штаба писалъ къ Груши:

Съ поля битвы при Ватерлоо: 18 іюня, часъ по-полудни.

„Утромъ въ 2 часа, вы увѣдомили императора, что идете на Саръ-ле-Валенъ; слѣдовательно намѣрены идти на Корбе или Вавръ ¹⁴⁾. Маршъ этотъ совершенно согласуется съ сообщенными уже вамъ распоряженіями Его Величества.

Тѣмъ не менѣе, по повелѣнію императора, объявляю вамъ, чтобы вы продолжали маневрировать къ нашей сторонѣ. Зная гдѣ мы находимся, вы сами можете разсчитать свои дѣйствія такъ, чтобы войти съ нами въ связь и имѣть возможность атаковать и разбить части непріятельской арміи, которыя стали бы беспокоить нашъ правый флангъ.

Въ настоящее время битва при Ватерлоо начата. Непріятельскій центръ расположенъ у Монъ-Сенъ-Жана, слѣдовательно маневрируйте такъ чтобы соединиться съ нашимъ правымъ крыломъ.

PS. Изъ перехваченнаго письма извѣстно, что генераль Бюловъ идетъ атаковать наше правое крыло. Кажется его войска показались у С.-Ламбера; не теряя ни минуты идите къ намъ—вы захватите Бюлова врасплохъ.“

Эти инструкціи были слишкомъ запоздалы. Гдѣ былъ Груши,

---

¹⁴⁾ Ниже мы увидимъ, что заключеніе выведено слишкомъ поспѣшно. Груши, двинувшись на Саръ-ле-Валенъ, не зналъ еще куда пойдетъ дальше.

когда онѣ отдавались, гдѣ и въ какое время онѣ его застигнутъ, куда отойдетъ въ это время прусская армія? Блюхеръ былъ энергиченъ, отваженъ и странно было предположить, чтобы онъ остался въ бездѣйствіи цѣлый день въ Ваврѣ. Извѣстно было, что съ разсвѣтомъ Груши вышелъ изъ Жемблу — не отъ Жемблу до Вавра, направляясь чрезъ Саръ-ле-Валенъ, 6 лье разстоянія, и дорога идетъ по дурному проселку, представляя дефиле на каждомъ шагу.

Въ то же время какъ пришли эти дурныя вѣсти и отдавались тревожныя предписанія Груши, Ней получилъ приказаніе артиллерійскимъ огнемъ приготовить атаку на Монъ-Сенъ-Жанъ.

Въ часъ по-полудни канонада была во всемъ разгарѣ.

Три батареинныя батареи изъ корпусовъ д'Эрлона, Рейля и Лобау соединившись съ дивизионною артиллеріею первыхъ двухъ корпусовъ, были усилены двумя гвардейскими батареями; такъ что на гребнѣ высотъ, тянувшихся у Бель-Аллианса вправо отъ шоссе, было выставлено 78 орудій.

Огонь ихъ билъ лѣвое крыло и часть центра англо-голландцевъ, которые отвѣчали значительно меньшимъ числомъ орудій.

Въ половинѣ втораго Наполеонъ, полагая что непріятель уже достаточно ослабленъ артиллерійскимъ огнемъ, послалъ Нему приказаніе построить четыре дивизіи перваго корпуса въ четыре густыя колонны и, двинувъ ихъ уступами съ лѣваго фланга, взять Ла-Ге-Сентъ, перейти лощину и идти на плато.

Переврали-ли приказаніе, ошибся-ли маршалъ Ней или д'Эрлонъ, но дивизіи построились каждая въ сплошную массу; развернутые баталіоны стали одинъ за другимъ на 5 шаговъ дистанціи.

Подобное неупотребительное построеніе было бы очень опасно и на ровномъ полѣ; при пересѣченной же мѣстности и размокшемъ грунтѣ, по которому пришлось переходить, оно было безуміемъ. Вся масса отдавалась на вѣрную гибель при первой кавалерійской атакѣ.

Первый эшелонъ слѣва былъ образованъ изъ бригады Бур-

жуа (дивизіи Аликса)¹⁵⁾, другая бригада Кіо (Quiot) должна была атаковать Ла-Ге-Сентъ; второй эшелонъ образовался дивизією Донзело, третій—дивизією Марконье, четвертый—дивизією Дюрютта.

Интервалъ между колоннами былъ 400 шаговъ, дивизіи имѣли по 8 баталіоновъ, исключая дивизіи Донзело, имѣвшей 9 баталіоновъ.

Чудовищныя колонны имѣли, смотря по силѣ баталіоновъ, отъ 150 до 200 человѣкъ по фронту, и глубины въ одной 12, въ двухъ другихъ 24, а въ одной 27 рядовъ¹⁶⁾.

Ней верхомъ на лошади былъ на шоссе; по знаку маршала, колонны съ оглушительными криками: „Vive l'empereur!“¹⁷⁾, начали спускаться въ ложину, раздѣлявшую обѣ арміи.

И солдаты и офицеры, помня свое бездѣйствіе въ день битвы при Линьи и Катръ-Бра, горѣли нетерпѣніемъ отличиться.

Бригада Кіо, двинутая на Ла-Ге-Сентъ, первая вступила въ схватку и уже дралась, пока остальные войска подымались на плато подъ огнемъ непріятельской артиллеріи. Пиктонъ командовалъ лѣвымъ крыломъ; оно занимало пространство между брюссельскимъ шоссе вплоть до пункта противъ Ла-Ге, и состояло изъ двухъ англійскихъ бригадъ Кемпта и Пака, 2-хъ ганноверскихъ бригадъ Винке и Беста, бельго-голланд-

---

¹⁵⁾ Аликсъ, имѣя порученіе, находился въ отсутствіи, а дивизією командовалъ старшій генераль-маіоръ Кіо.

¹⁶⁾ Нелѣпное построеніе корпуса д'Эрлона до сихъ поръ невѣрно описывается французскими и иностранными писателями.

Мы замечивали подробности изъ разсказа одного генерала, который былъ однимъ изъ заслуженныхъ офицеровъ въ корпусѣ д'Эрлона.

Командиръ послѣдняго баталіона въ дивизіи Дюрютта построился въ дивизионную колонну, чтобы можно было потомъ свернуть въ каре, но Дюрюттъ приказалъ ему вести баталіонъ какъ приказано.

Г. Тьеръ описываетъ такимъ же образомъ построеніе корпуса д'Эрлона, говоря въ заключеніе: четыре дивизіи, построенныя въ густыя колонны, подвигались, имѣя головы колоннъ на одной высотѣ и сохраняя между собою интервалъ въ 300 шаговъ. Д'Эрлонъ былъ впереди этихъ четырехъ эшелоновъ (?).

ской дивизіи Перпончера, заключавшей бригады Биландта и принца Саксенъ-Веймарскаго.

Кавалерійскія англійскія бригады Ванделера и Вивіена были на оконечности лѣваго крыла.

Всѣ бригады имѣли по 4 баталіона ¹⁷⁾, исключая бригады Биландта, въ которой было 5 баталіоновъ.

Кемптъ упиралъ правый флангъ въ брюссельское шоссе. Одинъ баталіонъ (35-й полкъ, вооруженный штуцерами) былъ частью развернутъ за плетнемъ огенской дороги, частью впереди за небольшою каменоломнею. Три остальныхъ баталіона были построены въ 100 метрахъ за гребнемъ плато въ колоннахъ сохраняя интервалы, чтобы развернуться.

3 баталіона Биландта стояли развернутые впереди гребня, а одинъ баталіонъ сзади. Четыре баталіона Пака были въ баталіонныхъ колоннахъ, на интервалахъ для развертыванія, въ 200 метрахъ позади гребня. 3 баталіона Беста были развернуты выдаваясь немного передъ линіею Пака, а 1 баталіонъ стоялъ въ резервѣ. Винке былъ на одной высотѣ и въ такомъ же строю какъ и Пакъ.

3 батареи (20 орудій) были выдвинуты на самый гребень. Огенская дорога идетъ по всей линіи Пиктона вдоль гребня и отходитъ отъ него въ 100 метрахъ отъ брюссельскаго шоссе.

Дорога эта огорожена, но изгородь мѣстами прерывается — промежутки служили какъ бы амбразурами для артиллеріи.

Принцъ Саксенъ-Веймарскій оставилъ одинъ баталіонъ въ замкѣ Фришмонѣ, другой расположилъ въ Смогенѣ, Ла-Ге, Панелотъ, а послѣдній баталіонъ имѣлъ въ резервѣ; въ распоряженіи принца находились кромѣ того 3 орудія, остатокъ батареи, потерявшей отъ насъ при Катръ-Бра.

Расположеніе войскъ на плато защищало ихъ отъ нашего артиллерійскаго огня; гребень плато очень узокъ и затѣмъ мѣстность образуетъ широкую складку, куда падали только осколки гранатъ и рѣдкія ядра.

Не смотря на одушевлявшій ихъ пылъ французскія колонны

---

¹⁷⁾ Одинъ баталіонъ бригады принца Веймарскаго защищали Гумонъ.

медленно подвигались по грязи и высокому хлѣбу. Лѣвая колонна, которую сильно беспокоилъ огонь штуцерныхъ, заставшихъ по ту сторону шоссе выше Ла-Ге-Сента, незамѣтно подалась полуоборотомъ вправо. Вторая колонна нарушила дистанцію и обѣ очутились на одной высотѣ; тутъ встрѣтилъ ихъ картечный огонь двухъ англійскихъ батарей и убійственный ружейный огонь 95 полка и баталіоновъ Виландта. Д'Эрлонъ приказалъ бить къ атакѣ. Солдаты бѣглымъ шагомъ ударили на 95 полкъ, опрокинули его и баталіоны Виландта, разсѣяли ихъ дружнымъ стремительнымъ натискомъ и, прорвавшись въ неогороженные промежутки, наѣли на орудія.

Мѣстные препятствія и свалка разстроили строй, головныя части были остановлены чтобы возстановить его; въ это время баталіоны Кемпта и правые баталіоны Пака развернулись и въ упоръ осыпали наши войска градомъ пуль. Ошеломленные неожиданнымъ огнемъ, колонны пробуютъ отвѣчать, развернуться... но неудобная форма построения и возникшій беспорядокъ отъ перехода чрезъ мѣстные препятствія парализуютъ всѣ усилія войскъ. Кемптъ и Пакъ ударили въ штыки и отбросили наши массы въ полнѣйшемъ разстройствѣ: не смотря на ужасную давку въ рядахъ, храбрые солдаты д'Эрлона держались упорно, непріятельскіе баталіоны тоже были разстроены.

Герой Пиктонъ, одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ генераловъ войны на Пиринейскомъ полуостровѣ, былъ убитъ, прострѣленный пулею въ голову ¹⁵⁾. Бѣшеная свалка не долго длилась.

Веллингтонъ, замѣтивъ приготовленія д'Эрлона къ атакѣ, поскакалъ на лѣвое крыло и взялъ изъ резерва драгунскую бригаду Понсонби, силою въ 1,200 коней. Бригада стала сзади Кемпта въ лощинѣ и выжидала благоприятной минуты. Понсонби уловилъ моментъ для атаки; въ главѣ своихъ 2-хъ полковъ, т. е. 800 коней, онъ поскакалъ въ интервалы Кемпта и ударилъ на лѣвый флангъ нашихъ, рубить пѣхоту,

---

¹⁵⁾ Въ бюллетеняхъ Веллингтона говорится: «Пиктонъ умеръ славною смертію въ то время какъ велъ свою дивизію въ штыки; одна изъ самыхъ серьезныхъ атакъ непріятеля была здѣсь отбита.

опрокидываетъ ее къ плетнямъ, разгоняетъ и, вмѣстѣ съ бѣгущими, спускается съ плато.

Знамя 105 полка было при этомъ потеряно нами. Почти въ тоже время 3-я колонна Марконье испытала ту же участь, что и двѣ первыя колонны. Она сначала сильно потерпѣла отъ англійской батареи, бившей ее продольнымъ огнемъ на самомъ близкомъ разстояніи, потомъ, овладѣвъ изгородями, начала спускаться къ плато, какъ вдругъ лѣво-фланговые баталіоны Пака и право-фланговые Беста, лежавшіе въ хлѣбѣ, поднялись и открыли убійственный огонь по нашимъ; въ то же время 3-й полкъ драгунъ Понсонби бросился въ атаку. Войска дивизіи Марконье, застигнутыя врасплохъ, не могутъ построиться въ каре вслѣдствіе безобразнаго построенія, мѣшаются, разстроиваются и обращаются въ бѣгство безпорядочною толпою; драгуны, возбужденные успѣхомъ, рубятъ бѣгущихъ и захватываютъ знамя 45-го полка.

При началѣ атаки, когда наши войска достигли гребня плато, канонада со стороны Нея должна была прекратиться; и двѣ легкія батареи двинулись впередъ къ своимъ дивизіямъ, но завязли въ лощинѣ. Мчавшаяся англійская кавалерія наскочила на нихъ и въ одно мгновеніе изрубила прислугу, ѣздовыхъ и лошадей. Артиллеристы остальныхъ батарей, остававшихся на высотахъ, были свидѣтелями гибели нашей пѣхоты; нетерпѣливо ждали они когда разойдется эта сумятица, гдѣ наши перемѣшались съ англичанами, чтобы открыть огонь и по отважнымъ драгунамъ и по англійской пѣхотѣ, спускавшейся съ плато. Впрочемъ они сами едва спаслись отъ этого военного урагана.

Драгуны, въ чаду успѣха, проскакали лощину и очутились на лѣвомъ флангѣ нашей большой батареи. Но тутъ кирасирская бригада и полкъ уланъ, охвативъ ихъ съ фронта и фланга, кончили эти успѣхи. Застигнутые въ распыленную оди были изрублены и сбиты пиками, другіе помялись во всю прыть назадъ на плато ¹⁹⁾, и спаслись только за пѣхотою и

---

¹⁹⁾ Г. Тьеръ рассказываетъ, что въ это время уланскій унтеръ-

бригадою Вивіена. При видѣ подкрѣпленій, наша кавалерія остановила преслѣдованіе. Заиграли аппель, большая батарея загремѣла и отступленіе нашей кавалеріи совершилось подъ покровительствомъ артиллерійскаго огня. Понсонби, проколотый 7-ю ударами пики, остался безъ чувствъ на мѣстѣ свалки. Изъ 1,200 драгунъ едва спаслась половина, остальные погибли или попались въ плѣнъ. Изъ трехъ полковыхъ командировъ подполковникъ Мютеръ былъ убитъ, а подполковникъ Гамильтонъ тяжело раненъ.

Урокъ былъ прописанъ англичанамъ бригадою Травера, изъ 7-го и 12-го кирасирскихъ полковъ, и 4-мъ уланскимъ полкомъ полковника Бро. Траверъ былъ присланъ Наполеономъ, поздно замѣтившимъ кавалерійскій налетъ; а полковникъ Бро двинулся по приказанію начальника дивизіи Жакино и былъ здѣсь тяжело раненъ.

4-й колоннѣ Дюрютта посчастливилось болѣе остальныхъ. Дюрюттъ оставилъ два баталіона въ прикрытіи нашей большой батареи и съ остальными шестью перешелъ лощину, оставивъ нѣсколько ротъ противъ фермъ Папелотъ и Ла-Ге, и достигъ въ порядкѣ гребня. Здѣсь плетень имѣетъ большіе и частые перерывы, такъ что наши войска прошли за изгороди, оттѣснивъ ганноверцевъ Беста и Винке; но вдругъ легкіе драгуны Ванделера вынеслись изъ лощинки и ударили на нашихъ. Колонна шарахнулась назадъ, разстроилась, но безпорядокъ былъ минутный—драгуны, поражаемые ружейнымъ огнемъ въ упоръ, быстро обратились назадъ. Собравъ людей Ванделеръ, узнавъ о поражении трехъ остальныхъ нашихъ колоннъ, повернулъ въ лощину на помощь Понсонби.

Дюрюттъ, не видя на-лѣво французскихъ войскъ, воспользовался движеніемъ Ванделера, и началъ отступать, удерживая ганноверцевъ.

офицеръ возвратилъ назадъ потерянное знамя 45 полка; но, не смотря на приводимыя подробности, это невѣрно. Знамя 45 полка осталось въ рукахъ англичанъ, и до сихъ поръ виситъ со знаменемъ 105 полка въ церкви инвалиднаго дома въ Chelsea'ѣ.

Колонна Дюрютта вернулась на прежнее мѣсто потерявъ 600 человѣкъ изъ строя.

Ванделеръ, переходя съ бригадою лошину, столкнулся съ 3 уланскимъ и 3 конно-егерскимъ полками (дивизіи Жакино) и былъ принужденъ отступить; но отступление совершилось въ порядкѣ, съ помощью кавалеріи Шиньи, (Chigny, голландско-бельгійская) на рысяхъ подоспѣвшей изъ лошины за гребнемъ.

Шиньи сдѣлалъ попытку прорвать два каре, выстроенныя баталіонами, оставленными Дюрюттомъ въ прикрытіи главной батареи, но былъ отбитъ.

Атака наша на лѣвое крыло англо-голландской арміи кончилась совершенною неудачею; она стоила корпусу д'Эрлона до 5 т. человѣкъ, и въ томъ числѣ до 2 т. плѣнныхъ, пятнадцать орудій было брошено въ лошину²⁰⁾.

Непріятель потерялъ меньше, но уронъ его былъ однако очень чувствителенъ. Драгуны Понсонби были истреблены на половину; бригады Кемпта и Пака, много потерявшіе при Катръ-Бра, понесли новыя потери; бригада Виландта лишилась отъ артиллерійскаго огня и рукопашной свалки не менѣе 1,500 человѣкъ, храбрый Виландтъ и нѣсколько старшихъ

---

²⁰⁾ Полковникъ Жаненъ въ своей брошюрѣ («Campagne de Waterloo». — Paris, 1820) говоритъ, что было брошено нами до 40 орудій; и это показаніе повторили за нимъ нѣкоторые французскіе и иностранные писатели, прибавивъ, въ свою очередь, на основаніи словъ Водонкура («Histoire des campagnes de 1814 et 1815 en France». — Paris, 1826), что вся главная батарея была двинута на гребень, впадая при этомъ въ двойную ошибку. Только легкія батареи дивизіи Донзело и Марконье шли къ гребню.

Мы имѣемъ доказательство въ нашихъ рукахъ — заимтку, написанную однимъ изъ очевидцевъ.

Наполеонъ говоритъ въ своемъ первомъ разсказѣ, въ мемуарахъ на островѣ св. Елены: «Пятнадцать орудій были застигнуты, во время движенія по рытвинѣ, кавалеріею», а во второмъ ограничиваетъ число брошенныхъ орудій семью.

Мюфлингъ («Geschichte des Feldzugs») говоритъ: «англійская кавалерія вскакала на артиллерійскую колонну безъ прикрытія и захватила орудія; но такъ какъ ихъ было невозможно увезти, то перерубили лошадей».

офицеровъ выбили изъ строя; неустрашимый и хорошій генераль Пиктонъ былъ убитъ.

Сильная канонада снова загремѣла на нашемъ правомъ крылѣ.

Атака бригады Кю на Ла-Ге-Сентъ, предпринятая въ одно время съ наступленіемъ д'Эрлона на плато, окончилась неудачно.

Ла-Ге-Сентъ, подобно всѣмъ значительнымъ фермамъ въ Бельгіи, представляетъ прямоугольникъ, образуемый массивными постройками или смѣжными или связанными стѣною, такъ что составляется внѣшняя ограда и внутренній дворъ. Къ югу, къ строеніямъ прилегаетъ садъ къ 250 метровъ длиною и 100 метровъ шириною; къ сѣверу втрое меньшій садикъ, замкнутый съ восточной стороны стѣною, а съ сѣверной и западной невысокою изгородью.

Ограда большого сада подходитъ къ брюссельскому шоссе, составляя продолженіе ограды фермы и сада. Ферма имѣетъ два выхода—одинъ на восточномъ, а другой на западномъ фасѣ. Съ западной же стороны есть еще дверь въ просторную ригу, откуда выходятъ на дворъ, и калитка въ садъ.

Самая ферма лежитъ у подошвы склона Монъ-Сентъ-Жанскаго плато, а садъ расположенъ въ лощинѣ. Скатъ такъ неровенъ что съ плато не видно ни фермы, ни сада ²¹⁾.

Наканунѣ 2-й легкій баталіонъ нѣмецкаго легіона (дивизіи Альтена) въ числѣ 431 человѣка, подъ командою маіора Баринга, занялъ Ла-Ге-Сентъ. Всѣ приспособленія къ оборонѣ сдѣланы, въ стѣнѣ пробили бойницы. Двѣ роты разѣстились въ строеніи, три роты въ саду, а одна въ садикѣ.

Разрушительное дѣйствіе артиллеріи, особенно же огонь изъ гаубицъ долженъ былъ подготовить атаку; но объ этомъ не подумали, повторивъ ошибку, сдѣланную у Гумона. Солдаты Кю полѣзли прямо, пробрались за изгороди въ садъ и

---

²¹⁾ Теперь все переѣтилось. Часть ската пошла на насыпку холма, на которомъ лежитъ Ватерлооскій левъ; съ края плато видимъ передъ собою до самаго фундамента строенія Ла-Ге-Сента.

выгнали его защитниковъ; тѣ примкнули лѣвымъ плечомъ къ западной стѣнѣ строенія.

Въ то же время бросились къ двери, выходящей на шоссе; ее начали разбивать топорами, не смотря на огонь изъ бойницъ и картечный огонь 2-хъ орудій, помѣщенныхъ на лѣвой оконечности англо-голландскаго центра, за баррикадою на самомъ шоссе ²²⁾.

При этомъ смѣломъ приступѣ особенно выдавался въ толпѣ храбрецовъ молодой инженерный офицеръ. Колоссъ ростомъ, одаренный геркулесовскою силою, съ топоромъ въ рукахъ старался онъ разщепить дверь, не смотря на полученную рану продолжалъ работать и только послѣ второй раны долженъ былъ оставить ряды. То былъ Вье, нашедшій впоследствии славную смерть на другомъ, отдаленномъ театрѣ войны ²³⁾. Крѣпко заложенная изнутри дверь упорно противилась всѣмъ усиліямъ; попытка повела за собою только значительную потерю въ офицерахъ и солдатахъ.

Принцъ Оранскій, замѣтивъ, что садъ взять и баталіоны Кіо окружаютъ Ла-Ге-Сентъ, двинулъ ландверный ганноверскій баталіонъ (дивизіи Альтена) на подкрѣпленіе Баринга. Съ прибытіемъ подкрѣпленій, Барингъ снова отбилъ часть сада, но успѣхъ былъ минутный. Наполеонъ отправилъ кирасирскую бригаду Дюбуа (изъ корпуса Мильго) въ ложину, тянущуюся между холмами Бель-Алліансъ и Ла-Ге-Сентъ. Кирасиры продвинулись до высоты сада и въ то время какъ Кіо, взявъ изъ резерва нѣсколько ротъ, выбилъ непріятеля, бросились на отступающихъ. Люди Баринга были близко отъ фермы и успѣли уйдти въ нее, но баталіонъ ландвера былъ опрокинутъ, почти совершенно уничтоженъ и потерялъ свое знамя. Двѣ наши роты ворвались въ садикъ и взяли его.

Сдѣлавъ блестящую атаку, кавалерія на томъ не остано-

---

²²⁾ Эти два орудія одни могли обстрѣлывать скатъ.

²³⁾ Баталіонный командиръ Вье погибъ на бреші при штурмѣ Константины, находясь въ первой штурмовой колоннѣ, которую велъ начальникъ зуавовъ, неустранный Ламорисьеръ.

лась—получила ли она приказаніе, занеслась ли за бѣгущими—но только она вскакала на плато и вдругъ очутилась передъ ганноверскими каре бригады Кильмансегге (дивизіи Альтена). Не думая ни минуты, она кинулась на каре, была отбита и понеслась на нихъ снова.

Веллингтонъ находился по сосѣдству.

Отправивъ Понсонби на колонны д'Эрлона, онъ тотчасъ же приказалъ гвардейской бригадѣ Сомерсета (1.400 коней) ударить на нашихъ кирасиръ. Начальникъ всей кавалеріи Уксбриджъ лично повелъ бригаду въ атаку.

Кирасиры уступили численному превосходству и отступили въ лощину; здѣсь ихъ поддерживали баталіоны Кіо, стойко выдержавшіе непріятельскій натискъ и своимъ огнемъ принудившіе Уксбриджа остановиться.

Не думая атаковать, Уксбриджъ сдѣлалъ заѣздъ назадъ и взобрался на плато. Въ схваткѣ съ кирасирами былъ убитъ командиръ гвардейскихъ драгунъ подполковникъ Филлеръ.

Веллингтонъ направилъ къ Ла-Ге-Сентъ еще 4 роты вѣмецкаго легіона (дивизіи Альтена). Онѣ снова захватили садикъ; всѣ усилія Кіо пробраться внутрь фермы съ восточной и западной стороны оставались напрасны, мы теряли только людей.

Ни Ней, ни Наполеонъ не подумали разбить стѣны фермы артиллеріею и зажечь строенія гранатами; мужество солдатъ Кіо пропадало даромъ.

Пока 1-й корпусъ испытывалъ неудачу, атака на Гумонъ продолжалась также порывисто и также неуспѣшно.

Дивизія Фуа была двинута на подкрѣпленіе Гильемино; пока она обходила справа, Гильемино успѣлъ разломать изгороди и занять садъ; тѣ непріятельскія войска, которыя не успѣли укрыться въ садикъ и замкъ, были отброшены въ лощину, и должны были подняться по скату, но первая линія англійскаго центра заколыхалась, и Гильемино съ Фуа должны были отступить къ лѣску, оставивъ садъ, весь заваленный трупами.

Всѣ дальнѣйшія наши попытки отбиты. Храбрый Фуа былъ

унесенъ тяжело раненый, Геронимъ Бонапарте былъ раненъ пулею въ руку и удалился къ брату.

Борьба за Гумонъ представляетъ непрерывный рядъ атакъ и отступленій, такъ что трудно передавать ее въ подробности.

То мы отбрасывали непріятеля за ограду замка, садика и сада и откидывали его въ лощину противъ правой оконечности англійскаго центра; то свѣжіе непріятельскіе баталіоны спускались по скату съ гребня, и оттѣсняли насъ до лѣска. Обѣ стороны несли большія потери, въ особенности же мы. Здѣсь мы ввели въ дѣло уже до 10 т. пѣхоты ²⁴⁾.

Продолжительность боя обратила вниманіе Наполеона, и онъ приказалъ выставить противъ заповѣднаго замка 8 гаубицъ. Орудія стали на нивельскомъ шоссе и скоро зажгли постройки, такъ что сотни раненыхъ сгорѣли въ запылавшемъ замкѣ; но садикъ и большой садъ оставались въ рукахъ непріятеля, и позиція не могла считаться взятою.

Кавалерійская дивизія Пире съ самаго начала сраженія производила демонстраціи къ сторонѣ Бренъ-Ла-Ле; вслѣдствіе того Веллингтонъ отправилъ туда два кавалерійскихъ полка.

Въ 3 часа по-полудни на нашемъ правомъ крылѣ разстроенные баталіоны 1-го корпуса, отступившіе на прежнія мѣста, приводились въ порядокъ; въ центрѣ былъ занятъ лишь садъ Ла-Ге-Сентъ, а на лѣвомъ крылѣ все еще дрались за Гумонъ. По всему фронту артиллерійскій и ружейный огонь не прекращались. Въ ожиданіи новыхъ атакъ, Веллингтонъ принималъ мѣры для противодѣйствія имъ. Одна бригада дивизіи Шассе была передвинута изъ Бренъ-Ла-Ле къ нивельскому шоссе на высоту деревни Мербъ-Бренъ; брауншвейгская пѣхота усилила центръ, дивизія Клинтона придвинута ближе къ нему; 200 человекъ посланы въ Ла-Ге-Сентъ и наконецъ ганноверская бригада Винке переведена съ лѣваго крыла въ

---

²⁴⁾ Дивизія Гильемино имѣла передъ открытіемъ кампаніи 7,800 человекъ, а дивизія Фуа 4,800 человекъ. Въ дни 15 и 16 іюня обѣ дивизіи потеряли 3,000 человекъ, такъ что 18 въ нихъ оставалось 9,600 человекъ.

резервъ впереди фермы Монъ-Сенъ-Жана. Лѣвое крыло сильно пострадало послѣ схватки съ д'Эрлономъ; но Веллингтонъ безъ особеннаго неудобства могъ его еще болѣе ослабить; потому что приближался корпусъ Бюлова; корпуса же Пирха 1-го и Цитена были тоже не далеко. Блюхеръ сдерживалъ слово; находясь при корпусѣ Бюлова, онъ далъ знать, что скоро вступить въ дѣло. Соображенія союзныхъ главнокомандующихъ осуществлялись.

Наполеонъ зналъ только о прибытіи Бюлова, разѣзды Домона доносили, что прусскій корпусъ скоро завяжетъ дѣло.

Наполеонъ увѣряетъ, что получивъ въ часъ по-полудни первое извѣстіе о появленіи Бюлова у Сенъ-Ламбера, онъ подумалъ на-минуту: не перенести-ли ему свою операціонную линію на нивельское шоссе; атаковать не лѣвое, а правое непріятельское крыло и, взявъ Бренъ-Ла-Де, идти нивельскимъ шоссе на Монъ-Сенъ-Жанъ. Но эта перемѣна фронта, отдалявшая его еще болѣе отъ Груши, не была приведена въ исполненіе и Наполеонъ пренебрегъ фланговою атакою пруссаковъ, рассчитывая что Сюберви, Домонъ и Лобау задержатъ непріятеля, пока онъ справится съ Веллингтономъ.

Видя, что атака Бюлова неминуема, онъ измѣнилъ впрочемъ прежній планъ битвы.

Атака на слабую часть англо-голландской позиціи неудалась, Наполеонъ отказался продолжать ее и рѣшился устремить главный ударъ въ середину англійскаго центра.

Двѣ 12 фунт. батареи были переведены съ праваго крыла въ центръ, а Нею приказано поспѣшить взятіемъ Ла-Ге-Сента.

Маршалъ привелъ къ Кіо два баталіона дивизіи Донзело, раньше другихъ устроенные послѣ свалки на плато. Чрезъ полчаса люди наши выбили дверь въ овинъ, ворвались на дворъ, очистили штыками всѣ службы и заняли садъ. Барингъ не выдержалъ бѣшеннаго натиска и бросился бѣжать къ плато. Изъ 2-го баталіона нѣмецкаго легіона спаслось послѣ защиты Ла-Ге-Сента только 42 человека; всѣ офицеры за исключеніемъ 5 были убиты и ранены, двое захвачено въ

плѣнъ. Войска, присланные на подкрѣпленіе, пострадали почти также ²⁵⁾).

5-й и 8-й баталіоны нѣмецкаго легіона (дивизіи Альтена) прибыли изъ центра къ фермѣ; но были атакованы кирасирами, выскакавшими изъ лощины; при этомъ 8-й баталіонъ былъ разсѣянъ, изрубленъ и потерялъ знамя, а 5-й баталіонъ былъ вырученъ только подоспѣвшею бригадою Сомерсета.

Около 4-хъ часовъ по-полудни англійскій центръ подался назадъ, ибо слишкомъ страдалъ отъ нашихъ ядеръ и гранатъ, Веллингтонъ приказалъ отвести войска за узкій гребень плато въ углубленіе, образуемое пониженіемъ уровня плато; здѣсь люди почти исчезли изъ виду французовъ.

Кажется Наполеонъ счелъ это за начало отступленія, хотя артиллерія и стрѣлковыя цѣпи оставались еще на гребнѣ.

Мильго приказано идти впередъ съ двумя своими дивизіями, оставивъ по правую руку Ла-Ге-Сентъ, и ударить на Веллингтоновскій центръ; дивизіи Лефевра-Денуэта (гвардейскіе уланы и конно-егеря) приказано поддерживать Мильго.

Грозная кавалерійская масса, въ числѣ до 5000 коней, спустилась въ лощину за Ла-Ге-Сентъ и начала рысью взбираться по грязному скату на Монъ-Сентъ-Жанское плато; впереди кирасиръ ѣхалъ маршалъ Ней, вспомнившій свою прежнюю роль лихова кавалерійскаго генерала временъ республики.

Ни ядра, ни картечь не остановили наступленія; кавалерія показалаь на гребнѣ.

Ней велъ ее по западной сторонѣ отрога, откуда начи-

---

²⁵⁾ О времени взятія Ла-Ге-Сента говорятъ различно. Въ письмѣ къ Вальтеръ-Скотту (17 августа 1815 г.), Веллингтонъ говоритъ, что ферму взяли въ два часа, это согласуется съ его бюллетенемъ; Наполеонъ говоритъ въ три часа; многіе французскіе и иностранные писатели въ четыре или въ четыре съ половиною часа, Вагнеръ — позже шести часовъ; а майоръ Барингъ помѣстилъ статью въ военномъ гап-поверскомъ журналѣ, гдѣ говоритъ, что взяли ферму вечеромъ.

Мы опредѣлили время взятія согласно замѣткѣ офицера участника боя, имѣвшаго возможность точно знать всѣ обстоятельства его.

наются лощины Гумонская и Ла-Ге-Сентъ , избѣгая попасть въ пространство, обрытое траншеею огенской дороги.

Англійской артиллеріи приказано стрѣлять до послѣдней минуты, затѣмъ передкамъ ускákat къ резервамъ, а прислугѣ спастись съ зарядными сумами въ пѣхотныя каре.

Двухъ-баталіонныя непріятельскія каре, построившись въ шахматномъ порядкѣ въ двѣ линіи, молча, неподвижно выжидали приближеніе врага, несшагося съ ревомъ: „Vive l'ennemi!“

Едва успѣла прислуга укрыться въ каре, какъ нанесъ на нихъ кирасирскій ураганъ. Пѣхота не дрогнула въ виду грозы, и стойко встрѣтила ее. Наша кавалерія обрушалась то на одинъ, то на всѣ фасы каре. Первая линія встрѣтила атаку убійственнымъ огнемъ, затѣмъ вторая линія каре также твердо встрѣтила ударъ. Цѣлыя шеренги пѣхоты ложились подъ копытами коней, налетавшихъ на ряды не смотря на градъ пуль: разорванныя части живой стѣны смыкались мгновенно — чѣмъ бѣшенѣе производилась атака, тѣмъ болѣе англійская, ганноверская, брауншвейгская пѣхота выказывала энергіи.

Наши кирасиры разстроились наконецъ отъ безпрестанныхъ порывистыхъ и стремительныхъ усилій — эскадроны замѣшались, спутались въ вихрѣ атакъ подъ ружейнымъ огнемъ. Веллингтонъ замѣтилъ возникшій безпорядокъ и двинулъ черезъ интервалы, бывшія подъ рукою, три кавалерійскія бригады — Сомерсета слѣва, Трина (голландско-бельгійскіе карабинеры) съ середины, а Дерберга (легкіе драгуны англійскіе и нѣмецкаго легіона) справа.

Застигнутые среди неизбежнаго разстройства, поражаемые и огнемъ и холоднымъ оружіемъ, кирасиры держались геройски и вступили въ схватку съ новымъ противникомъ. Ней рѣшился кончить неравный бой и, заигравъ сборъ, началъ отступать за гребень, гдѣ въ резервѣ оставался Лефевръ-Денуэтъ. Кирасиры прибыли въ перемѣшку съ бригадами Сомерсета, Трина и Дерберга. Ней вновь ударилъ съ гвардейскими уланами и конно-егерями, отбросилъ непріятельскую кавалерію и началъ повторять на каре свои отчаянныя атаки.

Кирасиры устроились и подоспѣли снова. Все плато среди англійскаго центра было наводнено нашими всадниками; но огонь и безпрестанныя атаки опять разстроили кавалерію—и Ней былъ принужденъ очистить плато и спуститься въ ложину, чтобы дать своей кавалеріи вздохнуть и придти въ порядокъ.

Отступленіе было произведено безъ разстройства, не смотря на вновь начавшійся артиллерійскій огонь батарей, уже разъ бывшихъ въ нашихъ рукахъ.

Бригада Сомерсета понесла сильный уронъ въ схваткѣ. Смѣлая атака Ней, предпринятая меньшими силами, кончилась неудачно — центръ непріятеля устоялъ подобно лѣвому крылу.

Ней и успѣлъ бы, если бы ему предшествовала или его подкрѣпила пѣхота; но кромѣ гвардіи уже не было свободныхъ баталіоновъ, и Наполеонъ не рѣшался тратить послѣдняго резерва, тѣмъ болѣе, что приближалась минута, когда и этотъ резервъ долженъ былъ идти въ дѣло на другой конецъ поля сраженія.

Во время кавалерійскихъ атакъ Ней, дивизіи Гильемино и Фуа продолжали биться у Гумона — но хотя всѣ усилія оставались безъ успѣха; однако онѣ, продвинувшись по показности плато и дойдя до баррикады на нивельскомъ шоссе, отвлекли вниманіе непріятеля и нѣсколько помогли Нейю.

Дивизія Башелю, имѣвшая послѣ сраженія при Катръ-Брадо 3000 человекъ, подкрѣпила у Гумона гибнувшіе подъ огнемъ полки Гильемино и Фуа.

На правомъ крылѣ дивизія Аликса подъ командою Кію, взявъ Ла-Ге-Сентъ, дошла до огенской дороги, но дальше не могла подвинуться. Дивизіи Донзело и Марконъ, столь сильно пострадавшія при атакѣ Пиктона, дрались на скатѣ плато, и не подвигались впередъ. Дюрюттъ былъ отбитъ отъ фермы Панелотъ принцемъ Саксенъ-Веймарскимъ и долженъ былъ опасаться за свой тылъ и правый флангъ.

Дѣло на нашемъ правомъ крылѣ приняло грозный для насъ оборотъ.

Въ 4½ часа по-полудни, Бюловъ началъ сильную диверсію противъ насъ ²⁶⁾).

Корпусъ состоялъ изъ пѣхотныхъ бригадъ Гаке, Рисселя, Лостгина, Гиллера и кавалерійской дивизіи принца Вильгельма Прусскаго; все вмѣстѣ онѣ заключали до 31,000 человекъ съ 88 орудіями; но изъ этого числа сзади осталось временно до 2000 человекъ съ 2 орудіями.

Бюловъ выступилъ съ разсвѣтомъ съ биваковъ у Діонъ-ле-Мона; его давно ждали: но разныя препятствія замедлили маршъ. Пришлось идти по затопленнымъ дорогамъ, такъ что въ колеяхъ колеса уходили по-ступицу, а пѣхота едва тащилась чрезъ высокій хлѣбъ по грязной пашнѣ.

Авангардная бригада могла стянуться къ С.Ламберу только въ полдень; но слѣдующая бригада отстала, задержанная по дорогѣ пожаромъ въ г. Ваврѣ.

Бюловъ отпавилъ на рекогносцировку мѣстности отъ Діля до ручья Ланъ два кавалерійскихъ отряда съ штабъ-офицерами. Они дали знать Бюлову что непріятеля не видно. Въ то же время изъ Вавра прибылъ въ С. Ламберъ Блюхеръ. Фельдмаршалъ приказалъ немедленно перейти ручей Ланъ, занять Парижскій лѣсъ (Bois de Paris) 2-мя баталіонами и 4 эскадронами, и выстраивать за нимъ боевой порядокъ по мѣрѣ подхода бригадъ. Веллингтонъ просилъ уже Бюлова исполнить подобное построеніе.

Отъ С. Ламбера въ долину ручья Ланъ дорога идетъ крутымъ спускомъ по узкому дефиле и по глубокому песку; изъ долины же къ Парижскому лѣсу тянется она по столь же неудобной тѣснинѣ; такъ что нѣсколько баталіоновъ съ артиллерією, занявъ берегъ ручья могли бы долго задерживать дебушированіе прусскихъ колоннъ.

---

²⁶⁾ Наполеонъ и французскіе историки говорятъ, что атака Бюлова началась въ четыре часа; но по прусскому бюллетеню и донесенію Бюлова она началась въ четыре съ половиною часа; тоже свидѣлствуютъ Мюфлиннгъ, прусскіе и голландскіе историки; наконецъ здѣсь всего важнѣе то, что съ послѣднимъ показаніемъ согласны и англійскіе историки, не смотря на видное желаніе по-возможности уменьшить участіе пруссаковъ въ битвѣ.

Пруссаки нашли проходы и Парижскій лѣсъ не занятыми. Прусскій авангардъ занялъ лѣсъ. Въ то время какъ Ней производилъ съ кавалеріею атаку за атакою на англо-голландскій центръ, бригады Лостгина и Гиллера и часть кавалеріи принца Вильгельма успѣли сосредоточиться.

Блюхеръ думалъ начать дѣло, когда весь корпусъ Бюлова подтянется; но видя учащаемыя атаки Ней, и опасаясь за исходъ битвы, если императорская гвардія, видѣвшаяся въ густыхъ колоннахъ на брюссельскомъ шоссе, поддержитъ кавалерію, рѣшился не ждать и приказалъ Бюлову дебушировать изъ Парижскаго лѣса по направленію на Бель-Алліансъ ²⁷⁾.

Мѣстность между Парижскимъ лѣсомъ, Россомъ и Бель-Алліансомъ представляетъ волнистое плато, имѣющее скаты къ сторонѣ Фришмона и къ Ланьскому ручью—этотъ ручей вытекаетъ у Планшенуа нѣсколько въ сторонѣ отъ селенія.

Деревня Планшенуа лежитъ въ глубинѣ плато, на разстояніи 1000 метровъ отъ фермы Россомъ.

Лобау построился на плато по сую сторону Парижскаго лѣса, кавалерія стала въ первой линіи выдвинувъ ведеты къ лѣсу.

Отдавъ батарейную батарею Ней, Лобау въ дивизіяхъ Зиммера и Жанена имѣлъ всего 7500 человекъ ²⁸⁾; въ поступившихъ подъ его начальство кавалерійскихъ дивизіяхъ Домона и Сюберви было до 2000 человекъ и 12 орудій.

Подъ прикрытіемъ 12 эскадроновъ, корпусъ Бюлова дебушировалъ изъ лѣсу. Бригада Лостгина, построясь въ густыхъ баталіонныхъ колоннахъ, прижнула правымъ флангомъ къ Фришмону; бригада Гиллера пристроилась влѣво, а принцъ Вильгельмъ развернулся позади Гиллера.

Домонъ ударилъ было на прикрывавшую кавалерію; но схватка не повела ни къ какимъ результатамъ; огонь же на-

---

²⁷⁾ Бюловъ въ своемъ донесеніи выразился: «Блюхеръ приказалъ наступать, чтобы дать вздохнуть англійской арміи.»

²⁸⁾ Третья дивизія Теста осталась съ Груши.

ступавшей пѣхоты Лостгина, поддержанный сильною канонадою, принудилъ податься кавалерію Домона и Сюберви, такъ что очередь дошла до корпуса Лобау.

Въ 5 часовъ по-полудни корпусъ Бюлова былъ выстроенъ между Фришмономъ и фермою Ганотеле перпендикулярно къ правому крылу французской арміи.

Мало по малу бой разгорѣлся на этомъ пунктѣ. 40 орудій начали бить линію Лобау, но дивизіи его держались стойко; на другомъ пунктѣ поля битвы Ней въ это время спустился въ лощину Ла-Ге-Сентъ съ жестоко пострадавшими эскадронами Мильго и Лефевра-Денуэта; но маршалъ не падалъ духомъ; ядра, поражавшія плохо прикрытую кавалерію, разсердили его; онъ рѣшился вернуться на плато и снова начать свои геройскія усилія. Съ саблею въ рукѣ, повелъ онъ крупною рысью кирасиръ Мильго и, слѣдовавшіе за ними, эскадроны Лефевра-Денуэта на плато.

Веллингтонъ ждалъ атакъ Нея; съ неизмѣннымъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ объѣхалъ онъ войска центра, оставивъ прежнее построеніе противъ новой кавалерійской бури.

Въ первой и второй линіи, между брюссельскимъ шоссе и Мербъ-Бренской долиной, стояли: бригада Омштеда (нѣмецкаго легіона), Кильмансегге (ганноверская), Галькета (англійская), Крузе (нассаускій контингентъ), Майтланда (гвардія) и брауншвейгская пѣхота — всего 26 баталіоновъ. Кромѣ того 4 баталіона (въ томъ числѣ 2 гвардейскихъ бригады Бинга) обороняли Гумонъ.

Со стороны Бренъ-Ла-Ле нечего было ждать нападенія, и потому цѣлая дивизія Шассе была передвинута оттуда въ 3-ю линію англійскаго центра; дивизія Клинтона осталась въ общей колоннѣ вдоль Мербъ-Бренской лощины и выше ея; такъ что сама лощина была конечнымъ пунктомъ фронта Веллингтоновской арміи, а правое крыло потѣснилось за центръ.

Всѣ 23 баталіона дивизій Клинтона и Шассе до сихъ поръ не были вовсе въ дѣлѣ, равно какъ и бригада Ламберта (трехъ баталіоннаго состава), занимавшая ферму Монъ-Сень-

Жанъ — на одинаковомъ отдаленіи отъ центра и отъ лѣваго крыла.

Кавалерія, за исключеніемъ бригадъ Вивіена и Ванделера, бывшихъ на оконечности лѣваго крыла, составила 3-ю и 4-ю линіи между нивельскимъ и брюссельскимъ шоссе.

Два кавалерійскіе полка, отвлеченные къ Брентъ-Ла-Ле демонстраціями генерала Пире, замѣтивъ легкость этихъ демонстрацій, вернулись назадъ къ центру.

Англійскія батареи сильно пострадали отъ нашей канонады, такъ что пришлось ввести въ дѣло часть резервной артиллеріи.

Пѣхота и кавалерія испытали сильныя потери, нѣсколько сотъ бѣглецовъ разсѣялось по Суаньскому лѣсу, спасаясь къ Брюсселю — но самыя части сохраняли порядковъ. Въ такомъ состояніи находился англо-голландскій центръ, когда на него готова была обрушиться французская кавалерія. Центръ былъ крѣпокъ; Ней не дѣлалъ никакихъ иллюзій, но въ битвахъ онъ никогда не отступалъ передъ затрудненіями.

Кавалерія поднялась на высоты подъ картечнымъ огнемъ и съ неописанною отвагою понеслась на непріятельскія каре. Тутъ Наполеонъ приказалъ Келлерману поддержать маршала; корпусъ двинулся, но корпусный командиръ изъ разумной предосторожности оставилъ въ резервѣ бригаду карабинеровъ; дивизія Гюо (конно-гренадеры и драгуны) двинулась за Келлерманомъ. Всего шло еще болѣе 4 т. коней.

Все эта масса двинулась быстро съ шумными восклицаніями, съ сверкающими саблями, почти на хвостѣ колоннъ Мильго и Лефевра-Денуэта. При появленіи ея на плато, всѣ были увѣрены что битва выиграна. Гдѣ же англо-голландскимъ линіямъ выдержать общій натискъ такихъ массъ!

И участники, и свидѣтели великой драмы говорятъ что натискъ былъ ужасенъ — но стойкость Веллингтона и его солдатъ выдержали его.

Тщетно Ней ввелъ въ дѣло всѣ эскадроны и даже карабинерную бригаду, оставленную въ резервѣ; тщетно легкая наша артиллерія осыпала картечью баталіоны первой англійской линіи — цѣлыя каре были смяты, изрублены, опрокинуты

и вся дивизія Альтена отброшена къ брюссельскому шоссе ²⁹⁾; многіе непріятельскіе эскадроны, подоспѣвшіе на помощь своей пѣхотѣ, разсѣяны — но британскія знамена все еще развѣвались на роковомъ плато. Послѣ слишкомъ двухчасоваго боя, боя безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ военной исторіи ³⁰⁾, наша кавалерія, истощенная непрерывными усиліями, кавалерійскою свалкою, измученная рубкою и карьеромъ по глинистому грунту съ заморенными лошадьми, разстроенная физически, но не нравственно, должна была спуститься съ плато.

Говорятъ, отступленіе совершилось само-собою безъ приказанія маршала, вслѣдствіе общаго изнеможенія. Есть невозможное и для героевъ. Англо-голландцы отдають намъ полную справедливость — не смотря на успѣхъ, они почти не преслѣдовали насъ.

Обѣ стороны понесли ужасныя потери. Ней оставилъ на плато $\frac{1}{3}$ людей и лошадей — остальные были разстроены въ конецъ. Множество всадниковъ брело пѣшими. Дивизіонные генералы Леритъ, Делоръ, Кольберъ; бригадные генералы Траверъ, Дюпъ, Бланкаръ и еще нѣсколько другихъ были ранены или контужены при паденіи съ лошадьми. Многіе полковники убиты. Были полки уменьшившіеся до эскадроннаго состава.

За то все пространство между нивельскимъ и брюссельскимъ шоссе было покрыто обломками непріятельской арміи.

„Пѣхота, кавалерія, артиллерія потерпѣли ужасно. Баталіоны представляли кучки людей подъ командою капитановъ или субалтернъ-офицеровъ; множество подбитыхъ или брошенныхъ орудій валялось по фронту; англійскія и нѣмецкія кавалерійскія бригады, исключая остававшихся на лѣвомъ флангѣ бригадъ Вивіена и Ванделера, уменьшились до числительности

---

²⁹⁾ Донесеніе генерала Альтена.

³⁰⁾ «Герцогъ Веллингтонъ на Веронскомъ конгрессѣ лично увѣрялъ меня, что онъ не запомнитъ болѣе поразительной картины, какъ эти десять или двѣнадцать повторенныхъ атакъ нашей кавалеріи на англійскую пѣхоту, кавалерію и артиллерію.» («Précis historique et militaire», et cet., генерала Жюмнини).

полковъ; бригады Сомерсета и Понсонби вмѣстѣ составили только два эскадрона“.

Вотъ картина непріятельскаго центра, начертанная самымъ уважаемымъ въ Англіи англійскимъ историкомъ 1815 года ³¹⁾; его менѣе всего можно подозрѣвать въ преувеличеніяхъ. Картина вѣрна, но прибавимъ къ ней что и голландско-бельгійская кавалерія также много пострадала. Другой англійскій историкъ ³²⁾ говоритъ, что англо-голландская армія уменьшилась болѣе чѣмъ 20-ю т. — 10,000 было убито и ранено, 10 т. выбыли съ ранеными или разбѣжались съ поля битвы.

Генераль Альтенъ выбылъ изъ фронта, одинъ изъ его бригадныхъ командировъ полковникъ Омштеда убитъ, генераль Ванъ-Мерленъ и генераль-квартирмейстеръ арміи полковникъ Делансе убиты, дежурный генераль (*l'adjutant général*) Барнъ раненъ, большая часть офицеровъ главнаго штаба Веллингтона и множество другихъ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія переранены.

Гусарскій полкъ Кумберланда (ганноверцы послѣдняго нѣбора) при видѣ рѣзни пришелъ въ паническій страхъ, не попалъ въ дѣло и обратился въ бѣгство къ Брюсселю вслѣдъ за своимъ командиромъ, распространяя по дорогѣ слухи о совершенномъ пораженіи англо-голландской арміи ³³⁾.

Видя потери первыхъ двухъ линій, Веллингтонъ долженъ былъ подвинуть впередъ выше Гумона дивизію Клинтонъ, а выше Ла-Ге-Сента бригаду Винке, такъ что и эти войска понесли значительную потерю.

Въ резервъ оставалась лишь пѣхотная дивизія Шассе.

---

³¹⁾ Siborne. — «History of the war in France and Belgium in 1815». — London 1848. — 1 vol.

³²⁾ John W. — «Pringle Remarks on the campaign of 1815».

По словамъ Прингла въ арміи Веллингтона осталось на полѣ сраженія менѣе 34 т.; но онъ невѣрно опредѣляетъ первоначальную силу арміи только въ 54 т.; по его разсчету съ начала битвы до окончанія Неевыхъ атакъ англо-голландская армія потеряла съ бѣжавшими до 20 т. человекъ.

³³⁾ Полкомъ командовалъ полковникъ Гакъ; преданный военному суду, онъ былъ исключенъ изъ службы.

Геройскій бой Нея принесъ результаты; но не смотря на то, все ихъ значеніе не уравнивало потери или истощенія почти всей резервной кавалеріи.

Результаты были бы иные, если бы Наполеонъ двинулъ гвардію на крѣпко защищаемое плато. Онъ писалъ, что плато было нами взято—но къ сожалѣнію мы видѣли какое то было взятіе. Ней понималъ, что одна кавалерія, не смотря на все геройство, не въ силахъ сбить непріятеля, и, въ разгарѣ битвы, отправилъ своего адъютанта Геймеса къ Наполеону просить пѣхоты. Императоръ грубо возразилъ: „пѣхоты! откуда я вамъ ее доставу? родить мнѣ ее что-ли?“ ³⁴⁾.

Французскій вождь въ эту минуту испытывалъ неизбѣжныя горькія послѣдствія своей рѣшимости атаковать съ фронта англо-голландцевъ, удерживая своимъ правымъ крыломъ Бюлова.

Пока Ней бился на плато, атаки Гумона велись съ прежнимъ неуспѣхомъ, хотя дивизія Башелю поддержала дивизіи Фуа и Гильемино. Большой садъ переходилъ изъ рукъ въ руки—въ задней лощинѣ рѣзались на-смерть и Веллингтонъ долженъ былъ двинуть туда бригаду Дюпла (нѣмецкаго легіона). Бригада страшно потерпѣла—самъ Дюпла былъ убитъ, а большая часть офицеровъ выбыла изъ строя. Позиція у Гумона окончательно осталась за непріателемъ.

Кіо съ дивизією Аликса, и правѣе его Донзело не могли форсировать огенской дороги—два или три орудія были втащены на пригорокъ надъ Ла-Ге-Сентомъ, но не могли ничего подѣлать подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ съ правой стороны шоссе.

Марконье съ переменнымъ успѣхомъ держался противъ бригадъ Пака, Кемита и Биландта, разсыпавныхъ по гребню—

³⁴⁾ «Relation de la campagne de 1815».—Полковника Геймеса, который прибавляетъ:

«Принцъ Іеронимъ и генералъ Друо слышали отвѣтъ, буквально переданный Нейю. Маршалъ увидѣлъ тогда, что битва далеко еще не выиграна.»

на подкрѣпленіе ихъ прибыла бригада Ламберта отъ Монъ-Сень-Жана.

Дюрюттъ съ одною бригадою удерживалъ пруссаковъ, а съ другою отбивалъ Беста отъ захваченной фермы Пепелотъ; Ла-Ге, Смогенъ и замокъ Фришмонъ все еще держались противъ насъ, и принцъ Бернгардъ Саксенъ-Веймарскій былъ подкрѣпленъ тремя баталіонами изъ корпуса Бюлова.

Со стороны Планшенуа дѣла начали принимать дурной оборотъ.

Въ 5 часовъ по-полудни Лобау, располагавшій слабыми дивизіями Зиммера, Жанена, Домона и Сюберви, удерживая пруссаковъ, бился съ цѣлою половиною корпуса Бюлова. Черезъ нѣсколько минутъ прибыли бригады Гаке и Рисселя и вся корпусная кавалерія (около 2 т. коней)³⁵⁾. Вся артиллерія (86 орудій) была выдвинута на позицію, и 29 т. человекъ ударили на нашихъ 10 т.

Лобау, подавленный чрезмѣрнымъ численнымъ превосходствомъ, отступилъ до Планшенуа, куда примкнулъ своимъ правымъ флангомъ; отступление было произведено уступами съ твердостью и хладнокровіемъ, всегда отличавшими генерала — мы стояли такъ близко отъ брюссельскаго шоссе, что прусскія ядра начали поражать ряды старой гвардіи, стоявшей у Бель-Алліанса.

Брюссельское шоссе было главною операціонною линіею нашей арміи: мы должны были оградить его отъ всякихъ покушеній — тѣмъ болѣе, что Лобау могъ очистить Планшенуа и продолжать свое отступление. Бюловъ наступаая охватывалъ безпрестанно его правый флангъ.

Дивизія молодой гвардіи Дюэма съ тремя батареями получила приказаніе тотчасъ же двинуться къ Планшенуа.

Прибытіе отборныхъ войскъ и огонь 24-хъ орудій остановили непріятеля, но не надолго.

На правомъ флангѣ мы заняли молодую гвардіею деревню

---

³⁵⁾ Ниже мы увидимъ, что до тысячи коней прибыло только послѣ битвы.

и сады Планшенуа вплоть до тропинки, ведущей къ фермѣ Калью; лѣвѣ былъ корпусъ Лобау, связывавшійся кавалеріею съ дивизіею Дюрютта, часть коей также выстроила фронтъ на-право.

Бюловъ упирался лѣвымъ флангомъ къ ручью Лань, а правымъ къ мѣстности впереди Фришмона.

Блюхеръ, раздраженный сопротивленіемъ молодой гвардіи, приказалъ Бюлову взять Планшенуа во что бы то ни стало. Бригада Гиллера построилась къ атакѣ въ три двухъ-баталіонныя колонны—бригадѣ Рисселя приказано ихъ поддерживать въ случаѣ нужды.

Пруссаки храбро ворвались въ сады и передовые дома; но встрѣтили геройское сопротивленіе. Послѣ упорнаго боя, гдѣ, по словамъ одного прускаго писателя, стрѣлялись въ 30 шагахъ, Гиллеръ принужденъ былъ отступить. Подкрѣпленный двумя баталіонами, онъ снова бросился впередъ—не смотря на чудеса храбрости, молодая гвардія была наконецъ выбита изъ деревни. Моментъ былъ критическій—прускія батареи выдвинулись на 700 или 800 метровъ отъ брюссельскаго шоссе.

Но не одна близость опасности была страшна—страшно было моральное вліяніе на войска, сбивавшія Веллингтона, когда въ тылу ихъ загремѣла такая близкая канонада.

Наполеонъ послалъ Морана съ однимъ гренадерскимъ и двумя стрѣлковыми баталіонами гвардіи и двумя гвардейскими батареями отбить Планшенуа; вмѣстѣ съ тѣмъ полкъ гвардейскихъ гренадеръ и одна гвардейская батарея заслонили, по сю сторону деревни, дорогу на Мезонъ-де-Руа, а гвардейскій егерскій баталіонъ, оставленный для охраны главной квартиры у Калью, былъ направленъ къ фермѣ Шантле, потому что съ этой стороны показалась непріятельская кавалерія.

Моранъ выполнилъ порученіе съ тою отвагою, какую должны были выказать подобный генералъ и подобныя войска.

Старая дружина, имѣя за собою молодую гвардію, бросилась на Планшенуа при трескѣ барабановъ; и послѣ короткой, но свирѣпой схватки деревня и сады были отбиты—высота, командующая деревнею, усѣяна нашею артиллеріею и все лѣ-

вое прусское крыло было подано назадъ, чтобы оправиться. Лобау также потѣснилъ нѣсколько непріятеля.

Наполеонъ счелъ что атака Бюлова не повторится.

Битва была нерѣшена, но было 7 часовъ по-полудни и до темноты оставалось почти 2 часа ³⁶⁾.

Послѣдній резервъ Наполеона состоялъ изъ 5 т. человекъ старой гвардіи, стоявшихъ у Бель-Аллианса, и, въ гордомъ сознаніи собственной силы, выжидавшихъ приказанія двинуться.

У Веллингтона оставалось болѣе свѣжихъ силъ: дивизія Шассе, силою до 7 т. человекъ, и кавалерійскія бригады Вивіена и Ванделера, до 2,500 человекъ. Конечно эти войска не выдерживали никакого сравненія съ гвардіею, но англійскій генераль рассчитывалъ на иной, болѣе могущественный резервъ.

Онъ далъ битву въ надеждѣ на содѣйствіе союзника и зналъ чрезъ посланныхъ о близкомъ прибытіи Блюхера. Блюхеръ обѣщалъ помочь не однимъ только корпусомъ Бюлова и исполнялъ свое обѣщаніе.

Наполеонъ не ожидалъ ничего подобнаго, хотя въ часъ по-полудни онъ зналъ, что вся прусская армія сосредоточилась съ-вечера у Вавра, а въ три часа узналъ отъ офицера, присланнаго Груши ³⁷⁾, что маршаль не задержалъ прусской арміи. Кавалерія и двѣ бригады корпуса Пирха 1 и корпусъ Цитена выступили въ полдень изъ Вавра ³⁸⁾.

Пирхъ 1 двинулся по дорогѣ на С.-Ламберъ и къ ручью Ланъ — головы его колоннъ только что начали показываться изъ Парижскаго лѣса.

Цитенъ шелъ на Фромонъ, Женваль и сѣверную опушку

---

³⁶⁾ 18 іюня на брюссельской обсерваторіи солнце заходитъ въ восемь часовъ четырнадцать минутъ.

³⁷⁾ Подполковникъ Делафрене. Наполеонъ упоминаетъ, что въ два часа прибылъ офицеръ отъ Груши; но не называетъ фамиліи. (*Mémoires*, t. IX.

³⁸⁾ Остальныя двѣ бригады корпуса Пирха 1-го выступили изъ Вавра только въ четыре часа по-полудни.

Огенскаго лѣса. Главныя силы находились на высотѣ лѣса, а авангардъ миновалъ лѣсъ—Большой Гюссеръ.

Оба генерала давно бы подоспѣли въ дѣло, но ихъ задержало ужасное состояніе дорогъ. До 30 т. человѣкъ прибывало на поле сраженія.

Тильманъ, двинувшійся за ними, долженъ былъ остаться въ Ваврѣ, чтобы удержать Груши.

Извѣстіе о томъ нисколько не смутило Блюхера. Кампанія рѣшалась впереди, а не въ тылу—и смѣлый старикъ, пославъ Тильману приказаніе держаться сколько можно и отступить въ случаѣ крайности, началъ торопить маршъ войскъ Пирха 1 и Читена.

Рѣшительная минута наступала. Мы рассказали, какъ кавалеріи Нея, предоставленная собственнымъ средствамъ, была принуждена очистить плато. На скатѣ ее остановили, чтобы попытаться привести въ порядокъ разстроенные и полу-истребленные эскадроны, подъ покровительствомъ огня стрѣлковой цѣпи и артиллеріи; но непріятельскіе канонеры вернулись къ оставленнымъ орудіямъ и снова открыли пальбу. Дальнѣйшее отступленіе кавалеріи могло повлечь за собою отступленіе войскъ, выдерживавшихъ огонь Веллингтона и поражаемыхъ канонадою со стороны Планшенуа. Ней видѣлъ опасность и остановить своихъ храбрыхъ всадниковъ подъ убійственнымъ огнемъ, въ надеждѣ, что подобное выжиданіе будетъ непродолжительнымъ.

Надобно было поддержать и выручить Нея ³⁹⁾.

Кромѣ того, Наполеонъ имѣлъ еще другую цѣль.

Онъ былъ увѣренъ, что англо-голландская армія не только ослаблена, но и совершенно разстроена и не имѣетъ резервовъ; успокоенный отступленіемъ Блюхера и вовсе не предвидя прибытія другихъ прусскихъ корпусовъ, онъ думалъ что наступила минута нанести рѣшительный ударъ и одержать побѣду. Матеріальныя результаты ея конечно не могли быть значительны при истощеніи кавалеріи вслѣдствіе ряда долгихъ кровавыхъ схватокъ; но результатъ нравственный могъ быть значителенъ.

---

³⁹⁾ Бюллетень 18 іюня.

Ней, предувѣдомленный императоромъ, получилъ приказаніе массировать правѣ Гумона остатки войскъ Рейля, у Ла-Ге-Сента дивизіи Кіо и Донзело, и хотя что нибудь предпринять съ кавалеріею.

Въ то же время Наполеонъ двинулъ 10 баталіоновъ гвардейскихъ гренадеръ и егерей, остававшихся въ резервѣ между Бель-Алліансомъ и Ла-Ге-Сентъ ⁴⁰⁾. Шесть баталіоновъ построились по-баталіонно въ колонны къ атакѣ на тѣсныхъ интервалахъ; двѣ гвардейскихъ конныхъ батареи стали на лѣвомъ флангѣ и должны были наступать вмѣстѣ съ колоннами. Четыре баталіона остались въ резервѣ.

Многія батареи выпустили весь комплектъ снарядовъ и нашъ артиллерійскій огонь слабѣлъ. Последняя, остававшаяся въ резервѣ, батарея была выдвинута на позицію; по всему фронту приказано участить огонь.

Наполеонъ лично отдаетъ всѣ эти распоряженія и торопитъ ихъ исполненіемъ, потому что время не ждетъ. Императоръ обращается къ офицерамъ, солдатамъ, возбуждаетъ ихъ мужество, общая побѣду и, чтобы еще болѣе вселить въ нихъ увѣренность въ успѣхѣ, онъ сообщаетъ имъ о прибытіи корпуса Груши, который охватитъ непріятеля съ тыла въ одно время съ фронтальною атакою гвардіи.

Вести этихъ 3,000 ветерановъ, украшенныхъ боевыми рубцами и шевронами, поручено Нею ⁴¹⁾.

Въ головѣ колоннъ становятся генералъ-лейтенанты Фріанъ,

---

⁴⁰⁾ Дивизія молодой гвардіи была въ Планшенуа. Дивизія гренадеръ и егерей имѣли каждая по восьми баталіоновъ; но изъ того числа три баталіона отдѣлены въ Планшенуа, два баталіона на дорогу между Планшенуа и Мезонъ де-Руа, а одинъ баталіонъ къ фермѣ Шантле.

⁴¹⁾ Въ приведенномъ нами письмѣ Нея къ Фуше говорится, что четыре полка старой гвардіи въ составѣ восьми баталіоновъ двинулись на плато подъ начальствомъ маршала. Въ мемуарахъ на островѣ св. Елены говорится, что наступленіе было произведено только четырьмя баталіонами, остальные же четыре временно остались въ резервѣ. Мы слѣдуемъ къ разсказъ совершенно достоверному источнику; но, вообще говоря, частности здѣсь неважны.

Роге, Мишель и генералъ-маіоры Поре-де-Морванъ, Гарле, Малле—на баталіонъ по генералу.

Колонны, оставивъ Ла-Ге-Сентъ вправо, должны были подняться по тому отрогу, гдѣ поднялась Неевская кавалерія для своихъ атакъ.

Построеніе кончено—барабаны забили, и грозная фаланга, полная энтузіазма и мужества, двинулась мимо Наполеона, жестомъ показавшаго ей, куда она должна наступать. Колонны прошли лощину и начали подыматься по косоугору.

Барабаны били также у Гумона и Ла-Ге-Сента; нѣсколько усталыхъ баталіоновъ, почти истребленныхъ подъ огнемъ и штыковымъ натискомъ, собрались и двинулись впередъ; къ рядамъ присоединилось множество раненыхъ, и людей разбредшихся съ поля сраженія; новая энергія одушевила эту толпу.

Нѣсколько сотъ кирасиръ, драгунъ, конно-гренадеръ, уланъ и гвардейскихъ конно-егерей поддерживаютъ наступленіе.

Ложная вѣсть о прибытіи Груши пробѣжала по рядамъ, ординарцы-жандармы передаютъ ее войскамъ; адъютантъ императора Лабедойеръ передаетъ тоже Рейлю, д'Эрлону и подчиненнымъ имъ генераламъ. Побѣда кажется несомнѣнною—храбрецы выростаютъ, люди, упавшіе духомъ, ободряются.

На плато въ свою очередь все готово къ новой борьбѣ, борьбѣ на жизнь и смерть. Войска знаютъ про близкое прибытіе прусскихъ баталіоновъ и эскадроновъ, знаютъ что еще нѣсколько минутъ тяжелаго испытанія—и битва выиграна, потому что все искусно подготовлено, чтобы численнымъ превосходствомъ задавить непріятеля.

Ряды, ослабленные павшими и бѣжавшими, сомкнулись и выжидали съ твердостью. Осталась эссенція арміи, храбрѣйшіе изъ храбрыхъ, выдержавшіе 6 часовъ свирѣпой свалки. Веллингтонъ, принцъ Оранскій, Гиль переѣзжаютъ отъ баталіона къ баталіону ободряя, напоминая солдатамъ ихъ долгъ. Какъ Нельсонъ подъ Трафалгаромъ, такъ и здѣсь Веллингтонъ говорилъ англичанамъ во имя отечества: „Держись ребята крѣпче! что скажутъ о насъ въ Англии, если мы не удержимся“. Молодой, кипучій принцъ Оранскій спрашивалъ ни

дерландцевъ, нассаусцевъ, брауншвейгцевъ неужто они хотятъ разоренія, позора родины и возвращенія императорской тираніи.

Громовое „ура“ было отвѣтомъ на эти энергическіе призывы; трескъ лопающихся гранатъ и визгъ рикошетирующихъ ядеръ вторили имъ.

Положеніе англо-голландской арміи было отчаянное ⁴²⁾, но Веллингтонъ не унывалъ; хотя и сознавалъ свое положеніе. Наполеонъ выразился, что Веллингтонъ отступилъ-бы, если бы была возможность. Это пресловутое увѣреніе было жалкимъ мщеніемъ со стороны побѣжденнаго! Весь планъ англійскаго генерала держался на томъ, чтобы защищать плато до прибытія пруссаковъ—тѣ были близко и вдругъ ему отказать отъ него съ тѣми храбрыми войсками, какія еще оставались у него подъ руками.

„Васъ могутъ убить, скажите ваши намѣренія и планы?“ спросилъ его лордъ Гилль. „Держаться здѣсь до послѣдняго человѣка“, отвѣчалъ Веллингтонъ.

Принявшій послѣ Пиктона начальство надъ лѣвымъ крыломъ, генералъ Кемитъ прислалъ просить подкрѣпленій—Веллингтонъ сказалъ: „пускай держится, подкрѣпленія не будутъ“.

Все значеніе битвы выразилось въ этихъ лаконическихъ отвѣтахъ, достойныхъ временъ древности или свѣтлыхъ дней нашей республики. Нечестно, неосновательно не отдавать должнаго своему противнику.

Вдругъ усилившаяся по всей линіи канонада служила предвѣстіемъ немедленной атаки. Веллингтонъ вѣхалъ на гребень

---

⁴²⁾ «Около семи часовъ, вслѣдствіе страшной потери въ людяхъ и истощенія резервовъ, положеніе Веллингтона стало отчаяннымъ. (Донесеніе австрійскому правительству генерала Винцента)».

Винцентъ находился комиссаромъ при англійской главной квартирѣ и былъ раненъ въ дѣлѣ.

«Около семи часовъ герцогъ, видя свое отчаянное положеніе...» и проч. (Донесеніе генерала Алава испанскаго посланника въ Нидерланды, находившагося при главномъ штабѣ Веллингтона).

плато, и въ клубахъ пороховаго дыма различилъ наступленіе гвардіи по ея высокимъ мѣховымъ шапкамъ—онъ отдалъ всѣ распоряженія къ отраженію атаки.

Батареямъ приказано сосредоточить огонь по колоннамъ гвардіи. Брауншвейгцы и нассаусцы въ двухъ густыхъ колоннахъ (3 баталіона въ одной, и 4 въ другой), стоявшіе въ 1-й линіи какъ разъ поперекъ пути наступленія, назначены выдержатъ первый ударъ.

За ними развернулась сдвоивъ ряды бригада Майтланда (англійская гвардія); она залегла въ небольшой складѣ. Дивизія Шассе стала правѣе Майтланда—одна бригада была построена въ густыхъ колоннахъ, другая свернулась въ два каре и находилась въ резервѣ.

Барабаны забили къ атакѣ, изступленные восклицанія: „Vive l'Empereur!“ уже ясно различались среди стона канонады—гвардія приближалась ружье на-руку—ряды смыкались и равнялись подъ картечью какъ на парадѣ. Впереди, со шпагою въ рукѣ, видѣвъ Ней. Гвардія на штыкахъ бросается на батареи — одни захвачены, другія снимаются съ позиціи. Двинувшіеся на встрѣчу брауншвейгцы отброшены и разсѣяны. Принцъ Оранскій лично ведетъ нассаусцевъ, но падаетъ съ лошади раненый пулею, и нассаусцы опрокинуты въ свою очередь.

Побѣдныя восклицанія раздаются въ колоннахъ. Раненый и оставившій ряды генераль Фріанъ передалъ Наполеону, находившемуся въ лощинѣ Ла-Ге-Сентъ, что дѣла на плато идутъ хорошо ⁴³⁾.

Выше Ла-Ге-Сента и Гумона д'Эрлонъ и Рейль выдерживаютъ бой съ 1-ю непріятельскою линіею. Гвардія продолжаетъ ломить впередъ — въ 300 шагахъ отъ лѣваго фланга одна англійская батарея и одна изъ батарей Шассе осыпаютъ ее картечью; но она неудержимо подвигается, отбросивъ и разстроивъ 3 баталіона Шассе, кинувшіеся было на ея колонны.

---

⁴³⁾ «Campagne de 1815». — Генерала Гурго.

Вдругъ передъ гвардіею подымается; точно выросши изъ земли, красная стѣна — и ряды повалились подъ ружейнымъ огнемъ. По командѣ Веллингтона, находившагося верхомъ за шеренгами: „Встать! цѣль вѣрнѣе гвардейцы!“ солдаты Майтланда поднялись и открыли огонь.

Храбрый Мишель былъ убитъ наповаль, Мале и многіе штабъ-офицеры ранены. Подъ Неемъ убили лошадь, четвертую навшую подъ нимъ въ этотъ страшный день, и Ней упалъ съ нею. Гвардія остановилась.... но храбрѣйшій изъ храбрыхъ уже поднялся и обращается къ ней. Къ несчастію приказалъ ли кто, инстинктивно ли сдѣлали это солдаты? только колонны развернулись отвѣчать на смертоносный непріятельскій огонь и заслонили дѣйствіе, слѣдовавшихъ съ ними двухъ батарей, дѣйствовавшихъ съ гребня и облегчавшихъ тѣмъ наше наступленіе.

Голландецъ Шассе, возмужавшій въ нашихъ рядахъ, но отнынѣ вѣрный своему родному знамени, улучилъ минуту и съ полубригадою въ густыхъ колоннахъ ударилъ слѣва въ штыки на гвардію ⁴⁴⁾; Веллингтонъ двинулъ бригаду Майтланда. Гвардія, поражаемая картечью, осыпаемая пулями, уменьшившаяся до 1500 или 1600 человекъ, уступила наконецъ численному превосходству и начала отступать, но отступать въ порядкѣ и шагъ за шагомъ, выжидая только оставленныхъ въ резервѣ баталіоновъ, чтобы возобновить атаку. На эти баталіоны уже нечего было рассчитывать.

Послѣдніе заходящіе лучи солнца, до того закрытого облаками, освѣтили чашу, окаймлявшую горизонтъ къ сторонѣ Бренъ-ла-Ле; было около 8 часовъ по-полудни. Страшная опасность начала грозить исходящему углу ломаной линіи, какую образовалъ фронтъ нашей позиціи, идущей отъ Гумона къ Панаелотъ и отъ Панаелотъ къ Планшенуа.

Марковье, занявшій гребень, и Дюрюттъ, дравшійся у Ла-Ге съ принцемъ Саксенъ-Веймарскимъ, были вдругъ атакованы

---

⁴⁴⁾ Письмо Шассе къ генералу Гиллю (5 іюля 1815 г.) и отвѣтъ на него Гилля, отъ 11 іюля 1815 г.

двумя сильными колоннами пѣхоты, дебушировавшими къ фермѣ Ла-Ге.

И генералы, и солдаты сочли ихъ за войска Груши, потому что баталіоны принца Саксенъ-Веймарскаго очистили имъ мѣсто; но заблужденіе было минутное, и войска подались передъ новымъ врагомъ. Марконье очистилъ Папелотъ, Дюрюттъ спустился съ гребня. Тылъ корпуса Лобау находится въ опасности—и широкая брешь открывается въ нашемъ боевомъ расположеніи. Начинается тревога.... дивизіи Дюрютта и Марконье приходятъ въ замѣшательство, сотни разсѣявшихся солдатъ спасаются къ Бель-Алліансу. Съ гребня 32 орудія бьютъ вдоль ложины отступающую пѣхоту — въ это время показывается цѣлая туча кавалеріи.

То прибыла на поле сраженія бригада Штейнмеца, бывшая въ авангардѣ Цитена, и кавалерія этого корпуса. Блюхеръ лично велъ кавалерію ⁴⁵⁾.

Наполеонъ остановилъ движеніе 4 баталіоновъ старой гвардіи, и приказалъ имъ переимѣнить фронтъ на-право примкнувъ лѣвымъ крыломъ къ Ла-Ге-Сентъ, а правымъ къ Бель-Алліансу—затѣмъ баталіоны свернулись въ баталіонныя каре.

Наполеонъ еще надѣялся войти въ связь съ отступавшими

---

⁴⁵⁾ Въ мемуарахъ на островъ св. Елены (т. IX, стр. 142) говорится, что атака началась, когда стемнѣло; но прусскій бюллетень и прусскіе писатели относятъ начало ея къ 7 1/2 часамъ по-полудни. Одни ихъ убѣренія конечно не могутъ опровергнуть показаній мемуаровъ; но англійскіе источники не оставляютъ въ томъ никакого сомнѣнія.

Не смотря на все свое желаніе какъ можно долѣе продолжить оборону арміи Веллингтона, они говорятъ, что дѣйствительно въ 7 1/2 часовъ ферма Папелотъ была отбита Цитеномъ.

Австрійскій комиссаръ при Веллингтонѣ, генераль Винцентъ, конечно какъ австріецъ, вовсе нерасположенный увеличивать значеніе прусской помощи, также въ донесеніи говоритъ: «голова перваго прусскаго корпуса (Цитена) достигла Ла-Ге около семи часовъ по-полудни».

Наконецъ, самъ Наполеонъ, въ своемъ первомъ очеркѣ («Campagne de 1815». — Гурго), пишетъ: «Въ восьмомъ часу вечера распространилась тревога — Блюхеръ съ корпусомъ Цитена двинулся на деревню (ферму) Ла-Ге (Папелотъ) и тотчасъ же овладѣлъ ею».

дивизіями Марконье и Дюрютта; число бѣглецовъ прибывало съ каждыиъ шагомъ назадъ.

Но подобная надежда была совершенно эфемерна—дивизіи Донзело и Кіо увидали съ высотъ, господствующихъ надъ Ла-Ге-Сентъ, и побѣдоносное наступленіе пруссаковъ и безпорядочное отступленіе войскъ по правую сторону шоссе; пораженные началомъ сумятицы, онѣ замѣшались и начали отступленіе.

Англо-голландцы перестроились въ колонны, и повели сильную атаку.

Веллингтонъ, завидѣвъ прибытіе войскъ Цитена, приказалъ начать общее наступленіе.

Вскорѣ нашъ центръ и лѣвое крыло были оттѣснены.

Войска Кіо и Донзело ускорили свое отступленіе; Ла-Ге-Сентъ была брошена и люди начали разбѣгаться.

Паника неминуема должна увлечь и остальные войска. Лишь остатки гвардейскихъ баталіоновъ остались геройски умирать на плато, корпусъ же Рейля отступилъ, хотя и въ порядкѣ, къ внутренней опушкѣ Гумонскаго лѣса. Ней отвелъ къ лѣвой сторонѣ шоссе остатки гвардіи и построилъ ее въ два каре у Бель-Аллианса.

Платъе Нея было прострѣлено пулями и покрыто кровью и грязью—самъ онъ съ сверкающими глазами, съ пѣною у рта обращался къ войскамъ. „Здѣсь мы отстаиваемъ независимость Франціи!“ восклицалъ онъ, „такъ ляжемъ же до послѣдняго“; а встрѣтивъ д'Эрлона, выбивавшагося изъ силъ чтобы собрать и ободрить солдатъ, съ озлобленіемъ крикнулъ: „если мы уйдемъ отъ англійской картечи, такъ мы знаемъ свою участь—и тебя и меня повѣсятъ!“

Мы видѣли, что Веллингтонъ въ началѣ битвы оставилъ на окончности лѣваго крыла бригады Вивіена и Ванделера, приказавъ имъ подтянуться къ центру при появленіи кавалеріи Цитена. Бригады такъ и сдѣлали—и англійскій полководецъ направилъ одну на Ла-Ге-Сентъ, а другую на Гумонтъ.

Въ обѣихъ было 2500 коней, сытыхъ и отдохнувшихъ.

Быстрое движеніе Вивіена довершило разстройство дивизій Кіо и Донзело; толпы бѣгущихъ бросили батареи и кинулись спасаться въ интервалы гвардейскихъ каре за Бель-Алліансъ.

Наполеонъ пробовалъ остановить собственнымъ конвоемъ англійскую кавалерію; но слабое прикрытіе было опрокинуто, а генераль Гюо, который велъ эскадроны, упалъ тяжело раненый. Остатки резервной кавалеріи, въ видѣ кучекъ драгунъ, конно-егерей, уланъ, кирасиръ, бросились въ атаку; но и она имѣла несчастный исходъ. Лишь гвардейскія каре сохранили порядокъ и отразили натискъ Вивіена ружейнымъ огнемъ; тогда Вивіенъ бросился въ догонку рубить бѣгущихъ; массы прибывшей англо-голландской кавалеріи, пѣхоты, артиллеріи обрушились на каре — бригады Адама и Ламберта занялись уже съ гвардіею перестрѣлку.

Рейль, атакованный съ праваго фланга Ванделеромъ и тѣснымъ пѣхотою съ фронта, былъ выбитъ изъ Гумонскаго лѣса; два или три баталіона, не выдержавъ натиска кавалеріи, разбѣжались, но остальная пѣхота, не смотря на сильную потерю, сохраняла порядокъ и отступила шагъ за шагомъ на гряды возвышенности Бель-Алліансъ.

Вправо отъ брюссельскаго шоссе дѣла шли хуже.

Ней поскакалъ туда на чужой лошади, безъ шляпы и съ отломкомъ сабли въ рукахъ—нѣсколько сотъ человѣкъ, остатокъ двухъ пѣхотныхъ полковъ, собрались тамъ въ небольшой ложбинѣ съ генераломъ Дюрюттомъ. „За мной товарищи!“ закричалъ имъ Ней, „я вамъ покажу какъ умираетъ маршалъ Франціи!“⁴⁶⁾ — „Вивать маршалъ Ней!“ гаркнула ему въ отвѣтъ эта горсть и бросилась за нимъ; но, поднявшись изъ ложбины, она пошла подъ огонь бригадъ Кемита, Пака, Биландта, Беста и подъ картечный огонь. Въ эту минуту прусская кавалерія наскочила на нихъ, задавила и начала рубить. Только немногіе нашли спасеніе въ гвардейскомъ каре.

---

⁴⁶⁾ Одинъ изъ офицеровъ передалъ подлинныя слова маршала, прибавивъ: «я очень хорошо слышала ихъ, онѣ никогда не выдутъ у меня изъ памяти».

Ней упалъ съ убитою лошадыю, но ни одна пуля не зацѣпила его. Смерть его пока щадила.

Изъ цѣлаго корпуса д'Эрлона не осталось ни одного баталіона, ни одной роты въ порядкѣ; вся корпусная артиллерія досталась непріятелю.

Положеніе дѣлъ стало отчаяннымъ и у Планшенуа. Двѣ бригады корпуса Пирха 1 подкрѣпили въ 7¹² часовъ Бюлова; и атака за атакою, все упорнѣе и чаще, начались на Лобау, Дюзма и Морана.

Ослабленная кавалерія Домона и Сюберви не въ состояніи удержать эскадроновъ принца Вильгельма и Пирха 1, а Цитенъ обошелъ двѣ слабыя дивизіи Лобау—онѣ отброшены въ рядахъ начался безпорядокъ; но корпусъ не оставлялъ поля сраженія.

По всему протяженію Планшенуа и по сторонамъ ручья 18 баталіоновъ пруссаковъ оттѣснили 11 баталіоновъ Дюзма и Морана; послѣ самой упорной защиты мы уступили церковь, кладбище—непріятель ломить впередъ. Въ садахъ, палисадникахъ, по улицамъ, по домамъ началась рѣзня. Бьютъ другъ друга въ упоръ, рѣжутся на штыкахъ съ тѣмъ же изступленіемъ какъ и подъ Линьи. Но несоразмѣрность въ силахъ слишкомъ велика и численное превосходство взяло верхъ.

Послѣ напрасной попытки своего конвоя, Наполеонъ подскочилъ къ двумъ баталіонамъ гвардейскихъ гренадеръ (перваго полка), оставленнымъ на Россомской возвышенности, разослалъ отсюда всѣхъ своихъ штабныхъ офицеровъ удерживать бѣгущихъ, напрасно самъ старался остановить бѣгство къ Женаппу и собрать сколько нибудь войскъ кругомъ двухъ живыхъ редутовъ—двухъ гвардейскихъ каре, неподвижно остававшихся среди общаго разгрома.

Всѣ попытки императора, штабныхъ и линейныхъ офицеровъ не помогли—солдаты, вмѣсто Груши попавшіе подъ натискъ Цитена, солдаты, вѣрившіе въ измѣну и убѣжденные въ этомъ недавними дезертирствами, считали себя жертвою черной, подпольной измѣны; въ ихъ глазахъ все было потеряно.

Люди не слышали ничьихъ увѣщаній и бѣгство продолжа-

лось безостановочно. Шоссе было запружено орудіями, зарядными ящиками, госпитальными повозками — или спавшими или брошенными; всякая надежда на спасеніе артиллеріи была потеряна.

Новыя кавалерійскія атаки Цитена и англійской кавалеріи на бѣгущія толпы всѣхъ оружій, довершили общій ужасъ и разстройство.

Около 9 часовъ Наполеонъ поскакалъ полемъ къ Женаппу, рассчитывая хотя тамъ образовать что нибудь въ родѣ арріергарда.

Степѣло: на Россомскихъ пригоркахъ еще не стихъ боевой гулъ, а у Бель-Аллианса держалась еще гвардія — картечь пробивала бреши въ живыхъ стѣнахъ каре, ружейный огонь въ упоръ валилъ въ нихъ людей, кавалерія наѣдала на нихъ безпрестанно. Сильный огонь вдругъ началъ быстро уменьшаться и затѣмъ смолкъ. Каре были прорваны — половина офицеровъ и солдатъ легла костью, нѣсколько человѣкъ попало въ плѣнъ.

Остальные, разбѣянными кучками, начали пробиваться чрезъ весь этотъ хаосъ — и чрезъ побѣдоносныя войска противниковъ, и чрезъ толпы своихъ бѣглецовъ, по направленію къ Женаппу. Среди одного изъ самыхъ ужасныхъ фазисовъ неравной борьбы, когда кто-то закричалъ сдаться, если хотятъ остаться въ живыхъ, гвардія отказалась на отрѣзъ — словомъ удивительнымъ, не смотря на весь свой солдатскій цинизмъ.

Преданіе передало этотъ отказъ въ болѣе мягкой формѣ фразою: „гвардія умираетъ, но не сдается!“

Съ наступленіемъ ночи мы перестали защищать Планшенуа и были выбиты изъ деревни; баталіоны Лобау, Дюзма, Морана, тѣсняемые съ фронта, обойденные съ фланга, охваченные съ тыла, разсыпались и бросились спасаться. Только самоотверженіе нѣсколькихъ солдатъ на время спасло раненаго генерала Дюзма отъ смерти.

Въ тоже время, или нѣсколько позже, остатки корпуса Рейля, оттѣсненные англо-голландцами къ лѣсу Каллоа, тоже бросились бѣжать.

•

Изъ цѣлой французской арміи ни одного баталіона, ни одного эскадрона не осталось подъ ружьемъ. Разгромъ былъ полный и безусловный. Наполеонъ потерялъ самую рѣшительную битву нашего столѣтія. Подобные результаты были достигнуты непоколебимостью Веллингтона, энергією Блюхера и согласіемъ обоихъ полководцевъ въ исполненіи своего искуснаго маневра. Союзные полководцы случайно встрѣтились у Бель-Алліанса; точно предвидѣли какой приговоръ произносить надъ ними исторія.

Оба они прибыли съ нѣсколькими эскадронами на Россомскіе пригорки, чтобы ближе убѣдиться въ разгромѣ непріятеля, и довершить его—они встрѣчались впервые послѣ дня битвы при Линьи.

Блюхеръ и Веллингтонъ сошли съ лошадей и, обнявшись, поздравили другъ друга съ побѣдою.

Въ 9^{1/2} часовъ вечера кругомъ не видать было ни зги.

Не смотря на то, союзные полководцы рѣшились довершить успѣхъ и гнать непріятеля, не давая ему опомниться.

Истощенная англо-голландская армія не имѣла никакой возможности идти далѣе и расположилась биваками на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ утромъ были наши биваки. Пруссаки взяли на себя преслѣдованіе и Блюхеръ поручилъ его начальнику своего главнаго штаба Гнейзенау; но неутомимый, энергическій, воспламененный успѣхомъ старикъ скоро самъ отправился за нимъ.

Въ распоряженіе Гнейзенау отданы корпуса Цитена, Бюлова, одна пѣхотная бригада и часть кавалеріи Пирха 1. Войска немедленно двинулись вслѣдъ за французами къ Женаппу.

Пирху 1 приказано съ частью кавалеріи и тремя пѣхотными бригадами двинуться на Марансаръ и Бусваль, гдѣ переправиться чрезъ р. Диль и дѣйствовать противъ французскихъ войскъ, вечеромъ завязавшихъ дѣло съ Тильманомъ у Вавра—войска эти, атакованныя Тильманомъ и Пирхомъ 1, должны были подвергнуться неминуемому пораженію.

Отъ Россомскихъ возвышеній до Женаппа, гдѣ Наполеонъ надѣялся остановить бѣгство, 1½ лье (болѣе 5½ верстъ). Наполеонъ прибылъ туда полемъ, сдѣлавъ большой крюкъ къ западу отъ шоссе, чтобы не встрѣтиться съ прусскою кавалеріею.

Шоссе вообще очень широко; но, выходя изъ Женаппа къ берегу р. Дилы, оно суживается и дорога проходитъ по каменному мосту, гдѣ могутъ проѣхать въ рядъ только двѣ повозки. Это имѣло важныя невыгоды—самый пустякъ могъ загородить дорогу спасавшейся артиллеріи и обозу. Конечно если бы воспользовались сосѣдними съ Женаппомъ мостами при Вей и Ти, и построили нѣсколько мостовъ на козлахъ, тогда невыгода не только бы уменьшилась, но даже совсѣмъ исчезла; но къ несчастью ни одна изъ этихъ легкихъ и пустыхъ предосторожностей не была принята. Мостовъ не набросили и не сформировали никакихъ командъ, подъ руководствомъ офицеровъ генеральнаго штаба, чтобы направить часть повозокъ по проселкамъ въ Вей и Ти; такъ что все уходило по шоссе и конечно вскорѣ совершенно его загромодило. Испуганные фуришаты перерѣзали построики и усакали съ лошадьми чрезъ поле.

У Женаппа, р. Диль даже послѣ самыхъ сильныхъ дождей имѣетъ броды для пѣхоты и артиллеріи; но берега вообще круты для повозокъ.

Бѣгущія войска могли бы перейти на другой берегъ безъ труда; но совершенно ошалѣлые отъ страха, они хлынули въ деревню, точно она могла дать имъ защиту, и столпились въ полнѣйшей суматохѣ. Толпы натискивались безпрестанно, когда прибылъ Наполеонъ, сопровождаемый вмѣсто конвоя только нѣсколькими офицерами, и попробовалъ вѣхаться въ толпы; но вскорѣ увидѣлъ, что невозможно собрать арріергардъ даже изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ въ этомъ хаосѣ, и рѣшился слѣдовать вслѣдъ за остатками своей арміи; чрезъ часъ вновь нахлынувшія волны бѣгущихъ увлекли его изъ деревни.

Среди бѣгущихъ, Наполеонъ достигъ до Катръ-Бра, куда

еще утромъ прибыли почти всѣ парки съ генераль-лейтенантомъ Негромъ.

Наполеонъ приказалъ ему направить тотчасъ же всѣ парки къ границѣ, хотя приказаніе это было уже не своевременно.

Въ то же время онъ отправилъ съ офицеромъ къ Груши приказаніе отступать, увѣдомляя его о потерѣ сраженія. Говорятъ императоръ находился въ большомъ смущеніи; это вѣроятно, потому что въ предписаніи Груши не сказано даже куда надо ему направиться ⁴⁷⁾.

Въ это время прибыли офицеры (если только это правда), отправленные съ поля битвы, чтобы направить дивизію Жирара, оставленную наканунѣ въ Линьи, къ Катръ-Бра; они донесли что не нашли ее ⁴⁸⁾.

Отдохнувъ немного, Наполеонъ отправился далѣе въ Шарлеруа. Между тѣмъ Гнейзенау подвигался безъ сопротивленія къ Женаппу — на пути валялись брошенные повозки, шоссе было запружено безконечною, беспорядочною толпою сѣшеныхъ и конныхъ кавалеристовъ, пѣхотинцевъ, раненыхъ генераловъ и офицеровъ, и солдатъ всѣхъ оружій.

Все это перемѣшалось въ невообразимой сумятицѣ и не защищалось противъ кавалеріи; изрѣдка только раздавались ружейные выстрѣлы — въ толпѣ находились еще люди не сломленные катастрофою.

Въ полночь прусскій генераль прибылъ на высоты не доходя Женаппа съ многочисленною кавалеріею и артиллеріею.

Въ ожиданіи скорого прибытія пѣхоты. онъ приказалъ очистить лощину и деревню, пустивъ туда нѣсколько ядеръ и гранатъ.

---

⁴⁷⁾ «Офицеръ, привезшій мнѣ извѣстіе о потерѣ сраженія, передалъ, что Ваше Величество отступаете къ Самбрѣ, но не сказалъ куда Вы приказываете мнѣ отступать». (Донесеніе Груши Наполеону, отъ 20 іюня).

⁴⁸⁾ Въ исходящемъ штабномъ журналѣ показано предписаніе отъ 18 іюня, передъ фермою Калью, генераль-маіору Ремону, принять начальство надъ дивизіею Жирара и привести ее къ Катръ-Бра.

Вѣроятно дивизія опоздала къ Катръ-Бра не потому, что ее не нашли, а потому что приказаніе было отправлено слишкомъ поздно.

При первомъ пушечномъ выстрѣлѣ массы, стѣснившіяся въ Женаппѣ, хлынули изъ деревни во всѣ выходы и неудержимымъ потокомъ неслись по дорогѣ.

Люди похрабрѣе, видя что скопленіе уменьшилось, хотѣли хоть на минуту задержать наступленіе непріятеля, и собрали нѣсколько смѣшанныхъ кучекъ офицеровъ и солдатъ; но все было напрасно.

Лишь только показалась прусская пѣхота, бѣгство стало всеобщимъ. Храбрый Лобау, собравшій 200 или 300 человекъ, былъ покинутъ ими и захваченъ въ плѣнъ.

Женаппъ былъ заваленъ нашими ранеными. Раздраженные пруссаки безжалостно перебили многихъ изъ нихъ; по словамъ Наполеона, въ числѣ самыхъ благородныхъ жертвъ находился генералъ Дюэмъ. Неправда—Дюэмъ былъ взятъ въ плѣнъ и окруженъ попеченіями непріятеля. Даже если бы это было на дѣлѣ, имѣеть ли право Наполеонъ клеймить жестокость пруссаковъ, не говоря ничего противъ Роге, который при Линьи грозилъ своимъ гренадерамъ разстрѣлать изъ нихъ первого, кто приведетъ плѣннаго пруссака ⁴⁹⁾.

Въ Женаппѣ досталось въ руки непріятеля значительное число зарядныхъ ящиковъ, обоза, экипажи многихъ генераловъ, главной квартиры и самого Наполеона, въ томъ числѣ его собственная карета, въ которой онъ пріѣхалъ изъ Парижа; карета эта ушла невредимо изъ Россіи въ катастрофу 1812 года, въ ней найдено платье и шпага императора ⁵⁰⁾.

---

⁴⁹⁾ Въ журналѣ «Spectateur militaire», отъ 4 сентября 1827 года, капитанъ 20 легкаго полка Маркю, говоритъ: «въ 1815 году я состоялъ адъютантомъ при моемъ дядѣ, генералѣ Дюэмѣ, и не покидалъ его до послѣдняго издыханія... онъ былъ смертельно раненъ на полѣ сраженія, взятъ во время бѣгства въ плѣнъ и доставленъ въ Женаппъ, въ главную квартиру фельдмаршала Блюхера. Его чинъ и состояніе были уважены... непріятель окружилъ его попеченіями. Фельдмаршалъ съ сыномъ навѣстили его и поручили хирургу главной квартиры. Въ ночь съ 19 на 20 Дюэмъ умеръ въ Женаппѣ.»

⁵⁰⁾ Флери де-Шабулонъ говоритъ, что въ ней было также дорогое брилліантовое кольцо, подаренное Наполеону принцессою Боргезе. (Полина Бонапарте).

По злой насмѣшкѣ судьбы нашли въ одномъ фургонѣ, украшенномъ государственнымъ гербомъ, связки бумагъ отпечатанныя во Франціи, но обозначенныя „изъ императорскаго дворца въ Лакенѣ“ ⁵¹⁾. То была прокламація къ бельгійцамъ и жителямъ лѣваго берега Рейна. Горделиво выражался въ ней Наполеонъ: „Минутный успѣхъ непріятеля на-время отторгнулъ васъ отъ моей имперіи. Въ изгнаніи, на скалѣ, выдающейся среди моря, я услыхалъ ваши стenanія. Богъ войны рѣшилъ участь вашей прекрасной родины — Наполеонъ между вами. Вы достойны быть французами. Возстаньте поголовно, примкните къ моимъ непобѣдимымъ фалангамъ и уничтожьте варваровъ—нашихъ общихъ непріятелей. Взгляните—они бѣгутъ съ яростью и отчаяніемъ въ сердца“ ⁵²⁾.

Давно уже пророчества избранника providѣнія, какъ выражались французскіе епископы и папа, безжалостно опровергались совершавшимися фактами.

Пруссакки остановились было пограбить богатую добычу, но потомъ возобновили преслѣдованіе нашей несчастной арміи.

Луна взошла и освѣтила путь преслѣдующимъ.

„Это была непрестанная гонка,“ выражается безпощадно правдиво прусскій бюллетень, „французы, не думавшіе о такомъ быстромъ преслѣдованіи и располагавшіеся передохнуть, принуждены были постепенно сниматься съ 9 бивачныхъ позицій, пробовали держаться въ деревняхъ—но, слышавъ барабанъ или трубу, бросались прятаться въ дома, гдѣ ихъ или кололи или брали въ плѣнъ.“

Армія достигла крайней степени деморализаціи.

Но эта армія геройски, твердо, самоотверженно дралась цѣлый долгій день сначала съ равносильнымъ, потомъ съ превосходящимъ непріателемъ, выдерживая бой съ фронта и фланга. Чего же недоставало этой арміи? что довело ее до катастрофы и вписало въ наши военныя лѣтописи такую безотрад-

---

⁵¹⁾ Дворецъ отстоитъ на полъ-лѣе отъ Брюсселя, и служитъ резиденціею бельгійскому королю.

⁵²⁾ Прокламація подписана Наполеономъ и контрасигнирована Бертраномъ.

ную страницу?—Одно ослѣпленіе вождя, который долженъ былъ во-время отступить, видя что дальнѣйшая борьба невозможна.

Среди общей паники выдалось много примѣровъ военной доблести. Факты эти не должны быть забыты исторіею.

Ней ушибленный, разцарапанный, измученный, едва брелъ по грязи одинъ одиноконецъ, не имѣя при себѣ ни ординарца, ни вѣстового. Неизвѣстный солдатъ помогаль ему идти до тѣхъ поръ, пока другой самоотверженный поступокъ не выручилъ Ней. За Женаппомъ майоръ Шмидтъ, изъ дивизіи Лефевра-Денуэта, спѣшилъ передъ героемъ Бородина, посадилъ его на лошадь и спасъ съ опасностью собственной жизни ⁵³⁾.

Генералу Дюрютту разрубили саблею лобъ и изувѣчили правую кисть; текущая кровь залила ему глаза—лошадь несла его на-удачу. Кирасирскій вахмистръ подѣхалъ къ нему, провозжалъ и оставилъ только на-границѣ, когда миновалась всякая опасность.

Большая часть ѣздовыхъ и фурштатовъ распрягли лошадей, обрубили построжки и бросили свои орудія, ящики и раненыхъ: но были и такіе, которые остались вѣрны до-конца своему долгу; они спасали и пушки, и повозки, и раненыхъ, порученныхъ имъ, протискиваясь въ тѣснотѣ чрезъ препятствія разнаго рода.

Въ началѣ дѣла мы потеряли два знамени, потомъ же не потеряли ни одного.

Среди перемѣшанной толпы безоружныхъ всадниковъ и пѣхотинцевъ, бросившихъ свое оружіе подъ гнетомъ нестерпимаго отчаянія и паническаго страха; среди нестройной массы вооруженныхъ, при слабомъ мерцаніи луны, тамъ и сямъ чернѣли сплошныя кучки офицеровъ и солдатъ кругомъ какого нибудь знамени.

Съ геройскимъ безстрашіемъ подвигались они ружье на-руку среди всеобщаго смятенія. „Дорогу знамени!“ раздавался крикъ ихъ при каждой остановкѣ — и массы, невнимавшія голосу на-

---

⁵³⁾ Письмо Ней кт. Фуше, отъ 26 іюня 1815 года.

чальниковъ, массы, забывшія дисциплину, раздвигались, давали дорогу. Представители военной доблести—эти кучки храбрыхъ были охвачены нѣсколько разъ непріятелемъ; но отбивали всѣ его атаки и отстояли свои знамена съ ихъ померкшею славой.

Преслѣдованіе прекратилось лишь съ разсвѣтомъ: эскадроны принца Вильгельма Прусскаго, опередившіе нѣсколько своихъ, миновали Франъ и достигли трактира на шоссе подъ вывѣскою: „императора;“ Гнейзенау остановилъ ихъ и приказалъ играть сборъ. Пѣхотѣ, достигнувшей Катръ-Бра, также приказано остановиться. Войска устали до изнеможенія, и нуждались на нѣсколько часовъ въ отдыхъ. Многіе изъ нашихъ были одолжены своимъ спасеніемъ только этому истощенію.

Французской арміи не существовало; корпуса Рейля и д'Эрлона устремились къ переправамъ на Самбрѣ, гдѣ перешли рѣку четыре дня назадъ, т. е. къ Маршіену; остальные войска спасались къ Шарлеруа.

Передъ разсвѣтомъ Наполеонъ пріѣхалъ въ Шарлеруа, куда уже достигло множество спасавшихся кавалеристовъ, распространившихъ общее замѣшательство въ городѣ.

Не останавливаясь, Наполеонъ проѣхалъ городъ и сдѣлалъ маленькій привалъ за Самброю, на лужайкѣ въ девяти Марцинелѣ. Изъ Шарлеруа пріѣхали къ нему двѣ независимыхъ кареты. Въ одну сѣлъ онъ съ Бертраномъ, въ другую сѣло 4 или 5 сопровождавшихъ офицеровъ—и кареты безъ всякаго конвоя покатались въ Филиппвиль.

Наполеонъ не отдалъ въ Шарлеруа никакихъ распоряженій для спасенія и вывоза понтоннаго парка, провіантскаго обоза и раненыхъ 16 іюня, равно и для очищенія города отъ бѣглецовъ.

Черезъ нѣсколько времени началась отвратительная сумятица; фушштаты оставили свои парковые и понтонныя фуры; повозки съ хлѣбомъ, мукою, виномъ и водкою были разграблены голодною толпою, которая разбрелась по улицамъ и кругомъ города. Даже государственная казна (суммою до 6 м. франковъ) была расхищена и разворована тысячами грабителей.

Съ напоромъ новыхъ массъ, у повозокъ съ провіантомъ и

золотомъ началась драка за добычу — раздавались ружейные выстрѣлы, звонъ сабель, штыковъ — на порогъ Франціи повторились Виленскіе ужасы.

Утромъ 19-го, главная квартира Блюхера была въ Женапшъ, а Веллингтона осталась въ селеніи Ватерлоо; отъ названія селенія, означеннаго на побѣдномъ бюллетенѣ, и самая битва получила названіе.

Англійскій генераль назвалъ битву 18-го іюня битвою гигантовъ ⁵⁴⁾. Характеристики вѣрнѣе нельзя придумать. Не было болѣе свирѣпаго и кроваваго столкновенія; но къ несчастію Франціи, ея армія за то и понесла безпримѣрное, единственное пораженіе.

Приучивъ свои легіоны къ громовымъ побѣдамъ, повергавшимъ къ нашимъ ногамъ царства, Наполеонъ теперь велъ ихъ отъ разгрома къ разгрому.

Думая утѣшить убитую горемъ Францію, онъ превозносилъ храбрость войска, но поведеніе войска въ этотъ роковой день выше всякой похвалы. Восемь часовъ армія ведетъ себя съ самоотверженіемъ и геройствомъ. съ которыми можно сравняться, но превзойти которыхъ нельзя.

Вина пораженія, помрачившаго славу нашихъ знаменъ, падаетъ на вождя, но не на войска. Были примѣры, что подобно Ватерлоо, наша армія, подавленная числомъ, теряла битвы: но Наполеонъ разумно предотвращалъ катастрофу искуснымъ отступленіемъ и не настаивалъ на продолженіи невозможной борьбы. Не выкажи онъ такого упорства и ослѣпленія 18-го іюня, мы могли бы отступить въ порядкѣ.

Побѣда не дешево досталась Веллингтону и Блюхеру, особенно же первому, потому что ему пришлось выдерживать болѣе продолжительный бой.

Англичане потеряли убитыми и ранеными 8,358 человекъ, ганноверцы 2,228 человекъ, голландцы и бельгійцы 3,178

---

⁵⁴⁾ Письмо фельдмаршалу Шварценбергу, отъ 26 іюня.

Въ письмѣ, отъ 20 іюня, къ издѣвнику 1793 г., Дюмурье, Веллингтонъ говоритъ: «мы не доводилось видѣть такой битвы какъ третьяго дня, и не случалось одерживать такой побѣды».

человѣкъ, брауншвейгцы 687, а нассаускій контингентъ (бригада ф. Крузе) 643 человѣка. Общая потеря арміи простиралась до 15,094 человѣкъ ⁵⁵⁾, т. е. почти $\frac{1}{4}$ сражавшихся. Въ томъ числѣ было изъ фронта до 700 офицеровъ (въ числѣ ихъ 12 генераловъ). Пруссакъ потеряли 6990 человѣкъ убитыми и ранеными — почти исключительно изъ корпуса Бюлова ⁵⁶⁾.

Въ арміяхъ Веллингтона и Блюхера было всего до 22,000 человѣкъ — убѣдительное доказательство геройства французской арміи!

Потери наши были значительнѣе. Ихъ показываютъ различно, потому что послѣ пораженія нельзя было добиться въ нихъ точныхъ указаній. По показанію Наполеона, самому умѣренному изъ всѣхъ, мы потеряли 23,600 человѣкъ, въ томъ числѣ 7000 плѣнныхъ.

Официальный документъ, существующій въ Парижскомъ архивѣ военнаго министерства, заставляетъ насъ заключить, что эта цифра потери на 8 или 9 т. ниже дѣйствительной цифры ⁵⁷⁾.

---

⁵⁵⁾ Донесеніе Веллингтона. — Официальные данныя, хранящіеся въ архивѣ военнаго министерства въ Гарѣ. — «Geschichte des herzoglich Braunschweigischen Armée-Corps». — «History of the king's german legion», by Beamish.

⁵⁶⁾ Вагнеръ, Дамницъ. — Цифры эти вѣроятно maximum потери, потому что прусскіе писатели скорѣе расположены увеличивать, чѣмъ уменьшать собственную потерю 18 іюня, чтобы болѣе выставить вліяніе своей арміи на рѣшеніе побѣды.

⁵⁷⁾ Официальный документъ, служащій намъ источникомъ — перечневая вѣдомость по дивизіямъ арміи, собранной подъ Парижемъ 1 іюля (см. приложение XV); численность всѣхъ корпусовъ, вернувшихся изъ подъ Ватерлоо, простиралась до 37,000, а за исключеніемъ дивизіи Жилара до 35,000.

Отсюда по-видимому выходитъ, что мы потеряли подъ Ватерлоо до 37,000, потому что первоначальная сила арміи доходила до 72,000. по такой выводъ можетъ быть ошибоченъ по слѣдующимъ причинамъ:

- 1) нѣсколько тысячъ солдатъ, перейдя границу, дезертировало;
- 2) нѣе корпуса, въ особенности кавалерія, получили въ 1 іюля разныя подкрѣпленія. Наша вѣроятная потеря можетъ быть опредѣлена въ 31,000 или 32,000 убитыми, ранеными и плѣнными.

Наши генералы заплатили тяжкую дань превратностямъ войны: Мишель, Дюэмъ, Дево (начальникъ гвардейской артиллеріи) и Бодуэнъ были убиты; Фріанъ, Барруа, Фуа, Дюрюттъ, Гюо, Дюрке, Леритъе, Делоръ, Кольберъ, Мале, Траверъ, Днопъ, Бланкаръ, Лальманъ, Фаренъ, Гитонъ и Камброннъ были ранены; раненый Камброннъ и Лобау были взяты въ плѣнъ.

Кромъ численныхъ потерь мы потеряли почти всю артиллерію. Утромъ 18-го мы имѣли 248 орудій (считая батарею дивизіи Жирара), а на другой день у насъ не осталось и 50 орудій. Парки артиллерійскій и понтонный большею частью достались непріятелю.

Все обрушилось на нашу голову. Къ довершенію несчастія Наполеонъ не подготовилъ никакого резерва, который могъ бы принять на себя бѣгущую къ границамъ въ разстройствѣ армію, и дать ей собраться, оправиться — тѣмъ болѣе, что Веллингтонъ и Блюхеръ шли по пятамъ, а арміи: русская, австрійская, и германскіе контингенты, получивъ извѣстіе о началѣ военныхъ дѣйствій, а потомъ о побѣдѣ надъ нами въ Бельгіи, должны были идти къ Парижу на усиленіе англичанъ и пруссаковъ, и подавить Францію нашествіемъ своихъ громаднѣхъ армій.

ГЛАВА XIII.

Причины, вліявшія на разгромъ нашей арміи, вызвали разностороннія сужденія.

По словамъ Наполеона и французскихъ писателей, почти безъ исключенія судившихъ по отзывамъ на о. св. Елены, самый слѣпой, неожиданный случай доставилъ побѣду Блюхеру и Веллингтону.

Англійскій генералъ сдѣлалъ самыя жалкія распоряженія. Вѣрнѣе сказать, онъ не сдѣлалъ никакихъ, потому что не могъ даже что нибудь предпринять ¹⁾).

Позиція при Монъ-Сенъ-Жанъ была выбрана неудачно. Первое условіе боевой позиціи не имѣть въ тылу тѣсинъ.

Въ бою англійскій главнокомандующій не воспользовался своею многочисленною кавалерією. Онъ ожидалъ атаки на правый флангъ, не понимая что его должно атаковать и атакуютъ съ лѣваго фланга.

Веллингтонъ далъ битву при Ватерлоо единственно разсчитывая на содѣйствіе пруссаковъ, хотя они ему могли помочь не ранѣе полудня, и съ 4 часовъ утра до 5 по-полудни, т. е. въ теченіе 13 часовъ, рисковалъ драться безъ союзниковъ. Сраженіе обыкновенно длится не болѣе 6 часовъ—слѣдовательно разсчитать на содѣйствіе былъ чистою иллюзією.

Погода стояла ужасная въ ночь съ 17-го на 18-е іюня, такъ что до 9 часовъ утра нельзя было производить никакихъ передвиженій на мѣстности. Мы теряли 6 часовъ вре-

---

¹⁾ «Mémoires de Las Cases».

мени, непріятель выигрывалъ чрезъ это, однако можетъ-ли главнокомандующій отдавать судьбу боя такимъ случайно-стиямъ, какъ напр. ночная непогода ²⁾).

Короче, по сужденію Наполеона, Веллингтонъ выказалъ полнѣйшую неспособность, а исполненный имъ планъ, задуманный вмѣстѣ съ Блюхеромъ, и, по общимъ отзывамъ знающихъ дѣло и безпристрастныхъ писателей ³⁾, задуманный очень искусно, былъ иллюзіею. Союзные генералы одолжены побѣдою не своимъ дарованіямъ, а слѣпому случаю.

Подобный выводъ положительно опровергается фактами.

Распоряженія Веллингтона были на столько умѣстны, что онъ предугадывалъ всѣ атаки противника. Рѣшившись принять оборонительное сраженіе до прихода пруссаковъ, онъ не имѣлъ нужды въ маневрированіи; но тамъ, гдѣ приходилось маневрировать, всѣ передвиженія были толково задуманы и исполнены.

Позиція при Монъ-Сенъ-Жанъ представляла тѣ же невыгоды для отступленія какъ и позиція, занятая Наполеономъ— даже она была выгоднѣе въ этомъ отношеніи. Почти вся артиллерія могла безъ затрудненія отступить къ Брюсселю по широкому шоссе, мощеной альзембергской дорогѣ отъ Монъ-Сенъ-Жана, и тремъ дорогамъ, правда испорченнымъ дождемъ, однако проходимымъ. Суанскій лѣсъ, высокая листва безъ мелкаго кустарника, которую трудно было скоро обойти, былъ проходимъ по всѣмъ направленіямъ для пѣхотинцевъ и кавалеристовъ и представлялъ при преслѣдованіи прекрасное укрытіе для пѣхоты и кавалеріи, даже въ случаѣ полнѣйшаго бѣгства.

Французская армія, имѣя гораздо болѣе артиллеріи, чѣмъ англо-голландская, оставляя въ тылу Женапское дефиле, под-

---

²⁾ «Mémoires», t. IX, p. 171—174.

³⁾ Укажемъ между прочимъ на генерала Жюини («Précis historique et critique de la campagne de 1815»). Конечно, когда рѣчь не касается русскихъ, его нельзя подозрѣвать въ пристрастіи къ противникамъ Наполеона.

вергалась большимъ невыгодамъ при отступленіи; въ случаѣ пораженія для нее было бы счастьемъ, если бы не доходя Женаппа находился лѣсъ, подобный Суаньскому ⁴⁾).

Совершенно невѣрно замѣчаніе, что англійскій главнокомандующій не воспользовался своею многочисленною кавалерією. Въ началѣ битвы кавалерія довершила пораженіе колоннъ д'Эрлона, потерявшаго до 5 т. человекъ. Затѣмъ послѣдовательныя геройскія атаки эскадроновъ Мильго, Келлермана и гвардіи, разбились не объ одно сопротивленіе англо-голландскихъ баталіоновъ, но и о искусное, своевременное противудѣйствіе кавалеріи.

Наконецъ, въ концѣ дѣла, кавалерія, въ особенности же двѣ бригады силою въ 2,500 коней, бывшія до того въ резервѣ, имѣла очень важное вліяніе на общее разстройство нашихъ войскъ.

Расположеніе Веллингтоновской арміи доказываетъ, что онъ ждалъ атаки не на фланги, а болѣе на центръ. Доказательствомъ, что онъ предвидѣлъ какъ разовьется сраженіе, служитъ подготовленность его при нашей центральной атакѣ.

Подготовивъ неудачу д'Эрлона, онъ показалъ свою проницательность, когда Наполеонъ устремилъ такія главныя усилія на центръ противника.

Конечно Веллингтонъ рѣшился на битву, рассчитывая лишь на пруссаковъ; но совершенно ложно увѣреніе, что они могли помочь ему только въ 5 часовъ по-полудни.

Если бы Бюлова не задержалъ пожаръ въ Ваврѣ, если бы онъ переправился чрезъ Диль выше Вавра, и шелъ не одною колонною, а двумя, то вѣроятно прибылъ бы на поле сраженія не въ 4½ часа, а въ часъ по-полудни. Наконецъ отъ самого Блюхера зависѣло не заставлятъ цѣлое утро ждать англо-голландцевъ—онъ всегда могъ двинуть Цитена и Пирха 1 часа за два до разсвѣта.

---

⁴⁾ Говорятъ ошибочно, что Наполеонъ могъ отступать по шоссе на Нивель и Шарлеруа; отступленіе на Нивель подвергало войска Группы совершенной гибели.

Не забудемъ что оба генерала, еще наканунѣ въ полдень, расположились вблизи Вавра и были ближе Бюлова къ полю битвы, такъ что вѣроятно прошли бы не болѣе 7 или 8 часовъ времени.

„Непогода бушевала всю ночь съ 17 на 18 іюня — такъ что до девяти часовъ утра невозможно было производить построения.

Шесть потерянныхъ часовъ были счастьемъ для непріятеля.“

Приводя подобный аргументъ, Наполеонъ забываетъ, что между Вавромъ и Монъ-Сень-Жаномъ лиль такой же ливень какъ и въ Монъ-Сень-Жанѣ.

Проселочныя дороги между обоими пунктами были затоплены, поля разгрязлились, и вслѣдствіе того двинувшіеся на помощь прусскіе корпуса сильно запоздали.

Не будь дождя, пруссаки прошли бы не болѣе 4½ часовъ отъ Вавра къ Планшенуа и Смогену. Дѣло ясно какъ день.

Надежда на содѣйствіе пруссаковъ, подвигнувъ Веллингтона къ принятію битвы, была не иллюзія, но имѣла основаніе.

Странное дѣло! осыная неосновательными и фдкими порицаніями планы союзниковъ и дѣйствія Веллингтона, Наполеонъ забылъ про грубую ошибку, дѣйствительно сдѣланную англійскимъ генераломъ—отдѣленіе 17 т. человекъ къ Галю за 3 лье отъ позиціи, гдѣ ждали и приняли битву ⁵⁾).

---

⁵⁾ Приведемъ слова Наполеона о этомъ отдѣленіи:

«Отрядъ изъ двухъ тысячъ кавалеріи, въ ночь 17, былъ направленъ на Галь, угрожая обойти справа Суанскій лѣсъ и двинуться на Брюссель: встревоженный герцогъ Веллингтонъ отправилъ туда 4-ю дивизію Кольвиля. Ночью нашъ отрядъ вернулся къ арміи, а англійская дивизія осталась наблюдать и была такимъ образомъ отвлечена въ день битвы.» («Mémoires», t. IX).

О движеніи двухъ-тысячнаго кавалерійскаго отряда не упоминается нигдѣ и говорятъ о томъ одни мемуары на островъ св. Елены, такъ что фактъ этотъ болѣе чѣмъ сомнителенъ; Наполеонъ навѣрно зналъ изъ современныхъ сочиненій о силѣ отряда въ Галь, составленнаго изъ дивизіи Штедмана, индійской бригады, кавалеріи д'Эсторфа и двухъ бригадъ дивизіи Кольвиля, но называетъ только войска послѣдняго; чтобы читатель думалъ, что всѣ остальные части дрались при Ватерлоо.

Самъ Веллингтонъ пишетъ ⁶⁾, что отдѣлилъ отрядъ къ Галю изъ опасенія быть обойденнымъ съ праваго фланга, т. е. онъ предполагалъ, что Наполеонъ рѣшится на открытое фланговое движеніе, на протяженіи 3 или 4 лье, въ виду всей англо-голландской арміи или направить на дорогу отъ Галя къ Брюсселю значительную часть своихъ силъ въ то время, какъ рѣшался дать битву при Монъ-Сень-Жанъ. Первое предположеніе не раціонально, второе совершенно противорѣчило стратегическимъ правиламъ и приѣмамъ Наполеона.

На главномъ пунктѣ, въ минуту, рѣшающую участь кампаніи, не ослабляютъ себя подобнымъ образомъ, чтобы гнаться за невѣрными и второстепенными успѣхами. Можно оправдать хотя и съ трудомъ озабоченность Веллингтона 17 іюня и въ утро 18, но послѣдовавшее затѣмъ сомнѣніе, въ то время какъ присутствіе всей арміи Наполеона стало извѣстно, иначе и нельзя назвать какъ грубою ошибкою.

Если бы онъ послалъ за войсками, остававшимися въ Галѣ въ 8 часовъ утра, то, не смотря на дурныя дороги, они прибывали въ полдень на поле сраженія.

Веллингтонъ не сдѣлалъ этого — и слѣдствіемъ было то, что англо-голландская армія понесла болѣе значительныя потери, чѣмъ могла понести, и одно время подвергалась крайней опасности.

Ни полная увѣренность на болѣе раннее содѣйствіе пруссаковъ, ни рѣшительная побѣда не могутъ оправдать сдѣланной ошибки, хотя и ослабляютъ ее значеніе.

Мы удивляемся что Веллингтонъ сдѣлалъ подобный промахъ. Но за то скажемъ, что въ этотъ грозный день онъ болѣе не сдѣлалъ ни одной ошибки, чтобы ни говорили въ пристрастныхъ и невѣрныхъ нападкахъ.

---

⁶⁾ «Непріятель можетъ обойти насъ чрезъ Галь несмотря на непогоду, на ужасное состояніе дорогъ и на то, что я оставилъ между Галемъ и Ангіеномъ корпусъ принца Фридриха Нидерландскаго. Въ такомъ случаѣ я прошу Ваше Высочество и Его Величество уѣхать въ Антверпенъ... однако лишь когда будетъ навѣрное извѣстно, что непріятель, обойдя меня, занялъ Брюссель.» (Приведенное выше писмо къ герцогу Беррійскому).

На наше несчастіе, не смотря на промедленіе пруссаковъ, Веллингтонъ прекрасно распоряжался на полѣ сраженія—войска вводились въ дѣло во-время, по мѣрѣ того какъ разгоралась битва; а въ рѣшительную минуту оставался еще сильный резервъ.

Была минута отчаянная для Веллингтона, но какой главнокомандующій не испытывалъ подобныхъ кризисовъ. Возмемъ наприимѣръ Наполеона подѣ Маренго. Положеніе его было опаснѣе, чѣмъ Веллингтона подѣ Ватерлоо, какъ вдругъ счастливая находчивость Дезе и геройская рѣшимость Келлермана перемѣнили пораженіе въ полнѣйшую побѣду.

Наполеонъ далѣе въ замѣткахъ такъ отзывается о англійскомъ генералѣ: „не смотря на диверсію генерала Бюлова съ 30 т. пруссаковъ, онъ бы дважды отступилъ съ поля сраженія, если бы имѣлъ какую либо возможность. По странной игрѣ случая выбравъ дурную позицію, отступление съ коей было невозможно, тѣмъ самымъ добились успѣха ⁷⁾“.

Мы уже высказали можно ли нѣтъ было отступить чрезъ Суанскій лѣсъ, прорѣзываемый широкимъ брюссельскимъ шоссе, почти вездѣ мощною альзембергскою дорогою и тремя параллельными ей проселочными дорогами. Наполеонъ, имѣя гораздо больше артиллеріи, не имѣлъ столько удобныхъ путей для отступления. Подѣ Эсслингеномъ путемъ отступления служилъ единственный мостъ на судахъ, но тѣмъ не менѣе и моста было достаточно, потому что отступление начали своевременно.

Въ какую же именно минуту думалъ отступить Веллингтонъ? Послѣ успѣха надѣ Эрлономъ или въ пять часовъ, когда была отбита первая атака Нея, а Бюловъ показался противъ Планшенуа? Въ семь-ли часовъ, когда вся наша резервная кавалерія истощилась въ геройскихъ усиліяхъ противъ англо-голландскаго центра, а Пирхъ I и Цитенъ появились на полѣ сраженія или полчаса спустя, послѣ отступления нашей гвардіи, уступившей численному превосходству, и вступленія въ дѣло войскъ Пирха I и Цитена? Вопросъ поставленный такимъ

---

⁷⁾ «Mémoires», t. IX, p. 175.

образомъ самъ и разрѣшаетъ каждое изъ этихъ предположеній.

Нѣтъ—Веллингтонъ не думалъ отступать ни въ одинъ изъ фазисовъ битвы. Увѣрять въ противномъ можетъ только человѣкъ или желающій переименовать по своему событія или не изучившій ни характера англійскаго полководца, ни событий дня, ни комбинацій противниковъ, на которыхъ былъ основанъ весь планъ кампаніи.

Сущность комбинацій заключалась въ томъ, чтобы помочь англо-голландцамъ, если не цѣлою арміею такъ по крайней мѣрѣ половиною ея, и обрушиться вдвоемъ на противника—подобный планъ, выполненный до конца, велъ къ самымъ рѣшительнымъ результатамъ.

Корпусъ Бюлова уже прибылъ на поле битвы, корпуса Пирха 1 и Цитена приближались—Веллингтонъ ежеминутно узнавалъ о ихъ приближеніи, все вело къ предположенному соединенію; англійскому генералу, человѣку извѣстному своею твердостью, оставалось только не отступать отъ принятаго разъ рѣшенія, т. е. держаться на позиціи до послѣдней крайности, до истощенія всѣхъ средствъ. Всякій гибнувшій солдатъ замѣщался десятью прусскими; со стороны же французовъ потери не вознаграждались.

При задуманномъ планѣ и въ подобныхъ обстоятельствахъ нечего было и думать объ отступленіи—простой выводъ безъ фактовъ убѣждаетъ насъ въ томъ.

Большая часть французскихъ писателей, вслѣдствіе дурно понимаемой народной гордости и изъ страстнаго желанія представить Наполеона непогрѣшительнымъ и павшимъ только подъ ударами судьбы, приняли на слово и пропагандировали невѣрные рассказы плѣнника на о. св. Елены. Были и такіе, что принялись развивать фразу Наполеона и увѣрять, что Веллингтонъ два или три раза думалъ объ отступленіи—но дурная позиція тому помѣшала. Подобные рассказы нашли вѣру и оправдали мысль, что нѣтъ той лжи, которая, вслѣдствіе безпрестанныхъ повтореній, не стала бы историческою аксіомою!

Безусловно и горячо порицая своихъ противниковъ ⁸⁾, Наполеонъ не скупится на похвалы себѣ.

„Онъ совершилъ все, что только можно требовать,“ говорить онъ, „но все рушилось отъ самаго слѣпнаго стеченія обстоятельствъ, тогда какъ дѣло шло чрезвычайно удачно ⁹⁾“.

И такъ кровавый день Ватерлоо, почти единственный въ исторіи по упорству борьбы, важности взаимныхъ интересовъ и достигнутымъ результатамъ, по словамъ Наполеона, былъ сценою, гдѣ военное дарованіе боролось съ военною бездарностью и было побѣждено по волѣ слѣпнаго случая.

Мы не оспариваемъ, что часто человекъ, не понимая причины событій, относить ихъ къ случаю или несчастію; прекрасно задуманные планы не удаются, плохіе даютъ хорошіе результаты—умные маневры и усилія таланта и генія остаются безплодными, тогда какъ посредственность, невѣжество и глупость увѣнчиваются успѣхами. Все это встрѣчается въ военной исторіи; но исторія не должна прибѣгать къ подобному истолкованію, если разумный анализъ недостаточенъ. Война есть кровавая борьба матеріальной силы; ее слишкомъ часто принимаютъ за дѣло случая.

Мы не думаемъ что, сваливъ все на случай, объяснимъ катастрофу 18 іюня.

Разсмотрѣвъ какъ несправедливо обвинилъ Наполеонъ своихъ противниковъ въ неспособности и тупости, мы увидимъ что похвалы, расточаемыя имъ собственной личности, незаслужены.

Въ прежнее время своей военной карьеры Наполеонъ не надѣлалъ бы столько ошибокъ. Ошибки его были замѣчены и разобраны.

Утромъ 18-го іюня, не смотря на вчерашнюю вялость, Наполеонъ на свое счастье имѣлъ передъ собою англо-гол-

---

⁸⁾ Впрочемъ на островѣ св. Елены, въ одну изъ откровенныхъ минутъ, Наполеонъ выразился: «маршъ Блюхера къ Вавру вснышка генія, на которую способны только великіе полководцы.»

⁹⁾ «*Mémorial de Las Cases*».

ландскую армію, рѣшившуюся на битву. Она была равно-сильна численностью французской; но уступала ей по составу и по количеству артиллеріи. Не зная гдѣ—близко или далеко, находится прусская армія, Наполеонъ долженъ былъ воспользоваться удобнымъ случаемъ; и разъ рѣшившись на битву, начать ее какъ можно ранѣе. Однако онъ прождалъ до 11½ часовъ утра, и только въ 2 часа повелъ настоящую атаку корпусомъ д'Эрлона. Въ свое оправданіе, онъ ссылался на грязь, не позволившую ранѣе маневрировать съ артиллерією; но ни одинъ правдивый критикъ не принялъ этого довода во вниманіе ¹⁰⁾.

Веллингтонъ могъ же по такой точно грязи сдѣлать все нужныя передвиженія и построить боевой порядокъ между 6-ю и 8-ю часами утра.

Наполеонъ долженъ былъ построиться въ тоже время, и въ 7½ часовъ утра открыть канонаду, раздавшуюся на самомъ дѣлѣ позже четырьмя часами.

Онъ самъ сознается въ небрежности говоря: въ 8 часовъ артиллерійскіе офицеры, объѣхавшіе позицію, донесли: что артиллерія можетъ двигаться съ большими затрудненіями, которыя черезъ часъ значительно уменьшатся ¹¹⁾.

Послѣ тяжело проведенной ночи, солдатамъ слѣдовало дать поѣсть, почиститься и подготовиться къ бою; но на все это довольно было двухъ часовъ времени.

Сколько разъ случалось, что наши войска послѣ подобной же мучительной ночи, шли съ разсвѣтомъ въ атаку на непріятеля; наконецъ 18-го, самъ Бюловъ тоже снялся съ биваковъ и началъ движеніе въ 4 часа утра. Безъ особеннаго изнуренія наша армія могла начать построеніе въ 6 часовъ утра, окончить его къ половинѣ осьмага ¹²⁾ и затѣмъ двинуться на непріятеля.

---

¹⁰⁾ Между прочими генераль Жюини называетъ ошибкою поздно начатую атаку; также выражается и генераль Ламаркъ.

¹¹⁾ «Mémoires», t. IX.

¹²⁾ По мемуарамъ Наполеона армія строилась 1¼ часа въ боевой порядокъ.

Ложная атака на Гумонъ въ началѣ не требовала особеннаго содѣйствія артиллеріи; когда же сраженіе закипѣло по всей линіи, обѣ арміи испытывали одинаково трудность маневрированія.

Наполеонъ совершенно безцѣльно потерялъ четыре часа времени. Потеря эта была большимъ несчастіемъ. Результатъ дня могъ быть иной. Не смотря на упорство вождя и личную храбрость войскъ (самъ Наполеонъ называетъ ее удивительною) англо-голландская армія одна, выдерживая съ 7½ часовъ утра до 4½ часовъ по-полудни приступы французской арміи, была бы вѣроятно разбита—позднее прибытіе Бюлова не поправило бы дѣла, а самъ онъ могъ испытать ту же участь.

Конечно, завязись дѣло въ половинѣ осьмага, Блюхеръ не оставилъ бы у Вавра до полудня корпуса Цитена и Пирха I, и, при первомъ же гулѣ боевой канонады, двинулъ ихъ за Бюловымъ; но движеніе, начатое около 9 часовъ, не могло имѣть никакого вліянія на исходъ сраженія.

Веллингтонъ рассчитывалъ, что одинъ или нѣсколько прусскихъ корпусовъ подойдутъ утромъ; однако они подошли лишь послѣ полудня, и Блюхеръ, упустивъ изъ виду вѣроятность задержки по испорченнымъ дорогамъ, далъ своимъ войскамъ, въ особенности дравшимся подъ Линьи, возможно долгій отдыхъ.

Блюхеръ сдѣлалъ неосторожность, при большей энергіи Наполеона она могла погубить англо-голландскую армію. Опоздавъ атакою французскій вождь выпустилъ изъ рукъ благопріятные шансы; забывъ военную аксіому: „пользуйся удачною минутою“, онъ счелъ за неважное промедлить нѣсколько часовъ. Эта капитальная ошибка произошла конечно отъ убѣжденія, что прусская армія совершенно разстроена пораженіемъ при Линьи.

Кромѣ указанной ошибки, самое дѣло велось ошибочно. Разсмотримъ промахи по порядку.

Гребень Монъ-Сень-Жанскаго плато такъ близко командуетъ Гумонскимъ замкомъ, что, занявъ замокъ, наши войска

не могли въ немъ долго держаться. Наша атака была диверсією, чтобы облегчить нападеніе д'Эрлону на лѣвое крыло англо-голландской арміи. Однако съ самаго начала она обратилась въ настоящую и очень серьезную атаку; Наполеонъ видѣлъ и допустилъ это. Къ 5 часамъ по-полудни весь корпусъ Рейля стѣснился передъ позицією, защищаемою слабѣйшимъ непріятелемъ; такъ что диверсія обратилась въ пользу непріятеля и наша пѣхота не могла поддержать на плато кавалерійскихъ атакъ Нея.

Самая атака Гумона велась съ странною неосмотрительностью: ничего не узнали про крѣпость замка и строеній, а пошли прямо, не приготовивъ проломовъ артиллерійскимъ огнемъ. Только черезъ три часа, послѣ напрасной потери множества храбрыхъ, выставили нѣсколько гаубицъ противъ массивныхъ зданій и произвели пожаръ, выгнавшій изъ замка англо-голландцевъ; но они продолжали держаться въ саду, какъ въ редюитѣ, противъ безсильныхъ попытокъ нашихъ солдатъ. Забыли самую пустую вещь: саперы, снабженные петардами и мѣшками съ порохомъ, живо обрушили бы садовую ограду.

Скорое занятіе Ла-Ге-Сента имѣло особую важность; однако забыли выставить нѣсколько орудій, которыя разбили бы стѣны и зажгли ферму, и только послѣ большихъ потерь, въ 4 часу по-полудни, овладѣли этимъ пунктомъ.

У Пашелотъ и Ла-Ге повторена была та же ошибка.

Мы уже сказали о невыгодномъ построеніи пѣхоты д'Эрлона, при атакѣ лѣваго крыла англо-голландцевъ. Не подержавъ колоннъ кавалерією увеличили ошибку. Бригада Травера и эскадроны Жакино поддержали пѣхоту слишкомъ поздно, т. е. когда та лишилась трети людей (до 5000 человекъ).

Повѣствованія на о. св. Елены обходятъ пораженіе д'Эрлона какъ незначущее обстоятельство.

Однако, взглядываясь въ ходъ сраженія, мы видимъ, что 1-й корпусъ послѣ того не принималъ уже такого участія въ дѣлѣ.

Наполеонъ угадалъ самую слабую часть непріятельскаго расположенія — лѣвое крыло. Всѣ, отданныя имъ до 11 часовъ, приказанія, подтверждають его слова; однако послѣ неудачи д'Эрлона онъ отказался сбить лѣвое крыло и устремляетъ главныя усилія на центръ.

Центральныя атаки по большей части кончаются успѣшно; но за то онѣ труднѣе и долго тянутся: потому къ нимъ рѣдко прибѣгаютъ, если только время терпѣть и нѣтъ въ виду такихъ результатовъ, которые бы искупили сдѣланныя пожертвованія.

Мы видѣли, что подъ Ватерлоо центръ былъ самою сильною частью непріятельской позиціи, а имѣвшаяся въ виду цѣль была — овладѣть брюссельскимъ шоссе и отбросить Веллингтона къ Бренъ-Ла-Ле, отдаливъ отъ Влюхера. Въ часъ по-полудни Наполеонъ зналъ уже о прибытіи Бюлова къ С. Ламберу и могъ ждать прибытія другихъ прусскихъ корпусовъ. Възвѣсивъ эти обстоятельства, мы придемъ къ заключенію: что слѣдовало немедленно возобновить атаку на лѣвое крыло англо-голландцевъ, ввести для того резервы, и ускорить развязку дѣла, не прибѣгая къ трудной и медленной центральной атакѣ. Напротивъ, именно настойчиво и ударили на центръ, что и было одною изъ причинъ постигшей насъ катастрофы.

До появленія Бюлова у С. Ламбера, Наполеонъ не предполагалъ, что прусскія войска могутъ появиться близъ Монъ-Сень-Жана; потомъ онъ составилъ себѣ убѣжденіе, что Блюхеръ подкрѣпляетъ англо-голландскую армію единственно корпусомъ Бюлова.

Лобау долженъ былъ не ожидать пруссаковъ по сую сторону Парижскаго лѣса, а занять Ланьское дефіле — и тогда быть можетъ онъ задержалъ-бы Бюлова до самаго прибытія Пирха 1-го.

Атаковавъ сначала неудачно лѣвое крыло непріятеля

---

¹³⁾ Часть англійской линіи между Ла-Ге-Сентъ и Ла-Ге показалаcя императору слабѣе другихъ частей позиціи. («Campagne de 1815». — Генерала Гурго).

одною пѣхотою, не поддержавъ ее тотчасъ же кавалеріею, мы атаковали непріятельскій центръ одною кавалеріею безъ поддержки пѣхоты и опять понесли неудачу. Двѣ дивизіи Мильго и дивизія Лефевра-Денуэта, не смотря на свое геройство, не могли удержаться на плато; поддержанныя двумя дивизіями Келлермана и дивизіею Гюо, онѣ возобновили атаки, но съ тѣмъ же неуспѣхомъ.

Впрочемъ иной исходъ и быть не могъ, тѣмъ болѣе что непріятельская пѣхота, прикрытая гребнемъ плато отъ нашего артиллерійскаго огня, вовсе не была разстроена до начала атакъ Нея.

Начавъ при неблагопріятной обстановкѣ атаки, возобновляя и повторяя ихъ, Наполеонъ подвергся за то порицаніямъ и оправдывался въ двухъ различныхъ показаніяхъ.

„Около 4^{1/2} часовъ“, говоритъ онъ, „императоръ приказалъ маршалу Нею отстаивать ферму Ла-Ге-Сентъ, пробивъ въ ней бойницы и помѣстивъ тамъ нѣсколько баталіоновъ; но не двигаться, пока не разъяснятся дѣйствія пруссаковъ. Чрезъ полчаса, въ 5 часовъ, когда пруссаки повели на насъ горячую атаку, англичане двинулись на Ла-Ге-Сентъ, но были отбиты ружейнымъ огнемъ и кавалерійскою атакою. Маршалъ Ней увлекся, забылъ приказаніе, и поднялся на плато съ двумя кирасирскими дивизіями Мильго и легкою гвардейскою кавалеріею. Свита, окружавшая императора, видя удачу атакъ, отступленіе нѣсколькихъ англійскихъ каре и молчаніе многихъ непріятельскихъ батарей, обрадовалась побѣдѣ; но императоръ судилъ иначе и обратился къ маршалу Сульту съ словами: „вотъ движеніе не во-время, оно можетъ имѣть дурныя послѣдствія“, и затѣмъ, изъ опасенія, чтобы наша кавалерія на плато не была опрокинута непріятельскою, что влекло за собою потерю сраженія, приказалъ кирасирамъ Келлермана идти на помощь“. Таковъ первый разсказъ, диктованный на о. св. Елены ¹⁴⁾. Онъ безусловно сваливаетъ всю вину за атаки резервной кавалеріи на маршала Нея, настаивая на обвиненіи:

---

¹⁴⁾ «Campagne de 1815». — Гурго, стр. 85, 86, 87, 93.

„Императоръ приписываетъ потерю сраженія при Ватерлоо съ одной стороны...., а съ другой атакъ маршала Нея, двинувшагося съ кавалеріею вопреки приказаній императора двумя часами ранѣе, чѣмъ слѣдовало“ ¹⁵⁾).

Второй разсказъ передаетъ дѣло иначе.

„Спустя два часа по овладѣніи Ла-Ге д'Эрлономъ, лѣвое крыло англичанъ и правое Бюлова были оттѣснены; легкая кавалерія 1-го корпуса, преслѣдуя на плато непріятельскую пѣхоту, была отражена превосходною въ числѣ кавалеріею. Тогда графъ Мильго двинулся съ кирасирами на высоту и далъ знать о томъ Лефевру-Денуэту, двинувшемуся на-рысяхъ для его поддержки. Это произошло въ 5 часовъ, т. е. когда атака Бюлова принимала грозный оборотъ и напиравшія на насъ войска усиливались подкрѣпленіями, вступившими вправо въ боевыя линіи. Неустрашимые кирасиры и гвардейскіе конноегеря отбросили англійскую кавалерію, и англичане, очистивъ пространство между Ла-Ге и Монъ-Сенъ-Жаномъ, занимаемое лѣвымъ крыломъ, подались вправо. Радостные крики раздались въ рядахъ при видѣ блестящихъ атакъ нашей кавалеріи. Императоръ произнесъ: „атака начата часомъ ранѣе, чѣмъ слѣдовало; но надо поддержать начатое“, и приказалъ кирасирамъ Келлермана, стоявшимъ по прежнему влѣво, помчаться на плато.

Генераль Бюловъ въ это время угрожалъ нашему флангу и тылу; такъ что намъ было необходимо неподаваться ни на шагъ назадъ и оставить кавалерію на плато, хотя ея пребываніе было несвоевременно“ ¹⁶⁾).

Второй разсказъ былъ продиктованъ позже, слѣдовательно Наполеонъ произнесъ окончательное заключеніе о настоящемъ эпизодѣ—заключеніе вполне и безусловно оправдываетъ маршала Нея, потому даже имя его не встрѣчается въ описаніи.

Генераль Мильго оказывается кругомъ виноватъ, двинув-

---

¹⁵⁾ «Campagne de 1815».—Гурго, стр. 97 и 98.

¹⁶⁾ «Mémoires», t. IX, p. 131 и 133.

шись безъ приказанія и увлекши за собою дивизію Лефевра-Денуэта.

Показаніе Наполеона не имѣетъ никакого значенія, основываясь на однихъ невѣрностяхъ.

Во-первыхъ, д'Эрлонъ не опрокидывалъ ни лѣваго крыла англичанъ, ни праваго Бюлова, а легкая кавалерія 1-го корпуса не преслѣдовала на плато англо-голландскую пѣхоту и слѣдовательно не могла быть опрокинута превосходною въ числѣ непріятельскою кавалеріею. Во-вторыхъ, извѣстно что резервная кавалерія не пускалась въ атаку на плато Ла-Ге, напротивъ всѣ атаки происходили лѣвѣе Ла-Ге-Сента, т. е. на ¹/₂ лье отъ указываемаго пункта.

Картина рисующая „англичанъ, оставившихъ позиціи лѣваго крыла между Ла-Ге и Монъ-Сень-Жаномъ, и отступающихъ къ правому флангу“, чистый вымыселъ.

Лѣвое крыло англичанъ оставалось во все продолженіе боя на прежнихъ позиціяхъ; атаки же нашей резервной кавалеріи велись между нивельскимъ и брюссельскимъ шоссе. Замѣтимъ, что въ первомъ разсказѣ Наполеонъ ограничилъ успѣхи кирасиръ Мильго „отступленіемъ нѣсколькихъ англійскихъ каре и молчаніемъ части непріятельской артиллеріи“.

Изъ всего приведеннаго слѣдуетъ, что генералъ Мильго несправедливо обвиненъ Наполеономъ. Плѣнникъ о. св. Елены, совершенно отказавшись отъ положительнаго обвиненія маршала Нея; лучше бы сдѣлалъ если бы не пятналъ Мильго.

Мы убѣждены, что кавалерійская атака на плато была начата по приказанію самого Наполеона, когда Веллингтонъ, чтобы защитить людей отъ артиллерійскаго огня, приказалъ своей 1-й линіи нѣсколько податься назадъ, а императоръ принялъ это движеніе за начало отступленія. Намъ еще болѣе убѣждаетъ то обстоятельство, что Наполеонъ могъ остановить атаку, но не остановилъ ея.

Наконецъ самый маневръ распадается на два фазиса, и не сливается въ одинъ, какъ можно заключить по очеркамъ мемуаровъ.

Сначала Мильго и Лефевръ-Денуэтъ, поднявшись на плато,

въ теченіе часа истощались въ безплодныхъ атакахъ и, будучи принуждены отступить, вернулись въ долину Ла-Ге-Сентъ. Потомъ, поднявшись вторично на плато, они были усилены Келлерманомъ и Гюо ¹⁷⁾. Благодаря своей храбрости, цѣлыхъ два часа масса нашихъ эскадроновъ держалась на плато, и отступила, понеся громадный уронъ и придя въ совершенное изнеможеніе.

Въ промежутокъ двухъ фазисовъ была полная возможность остановить атаку, пославъ приказаніе; но Наполеонъ не отдалъ приказанія и мы должны заключить, что производство атаки входило въ его планы, было начато по именному приказанію и продолжалось съ его полного согласія.

Ошибка или если хотите несчастіе состояло не въ томъ, что начали атаку, а что не поддержали ее пѣхотою.

Оставивъ совершенно напрасно прежній планъ сбить лѣвое крыло англо-голландской арміи и рѣшившись устремить главный ударъ на центръ, Наполеонъ долженъ былъ выполнить его съ быстротою и, не теряя ни минуты, поддержать Нея всею пѣхотою старой гвардіи и 50 орудіями, оставивъ Лобау и молодую гвардію удерживать по возможности долѣе Бюлова. Не споримъ, что рѣшимость была опасна и важна—но лишь она одна представляла какіе нибудь шансы на успѣхъ; съ

---

¹⁷⁾ Въ своихъ разсказахъ, Наполеонъ говоритъ, что думалъ оставить въ резервъ дивизію Гюо; но увлеченная «несчастіемъ, тяготѣвшимъ надъ нами весь день», она послѣдовала за Келлерманомъ и ее нельзя было остановить. Здѣсь дѣлается опять неудачная ссылка на роковое несчастіе.

Гюо, опровергая показанія Наполеона, увѣрялъ, что съ трехъ часовъ по-полудни онъ поступилъ въ распоряженіе маршала Нея («Victoires et Conquêtes», t. XXIV). Гюо пожалуй можно вѣрить и не вѣрить; но мы повторимъ здѣсь уже разъ приведенный фактъ.

Бригада карабинеровъ изъ корпуса Келлермана сначала была оставлена въ резервъ своимъ корпуснымъ командиромъ, и по приказанію Нея перешла на плато гораздо позже прочихъ бригадъ своего корпуса и дивизіи Гюо. Наполеонъ не остановилъ ее, стало быть, если онъ дѣйствительно хотѣлъ оставить подъ рукою кавалерійскій резервъ, то помѣшалъ бы движенію карабинеръ. Въ бригадѣ было 850 коней, т. е. на 200 или 300 коней менѣе, чѣмъ въ той части дивизіи Гюо, которая была на плато—другая часть дивизіи составляла конвой Наполеона.

каждою минутою шансы эти пропадали, а опасность возростала. Въ 4 часу еще можно было рисковать у Планшенуа, и, усилившись на плато, вырвать побѣду.

Наполеонъ высказался иначе, говоря въ обоихъ разсказахъ что атака была произведена часомъ или двумя раньше чѣмъ слѣдовало и прибавляя, что онъ думалъ поддержать кавалерію 16 баталіонами старой гвардіи и 100 орудіями¹⁸⁾. Относя атаку къ 5 часамъ по-полудни¹⁹⁾, Наполеонъ думаетъ, что настоящее время для оной было въ 6 или 7 часовъ; но въ это время въ его распоряженіи не было такого значительнаго артиллерійскаго резерва, слѣдовательно онъ не разсчитывалъ ни времени, ни средствъ; тотъ же перазсчетъ въ выжиданіи чѣмъ кончится наступленіе Бюлова; только около 7 часовъ можно было судить о развязкѣ дѣйствій Бюлова; но и тутъ Наполеонъ промахнулся.

Скажемъ болѣе: если бы къ 7 часамъ резервная кавалерія еще не начала своей атаки, а вся пѣхота старой гвардіи оставалась еще у Наполеона, и тогда поздно было вести центральную атаку — неразстроенный до сего непріятельскій центръ выказалъ бы продолжительное сопротивленіе, между тѣмъ какъ войска Цитена и Пирха 1-го прибыли бы на поле сраженія.

Въ семь часовъ возможенъ былъ одинъ маневръ—отступленіе; да и отступать было нѣсколько поздно.

Наполеонъ не понялъ этого, и непониманіе обстановки привело его къ послѣдней ошибкѣ, обратившей неудачу въ гибель.

Упорствуя въ своемъ убѣжденіи, что пруссаки отравили одинъ корпусъ Бюлова на помощь англо-голландцамъ, а у Веллингтона не осталось резервовъ, онъ погнался за побѣдою, вмѣсто того, чтобы спасти свою армію отъ истребленія.

---

¹⁸⁾ «Mémoires», t. IX.

¹⁹⁾ Всѣ иностранныя донесенія свидѣтельствуютъ, что атака плато началась въ четыре часа по-полудни; иные даже относятъ начало ея ранѣе четырехъ часовъ. Самъ Наполеонъ соглашается съ ними въ другомъ томѣ своихъ мемуаровъ: «кавалерійская атака, начатая въ четыре часа по-полудни, была произведена слишкомъ рано.» («Mémoires», t. VIII, p. 202).

Ему слѣдовало начать отступление отъ Гумона, Смогена и Планшенуа и отвести резервную кавалерію, остававшуюся на скатахъ плато; но вмѣсто того 6 баталіоновъ гвардіи, въ числѣ 3,000, были двинуты нанести окончательный ударъ англо-голландскому центру.

Атака была недостаточно поддержана нашею разстроенною кавалеріею, и хотя велась геройски, но неудалась передъ подавляющимъ численнымъ превосходствомъ непріятеля. Последняя возможность отступить съ арміею въ порядкѣ, была упущена.

Великіе полководцы должны угадывать время, когда слѣдуетъ прекратить битву, и мириться съ мыслью о пораженіи для спасенія арміи, равно какъ и пользоваться удачною минутою для одержанія побѣды.

Двойное заблужденіе Наполеона привело его къ послѣдней ошибкѣ: онъ считалъ, что пруссаки не въ состояніи поспѣть подъ Ватерлоо и могутъ помочь союзникамъ однимъ корпусомъ Бюлова, и не зналъ что у Веллингтона оставался еще сильный резервъ. Мы должны допустить, что Наполеонъ изъ личныхъ видовъ рѣшился продолжать борьбу, хотя успѣхъ былъ невозможенъ.

Потерявъ битву и вернувшись ослабленный во Францію, Наполеонъ рисковалъ потерять тронъ. Только побѣда оставляла его за нимъ — и подъ гнетомъ этой эгоистичной думы, императоръ гнался за счастьемъ, ставя послѣдняго солдата на карту подобно несчастливому игроку, рискующему послѣднимъ червонцемъ въ азартной игрѣ.

Въ грустный день при Ватерлоо, было сдѣлано столько важныхъ ошибокъ, что бесполезно объяснять постигшую насъ катастрофу таинственнымъ вмѣшательствомъ рока.

Сдѣлаемъ въ нѣсколькихъ словахъ общій перечень ошибокъ:

Битва была начата 4-мя часами позже чѣмъ слѣдовало.

Атака Гумона, должна была быть диверсіею; но ее вели какъ настоящую и употребили для того безъ нужды массу

пѣхоты. вмѣсто того, чтобы поддержать ея резервную кавалерію.

Не подготовили атакъ Гумона, Ла-Ге-Сента, Папелотъ и Ла-Ге.

При атакѣ лѣваго крыла Веллингтона шли въ неудобномъ порядкѣ, не поддерживавъ пѣхоты кавалерію; и вмѣсто того, чтобы усилившись резервами, повторить ее, отказались отъ дальнѣйшаго производства.

Не занявъ дефиле Ланъ, ждали Бюлова за Паріжскимъ лѣсомъ.

Центральная атака не была достаточно подготовлена артиллерійскимъ огнемъ; а кавалерія была лишена поддержки пѣхоты. Атаку потомъ возобновили одною пѣхотою, потому что кавалерія совершенно разстроилась послѣ 3-хъ часового боя.

Наконецъ армія погибла отъ того, что гнались за успѣхомъ, когда никакая храбрость войскъ не могла склонить его на нашу сторону и оставался одинъ выходъ — быстрое отступление.

Наполеонъ въ это время страдалъ двумя недугами; одинъ почти не позволялъ ему ѣздить верхомъ и потому, оставаясь пѣшкомъ почти весь день, онъ не могъ хорошо слѣдить за всѣмъ и долженъ былъ полагаться на донесенія о ходѣ боя, которыя однако не разъ могли его ввести въ ошибку. Онъ не показалъ стoisческой твердости стараго Блюхера, не смотря на нездоровье, не слѣзавшаго 12 часовъ съ лошади.

Конечно—будь императоръ здоровъ и неутомимъ по прежнему; слѣдя вблизи за ходомъ боя, онъ подготовилъ и исполнилъ бы во-время то или другое движеніе: но и тогда онъ не предугадалъ бы появленія корпусовъ Бюлова, Цитена и Пирха 1-го на поле битвы, гдѣ мы уже дрались съ равносильною непріятельскою арміею; потому что считалъ пруссаковъ на столько разстроенными пораженіемъ, что они не въ состояніи сосредоточиться. Сосредоточеніе прусской арміи главная причина нашей гибели; всѣ остальные ошибки были поправимы, не подоспѣй только Блюхеръ на помощь Веллингтону.

Смотря на дѣло съ Наполеоновской точки зрѣнія, т. е. не допуская идеи о вѣшателствѣ пруссаковъ, мы видимъ что планъ битвы задуманъ очень умно и основательно; задуманъ опытнымъ полководцемъ, привыкшимъ къ самымъ сложнымъ военнымъ комбинаціямъ—и критика ничего не имѣетъ сказать противъ; но допустивъ вѣшателство, планъ рушится въ основаніи и неприложимъ къ дѣлу.

Какъ только появился Бюловъ, мы ведемъ битву какъ бы на удачу. Одно движеніе слѣдуетъ за другимъ, но тамъ опаздываютъ, тамъ торопятся, удары неподготовлены, не имѣютъ между собою связи, не доводятся до конца, грѣшатъ исполненіемъ.

Солдаты и офицеры показываютъ примѣръ стойкости, храбрости и геройства; но средствъ не хватаетъ для заданной цѣли.

Самъ вождь неувѣренъ въ себѣ и рассчитываетъ только на случай; пока существуютъ шансы на успѣхъ, онъ не рѣшается на рѣшительный ударъ; пока есть возможность отступленія, онъ не рѣшается отступить — наконецъ неожиданно для него являются войска Цитена и Пирха 1-го и дѣло принимаетъ самый ужасный для насъ оборотъ.

Наполеонъ не признается въ своей двойной, неотвратимой и капитальной ошибкѣ: онъ не рассчитывалъ сначала вовсе на вѣшателство пруссаковъ, потомъ полагалъ, что помогаетъ одинъ Бюловъ, другіе же корпуса не могутъ прибыть на поле сраженія.

Повѣривъ его апологистамъ, мы должны заключить, что Наполеонъ не долженъ былъ и не могъ рассчитывать на помощь Блюхера англичанамъ, будучи вполне увѣренъ, что Груши съ порученными ему войсками не допуститъ подобнаго соединенія—и вся вина падаетъ исключительно на Груши. „Поведеніе Груши въ такой степени безотчетно, что точно армію застигло по дорогѣ землетрясеніе и она провалилась сквозь землю.“²⁰⁾

---

²⁰⁾ «Mémoires», t. IX.

Слова императора повторились многими—но справедливы-ли и безпристрастны они? Только критическій разбор фактовъ даетъ на то отвѣтъ ²¹⁾).

---

²¹⁾ См. приложение XII.

ГЛАВА XIV.

В а в р ь (18 іюня).

Въ распоряженіи Груши состояли: корпусъ Вандамма безъ кавалерійской дивизіи Домона, ушедшей съ императоромъ подъ Ватерлоо; корпусъ Жерара; слабая пѣхотная дивизія Теста, отдѣленная отъ корпуса Лобау; драгунскій корпусъ Эксельмана и легкій кавалерійскій корпусъ Пажоля, состоявшій всего изъ одной дивизіи Сульта, потому что другая дивизія Сюберви была отъ него взята—всего 33,319 человекъ (въ томъ числѣ до 5,000 кавалеріи) съ 96 орудіями.

17-го іюня, къ ночи, большая часть этихъ силъ прибыла въ Жемблу. Жераръ сталъ биваками недоходя города, Вандамъ за городомъ, Эксельманъ еще впереди въ Совеньерѣ, отрядивъ 6 эскадроновъ въ Саръ-Ле-Валенъ, а 3 къ Первезу. Пажоль и Тестъ находились въ 2 лье отъ Жемблу (у дер. Мази, лежащей по шоссе изъ Шарлеруа въ Намюръ).

Маршалъ Груши послалъ въ 10 часовъ вечера депешу къ Наполеону, высказавъ въ ней свое полное невѣденіе куда отступала прусская армія, т. е. на Вавръ или чрезъ деревню Первезъ¹⁾, которая лежитъ въ двухъ лье отъ дороги изъ Жемблу на Вавръ, въ сосѣдствѣ шоссе, идущаго изъ Намюра

---

¹⁾ «Если главныя силы пруссаковъ отступаютъ на Вавръ, я двинусь туда... если напротивъ, я развѣдаю, что они направляются чрезъ Первезъ, то буду преслѣдовать по послѣднему направленію.» (Письмо Груши къ Наполеону изъ Жемблу, 17 іюня, въ 10 часовъ вечера).

въ Лувенъ и подлѣ римской дороги, ведущей въ Тонгръ и Мاستрихтъ.

Въ раздумѣ Груши рѣшился идти въ Саръ-Ле-Валенъ, пунктъ промежуточный между дорогами изъ Жемблу въ Вавръ и изъ Жемблу въ Мастрихтъ.

Вандамму приказано идти туда въ 6 часовъ утра, имѣя впереди корпусъ Эксельмана; Жерару идти за ними; Пажолю и Тесту, снявшись съ биваковъ въ 5^{1/2} часовъ утра, направиться къ Гранъ-Леесу, въ одномъ лье отъ Совеньера, и ждать тамъ приказанія ²⁾).

Прибывъ въ Саръ-Ле-Валенъ, Груши рассчитывалъ идти дальше смотря по собраннымъ свѣдѣнiямъ. Повторяя свое приказанiе, онъ писалъ Вандамму: „прошу васъ пройти съ корпусомъ за Саръ-Ле-Валенъ, чтобы генераль Жераръ могъ стать недоходя деревни. Вѣроятно мы двинемся далѣе, такъ что станемъ не на ночлегъ, а только на приваль“ ³⁾).

Въ два часа утра 18-го iюня, Груши все еще ничего не зналъ о прусской армiи и сообщалъ Наполеону свое намѣренiе двинуться къ Саръ-Ле-Валену.

Войска были подняты въ Жемблу только въ 6 часовъ утра, такъ что безъ всякой причины потеряли дорогое время. Груши самъ признался, что боится сдѣлать ложное движенiе, которое, отдаливъ его отъ Блюхера, позволитъ послѣднему ударить на операцiонную линiю французской армiи.

Боязнъ эта росла при относительной слабости войскъ, находившихся въ распоряженiи Груши; боязнъ была понятна,

---

²⁾ Письма Груши къ Жерару, Пажолю и Вандамму изъ Жемблу, отъ 17 iюня. Въ письмѣ Вандамму читаемъ: «Генераль Пажоль получилъ приказанiе перейти изъ Мази въ Гранъ-Леесъ, откуда я его направляю за собою.» А въ письмѣ Пажолю: «я прошу васъ выступить 18, съ разсвѣтомъ изъ Мази къ Гранъ-Леесу, гдѣ получите новыя приказанiя... иду къ Саръ-ле-Валену; но если ночью получу новыя свѣдѣнiя или извѣстiя отъ васъ, то потянусь къ Пернезу... желаю, чтобы вы прошли къ Гранъ-Леесу не заходя въ Жемблу — мѣстечко набито войсками.

³⁾ Второе письмо Груши къ Вандамму, отъ 17 iюня, изъ Жемблу. (Архивъ военнаго министерства въ Парижѣ).

но все-таки нельзя оправдать продолжительнаго бездѣйствія маршала у Жемблу.

Рано утромъ, озабоченный, растерянный, маршалъ сѣлъ на коня и отправился въ Саръ-Ле-Валенъ, въ надеждѣ собрать тамъ вѣрныя свѣдѣнія объ отступленіи пруссаковъ.

По диспозиціи приказано было начать движеніе изъ Жемблу въ 6 часовъ утра, но Эксельманъ началъ движеніе часомъ позже, за нимъ тронулся Вандамъ, а въ 8 часовъ снялся съ позиціи Жераръ ⁴⁾. Кавалерія корпуса Жерара прикрывала движеніе слѣва; вмѣсто раненаго подъ Линьи генерала Морена, ею командовалъ генераль-маіоръ Валенъ.

Эксельманъ шелъ медленно, однако скорѣе корпусовъ Вандамъ и Жерара. Обремененныя артиллерією войска должны были идти по проселочной дорогѣ, совершенно размытой проходомъ колоннъ Бюлона и Тильмана и размытой дождемъ, по вязкому полю, пересѣченному пахатью, канавками, изгородами. Корпуса, по дикому распоряженію, шли въ одной общей колоннѣ по неровной мѣстности, гдѣ частыя дефилеи заставляли людей поминутно останавливаться ⁵⁾.

Во время этого тяжелаго марша Груши прибылъ въ Саръ-ле-Валенъ.

Здѣсь маршалъ узналъ достовѣрно, что вся прусская армія у Вавра; но остается-ли она тамъ? уходитъ-ли она оттуда на соединеніе съ англо-голландскою армією; маневрируетъ-ли своимъ правымъ крыломъ или же старается отступить на Брюссель и Лувенъ? Точныхъ свѣдѣній не было, и мы не знали остановилась ли англо-голландская армія передъ Суаньскимъ лѣсомъ или, продолжая свое отступленіе, миновала его.

---

⁴⁾ Диспозиція Жерара по корпусу была издана: по ней назначено двинутся въ восемь часовъ утра; что согласовалось съ предписаніемъ Груши.

⁵⁾ «... Маршъ по дурному проселку былъ тяжелъ и медленъ, потому что 3-й корпусъ, шедшій впередъ, заставилъ насъ часто останавливаться, какъ это всегда бываетъ, когда войска тащутся по пересѣченной мѣстности и въ такой растянутой колоннѣ.» (Донесеніе генерала Гюло.—«*Quelques documents*» et cet.).

18 іюня дивизія Гюло шла въ головѣ 4 корпуса.

Мы не думали уже о Лютихѣ — это кое-что значило, но все таки мы бродили въ потьмахъ.

По собраннымъ свѣдѣніямъ, Груши сообразилъ что надо идти къ Вавру; какъ только показались войска Эксельмана, онъ приказалъ имъ свернуть къ сѣверо-западу отъ деревни на Ниль-Сентъ-Винсентъ и Баракъ. Вандаммъ получилъ тоже приказаніе. Пажоль и Тестъ, выступившіе изъ Мази въ 5½ часовъ утра, не доходя Гранъ-Лееса, получили приказъ продолжать движеніе на Туриннъ-ле-з'Урдонъ.

Затѣмъ Груши отправилъ подполковника Лафрене съ донесеніемъ къ императору, гдѣ описалъ свое положеніе, принятыя мѣры, говорилъ, что вечеромъ будетъ съ войсками у Вавра и испрашивалъ приказаній.

Быль двѣнадцатый часъ на-исходѣ ⁶⁾). Генераль Жераръ, опередивъ войска, пріѣхалъ къ маршалу, который завтракалъ въ домѣ нотаріуса Голлерта, и разговорился съ нимъ, какъ явился начальникъ штаба 4-го корпуса полковникъ Симонъ-Лорьеръ ⁷⁾ и передалъ, что изъ сосѣдняго сада слышны пушечные выстрѣлы съ западной стороны. Маршалъ и Жераръ тотчасъ же вышли въ садъ и поднялись по холмику въ бекетъ, гдѣ находились уже начальникъ инженеровъ корпуса Жерара генераль Бальтусъ, генераль Валазе начальникъ артиллеріи и нѣсколько офицеровъ, молча прислушивавшихся къ канонадѣ. Шелъ мелкій дождь и пушечные выстрѣлы раздавались такъ слабо, что многіе офицеры приложили ухо къ землѣ. Вскорѣ дождикъ пересталъ, облака разсѣялись и шумъ слышался явственнѣе, наконецъ удары стали раздаваться съ такою силою, что казалось будто земля колеблется.

---

⁶⁾ Донесеніе Груши, помѣченное одиннадцатымъ часамъ утра, довольно пространно. «Только что я отправился, какъ раздалась канонада; но по ней нельзя было заключить, что происходитъ генеральное сраженіе; я поѣхалъ на выстрѣлы.» (Письмо подполковника Лафрена къ маршалу Груши. — *Fragments historiques sur la campagne de 1815*, Груши. — Парижъ, 1829).

⁷⁾ Симонъ Лорьеръ исправлялъ должность начальника штаба 4 корпуса вмѣсто генераль-маіора Сентъ-Реми, тяжело раненаго на рекогносцировкѣ 16 іюня, передъ самымъ началомъ битвы при Линнѣ.

Всякое сомнѣніе исчезло—то были раскаты сильнѣйшей канонады. Нотариусъ Голлертъ и проводники сказали, что навѣрно она гремитъ у Монъ-Сенъ-Жана ⁸⁾).

Жераръ совѣтовалъ идти на выстрѣлы. „Большое сраженіе началось у Суаньскаго лѣса,“ сказалъ онъ, „намъ надо такъ маневрировать, чтобы принять въ немъ участіе.“ Пѣхота Жерара прибыла къ Саръ-ле-Валену, корпусъ Вандамма находился у Ниль-Сенъ-Винсента. Эксельманъ миновалъ послѣдній пунктъ, а Пажоль и Тестъ шли къ Туринну. Жераръ предложилъ: тотчасъ же направить кавалерію Валена къ мостамъ Мути и Оттиньи на р. Диль, быстро захватить ихъ и, повернувъ войска правое плечо впередъ, перейти р. Диль, оставивъ на правомъ берегу Пажоля и Теста, которые замаскируютъ фланговое движеніе и сдѣлаютъ рекогносцировку къ Вавру. Переправившись чрезъ Диль, кавалерія Валена двинется на выстрѣлы, освѣтивъ разѣздами все пространство между Вавромъ и С.-Ламберомъ ⁹⁾, чтобы разузнать о пруссакахъ.

Двинувшись такимъ образомъ мы входили въ связь съ Наполеономъ, завязавшимъ генеральное сраженіе и сближались съ каждымъ шагомъ съ главными силами арміи.

Прусская армія, сосредоточившись у Вавра, конечно не останется въ бездѣйствіи; но перейдя р. Диль, мы обходили неприятеля по лѣвому берегу рѣки, что конечно было выгоднѣе чѣмъ вести на пруссаковъ фронтальную атаку. Выгоды эти уравнивали ту невыгоду, что Пажоль и Тестъ останутся одни на правомъ берегу съ двумя слабыми дивизіями.

Напротивъ, если еще утромъ прусская армія двинулась изъ Вавра къ Монъ-Сенъ-Жану или идетъ туда въ настоящее время, что можно предположить по усиливающимся раскатамъ канонады, тогда надо ускорить движеніе въ ту сторону, по-

---

⁸⁾ Около полудня батарея изъ 78 орудій открыла огонь на нашемъ правомъ крылѣ; до того, только нѣсколько орудій дѣйствовало у Гумона.

⁹⁾ «Dernières observations» et cet., генерала Жерара.

тому что императоръ быть можетъ выдерживаетъ битву съ соединенными арміями Веллингтона и Блюхера.

Доводы Жерара не убѣдили Груши.

Перемѣна направленія могла быть начата войсками Вандаммы только въ 12^{1/2} часовъ или въ часъ по-полудни.

Битва происходила повидимому не доходя Суаньскаго лѣса у Монъ-Сень-Жана; отъ Ниль-Сень-Винсента, гдѣ былъ Вандаммъ, до Монъ-Сень-Жана разстояніе по прямой линіи 5 лье, а проселками наберется слишкомъ 6^{1/2} лье (болѣе 24 верстъ). Корпусъ Жерара отдалился еще на лье. Мѣстность по-пути гористая, съ безпрестанными дефиле, особенно не доходя Мути; черезъ р. Диль нѣтъ бродовъ и войскамъ придется переправляться по двумъ узкимъ мостамъ. Възвѣсивъ трудности вчерашняго и утренняго марша, можно полагать, что корпусъ Вандаммы придетъ первый къ Монъ-Сень-Жану не ранѣе 10 часовъ вечера, даже позже, если непріятель уничтожилъ мосты на р. Диль, а къ 10 часамъ начатая битва кончится.

Отъ Вавра до Монъ-Сень-Жана 4^{1/2} лье ¹⁰⁾. Прусская армія, двинувшись изъ Вавра утромъ, рѣшить дѣло и войска Вандаммы и Жерара, направившись изъ Ниль-Сень-Винсента и Саръ-ле-Валена, не помѣшаютъ ей въ томъ; напротивъ, если она только что трогается изъ Вавра, то соединится еще до солнечнаго заката съ англо-голландцами, а наши корпуса опять ничего не могутъ подѣлать, такъ какъ имъ приходится пройти болѣе пруссаковъ—одному на два, другому на три лье.

Маршалъ никакъ не предполагалъ, что прусская армія пойдетъ къ Монъ-Сень-Жану, и думалъ что она или остается въ Ваврѣ или отступаетъ либо на Брюссель, либо на Лувенъ. Наконецъ, онъ опасался произвести длинное фланговое движеніе, во время коего могъ быть атакованъ, и боялся открытыя сообщенія нашей арміи. Наполеонъ не звалъ его къ себѣ—слѣдовательно ему нечего было идти на соединеніе съ императоромъ; ему поручили преслѣдовать пруссаковъ—маршалъ считалъ не вправѣ отступить отъ этихъ инструкцій.

---

¹⁰⁾ По прямой линіи 3^{1/2} лье.

Жераръ настаивалъ, увѣряя что разгорѣвшаяся битва заранѣе условлена между Веллингтономъ и Блюхеромъ, и дана при условіи соединенія обѣихъ армій. Соединеніе или уже произошло или произойдетъ передъ вечеромъ, слѣдовательно надо идти немедленно къ Монъ-Сень-Жану; мы или по возможности ослабимъ ударъ союзниковъ или затруднимъ маршъ прусской арміи, когда она пошла на выстрѣлы. По словамъ Жерара, не смотря на разстояніе и дурныя дороги, головы колоннъ маршала начнутъ дебушированіе къ Планшенуа и Фришмону въ 4½ часа по-полудни, конечно если союзники соединились; въ противномъ случаѣ надо атаковать Блюхера на маршѣ между р. Дилемъ и ручьемъ Лань.

Какъ видно Жераръ скоро забылъ и вчерашній маршъ, гдѣ употребилъ болѣе 6 часовъ на переходъ съ своимъ корпусомъ 3-хъ лье, и утреннее движеніе, когда войска его прошли 2 лье (7½ верстъ) слишкомъ въ 4 часа, и не обращалъ вниманія на то, что корпусу Вандамма надо пройти до Планшенуа и Фришмона 5½ лье, а его корпусу 6½ лье, тогда какъ разстояніе отъ Вавра до сихъ пунктовъ менѣе 4½ лье.

Генералы Бальтусъ и Валазе, вмѣшавшись въ споръ ¹¹⁾ и принявъ во вниманіе состояніе дорогъ, подали различныя мнѣнія. Одинъ жаловался, что артиллерія не поспѣетъ за пѣхотою и боялся что она завязнетъ; другой надѣялся, что саперы помогутъ гдѣ нужно.

Послѣдній доводъ показываетъ, что маршъ будетъ труденъ, и войска долго протащутся, если на пути приходится разравнивать землю.

Груши настаивалъ на своемъ, т. е. на движеніи всѣми силами къ Вавру, угадывая казалось приказаніе Наполеона, от-

---

¹¹⁾ Въ мемуарахъ на островѣ св. Елены генералъ Эксельманъ говоритъ цѣлую рѣчь: «надо идти на выстрѣлы... я старый солдатъ итальянской арміи и проч.» Но въ данную минуту Эксельмана не было въ Саръ-ле-Валентъ и онъ не видалъ Груши цѣлый день 18 июня. Самъ Эксельманъ пишетъ о томъ, въ 1820 году, сыну маршала.

По тѣмъ же мемуарамъ Жераръ говоритъ: «черезъ два часа мы вступимъ въ дѣло».

данное въ 10 часовъ утра, которое предписывало ему идти какъ можно скорѣе къ Вавру.

Тогда Жераръ вызвался одинъ съ четвертымъ корпусомъ исполнить движеніе къ Монъ-Сенъ-Жану, въ то время какъ другіе корпуса пойдутъ на Вавръ; но это могло повести къ отдѣльному пораженію и его корпуса и главныхъ силъ Груши. Маршалъ отвергъ предложеніе и кончилъ импровизованный военный совѣтъ въ саду нотаріуса Голлерта; онъ сѣлъ на лошадь и отправился къ своему авангарду, начавшему пальбу за Ниль-Сенъ-Винсентомъ.

Мы назвали уже позиціи, занятія пруссаками, съ вечера 17 іюня кругомъ Вавра.

Цитенъ и Тильманъ находились на лѣвомъ берегу р. Дилы у Бьержа и Бавета; одна бригада корпуса Тильмана Борке и кавалерійская бригада оставались на правомъ берегу рѣки.

Пирхъ 1-й и Бюловъ стояли на правомъ берегу—одинъ между Сентъ-Аннъ и Эземономъ, другой у кабака Тувонъ (Tout-Vent) близъ Дюнь-Ле-Мона, занимая одною пѣхотною бригадою Вье-Сартъ, а отрядомъ подполковника Ледебюра (2 баталіона, 4 эскадрона и 2 орудія) дефилеи у Монъ-Сенъ-Гибера. Кавалерійскіе отряды были посланы по разнымъ направленіямъ на пространство между Дилемъ и ручьемъ Ланъ.

Пока растерянный Груши бездѣйствовалъ въ Жемблѣ, Блюхеръ на разсвѣтѣ отправилъ тяжести на Лувенъ и двинулъ корпусъ Бюлова къ С.-Ламберу; сильный пожаръ, вспыхнувшій въ Ваврѣ, задержалъ довольно долго движеніе этого корпуса.

Въ 11 часовъ утра, прусскій фельдмаршалъ оставилъ городъ и поѣхалъ къ С.-Ламберу; откуда, смотря по ходу дѣла у Монъ-Сенъ-Жана, думалъ направить дальше корпусъ Бюлова.

Цитену поручено направиться чрезъ Фромонъ и Женваль къ Огену; Пирху 1-му къ С.-Ламберу; Тильману сняться послѣднему и идти къ Кутюръ-Сенъ-Жермену, деревнѣ лежащей на правомъ берегу ручья Ланъ въ 2½ километрахъ отъ Фришмона.

Въ полдень, когда распоряженія Блюхера уже исполнялись,

(Цитенъ 1-й былъ на маршѣ, а Пирхъ 1-й втянулся въ Вавръ, его двѣ первыя бригады прошли городъ, а двѣ послѣднія Браузе и Рекгофа ¹²⁾ выстроились уже въ общую походную колонну) къ Цирху 1-му пришло извѣстіе, что французы показываются противъ Невъ-Сара. Онъ тотчасъ же приказалъ двумъ первымъ бригадамъ продолжать движеніе, двумъ послѣднимъ оставаться на мѣстѣ, а самъ поскакалъ къ Невъ-Сару разузнать дѣло.

Подѣхавъ къ селенію Баракъ, лежащему въ $\frac{1}{4}$ лье отъ Невъ-Сара, онъ увидѣлъ что подполковникъ Ледебюръ перестрѣливается съ нашею кавалеріею. развернувшіеся лѣвымъ флангомъ къ лѣсистой балкѣ у фермы Плакери, а правымъ къ Невъ-Сару. То былъ корпусъ Эксельмана. отрядившій нѣсколько эскадроновъ къ Діонъ-Ле-Мону; онъ былъ усиленъ дивизіею Валена и казалось поджидалъ пѣхоту, чтобы двинуться далѣе и овладѣть лѣсомъ, непосредственно начинающимся за селеніемъ Баракъ.

Ледебюръ, обойденный и едва не отрѣзанный нами, узнавъ о приближеніи авангарда Эксельмана къ Невъ-Сару, началъ отступленіе изъ дефиле у Монъ-Сенъ-Гибера.

Однако онъ отступилъ въ порядкѣ, поддержанный частью артиллеріи, бригадою кавалеріи Зора (изъ корпуса Пирха 1-го) и 8-ю эскадронами изъ корпуса Бюлова ¹³⁾. Перестрѣлка съ нашими разъѣздами продолжалась болѣе двухъ часовъ.

Пирхъ 1-й видя, что непріятель скоро будетъ поддержанъ пѣхотою, отправилъ приказаніе Браузе и Рекгофу идти назадъ на подкрѣпленіе Ледебюра.

Рекгофъ занялъ по Ваврской дорогѣ ферму Озель, вблизи с. Баракъ, и два прилегающіе къ ней лѣса: лѣсъ Варломбру, тянущійся вплоть до Дилиа и лѣсъ Сара. Браузе выстроился въ одну линію и составилъ резервъ. Съ прибытіемъ бригады

---

¹²⁾ Захѣстиль генерала Лавгена убитого подъ Линны.

¹³⁾ Они составляли 1-й полкъ силезскаго ландверъ и 2-й полкъ померанскаго, и присоединились къ корпусу Бюлова только послѣ битвы при Ватерлоо.

Рекгофа, Ледебюръ, оставивъ оба свои баталіона въ лѣсу, отвелъ кавалерію назадъ.

Бригада Борке, не успѣвшая перейти р. Диль, получила приказаніе занять позицію передъ самымъ Вавромъ.

Отдавъ всѣ эти распоряженія, Пирхъ 1-й поручилъ арріер-гардъ генералу Браузе, а самъ поѣхалъ къ своимъ бригадамъ, двигавшимся къ С.-Ламберу.

Около 2 часовъ Вандамъ и Груши прибыли къ селенію Баракъ ¹⁴⁾.

Съ Баракскихъ высотъ было видно какъ прусскія колонны тянулись по плато за р. Дилемъ, на гулъ канонады, раздававшейся со стороны Монъ-Сенъ-Жана. Груши приказалъ Вандамму овладѣть фермою Озель и сосѣднимъ съ нею лѣсомъ.

Браузе защищался слабо, и, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, отступилъ въ порядкѣ, преслѣдуемый нами довольно вяло по свидѣтельству Вагнера.

Въ 4 часа бригады Браузе, Рекгофа и отрядъ Ледебюра очистили мостъ и городъ Вавръ и двинулись по дорогѣ къ С.-Ламберу ¹⁵⁾. Бригада Зора перешла р. Диль у мельницы Бьержъ, а бригада Борке у сел. Нижній-Вавръ.

Тильманъ, придавая мало важности дѣйствіямъ нашимъ на правомъ берегу Дили, думалъ двинуться съ корпусомъ къ С.-Ламберу, согласно инструкціи Блюхера, какъ узналъ, что придется отказаться отъ предписаннаго движенія.

Большая часть корпуса Вандамма, скрытая за лѣсомъ Маниль и Сентъ-Аннъ, подходя къ рѣкѣ, развернулась, обнаруживъ намѣреніе наше атаковать городъ. Артиллерія открыла огонь по предмѣстью.

Предмѣстье лежитъ на правомъ берегу р. Дили, самый городъ на лѣвомъ, два неравной ширины каменныхъ моста связываютъ оба берега.

---

¹⁴⁾ «Только въ два часа мы прибыли къ Бараку.» (Письмо генерала Бертезена къ Жерару.—«Dernières observations» et cet.).

¹⁵⁾ На маршъ къ Рекгофу пришло приказаніе Блюхера идти на Марансаръ; Браузе дошелъ до Планшенуа; но ни тотъ, ни другой не участвовали въ битвѣ при Ватерлоо. Ледебюръ ночевалъ у С.-Ламбера.

Притокъ Шельды, р. Диль въ обыкновенную пору неглубокъ; но вслѣдствіе сильнаго дождя вода поднялась и рѣка была непреходима въ бродъ.

У Вавра она течетъ между двумя грядами параллельныхъ возвышенностей; на лѣвомъ онѣ ниже, но круче; гребень же ихъ на правомъ берегу отстоитъ отъ русла по крайней мѣрѣ на ружейный выстрѣлъ.

Пространство отъ гребня до русла представляетъ болотистую луговину, кое-гдѣ поросшую деревьями и изрѣзанную параллельно руслу рѣки водяными канавами въ одинъ и два метра глубины.

Менѣе километра выше Вавра лежитъ Нижній-Вавръ и здѣсь чрезъ рѣку перекинуть деревянный мостъ; ниже находятся такіе же мосты у мельницы Бьержъ и въ деревняхъ Лималь и Лимелеть.

Къ сѣверо-западу, надъ мельницею Бьержъ командуетъ высота, гдѣ расположена деревня Бьержъ. Разстояніе отъ города Вавра до деревень—Бьержъ менѣе $\frac{1}{2}$ лье, Лималья 1 лье, а Лимелеть $1\frac{1}{4}$ лье или нѣсколько болѣе.

По безпечности пруссаковъ всѣ мосты на рѣкѣ остались въ цѣлости.

Тильманъ отправилъ офицера съ донесеніемъ къ Блюхеру, а самъ быстро принялъ всѣ оборонительныя мѣры. Бригада Штульпнагеля (9 баталіоновъ) заняла деревню Бьержъ и мельницу; бригада Кемпена (6 баталіоновъ) заняла высоты тотчасъ же за Вавромъ, примѣнувъ правымъ крыломъ къ Штульпнагелю; лѣвѣе стала бригада Люка (6 баталіоновъ), по обѣ стороны дороги на Брюссель. Предмѣстье города было занято полковникомъ Цепеленомъ съ 3 баталіонами и 2 эскадронами, оставленными Борке, когда онъ переправлялся съ бригадою по ту сторону Дили; изъ той же бригады осталось нѣсколько сотъ челонѣкъ въ Нижнемъ-Ваврѣ. Остальная часть бригады (6 баталіоновъ), по приказанію Тильмана, продолжала свой маршъ къ Кутюръ-Сенъ-Жермену ¹⁶⁾.

---

¹⁶⁾ Мы держимся Вагнера; Дамичъ же говоритъ, что Борке долженъ

Лималь и Лимелетъ были наблюдаемы 3 баталіонами и 3 эскадронами, оставленными изъ арріергарда Цитена, снявшагося въ полдень съ биваковъ у Бьержа.

Груши, подходя къ Вавру, получилъ отъ Наполеона депешу, посланную въ 10 часовъ утра; Наполеонъ говорилъ о своемъ намѣреніи дать битву и предписывалъ ему направиться на Вавръ ¹⁷⁾.

Груши заключилъ, что атака на Вавръ согласна съ видами императора и началъ торопить ее.

Вандаммъ сталъ правымъ крыломъ противъ Вавра, лѣвымъ противъ Бьержа. Въ 4 часа артиллерія открыла огонь, сперва по предмѣстью, потомъ и по мельницѣ.

Эксельманъ расположился правѣе и позади Вандамма, ожидая пока наша пѣхота откроетъ дорогу кавалеріи. Одинъ полкъ былъ отправленъ освѣтить пространство вплоть до шоссе изъ Лувена въ Намюръ.

Передовая дивизія 4 корпуса Гюло достигла высотъ, занятыхъ лѣвымъ крыломъ Вандамма. Кавалерія Валена наблюдала Лималь и Лимелетъ. Пажолу и Тесту, отозваннымъ изъ Туринна, приказано ускорить движеніе къ Лималю.

При первомъ появленіи на высотахъ войскъ Вандамма, полковникъ Цепеленъ на-скоро сталъ готовиться къ защитѣ: баррикадировать мосты, пробивать въ оградахъ бойницы— работа кипѣла подъ огнемъ нашихъ двухъ батарей (изъ нихъ 1 батарейная) и пруссаки еще суетились за нею, когда храбро бросилась въ атаку дивизія Габера.

Цепеленъ, усиленный баталіономъ бригады Люка, держался въ предмѣстьи отчаянно въ продолженіи двухъ часовъ, но былъ наконецъ выбитъ. Баррикады были сломаны и, не смотря на анфиладный огонь батареи, обстрѣливавшей мосты, и огонь съ высотъ дивизія Габера смѣло перебѣжала на ту сторону.

былъ остаться въ Ваврѣ со всею бригадою, но пошелъ вслѣдствіе перерваннаго приказанія; мы плохо этому вѣримъ.

¹⁷⁾ «Его Величество желаетъ, чтобы вы какъ можно скорѣе прибыли къ Вавру.»

Одновременно съ этою атакою Груши приказалъ атаковать мельницу Бьержъ и Нижній-Вавръ.

Баталіонъ дивизіи Габера съ нѣсколькими орудіями и 3 эскадронами кавалеріи Эксельмана двинулся на Нижній-Вавръ, овладѣлъ нѣсколькими отдѣльными строеніями, но не могъ проникнуть дальше и ограничился перестрѣлкою.

Мельница Бьержъ была занята двумя ротами; 8 орудій обстрѣливали со ската подступы къ ней, а баталіонъ былъ въ резервѣ. Сзади, на высотахъ, находилась бригада Штульпнагеля. Всѣ наши покушенія овладѣть мельницею были неудачны.

Отбитыя войска Лефоля (корпуса Вандамма) были смѣнены войсками дивизіи Гюло; но и тѣ не имѣли успѣха. Храбрый Жераръ, со шпагою въ рукѣ, шелъ въ головѣ 9 легкаго полка, но получилъ тяжелую рану въ голову и атака неудалась. Всѣ нападенія наши были отражаемы вслѣдствіе мѣстныхъ неудобствъ и стойкости пруссаковъ. Въ 7 часовъ по-полудни артиллерійскій и ружейный огонь былъ очень силенъ на всемъ протяженіи отъ мельницы Бьержъ до Нижняго-Вавра.

Берега рѣки Диль были усыпаны густою цѣпью стрѣлковъ.

Въ это время къ Груши пришла депеша начальника главнаго штаба Сульта, отправленная въ часъ по-полудни съ поля битвы при Ватерлоо ¹⁸⁾. Въ ней Наполеонъ одобрялъ движеніе на Саръ-ле-Валенъ, откуда маршалъ могъ перейти къ Вавру или Корбе, и предлагалъ маневрировать къ сторонѣ Монъ-Сентъ-Жана; передавая ему про появленіе корпуса Бюлова у С.-Ламбера, Сульдъ прибавлялъ: „не теряя ни минуты, идите на соединеніе съ нами, вы захватите Бюлова върасплохъ и раздавите его“ ¹⁹⁾.

---

¹⁸⁾ Донесеніе Груши Наполеону изъ Дипана, 20 іюня.

¹⁹⁾ «Вы донесли въ два часа утра императору, что двинетесь на Саръ-ле-Валенъ, слѣдовательно планъ вашъ идти на Вавръ или идти на Корбе. Это движеніе совершенно согласуется съ сообщенными уже намъ вѣдѣніями Его Величества; но тѣмъ не менѣе императоръ приказалъ вамъ передать, чтобы вы продолжали маневрировать къ нашей сторонѣ.»

Раздавить Бюлова! Въ ту минуту, какъ предписаніе достигло по назначенію, прусскій генералъ уже давно былъ у Планшенуа и бился съ Лобау. Дюэмомъ и Мораномъ. Груши же былъ въ 4 лье отъ мѣста боя (15 верстъ).

Маршалъ выбралъ лучшее, что оставалось выбрать въ его положеніи; къ этой мѣрѣ давно бы слѣдовало обратиться— онъ рѣшился перейти Диль выше Бьержа.

Въ случаѣ успѣха это движеніе представляло двойную выгоду—обходили неприятельскую позицію послѣ неудачныхъ фронтальныхъ атакъ, и являлась возможность дальше подвинуть части, старающіяся войти въ связь съ арміею Наполеона.

Вандамму приказано счѣнить баталіоны Жерара, бывшіе въ огнѣ у мельницы Бьержъ, и поддерживать своимъ корпусомъ бой между мельницею и Нижнимъ-Вавромъ.

Тремъ дивизіямъ 4 корпуса, поступившимъ подъ начальство Вишери, двинуться на-лѣво вверхъ по теченію р. Дилиа до Лималья, гдѣ форсировать переправу съ помощью кавалеріи Валена.

Полковникъ Штенгель (корпуса Цитена) съ 3 баталіонами и 3 эскадронами наблюдалъ Лималь и Лимелетъ; оба деревянные моста можно было легко разрушить, но полковникъ оставилъ ихъ въ цѣлости.

Въ началѣ 9-го часа, Вишери прибылъ къ Лималю, баталіонъ тотчасъ же бросился на мостъ и послѣ короткой схватки овладѣлъ имъ. Не теряя времени, весь корпусъ переправился; напрасно Штенгель думалъ остановить насъ на подъемѣ къ деревнѣ. Его отбросили и деревня была взята. Войска построились правымъ флангомъ къ строеніямъ Лималья, а лѣвымъ къ Невъ-Кабаре. Дивизія Валена прикрывала наше лѣвое крыло, дивизіи Пажоля и Теста, только что перешедшія мостъ, стали за нею.

Тильманъ не замѣтилъ искусно выполненнаго маневра, и очнулся только когда Штенгель послалъ просить помощи. Шесть баталіоновъ бригады Штульпнагеля, занимавшіе высоты Бьержъ и резервная кавалерія генерала Гобе, стоявшая за Вавромъ, были двинуты противъ Вишери, въ тоже время онъ

подкрѣпилъ правое крыло бригадою Кемпена и частью бригады Люка. На все это нужно было время, а день кончался. Когда подоспѣлъ Штутльпнагель, Вишери уже успѣлъ занять высоту Лималь. Штутльпнагель принялъ на себя полковника Штенгеля, и, подкрѣпивъ его 2 эскадронами, перемѣстилъ вправо, затѣмъ свернулъ два баталіона въ колонны къ атакѣ, за ними расположилъ четыре баталіона и кавалерію Гобе и повелъ всю линію впередъ.

Нападеніе неудалось: обѣ лѣвыя колонны, переходя лощину, были разстроены убійственнымъ огнемъ войскъ Гюло и, опрокинутые на вторую линію, смѣшали ее и увлекли за собою; правая колонна Штенгеля была отброшена Валеномъ.

Наступившая ночь не позволила Вишери довершить поражение пруссаковъ, однако онъ ихъ отгѣснилъ до деревни Бьержъ и опушки Риксенсарскаго лѣса. Бой замолкъ въ 11 часовъ вечера.

На правомъ берегу р. Диля дѣло продолжалось также до 11 часовъ безъ всякихъ результатовъ, потому что Груши перемѣлъ къ Лималю 4-й корпусъ. Габеръ овладѣлъ предмѣстьемъ и, вторгнувшись въ городъ, удержался нѣкоторое время въ крайнихъ домахъ; но былъ тяжело раненъ, а войска его были отгѣснены въ предмѣстье. Затѣмъ непріятель вновь баррикадировалъ мосты, и дѣло ограничилось артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, гремѣвшимъ на обоихъ берегахъ р. Диля.

Натиски наши на мельницу Бьержъ и Нижній-Вавръ также неудались. Пруссаки и французы расположились биваками на ружейный выстрѣлъ другъ отъ друга.

Кавалерія Гобе стала за Риксенсарскимъ лѣсомъ, отрядъ Штенгеля въ лѣсу, Штутльпнагель между лѣсомъ и Бьержомъ и въ самой деревнѣ Бьержъ, связываясь съ правымъ флангомъ Кемпена, упереннаго лѣвый флангъ къ городу Вавру. Полковникъ Цепелентъ и часть бригады Люка занимали городъ, часть бригады была за городомъ, а одинъ баталіонъ въ Нижнемъ-Ваврѣ.

Оставивъ отрядъ противъ послѣдняго пункта, Вандамъ занялъ предмѣстье, массировавъ почти весь корпусъ противъ

Вавра, лѣвымъ флангомъ противъ мельницы Бьержъ. Эксельманъ расположился противъ С.-Анна; Вишери съ 4 корпусомъ остался противъ Бьержа и Риксенсарскаго лѣса, имѣя во второй линіи Пажоля и Теста.

Въ полночь Груши ничего еще не зналъ о битвѣ, данной у Монъ-Сенъ-Жана. Въ 8 часовъ вечера раскаты канонады стали слабѣе, а къ 9 часамъ совершенно прекратились; и все смолкло съ той стороны.

Тильманъ оставался въ такомъ же невѣдѣніи.

ГЛАВА XV.

Описавъ дѣйствія Груши въ роковой день 18 іюня, мы должны прибавить, что Наполеонъ на о. св. Елены выставилъ маршала главнымъ виновникомъ пораженія при Ватерлоо: почти всѣ французскіе и иностранные писатели повторили за нимъ это обвиненіе. Но оно совершенно неосновательно, потому что данныя, служащія ему основаніемъ, представляютъ вымышленные факты, невѣрно показанное время, короче всевозможныя неточности.

Груши энергически защищался; но въ оправданіяхъ своихъ онъ не всегда искрененъ и правдивъ.

Мы возстановили въ настоящемъ свѣтѣ дѣйствія его 17 іюня. Самый упорный и суровый порицатель дѣйствій маршала генераль Жераръ сознается, что маршъ отъ С.-Аманда и Линьи къ Жемблу не могъ быть произведенъ скорѣе; однако войска Вандаммы и Жерара достигли Жемблу только ночью, пройдя одни 3, другіе 3½ лье.

Груши поставилъ ихъ на биваки для отдыха и для того, чтобы выждать извѣстій отъ драгунскихъ разъѣздовъ, отправленныхъ въ Саръ-Ле-Валенъ и Первезъ.

Онъ находился въ полнѣйшемъ невѣдѣніи куда отступила прусская армія—на Вавръ или на Люттихъ—что видно изъ депеши, отправленной въ 10 часовъ вечера къ Наполеону ¹⁾

---

¹⁾ « По донесеніямъ можно заключить, что пруссаки, достигнувъ Совеньера, раздѣлились на двѣ колонны. Одна двинулась къ Саръ-ле-Валену по ваврской дорогѣ, другая направилась на Первезъ. Вѣроятно часть пруссаковъ думаетъ соединиться съ Веллингтономъ; глав-
•

и двухъ писемъ къ Вандамму. Сомнѣніе Груши не разсѣялось и въ два часа ночи; изъ рекогносцировокъ къ Саръ-Ла-Валену и Первезу ничего не узнали, маршалъ тогда донесъ Наполеону, что рѣшился идти на Саръ-Ле-Валенъ, начавъ тѣмъ свое участіе въ событіяхъ 18 іюня. Содержаніе депеши, отправленной въ 2 часа ночи изъ Жемблу, неизвѣстно, но смыслъ ея видѣнъ изъ запоздалаго отвѣта Наполеона. Груши не объяснялъ куда онъ пойдетъ изъ Саръ-Ле-Валена. Наполеонъ впрочемъ заключилъ, что маршалъ намѣренъ идти на Вавръ или Корбе и одобрилъ его распоряженія ²⁾, но императоръ лишь случайно угадалъ; если бы Груши думалъ съ самаго начала идти на Корбе или на Вавръ, онъ объяснился бы обстоятельнѣе и шелъ бы прямою дорогою, а не дѣлалъ бы цѣлаго лѣе крюку.

Дорога отъ Жемблу къ Саръ-Ле-Валену промежуточная между дорогою изъ Жемблу въ Вавръ и римскою дорогою, идущею на Лютихъ. Вотъ почему и пошелъ туда Груши, надѣясь узнать на маршѣ куда отступили пруссаки. До полученія точныхъ извѣстій онъ не рѣшался: продолжать ли ему маршъ за Саръ-Ле-Валенъ или свернуть оттуда. Поэтому, въ донесеніи Наполеону, онъ упомянулъ только о движеніи къ Саръ-ле-Валену, прибѣгнувъ къ полумѣрѣ, вслѣдствіе темныхъ и сбивчивыхъ извѣстій.

Вслѣдствіе нерѣшимости маршала войска снялись съ биваковъ слишкомъ поздно. Промедленіе это вызвало горячія и живыя порицанія.

ныя же силы Блюхера отступаютъ на Лютихъ, еще колонна съ артилеріею удаляется на Намюръ.

«Я приказалъ генералу Эксельману направить сегодня вечеромъ шесть эскадроновъ къ Саръ-ле-Валену и три эскадрона къ Первезу.

«Если я узнаю, что главные силы пруссаковъ отступаютъ на Вавръ, я двинусь за ними туда... напротивъ, когда онѣ отступаютъ чрезъ Первезъ, я буду преслѣдовать ихъ по этому направленію.»

²⁾ «Вы доносили въ два часа ночи императору, что идете на Саръ-ле-Валенъ, слѣдовательно вашъ планъ направиться къ Корбе или къ Вавру. Императоръ одобряетъ это движеніе, и это согласуется съ данными намъ инструкціями. (Письмо начальника главнаго штаба, отправленное въ часъ по-полудни съ поля битвы при Ватерлоо).

Правда Вандаммъ, имѣя приказаніе отъ маршала начать движеніе въ 6 часовъ утра, снялся съ позиціи только въ 7, однако и 6 часовъ утра былъ поздній часъ.

Груши долженъ былъ поступить подобно Бюлову и сняться съ биваковъ съ солнечнымъ разсвѣтомъ въ 3 часа утра ³⁾).

Особенно порицали движеніе на Саръ-Ле-Валенъ, говоря, что Груши долженъ былъ направиться не туда, а въ Мути. Даже находясь въ Жемблу онъ слишкомъ отдалялся отъ нашей операціонной линіи, ему не слѣдовало еще болѣе отдаляться отъ насъ; тѣмъ болѣе, что двинувшись на Мути, онъ избѣгалъ невыгодъ фронтальной атаки, если непріятель былъ въ Ваврѣ, и могъ свободно маневрировать на лѣвомъ берегу р. Дили.

Груши, защищаясь отъ нападокъ, ссылаясь на инструкціи Наполеона идти за Блюхеромъ.

Наполеонъ приказалъ преслѣдовать пруссаковъ не ставивъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Груши не отдалялся отъ главныхъ силъ, двинувшихся по шоссе изъ Шарлеруа къ Брюсселю за англо-голландскою арміею; подобное условіе было невыполнимо въ случаѣ отступленія прусской арміи къ Лютиху.

Наконецъ Наполеонъ не имѣлъ нужды въ содѣйствіи Груши, не давъ ему даже знать, какая позиція занята имъ въ ночь на 18 іюня.

Не зная пути отступленія пруссаковъ, Груши своимъ движеніемъ къ Вавру боялся открыть наши сообщенія непріятелю, если онъ отступилъ на Лютихъ.

Таково въ общихъ чертахъ пустое оправданіе Груши.

Инструкціи, данныя Груши, были неполны и неопредѣлены. Наполеонъ долженъ былъ положительнымъ образомъ разъяснить маршалу: не терять связи съ нашими главными силами и подослать къ нимъ на помощь въ случаѣ нужды; онъ сдѣлалъ ошибку, не давъ знать, гдѣ занять позицію въ ночь на 18-е число; неоспоримо, что Блюхеръ могъ ударить на наши

---

³⁾ На брюссельской обсерваторіи 18 іюня солнце восходитъ въ три часа сорокъ восемь минутъ.

сообщенія, но все это не оправдываетъ движенія Груши на Саръ-Ле-Валенъ вмѣсто Мути. Груши, неруководимый ни инструкціями, ни собранными свѣдѣніями, долженъ былъ сообразоваться съ обстоятельствами. Въ подобныхъ случаяхъ колебаніе непростительно и надо всегда предполагать, что непріятель будетъ дѣйствовать такъ, чтобы извлечь для себя наибольшую выгоду — надо взвѣшивать характеръ противника. Иныхъ дѣйствій здравый смысл и не допускаетъ — жалокъ тотъ генералъ, который ждетъ для своихъ дѣйствій подробныхъ и до мелочей точныхъ приказаній.

Понятно, что выгоднѣйшій маневръ для Блюхера былъ войти скорѣе въ сообщеніе съ Веллингтономъ и соединить прусскую армію съ англо-голландскою. Союзные генералы для этого маневрировали съ самаго начала кампаніи и конечно не бросили бы своей цѣли, вслѣдствіе отдѣльнаго пораженія одной изъ армій. Ни извѣстный своимъ упорствомъ Веллингтонъ, ни энергическій и отважный Блюхеръ не давали права предполагать возможность подобнаго факта.

Въ случаѣ соединенія союзныхъ армій, Наполеонъ подвергался опасности быть раздавленнымъ ими. Подобная катастрофа была горшимъ изъ всѣхъ золъ для насъ, и Груши прежде всего долженъ былъ отклонять ее по мѣрѣ возможности, а для того стараться войти въ связь съ Наполеономъ, т. е. идти на Мути.

Мути былъ самый выгодный пунктъ, отсюда можно было, если непріятельскія арміи уже соединились, ослабить важное значеніе этого соединенія; а если еще не были соединены, то сильно затруднить это соединеніе.

По прямой линіи разстояніе отъ Мути до брюссельскаго шоссе менѣе 3 лье, а до Вавра менѣе 2-хъ лье. Подходя къ Мути можно было посредствомъ развѣздовъ узнать о Наполеонѣ и прусской арміи, и, смотря по собраннымъ свѣдѣніямъ, распорядиться дальнѣйшимъ движеніемъ.

Въ случаѣ соединенія пруссаковъ съ англо-голландцами представлялась возможность немедленно поддержать Наполеона.

Напротивъ, если пруссаки еще не выступали изъ Вавра,

движеніемъ по лѣвому берегу Диля, мы обходили ихъ; если выступили и находились на маршѣ, затрудненные переходами Ланьскихъ тѣсинъ, мы могли атаковать ихъ во время флангового марша. Отступи пруссаки изъ Вавра на Брюссель, что означало что Веллингтонъ отказывается отъ битвы передъ Суаньскимъ лѣсомъ, мы могли направиться на Вавръ и идти по слѣдамъ прусской арміи. Наконецъ предположимъ, что непріятель, оставивъ влѣво Вавръ, отступилъ бы къ Лувену по намюрскому шоссе, мы имѣли возможность дойдя до Вавра, повернуть оттуда полуоборотомъ направо и безпикнуть тылъ и флангъ прусской арміи.

Перейдя къ Мути, Груши уменьшалъ, насколько позволяли ему средства, гибельныя для насъ послѣдствія самаго вѣроятнаго маневра противника — соединенія обѣихъ непріятельскихъ армій. Наконецъ замѣтимъ, что если бы Блюхеръ отступилъ не на Вавръ, Брюссель или Лувенъ а къ Лютиху, наши сообщенія не подвергались особенной опасности отъ движенія на Мути и далѣе къ Вавру, вслѣдствіе ложныхъ извѣстій; Груши, маневрируя своимъ лѣвымъ крыломъ, могъ посредствомъ своей многочисленной кавалеріи наблюдать пространство къ Лютиху, такъ что ни одно серьезное намѣреніе непріятеля не укрывалось отъ насъ, и маршалъ всегда предупреждалъ наступленіе пруссаковъ. Въ Первезѣ стоялъ нашъ драгунскій отрядъ, слѣдовательно пруссаки, при отступленіи къ Лютиху, были уже за этимъ пунктомъ — при движеніи прусской арміи на наши сообщенія, мы изъ Вавра поспѣвали раньше ея къ брюссельскому шоссе.

По всѣмъ причинамъ надо было идти на Мути а не на Саръ-Ле-Валенъ; движеніе на послѣдній пунктъ было ошибочно и нѣтъ никакой возможности оправдать Груши.

Однако настоящая ошибка не имѣла и не могла имѣть никакого вліянія на битву при Ватерлоо.

Груши, избѣжавъ ея и поднявшись съ биваковъ въ 3 часа утра, не измѣнялъ участи боя, вслѣдствіе слабости собственныхъ силъ въ сравненіи съ численностью прусской арміи; 33 т.

французовъ не помѣшали бы Блюхеру помочь Веллингтону и тѣмъ рѣшить битву.

Прусская армія, сосредоточенная въ ночь съ 17-го на 18 іюня подъ Вавромъ, имѣла по крайней мѣрѣ до 90 т. человекъ. Всѣ дѣльные писатели согласны съ этимъ и самъ Наполеонъ принялъ показанное число въ своемъ первомъ разсказѣ о бельгійской кампаніи ⁴⁾; но въ мемуарахъ онъ отваживается показывать, что отъ побѣговъ у Блюхера осталось 80, 70 и даже всего 60 т. человекъ.

Прибытіе къ Планшенуа, въ 4 ¹/₂ часа по-полудни; корпуса Бюлова сдѣлало нерѣшительнымъ исходъ битвы при Ватерлоо; появленіе къ 7 ¹/₂ часамъ у Ле-Ге и Папелотъ Цитена склонило побѣду на сторону непріятеля; а прибытіе Пирха 1-го превратило эту неудачу въ полнѣйшее пораженіе. У Бюлова вышло изъ строя около 6,500 человекъ; но Цитенъ и Пирхъ 1-й не потеряли каждый и 300 человекъ, что показываетъ незначительность усилій съ ихъ стороны.

Бюловъ дрался съ 29,000 ⁵⁾; Цитенъ имѣлъ бригаду пѣхоты и почти всю свою кавалерію ⁶⁾; Пирхъ 1-й двѣ бригады пѣхоты и двѣ бригады кавалеріи ⁷⁾. Такъ что всего прусскихъ войскъ, принявшихъ участіе въ битвѣ при Ватерлоо, было до 45 т.

Веллингтонъ и Блюхеръ довольно точно знали численность французской арміи, вступившей въ Бельгію. Въ доказательство ссылаемся на переписку герцога Веллингтона ⁸⁾.

---

⁴⁾ «Не смотря на потери 16, въ прусской арміи, 18 оставалось еще до 90,000 человекъ.» («Camagne de 1815». — Гурго). Въ данномъ сочиненіи, равно какъ и въ своихъ мемуарахъ, Наполеонъ опредѣляетъ силу прусской арміи, при открытіи кампаніи, въ 120,000 человекъ.

⁵⁾ Три кавалерійскихъ полка (12 эскадроновъ) и два баталіона корпуса Бюлова, задержанные въ Ваврѣ, не успѣли принять участія въ битвѣ при Ватерлоо.

⁶⁾ Три остальные пѣхотныя бригады отстали у Огена и не участвовали въ дѣлѣ. Кромѣ того три баталіона и три эскадрона, подъ начальствомъ полковника Ценелена, оставались у Вавра.

⁷⁾ Двѣ остальные бригады пѣхоты и три бригады кавалеріи выступили изъ Вавра только къ четыремъ часамъ по-полудни.

⁸⁾ Въ архивѣ военнаго министерства въ Гагѣ, мы нашли документъ,

Оба полководца 18-го іюня утромъ были убѣждены, что вся французская армія, за исключеніемъ одного корпуса Вандаммы, сосредоточена на высотахъ Бель-Аллианса, и даже на слѣдующее утро оставались при своемъ убѣжденіи ⁹⁾. Ночью между арміями сохранялось свободное сообщеніе и Веллингтонъ рѣшился на битву при Монъ-Сень-Жанъ, единственно потому, что былъ убѣжденъ въ содѣйствіи прусской арміи.

Приводимые факты вполне достовѣрны, равно и то, что Блюхеръ, обладая вѣрнымъ военнымъ взглядомъ, рѣшимостью и энергіею, надѣялся крѣпко на свои войска.

Сказаннаго довольно, чтобы вывести заключеніе имѣла-ли бы битва 18-го іюня иной исходъ, если бы Груши умнѣ соображалъ и маневрировалъ.

Двинувшись не въ 7, а въ 3 часа, и не въ Саръ-Ле-Валенъ, а въ Мути; направляясь двумя колоннами, а не одною— онъ прибылъ-бы къ р. Дилю въ 10½ часовъ утра; мы дѣлаемъ нашъ выводъ изъ продолжительности марша головной части колонны Груши — корпуса Вандаммы къ Ниль-Сень-Винсенту. Наше движеніе было-бы тотчасъ открыто разбѣдами полковника Ледебюра, занимавшаго Монъ-Сень-Гиберъ; Блюхеру давали знать, и онъ конечно принялъ-бы всѣ нужныя мѣры чтобы помѣшать нашему движенію.

Вслѣдствіе или безпечности или торопливости, только мосты—у Мути каменный и у Оттиньи деревянный, лежащіе на разстояніи ¼ лье одинъ отъ другаго. не были повреждены.

показывающій съ какою точностью союзные полководцы были предувѣдомлены о силѣ французской арміи. Вѣдомость, отправленная 10 іюня изъ Гента къ начальнику штаба корпуса принца Оранскаго генералу Констанъ-де-Ребеку и подписанная министромъ Людовика XVIII, герцогомъ Фельтрскимъ (Кларкомъ), очень подробно показываетъ силу гвардіи, 1-го, 2-го, 3-го, 4-го и 6-го корпусовъ, въ составѣ конныхъ сочтенъ и кавалерійскій резервъ, въ 120,000 человекъ (безъ парковъ).

«Лицо, сообщившее мнѣ достовѣрныя подробности», пишетъ при этомъ Кларкъ, «не желая себя компрометировать, передало мнѣ ихъ, не письменно, но словесно. чрезъ прибывшаго сюда офицера, въ преданности коего я убѣжденъ.»

⁹⁾ Донесеніе Веллингтона отъ 19 іюня.

Поручивъ Цитену, бивакировавшему у Бьержа, ихъ защиту ¹⁰⁾, Пирха 1-го отправили бы изъ С.-Аннъ и Эзмона чрезъ переправы у Лималя и Лимелета на поддержаніе его ¹¹⁾. Иначе Блюхеру нельзя было распорядится; во-первыхъ, слѣдовало обезопасить себя отъ обхода у Вавра, во-вторыхъ, прикрыть фланговое движеніе корпуса Бюлова къ С.-Ламберу.

Прибывъ въ Мути и Оттиньи, Груши наткнулся бы на 40 т. съ 150 орудіями, расположенныхъ за рѣкою, не имѣвшею бродовъ и съ крутыми берегами. На подобной позиціи и меньшія силы были достаточны, если не преградить совершенно дорогу Груши, то задержать его на цѣлый день; тѣмъ временемъ корпуса Бюлова и Тильмана, т. е. масса въ 50 т. человѣкъ, рѣшили бы битву при Ватерлоо у Планшенуа и Пашелотъ — и Груши вмѣсто дѣла при Ваврѣ имѣлъ бы дѣло у Мути и Оттиньи. Мы видѣли, что бой при Ваврѣ длился отъ 4½ часовъ до 11 часовъ вечера и былъ нерѣшительнъ, такъ что Груши могъ поддержать Наполеона только чрезъ нѣсколько часовъ; кромѣ того замѣтимъ, что маршалъ имѣлъ дѣло всего съ 16 или 18-ю тысячами пруссаковъ.

Допустимъ наконецъ, хотя предположеніе и трудно допустимо, Груши удалось бы захватить мосты Мути и Оттиньи и перейти р. Диль раньше чѣмъ соберутся пруссаки.

Не встрѣтивъ затрудненій при переходѣ, онъ окончилъ бы его къ полудню, при чемъ, зная близость прусской арміи, конечно двинулся бы на нее и, наткнувшись на войска Цитена и Пирха 1-го, расположенныя за ручьемъ Лимелетъ, атаковалъ ихъ въ то время, какъ сильная канонада слѣва у Монъ-Сень-Жана давала знать, что происходитъ великая битва.

Чтобы предпринялъ въ подобныхъ обстоятельствахъ маршалъ Груши?

Положимъ, онъ отказался-бы отъ атаки и пошелъ на усиленіе Наполеона; но Блюхеръ бы сталъ маневрировать въ

---

¹⁰⁾ Отъ Бьержа до Оттиньи, по прямой линіи, всего пять километровъ (4¾ версты).

¹¹⁾ Отъ С.-Аннъ и Эзмона до Оттиньи около пяти километровъ.

свою очередь — оставивъ Бюлова продолжать маршъ къ С. Ламберу и Планшенуа, двинувъ корпусъ Тильмана частью за Бюловымъ и частью къ Огену, онъ направилъ бы Цитена и Пирха 1-го за Груши завязать дѣло и препятствовать его маршу всѣми средствами.

Самый дурной исходъ могъ быть тотъ, что оба генерала, допустивъ Груши принять участіе въ битвѣ подъ Ватерлоо, прибывали въ одно время съ нимъ къ Планшенуа. Результатъ дня не могъ измѣниться, и армія французская, сосредоточившись въ критическую минуту, была бы раздавлена соединенными силами Блюхера и Веллингтона.

Но не будемъ увлекаться химерами — Груши, двинувшись изъ Лимелеть и маневрируя въ бою, не могъ прибыть къ Планшенуа ранѣе 9 часовъ вечера; припомнимъ что двѣ бригады Пирха 1-го, выступившія въ полдень изъ Вавра и совершенно спокойно продолжавшія маршъ, подоспѣли къ Бюлову только къ 7½ часамъ вечера.

Предположимъ напротивъ, и это предположеніе вполне вѣроятно, что Груши, не смотря на гуль Монъ-Сенъ-Жанской канонады, не пошелъ бы на соединеніе съ Наполеономъ, а продолжалъ-бы атаку корпусовъ Цитена и Пирха 1-го, стоявшихъ за ручьемъ Лимелеть. Тогда Блюхеръ, распознавъ силы маршала, что было неминуемо при томъ или другомъ нашемъ предположеніи, оставивъ Цитена и Пирха 1-го удерживать диверсію Груши, самъ съ корпусами Бюлова и Тильмана подкрѣпилъ-бы англо-голландскую армію.

Цитенъ и Пирхъ 1-й навѣрное сопротивлялись бы долго, занимая удобную позицію и имѣя на $\frac{1}{2}$ болѣе насъ войска и артиллеріи — положимъ, что они держались бы до 7 часовъ, тутъ нѣтъ преувеличенія, если вспомнимъ что на другой день Груши сбилъ 3 прусскія бригады, силою до 15 т. человекъ, только послѣ 8 часового боя.

Будучи задержанъ до 7 часовъ у Лимелеть или за этимъ пунктомъ, маршалъ не имѣлъ времени поспѣть къ Ватерлоо.

Двѣ послѣднія бригады Пирха 1-го и бригада кавалеріи Зора, выступивъ изъ Вавра въ 4 часа по-полудни и слѣдую

спѣшно, вслѣдствіе настойчивыхъ повтореній Блюхера, прибыли къ своимъ главнымъ силамъ только поздно ночью.

Какое бы предположеніе мы не сдѣлали, но придерживаясь фактической возможности и допуская надлежащія распоряженія съ обѣихъ сторонъ, придемъ къ тому, что Груши обвиненъ несправедливо. Повторяемъ, что если бы Груши слѣдовалъ здравымъ стратегическимъ началамъ, не терялъ времени и не терялся среди обстоятельствъ, битва при Ватерлоо не имѣла бы иного исхода.

Главная причина заключалась въ относительной слабости силъ Груши сравнительно съ прусскою арміею. Въ ней было по крайней мѣрѣ 90 т. человѣкъ — половина этихъ силъ покончила съ Наполеономъ. Для Груши было бы нелегко съ 33 т. удержать другую половину у Вавра, и подвигъ его не могъ отвратить поразившаго армію несчастья. Но положимъ что, отказавшись отъ боя на лѣвомъ берегу Дили и маневрируя прямо для соединенія съ Наполеономъ, Груши и подоспѣлъ бы къ бою; тогда вся прусская армія соединялась съ англо-голландскою и численное превосходство здѣсь снова брало верхъ — наши 100 т. съ 340 орудіями были бы разбиты непріятелемъ, имѣвшимъ 160 т. человѣкъ съ 440 орудіями.

Многіе упорно обвиняли Груши въ томъ, что онъ не послушалъ въ Саръ-Ле-Валенѣ совѣта Жерара, когда раздалась Монъ-Сень-Жанская канонада.

Обвиненіе это вполне справедливо, но не потому что забыли правило идти на выстрѣлы; это правило иногда не исполняется, особенно имѣя противъ себя значительныя силы непріятеля: но потому что въ Саръ-Ле-Валенѣ было нужнѣе чѣмъ въ Жемблу маневрировать лѣвымъ крыломъ; тѣмъ болѣе зная что прусская армія не отступила къ Люттиху, а напротивъ сосредоточилась у Вавра.

При раскатахъ канонады, доносившихся со стороны Суаньскаго лѣса, необходимо приходило на умъ, что пруссаки или соединились или идутъ на соединеніе съ англо-голландцами.

Блюхеръ и Веллингтонъ, находясь по сосѣдству, навѣрное условились произвести общее нападеніе на Наполеона. Маршаль

Груши долженъ былъ послушаться совѣта Жерара, послѣдно перейти р. Диль у Мути, приблизиться къ главнымъ нашимъ силамъ, войти съ ними въ связь и имѣть возможность дѣйствовать съ ними за одно, т. е. или подкрѣпить ихъ, если есть время, или затруднить и замедлить соединеніе Блюхера съ Веллингтономъ. Движеніе на Вавръ отдаляло обѣ цѣли, а всякая потеря времени была невознагражима. Груши объяснялъ свое рѣшеніе тѣмъ, что полагалъ прусскую армію у Вавра, такъ какъ Эксельманъ наткнулся на арріергардъ ея у Невъ-Сара; но подобное объясненіе неудовлетворительно. Предположивъ, что непріятель находится въ Ваврѣ и не уйдетъ оттуда до нашего прибытія, маршалъ долженъ былъ переправиться гораздо выше Вавра чрезъ р. Диль, чтобы избѣгнуть невыгодъ фронтальной атаки и обойти непріятельскую позицію. Груши виноватъ не послушавшись Жерара и заслуживаетъ справедливые упреки: но въ нихъ зашли слишкомъ далеко, увѣряя что исполнивъ умный совѣтъ Жерара, тѣмъ предупредили бы наше пораженіе у Ватерлоо.

Доводы, приведенные нами, доказываютъ ложность послѣдняго обвиненія. Однако разберемъ факты и обстановку въ какой находился маршалъ, представимъ себя въ его положеніи, потому что данныя времени, разстоянія и мѣстности приведены невѣрно или совершенно упущены критиками изъ виду.

Когда гулъ канонады показалъ, что битва завязалась у Монъ-Сень-Жана, и Жераръ далъ совѣтъ идти на Мути, было около полудня—ибо только тогда большая батарея, расположенная на правомъ крылѣ Наполеона, открыла огонь ¹²⁾. Въ это время корпусъ Эксельмана находился частью у Невъ-Сара, а частью противъ Дюнь-Ле-Мона; корпусъ Вандамма въ Ниль-Сень-Винсентъ; корпусъ Жерара подходилъ къ Саръ-

---

¹²⁾ По словамъ Жерара онъ высказалъ свое мнѣніе Груши въ 11½ часовъ («Dernières observations» р. 30), однако въ приведенномъ затѣмъ отрывкѣ изъ письма генерала Валазе (р. 31—32), сказано, что совѣтъ былъ данъ, когда послышалась очень сильная канонада; а мы знаемъ, что канонада у Ватерлоо разгорѣлась только послѣ полудня. Вирочемъ разница въ подучастъ не составляетъ особенной важности.

Ле-Валену, а войска Пажоля и Теста подвигались изъ Гранъ-Лееса на Турринъ.

Жераръ говоритъ, что совѣтывалъ: тотчасъ же приказать генералу Валену, бывшему ближе къ р. Дилю и прикрывавшему нашъ маршъ слѣва, поспѣшно идти къ мосту у Мути, перейти рѣку и развѣдать о пруссакахъ, произведя рекогносцировки по направленію къ С.-Ламберу и Фришмону; 3-му корпусу Вандамма изъ Ниль-Сенъ-Винсента свернуть влѣво на Мути; 4-му корпусу Жерара и кавалеріи Эксельмана слѣдовать за нимъ. Въ тоже время генералу Пажолю двинуться къ Вавру съ кавалеріею и дивизіею Теста; и, опрокинувъ слабый непріятельскій арріергардъ, оставленный на правомъ берегу р. Дили, наблюдать за корпусомъ Тильмана и прикрыть нашъ фланговый маршъ ¹³⁾.

Что выходило изъ этого?

Прусскій арріергардъ, остававшійся цѣлое утро у Монъ-Сенъ-Гибера, отступилъ къ Бараку, гдѣ стойко держался противъ Эксельмана. Мосты у Мути и Оттиньи не были разрушены и оставлены безъ наблюденія; Валенъ могъ навѣрное ихъ скоро и легко захватить.

Разстояніе отъ Ниль-Сенъ-Винсента, гдѣ былъ Вандаммъ, до названныхъ мостовъ два лье по прямой линіи и болѣе 2 ¹/₂ лье по проселкамъ.

Получивъ приказъ, онъ перемѣнилъ бы направленіе колоннъ къ 12 ¹/₂ часамъ или нѣсколько позже; дороги, по которымъ предстояло идти ¹⁴⁾, были хуже дорогъ изъ Жемблу въ Ниль-

---

¹³⁾ «Dernières observations» et cet. Безполезно замѣчать ошибку Жерара. Въ полдень три прусскихъ корпуса находились еще въ Ваврѣ, и на правомъ берегу рѣки Дили оставалось до 18,000 человекъ, что вовсе не было слабымъ непріятельскимъ арріергардомъ, корпусъ Тильмана долженъ былъ идти на Кутюръ, и въ то время, какъ Пажоль и Тестъ прибывали къ Вавру, по предположенію Жерара, Тильманъ былъ бы уже далеко.

¹⁴⁾ Генералъ Ламаркъ, во время своего продолжительнаго изгнанія, на досугъ осмотрѣлъ мѣстность, гдѣ дѣйствовалъ Груши. Приведемъ его слова о характерѣ мѣстности между Ниль-Сенъ-Винсентомъ, Саръ-ле-Валеномъ, Мути и Оттиньи.

Сенъ-Винсентъ, такъ что корпусъ могъ прибыть къ Мути и Оттиньи къ 5-ти часамъ по-полудни.

Жерару изъ Саръ-Ле-Валена надо было сдѣлать большій крюкъ; но, выступивъ нѣсколько ранѣе Вандамма, онъ могъ перейти рѣку въ 6 часовъ вечера.

Изъ Мути до Планшенуа по прямому направленію 2½ лье, а по сквернымъ проселкамъ болѣе 3 лье; пѣхотѣ нельзя было послѣть на поле битвы ранѣе 9 или 10 часовъ вечера; а въ то время пораженіе наше было уже полное и Груши былъ бы увлеченъ общимъ разстройствомъ.

Спустя 15 лѣтъ послѣ роковаго событія Жераръ, въ жару спора, написалъ что могъ прибыть въ С.-Ламберъ или Фришмонъ къ 4½ часамъ по-полудни ¹⁵); потомъ отдалилъ возможность прибытія до 7½ часовъ, прибавивъ: „явившись передъ непріятелемъ и начавъ диверсію, чтобы помѣшать его атакамъ на наше правое крыло и тылъ, мы ставили непріятеля между двухъ огней; онъ очутился бы въ отчаянномъ положеніи“ ¹⁶).

Доводы Жерара, подтверждая обвиненія Наполеона, направленные противъ Груши, заслужили общее довѣріе; но они не выдерживаютъ критики.

Жераръ основывается на ложномъ показаніи, что отъ Саръ-Ле-Валена до С.-Ламбера или Фришмона не болѣе 4 лье ¹⁷), тогда какъ на самомъ дѣлѣ между первыми двумя пунктами по прямому направленію болѣе 4½ лье, а между первымъ и

«Мѣстность въ высшей степени неблагопріятная, такъ что даже странно встрѣтить здѣсь высокія горы и глубокія рытвины, затруднительныя для движенія съ артиллеріею, точно въ предгоріяхъ Альпъ и Пиринеевъ.» (*Mémoires du général Lamarque*. — «Notice sur les cent-jours»).

Осмотрѣвъ лично мѣстность, мы убѣдились въ справедливомъ описаніи Ламарка. Теперь проложены порядочныя дороги, но въ 1815 г. ихъ не существовало.

¹⁵) «Dernières observations», et cet., p. 31.

¹⁶) Idem., p. 37.

¹⁷) «Dernières observations», etc. Къ брошюрѣ Жерара приложена совершенно невѣрная карта для объясненія дѣйствій Груши.

третьимъ пунктомъ болѣе 5½ лье, такъ что по дорогамъ выйдетъ самое малое 6 лье. Наша повѣрка съ перваго раза указываетъ на невозможность прибыть къ С.-Ламберу въ 4½ часа по-полудни.

Второе увѣреніе Жерара о возможности поспѣть къ 7½ часамъ также не имѣетъ мѣста.

По ужаснымъ, размытымъ дождемъ дорогамъ, чрезъ безпрестанныя тѣснины и два узкихъ моста ¹⁸⁾, масса пѣхоты слишкомъ въ 20 т. съ артиллеріею не могла пройти 6 лье въ промежутокъ времени отъ полудня до 7½ часовъ вечера.

Доказательствомъ служить какъ тащились прусскіе корпуса отъ Вавра къ Планшенуа и Пепелотъ, какъ тянулся Жераръ съ Вандаммомъ наканунѣ и въ утро 18 іюня. Они шли „сколько силы выносили“ ¹⁹⁾, однако употребили 7 часовъ на переходъ отъ Линьи къ Жемблу, и 4 часа, чтобы пройти отъ Жемблу къ Саръ-Ле-Валену.

Наконецъ, допустивъ даже увѣреніе Жерара, что Груши прибылъ бы въ 7½ часовъ къ С.-Ламберу, маршъ нашъ все-таки оказывался бесполезенъ, потому что мы были отдалены болѣе чѣмъ на лье отъ поля битвы затруднительными Ланскими тѣснинами. Двинулся же Груши къ Фришмону или Планшенуа, т. е. дѣлая по словамъ Жерара цѣлое лье крюку, мы прибывали къ каждому изъ этихъ пунктовъ въ 9 часовъ вечера.

Только допустивъ невѣрные данныя относительно времени, разстоянія и мѣстности; допустивъ что пруссаки, несмотря на собственный пылъ, понужденія начальниковъ и гулъ близкой канонады, нарочно замедлять на пути; отвергнувъ собственное показаніе Жерара о медленности его марша наканунѣ по ужаснымъ дорогамъ; и принявъ, что онъ и Вандамъ, утромъ 18-го,

---

¹⁸⁾ Деревянный мостъ у Мутти шириною одинъ метръ (почти полтора аршина). Каменный мостъ остался до сихъ поръ въ томъ же видѣ, какъ и въ 1815 году—ширина его по полотну всего три метра. Артиллерія можетъ проходить въ одно орудіе.

¹⁹⁾ „Quelques documents sur la bataille de Waterloo. par le général Gérard.

должны были идти скорѣе чѣмъ на самомъ дѣлѣ—только тогда, скажемъ мы, можно вѣрить извѣстамъ генерала Жерара противъ маршала Груши, извѣстамъ повтореннымъ множествомъ писателей.

Еще причина—принявъ все приведенное на вѣру мы все таки не можемъ убѣдиться, что прибытіе маршала имѣло бы благопріятное вліяніе на исходъ битвы при Ватерлоо.

Жераръ рассчитываетъ и заключаетъ точно дорога была совсѣмъ открыта передъ Груши; но на дѣлѣ бы вышло иное, въ томъ нѣтъ никакихъ сомнѣній. Непріятель увидѣвъ необходимость контръ-маневра конечно выполнилъ бы его.

Въ поддень авангардъ Бюлова (одна бригада) былъ стянутъ къ С.-Ламберу, остальные бригады шли отъ Вавра, а полковникъ Ледебюръ съ 2-мя баталіонами и 12 эскадронами оставался на правомъ берегу р. Дилы, у Барака, противъ Эксельмана. Въ это время Цитенъ выступилъ изъ Вавра по направленію къ Фромону и Огену, оставивъ полковника Штенгеля съ 3-мя баталіонами и 3-мя эскадронами для наблюденія у Лималы; а двѣ бригады Пирха 1-го, перейдя р. Диль, подвигались къ С. Ламберу вслѣдъ за Бюловымъ; двѣ же другія бригады и кавалерійская бригада Зора только что снялись съ бивака; наконецъ Тильманъ былъ на-готовѣ слѣдовать чрезъ Кутюръ, по направленію къ Планшенуа, оставляя для защиты Вавра только слабый арріергардъ.

Наступленіе Эксельмана, прибытіе къ нему дивизіи Валена и корпуса Вандамма къ с. Бараку; наконецъ самое движеніе наше на Вавръ заставили Блюхера измѣнить, отданныя прусскимъ генераламъ распоряженія. Бюловъ, Цитенъ и двѣ бригады Пирха 1-го продолжали маршъ; бригада Зора и корпусъ Тильмана были приостановлены. Въ 4 часа по полудни, когда Груши началъ атаку Вавра, а Жераръ показался на высотахъ, спускающихся къ рѣкѣ, прерванное движеніе начато снова; а Тильманъ и Штенгель остались одни противъ Груши.

Такъ было на самомъ дѣлѣ; но если бы Груши пошелъ къ Ватерлоо, не сворачивая на Вавръ, то дѣло приняло бы такой

оборотъ: Валенъ первоначально; а потомъ Эксельманъ, своимъ покушеніемъ овладѣть переправами у Мути и Отипы, открывали Ледебюру весь планъ, и прусскіе генералы отдали бы соотвѣтствующія распоряженія. Непріятельскія войска, бывшія на правомъ берегу Дили, перейдя рѣку у Лималья, мельницы Бьержъ и въ Ваврѣ, и соединясь съ войсками, находившимися на лѣвой сторонѣ, оставивъ слабый арріергардъ баррикадировать и удерживать мосты, двинулись бы, чтобы помѣшать фланговому маршу Груши. Саабыя дивизіи Пажоля и Теста, не смотря на все свое стараніе, не могли бы явиться передъ Вавромъ ранѣе 6 или 7 часовъ вечера; и появленіе ихъ не отвлекало непріятеля.

Груши съ корпусами Вандамма, Жерара и Эксельмана, т. е. съ 29 т. человекъ, наткнулся бы на маршъ на половину корпуса Пирха 1-го, весь корпусъ Тильмана и отряды Штенгеля и Ледебюра, что вообще составляло до 35 т. человекъ (въ томъ числѣ 3 т. кавалеріи). Положимъ эти силы были бы разбиты маршаломъ, но бой, въ особенности же бой съ превосходнымъ непріятелемъ, предполагаетъ маневрированіе—съ маневрированіемъ соединена потеря времени; опрокинувъ пруссаковъ чрезъ два часа, что конечно для такого дѣла было скоро, мы прибывали на поле битвы поздно ночью—ни одинъ французъ не оставался тогда на немъ и лежали только наши убитые и раненые.

Наконецъ не забудемъ, что 35 т. пруссаковъ, которые попались бы Груши, если бы онъ послѣдовалъ совѣту Жерара, не приняли рѣшительно никакого участія въ битвѣ при Ватерлоо.

Даже повѣривъ на-слово увѣренію, что мы могли совершить въ 7^{1/2} часовъ времени маршъ отъ Ниль-Сень-Винсента и Саръ-Ле-Валена къ Фришмону и Планшенуа, колонна Груши, прибывъ туда, была бы поглощена общимъ разгромомъ; хотя бы прусскіе генералы съ своими 35 т. не помѣшали маршу Груши; точно пораженные слѣпотой и параличемъ.

Совѣтъ Жерара справедливо заслуживаетъ похвалы, потому

что не отстываетъ отъ основныхъ положеній веденія войны, и Жераръ по праву хвалился имъ ²⁰⁾).

Важный вопросъ, возбуждившій столько горячихъ и безконечныхъ споровъ, будетъ разобранъ нами окончательно, если мы приведемъ сужденія о немъ литературы на о. св. Елены.

Наполеонъ увѣряетъ, что, передъ отъѣздомъ изъ Линьи, далъ положительное приказаніе Груши: „держаться постоянно между брюссельскимъ шоссе и Блюхеромъ, чтобы имѣть возможность тотчасъ же соединиться съ главными силами. Легко можетъ быть, что Блюхеръ отступить на Вавръ, тогда надо туда идти одновременно съ Блюхеромъ.“

Если же непріятель будетъ далѣе отступать на Брюссель и ночуетъ за Суаньскимъ лѣсомъ, то преслѣдовать его до самой опушки лѣса; напротивъ при отступленіи его къ Маасу, для обезпеченія своихъ сообщеній съ Германіею, наблюдать за нимъ авангардомъ генерала Пажоля и занять Вавръ кавалеріею Эксельмана, 3-мъ и 4-мъ пѣхотными корпусами, чтобы войти въ связь съ главными силами, наступавшими по шоссе на Брюссель“ ²¹⁾).

Груши положительно опровергаетъ показанія Наполеона, говоря что они сами сочинены на о. св. Елены—правда на сторонѣ Груши.

Приводимый въ мемуарахъ на о. св. Елены важный приказъ, безусловно опредѣлявшій характеръ наступленія Груши, будучи отданъ на самомъ дѣлѣ, долженъ былъ быть самымъ рѣзкимъ образомъ продиктованъ Бертрану Наполеономъ; но на это нѣтъ даже малѣйшаго намека; напротивъ главнокомандующій французскою арміею предоставляетъ маршалу полную свободу маневрировать, указывая: „преслѣдовать непріятеля и развѣдать его намѣренія“.

Вотъ очевидный фактъ, что Груши вѣрно охарактеризовалъ показанія мемуаровъ; представимъ новыя подтвержденія его словъ.

---

²⁰⁾ Груши отрицаетъ подачу этого совѣта въ своей первой брошюрѣ.

²¹⁾ «Mémoires», t. IX, p. 95.

Наполеонъ, описывая на о. св. Елены кампанію уже по совершившимся фактамъ, говорилъ что отступленіе Блюхера на Вавръ было очень вѣроятно; но на дѣлѣ, диктуя Бертрану инструкцію Груши, онъ не выказалъ такой проницательности и допускалъ только два предположенія: „или Блюхеръ отдѣлится отъ англичанъ или онъ рѣшится на новую битву, чтобы соединиться съ ними и прикрыть Брюссель и Люттихъ“. Наполеонъ не только не указывалъ маршалу идти къ Вавру и поспѣть туда вмѣстѣ съ Блюхеромъ, но предписывалъ направиться со всѣми силами къ Жемблу, лежащему на два ле восточнѣе дороги изъ Линьи въ Вавръ—даже имени Вавра не упоминалось. Скажемъ болѣе — Наполеонъ даже не могъ приказывать Груши поспѣть къ Вавру въ одно время съ неприятелемъ, зная очень хорошо что маршалъ не могъ выступить тотчасъ послѣ полудня изъ Линьи, а Блюхеръ выигралъ передъ нимъ много на маршѣ. Разстояніе отъ Линьи до Вавра по прямой линіи 6½ ле, а по самой короткой дорогѣ не менѣе 8 ле.

Приводимое въ мемуарахъ на о. св. Елены словесное приказаніе въ такой степени противорѣчить письменнымъ инструкціямъ, сохраннымъ исторію, что не заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія ²²⁾).

Въ нетерпѣливомъ желаніи оправдаться отъ обвиненія, что имъ не были приняты мѣры противъ соединенія пруссаковъ съ англо-голландцами, Наполеонъ увѣряетъ, что въ ночь съ 17 на 18 іюня, онъ отправилъ Груши приказаніе занять сильнымъ отрядомъ позицію у С.-Ламбера.

Мемуары на о. св. Елены передаютъ дѣло такимъ образомъ:

„Въ 10 часовъ вечера императоръ, предполагая что маршалъ Груши направляется къ Вавру, отправилъ къ нему офицера сообщить — что на-завтра будетъ дано генеральное сраженіе, англо-голландская армія расположена впереди Суаньскаго лѣса, примыкая лѣвымъ флангомъ къ деревнѣ Ла-Ге, и приказалъ отправить еще до разсвѣта изъ Вавра отрядъ

---

²²⁾ См. приложение XI.

въ 7 т. человекъ съ 16 орудіями къ С. Ламберу, чтобы усилить наше правое крыло и содѣйствовать ему. Маршалъ, удостовѣрившись что Блюхеръ, очистивъ Вавръ, отступилъ на Брюссель или по какому нибудь другому направленію, тотчасъ долженъ былъ идти съ большею частью войскъ къ С.-Ламберу на усиленіе, отправленнаго туда, отряда.

Спустя часъ по отправленіи депеши, т. е. въ 11 часовъ вечера, пришло донесеніе маршала Груши изъ Жемблу, помѣченное 5 часомъ по-полудни ²³⁾. Въ немъ маршалъ доносилъ что прибылъ въ Жемблу и потерялъ изъ виду Блюхера, отставъ отъ него такимъ образомъ на 3 лье.... Въ 4 часа утра былъ посланъ изъ главной квартиры другой офицеръ съ подтвержденіемъ прежняго приказанія, а черезъ часъ пришло новое донесеніе Груши изъ Жемблу въ 2 часа утра, гдѣ маршалъ доносилъ и проч.“.

По увѣренію Груши приведенныя депеши существуютъ только въ мемуарахъ на о. св. Елены, и онъ не отправлялъ отряда къ С.-Ламберу.

Свидѣтельство Груши заставляетъ сильно сомнѣваться въ вѣрности мемуаровъ; онъ былъ изъ тѣхъ несамостоятельныхъ генераловъ, которые остаются рады радехоньки, получивъ точныя инструкціи отъ главнокомандующаго — такъ что нельзя допустить, чтобы онъ ослушался дѣйствительно отданныхъ предписаній Наполеона. Фамиліи и чины посланныхъ офицеровъ остались неизвѣстными.

Въ исходящемъ журналѣ штаба нѣтъ о нихъ и помину, что конечно составляетъ аргументъ противъ мемуаровъ.

Разсказъ безусловно опровергается депешою, отправленною къ маршалу 18 іюня въ 10 часовъ утра, которая дошла по назначенію.

Разсказъ Наполеона основывается на двухъ данныхъ: предположеніи, что 17 вечеромъ Груши будетъ въ Вавръ, и знаніи Наполеономъ о сосредоточеніи прусской арміи у Вавра. Данныхъ эти не вѣрны.

---

²³⁾ Въ пять часовъ Груши не могъ этого писать, потому что Вандамъ и Жераръ прибыли въ Жемблу въ десятомъ часу вечера.

Наполеонъ не могъ предполагать, что Груши будетъ въ Ваврѣ, потому что разстояніе отъ Линьи чрезъ Жемблу на Вавръ 9 лье по проселочной дорогѣ ²⁴⁾ (около 35 верстъ) и могъ убѣдиться въ томъ личнымъ опытомъ по медленному маршу отъ Катръ-Бра къ Россомскимъ высотамъ (отъ 9 до 10 километровъ); Груши, направляясь не по шоссе, долженъ былъ двигаться еще медленнѣе.

Наполеонъ не могъ знать про сосредоточеніе прусской арміи у Вавра, что убѣдительно подтверждается его собственною депешей 18 іюня, въ 10 часовъ утра.

Точно также онъ не посылалъ приказанія Груши направить отрядъ къ С.-Ламберу, ибо въ противномъ случаѣ, въ той же депешѣ отъ 10 часовъ утра, непремѣнно бы спросили, какъ исполнено приказаніе; напротивъ въ ней ничего о томъ не говорится. Названіе С.-Ламберъ и приказаніе маневрировать къ сторонѣ его попадаетъ въ первый разъ въ депешѣ, отправленной въ часъ по-полудни; когда, изъ перехваченнаго письма и разспроса прусскаго плѣннаго, Наполеонъ узналъ о прибытіи корпуса Бюлова къ С.-Ламберу.

Наконецъ самыя дѣйствія Наполеона доказываютъ, что ни въ ночь на 18, ни утромъ 18, онъ не думалъ приказывать занимать С.-Ламберъ и мысль о томъ явилась вслѣдствіе прибытія Бюлова. Сознавъ ранѣе важность этого пункта, Наполеонъ занялъ бы его отрядомъ собственныхъ войскъ, зная что Груши находится такъ далеко отъ С.-Ламбера, что въ не состояніи поспѣть туда съ нужными силами. Наполеонъ не прибѣгнулъ къ подобной предосторожности и лишь тогда назначилъ рекогносцировку долины Ланя, когда непріятельскія войска показались на высотѣ С. Ламбера.

Инструкціи, посланныя въ ночь на 18 Груши, подобно словеснымъ инструкціямъ, отданнымъ ему въ Линьи, выдуманы впоследствии на основаніи горькаго опыта роковыхъ событій ²⁵⁾.

---

²⁴⁾ Шоссе, проведенное между Сомбрефомъ, Жемблу и Вавромъ, въ то время не существовало.

²⁵⁾ См. приложеніе XIII.

Участь Бельгійской кампаніи была въ рукахъ Наполеона 16 іюня; но онъ не воспользовался случаемъ отъ безпечности, медленности и нерѣшимости.

Тѣже шансы представлялись въ битвѣ при Линьи, отъ тѣхъ же причинъ ими не воспользовались.

На разсвѣтъ 17 іюня Наполеонъ долженъ былъ или со-всѣми силами, бывшими подъ руками, преслѣдовать Блюхера или, двинувъ за нимъ 15 т. человекъ, съ остальными войсками идти къ Катръ-Бра, соединиться съ Неемъ и атаковать Веллингтона. Въ обоихъ случаяхъ онъ разсѣялъ бы одну изъ союзныхъ арій, поставивъ другую въ невозможность предпринять что либо серьезное.

Вмѣсто скорого, сознательнаго, энергическаго рѣшенія и быстрого марша Наполеонъ бездѣйствовалъ и колебался до полудня; послалъ съ Груши войскъ слишкомъ много для одной цѣли, слишкомъ мало для другой; облегчилъ отступление Блюхеру, упустилъ Веллингтона; далъ обоимъ приготовиться къ взаимной поддержкѣ; и въ довершеніе всѣхъ этихъ проволочекъ, чѣмъ конечно воспользовались противники, чтобы соединенными силами раздавить нашу армію, онъ на слѣдующій день до-полудня не начиналъ битвы съ англо-голландскою арміею. При планѣ битвы не принята во вниманіе возможность участія пруссаковъ; распоряженія и производство атакъ были неподготовлены, несвоевременны.

Моменты, представлявшіе вѣроятность успѣха, упущены; битва продолжалась даже тогда, когда слѣдовало отступить и спасти армію отъ гибели.

Наполеонъ и его поклонники нагородили столько замѣчаній и порицаній на ошибочныя дѣйствія Груши, единственно чтобы заслонить капитальныя ошибки императора 17 и 18 іюня. Въ этихъ ошибкахъ Груши не виноватъ и не могъ ихъ поправить, хотя бы выказалъ необыкновенное умѣнье, дѣятельность и энергію.

Писатели хотя и безпристрастные, но упустившіе изъ виду значеніе времени, разстояній и разныхъ препятствій, попали въ ловушку, разставленную Наполеономъ и его партіею. Для

разъясненія ложныхъ свѣдѣній необходимо изучить факты, представленные нами со всею вѣрностію ²⁶⁾).

Бельгійская кампанія охарактеризовывается въ двухъ словахъ—то была кампанія, гдѣ выказались только нерѣшительность и промедленіе.

---

²⁶⁾ См. приложение XIV.

ГЛАВА XVI.

Наполеонъ прибылъ въ Филиппвиль чрезъ 3 или 4 часа по выѣздѣ изъ Шарлеруа и остановился здѣсь отдохнуть и отправить спѣшныя депеши.

Корпусамъ Раппа и Ламарка приказано отступить форсированнымъ маршемъ къ Парижу; Лекурбу отойти къ Ліону, комендантамъ крѣпостей сѣверныхъ и по Маасу предписано ускорить приведеніемъ крѣпостей въ оборонительное состояніе противъ неизбежнаго нападенія.

Передъ отъѣздомъ изъ Парижа, Наполеонъ передалъ правленіе совѣту, гдѣ засѣдали его братья Люціанъ и Іосифъ, министры и четыре государственныхъ министра безъ портфеля; председательствовалъ Іосифъ, выбранный не по достоинствамъ, а потому что былъ ближе всѣхъ къ трону. Наполеонъ продиктовалъ два письма къ Іосифу; но продиктовалъ ихъ секретарю уже не съ своею привычною быстротою. Одно назначалось для передачи совѣту и заключало нѣсколько смягченный рассказъ о розыгравшихся событіяхъ, другое конфиденціальное заключало правдивое описаніе бѣдствія, но сильно преувеличивало значеніе оставшихся средствъ. „Еще не все потеряно“, писалъ Наполеонъ, „я думаю, собравъ всѣ силы, имѣть до 150,000 человекъ. Федератисты и тѣ національные гвардейцы, которые не потеряли головы, выставятъ 100 т.; рекрутскія депо 50 т. Всего у меня соберется 300 т. солдатъ противъ непріятеля. Я запрягу подъ артиллерию выѣздныхъ лошадей, созову 300 т. конскриптовъ, вооружу ихъ ружьями отъ роялистовъ и трусливыхъ національныхъ гвардейцевъ; по-

дыму поголовно Дофине, Лионе, Бургундію, Лотарингію, Шампань и задавлю непріятеля. Но мнѣ нужна помощь, мнѣ нужно чтобы меня не сбивали. Ёду въ Лаонъ, гдѣ вѣроятно найду войска. О Груши ничего не слышно. Если онъ ушелъ благополучно, а я боюсь за него, у меня чрезъ 3 дня будетъ 50 т.; я съ ними отвлеку непріятеля и дамъ время Парижу и Франціи исполнить свой долгъ. Англичане будутъ тащиться, пруссаки, боясь крестьянскаго возстанія, не подвинутся далеко. Можно все поправить. Пишите какое впечатлѣніе произвела на палату новость объ этой рѣзнѣ. Я думаю, что депутаты сознають свой долгъ въ настоящій кризисъ, и стануть со мною за-одно для спасенія Франціи. Настройте ихъ чтобы они какъ слѣдуетъ помогали мнѣ.“

Лишь послѣ пораженія прибѣгли къ тѣмъ мѣрамъ, о которыхъ надо было думать до открытія кампаніи.

Наполеонъ взялъ перо и приписалъ: „больше мужества и твердости“, подобное обращеніе было не лишнее для Іосифа Бонапарте.

Во время отдыха Наполеона, разсѣянные и смѣшанные толпы бѣглецовъ начали прибывать въ Филиппвиль, гдѣ нѣсколько ободрились за городскими укрѣпленіями; свѣжія толпы слѣдовали за ними. Наполеонъ приказалъ ихъ задержать, устроить колонну и погнать ее на Лаонъ.

Офицеры были разосланы по разнымъ дорогамъ направлять бѣглыхъ на Филиппвиль, назначенный общимъ сборнымъ пунктомъ.

Іеронимъ былъ отправленъ братомъ еще изъ Шарлеруа въ Авенъ, остановить тамъ если возможно бѣгство, образовать подобіе корпусовъ и отступить къ Лаону.

Императоръ продиктовалъ инструкціи для начальника главнаго штаба Сульта, только что прибывшаго въ Филиппвиль, приказалъ ему остаться тамъ нѣкоторое время; а самъ сѣлъ въ карету и поѣхалъ въ Лаонъ, куда прибылъ къ вечеру.

Здѣсь онъ не нашелъ никакихъ другихъ войскъ, хотя писалъ о томъ Іосифу Бонапарте, кромѣ, оставленнаго по его приказанію, баталіона мобилизованной національной гвардіи, занимавшаго гарнизонъ въ городѣ.

Убитый, разстроенный, обезпокоенный за будущее, Наполеонъ созвалъ родъ совѣта изъ сопровождавшихъ офицеровъ и слѣдовавшаго за нимъ государственнаго министра Маре.

Очевидецъ ¹⁾ рассказываетъ, что Наполеонъ, въ началѣ совѣщанія, высказалъ рѣшимость не оставлять арміи, но встрѣтилъ живѣйшія возраженія.

„Мы совершенно разбиты“, отвѣчали ему, „вы лично въ томъ убѣдились. Всѣ полки перемѣшаны, нельзя скоро ихъ устроить и собрать слабые остатки арміи, потому что по всей вѣроятности маршалъ Груши не ушелъ отъ гибели. Артиллерія потеряна, солдаты не имѣютъ ни оружія, ни патроновъ. Арміи не существуетъ, граница открыта непріятелю, и Францію только спасетъ ея собственное мужество. Вся нація должна взяться за оружіе; въ Парижѣ ваше присутствіе необходимо чтобы удержать происки вашихъ враговъ и направить преданныхъ патріотовъ. Видя васъ среди себя, парижане рѣшатся на битву. Оставаясь отъ нихъ вдали, вы будете предметомъ самыхъ ложныхъ слуховъ — васъ сочтутъ убитымъ, взятымъ въ плѣнъ; скажутъ что васъ окружили.

Национальная гвардія и федератисты, потерявъ мужество, будутъ биться кое-какъ или вовсе откажутся отъ этого“.

Доводы поколебали Наполеона, и онъ наконецъ уступилъ, хотя противъ воли, возразивъ: „я отправляюсь въ Парижъ, потому что вы считаете мое присутствіе тамъ необходимымъ; но я увѣренъ что дѣлаю глупость. Мое настоящее мѣсто здѣсь — отсюда можно управлять Парижемъ, а въ остальномъ помогутъ братья“ ²⁾.

Человѣкъ, въ былое время выказывавшій столько рѣшимости, непреклонности, увѣренности, теперь переходилъ отъ одного рѣшенія къ другому. Вчера онъ созналъ что его присутствіе въ Лаонѣ необходимо чтобы оживить упавшій духъ арміи, подавленный кошмаромъ измѣны. Нынѣ, выслушавъ нѣсколько

---

¹⁾ Флери-де-Шабулонъ.

²⁾ «Mémoires de Fleury de Chaboulon», t. II, p. 197, 198, 199.

³⁾ Idem., стр. 199.

возраженій, онъ свалилъ всю тяжесть на своихъ помощниковъ и самъ рѣшился отправиться въ Парижъ „чтобы подавить враговъ“, какъ увѣрили его. Слова эти знаменательно объясняютъ и образъ дѣйствій Наполеона, и родъ вырвавагося у него протеста — эгоистичныя царственные заботы заставляли его забывать долгъ главнокомандующаго и совѣстливость его, хотя и сильно выдохшаяся, возмущалась при этомъ.

Рѣшившись на отъѣздъ, Наполеонъ еще разъ разослалъ своихъ адъютантовъ въ разныя мѣста ускорить отступление остатковъ арміи къ Лаону, и отправилъ нѣсколько офицеровъ въ Ла-Феръ тотчасъ же употребить въ дѣло арсенальный запасъ полевыхъ орудій.

Уединившись съ Маре и однимъ изъ секретарей Флери-де-Шабулонъ, онъ продиктовалъ имъ бюллетень о битвахъ при Линьи и Ватерлоо, связавъ въ одномъ описаніи побѣду съ пораженіемъ. Бюллетень долженъ былъ быть обнародованъ въ одно время съ извѣстіемъ о внезапномъ возвращеніи Наполеона въ Парижъ.

По словамъ Флери-де-Шабулона, Наполеонъ, кончивъ диктовать, прочелъ продиктованное лицамъ своей свиты, прося ихъ указать на факты, которые можно выпустить, прибавивъ при этомъ: „я думаю ничего не скрывать; надо открыть всю правду Франціи“. Но намѣреніе его было иное, если только слушатели его не переврали слишкомъ событій за-одно съ императоромъ.

Въ бюллетенѣ попадаются важныя неточности: такъ подъ Линьи мы теряемъ всего 3 т., подъ Монъ-Сень-Жаномъ мы беремъ эту деревню и только 15 т. пруссаковъ помогаютъ англо-голландцамъ. Битва была уже нами выиграна, какъ ни съ того, ни съ сего паника распространилась въ войскахъ и они мгновенно пришли въ разстройство и проч. Ошибки главнокомандующаго прикрылись за клеветою на храбрую, героически преданную армію.

Изъ Авена пришли извѣстія, Геронимъ Бонапарте писалъ, что въ этомъ городѣ уже оставлены тысячи бѣглецовъ; число ихъ прибываетъ поминутно, генералы ихъ устрояютъ и по-

тери наши вѣроятно не такъ значительны, какъ сначала предполагали. О Груши ничего не знаютъ.

Наполеонъ приказалъ собрать въ Лаонѣ посредствомъ реквизицій запасы продовольствія, фуража и перевозочныхъ средствъ; поручилъ наблюдение за сборомъ своему адъютанту полковнику Бюсси; приказомъ передалъ начальство надъ арміею маршалу Султу; и измученный морально и физически, вечеромъ отправился въ Парижъ, покинутый только за 8 дней назадъ.

Съ вечера 19 іюня мрачныя вѣсти встревожили парижское население. Разнесся слухъ, что рѣшительная битва проиграна въ Бельгіи и армія отступаетъ въ полянѣшемъ разстройствѣ; самъ Наполеонъ не въ силахъ ее остановить и ѣдетъ искать новыхъ средствъ въ Парижъ. Вѣроятно Фуше и другіе члены правительственнаго совѣта передали своимъ на-ушко, сообщенное имъ Іосифомъ Бонапарте по приказанію Наполеона — отсюда и пошелъ слухъ, встревожившій столицу. Странно — Наполеонъ писалъ что остается въ арміи, а между тѣмъ умы, подъ впечатлѣніемъ его дѣйствій въ Россіи и Германіи, были убѣждены, что онъ бросаетъ армію, а „Мониторъ“ и палаты между тѣмъ молчали. Масса не понимала откуда пошли толки и принимала или отвергала ихъ, смотря по своимъ симпатіямъ, взглядамъ и чувствамъ. Роялисты, сторонники иностраннаго вмѣшательства, возвращающаго реставраціи тронъ, ручались за справедливость слуха.

Патріоты и бонапартисты старались доказывать, что это вздоръ, выдуманный только для того, чтобы тревожить страну и парализовать общественное настроеніе, поднятое важными успѣхами въ Вандеѣ, счастливымъ дѣломъ маршала Сюше на сардинской границѣ и побѣдою при Линьи. Всѣ эти извѣстія постепенно сообщались одно за другимъ въ теченіи послѣднихъ 4-хъ дней.

И та и другая сторона оставались въ невѣденіи — однихъ волновалъ крайній страхъ, другихъ крайняя надежда.

21-го іюня утромъ толки не прекращались... вдругъ узнали о прибытіи Наполеона въ Парижъ.

Вся неизвѣстность исчезла. „Опять императоръ погубилъ цѣлую армію!“ вырвался общій крикъ.

Наполеонъ вернулся въ 4 часа утра, и сошелъ не въ Тюльери, а въ дворецъ Элизе-Бурбонъ, какъ будто несчастье возбранило ему теперь доступъ въ великолѣпные чертоги, гдѣ онъ нѣкогда тщеславно роскошничалъ подобно Людовику XIV. Во дворецъ его встрѣтилъ министръ иностранныхъ дѣлъ Коленкуръ, лицо впрямъ довѣренное.

Усталый, убитый, съ разстроеннымъ видомъ Наполеонъ сказалъ Коленкуру задыхаясь: „я не въ силахъ теперь заниматься, дайте мнѣ нѣсколько отдохнуть... я хочу собрать общія палаты и назначить императорское засѣданіе. Я выставлю несчастье арміи, спрошу что дѣлать для спасенія отечества и вернусь къ войскамъ“ ⁴⁾.

Отчего же средства къ спасенію не были приготовлены самимъ Наполеономъ до созванія палатъ? Если же ему нуженъ былъ парламентъ, нечего было его такъ поздно созывать? его могли созвать за три недѣли до того, на другой день послѣ Майскаго собранія.

„Вѣсти о вашемъ несчастіи уже долетѣли“ отвѣчалъ Коленкуръ, „умы встревожены, депутаты настроены враждебнѣе прежняго, можно опасаться, что они не откликнутся на вашъ призывъ. Жаль что вы въ Парижѣ—лучше бы не разлучаться съ арміею: среди ея вы сильны и безопасны“ ⁵⁾.

Прибывшіе Іосифъ и Люціанъ Бонапарте подтвердили опасенія Коленкура. Наполеонъ задумался и назначилъ собраться министрамъ чрезъ нѣсколько часовъ для совѣщанія о императорскомъ засѣданіи, которое за нѣсколько минутъ казалось ему самымъ вѣрнымъ средствомъ. Потомъ онъ удалился отдохнуть. Натура Наполеона уже не могла выносить тяжелаго труда, безсонницы и сильныхъ душевныхъ потрясеній.

Въ то время какъ Наполеонъ терялъ время, удобное для дѣйствія, а въ перспективѣ предстояло еще потерять его

---

⁴⁾ «Mémoires de Fleury de Chaboulon».

⁵⁾ Idem.

на совѣщаніе, министры, сановники и придворные собрались во дворецъ Элизе и безпокойною толпою осаждали прибывшихъ съ Наполеономъ офицеровъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ катастрофы, они представили вѣрную картину событія, обдавъ слушателей ужасомъ и трепетомъ. Роковыя чувства передались изъ дворца городу. Пятнадцатилѣтнее рабство во многихъ ослабило волю, убило отвагу и твердость—два неоцѣнимыхъ качества въ критическія минуты, когда идетъ дѣло за быть или не быть родине.

Совѣтъ министровъ собрался въ 10 часовъ. Наполеонъ, прочтя сначала бюллетень о Ватерлоо, произнесъ:

„Армія понесла сильныя потери въ людяхъ и въ матеріальныхъ средствахъ, но все это скоро поправимо. Мы потеряли 25 т. убитыми, ранеными и плѣнными, нѣсколько тысячъ разбѣжалось.

Волею или неволею ихъ соберутъ къ своимъ знаменамъ. Груши долженъ привести отъ 28 до 30 т., такъ что въ пять, шесть дней къ Лаону соберется по крайней мѣрѣ 65 т. Къ 1-му іюлю, съ присоединеніемъ 6 т. изъ гвардейскихъ депо, и 15 или 20 т. изъ окрестныхъ парижскихъ депо, численность арміи возрастетъ до 85 или 90 тысячъ. Раппъ и Ламаркъ придутъ изъ Эльзаса и Вандеи; собравъ на пути сколько возможно подводъ, они будутъ здѣсь къ 10-му іюлю и въ сѣверной арміи окажется до 130 т.

Артиллерійскіе склады въ Ла-Ферѣ и Парижѣ съ избыткомъ пополняютъ нашу потерю. Реквизиціями соберемъ лошадей; собирать придется не много, потому что большая часть фурштатовъ и ѣздовыхъ спаслась съ лошадьми. Англо-голландская и прусская арміи должны были сильно пострадать. Онѣ не могутъ идти на Энъ, не оставивъ обсерваціонныхъ отрядовъ противъ нашихъ главныхъ сѣверныхъ крѣпостей и противъ крѣпостей на Соммѣ; у Блюхера и Веллингтона останется всего 70 или 80 тысячъ. Имъ придется соображать свои дѣйствія съ наступленіемъ русскихъ и австрійцевъ, а тѣ придутъ на Марну не ранѣе 20-го іюля. Передъ нами цѣлый мѣсяць—укрѣпленія кругомъ Парижа будутъ кончены и во-

оружены многочисленною артиллерією; число національной гвардіи и городскихъ стрѣлковъ увеличится. Мы призовемъ національную гвардію изъ сосѣднихъ департаментовъ, полки матросовъ съ Ла-Манша и прибрежій океана, и будемъ такимъ образомъ имѣть 100 т. мѣстнаго войска для защиты столицы; дѣйствующая армія можетъ свободно маневрировать.

Англо-голландская и прусская арміи будутъ соображать свои дѣйствія съ прочими союзными арміями; при этомъ выйдетъ неизбежная путаница, которая послужитъ намъ въ пользу; занимая центральное положеніе, мы будемъ маневрировать, имѣя Парижъ опорнымъ пунктомъ.

Маршалъ Сюше вмѣстѣ съ генераломъ Лекурбомъ будетъ имѣть передъ Лиономъ, не считая лионскаго гарнизона, до 30 т. войска хорошо вооруженнаго, сытаго и прикрытаго укрѣпленіями: онъ можетъ задержать всю австро-сардинскую армію.

За крѣпости я не опасаюсь. Ватерлооское пораженіе поправимо; но офицеры, правительство, палаты, весь народъ должны выказать характеръ, рѣшимость и энергію“ ⁶⁾).

Къ несчастію не все въ словахъ Наполеона было справедливо — такъ онъ рассчитывалъ на Груши, когда о немъ еще ничего не знали; преувеличивалъ имѣвшіеся подъ рукою оборонительныя средства и уменьшалъ средства непріятеля; невѣрно рассчитывалъ время и невѣрно оцѣнивалъ кризисъ положенія — но слова Наполеона совершенно справедливы въ томъ отношеніи, что исполни вся нація свой долгъ, не все еще было потеряно.

Великая нація должна была испытать послѣднее средство къ спасенію. Ужасно было погибнуть въ борьбѣ; но гибель покрывала славою гибнущихъ, и вызывала невольное уваженіе со стороны побѣдителя. Народный духъ не погасалъ, тлѣлъ въ груди и вслѣдъ за наденіемъ — для народа могъ наступить часъ отмщенія—часъ торжества. Положить оружіе и изъяснить покорность, не испытавъ послѣдней предсмертной

---

⁶⁾ «Campagne de 1815», Гупро.—«Mémoires de Napoléon», t. IX.

борьбы, значило опозорить страну—нашъ патриотизмъ становился жалкимъ, выродившимся чувствомъ.

Помолчавъ съ минуту, подумавъ, окинувъ испытующимъ взглядомъ растерянные лица министровъ, Наполеонъ продолжалъ:

„Только временная диктатура можетъ спасти отечество, я могу самъ захватить ее, но ради пользы и любви къ родинѣ, лучше если палаты мнѣ вручатъ ее. Всякое разномысліе погубить насъ“.

Наполеонъ хотѣлъ опять диктатуры! но какъ злоупотребилъ онъ своею 15-ти лѣтнею диктатурою, поднявъ цѣлую Европу, и царей, и царства противъ себя и поработенной Франціи.

Въ прошломъ году она была въ его рукахъ, однако въ 3 мѣсяца наводненное, обезоруженное, истощенное по его собственнымъ ошибкамъ отечество получило позорный миръ и потеряло прежнія республиканскія границы.

Наполеонъ не былъ созданъ быть героемъ послѣднихъ, торжественныхъ минутъ жизни народной, когда рѣшается для націи вопросъ жизни и смерти. Онъ совсѣмъ потерялся разсчитывая, что ему добровольно вручатъ неограниченную власть, которая разъ уже погубила насъ.

Министры не отвѣчали на неожиданное предложеніе Наполеона; надо было обратиться къ каждому порознь чтобы прервать это многозначительное молчаніе.

Нечего было и ждать, что парламентъ склонится предъ диктатурою императора. Всѣ высказались въ такомъ смыслѣ, прибавивъ, что возможно дѣйствовать только при содѣйствіи палатъ. „Лишь вполне довѣрившись имъ, мы заслужимъ это содѣйствіе“, сказалъ одинъ изъ министровъ, совершенно убѣжденный въ противномъ; но другой, старый сторонникъ императора, высказался съ горяча и разоблачилъ скрываемую товарищемъ истину.

„Палаты не помогутъ императору“, сказалъ онъ „онѣ потеряли въ него вѣру; при подобномъ настроеніи умовъ, я боюсь что понадобится великая жертва“.

— Ренъ говоритъ прямо, „рѣзко перебилъ его Наполеонъ,

имъ нужно мое отреченіе, такъ ли?“ Реньо поклонился въ знакъ безмолвнаго согласія и провелъ свою мысль до конца „я боюсь, что если Ваше Величество добровольно не отречетесь, онѣ потребуютъ отреченія“.

При этихъ словахъ Люціанъ Бонапарте вспыхнулъ. Онъ не вѣрилъ въ возможность подобной дерзости со стороны депутатовъ; если же опасность существуетъ—ее надо предупредить: „императоръ тотчасъ же провозгласитъ себя диктаторомъ, объявитъ Францію въ осадномъ положеніи и призоветъ къ оружію всѣхъ патріотовъ и честныхъ французовъ“.

Люціанъ, чуждый Франціи въ послѣдніе 12 лѣтъ, на посмѣшище ставшій римскимъ княземъ, забывъ свое французское происхожденіе, былъ человѣкъ самостоятельный, но мало разсуждающій и сторонникъ насилія.

Онъ воображалъ себя наканунѣ 18-го Брюмера. Тогда генералъ Бонапарте, покрытый славою 20 побѣдъ, держался въ сторонѣ отъ партій и казался для однихъ приверженцемъ революціи, для другихъ обуздателемъ ея, для третьихъ будущимъ возстановителемъ трона Бурбоновъ, для четвертыхъ миротворцемъ Европы; разсѣвая повсюду сомнѣніе, колебаніе и прокладывая себѣ дорогу среди взаимныхъ опасеній, надеждъ, ожесточенной ненависти и интригъ партій: но потомъ императоръ показалъ что за личность былъ генералъ Бонапарте—онъ задушилъ республику, отодвинулъ революціонный прогрессъ за 1789-й годъ, опустошилъ войною весь континентъ, пролилъ кровь одного изъ Бурбонскихъ принцевъ во рву Венсенскаго замка, и заключилъ первую имперію тремя послѣдовательными годами необъятныхъ пораженій и вынужденнымъ отреченіемъ.

Вторая имперія, захваченная какъ скаковой призь, возстановленная во имя демократіи, свободы и мира, принесла уже за собою сохраненіе дворянства, наслѣдственное перство, фокусы съ „дополнительнымъ актомъ“, ополченіе на насъ цѣлой Европы и ужасное пораженіе.

Все пережилось для Наполеона въ періодъ времени отъ 18 Брюмера VIII года республики до 21-го іюня 1815.

Для толпы исчезло обаяніе побѣды, для партій надежды на

будущее. Ихъ нечѣмъ было уже обманывать и усыплять. Откуда же добыть силы для государственнаго переворота и диктатуры? Въ арміи? но она была разбита, разстроена, удалена отъ Парижа, покинута вождемъ. Въ депо? войскъ въ нихъ было мало, а генералы нерасположены къ императору. Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы они рѣшились посягнуть на свободу парламента, защищаемаго 30 т. національныхъ гвардейцевъ, которые хотя и раздѣляли противоположныя убѣжденія, но почти все были враждебны имперіи. Въ федератистахъ—этихъ когортахъ демократіи? Но Наполеонъ такъ хорошо зналъ ихъ настроеніе, что даже не хотѣлъ давать имъ оружія. Въ стрѣлкахъ національной гвардіи? имъ тоже не вѣрили, потому что изъ нихъ только 3 т. получили ружья. Въ парижской черни? она могла помочь на время, но ея помощь была бы началомъ внутреннихъ безпощадныхъ междоусобій, которыя погубили бы Наполеоновскую монархію.

При подобныхъ обстоятельствахъ, рѣшившись на насильственный переворотъ, Наполеонъ рисковалъ почти вѣрнымъ неуспѣхомъ; при счастливыхъ же шансахъ зажигалъ междоусобную войну въ то время, какъ вся Франція должна была единодушно ополчиться противъ коалиціи.

Люціанъ Бонапарте, нетерпѣливый, страстный, по неволѣ долго скрывавшій мучившее его честолюбіе ¹⁾, не понималъ этихъ обстоятельствъ: Наполеонъ былъ дальновиднѣе, и хотя сказалъ „я могу захватить диктатуру“, но доказалъ неискренность этихъ словъ, тѣмъ что собралъ совѣтъ — будучи увѣренъ въ своей силѣ, онъ не терялъ бы времени на пренія, а приступилъ бы прямо къ дѣлу.

Совѣтъ продолжался. Говорятъ, одинъ Карно присталъ къ мнѣнію Люціана, начиная новый фазисъ своей честной, но странной карьеры, которая привела его изъ комитета общественнаго спасенія въ императорскій кабинетъ, а изъ якобинскаго клуба въ среду императорской аристократіи. Наполеонъ заговорилъ опять, перечислялъ средства страны, возможность ихъ

---

¹⁾ «Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature», Вильмена.

утилизировать; и, вернувшись къ неизбежности сконцентрировать власть и получить диктатуру, повторилъ, что ручается за захватъ: „я не боюсь депутатовъ! что они ни пробуй, я все таки останусь кумиромъ народа и арміи; скажу слово— ихъ задушать“. Министры почти повѣрили словамъ императора, и тому что онъ подтвердитъ ихъ на дѣлѣ, какъ вдругъ пришло извѣстіе, къ которому впрочемъ были приготовлены въ совѣтѣ; оно показало, что вснышка императора и эти самоубаюкиванія въ любви народа и арміи, вовсе не были раздѣляемы Наполеономъ.

Палата депутатовъ, при офиціальному извѣстіи о возвращеніи Наполеона, была заблаговременно собрана президентомъ и спѣшила принять мѣры противъ возможной узурпаціи. Она единодушно и почти безпрекословно приняла знаменитое предложеніе Лафайета.

„Засѣданія палаты объявлены непрерывными. Всякое покушеніе роспустить ее будетъ сочтено за государственную измѣну. Покусившійся на то, кто бы онъ ни былъ, объявляется измѣнникомъ и предается суду...“

Министры военный, иностранныхъ дѣлъ, полиціи и внутреннихъ дѣлъ приглашаются немедленно въ палату.“

Объявленіе было положительнымъ государственнымъ переворотомъ, потому что дополнительный актъ предоставлялъ императору право отсрочивать засѣданія обѣихъ палатъ и роспускать палату депутатовъ когда вздумается. Впрочемъ ни одинъ французъ не принималъ серьезно этой конституціи, тайно сфабрикованной въ Тюльери, свалившейся какъ съ неба, принятой лишь 1½ милліонами человѣкъ, тогда какъ 6 м. гражданъ выказали молчаніемъ свое неодобреніе конституціи. На этотъ разъ свободная пресса, составляющая необходимую гарантію при подачѣ голосовъ, не позволила ни представить это молчаніе какъ согласіе на конституцію, ни употребить при подачѣ голосовъ насилія ⁸⁾.

---

⁸⁾ По разсказамъ современниковъ повѣрка голосовъ не обошлась безъ плутовства. По крайней мѣрѣ письмо, написанное 25 ноября 1815 г. въ

Императоръ, депутаты и перы присягнули на вѣрность хартіи, не принятой большинствомъ населенія, но были себѣ на умѣ. Блестящая побѣда расширила бы условія ея въ пользу Наполеона, крупное пораженіе умалило ихъ во вредъ ему.

Собственный примѣръ Наполеона въ теченіи 15 лѣтъ, отучилъ почти всѣхъ отъ честнаго исполненія данной присяги и отъ уваженія законности.

Палаты передали самому императору о принятомъ ими рѣшеніи—посланный точно бросилъ вызовъ Наполеону, послѣ его гнѣвныхъ фразъ и увѣреній.

Положеніе дѣлъ вдругъ обрисовалось. Наполеонъ долженъ былъ отвѣчать на смѣлую выходку палатъ или немедленнымъ роспусченіемъ ихъ (по крайней мѣрѣ отсрочкою сессіи) или ждать скорого изложенія. Палаты, ступивъ разъ на дорогу насилія, могли остановиться только изложивъ противника.

Наполеонъ понялъ очень хорошо свое положеніе. Только что высказавъ увѣренность въ собственномъ могуществѣ, въ преданности арміи и народа и свое пренебреженіе къ депутатамъ, онъ вдругъ смутился... и, обратившись къ изумленнымъ этою переменною, своимъ братьямъ и министрамъ, сказалъ: „вижу что Реньо не обманывалъ меня; я отрекись отъ престола, если будетъ нужно“. Слова эти были предательски переданы депутатамъ, жадно схватившимся за нихъ. Наполеонъ тотчасъ же опомнился: „посмотримъ однако что выйдетъ изъ этого, тогда и можно рѣшиться“; и, обратясь къ Реньо, приказалъ ему отправиться въ палату депутатовъ, чтобы официально возвѣстить новость, уже не новую никому—прибытіе

«Мониторъ», передаетъ подобные факты въ арміи. Оно было подписано подковнымъ командиромъ перваго легкаго полка, двумя баталіонными командирами, двѣнадцатью офицерами и осталось безъ опроверженія.

Оно говоритъ, что два баталіона (1,000 челов.) подали противъ предложенія.

Протоколъ совѣщаній былъ отправленъ 6 мая 1815 года къ военному министру; но при обнародованіи документовъ о подачѣ голосовъ сказано, что въ первомъ легкомъ только 320 человекъ высказались отрицательно.

императора въ Парижъ, прибавивъ къ этому нѣсколько незначущихъ фразъ.

На Карно возложено тоже порученіе относительно палаты перовъ.

Только что они вышли изъ залы, Фуше замѣтилъ, что палата требовала министровъ военнаго, иностранныхъ дѣлъ, полиціи, внутреннихъ дѣлъ и вѣроятно не удовлетворится тѣмъ, что къ нимъ явится лишь министръ безъ портфеля. „Все равно“ закричалъ императоръ, мгновенно собравши остатки рѣшимости, „палаты не смѣютъ требовать моихъ министровъ. Ни съ мѣста!“

Запрещеніе было не надолго.

Реньо вернулся чрезъ часъ и передалъ, что палата депутатовъ находится въ сильнѣйшей агитаціи, и можно ожидать немедленныхъ и крайнихъ дѣйствій съ ея стороны.

Люціанъ снова совѣтовалъ распустить ее, Фуше, Коленкуръ, Реньо и другіе болѣе или менѣе живо ему возражали; Наполеонъ, погруженный въ тяжелое раздумье, не обращалъ никакого вниманія ни на заносчивую болтовню брата, ни на слова министровъ. Дѣло становилось смѣшнымъ, особенно послѣ потери цѣлаго утра, проведеннаго въ колебаніи и безцѣльныхъ совѣщаніяхъ. Даже палата перовъ, составленная изъ людей надежныхъ и раболѣпныхъ, стала высказываться противъ и приняла предложеніе Лафайета, переданное изъ палаты депутатовъ. Въ тоже время пришло вторичное требованіе депутатовъ, настоятельно и безъ замедленія призывавшее министровъ. Вѣсти поминутно приходили изъ дворца Бурбонъ во дворецъ Элизе—говорили: что Лафайетъ и другіе представители рѣшились потребовать низложенія и даже ареста императора, если министры не повинуются немедленно второму приказанію, что это предложеніе пройдетъ навѣрняка.

Ударъ слѣдовалъ за ударомъ, они вывели Наполеона изъ летаргіи. Видя, что съ парламентомъ мѣрятся невозможно и борьба не поведетъ за собою успѣха, императоръ рѣшился прибѣгнуть къ хитрости, затянуть дѣло и оставить призракъ власти за собою въ почти напрасной надеждѣ на промахъ

противной стороны, на случай, на раздоръ между своими врагами и поворотъ въ свою пользу общественнаго мнѣнія; однимъ словомъ на счастливые шансы, которыми можно воспользоваться. Вдругъ измѣнивъ прежнее запрещеніе, онъ приказалъ министрамъ отправиться въ палату депутатовъ. Чтобы не сбили его внезапно въ высоты трона, Наполеонъ первый спустился на одну ступеньку внизъ. Однако онъ все еще воображалъ, что замаскируетъ значеніе сдѣланной уступки, отправивъ министровъ съ порученіемъ, и тотчасъ же принялся за диктовку.

Видя что диктовка скоро кончится, четыре министра, чтобы утишить бурю и остановить крайнія мѣры, увѣдомили президента палаты депутатовъ о своемъ прибытіи.

Въ 6 часовъ Даву, Коленкуръ, Карно и Фуше, предшествуемые Люціаномъ Бонапарте, явились въ парламентскую залу. Наполеонъ, мало надѣясь на твердость, ловкость и преданность министровъ, придавъ имъ брата въ качествѣ главнаго комиссара; онъ долженъ былъ прочесть сообщенія императора и отстаивать ихъ.

Смущеніе Наполеона доказывается самимъ выборомъ послѣдняго. Главный участникъ переворота 18-го Брюмера и бывшій президентъ совѣта пятисотъ могъ не утишить волненіе и склонить умы, а только пробудить антипатіи собранія.

По предложенію Люціана, его выслушали при закрытыхъ дверяхъ. Онъ прочелъ короткій и невѣрный отчетъ о пораженіи при Ватерлоо, перечислилъ принятыя мѣры и тѣ, кои нужно принять, коснулся проекта переустройства арміи, обратился къ единодушію партій и народа; и заключилъ предложеніемъ, чтобы каждая палата избрала по 5 комиссаровъ для обсужденія за одно съ министерствомъ о защитѣ отечества и средствахъ заключить миръ ⁹⁾.

Собраніе выслушало принца молча, затѣмъ разразилось шумнымъ, ожесточеннымъ споромъ; умы были раздражены до-нельзя.

---

⁹⁾ Мы слѣдуемъ описаніямъ Лальмана, Флери-де-Шабулона, Тибодо, Волабеля и др. Люціанъ Бонапарте въ своей брошюрѣ: «*La vérité sur les cent-jours*», помѣстилъ и текстъ посланія. Если онъ подлиненъ, то сообщаемыя подробности въ высшей степени неважны.

Настроение палаты ясно обнаружилось, когда ораторы, объявившие Наполеона единственнымъ препятствіемъ ко всякимъ негоціямъ, сказавшіе что отречение его, а въ случаѣ отказа низложеніе, есть единственное средство спасти отечество, были встрѣчены рукоплесканіями.

Палата пока не шла далѣе; комиссары были назначены, принять *de facto* участіе въ правленіи. Страстно желанная развязка приближалась.

Люціанъ Бонапарте и 4 министра перешли въ залу палаты перовъ—ихъ холодно выслушали, и почти безъ прерій назначили 5-ть требуемыхъ комиссаровъ.

Вернувшись, Люціанъ передалъ брату про раздраженіе депутатовъ, сдержанность перовъ, и, перейдя къ обычной темѣ, заклиналъ его распустить палаты.

„Вамъ нечего бояться“, говорилъ онъ, „вы не нарушаете этимъ своихъ конституціонныхъ обязанностей“.

„Но представители не послушаются“, отвѣчалъ Наполеонъ¹⁰⁾ и придется прибѣгнуть къ силѣ; это будетъ сигналомъ къ началу междоусобной войны, а я не хочу навлечь такого несчастія на Францію“.

Конечно слова Наполеона не были искренни, маскируя лишь его безсиліе и упадокъ духа.

18 Брюмера и при возвращеніи съ о. Эльбы, онъ не отступилъ передъ мыслью о междоусобной войнѣ; даже въ настоящую минуту она вспыхнула въ долинѣ Роны и въ Вандеѣ¹⁰⁾.

Люціанъ, не обезкураженный отказомъ, продолжалъ настаивать на необходимости роспуска. По его словамъ, не рѣшаться на эту мѣру, а отсрочивать ее, было непростительною слабостью. Палаты шумятъ, но онъ безсильны и падутъ передъ малѣйшимъ ударомъ.

Большинство министровъ отвергло совѣтъ, самъ Наполеонъ не рѣшался ни на что. Онъ сознавалъ какъ власть усколь-

---

¹⁰⁾ Ламаркъ 20 іюня имѣлъ дѣло при Рошъ-Сервьеръ съ 18 или 20 т. инсургентовъ, нанесъ имъ уронъ отъ 1,200 до 1,500 человекъ. Донесеніе генерала Ламарка, прочитанное въ палатѣ 24 іюня).

заетъ у него изъ рукъ, но не имѣлъ ни мужества, ни смѣлости возстановить и удержать ее. Человѣкъ, выказывавшій среди удачъ быстрый взглядъ и столько рѣшимости и гордости, легко склонился передъ постигшимъ несчастьемъ.

Въ ночь собрались въ Тюльери, подъ предѣдательствомъ Камбасареса, министры, комиссары, назначенные обѣими палатами и принцъ Люціанъ.

По словамъ очевидца ¹¹⁾, министры сдѣлали обыкновенное вступленіе, подобно тому какъ дѣлалось въ сенатѣ при всякомъ призывѣ конскриптовъ или въ законодательномъ собраніи при новомъ налогѣ. Они предложили рекрутскій наборъ, новый репрессивный полицейскій законъ и какія то финансовыя распоряженія; не упомянули про пораженіе при Ватерлоо, причины пораженія, значеніе его, состояніе арміи, средства какими можно располагать и не коснулись поднятаго палатами вопроса, что Наполеонъ служить препятствіемъ къ заключенію мира.

Предложенія были приняты единодушно. Лафайетъ, одинъ изъ комиссаровъ, объявилъ, что заранѣе согласенъ на всякую мѣру, лишь бы отразить вторженіе непріятеля и не допустить иностраннаго вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла ¹²⁾. Однако старый партизанъ свободы вслѣдъ затѣмъ возбудилъ разномысліе, коснувшись всѣхъ вопросовъ, обойденныхъ министрами, которые точно надѣялись этимъ молчаніемъ, предпринятымъ Наполеономъ, затушить толки.

„Намъ необходимо“, говорилъ Лафайетъ, „вести рядомъ и средства обороны, и средства негоціаціи; даже въ сообщеніи палатамъ это высказано. Непріятель рѣшительно не хочетъ переговоровъ съ императоромъ, слѣдовательно надо къ нему послать уполномоченныхъ отъ имени палатъ и французскаго народа“.

Прійять это предложеніе—значило сдѣлать первый шагъ къ низложенію. Люціанъ и министры, за исключеніемъ Фуше, на-

---

¹¹⁾ Thibaudau: «Le consulat et l'Empire». Тибодо былъ въ числѣ комиссаровъ.

¹²⁾ «Mémoires du général Lafayette».

чали оспаривать, и большинство совѣта не согласилось съ мнѣніемъ Лафайета. Но, припомнивъ послѣднее шумное засѣданіе палаты и высказанное депутатами убѣжденіе, что отреченіе неизбежно, онъ предложилъ совѣту отправиться къ императору во дворецъ Элизе и именемъ отечества требовать отъ Наполеона отреченія отъ престола.

Многіе охотно согласились, но уклончивый Камбасаресъ не рѣшился отобрать мнѣнія членовъ по этому предмету.

Между тѣмъ разсвѣло; комиссары должны были получить программу для отчета, съ указаніемъ средствъ къ заключенію мира. Люціанъ и министры, понимая это, предложили чтобы посланные, выбранные императоромъ, были тотчасъ же уполномочены именемъ націи завязать мирные переговоры. Это предложеніе не было даже полумѣрою, а лишь уверткою; несмотря на оппозицію Лафайета съ товарищами, большинствомъ голосовъ оно было принято.

Оппоненты объявили, что будутъ говорить противъ него съ трибуны, и увѣрены что противная сторона уступить необходимости.

Совѣтъ разошелся послѣ этой угрозы.

Черезъ нѣсколько часовъ собрались и палаты. Палата депутатовъ замѣтно волновалась и вскорѣ потребовала донесенія комиссаровъ о результатахъ ночнаго совѣщанія въ Тюльери. Отвѣчали, что оно не готово и волненіе усилилось.

Задолго до собранія палатъ, Наполеонъ снова созвалъ братьевъ и министровъ во дворецъ Элизе. Не чувствуя въ себѣ рѣшимости дѣйствовать, не зная на что рѣшиться, сознавая свое безсиліе, онъ пустился въ разсужденія, точно думалъ скрыть свою деморализацію. На этотъ разъ совѣтники императора единогласно объявили ему, что время проволочекъ прошло, и осталось одно—отреченіе, отреченіе немедленное. Самъ Люціанъ охладѣлъ въ своемъ рвеніи, въ виду общаго настроенія умовъ въ Парижѣ, и, убѣдившись въ преобладаніи палатъ, согласился съ министрами и съ такимъ же жаромъ стоялъ за отреченіе, съ какимъ прежде былъ противъ него. При отреченіи, передъ нимъ открывалась перспектива власти

и значенія; при низложеніи—жалкій, пустой почетъ римскаго княжества.

Передъ этими настояніями, Наполеонъ, несмотря на свою гордость и свой эгоизмъ, рѣшился было на пожертвованіе. Реньо поспѣшилъ къ комиссарамъ и заклиналъ ихъ неотправлять пока донесенія въ палату депутатовъ; потому что тѣ, услышавъ, что происходитъ въ Тюльери, можетъ рѣшиться на крайнее и неотразимое рѣшеніе. „Подождите немного“, говорилъ Реньо, „вы удовлетворите палату и избѣгнете скандала“.

Противники Наполеона соглашались, что отреченіе его во всякомъ случаѣ лучше низложенія и исполнили просьбу Реньо. Вотъ причина почему донесеніе ихъ не было отправлено въ палату, что раздражило депутатовъ.

Въ своемъ усердіи Реньо слишкомъ поторопился. Когда онъ вернулся, императоръ все еще продолжалъ разсуждать и не рѣшался ни на что. Только неотвязныя просьбы, вѣсти о возрастающемъ волненіи въ палатѣ, увѣренія, что, вслѣдъ за отчетомъ комиссаровъ, палата тотчасъ же издастъ декретъ о низложеніи и даже арестованіи императора, склонили Наполеона уступить; но уступка была не полная. Наполеонъ согласился чтобы коммисія передала палатѣ, его согласіе, на то что лица, посланныя для переговоровъ, будутъ назначены палатою и уполномочены трактовать во имя націи. Тщетно вымаливали у Наполеона обѣщанія отречься, если его считаютъ единственнымъ препятствіемъ къ заключенію мира. Наполеонъ упорно отказался, думая что уступка утишитъ волненіе, а между тѣмъ время выиграется. Ослѣпленіе императора было равносильно выказываемой слабости. Реньо поспѣшно вернулся къ коммисію, упрашивая еще подождать, потому что императоръ навѣрно дастъ обѣщаніе отречься, хотя теперь отказываетъ въ томъ.

Ждать долѣе было нельзя. Депутаты собрались уже слишкомъ два часа и были раздражены до-нельзя. Коммисары должны были повиноваться настоятельнымъ и повторяемымъ призывамъ, и прибыли въ залу засѣданія. Докладчикъ поднялся на трибуну. Отчетъ былъ коротокъ, въ немъ говорилось

что на совѣтъ въ Тюльери приняты два рѣшенія, передаваемые теперь на санкцію палаты.

Мы знаемъ первое, вынужденное съ большимъ трудомъ отъ Наполеона, и принятое въ совѣтъ большинствомъ 16 голосовъ противъ 5. Второе касалось перечня мѣръ, предложенныхъ министерствомъ, о комплектованіи людьми, лошадьми, пополненіи денежныхъ суммъ и подавленіи внутреннихъ неурядицъ. Министры держали въ готовности свои предложенія, и коммисія настаивала на обсужденіи и принятіи ихъ. Коммисія была вполне убѣждена въ несостоятельности перваго рѣшенія; но, рассчитывая, что Наполеона уговорять, она избѣгала крайнихъ мѣръ; докладчикъ прибавилъ отъ себя, что есть надежда: императоръ рѣшится принести жертву, когда узнаетъ, что онъ мѣшаетъ дѣлу, къ которому націи приходится уже трактовать за свое политическое существованіе.

Добавка не успокоила волненія; докладъ былъ принятъ съ тѣмъ глухимъ ропотомъ, который предвѣщаетъ взрывъ во всякомъ представительномъ собраніи.

Нѣсколько ораторовъ пыталось говорить, но ихъ не слушали. Палата жадно стремилась къ заданной цѣли и въ уступкахъ видѣла расчеты противника, боялась коварной ловушки и повторенія 18-го Брюмера. Вѣсти одна другой тревожнѣе доносились извнѣ—то собирали войска вести ихъ на собраніе; то старались поднять предмѣстія; то готовились проскрипціонные декреты. Баталіоны національной гвардіи, со вчерашняго дня созванные къ палатамъ, негодились противъ линейныхъ войскъ, которыхъ считали слѣпо преданными императору.

Въ отдѣльныхъ группахъ депутатовъ говорили про низложеніе; но никто не рѣшался его предложить. Время шло—палата медлила. Наконецъ одному изъ ораторовъ удалось перекричать другихъ; онъ передалъ, что нужно выразить общую волю собранія, но былъ остановленъ президентомъ. Тотъ сказалъ, что ему ручаются, что къ 3-мъ часамъ императоръ дастъ отвѣтъ, который вполне удовлетворитъ всѣхъ.

Неутомимый Реньо успѣлъ передать президенту порученіе.

Но обѣщаніе было слишкомъ неопредѣленно, а ожиданіе слишкомъ продолжительно.

„Какъ въ 3 часа?“ закричалъ депутатъ, „отчего же такъ поздно, теперь только часъ“.—Думаютъ выиграть время“ заговорили кругомъ. Гнѣвные, нетерпѣливыя восклицанія раздались по залѣ и смятеніе началось.

Депутатъ, прервавшій президента, воспользовался минутою, когда шумъ нѣсколько стихъ, и предложилъ палатѣ; „просить императора, ради спасенія отечества, ради священнаго имени его, произнести свое отреченіе отъ престола“.

Предложеніе было важно. Рукоплесканія покрыли его со всѣхъ сторонъ и президентъ принужденъ былъ приступить къ подачѣ голосовъ; въ это время вмѣшался одинъ генералъ и просилъ часъ времени отсрочки. „Хорошо!“ закричалъ выведенный изъ терпѣнія Лафайетъ, указывая на комнатные часы, „часъ, но не болѣе. Если въ это время не дождемся отреченія, я предлагаю свергнуть съ престола императора!“

Палата согласилась ждать.

Трепещущій свидѣтель сцены, предвѣщавшей низверженіе Наполеона, Реньо бросился къ нему передать ее.

Императоръ ходилъ большими шагами возлѣ стола, за которымъ совѣщались. Онъ не рѣшался—честолюбіе, отчаяніе мучили его; задыхающимся голосомъ, съ измѣнившимся лицомъ обращался онъ то съ согласіемъ на доводы и мольбы братьевъ и министровъ, то бралъ слова свои назадъ, говоря о собственномъ могуществѣ, слабости палаты; сердился, что кругомъ слышится только подлые совѣты и видны отчаяніе и трусость; то замолкалъ и вдругъ раздражался безсвязною бранью противъ своихъ противниковъ.

Наполеонъ былъ точно умирающій, безсильно проклинаящій неизбежный законъ природы въ послѣдней агоніи или вѣрнѣе—тотъ римскій Цезарь, который, укрывшись въ углу дворца, слышитъ шаги убійцы и отталкиваетъ орудіе смерти, подаваемое ему единственнымъ, оставшимся вѣрнымъ, отпущенникомъ.

Наполеонъ пробовалъ спокойно выслушать Реньо, но, при

извѣстіи о рѣшеніи палатъ, разразился: „Что, насиліе! такъ не отрекусь же. Въ палатѣ сидятъ якобинцы и пройдохи, думающіе поживиться въ мутной водѣ. Надо было указать ихъ народу какъ измѣнниковъ, прогнать—но время еще не ушло“.

Въ его глазахъ, кто не любилъ деспотизма и не надѣвалъ императорской ливреи былъ якобинцомъ и пройдохою; но сомнительно чтобы въ палатѣ оставались якобинцы, не измѣнившіе своимъ принципамъ; прежніе же якобинцы не имѣли вліянія. Разрушивъ тронъ, якобинцы умѣли сдержать внутренній раздоръ и отразить непріятельское нашествіе.

Никто въ совѣтѣ не вѣрилъ въ искренность угрозъ Наполеона; напротивъ всѣ были убѣждены, что надо исполнить требованіе, воспользовавшись послѣднею льготою, и возобновили свои просьбы и настоянія. Особенно настаивалъ Люціанъ.

„Вы упустили время сохранить за собою престолъ“, говорилъ онъ, „воспользуйтесь по крайней мѣрѣ послѣднимъ шансомъ и передайте его сыну“.

Говорятъ, что Люціанъ мечталъ о регентствѣ, зная неуваженіе, которымъ пользовался Іосифъ послѣ бѣгства 20 марта.

Единодушныя усилія совѣта, не вывели Наполеона изъ его колебанія; вѣроятно онъ надѣялся еще на счастливый случай, какъ въ день битвы при Ватерлоо.

Вскорѣ многіе изъ депутатовъ и въ числѣ ихъ депутатъ, отсрочившій на одинъ часъ ударъ, пробрались въ совѣтъ, какъ въ разбитую цитадель, подтвердили съ прикрасами разсказъ Реньо о крайнемъ раздраженіи палаты, и, въ свою очередь, заклинали Наполеона, ради его собственнаго интереса, не откладывать отреченія, сперва желаемого, потомъ просимаго, наконецъ требуемаго и неизбѣжнаго.

Однихъ убѣжденій было мало чтобы исторгнуть у Наполеона актъ, заключавшій для него, но къ несчастію не для Франціи, роковыя слѣдствія событія 20 марта.

Короткій срокъ, данный палатою, истекалъ и президентъ отправилъ во дворецъ Элизе коменданта дворца законодательнаго собранія, съ порученіемъ просить императора тотчасъ же

прислать свое отречение, и сказать ему: „палата ждать не будетъ и грозить объявить васъ внѣ закона“.

Порученіе было передано буквально. Вся нерѣшимость исчезла. Наполеонъ покорился и съ горькою усмѣшкою, обратясь къ Фуше, произнесъ: „напишите этимъ господамъ, чтобы они не беспокоились; ихъ удовлетворять“. Затѣмъ, отведя Люціана въ сторону, онъ продиктовалъ ему свое отречение, которое откладывалъ до послѣдней минуты среди перипетій отказовъ, обѣщаній, деморализаціи, гнѣва и отчаянія.

Отречение было передано въ короткихъ словахъ. Наполеонъ, изложивъ, что не можетъ разчитывать на содѣйствіе, дружныя усилія, добрую волю и помощь правительственныхъ властей, объявлялъ свою политическую карьеру конченною и заключилъ отречение словами:

„Объявляю своего сына императоромъ французовъ подъ именемъ Наполеона II. Министры составятъ правительственный совѣтъ. Ради сыновняго интереса, приглашаю палаты немедленно обнародовать декретъ о регентствѣ“.

Наполеонъ повторялъ здѣсь тѣже уловки, какъ и 15 мѣсяцевъ тому назадъ въ Фонтенебло.

Получивъ актъ, переданный министрами, каждая изъ палатъ отправила къ эксъ-монарху, которому грозили низверженіемъ, депутацію выразить ему „благодарность и глубокое уваженіе, съ какими палаты принимаютъ его высокое самоотверженіе, приносимое ради самобытности и счастья французскаго народа“.

Несмотря на нѣкоторыя попытки съ трибуны депутатовъ, пламенные и частыя настоянія перовъ о провозглашеніи сына Наполеона, парламентъ умѣлъ обойти этотъ вопросъ; и исполнительная власть вручена комиссіи изъ двухъ перовъ и трехъ депутатовъ по выбору палатъ. То былъ не совѣтъ регентства, а настоящее временное правительство—тѣмъ болѣе что комиссія обнародовала всѣ свои постановленія отъ имени французскаго народа.

Имперія отжила свой вѣкъ.

Всѣ покинули Наполеона, подобно тому какъ въ 1814 году

въ Фонтенебло—дворецъ опустѣлъ. Никто не боялся челоѣка больного, запутавшагося въ собственныхъ ошибкахъ и совѣмъ упавшаго духомъ.

Палата депутатовъ, потому что палата перовъ была покорною слугою нижней палаты, захватила настоящую диктатуру; но одного захвата было мало.

Край избавился отъ источника тревоженій, но положеніе было крайне критическое.

Два дня было потеряно въ борьбѣ съ челоѣкомъ, котораго можно было сокрушить одною фразою декрета. Всѣ прочія заботы были оставлены — ни императоръ, ни его противники не предпринимали ничего для поправленія нашихъ бѣдствій; хотя понимали, что непріятель ускорить свое наступленіе, для довершенія своихъ успѣховъ.

Наполеонъ оставилъ разбитую и разбѣжавшуюся армію, смотрѣвшую на многихъ изъ своихъ генераловъ, какъ на измѣнниковъ или неспособныхъ людей; призывъ старослуживыхъ и мобилизація національной гвардіи были не кончены; конскрипты 1815 года только что начали собираться, укрѣпленія Парижа не кончены; стрѣлки національной гвардіи малочисленны и почти безъ оружія; федератисты вовсе его не имѣли, въ казнѣ не оставалось денегъ, край раздирался междоусобіями и многіе изъ патріотовъ растерялись и уныли вслѣдствіе пораженія, союзныхъ манифестовъ и обманчивой политики правительства.

Нужно было, не теряя времени, ускорить сосредоточеніе армій, безъ милосердія карать дезертировавшихъ офицеровъ и солдатъ, очистить штабы, перевести въ главную армію Лекурба, Клозеля, Ламарка и иныхъ генераловъ, заявившихъ свои способности; поддержать въ рядахъ мужество и энергію, поощрить дарованіе, подвинуть производство рекрутскаго набора, стрѣлковъ тысячами размѣстить гарнизономъ по укрѣпленіямъ кругомъ столицы, обезоружить національныхъ гвардейцевъ сомнительной вѣрности или неспособныхъ къ службѣ, удвоить, утроить число стрѣлковъ парижской національной гвардіи и вооружить ихъ, роздать оружіе федератистамъ, организовавъ

ихъ по примѣру регулярныхъ войскъ, обнародовать поголовное ополченіе и декретировать нужныя реквизиціи. Слѣдовало объявить войну народною: провозгласить ее на жизнь и смерть, принести все для спасенія отечества и драться до послѣдней капли крови—Франціи же дать обѣщаніе, что послѣ заключенія мира, она можетъ выбрать себѣ правителя; бросить все полумѣры, такъ любезныя измѣнникамъ и трусамъ, объявить непріятелю про отреченіе Наполеона и устраненіе отъ власти его фамиліи. Если же враги не остановятся, вразумить народъ, что истинная цѣль нашествія заключается въ возстановленіи Бурбоновъ и вѣроятномъ раздѣлѣ Франціи.

Нужно было экзальтировать храбрыхъ, ободрить слабыхъ, увлечь колеблющихся, придавить людей вредныхъ, чтобы вся нація, охваченная патріотизмомъ, исполнилась непримиримой ненависти къ врагу.

Словомъ—нужна была необыкновенная дѣятельность, крайняя энергія, отвага и непоколебимая твердость. При такихъ условіяхъ, и при томъ освободившись мѣсяцемъ ранѣе отъ Наполеона, Франція была бы навѣрно спасена. Но теперь, запутавшись среди совершенныхъ ошибокъ и понесеннаго пораженія, она имѣла передъ собою лишь слабую надежду на счастливый исходъ.

Но спасеніе однако было возможно; палаты, воодушевленные этою идеею, должны были исполниться благородной рѣшимости и испытать все средства къ спасенію.

Колебаніе и разсужденія приводили по неволѣ къ полумѣрамъ. Довѣрившись союзнымъ манифестамъ и заговоривъ о мирѣ вмѣсто послѣдней, отчаянной борьбы, страна, толкнутая императоромъ въ пропасть, должна была погибнуть чрезъ нѣсколько дней и надъ палатами ложилось презрѣніе исторіи и проклятіе Франціи.

Въ ту минуту, какъ власть переходила въ руки депутатовъ, а Наполеонъ диктовалъ свое отреченіе брату Люціану, въ палаты пришли отрадныя вѣсти. Даву передалъ ихъ палатѣ депутатовъ, а Карно палатѣ перовъ.

Груши спасся безъ особыхъ потерь и подходилъ къ гра-

ницѣ; до 20 т. было собрано въ Авенѣ и нѣсколько тысячъ передъ Филиппвилемъ. Мы имѣли такимъ образомъ до 60 т. войска; сосредоточившись и маневрируя, оно могло нѣсколько задержать наступленіе Блюхера и Веллингтона.

Вѣсти не лгали.

ГЛАВА XVII.

18 іюня прошло, а Груши, слышавшій раскаты канонады въ продолженіи 9 часовъ, все еще не зналъ чѣмъ кончилось генеральное сраженіе.

Онъ находился въ живѣйшемъ безпокойствѣ, и вслѣдствіе своего невѣденія, и вслѣдствіе невозможности исполнить приказанія, поздно отправленныя съ поля битвы при Ватерлоо и поздно дошедшія.

Мы рассказали, что послѣ долгихъ и тщетныхъ попытокъ, маршалъ убѣдился въ бесполезности фронтальной атаки; и, съ цѣлью обойти непріятельскую позицію у Вавра, перешелъ черезъ Диль у Лималѣ и занялъ половиною своихъ войскъ высоты, командующія лѣвымъ берегомъ рѣки между Лималемъ и Бьержемъ. Маршалъ рѣшилъ продолжать свое наступленіе.

Въ полночь онъ приказалъ, изъ главной квартиры въ Лималѣ, оставшемуся на правомъ берегу Вандамму, идти къ нему на соединеніе, оставивъ необходимое количество войскъ для обороны мостовъ.

„Отдаю подѣ вашу команду весь корпусъ Жерара“, писалъ маршалъ, и, объяснивъ важность задуманнаго движенія, передавая свое безпокойство, прибавлялъ: „съ разсвѣтомъ движемся, будемъ демонстрировать передъ Вавромъ, и надѣюсь, что успѣемъ соединиться съ императоромъ, выполнивъ такимъ образомъ его приказаніе“.

„Говорятъ, что англичане разбиты; но я не имѣю никакихъ извѣстій и не знаю какъ извѣстить о себѣ императора. Дорогой генералъ, заклинаю васъ именемъ отечества исполнить настоящее приказаніе. Я не вижу иного способа выйдти

изъ нашего затруднительнаго положенія; отъ него зависитъ спасеніе арміи. Жду васъ“ ¹⁾).

Эксельману послано такое же приказаніе.

Груши думалъ, сосредоточивъ силы на лѣвомъ берегу Дюля, съ разсвѣтомъ начать сильную атаку, чтобы оттѣснить непріятеля и имѣть возможность соединиться съ Наполеономъ. Другого способа дѣйствій не оставалось предпринять, ибо исходъ битвы при Ватерлоо былъ еще неизвѣстенъ.

Въ полночь, развѣзды принесли Тильману первыя извѣстія о пораженіи Наполеона. Хотя вѣсти не были положительно подтверждены, однако Тильманъ рѣшился перейти въ наступленіе и отбросить Груши на ту сторону рѣки. Приготовленія пруссаковъ кончились ранѣе нашихъ и инициатива атаки принадлежала прусскому генералу.

Не смотря на слабость своихъ силъ, онъ отправилъ къ корпусу Цитена полковника Штенгеля съ 3 баталіонами и 3 эскадронами. Лѣвое крыло изъ 3 баталіоновъ бригады Кемпена стояло у Бьержа, имѣя въ резервѣ два баталіона той же бригады; три баталіона бригады Люка были выведены изъ Вавра и поставлены правѣе с. Бьержъ; еще правѣе расположились 3 баталіона бригады Штульпинагеля, занявъ опушку Риксенсарскаго лѣса и имѣя въ резервѣ у Пуанъ-де-Жура (группа нѣсколькихъ домовъ у входа въ лѣсъ къ западу) 3 баталіона той же бригады. Остальная пѣхота осталась на вчерашней позиціи, удерживая мельницу Бьержъ, Вавръ и Нижній-Вавръ. Кавалерія стояла по прежнему за Риксенсарскимъ лѣсомъ.

Только что кончились всѣ передвиженія, Тильманъ съ разсвѣтомъ двинулъ на лѣвое крыло Груши 12 эскадроновъ, (около тысячи коней) построивъ ихъ въ двѣ 6-ти эскадронныя колонны; впереди шла батарея изъ 8 орудій. Штульпинагелю приказано поддержать атаку.

---

¹⁾ Приведенное письмо до сихъ поръ не издано; оно хранится въ архивѣ военнаго министерства въ Парижѣ. Въ постскриптумѣ сказано: «но разсирокъ плѣнные объявляютъ, что мы имѣемъ передъ собою Блюхера и Бюлова. Этому я плохо вѣрю.»

Груши не успѣлъ еще притянуть на Лямальскія высоты Вандамма и Эксельмана, и имѣлъ 4 пѣхотныя и 2 кавалерійскія дивизіи; первая дивизія Эксельманова корпуса только что прибыла къ Лямальскому мосту. Груши приказалъ Тесту двинуться на Бьержъ, Пеше ударить на непріятельскій центръ, а Гюло идти на Риксенсарскій лѣсъ. Дивизія Винери и прибывающіе драгуны Эксельмана должны были составить резервъ, корпусъ Пажоля, состоявшій лишь изъ одной дивизіи Сульта, вѣстѣ съ Валеномъ сталъ на лѣвомъ флангѣ, нѣсколько эскадроновъ Валена были посланы къ С. Ламберу для развѣдыванія.

Между тѣмъ прусская батарея вынеслась на позицію, къ ней была выдвинута еще 1 батарея — и 16 орудій открыли живую канонаду противъ нашего лѣваго фланга.

Груши выдвинулъ еще болѣе орудій. Наша артиллерія подбила 5-ть прусскихъ орудій и нанесла сильный уронъ непріятельской кавалеріи. Вскорѣ и артиллерія, и кавалерія отошли за Риксенсарскій лѣсъ. Гюло ворвался по слѣдамъ въ лѣсъ, отбросилъ пѣхоту и завязалъ упорный бой съ Штульпинагелемъ.

Пеше атаковалъ центръ, а Тестъ двинулся на Бьержъ.

Послѣ 4-хъ часоваго боя Пеше прорвалъ прусскій центръ. Гюло овладѣлъ Риксенсарскимъ лѣсомъ; Пажоль и Валень угрожали обходомъ правому непріятельскому крылу, и Тильманъ долженъ былъ перемѣнить фронтъ правымъ флангомъ назадъ. Осью движенія служило с. Бьержъ, упорно защищаемое Кемпеномъ.

На новой позиціи лѣвое крыло пруссаковъ упиралось въ с. Бьержъ, центръ занималъ лѣсъ Эрмитажъ, а правое крыло съ частью кавалеріи деревню Шамбръ.

Войска отчетливо и спокойно кончали перестроеніе, какъ къ Тильману пришло наконецъ извѣстіе о побѣдѣ Блюхера и Веллингтона. Оно пришло довольно поздно ²⁾.

---

²⁾ Прускіе писатели говорятъ, что Блюхеръ съ самаго поля битвы отправилъ двухъ офицеровъ къ Тильману, но они заблудились на пути.

Передавъ его войскамъ и пользуясь возбужденнымъ восторгомъ, Тильманъ попытался отѣснить французовъ и удержать ихъ по возможности долѣе на Дильскомъ плато, потому что Блюхеръ извѣщалъ, что прусскій корпусъ идетъ отрѣзать французскія войска у Вавра.

Затянувъ бой съ Груши способствовали этому маневру. Центръ и правое прусское крыло пошли впередъ, Риксенсарскій лѣсъ былъ взятъ — но Гюло скоро оправился и выбилъ оттуда еще разъ непріятеля, Тестъ овладѣлъ с. Вьержъ, мельница была также очищена непріателемъ, и Вандаммъ, перебросивъ дивизію Бертезена на лѣвый берегъ рѣки, охватилъ лѣвое крыло пруссаковъ.

Тильманъ, взятый во-флангъ, видя успѣхи наши противъ своего праваго крыла, и боясь за путь отступленія на Лувенъ, приказалъ отступать, лишь только войска, бывшія въ Ваврѣ, очистили городъ. Пруссаки потянулись тремя колоннами на Оттенбургъ и с. Родъ-Сентъ-Агатъ, лежащее въ 3 лье отъ Лувена и въ нѣсколько меньшемъ разстояніи отъ Вавра.

Сильная артиллерія прикрывала отступление. Вандаммъ дебушировалъ изъ Вавра съ дивизіею Габера и достигъ высотъ Ла-Баветъ; наша кавалерія миновала уже Шамбръ, какъ вдругъ прибылъ къ маршалу, въ 11 часовъ утра, офицеръ генеральнаго штаба, отправленный съ-вечера Наполеономъ изъ Катръ-Бра, и передалъ про потерю битвы при Ватерлоо и полный разгромъ арміи. Посланный вѣроятно ѣхалъ на измученной лошади, потому что въ 12 часовъ сдѣлалъ всего 12 лье; лишь онъ одинъ былъ снабженъ порученіемъ, отъ временнаго доставленія коего зависѣло спасеніе 30 т. человекъ.

Маршалъ былъ пораженъ страшною вѣстью и вдругъ открывшеюся крайностью своего положенія. Онъ послалъ за Вандаммомъ и 3 или 4 другими генералами.

Очевидецъ приводитъ, что онъ расплакался, точно зналъ впередъ какія обвиненія подымутся противъ него и какія клеветы заклеивать его память.

Единственный и опоздавшій вѣстникъ не имѣлъ письменной депеши и не привезъ никакого приказанія: ему поручено было

лишь передать, что армія разбита, разбѣжалась, что Наполеонъ отступаетъ къ Самбрѣ.

Но куда отступать Груши? въ переполохѣ главнокомандующій этого не передалъ.

Наконецъ возможно-ли было отступленіе для Груши? дѣло казалось сомнительнымъ. Блюхеръ вѣрно еще съ вечера зналъ про дѣло у Вавра, и тотчасъ послѣ побѣды, могъ отрядить значительныя силы, чтобы раздавить наши войска, уже атакованныя Тильманомъ. Непріятель могъ явиться каждую минуту—и охватить насъ съ тыла, вмѣстѣ съ фронтальною атакою Тильмана. Наконецъ, если планъ Блюхера случайно не удавался на Дильскомъ плато, онъ удался бы на другомъ пунктѣ.

Смѣлый, но хвастливый Вандаммъ предложилъ отбросить Тильмана къ Лувену, повернуть на Брюссель и чрезъ оставленную Фландрію пройти во Францію.

Предложеніе его было не столько смѣло, сколько нелѣпо, удлиняая путь отступленія и предоставляя непріятелю всѣ способы помѣшать этому отступленію.

Никто не поддержалъ Вандамма.

Послѣ недолгаго совѣщанія порѣшили скорѣе достигнуть границы.

Два пути представились на выборъ: одинъ на Флерусъ, Маршіенъ и Шарлеруа; другой на Намюръ и оттуда къ Живе.

Первый былъ короче, но вѣроятно онъ былъ уже занятъ массами англійскихъ и прусскихъ войскъ, такъ что нечего было и выбирать его; другой путь былъ кружнѣе, но самая дальность представляла какую нибудь надежду на спасеніе; его выбрали для отступленія.

Груши остановилъ свою пѣхоту на высотахъ Ла-Баветъ, освѣщая пространство вправо кавалеріею Сульта, влѣво кавалеріею Валена. Обоиъ генераламъ приказано преслѣдовать еще нѣсколько времени разбѣдами быстро отступающаго Тильмана. Въ то же время Эксельманъ съ 7-ю драгунскими полками былъ отправленъ захватить Намюръ, а затѣмъ самъ Груши двинулся туда съ корпусомъ Жерара.

Вандаммъ, Пажоль и Тестъ долго еще оставались на лѣ-

вомъ берегу Дия. Къ нашему счастью Тильманъ безостановочно отступалъ вплоть до Родъ-Сентъ-Агатъ, гдѣ вечеромъ сталъ на биваки; у Вавра непріятель не показывался. Вандаммъ въ свою очередь потянулся къ Намюру и безъ выстрѣла прибылъ около полуночи въ Жемблу. Здѣсь, измученныя и нуждавшіяся въ отдыхѣ, войска были остановлены.

Эксельманъ и Груши подвигались не встрѣчая непріятеля.

На ночь Эксельманъ расположился въ Намюрѣ, а маршалъ къ сторонѣ Сомбрефа, на нивельскомъ шоссе.

Въ дѣлахъ подъ Вавромъ Тильманъ потерялъ, по свидѣтельству прусскихъ историковъ, 2476 человекъ; потери Груши были равносильны прусскимъ.

Французскій маршалъ, занимая Намюръ, Жемблу и нивельское шоссе, былъ уже не въ такомъ отчаянномъ положеніи какъ утромъ, но до спасенія было далеко, потому что его всегда могли отрѣзать вдоль границы, двинувъ въ тоже время войска велѣдъ за нимъ. Слѣдовало уходить не теряя ни минуты.

Тѣмъ не менѣе маршъ Груши не могъ назваться быстрымъ. Мужественный Вандаммъ понималъ что надо торопиться, но Ватерлооское пораженіе сразило его, и онъ, махнувъ рукою какъ на свое собственное спасеніе такъ и на спасеніе войскъ, поднялся съ биваковъ въ 7 часовъ утра, рискуя дорого заплатить за покойный ночлегъ.

Вандаммъ двинулся къ Намюру на Аржентинское аббатство проселкомъ, по длинному и неудобному дефиле, много затруднившему движеніе войскъ. Голова колонны была уже не далѣе одного лье отъ Намюра, какъ въ арріергардѣ у Рина раздалися пушечные выстрѣлы—канонада гремѣла также къ сторонѣ Тамилу и къ сторонѣ нивельскаго шоссе: Груши, оставшійся съ корпусомъ Жерара, былъ атакованъ подобно Вандамму. Маршалъ не сумѣлъ поторопить своихъ подчиненныхъ и самъ замѣшкался на маршѣ. Тамилу находится въ 2 лье разстоянія отъ Намюра.

У Рина мы были атакованы кавалеріею Тильмана, находившеюся подъ начальствомъ Гобе; въ Тамилу войска Пирха 1-го отрѣзали Груши путь отступленія.

Тильманъ 18-го іюня, при началѣ Ваврскаго сраженія, направилъ одного изъ своихъ бригадныхъ начальниковъ генерала Борке съ 6 баталіонами къ Кутюръ-Сентъ-Жермену. Борке прибылъ къ С.-Ламберу съ наступленіемъ ночи, получивъ отъ Блюхера приказаніе стать биваками и ждать дальнѣйшихъ распоряженій.

Утромъ 19-го іюня, не получивъ до 7 часовъ приказанія и узнавъ отъ полковника Штенгеля, возвращавшагося изъ Лималя къ корпусу Цитена, что Тильманъ ввязался въ дѣло у Вавра, Борке рѣшился идти къ нему на соединеніе; но пройдя Риксенсарскій лѣсъ, онъ остановился у д. Риксенсаръ въ то время какъ Груши занималъ высоты за Вавромъ; и, не рѣшаясь идти далѣе, ограничился наблюденіемъ за французами. Вѣроятно только въ ночь онъ далъ знать Тильману про отступленіе непріятеля. Тильманъ снялся съ позиціи при Родъ-Сентъ-Агатъ 20-го іюня, въ 5 часовъ утра, чтобы идти вслѣдъ за Груши. Кавалерія съ одною легкою батареею ³⁾ двинулась въ головѣ, и Гобе приказано идти съ нею къ Жемблу, не дожидая пѣхоты; Борке приказано перейти немедленно р. Диль. Самъ Тильманъ съ остальными войсками пошелъ за Гобе.

Тильманъ, упустивъ Груши и поздно узнавъ про наше отступленіе, сознавалъ необходимость исправить громадную ошибку.

Блюхеръ рассчитывалъ что Пирхъ I-й съ помощью Тильмана уничтожить отдѣльную французскую колонну у Вавра; но Пирхъ I-й не выказалъ ни провицательности, ни энергіи.

Выступивъ около полуночи 18-го іюня, изъ Планшенуа съ бригадою Зора (8 эскадроновъ гусаръ) и 2-мя пѣхотными бригадами, Пирхъ I-й въ Марансаръ присоединилъ свою 3-ю бригаду пѣхоты, перешелъ у Бусваля р. Диль, и дотащился къ 11 часамъ утра 19 числа къ Меллери, гдѣ сталъ бива-

---

³⁾ Въ Родъ-Сентъ-Агатъ кавалерія усилилась семью эскадронами, пришедшими съ Рейна и набранными въ той части Саксоніи, которая по Вѣнскому конгрессу была присоединена къ Пруссіи.

ками. Въ это время, у Вавра, Груши только что узналъ про поражение Наполеона.

На маршъ Пирхъ I-й отправилъ, но безуспѣшно, кавалерійскіе отряды влѣво, чтобы открыть сообщеніе съ Тильманомъ. Изъ рекогносцировки узнали, что дефилеи у Монъ-Сень-Гибера заняты французами; однако Пирхъ I-й не тронулся съ мѣста, трусливо простоявъ цѣлый день 19-го іюня и ночь на 20-е у Меллери. Всѣ корпуса Груши тянулись на разстояніи 2-хъ или 3-хъ лье мимо послѣдняго пункта въ трехъ разобщенныхъ колоннахъ, а Пирхъ I-й ничего не зналъ.

20-го іюня, въ 5 часовъ утра, Пирху I-му донесли объ отступленіи французскаго маршала; и только тогда двинулся онъ на шоссе, ведущее изъ Сомбрефа въ Намюръ; но наступленіе производилось такъ нерѣшительно и медленно, что прусскій авангардъ только въ 4 часа по-полудни столкнулся съ нашею колонною, слѣдовавшею по шоссе, вблизи Тамплу у фермы Боке.

Авангардъ, бывший подъ начальствомъ Зора, и состоявшій изъ 3 баталіоновъ и 8 эскадроновъ, тотчасъ же завязалъ дѣло; но колонна, не останавливаясь, достигла высотъ передъ Намюромъ къ 6-ти часамъ по-полудни.

Вандамъ, не обезпокоиваемый непріятелемъ, прибылъ къ Намюру въ то же время. У Рина непріятель атаковалъ насъ лишь бригадою кавалеріи Тильмана съ одною батареею. Два баталіона дивизіи Лефоля, находившіеся въ арріергардѣ, были на минуту смяты; но полковникъ Брикевиль съ 20-мъ драгунскимъ и два гусарскіе полка генерала Клари выручили ихъ. Послѣ схватки, непріятельская кавалерія, не имѣя резерва и вслѣдствіе неудобной для дѣйствія мѣстности, бросилась по намюрскому шоссе на выстрѣлы на соединеніе съ Пирхомъ I-мъ.

Груши поручилъ Вандамму, съ 3 дивизіями своего корпуса и дивизіею Теста, защищать до ночи окрестности города Намюра и самый городъ; а самъ, отправивъ впередъ резервную артиллерію и кавалерію Пажоля и Валена, переправился съ корпусомъ Жерара чрезъ Самбру и потянулся по дорогѣ на Динанъ, куда еще съ утра были отправлены обозы и раненые, подъ прикрытіемъ драгунъ Эксельмана. Шоссе на Динанъ

идеть по самому лѣвому берегу Мааса, образуя на протяженіи 7 или 8 лье узкое дефиле, подъ отвѣсною береговою кручею.

Пирхъ I-й атаковалъ жарко, но встрѣтилъ сильное сопротивленіе. Вандаммъ удержался до 8 часовъ вечера, и, отступивъ чрезъ городъ Намюръ, оставилъ слабую дивизію Теста удерживать городъ.

Тестъ былъ человѣкъ рѣшительный, войска его испытанной храбрости, и потому порученіе было исполнено.

Всѣ попытки непріятеля штурмовать городскую стѣну остались безъ успѣха, и мы очистили городъ лишь въ 10 часовъ вечера.

Пирхъ I-й потерялъ 1646 человѣкъ выбывшими изъ строя; наша потеря не превышала 600 или 700 человѣкъ, но мы могли бы избѣжать ее, если бы подвигались скорѣе.

Прусскій генералъ не рѣшился преслѣдовать Теста, хотя мость чрезъ Самбру остался цѣлъ, за недостаткомъ средствъ къ быстрому разрушенію.

Пирхъ I-й остановился въ Намюрѣ, пѣхота Тильмана достигла Жемблу.

Планъ Блюхера неудался, не смотря на вялость Груши.

Въ ту минуту, какъ Наполеонъ выходилъ изъ кареты у дворца Элизе, т. е. 21-го іюня, съ солнечнымъ восходомъ дивизія Теста прибыла въ Динанъ, гдѣ были сосредоточены всѣ силы Груши.

21-го маршалъ прошелъ до Живе и расположился бивакомъ подъ крѣпостными верками. Людямъ роздали хлѣбъ въ первый разъ послѣ 3-хъ голодныхъ дней, но выпущенныхъ патроновъ было нечѣмъ пополнить, по недостаточному снабженію крѣпости, хотя и бывшей въ 1-й линіи, боевыми припасами ⁴⁾.

Груши до сихъ поръ не получалъ инструкціи, куда ему слѣдуетъ отступить ⁵⁾. По совѣту корпусныхъ командировъ, онъ

---

⁴⁾ Неизданное письмо Груши къ Вандамму изъ Живе, отъ 21 іюня. (Парижскій архивъ военнаго министерства).

⁵⁾ «Какъ только вы будете свободны, заѣзжайте ко мнѣ, я хочу

рѣшился отступить къ Реймсу чрезъ Рокруа; и 23-го прибылъ въ Обиньи, недоходя Ретеля, гдѣ получилъ приказаніе Сульта отступать на Реймсъ и Суассонъ ⁶⁾).

Пока Груши спасался съ войсками на родную территорію, армія, разбитая подъ Ватерлоо, устраивалась и сосредоточивалась въ Лаонѣ.

20-го іюня Рейль и д'Эрлонъ собрали изъ своихъ корпусовъ тысячъ до 12 въ Авентѣ. куда сбѣжалось также тысячъ 5 или 6 изъ гвардіи, корпуса Лобау и резервной кавалеріи.

Въ этихъ толпахъ возстановили кое какой порядокъ, направили будто и въ походномъ порядкѣ, и достигли съ ними чрезъ Вервенъ Лаона 22-го числа.

Въ тотъ же день пришла изъ Филиппвилля сборная колонна людей всѣхъ корпусовъ и всѣхъ родовъ оружія, тысячъ въ 5 или 6, устроенная въ Филиппвилѣ маршаломъ Султомъ, который самъ сутками ранѣе прибылъ въ Лаонъ. Послѣ отъѣзда императора въ Парижъ, ему поручено было временное начальство надъ арміею.

22-го іюня, число собранныхъ въ Лаонѣ войскъ доходило до 20 или 25 тысячъ; но треть людей не имѣла оружія, а изъ всей артиллеріи осталось около 30 орудій и столько же зарядныхъ ящиковъ.

Нельзя было тотчасъ же устроить какъ слѣдуетъ полки, дивизіи и корпуса, растерзанные и перемѣшанные, возстановить дисциплину, ободрить войска. За все это принялись съ жаромъ.

Большая часть солдатъ и субалтернъ-офицеровъ, воодушевившись новымъ мужествомъ, собирались сами къ прежнимъ

собрать корпусныхъ командировъ и спросить ихъ совѣта, куда намъ дальше идти, потому что до сихъ поръ нѣтъ никакого приказанія отъ императора.» (Неизданное письмо Груши къ Вандамму. Живе, 21 іюня. Архивъ военнаго министерства въ Парижѣ).

⁶⁾ Неизданное письмо Груши къ Вандамму, отъ 23 іюня, въ Обиньи. (Архивъ военнаго министерства въ Парижѣ).

Письмо маршала Сульта отправлено изъ Лаона, 23 іюня, въ восемь часовъ утра.

знаменамъ. Многія знамена были принесены къ арміи только подъ стѣнами Лаона, такъ что ихъ считали потерянными.

Войска встрѣтили ихъ громкими, восторженными криками; люди, прошедшіе всю суровую боевую школу, прослезились при этой сценѣ.

Знамя 85 полка было принесено баталіоннымъ командиромъ Рюльеромъ, который пришелъ съ колонною изъ Филиппвиля. Этотъ храбрый солдатъ, въ послѣдній часъ роковой битвы, вырвалъ свое знамя изъ рукъ пруссаковъ, собралъ горсть храбрыхъ и съ ними отстоялъ его.

Но если съ одной стороны толпы храбрыхъ собирались вокругъ своихъ знаменъ, кипя желаніемъ идти на новый бой; то напротивъ огромное число забыло свой долгъ.

Соплемя въ доказательство на письма Наполеоновскаго адъютанта полковника Бюсси и Сульта.

Бюсси писалъ императору: „толпы солдатъ дезертируютъ, прорываются чрезъ караулы національной гвардіи, наводятъ ужасъ на деревни и по проселкамъ спасаются на родину; они продаютъ лошадей и краденныя вещи за безцѣнокъ—франковъ двѣнадцать, пятнадцать не болѣе. Власти думаютъ что только пятая доля реквизицій будетъ собрана, потому что крестьяне, изъ страха быть обворованными, скрываютъ повозки и лошадей ⁷⁾).

Сультъ представлялъ императору и военному министерству положеніе дѣлъ хотя въ слишкомъ мрачныхъ краскахъ, но донесеніе его во многомъ вѣрно.

„Въ арміи броженіе“, говорилъ онъ, „въ особенности между начальниками. Генералы Пире, Келлерманъ ⁸⁾, Ронья, Тромененъ и другіе уѣхали въ Парижъ безъ спросу; отдѣльные начальники и офицеры могутъ послѣдовать этому примѣру, солдаты считаютъ отлучку начальства за измѣну, начались пере-

---

⁷⁾ Неизданное письмо. (Архивъ военнаго министерства).

⁸⁾ Келлерманъ впрочемъ скоро вернулся и 24 іюня былъ уже при своемъ корпусѣ, доказательствомъ его письмо маршалу Султу.

суды, дисциплина исчезаетъ, въ пѣхотѣ полнѣйшая деморализація“⁹⁾).

Въ тоже время генераль Леклеркъ-Дезесаръ писалъ военному министру, что начальникъ инженеровъ въ корпусѣ Лобау генераль-маіоръ Сабатіе, проѣздомъ въ С.-Менегу, передавалъ про армію ужасы, говоря что самъ онъ ѣдетъ домой въ Баръ-Сюръ-Орнень¹⁰⁾.

Наконецъ храбрѣйшій изъ храбрыхъ Ней, не дрогнувшій въ послѣдній часъ Ватерлооской битвы и среди бѣдствій 1812 года, упалъ духомъ и, не найдя Наполеона на границѣ, уѣхалъ въ Парижъ. Въ палатѣ перовъ онъ навелъ на всѣхъ уныніе—сказавъ: „арміи не существуетъ и единственное спасеніе въ немедленномъ открытіи переговоровъ.“ Къ счастью, непріятель, не смотря на всѣ свои старанія, былъ еще далеко. Веллингтонъ на слѣдующій день послѣ побѣды перенесъ главную квартиру въ Нивель, гдѣ присоединилъ къ себѣ отрядъ принца Фридриха Нидерландскаго (16,500 человекъ), оставленный наканунѣ въ Галъ, пополнивъ такимъ образомъ понесенныя потери. 20 іюня онъ былъ въ Биншѣ, 21-го въ Мальплаке, 22-го въ Като-Камбрези, обложивъ Валансьенъ и Кенуа.

Блюхеръ оставшись временно лишь съ бригадою изъ корпуса Пирха 1-го, корпусомъ Цитена, и, сильно пострадавшимъ при Планшенуа, корпусомъ Бюлова, 19 іюня перенесъ главную квартиру въ Госсели, отправивъ кавалерію за бѣгущими по дорогамъ на Авенъ, Бомонъ, Филиппвиль. 20-го іюня главная квартира перешла въ Мербъ-ле-Шато, 21-го въ Нойель, а 22-го въ Катильонъ (Catillon) на Самбрѣ. 22-го числа палъ Авенъ. Пруссакъ, выдвинувъ двѣ полевые батареи, пустили нѣсколько сотъ гранатъ въ городъ; взрывомъ порохового магазина обрушило куртину и комендантъ сдался, хотя въ крѣ-

---

⁹⁾ Неизданныя письма 21 и 22 іюня изъ Лаона. (Архивъ военнаго министерства).

¹⁰⁾ Письмо изъ С.-Менегу, отъ 22 іюня. (Архивъ военнаго министерства).

пости было 47 орудій, 12 или 15 т. зарядовъ, до 1 мил. патроновъ; гарнизона же было 200 ветерановъ и 3 баталіона мобилизованной національной гвардіи—всего до 1,500 человекъ. Первые остались военнопленными; послѣдніе, по обезоруженіи, отпущены домой.

Легкое взятіе Авена доставило Блюхеру отличный складочный пунктъ.

23-го числа союзныя главныя квартиры оставались на мѣстѣ.

Веллингтонъ, имѣя сообщниковъ въ Камбре, двинулъ туда бригаду кавалеріи, бригаду пѣхоты съ 3-мя батареями; колоннамъ приказано подтянуться. Обозъ и понтонные парки отстали.

Блюхеръ выждалъ прибытія войскъ Тильмана и Пирха 1-го изъ Жемблу и Намюра.

Союзные полководцы, прежде чѣмъ двинуться впередъ, рѣшились сосредоточить свои силы. и, съѣхавшись въ Катильонъ, опредѣлили планъ предстоящихъ дѣйствій.

Союзныя арміи должны были наступать вмѣстѣ на Парижъ по правому берегу Уазы, имѣя въ виду обойти французскую армію, расположенную по слухамъ у Лаона и Суассона. Если мосты на рѣкѣ будутъ истреблены, то будутъ пользоваться англійскими понтонами (съ пруссаками прибыло только 10 понтоновъ).

Осадные парки будутъ приближены къ арміи. Англо-голландскія войска осадятъ Кенуа, Валансьенъ и крѣпости по лѣвому берегу Самбры; прусскія—Ландресн, Мобежъ, Маріенбургъ, Филиппвиль, Живе; союзные германскіе корпуса, расположенные въ герцогствѣ Люксамбургскомъ—крѣпости по Маасу выше Живе.

Для исполненія этихъ предположеній, Веллингтонъ назначилъ принца Фридриха Нидерландскаго съ 3-мя пѣхотными бригадами, неучаствовавшими въ битвѣ при Ватерлоо, и съ одною кавалерійскою бригадою; а Блюхеръ весь корпусъ Пирха 1-го. За этими отдѣленіями, въ англо-голландской арміи оставалось 60 т. человекъ, а у пруссаковъ нѣсколько больше.

Слѣдовательно союзники, имѣя 120 т. человекъ, рѣшились

наступать къ Парижу, оставляя на флангѣ у Лаона нашу армію, владѣвшую предмостнымъ укрѣпленіемъ на Уазѣ Ла-Феромъ и всѣми нижележащими переправами.

Говорятъ, хотя на это нѣтъ ни малѣйшаго доказательства, что союзные генералы, рѣшившись дѣйствовать такимъ образомъ, знали уже объ отреченіи Наполеона; впрочемъ вѣрнѣе то, что имъ было извѣстна вся степень нашего пораженія и то, что Наполеонъ не приготовилъ никакого резерва ¹¹⁾.

Даже не имѣя извѣстій о отреченіи Наполеона, союзники, на слѣдующій день, узнавали о томъ офиціальнымъ путемъ; потому что генераль Моранъ, по приказанію маршала Сульта, извѣстилъ о немъ генерала Цитена для передачи Блюхеру вмѣстѣ съ просьбою о перемиріи.

Сультъ дѣйствовалъ по инструкціямъ временнаго правительства, думавшаго, что съ паденіемъ Наполеона остановится наступленіе союзниковъ; тѣмъ болѣе, что союзники объявили войну одному Наполеону, а не Франціи.

Чрезмѣрные требованія Блюхера разсѣяли иллюзіи. Онъ соглашался на перемиріе, съ тѣмъ, что ему выдадутъ Наполеона и сдадутъ сѣверныя крѣпости и крѣпости по Маасу и Мозелю.

24 іюня Блюхеръ перешелъ съ главною квартирою въ Хеннампъ. Армія шла двумя колоннами: лѣвая изъ корпусовъ Цитена и Тильмана на Гизъ, Ориньи и Шони; правая, корпусъ Вюлова, на Нувіонъ и С.-Кентенъ къ Понъ-Сентъ-Максенсу.

1-я колонна захватила безъ выстрѣла Гизъ и стала здѣсь биваками, выдвинувъ авангардъ къ Ориньи, разѣзды къ Ла-Феру, и отрядивъ 12 эскадроновъ къ Лаону.

2-я колонна дошла до Нувіона.

25-го іюня Цитенъ подвинулся къ Серизи, Тильманъ къ

---

¹¹⁾ Веллингтонъ писалъ 20 іюня изъ Нивеля къ Дюмурь: «никогда не приходилось мнѣ быть въ подобной битвѣ и одерживать такую побѣду; надѣюсь, что съ Бонапарте покончено.»

Изъ корреспонденціи Веллингтона до кампаніи видно, что ему были известны средства Наполеона.

Ориньи, Бюловъ къ Есиньи. Одна бригада Читена, дойдя до Ла-Фера, потребовала сдачи. Главная прусская квартира находилась въ С.-Кентенѣ, гдѣ Блюхеръ получилъ второе предложеніе о перемиріи изъ Лаона отъ уполномоченныхъ, назначенныхъ временнымъ правительствомъ.

Блюхеръ отправилъ въ Лаонъ князя Шенбурга и двухъ изъ своихъ штабныхъ офицеровъ съ словеснымъ отвѣтомъ, требованія были еще невыносимѣе, чѣмъ въ отвѣтъ Морану.

Блюхеръ соглашался на перемиріе только занявъ Парижъ, и вытребовавъ тамъ, чтобы ему выдали Бонапарте живаго или мертваго; требовалъ сдачи крѣпостей на Самбрѣ, по Маасу, Мозелю, р. Сарѣ и сдачи Венсеннского замка; очищенія страны до Марны, включая Шато-Тьері и Эперне, затѣмъ возвращенія всѣхъ артистическихъ сокровищъ, захваченныхъ въ Европѣ, и уплаты военныхъ издержекъ.

Конечно французскимъ уполномоченнымъ не говорили, какая участь предназначается Бонапарте; но, передавая Веллингтону про условія перемирія, Блюхеръ былъ откровеннѣе. „Если мнѣ выдадутъ Бонапарте“, пишетъ онъ, „я прикажу его казнить на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ разстрѣлянъ герцогъ Ангіенскій“. Однимъ актомъ возмездія Блюхеръ предполагалъ отмстить и за принца, и за всѣ бѣдствія, нанесенныя Наполеономъ Пруссіи, Россіи, Испаніи и Португаліи ¹²⁾.

Въ чадѣ патріотизма Блюхеръ забывалъ, что за преступленія не отплачиваютъ преступленіями.

26-го іюня прусская армія продолжала наступать. Читенъ достигъ Шони, Тильманъ—Гискара, Бюловъ—Рессу. отдѣливъ отряды къ Вербери, Понъ-Сенъ-Максенсу и Крейлю. Одна изъ бригадъ корпуса Читена, бригада Ягова, форсированнымъ маршемъ пошла къ Компиену.

Блюхеръ находился всего въ 25 лье отъ Парижа.

---

¹²⁾ Мы извлекаемъ эти свѣдѣнія изъ четырехъ писемъ, отъ 27 и 29 іюня, отправленныхъ генераломъ Гейзенау Мюффлингу для передачи Веллингтону. Они напечатаны цѣликомъ въ мемуарахъ Мюффлинга («Aus meinen Leben»).

Храбрый комендантъ Ла-Фера генераль-маіоръ Бертъе отказъ въ сдачѣ, несмотря на опустошеніе города двумя или тремя полевыми батареями. Гарнизонъ состоялъ изъ части мобилизованной національной гвардіи, которая, послѣ пораженія при Ватерлоо, начала сильно разбѣгаться; изъ слабаго рекрутскаго депо и 150 артиллеристовъ, ¹³⁾ однако люди сознавали, что всякая капитуляція унизительна, пока брешь не пробита и возможна оборона.

Комендантъ небольшого Гамскаго форта также честно выполнилъ свой долгъ.

Веллингтонъ, дождавшись понтонныхъ парковъ, шелъ тише Блюхера и 26-го іюня остановился между Перонною и Верманомъ, отставъ отъ пруссаковъ, на два перехода; и на пути взялъ эскадаю Камбре, съ потерей 30 или 40 человекъ, благодаря слабости гарнизона; цитадель же сдалась безъ малѣйшаго сопротивленія. Перонна сдалась, хотя верки оставались цѣлыми, послѣ взятія горнверка.

Англійскій главнокомандующій пригласилъ Людовика XVIII прибыть изъ Гента въ Камбре съ дворомъ и министрами.

Бѣлое знамя опять являлось подъ покровительствомъ иностранныхъ штыковъ. Во Франціи очутилось два правительства.

Сультъ вовсе не предполагалъ, что союзники двинутся по правому берегу Уазы, и думалъ что они направятся съ фронта на Вервенъ и Лаонъ ¹⁴⁾; вслѣдствіе того 2 корпуса резервной кавалеріи были даже отправлены въ Реймсъ, а мостовъ на Уазѣ не истребили.

23-го Сультъ перенесъ главную квартиру въ Суассонъ и, рѣшившись прикрывать теченіе р. Эна, приказалъ Груши присоединиться къ главнымъ силамъ.

Гвардія начала отступленіе 24 іюня, затѣмъ остальная часть арміи, за исключеніемъ легкой кавалерійской дивизіи Жакіно,

---

¹³⁾ Письмо коменданта крѣпости Ла-Фера къ военному министру, отъ 23 іюня 1815 года.

¹⁴⁾ Письмо Сульты къ Груши, отъ 23 іюня, восемь часовъ утра. (Архивъ военнаго министерства).

оставленной у Лаона, отступила въ оба слѣдующіе дня. За время стоянки въ Лаонѣ было присоединено къ арміи тысячъ пять или шесть бѣглыхъ ¹⁵⁾.

25 іюня утромъ, маршалъ Груши прибылъ въ г. Суассонъ лично; войска же его пришли туда вечеромъ.

Арміи объявили о отреченіи Наполеона; вѣсть эта прошла спокойнѣе чѣмъ думали. Только въ двухъ или трехъ гвардейскихъ полкахъ обнаружился мятежъ и нѣсколько сотъ человѣкъ дезертировали изъ нихъ въ Парижъ ¹⁶⁾. И солдаты, и офицеры примирились съ мыслью, что безъ Наполеона Франція все-таки остается отечествомъ и надо ее защищать. Наконецъ личность павшаго императора сильно понизилась въ ихъ глазахъ, послѣ того какъ онъ покинулъ свою армію на произволъ судьбы.

Проходя Реймсъ, Груши получилъ декретъ временнаго правительства, назначавшій его на мѣсто Сульта; и вмѣстѣ съ тѣмъ приказаніе отвести армію къ Парижу ¹⁷⁾.

Армія давно уже подозрѣвала Сульта за его роялизмъ, въ бытность военнымъ министромъ. Увольненіе его было необходимо; но Груши, замѣстившій Сульта въ командованіи арміею, не смотря на свой патріотизмъ и дознанную неустрашимость, не годился въ главнокомандующіе, тѣмъ болѣе въ настоящихъ обстоятельствахъ.

Въ распоряженіи Груши находилось до 60 т. войска. По-

---

¹⁵⁾ Въ перечневой вѣдомости, представленной Сультомъ военному министру. 25 іюня, значится: людей всѣхъ родовъ оружія 27,760 человѣкъ, 5,085 кавалерійскихъ лошадей, 2,705 артиллерійскихъ и подьёмныхъ. Въ вѣдомости не показанъ четвертый резервный кавалерійскій корпусъ, имѣвшій къ 1 іюлю 1,127 человѣкъ; такъ что въ арміи, вернувшейся изъ подъ Ватерлоо и собранной Сультомъ, къ 25 іюню состояло 29,000 человѣкъ, изъ томъ числѣ 6,000 кавалеріи.

¹⁶⁾ Сомнеся на генерала Бертесена, которого въ данномъ случаѣ трудно подозрѣвать въ пристрастіи: «Вѣсть о отреченіи императора не произвела на умы создать такого впечатлѣнія, какого мы боялись; дезертировало очень немного, да и то случаи дезертирства обнаружались только спустя нѣсколько дней.» («Souvenirs militaires», t. II).

¹⁷⁾ Рѣчь Груши въ палатѣ перовъ, 1 іюля 1815 г.

•

ловина пришла изъ подъ Вавра (22 т. пѣхоты, 5 т. кавалеріи, 2,500 человѣкъ остальныхъ оружій)¹⁸⁾. Войска эти были въ хорошемъ состояніи, и имѣли до 100 орудій съ полною упряжью и комплектнымъ количествомъ боевыхъ припасовъ¹⁹⁾. Другая половина арміи имѣла едва 20 т. подъ ружьемъ и почти лишена артиллеріи²⁰⁾; но люди оправились, устроились и были готовы на всѣ пожертвованія; недостающее число пушекъ могло быть доставлено изъ Парижа.

Съ подобною арміею Груши имѣлъ возможность маневрировать, задерживать наступленіе непріятеля и выиграть время, чтобы временное правительство успѣло организовать средства въ защитѣ.

Маршалъ скоро узналъ о непріятелѣ; опасаясь за свой лѣвый флангъ, неосторожно подставленный Сультомъ, онъ приказалъ д'Эрлону, поддерживаемому Келлерманомъ, занять Компіенъ. Въ четырехъ пѣхотныхъ дивизіяхъ д'Эрлона осталось, включая офицеровъ, 4,643 человѣка и 6 приданныхъ корпусу орудій²¹⁾. У Келлермана 1,462 коней безъ артиллеріи²²⁾.

Д'Эрлонъ шелъ всю ночь; въ 5 часовъ утра его разѣзды столкнулись съ прусскими, недоходя Компіена.

Яговъ, направленный къ Компіену Цитеномъ, шелъ тоже всю ночь и занялъ городъ за полчаса до появленія французовъ.

Д'Эрлонъ немедленно началъ атаку; но, послѣ непродолжительнаго боя, узнавъ отъ бѣгущихъ крестьянъ, о приближеніи всей прусской арміи, отступилъ; подавая лѣвый флангъ по

---

¹⁸⁾ Письмо Груши военному министру, 24 іюня, изъ Ретеля. (Архивъ военнаго министерства).

¹⁹⁾ Груши пополнилъ запасы изъ крѣпости Мезьера.

²⁰⁾ Корпуса Келлермана и Мильго не увезли съ собою ни одного орудія. (Письмо Келлермана Сульту, отъ 24 іюня.—Архивъ военнаго министерства).

²¹⁾ Строевой рапортъ, отъ 26 іюня, за подписью начальника штаба перваго корпуса. (Архивъ военнаго министерства).

²²⁾ Строевой рапортъ, отъ 24 іюня, за подписью Келлермана.

дорогѣ на Вербери и Сенлисъ, чтобы имѣть возможность встрѣтить съ фронта прусскіе корпуса, быть можетъ уже занявшіе Понъ-Сенъ-Максенсъ и Крейль.

Къ Груши отправили извѣстіе о движеніи 1-го корпуса и о наступленіи прусской арміи.

Кирасиры Келлермана, обогнавъ пѣхоту, достигли Сенлиса къ 10 часамъ вечера; но при вступленіи были встрѣчены сильнымъ ружейнымъ огнемъ и принуждены отступить.

Д'Эрлонъ не рѣшился подвергаться случайностямъ ночнаго боя и отступилъ безъ преслѣдованія къ Монъ-Д'Эвеку, стараясь по возможности прикрыть лѣвое крыло и тылъ арміи.

Съ полученіемъ донесенія д'Эрлона, Груши предписалъ Вандамму „не теряя ни минуты, съ мѣстъ, гдѣ застанетъ приказаніе, идти къ Ла-Ферте-Милонъ, откуда слѣдовать чрезъ Ази къ Даммартену. Со всѣми остальными войсками, стоявшими у Суассона, Груши направился къ Виль-Котере. Время было дорого; мы могли сильно поплатиться за безопасность Сульта.

Цитевъ, перейдя у Компіена р. Уазу, двинулся съ 3-мя пѣхотными бригадами за Компіенскій лѣсъ къ Бетенкуру, и направилъ бригаду Пирха 2-го съ кавалеріею къ Виль-Котере. Тильманъ переправился у Компіена, Бюловъ у Понъ-Сенъ-Максенса, занявъ Сенлисъ бригадою; авангардъ оной и отразилъ кирасиръ Келлермана.

Груши, прибывъ поздно въ Виль-Котере, недолго оставался тамъ, и съ разсвѣтомъ выступилъ чрезъ Нантейль къ Даммартену.

Арріергардъ Груши не успѣлъ очистить Виль-Котере, какъ подошелъ Пирхъ 2-й и выгналъ его изъ деревни. Наша аванпостная служба совершалась такъ небрежно, что атака пруссаковъ была для насъ совершенно неожиданна и они захватили одну легкую батарею у самого города. Услыхавъ въ тылу пушечные выстрѣлы, Груши прискакалъ назадъ и подержалъ свой арріергардъ.

Пирхъ 2-й развернулъ бригаду, примыкая лѣвымъ флангомъ къ замку, а правымъ къ Лонгпре. Загремѣла канонада; послѣ тщетной попытки дебушировать изъ Виль-Котере, прус-

саки вдругъ были охвачены съ тылу на своемъ лѣвомъ крылѣ. Исполняя предписанное наканунѣ, Вандамъ двигался съ правою колонною по суассонскому шоссе къ Виль-Котере и атаковалъ пруссаковъ.

Пѣхотная дивизія бросилась на городъ, а бригада кавалеріи обскакала его. Пруссаки были выбиты и опрокинуты къ Бонелю, откуда уже отступили по компіенской дорогѣ къ Крепи (Crespy).

Послѣ нанесеннаго непріятелю удара, Груши продолжалъ отступленіе, предписавъ Вандамму изъ Ферте-Милонъ направиться не къ Даммартену, а слѣдовать на Мо, откуда свернуть чрезъ Ланьи къ Парижу.

Недоходя Нантейля, маршалъ наткнулся на Цитена, занявшаго дер. Левиньонъ. Кирасиры Мильго и корпусъ Рейля, пройдя ранѣе эту деревню, были такимъ образомъ отрѣзаны отъ слѣдовавшей за ними гвардіи. Избѣгая боя, маршалъ послѣ небольшой перестрѣлки, свернулъ влѣво на Ази, откуда дошелъ до Бле, гдѣ сталъ на биваки.

Вечеромъ Рейль и д'Эрлонъ соединились близъ Жонеса у Пать д'Уа, гдѣ сходятся шоссе изъ Сенлиса и Суассона въ Парижъ; и бивакировали у с. Буржъ въ 2-хъ лье отъ Парижа. Корпусъ Рейля сдѣлалъ въ цѣлый день переходъ въ 16 лье (60 верстъ). Д'Эрлонъ подвигался медленнѣе, не имѣя серьезныхъ схватокъ и прикрывая отступленіе.

На другой день, 29 іюня, оба корпуса заняли укрѣпленія къ сѣверу отъ столицы. Гвардія подошла къ полудню; Вандамъ, съ 3 и 4 корпусами, къ вечеру, занявъ позицію на высотахъ Монъ-Ружъ къ югу отъ Парижа.

29-го, главная квартира Блюхера была въ Жонестѣ, корпусъ Булова въ Буржѣ, Цитена въ Бланменилѣ, Тильмана въ Даммартенѣ.

Англійская армія съ своимъ спокойнымъ главнокомандующимъ дошла только до Гурне, Клермона, С.-Мартенъ-Донжо, Понъ-Сенъ-Максева, отставъ на 2½ перехода отъ пруссаковъ.

Будь во главѣ нашей арміи способный и энергическій вождь,

Блюхеръ за свою горячность, а Веллингтонъ за свою медленность дорого бы заплатились.

Оба дѣйствовали такъ вслѣдствіе могущественныхъ поводовъ—причинъ политическихъ. „Я полагаю, что мы придемъ къ желаемой развязкѣ безъ выстрѣла; надѣюсь быть въ Парижѣ ранѣе 1 іюля“, писалъ отъ 28 іюня Веллингтонъ министру Ливерпулю ²³).

---

²³) «The dispatches», et cet.

ГЛАВА XVIII.

Палаты заставили Наполеона отречься вслѣдствіе разныхъ побужденій. Онѣ боялись возвращенія ненавистнаго и гибельнаго для отечества деспотизма; были убѣждены, что пораженный императоръ не въ силахъ постоять за себя; надѣялись, что съ отреченіемъ его отъ престола, можно будетъ вступить въ мирные переговоры и достигнуть того, что территория будетъ очищена непріятелемъ, заключится честный миръ и утвердится правительство, избранное націею.

Союзные государи торжественно объявили, что ведутъ войну съ Наполеономъ, а не съ Франціею, и не навязываютъ послѣдней никакой династіи; декларація формально опровергалась приступленіемъ уполномоченныхъ Людовика XVIII къ союзной конвенціи. Палаты пропустили это важное обстоятельство, забывая, что довѣряться официальнымъ манифестамъ, значитъ часто довѣряться официальной лжи.

Надежды палатъ имѣли основаніе, потому что онѣ объявили, что рука объ руку съ мирными переговорами, будутъ вестись и приготовленія къ оборонѣ. Палаты объявили войну народною, призывая на защиту отечества всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе, утвердили новый заемъ и вручили всѣ суммы въ распоряженіе временнаго правительства, уполномочивъ оное произвести необходимыя реквизиціи, пріостановить дѣйствіе закона о личной неприкосновенности, подвергать заключенію или отдавать подъ надзоръ людей, заподозренныхъ въ желаніи производить смуты и входить въ сношенія съ непріятелемъ.

Крайность нашего положенія оправдывала эти мѣры, напо-

миная энергію того великаго собранія, которое спасло Францію въ отчаянную минуту—сердца бились сильнѣе, мужество начинало охватывать общество. Обнародовать приведенныя мѣры было великимъ шагомъ; но все пропадало, если онѣ тотчасъ же не приводились въ исполненіе. Палаты, положившись на людей избранныхъ членами временнаго правительства, предоставили имъ безконтрольную власть по исполненію издаваемыхъ декретовъ—слабость, неспособность, измѣна подрывали великое дѣло спасенія отечества и парализовали полномочіе правительственныхъ дѣятелей.

Правительство состояло изъ слѣдующихъ лицъ: Фуше, Карно, Кинета, Коленкура и Гренье.

Три первые, старые члены конвента, вотировали смерть Людовика XVI; Коленкуръ былъ главнымъ агентомъ въ Эттенгеймской западнѣ ¹⁾; Гренье, способный генералъ, не имѣлъ никакихъ симпатій къ Бурбонамъ.

Подобнымъ выборомъ палаты ясно выказали, что не желаютъ возстановленія Бурбоновъ. Три царубійцы и главный агентъ въ убійствѣ герцога Ангіенскаго должны были употребить всѣ усилія, чтобы отклонить возстановленіе династіи, грозившее ихъ состоянію и даже жизни.

Палаты были въ томъ увѣрены — но политическая испорченность Фуше была безпредѣльна; Карно былъ лишь тѣнью прошлаго; Кинетъ былъ вялою посредственностью; Коленкуръ совѣмъ упалъ духомъ, а Гренье, вслѣдствіе своей умѣренности, не обладалъ никакою моральною энергіею. Палаты не обратили вниманія на характеристику членовъ. При первомъ же собраніи временное правительство выбрало Фуше президентомъ.

Фуше изъ членовъ конвента ставшій герцогомъ имперіи, уже задумалъ измѣну и принаравливался какъ сойтись съ изгнанною и падшею династіею. Онъ не могъ разсчитывать ни на поддержку своихъ товарищей, ни на помощь членовъ парламента: но слабость тѣхъ и другихъ была ему хорошо извѣстна.

---

¹⁾ т. е. захватъ герцога Ангіенскаго.

Эти люди были нерасположены къ Бурбонамъ, одни изъ матеріальныхъ расчетовъ или изъ боязни за свое соціальное значеніе, если новая династія начнетъ мстить за прежнее; другіе ради привязанности къ революціоннымъ принципамъ, и тѣ и другіе, въ патріотической экзальтаціи, истощили всѣ силы въ двухъ-дневной борьбѣ съ Наполеономъ. Болѣе всего они боялись народнаго вмѣшательства, ставшаго необходимымъ при отчаянномъ положеніи Франціи.

Въ свое трехъ-мѣсячное владычество, Наполеонъ не хотѣлъ, не смѣлъ даже воспользоваться содѣйствіемъ народа. Фуше видѣлъ очень хорошо, что большинство палатъ и всѣ его товарищи по временному правительству не рѣшятся прибѣгнуть къ этому средству; и если не признаютъ положительно Бурбоновъ, то скоро согласятся не говорить противъ ихъ возвращенія.

Для такой цѣли надобно было успокоить наиболѣе скомпрометированныхъ въ событіяхъ 20 марта; польстить инымъ честолюбцамъ, пробудить надежды на миръ, парализовать общественное настроеніе, средства къ защитѣ и ускорить развязку. Фуше принялся работать съ обычнымъ пронырствомъ и неслыханною дѣятельностью.

Достигнувъ званія президента временнаго правительства, Фуше выпустилъ въ тотъ же день изъ тюрьмы одного изъ самыхъ лонкихъ и рѣшительныхъ роялистовъ; и чрезъ него отправилъ эмиссаровъ къ Веллингтону ускорить движеніе союзниковъ къ Парижу, а къ Людовику XVIII, побудить того не отставать отъ союзныхъ армій.

Народныя сходбища, разжигающія страсти массъ, были запрещены; всѣ знаки и рисунки, унижавшіе династію Бурбоновъ, подверглись преслѣдованію; агенты его распространяли въ народѣ безнадежныя, ужасныя вѣсти.

Подъ вліяніемъ Фуше, временное правительство назначило Массену главнымъ начальникомъ Парижской національной гвардіи.

Нѣкогда подъ Цюрихомъ Массена спасъ Францію, потомъ истощилъ послѣднюю энергію въ Португаліи и теперь думалъ

только о томъ, чтобы пользоваться па-досугъ своими, повсюду награбленными, несмѣтными богатствами. Въ первомъ же приказѣ Массена заявилъ какого рода будетъ его дѣятельность: онъ поручилъ національной гвардіи „наблюдать за общественнымъ спокойствіемъ и неприкосновенностью личностей и частнаго имущества“. Выбравъ подобнаго главнокомандующаго, Фуше останавливалъ одну изъ пружинъ оборонительнаго механизма.

Въ тоже время онъ запустилъ лапу въ самое могущественное изъ министерствъ, министерство военное, управляемое Даву.

Даву прославился въ счастливыя и гибельныя для насъ кампаніи имперіи; въ реставрацію держался въ сторонѣ и, не скрывая антипатіи къ Бурбонамъ, говорилъ что, не смотря на пораженіе, мы можемъ и должны защищаться.

Даву отпраздновалъ строжайшія предписанія остановить дезертирство, обнаружившееся, при вѣсти о Ватерлооскомъ разгромѣ, въ полу-вооруженной и полу-одѣтой мобилизованной національной гвардіи, занимавшей гарнизоны по крѣпостямъ; ускорилъ соединеніе войскъ Сульта съ войсками Груши; вручилъ послѣднему предводительство надъ арміею; организовалъ переменный составъ въ депо парижскихъ и въ окрестностяхъ; распорядился отправкою оружія и матеріальныхъ запасовъ въ Лаонъ; предписалъ ускорить призывъ конскриптовъ 1815 г.; думалъ притянуть къ Парижу войска, подавившія Вандейское возстаніе; и приступилъ къ раздачѣ оружія стрѣлкамъ національной гвардіи. Словомъ, всѣ дѣйствія Даву обличали горячаго патріота; но его дѣятельность сначала ослабѣла, потому ступала подъ вліяніемъ Фуше. Маршалъ хитро предувѣдомленный и успокоенный на-счетъ своей участи, при возстановленіи Бурбоновъ, передался измѣннику и обѣщалъ ему свое полное содѣйствіе.

Съ этой минуты все поведеніе Даву переменилось—развитіе оборонительныхъ средствъ остановилось такъ рѣзко, что отъ 8 до 10 т. человекъ, совершенно экипированныхъ въ депо и готовыхъ къ походу, были въ нихъ остановлены. Въ Лаонъ ничего не послали: ни людей, ни артиллеріи, ни оружія.

Даву былъ изъ числа тѣхъ нерѣдкихъ военныхъ людей Наполеоновской школы, которые на поляхъ битвъ выказываютъ чудеса, но забываютъ свой долгъ передъ отечествомъ, легко склоняются на сторону своего личнаго интереса—и среди политическихъ кризисовъ падаютъ духомъ, дѣлаясь игрушкою партій. Подобные люди, принимая участіе въ правленіи, тѣмъ болѣе опасны, что въ одной солдатской храбрости видятъ залогъ гражданского мужества и вѣрности отечеству.

Фуше тотчасъ же чрезъ Даву сталъ дѣйствовать на палаты, не надѣясь на успѣхъ личныхъ внушеній.

27-го іюня, т. е. когда 60 т. человѣкъ французовъ сосредоточилось у Суассона, Фуше собралъ палатные комитеты, членовъ правительственной комисіи и министровъ для обсужденія дѣлъ.

Высказавъ въ нѣсколькихъ словахъ, что сопротивленіе непріятелю не только трудно, но даже чистая иллюзія, онъ предложилъ обратиться къ правдивости, свѣдѣніямъ и опытности Даву. И вызовъ къ маршалу, и отвѣтъ послѣдняго были условлены заранѣе.

Какъ компетентный судья въ оцѣнкѣ имѣвшихся оборонительныхъ средствъ и расположенія умовъ въ арміи, Даву высказалъ убѣжденіе, что оборона невозможна; и, для избѣжанія большихъ золъ, надо покориться необходимости и принять Бурбоновъ. Наконецъ, смягчая убійственный тонъ своихъ сужденій, онъ предложилъ отправить депутацію къ королю, предлагая ему—вступить въ Парижъ съ трехцвѣтною кокардою, безъ иностранцевъ, оставить двѣ палаты и дать гарантіи что ничья личность или имущество не пострадаютъ; всѣ должностныя лица останутся при мѣстахъ, сохранивъ чины, прежнія права, содержаніе и почести.

Общая тревога охватила совѣтъ при внезапной и безнадёжной репликѣ Даву. Четыре товарища Фуше по временному правленію остались словно пораженные громомъ—они надѣялись на энергію и рѣчи Даву, на самого Фуше, отдавъ послѣднему почти все управленіе, подобно палатамъ передавшимъ ему всю исполнительную власть и вдругъ—спустя

пять дней, Фуше и Даву объявляют, что все потеряно. И их позднее сознание, и их предложенія были настоящею измѣною—имѣй совѣтъ хотя долю энергіи, этихъ двухъ фактовъ было достаточно, чтобы обвинить министра и маршала въ государственной измѣнѣ. Карно, Кинетъ, Коленкуръ и Гренъе не рѣшились ни на что и ограничились пустыми и безцѣльными жалобами: преніе стало переходить въ общія мѣста, и склоняться передъ логикою Даву и софизмами Фуше. Фуше закрылъ засѣданіе, предложивъ съ безмолвнаго согласія обоимъ президентамъ палатъ: Камбасареса и Ланжюине, приготовить въ палатахъ адресъ о возстановленіи Бурбоновъ.

Если царевѣйца, Ліонскій проконсулъ и министръ вернувшася Наполеона добился ручательства со стороны Бурбоновъ, то конечно всѣ прочіе могли надѣяться на то же и въ отношеніи къ себѣ. Вѣрили изъ эгоизма—кто же былъ скомпрометированъ болѣе Фуше.

Фуше выбралъ вѣрную дорогу, поставивъ въ подобножъ собраніи вопросъ о невозможности сопротивленія и необходимости изъявить королю покорность.

Неожиданное возвращеніе уполномоченныхъ, посланныхъ въ Лаонъ для заключенія перемирія и, если возможно, для начала переговоровъ, заставило его нѣсколько отступить назадъ.

Мы сказали какой грубый, словесный отвѣтъ далъ Блюхеръ чрезъ своихъ офицеровъ. Веллингтонъ отвѣчалъ письменно, но отвѣтъ его былъ еще болѣе неблагопріятенъ: онъ объявлялъ, что не снабженъ полномочіемъ на заключеніе перемирія и отклонилъ предложенное свиданіе, вѣжливо прибавивъ, что всегда готовъ на оное, если уполномоченнымъ это неуремѣнно угодно, хотя долженъ предвѣстить ихъ, что оно повлечетъ за собою лишь потерю времени.

Но надежда не оставляетъ человѣка въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, и иллюзіи убаюкиваютъ его воображеніе, хотя передъ глазами открывается самая горькая дѣйствительность.

Уполномоченные, поговоривъ съ прусскими офицерами, вы-

несли изъ разговора кое-какія надежды и сообщили ихъ временному правленію.

Оказывалось, что коалиція не имѣетъ непремѣнною цѣлью возстановить Бурбоновъ—пользуясь этимъ, уполномоченные рѣшились отправиться къ союзнымъ государямъ, которые должны были находиться на Рейнѣ къ сторонѣ Мангейма. Кромѣ того уполномоченные надѣялись на многое изъ свиданія съ союзными главнокомандующими, забывая предостереженіе Веллингтона, и просили скорѣе отправить выбранныхъ лицъ въ англійскую и прусскую главныя квартиры, потому что самимъ имъ надо было ѣхать на Рейнъ.

Совѣтъ нѣсколько ободрился при этихъ вѣстяхъ. Открывалась возможность вести переговоры, союзники не навѣяываютъ Бурбоновъ; нечего забѣгать и заискивать передъ послѣдними. Необходимо было тотчасъ же выбрать лицъ для переговоровъ съ союзными главнокомандующими.

Фуше не отважился сдерживать этотъ странный поворотъ общаго настроенія; онъ взялъ назадъ отъ Камбасареса и Ланжюине предложеніе палатамъ; и, продолжая одинъ распоряжаться среди безгласныхъ товарищей, выбралъ агентовъ для переговоровъ—четыре изъ нихъ были почти расположены къ Бурбонамъ, а пятый былъ отъявленнымъ роялистомъ.

Прежніе уполномоченные, не смотря на свои иллюзіи и на то, что торопили отъѣздъ лицъ, выбранныхъ къ союзнымъ главнокомандующимъ, въ тоже время настаивали на необходимости вооруженія, прибавляя наивно, что союзныя арміи повидимому думаютъ идти на Парижъ.

О подобныхъ настояніяхъ даже не сочли нужнымъ разговаривать и совѣтъ разошелся, не смѣнивъ Даву, объявившаго всякое сопротивленіе невозможнымъ.

Почти всѣ члены обѣихъ палатъ скоро узнали про все, происходившее на совѣтѣ. Болѣе рѣшительные и болѣе обезпокоенные отправились къ Фуше за объясненіями, упрекая его въ измѣнѣ; но дѣло кончилось перебранкою, ни одинъ перъ и ни одинъ депутатъ не высказали съ трибуны своихъ по-

дозрѣній. Они боялись встревожить народъ; поднявъ его—уже трудно было овладѣть народнымъ движеніемъ.

Фуше, видя такую трусость кругомъ, чувствовалъ что руки его свободны и съ усердіемъ принялся вести свои интриги. Повѣренные безпрерывно шлялись между его кабинетомъ, главною квартирою Веллингтона и дворомъ Людовика XVIII, слѣдовавшимъ за англійскою арміею.

Фуше вывѣдалъ мнѣніе Груши относительно новой реставраціи—маршалъ былъ противъ. Это препятствіе устранилось само собою; Груши, не надѣясь на себя, и боясь отвѣтственности за безпорядочное отступленіе арміи отъ Суассона къ Парижу, въ чемъ самъ былъ кругомъ виноватъ, подалъ въ отставку. По проискамъ Фуше, его раболѣпные товарищи замѣстили Груши маршаломъ Даву.

Даву, будучи главнокомандующимъ и военнымъ министромъ въ тоже время, могъ рѣшительнѣ парализовать всѣ средства къ оборонѣ. Палаты спокойно пропустили новое назначеніе. Правительственная коммисія предложила имъ объявить Парижъ въ осадномъ положеніи; палаты вотировали это предложеніе вмѣстѣ съ адресомъ къ арміи, дюжиннымъ произведеніемъ, безцвѣтнымъ и холоднымъ; нѣсколько депутатовъ было избрано отправиться къ арміи и одушевить солдатъ.

За пародіею на низложеніе Людовика XVI, слѣдовала пародія на отправку членовъ конвента къ нашимъ арміямъ.

Послѣ этихъ рѣшительныхъ распоряженій, временное правительство или вѣрнѣе Фуше, неуклонно стремившійся къ заданной цѣли, издали новый пагубный декретъ.

Положили оборонять только подступы къ столицѣ одними линейными войсками, расположенными внѣ городской черты; національная же гвардія будетъ блюсти за внутреннимъ спокойствіемъ, и только по особому призыву употребляться для службы внѣшней по-легіонно или по-баталіонно; стрѣлки національной гвардіи займутъ ближніе къ городу посты и вообще будутъ служить вспомогательными войсками для войскъ линейныхъ.

Достойное распоряженіе, принятое 28 іюня вечеромъ, нашло

достойнаго толкователя въ лицѣ Сенскаго префекта Бонди, обратившагося съ прокламаціею къ столичному населенію. Онъ просилъ согражданъ заботиться о безопасности собственной и своихъ семействъ и имущества, оставаясь спокойными въ виду наступающей развязки.

Ни мѣра временнаго правленія, ни подлая прокламація Бонди не остановили вниманія палатъ таково было положеніе дѣлъ, когда 29 іюня Груши привелъ свою армію къ Парижу и расположилъ ее частью на сѣверной сторонѣ города, а частью на южной.

Въ то время какъ въ офиціальномъ мірѣ Даву и Фуше, пользуясь слабостью однихъ и сообщничествомъ другихъ, пролагали путь Веллингтону и Блюхеру, и приготавливали возвращеніе Людовика XVIII, масса парижскаго населенія находилась въ крайнемъ безпокойствѣ и раздраженіи.

Въ городѣ и предмѣстьяхъ толковали объ измѣнѣ; федератисты грозились, войска въ депо выходили изъ себя, стрѣлки національной гвардіи громко требовали оружія, молодежь изъ школъ и кунеческихъ конторъ сформировала роты канонировъ и не скрывала своего нетерпѣнія; національные гвардейцы толпами приходили къ разнымъ военнымъ начальствамъ и просили вести ихъ противъ непріятеля, масса патріотовъ старалась всѣми средствами спасти Парижъ отъ вторичной, позорной капитуляціи.

Прибытіе Груши съ 60 т. арміею поддерживало патріотическое одушевленіе. Въ арміи былъ прекрасный духъ; она только и думала отмстить за свое пораженіе и драться до послѣдняго человѣка. Армія и патріоты, чуждые страха и ненавистной идеи парабощенія отечества, всякую минуту могли разогнать парламентъ и правительственную комисію и организовать новое правительство, которое бы не задумалось слѣдовать великому примѣру португальцевъ, испанцевъ, русскихъ и нѣмцевъ; и тому примѣру, который мы сами доблестно поддали 20 лѣтъ назадъ.

Фуше и Даву не упускали изъ виду ничего. Малѣйшій поводъ—непослушаніе генерала, инициатива нѣсколькихъ граж-

данъ могли сдѣлать многое. Полиція извѣщала Фуше о смятеніи въ народѣ; Даву лично убѣдился въ своей главной квартирѣ Ла-Виллетѣ, въ неудовольствіи и негодованіи войска и многихъ генераловъ; онъ рѣшилъ, не давъ опомниться ни арміи, ни народу, покончить развязкою.

Въ ночь съ 29-го на 30-е, онъ писалъ Фуше: „нельзя терять ни минуты... мы должны провозгласить Людовика XVIII и просить его явиться въ столицу безъ иностранцевъ... я не вижу иныхъ средствъ къ спасенію отечества“.

Спустя нѣсколько часовъ, онъ получилъ въ отвѣтъ почти перефразировку своего письма съ разрѣшеніемъ: „отправитъ на непріятельскіе аванпосты съ предложеніемъ перемирія и жертвовать всѣмъ, чѣмъ позволить честь и долгъ“.

Понятіе о чести и долгѣ, взятое такъ, какъ его понимали Фуше и Даву, было безгранично. Фуше принялъ на себя дать полномочіе маршалу, но счелъ благоразумнымъ втянуть за собою и прочихъ членовъ временнаго правленія. Общая отвѣтственность всегда легче.

Фуше впервые встрѣтилъ что то похожее на сопротивленіе, и послѣ бурнаго совѣщанія, послалъ Даву приказаніе ограничиться только собственно военнымъ перемиріемъ.

Въ этомъ перемиріи разъ уже отказали уполномоченнымъ въ Лаонѣ; они теперь отыскивали союзныхъ государей. Вторые посланные, не давая о себѣ знать въ теченіи 3 дней, вѣроятно встрѣтили такой же неуспѣхъ.

Конечно и Даву грозилъ неуспѣхъ. Впрочемъ кажется маршалъ думалъ иначе, получивъ изъ совѣта извѣстіе, что Сюше телеграфировалъ изъ Шамбери, что имъ заключено трехдневное перемиріе съ австрійскимъ генераломъ Фримомъ; но война должна была рѣшиться не въ Лаонѣ, а подъ стѣнами Парижа. Ясно, что дѣйствія Фримона не могли служить образцомъ Веллингтону и Блюхеру.

Какъ бы то ни было, Даву послалъ просить перемирія къ англійскому и прусскому главнокомандующимъ, извѣщая о происходившемъ въ Лаонѣ и говоря: „союзные полководцы

должны имѣть инструкціи одинаковыя съ тѣми, какія получилъ генераль Фримонъ отъ австрійскаго кабинета.

Говорятъ, Даву искренно желалъ избавить столицу Франціи отъ позора вторичнаго занятія; согласимся, что Даву не кривилъ въ эту минуту душою, но зато онъ выказалъ здѣсь свое ослѣпленіе.

Даву сдѣлалъ все, чтобы задержать и ослабить оборону, повѣривъ Фуше, что правительственная коммисія, палаты, и парижское населеніе, видя невозможность защищаться, призовутъ Бурбоновъ — непріятельскіе же генералы остановятъ свое наступленіе. Но одни, изъ боязни народа, другіе, отъ отвращенія къ Бурбонамъ, не сдѣлали этого призыва: и имѣй Даву хоть долю провицательности, онъ увидалъ-бы, что вводитъ непріятеля въ Парижъ.

Даву послалъ къ Фуше новое требованіе провозгласить немедленно Людовика XVIII; но тотъ, не видя поддержки, не рѣшался брать всю отвѣтственность на себя. Даву вновь убѣдился болѣе нагляднымъ образомъ въ настроеніи умовъ въ арміи.

Мы сказали, что палата депутатовъ вотировала адресъ къ войску. При этой okazji, нѣкоторые генералы рѣшились высказаться. Генераль Фрейсине приготовилъ отвѣтныи адресъ, исполненный ненависти къ Бурбонамъ. Онъ разошелся быстро по рукамъ въ войскахъ, бивакировавшихъ на сѣверной сторонѣ столицы. Почти всѣ генералы подписались подъ нимъ, и самъ Даву, чтобы отвлечь подозрѣніе и для личной безопасности, не отказалъ въ своей подписи.

Положеніе Даву становилось опаснымъ. На сходкѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ помѣщеній главной квартиры, обвиняли Фуше въ измѣнѣ, и генераль Дежанъ предложилъ взять два баталіона, арестовать въ Тюльери президента правительственной коммисіи и разстрѣлять на мѣстѣ. Дежана не послушали, но при первомъ случаѣ этотъ совѣтъ могъ быть приведенъ въ исполненіе. Наконецъ списки съ рѣчи Фрейсине расходились по рукамъ и читались съ жадностью солдатами ¹⁾).

---

¹⁾ Въ рѣчи не упоминалось ни о Наполеонѣ, ни о его семействѣ.

Всякій генераль, сохранившій искру энергіи и патріотизма, воспользовался бы подобнымъ настроеніемъ арміи, хотя бы голова его и была занята химерическою мыслью о перемиріи. Самый убѣдительный способъ сдержать непріятеля — обнаружить передъ нимъ твердую рѣшимость къ битвѣ. Но въ рукахъ Даву кромѣ того были шансы на вѣрную побѣду.

Въ часъ по-полуночи Блюхеръ атаковалъ д. Обервилье съ 8-ю баталіонами и 8-ю эскадронами, въ то время какъ другая колонна производила демонстраціи къ сторонѣ Бонди.

Обервилье лежитъ на правомъ берегу канала С.-Дени, въ полу-лье отъ города, подъ самыми укрѣпленіями. Послѣ упорнаго боя, нашъ баталіонъ былъ выбитъ изъ деревни, и, не получая поддержки, въ порядкѣ отступилъ къ линіи нашихъ ретраншаментовъ. Дѣло заключилось незначущею и продолжительною перестрѣлкою.

Стойкость французскихъ солдатъ и тщательная рекогносцировка нашихъ укрѣпленій убѣдили Блюхера, что даже съ помощью англо-голландцевъ, нѣтъ возможности овладѣть укрѣпленіями.

Англо-голландская армія была еще далеко. Ея авангардъ прошелъ Лувръ днемъ, и къ вечеру она эшелонировалась между Лувромъ и Понъ-Сенъ-Максенсомъ; у послѣдняго, т. е. въ 10 лье отъ пруссаковъ, было массировано болѣе трети всей пѣхоты (3 дивизіи) и вся резервная артиллерія. Въ полдень союзные главнокомандующіе, не смотря на разбросанность своихъ силъ, условились дѣйствовать съ частью войскъ на южной сторонѣ Парижа.

По безпечности Наполеона и Даву, Парижъ на лѣвомъ берегу Сены не былъ обнесенъ укрѣпленіями—съ этой стороны набросали всего три или четыре редута, и работало только 300 рабочихъ.

Фуше извѣтилъ о томъ непріятельскихъ главнокомандующихъ — и они рѣшились дѣйствовать съ юга.

Планъ ихъ заключался въ томъ, что прусская армія перейдетъ на лѣвый берегъ Сены и обложить городъ съ южной стороны, гдѣ подходятъ къ нему холмистыя возвышенія, пре-

сѣчетъ подвозъ припасовъ и отрѣжетъ всѣ сообщенія, въ то время какъ англійская армія смѣнитъ пруссаковъ передъ нашими сѣверными ретраншаMENTами.

Задумавъ планъ, союзники тотчасъ же перешли къ его выполненію.

Корпусъ Тильмана, перешедшій утромъ изъ Даммартена въ Жонесъ, двинулся въ 5 часовъ по-полудни чрезъ Аржантейль, на С.-Жерменъ, имѣя впереди кавалерійскую бригаду Зора ²⁾, чтобы тотчасъ поддержать летучій отрядъ, захватившій мостъ у Пека (La Seine au Pecq), при подошвѣ возвышенности, на коей выстроены С.-Жерменъ.

Корпусъ Цитена двинулся въ 10 часовъ вечера на Мезонъ, деревеньку у моста, лежащую вблизи города того же названія. Французы были на столько не предусмотрительны, что не разрушили здѣсь моста.

Чтобы замаскировать свое движеніе, Цитенъ оставилъ противъ насъ свои аванпосты; корпусъ же Бюлова остался на позиціи.

На слѣдующій день, 1-го іюля, въ 6 часовъ утра, Бюловъ двинулъ чрезъ Аржантейль къ С.-Жермену всю свою кавалерію съ резервною артиллерією и одну пѣхотную бригаду; а съ полудня, по мѣрѣ прибытія англійскихъ войскъ, началъ отправлять и остальные части своего корпуса.

Въ полдень армія Блюхера была расположена слѣдующимъ образомъ: бригада Зора подходила къ Версалу, опередивъ летучій отрядъ, отправленный наканунѣ къ мосту; Цитенъ и Тильманъ у С.-Жермена; Бюловъ съ кавалерією и одною бригадою пѣхоты въ Аржантейлѣ, а остальная часть его корпуса на равнинѣ противъ С.-Дени. Веллингтонъ въ ночь оставался на мѣстѣ, такъ что едва 15 т. англичанъ подходило къ нашимъ укрѣпленіямъ. Треть арміи и вся резервная артиллерія находились еще далеко за Лувромъ; остальные войска были на-маршѣ между Лувромъ и Буржемъ.

---

²⁾ Эта бригада была отдѣлена отъ корпуса Пирха 1-го, оставшагося на Самбрѣ.

Такимъ образомъ объ непріятельскія арміи были разбросаны на протяженіи 15 лье; въ нихъ оставалось, за исключеніемъ всѣхъ отрядовъ, оставленныхъ въ тылу, не болѣе 110 т. человѣкъ: непріятель былъ совершенно въ рукахъ Даву. По офиціальнымъ даннымъ ³⁾, маршалъ имѣлъ 71 т. человѣкъ и въ томъ числѣ 15 т. кавалеріи, 6 т. стрѣлковъ національной гвардіи (маршалъ вооружилъ вдвое больше чѣмъ Наполеонъ) и тысячу мобилизованной гвардіи. Артиллерійской прислуги при укрѣпленіяхъ было достаточно—она состояла изъ полевыхъ артиллеристовъ, морскихъ канонеровъ, инвалидовъ и ротъ воспитанниковъ (номера для наводки орудій были взяты изъ полевой артиллеріи).

Даву еще съ ранняго утра, быть можетъ даже со вчерашняго вечера, узналъ о движеніи прусской арміи. Выступивъ изъ укрѣпленій въ 7, 8 даже 10 часовъ утра, съ 50 т. человѣкъ, онъ могъ совершенно разбить 20 т. корпусъ Бюлова, и, захвативъ англійскія колонны на маршѣ, бить ихъ по частямъ и отбросить англичанъ за Уазу.

Корпуса Цитена и Тильмана, отрѣзанные у С.-Жермена, не ушли бы отъ общей катастрофы.

Блюхеръ, не смотря на свою юношескую запальчивость и сдержанно расчетливый Веллингтонъ очень хорошо понимали весь рискъ предпринятаго марша; но говорятъ, они рассчитывали на бездѣйствіе французской арміи, въ чемъ ихъ завѣрилъ Фуше.

Послушный измѣннику Даву не посадилъ его въ просакъ. Извѣстіе о движеніи пруссаковъ по лѣвому берегу Сены распространилось въ войскахъ. Генералы, офицеры, солдаты ждали съ нетерпѣніемъ, когда ихъ выведутъ въ поле изъ укрѣпленій и громко этого требовали.

Вандамъ доносилъ, что прусскія колонны дошли до С.-Жермена. Даву, рѣшившись не мѣшать непріятелю, чтобы успокоить волненіе, произвелъ слабую атаку на Обервилле и нѣсколько пустыхъ демонстрацій на другихъ пунктахъ, и на-

---

³⁾ Архивъ военнаго министерства. Приложение XV.

писалъ Вандамму, командовавшему всѣми войсками на лѣвомъ берегу Сены, послать Эксельмана къ С.-Жермену чрезъ Версаль, поддержавъ его 3-мъ и 4-мъ пѣхотными корпусами; корпусу д'Эрлона и гвардіи приказано быть въ готовности перейти Сену у моста Нелы. Возвѣстивъ войскамъ, что генеральное сраженіе близко, маршалъ, въ 10 час. утра, уѣхалъ въ Парижъ.

Фуше собралъ въ это время родъ военного совѣта въ Тюльери, и, нуждаясь въ присутствіи маршала, попросилъ его къ себѣ.

Извѣстно, что когда нехотятъ биться, то собираются на военный совѣтъ; можно сказать почти навѣрное, что на подобныхъ совѣтахъ большинство склоняется на сторону трусливыхъ и нечестныхъ мѣръ. Фуше зналъ эту аксіому и тѣмъ съ большею охотою прикладывалъ ее на дѣлѣ, при настоящемъ составѣ совѣта.

На совѣтъ собрались члены правительственной комисіи, министры, президенты, вице-президенты и секретари обѣихъ палатъ, маршалы: Массена, Сультъ, Лефевръ, Груши; генералы: Газанъ, Эвенъ и Мутонъ-Дюверне.

Даву открылъ засѣданіе, въ короткихъ словахъ передавъ о состояніи нашихъ войскъ, собранныхъ подъ Парижемъ, ихъ расположеніи, движеніи непріятеля и заключилъ свой обзоръ выводомъ, что дальнѣйшее сопротивленіе невозможно.

Карно, объѣхавшій съ генераломъ Гренье оба берега Сены, высказался такимъ образомъ: „полевые укрѣпленія, возведенныя на правомъ берегу, безопасны отъ внезапнаго нападенія; но на лѣвомъ берегу они не могутъ остановить непріятеля. Пруссакамъ удалось перенести большую часть арміи на лѣвый берегъ, гдѣ непріятель вѣроятно поведетъ атаку.

Конечно пруссаковъ можно отбить; но, соединясь съ англійскою арміею, они возобновятъ атаку или укрѣнятся на высотахъ, тянущихся отъ Севра влѣво къ Медону, вправо къ С.-Клу; дадутъ время подослѣть прочихъ союзныхъ арміямъ, Парижъ будетъ совершенно обложенъ, подвозы прекращены—и наши отрѣзанныя войска должны будутъ сдаться безусловно“.

По вѣнѣ Наполеона и членовъ правительственной комисіи (въ томъ числѣ и Карно) Парижъ былъ открытъ съ южной стороны; не принявъ пустой предосторожности—не разрушивъ и не охранивъ мостовъ на Сенъ—мы допустили пруссаковъ на лѣвый берегъ.

Но Карно преувеличивалъ—нечего было бояться соединенія армій прусской и англійской, потому что, дѣйствуя рѣшительно, мы уничтожали большую часть прусской арміи; англійскую же армію разбивали и отбрасывали за Уазу.

Пользу наступленія съ нашей стороны признавалъ всякій солдатъ; но если мы оставались на мѣстѣ, обѣ непріятельскія арміи не могли соединиться тамъ, гдѣ указывалъ имъ Карно: онѣ рисковали потерять свои операціонныя линіи, не имѣя возможности выбрать новыхъ.

Мы всегда могли предупредить пруссаковъ на высотахъ между Медономъ и С.-Клу, да если-бы и не предупредили, непріятельская позиція могла быть обойдена чрезъ Сюренъ и Нельи. Карно забылъ, что 15 мѣсяцевъ тому назадъ, 30 марта 1814 года, около 20 т. въ открытомъ полѣ защищали цѣлый день столицу съ сѣвера противъ непріятеля, имѣвшаго вдвое болѣе силъ чѣмъ теперь Веллингтонъ.

Въ настоящее время сѣверная сторона была укрѣплена, и защищаема многочисленною артиллеріею. Оставивъ 12 т. войска въ укрѣпленіяхъ, и прибавивъ къ нимъ 6 т. стрѣлковъ изъ національной гвардіи, можно было смѣло защищаться противъ англійской арміи, сильно пострадавшей подъ Ватерлоо ⁴⁾, а съ 60 т. ударить на пруссаковъ, подходящихъ съ правой стороны.

---

⁴⁾ Отъ 25 іюня Веллингтонъ писалъ Батурсту: «Намъ приходится плохо. Мы не имѣемъ и одной четверти боевыхъ припасовъ; за исключеніемъ моей старой испанской пѣхоты, остальные войска очень плохи, дурно снаряжены, а хуже генеральнаго штаба и быть не можетъ. («The dispatches», t. XII).

Конечно англійскій главнокомандующій представлялъ вещи въ слишкомъ мрачномъ колоритѣ, желая остановить нѣтъ англійскаго министра и побудить къ присылкѣ подкрѣпленій и запасовъ; но тѣмъ не менѣе видно, что англо-голландская армія была сильно разстроена.

Прочія союзныя арміи могли поспѣть къ Парижу только 10-го іюля; въ это время могли прибыть лишь корпусъ баварцевъ и авангардъ русской арміи, находившейся въ данную минуту въ 4-хъ переходахъ за Шалонюмъ-на-Марнѣ. Всего прибывало 60 т. человѣкъ, за коими постепенно прибыло бы до 200 т. русскихъ, виртембергцевъ, австрійцевъ и проч. — сильные резервы шли на подкрѣпленіе этимъ массамъ. Но побѣда надъ пруссаками и англичанами ободрила бы и подняла народъ, одушевивъ его геройскою рѣшимостью. Передъ народнымъ взрывомъ союзныя монархи конечно не рискнули бы доводить дѣло до крайности, и согласились бы на сдѣлку, не унижавшую великую націю. Даже съ самыми громадными средствами, страшно взяться за порабощеніе 25 или 30 милліоновъ.

Послѣ побѣды, разсѣивавшей гнетъ Ватерлооскаго разгрома, мы могли получить болѣе выгодную капитуляцію.

Вотъ возраженія, какія можно было сдѣлать поникшему Карно, когда то управлявшему военными дѣлами въ комитетѣ общественнаго спасенія. Массена, столь энергичный въ былое время, нынѣ же совершенно деморализованный, поддерживалъ Карно; Сульть увѣрялъ, что лѣвый берегъ невозможно удерживать, что укрѣпленія на правомъ берегу могутъ быть легко взяты между С.-Рени и Ла-Виллетомъ, такъ что непріятель ворвется въ Парижъ съ нашими войсками.

Фуше, опираясь на военныя знаменитости, высказалъ, что надо покориться. Среди всей этой мерзости чувство патриотизма и военная гордость заговорили въ старомъ солдатѣ — маршалѣ Лефеврѣ. Онъ стоялъ за то, что можно, что должно защищаться, не прибѣгая къ позорной капитуляціи.

Дюпонъ (Dupont de l'Eure), Тибодо и генераль Газанъ согласились съ нимъ; но никто ихъ не поддерживалъ.

Совѣтъ не рѣшался на абсолютное рѣшеніе вопроса. Лефевръ, доказывая, что сѣверныя укрѣпленія могутъ оказать продолжительное сопротивленіе, спросилъ, когда поспѣютъ укрѣпленія южной стороны; къ вопросу придрались, чтобы не произнести послѣдняго слова. „Подобный вопросъ“, заговорили

въ совѣтъ, „можетъ быть рѣшенъ одними военными, правительственная коммисія передастъ вопросъ на обсужденіе совѣта, созваннаго изъ однихъ военныхъ“.

На этомъ заключеніи совѣтъ разошелся.

Пока длилось совѣщаніе, Эксельманъ снялся съ бивака у Монружа и двинулся къ Версалю, гдѣ показались пруссаки. Кромѣ драгунъ, Вандамъ ему придалъ 8 эскадроновъ конноегерей, 3 эскадрона гусаръ, подъ командою Пире, и одинъ баталіонъ 44 линейнаго полка.

Эксельманъ, хорошо повидимому увѣдомленный о движеніи непріятеля, быстро двинулъ правымъ плечомъ впередъ Пире съ конноегерями и пѣхотою чрезъ Медонъ и Виль д'Овре, приказавъ ему устроить засаду по сень-жерменской дорогѣ за Версалемъ, у с. Роканкуръ; а самъ съ остальною кавалеріею двинулся по дорогѣ на Плесси-Пике.

Прибывъ къ с. Велизи, (1½ лье недоходя Версаля) Эксельманъ наткнулся на кавалерійскую бригаду Зора, силою въ 700 или 800 коней. Охваченная съ фронта и фланга, бригада была опрокинута къ Версалю, гдѣ тщетно пыталась удержаться; встрѣченная въ упоръ ружейнымъ огнемъ горсти храбрыхъ національных гвардейцевъ, подоспѣвшихъ на мѣсто побоища, она бросилась къ С.-Жермену и попала у с. Роканкуръ въ засаду. Въ ожесточенной схваткѣ бригада потеряла своего начальника и $\frac{3}{4}$ людей и лошадей.

Въ дѣлѣ отличился полубаталіонъ стрѣлковъ національной гвардіи, присоединившійся на походѣ къ Пире.

Продолжая маршъ, Эксельманъ прибылъ въ 7 часовъ вечера къ Марли, откуда выступала одна изъ бригадъ Тильманова корпуса—бригада Борке.

Не имѣя достаточно пѣхоты, Эксельманъ уклонился отъ боя и отступилъ чрезъ Версаль къ Монружу, куда прибылъ поздно ночью. Всѣ корпуса, бывшіе подъ начальствомъ Вандамъ, должны были поддержать Эксельмана, но передъ самымъ началомъ движенія они были остановлены Даву.

Потолковавъ съ Фуше въ Тюльери, маршалъ отправилъ войскамъ контръ-приказаніе. Корпусъ д'Эрлона и гвардія,

долженствовавшие дѣйствовать сообща съ Вандаммомъ, были оставлены на бивакахъ.

Негодующіе, оскорбленные, раздраженные насильственнымъ бѣздѣйствіемъ солдаты и офицеры въ лагерѣ громко кричали о измѣнѣ — измѣна была вопіющая.

Подъ шумъ подымавшагося ропота, въ Ла-Виллетѣ, главной квартирѣ Даву, въ 9 часовъ вечера, собрался военный совѣтъ, для рѣшенія вопроса, предложеннаго въ Тюльери маршаломъ Лефевромъ. За этимъ вопросомъ было возбуждено нѣсколько другихъ. Обсудить ихъ правительственная коммисія предлагала всѣмъ наличнымъ маршаламъ, корпуснымъ командирамъ, по назначенію Даву, начальнику артиллеріи, начальнику инженеровъ и генералу Газану.

Заданные вопросы были формулированы слѣдующимъ образомъ:

1) Въ какомъ состояніи укрѣпленія наши на обоихъ берегахъ Сены и каково ихъ артиллерійское вооруженіе?

2) Можетъ ли армія защищать Парижъ на лѣвомъ берегу Сены?

3) Можетъ ли армія одновременно выдержать общее нападеніе?

4) Въ случаѣ пораженія, главнокомандующій имѣетъ ли возможность оборонить самую столицу?

5) Боевыхъ припасовъ хватитъ ли на нѣсколько сраженій?

6) Наконецъ сколько дней можетъ удержаться столица?

Протоколъ совѣщанія, подписанный всѣми наличными членами, долженъ былъ быть отправленъ на ближайшее засѣданіе военного совѣта.

Всѣ проживавшіе въ Парижѣ маршалы собрались на призывъ. Совѣщаніе было очень бурно — мнѣнія раздѣлились; программа, заданная коммисіею, не была соблюдена. Главнѣйшіе вопросы могли рѣшиться лишь отрицательно или неопредѣленно, самое заданіе ихъ показывало, что коммисія разсчитываетъ на неполные отвѣты и думаетъ о капитуляціи, сваливъ все на военные знаменитости.

Въ данную минуту, съ запасомъ большей честности и рѣ-

шимости, можно было отвѣчать на единственный вопросъ: достанетъ ли припасовъ на нѣсколько сраженій, на сколько дней хватить жизненныхъ запасовъ, и есть ли вѣроятность разбить пруссаковъ и англичанъ при неосторожной разброскѣ ихъ силъ?

Люди не трусливаго десятка такъ и хотѣли поставить вопросъ. Всего было вдоволь, по увѣреніямъ начальника артиллеріи, генералъ-интенданта и самого Даву; одного взгляда на карту было довольно для военныхъ, чтобы видѣть, что англичане и пруссаки будутъ отброшены за р. Уазу, слѣдовательно надо было драться и, воспользовавшись представлявшимся случаемъ, побѣдою смить нятно съ арміи и ободрить народъ, чтобы собрать новые ресурсы и добиться болѣе сносныхъ условий мира; если съ приближеніемъ къ Парижу союзныхъ массъ миръ станетъ необходимою, притязанія врага умѣрятся конечно не покорностью.

Никто не отрицалъ, что удача вѣроятна; но многіе, и преимущественно маршалы, говорили что надо рѣшить вопросъ политическій, отнюдь не военный—а политика, по ихъ мнѣнію, требовала немедленнаго возстановленія Бурбоновъ. Съ вступленіемъ на престолъ Людовика XVIII, союзныя арміи должны остановиться и даже очистить занятую территорію. Франція получить свободу, гарантированную хартією и насладится благами мира. Реакціи бояться нечего; гарантією въ томъ доброта и великодушіе короля. Сультъ, Даву, Груши, ставшіе роялистами съ пріѣздомъ въ Парижъ; Массена и другіе повторяли до безконечности, что слѣдуетъ положиться на короля, тѣмъ болѣе, что въ интересахъ послѣдняго забыть недавнее прошлое.

Потомъ, по духу противорѣчія, всѣ они пришли къ убѣжденію, что побѣда раздражитъ союзниковъ и приведетъ къ тому, что Франція должна будетъ безусловно покориться. Совѣщаніе становилось бурнѣе, Даву договорился до того, что сталъ сомнѣваться въ побѣдѣ, потому что всякая битва дѣло случая; при пораженіи же, мы рискуемъ быть вогнанными въ Парижъ и подвергнемъ столицу неисчислимымъ бѣдствіямъ;

центръ промышленности цѣлаго государства, искусствъ, цивилизаціи долженъ быть избавленъ отъ военныхъ случайностей.

Фронтовые генералы, въ особенности Вандаммъ, отвѣчали съ благородною запальчивостію.

Въ побѣдѣ надъ союзниками нѣтъ никакого сомнѣнія; но если допустить противное, и армія будетъ вынуждена запереться въ Парижѣ; то отсюда еще не слѣдуетъ, что надо покориться. Непріятелю будетъ трудно овладѣть городомъ съ 700 т. населеніемъ, гдѣ наша разбитая армія подкрѣпится всѣми патріотами и настроитъ на каждомъ шагѣ баррикады; непріятель навѣрное встрѣтитъ положительную неудачу.

Парижъ составляетъ часть Франціи. Если въ 1814 году 25 или 30 департаментовъ мужественно выносили всѣ тяжести войны, а теперь готовятся къ перенесенію новыхъ, то Парижу стыдно отстать въ патріотизмѣ отъ провинцій.

Честь арміи, честь народа выше всѣхъ памятниковъ, всѣхъ художественныхъ сокровищъ, хотя бы ихъ ждала гибель. Генералы были правы.

Прокляты успѣхи той цивилизаціи, которая ведетъ народъ къ забвенію собственнаго достоинства и клеймитъ его позоромъ безчестной капитуляціи. Славные монахи, неустрашимые защитники Саррагоссы, не беспокоились, что наши гранаты и бомбы, пожгутъ великія творенія Мурилло, Веласкеса и проч., развѣшанныя по монастырскимъ стѣнамъ, они думали лишь о спасеніи отечества. Русскіе, опустошая собственную землю и предавъ пламени священную Москву, явили великій примѣръ въ новѣйшія времена, и подготовили тѣмъ паденіе своего грознаго противника.

Наконецъ эта боязнь за памятники человѣческаго творчества была вовсе неискренна; маршалы частенько не обращали на нихъ никакого вниманія. Одинъ изъ маршаловъ не выдержалъ: „видно что вы не имѣете ни кола ни двора въ Парижѣ“, сказалъ онъ Вандамму.

„Ну, а то что вы имѣете, пріобрѣтено подлостями, вамъ это также хорошо извѣстно какъ и мнѣ“, отвѣтилъ ему Вандаммъ.

Послѣ подобной сцены совѣщаніе не могло продолжаться, оно и безъ того длилось около шести часовъ.

Усталое собраніе разошлось, и Даву воспользовался тѣмъ, чтобы написать отвѣты на вопросы, заданные правительственною комисіею.

Приведемъ ихъ въ подлинникѣ.

Вопросъ 1) состояніе укрѣпленій?

Укрѣпленія на правомъ берегу Сены не окончены, но находятся въ удовлетворительномъ состояніи. На лѣвомъ берегу они ничтожны.

2) Можетъ ли армія защищать Парижъ?

Можетъ, но короткое время. Скоро окажется недостатокъ въ провизіи, и пути отступленія будутъ отрѣзаны.

3) Можетъ ли армія оказать повсемѣстное сопротивленіе?—Трудно чтобы армія была атакована на всѣхъ пунктахъ; но если это произойдетъ, почти нѣтъ надежды на счастливый исходъ.

4) Въ случаѣ пораженія есть ли возможность не впустить непріятеля въ Парижъ?—Ни одинъ главнокомандующій не отвѣчаетъ заранѣе за исходъ битвы.

5) Боевыхъ припасовъ достанетъ ли на нѣсколько сраженій?—Достанетъ.

6) Можно ли ручаться, что столица будетъ пощажена?—Мы не имѣемъ въ томъ никакихъ гарантій.

Этотъ документъ, не представлявшій даже протокола заведенія, былъ помѣченъ: „3 часа утра, въ главной квартирѣ Ла-Виллетъ“, и тотчасъ же отправленъ къ нетерпѣливо ждавшему Фуше. Фуше немедленно созвалъ своихъ товарищей, и тѣ единогласно порѣшили, что сопротивленіе невозможно, и послали Даву приказаніе открыть переговоры.

Утромъ наканунѣ, маршалъ обращался къ Веллингтону и Блюхеру съ просьбою о перемиріи. Оба отказались письменно, но въ совершенно различныхъ выраженіяхъ.

Веллингтонъ выражалъ свое сожалѣніе, что не можетъ остановить пролитія крови, потому что обязавъ слѣдовать инструкціямъ союзныхъ государей. Блюхеръ, давъ волю своей гру-

бости, ненависти и гнѣву, объявлялъ, что хочетъ воспользо-
ваться побѣдою, грозилъ Парижу всѣми ужасами приступа,
отвергалъ всякое перемиріе, пока не сдастся столица, и го-
ворилъ, что хочетъ занять Парижъ, чтобы защитить тамъ
порядочныхъ людей отъ сволочи ⁵⁾.

Блюхеръ помнилъ бюллетени имперіи, не щадившіе даже
прусской королевы, и оплачивалъ нашему честному населенію
за безумныя ругательства, которыми Наполеонъ осыпалъ нѣ-
когда нѣмецкихъ патріотовъ. Такъ непомѣрное честолюбіе
одного человѣка породило и укрѣпило ту международную не-
нависть, отъ которой Франція гибла вторично.

Перенесъ главную квартиру въ С.-Жерменъ, Блюхеръ сооб-
щилъ Веллингтону о своемъ отвѣтѣ Даву.

Англійскій генералъ, съ обычнымъ спокойствіемъ и прису-
щимъ ему вѣрнымъ взглядомъ, остался очень недоволенъ и,
стараясь образумить союзника, написалъ къ нему письмо, бро-
сающее яркій свѣтъ на положеніе дѣлъ.

Жонесъ, 2-го іюля 1815 года.

„Съ тѣми силами, какія находятся теперь въ нашемъ рас-
поряженіи, мы слишкомъ рискуемъ при нападеніи на Парижъ.
Я совершенно убѣжденъ, что атака съ сѣверной стороны не
представляетъ ни малѣйшаго шанса на успѣхъ. Мнѣ нужно
два раза переправиться чрезъ Сену и достичь Булонскаго
лѣса, прежде чѣмъ отважиться на атаку; но и въ случаѣ
успѣха потери наши будутъ очень велики.

Въ крайнемъ случаѣ можно пренебречь потерю, по подоб-
ной крайности пока нѣтъ. Выждавъ нѣсколько дней, мы дож-
демся фельдмаршала князя Вреде, а съ его арміею придутъ
союзные государи, они рѣшатъ все сами; въ противномъ слу-
чаѣ мы можемъ достичь результата, только заключивъ съ не-
пріятелемъ перемиріе.

Я полагаю, что подобное перемиріе можетъ быть заключено
не иначе какъ на слѣдующихъ условіяхъ:

---

⁵⁾ Wir wollen in Paris einrücken, um die rechtlichen Leute in Schutz zu nehmen gegen die Plünderung, die ihnen von Seiten des Pöbels droht.

- 1) Мы останемся на занятых позиціяхъ.
- 2) Французская армія очистить Парижъ и отступить за Луару.
- 3) Впредь до королевскаго повелѣнія, охраненіе Парижа поручается національной гвардіи.
- 4) Обѣ стороны предваряются заблаговременно передъ началомъ военныхъ дѣйствій.

Конечно намъ не достанется въ удѣлъ мишурная слава—вступить въ Парижъ съ боя во главѣ нашихъ побѣдоносныхъ армій; но я уже имѣлъ случай объяснить Вашей Свѣтлости, что успѣхъ нападенія сомнителенъ: если же мы отложимъ нападеніе до прибытія войскъ фельдмаршала князя Вреде, а съ ними и союзныхъ государей, то послѣдніе, вѣроятно, по примѣру прошлаго года, пожелаютъ пощадить столицу своего союзника, городъ не будетъ вовсе занятъ или если занятъ, такъ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ мы можемъ занять его сегодня.

Прошу Вашу Свѣтлость внимательно обсудить мои доводы, и увѣдомить меня о послѣдующемъ съ вашей стороны рѣшеніи ⁶⁾“.

Такимъ образомъ, Веллингтонъ вполне оправдывалъ доводы генераловъ, противившихся заключенію капитуляціи на военномъ совѣтѣ въ Ла-Виллетѣ, и высказывался противъ Фуше и членовъ правительственной комисіи, уполномочивавшихъ Даву на заключеніе капитуляціи.

Маршалъ Даву воспользовался полномочіемъ, зная что негодующая армія, узнавъ о бурныхъ сценахъ на военномъ совѣтѣ, ежеминутно можетъ разразиться страшнымъ взрывомъ военнаго бунта. Онъ отправилъ, только что назначеннаго къ Вандамму начальникомъ штаба, генерала Реве къ Блюхеру — предложить ему не простую остановку военныхъ дѣйствій; но договориться о очищеніи Парижа и отступленіи французской арміи.

Вѣроятно французскій маршалъ потому вторично обращал-

---

⁶⁾ «The dispatches», et cet.

ся къ Блюхеру, что тотъ оскорбилъ Даву и парижское населеніе; хотя въ настоящую минуту прусская армія могла дорого поплатиться за заносчивость и неумѣренность своего главнокомандующаго.

Сдѣлавъ ночной маршъ, корпусъ Бюлова, утромъ 2-го іюля соединился у С.-Жермена съ корпусами Цитена и Тильмана—авангардъ Тильмана былъ выдвинутъ къ Роканкуру.

Англійская армія почти вся успѣла сосредоточиться на равнинѣ С. Дени; англійскіе понтонеры были отправлены для наводки моста у Аржантейля, а пруссаки чинили мосты у Безона и Шату, сломанные жителями. Все это дѣлалось съ цѣлью возстановить ближайшее сообщеніе между обѣими союзными арміями и уничтожить крѣпость на С.-Жерменѣ.

Блюхеръ продолжалъ свое движеніе для обложенія Парижа съ южной стороны.

Не смотря на устройство сказанныхъ трехъ мостовъ, обѣ массы союзниковъ находились на разстояніи болѣе 8 лье (30 верстъ) другъ отъ друга (отъ С. Дени до Монружа).

Прусская армія шла двумя колоннами: лѣвая (корпусъ Цитена) тянулась на Виль д'Овре, Севръ, Медонъ; правая (корпусъ Тильмана) на Роканкуръ, Версаль и Велизи: за нею подвигался корпусъ Бюлова. (См. карту № 7).

Движеніе начали поздно и совершали медленно. Цитенъ, оттѣснивъ наши аванпосты изъ Виль д'Овре, прибылъ къ Севру; занятому 3 баталіонами, только въ 3 часа по-полудни. Цитенъ двинулъ въ атаку бригаду Штейнмеца, поддержалъ его бригадами Пирха II и Генкеля, оставивъ свою четвертую бригаду (Ягова) наблюдать за Сень-Клу, гдѣ находился французскій отрядъ.

Мы защищали Севръ отчаянно. Не смотря на чрезмѣрное превосходство силъ, пруссаки выбили насъ только черезъ два часа, а тѣмъ временемъ мы успѣли взорвать мосты въ Севрѣ и С. Клу.

Продолжая движеніе, Цитенъ притянулъ Ягова; и, оставивъ Генкеля въ Севрѣ, направилъ Штейнмеца на Молино, а Пирха II-го на Медонъ. Оба пункта были захвачены; Ван-

дамъ, прибывшій въ дѣло, попытался отбить Молино; но попытка эта, произведенная горстью людей, не имѣла успѣха и мы отступили на Исси. Не смотря на приближеніе ночи, Цитенъ рѣшился выбросить оттуда нашу дивизію. Штейнмецъ и Пирхъ II бросились на деревню и къ полуночи удержали ее за собою. Вандаммъ нарочно подготовилъ успѣхъ врага. Утромъ, проѣздомъ чрезъ Парижъ, онъ видѣлся съ Фуше и поддался его вліянію; его вчерашняя энергія ослабѣла и онъ примирился съ мыслью о капитуляціи.

Пирхъ II расположился бивакомъ въ Исси, Штейнмецъ у мельницы Кламаръ, Яговъ въ Медонѣ, Генкель въ Молино. Изъ войскъ Тильмана одна бригада остановилась въ Шатильонѣ, двѣ бригады въ Велизи и бригада между Шатене и Ско.

Корпусъ Бюлова сталъ въ Версалѣ, Монтрейлѣ и Роканкурѣ.

Съ своей стороны Веллингтонъ 2-го іюля разбросалъ одну пѣхотную дивизію у Аржантейля, Аньера, Курбвуа и Сюрена, наблюдая за Нейльскимъ мостомъ.

Даву понималъ, что Блюхеръ не остановится у С.-Жермена. Онъ долженъ былъ слѣдить за непріятельскимъ маршемъ—что конечно было вовсе не трудно.

Рѣшившись воспользоуваться своимъ центральнымъ положеніемъ, прикрываясь Сеною и Булонскимъ лѣсомъ, къ 3 часамъ по-полудни онъ могъ перейти на лѣвый берегъ по мостамъ Севрскому и Сентъ-Клу со всѣми войсками, безъ которыхъ можно было бы обойтись при защитѣ нашихъ сѣверныхъ укрѣпленій; дѣйствуя за одно съ Вандаммомъ, маршалъ съ 50 или 60 тысячами раздавилъ бы корпуса Цитена и Тильмана, имѣвшіе только 35 т., и, двинувшись далѣе, нанесъ-бы пораженіе корпусу Бюлова, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ уйти на правый берегъ Сены. Веллингтонъ успѣлъ бы лишь принять остатки разбитой прусской арміи и конечно поспѣшно отступилъ-бы за р. Уазу.

Подобный рѣшительный результатъ былъ не только возмо-

женъ, но вѣреть; Даву не захотѣлъ его, связанный словомъ Фуше, который поручился за бездѣйствіе арміи.

Постыдное поведеніе Даву довело его въ тотъ же день до новаго и тяжелаго униженія. Генераль Реве, остановленный на аванпостахъ Читена, не доѣхалъ до Блюхера.

Цитенъ, выслушавъ нашего посланнаго, отправилъ его назадъ въ Парижъ съ письмомъ къ Даву, гдѣ писалъ, что съ своей стороны не смѣетъ даже переслать Блюхеру подобныхъ предложеній, потому что перемиріе возможно въ единственномъ случаѣ—при сдачѣ столицы и французской арміи.

Даву прочелъ отвѣтъ, клеймившій его и армію, и даже не думалъ объ отплатѣ. Наглость врага въ безчестномъ сердцѣ не пробуждала ничего кромѣ боязни—какъ угодить союзникамъ, не возбудивъ ни мятежа въ народѣ, ни бунта въ арміи.

Фуше перепугался и отправилъ своихъ агентовъ къ Веллингтону и Блюхеру, заклиная ихъ не доводить до отчаянія народъ и войско: „мы едва сдерживаемъ населеніе и солдатъ“, говорилъ Фуше, „взрывъ неминуемъ и противъ насъ, и противъ васъ—если рѣчь коснется сдачи“.

Къ Блюхеру поѣхалъ агентомъ генераль Троменъ ¹⁾, тотъ самый, который дезертировалъ изъ арміи въ Лаонѣ. Къ Веллингтону отправился англичанинъ Масеронъ (Masion), бывший адъютантъ эксъ-короля Мюрата. Первый прибылъ ночью въ Версаль, гдѣ была главная квартира прусской арміи; второго задержали на нашихъ аванпостахъ и едва не разстрѣляли.

Даву, продолжая обманывать армію обѣщаніемъ битвы, подобно тому какъ Фуше водилъ за носъ парижское населеніе, приказалъ Вандамму произвести пустую демонстрацію по фронту нашей позиціи.

Лѣвое крыло Вандаммы находилось въ Жентильи, центръ въ Монружѣ, правое крыло за Вожираромъ. Съ разсвѣтомъ одна дивизія была двинута на Исси, баррикадированную прус-

---

¹⁾ Генераль Троменъ командовалъ бригадою въ корпусѣ Лобау.

саками; насъ отбили; затѣмъ, усилившись еще дивизією, мы снова пошли впередъ и снова были отбиты, потому что Цитенъ ввелъ въ дѣло почти цѣлый корпусъ, въ то время какъ Вандамъ дѣйствовалъ лишь незначительными силами.

Среди этого бесполезнаго кровопролитія, къ Вандаму подъѣхалъ Тромеленъ, вернувшійся отъ Блюхера, въ свитѣ коего онъ ѣхалъ до Медона.

Въ 7 часовъ утра огонь вдругъ прекратился. Блюхеръ наконецъ согласился на доводы Веллингтона, Фуше, и смягчилъ свои требованія. Тромеленъ ѣхалъ къ президенту правительственной комисіи, съ увѣдомленіемъ что остается только назначить уполномоченныхъ и отправить ихъ въ С.-Клу для переговоровъ, гдѣ въ 4 часа по-полудни они найдутъ союзныхъ уполномоченныхъ.

Главными основаніями для негоціаціи были—сдача Парижа и отступленіе французской арміи за Луару.

Позорная новость рознеслась по войскамъ... громовыя проклятія раздались противъ Даву, Вандамъ, разныхъ маршаловъ и генераловъ, противъ Фуше и временнаго правительства.

Войска кричали, что они проданы, называли сколько заплачено измѣнникамъ ^{*)}. Парижское населеніе волновалось—особенно шумѣли въ предмѣстьяхъ федератисты и стрѣлки національной гвардіи, но весь этотъ гамъ остался безъ послѣдствій, потому что не нашлось смѣльчака, который взялъ бы на себя починъ народной расправы.

Уполномоченные собрались по условію, въ 4 часа по-полудни, во дворцѣ Сенъ-Клу. То были: прусскій генераль Мюффлингъ, англійскій полковникъ Гервей, назначенный послѣ отреченія Наполеона министромъ иностранныхъ дѣлъ Биньонъ, новый начальникъ главнаго штаба Гильемино и префектъ Сенскаго департамента Бонди.

Блюхеръ и Веллингтонъ присутствовали на конференціи.

Конференція долго длилась; наконецъ была заключена капитуляція, гдѣ даже не упоминалось про Францію. Дѣло ка-

---

^{*)} «Souvenirs militaires», генерала Бертезена.

салось лишь Парижа и арміи—столицѣ гарантировали неприкосновенность личностей и имущества, частнаго и казеннаго, за исключеніемъ военныхъ припасовъ; а армія должна была въ теченіи трехъ дней оставить свои позиціи кругомъ Парижа, а въ теченіи 8 дней удалиться за Луару.

Замѣчательное сочетаніе событій. Во дворцѣ Сенъ-Клу, гдѣ побѣдоносный непріятель теперь предписывалъ условія, до коихъ насъ довели ошибки императорскаго правленія, когда то обдумывался заговоръ 18 Брюмера, положившій начало властвованію Наполеона или, по мнѣнію его апологистовъ, начало спасенію Франціи. Капитуляція, немедленно ратификованная союзными главнокомандующими, спустя два часа была утверждена Даву, коему Фуше предоставилъ и честь и отвѣтственность за нее.

Въ 11 часовъ капитуляція была передана изъ правительственной комисіи въ палаты. До послѣдней минуты палаты всячески избѣгали вмѣшиваться въ дѣла; на скамьяхъ раздавался говоръ: „Фуше захватилъ всю власть! Фуше измѣняетъ!“ но тѣмъ не менѣе представители все ждали конца. Не рѣшаясь сами принимать на себя инициативу интриги, они предоставили начать и вести ее Фуше. Одни полагали, что единственное средство спасти Францію отъ раздробленія—устроить либеральную сдѣлку съ Бурбонами; другимъ надобли всякія тревоженія; иные потеряли всю надежду на возможность сопротивленія или боялись народнаго вооруженія. Вотъ причины, которыя привели къ развязкѣ, единственной въ исторіи.

Палата перовъ собиралась ежедневно на короткое время послушать болтливое ворчанье на ходъ военныхъ дѣйствій и тѣ доклады, какіе угодно было правительственной комисіи сообщать ей.

Палатѣ депутатовъ также сообщались въ маленькихъ листочкахъ военныя извѣстія; затѣмъ она аплодировала разнымъ патріотическимъ адресамъ, поступавшимъ отъ федеративовъ изъ Парижа и департаментовъ, отъ школъ и т. п.; выслушивала словесные доклады своихъ делегатовъ, посылаемыхъ безъ всякаго полномочія къ арміи или разсуждала о

новой конституціи для Франціи. Напрасно за послѣднее упрекали палату. Депутаты здѣсь не виноваты — вина ихъ въ томъ, что они небрегли и не заботились о защитѣ отечества.

Конвентъ, среди опасностей и въ виду грозившей гибели, тоже разсуждалъ о конституціяхъ — но никто не говорилъ противъ того, потому что въ немъ подобныя разсужденія шли рука объ руку съ энергическою обороною и побѣдами.

Капитуляція въ Сень-Клу, ожидаемая многими, возбудила въ палатахъ только униженныя пренія. Фуше снаровился прислать вмѣстѣ съ капитуляціею двѣ прокламаціи Людовика XVIII изъ Камбре отъ 25 и 28 іюня. Послѣдняя обѣщала полную амнистію за все совершившееся послѣ 23 марта, т. е. дня, когда король переступилъ границу Франціи. Изъ амнистіи были исключены лишь коноводы произшествій 20-го марта; затѣмъ обѣщалось не только оставить хартію, но разширить ея либеральное примѣненіе, а странѣ, встревоженной возстановленіемъ десятины и феодальныхъ правъ, было обѣщано уважать права всѣхъ, владѣвшихъ національными имуществами.

Прочтеніе прокламаціи въ палатахъ было смертнымъ приговоромъ или проскрипціею для многихъ слушателей; но несчастье ближняго трогаетъ лишь благороднаго человѣка. Большинство членовъ съ почти нескрываемою радостью приняло торжественныя обѣты короля; зная, какъ король, два дня тому назадъ въ замкѣ Арнувиллѣ, вблизи Парижа, подтвердилъ ихъ многимъ лицамъ, явившимся заявить свои вѣрно-подданныческія чувства къ его особѣ.

Мы довольно уже сказали о томъ позорѣ, какимъ покрывала заключенная капитуляція армію, Парижъ и Францію.

Палаты, изъ благоразумія и страха народнаго взрыва, положили, что на первомъ публичномъ засѣданіи о королевскихъ прокламаціяхъ не упомянуть, напротивъ дѣло каснется одной капитуляціи—онѣ понимали что передавая фактъ, надо умолчать о причинахъ его породившихъ.

На разсвѣтъ наши аванпосты были смѣнены прусскими и англійскими.

Палаты на публичномъ засѣданіи высказались тѣже, что и на тайномъ. Ни одинъ протестъ не раздался въ рядахъ представителей; напротивъ многіе вотировали адресъ къ арміи, осыпая ее похвалами и обѣщая связать свою судьбу съ судьбою войска; этотъ адресъ долженъ былъ быть отправленъ съ wybranными членами. Затѣмъ палаты перешли къ обсужденію проекта новой конституціи.

Начались приготовленія къ очищенію Парижа. Верки были разоружены и пушки отправлены за Луару; за ними потянулись парки. Войскамъ приказано также выступить. Общее негодование встрѣтило эти мѣры. Офицеры и солдаты срывали свои мундиры, ломали шпаги и ружья и покидали выданные знамена; въ лагерь собирались кружки, осыпая проклятіями генераловъ, хлопотавшихъ о порядкѣ; кричали что надо идти въ Парижъ и расправиться тамъ съ измѣнниками. Сборища офицеровъ думали протестовать противъ капитуляціи, выбрать какого нибудь извѣстнаго генерала, и просить его принять начальство и вести армію на врага.

Дезертиры разнесли извѣстія о всемъ этомъ по городу. Волненіе начало охватывать жителей. Толпы федератистовъ собрались въ предмѣстьяхъ и двинулись къ центру столицы съ криками: „долой измѣнниковъ!“ Стрѣлки національной гвардіи и солдаты, оставившіе казармы, бродили по улицамъ, ружейные выстрѣлы наводили тревогу—уже казалось что правительство и палаты съ ихъ капитуляціею, падутъ среди раздраженія народа и войска.

Но эти вспышки были послѣдними судорогами издыхающаго организма.

Вождя не явилось передъ войсками, и солдаты начали утихать, стрѣлки національной гвардіи стали расходиться; а 12 легионовъ національной гвардіи сами разогнали народъ върѣя тому, что масса гражданъ, пламенно стремившаяся отстоять за унижаемое отечество, думаетъ только о грабежѣ. Клевету выпустилъ Блюхеръ, французы подхватили ее—исторія доказала потомъ ее настоящее значеніе; но тогда и исторія породнилась съ измѣною, съ слабостью, съ подлостью, съ че-

столюбіємъ, клеймя духъ самоотверженія и разумнаго, живаго патріотизма.

Утромъ 6-го іюля англичане и пруссаки заняли всѣ парижскія заставы—послѣднія колонны французской арміи потянулись къ Луарѣ.

Опять повторимъ, что въ этой арміи было 71 т. человѣкъ (въ томъ числѣ 15 т. кавалеріи) съ 200 орудій.

Корпусъ Раппа въ это время отступилъ къ Страсбургу, корпусъ Лекурба къ Бельфору.

Ни тотъ, ни другой не получили приказа Наполеона изъ Филиппвиля отъ 19-го іюня, гдѣ императоръ призывалъ ихъ къ Парижу и Ліону.

Самый приказъ было трудно исполнить, когда союзники, при первыхъ извѣстіяхъ о кампаніи въ Бельгіи, перешли Рейнъ и Мозель. Сюше, послѣ 3-хъ дневнаго перемирія, отступилъ къ Ронѣ, Ламаркъ, умиротворивъ Вандею, оставался въ ней, не получивъ, подобно Раппу и Лекурбу, никакого приказанія.

Брюнъ, тѣснимый съ фронта корпусомъ піемонтскихъ войскъ, и обезпокоиваемый съ фланга бандою въ 4 или 5 т. возставшихъ жителей Дофине и провансальцевъ, отошелъ къ Тулону. Марсель, при первомъ извѣстіи о битвѣ при Ватерлоо, поднялъ бѣлое знамя и прогналъ гарнизонъ и должностныхъ лицъ: убійства, прелюдіи страшныхъ сценъ въ будущемъ, знаменовали роялизмъ города. Къ сторонѣ Пиринеевъ Декенъ и Клозель не были угрожаемы атакою; но роялистское движеніе охватило весь югъ Франціи.

7-го іюля Блюхеръ и Веллингтонъ заняли Парижъ.

Черезъ пятнадцать мѣсяцевъ столица Франціи снова доставалась въ руки иностранцевъ. Королевская власть въ теченіи вѣковъ умѣла защитить городъ отъ подобнаго униженія, хотя непріятельская граница отстояла всего на 40 лье отъ Монмартра; республика защитила его побѣдами среди критическаго положенія и отразила коалицію — лишь одна имперія, выходами безумнаго властолюбія, возбудивъ противъ насъ

народы, аристократію и властителей Европы, показала, что Парижъ не заколдованъ.

Въ ночь на 8-е іюля, Блюхеръ отправилъ отрядъ въ Тюльери, выгнать оттуда членовъ правительственной коммисіи; дворець Бурбонъ тоже заперли, и депутаты, явившись сюда на засѣданіе, поняли тогда, что жалкая комедія, которую съиграли они, кончилась; и ихъ трусливая, близорукая, измѣническая роль къ несчастію не нашла себѣ достойной кары.

Министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ префектамъ циркуляръ, гдѣ было сказано: „союзные главнокомандующіе торжественно обязались не посягать на наши установленія, не задѣвать нашихъ интересовъ, не мѣнять нашего трехцвѣтнаго знамени“.

Въ тотъ же день бѣлый флагъ развѣвался надъ Тюльери. Людовикъ XVIII въѣхалъ въ Парижъ занять тронъ, покинутый 3½ мѣсяца тому назадъ. Онъ пробрался во дворець, съ своимъ новымъ министромъ Фуше, чрезъ прусскіе биваки, находившіеся на Карусельной площади и въ Тюльерійскомъ саду.

Непріятель и ренегать-цареубійца, возвеличенный имперіею— вотъ возстановители второй реставраціи.

Фуше скоро дождался послѣдней награды за свое стараніе— смерти въ постыдномъ изгнаніи.

Непріятель потребовалъ выкупа. Выкупъ былъ тяжелъ.

Милліонъ европейскихъ солдатъ кормился 4 мѣсяца на нашъ счетъ въ нашихъ 60 департаментахъ; 18 крѣпостей, въ теченіи трехъ лѣтъ, были заняты 150 т. арміею союзниковъ, жившихъ на наши деньги; съ насъ потребовали контрибуцію въ 700 м. франковъ, но она дошла до милліарда съ разными удовлетвореніями иностранныхъ правительствъ и частныхъ лицъ; граница 1789 года была возстановлена и область съ ½ милліономъ французовъ отошла отъ насъ. Вотъ чѣмъ расплатились мы съ коалиціею; недоставало только чтобы она, по примѣру неразумныхъ триумфовъ Наполеона, отняла отъ насъ цѣлую область.

Потери деньгами была ужасна, территоріальная потеря

грустна, но все это мало значило въ сравненіи съ другими послѣдствіями иноземнаго торжества: знамена Франціи были опозорены; наша военная слава померкла; наше нравственное вліяніе, покачнувшееся сильно еще въ 1814, надолго потеряло всякое значеніе; кровавая реакція раздирала югъ государства; жестокіе, насильственные законы объявлялись и исполнялись; два года терроръ царилъ надъ страной, покуда самъ король не отступилъ передъ этими ужасами.

Такъ заключилось событіе 20 марта. Оно удивительно и быстротою успѣха и скоростью паденія; оно навлекло на Францію рядъ несчастій.

Герой событія также принесъ очистительную жертву.

Наполеонъ, вынужденный отречься, оставался во дворцѣ Элизе—Бурбонъ, мучительно прислушиваясь въ перипетіяхъ властолюбія, не воодушевится ли народъ и войско? не вернуть ли ему съ тоскою сложенную корону, но все оставалось по прежнему; и лишь говоръ толпы, собиравшейся передъ дворцемъ, не изъ преданности, а изъ любопытства, доносился до слуха падшаго императора.

Послѣ 3-хъ дневнаго напраснаго ожиданія, Наполеонъ долженъ былъ исполнить требованіе Фуше отъ имени палатъ, едва прикрытое формою совѣта, и удалился въ Мальмезонъ, свою прежнюю консульскую резиденцію, послѣ побѣды при Маренго.

Здѣсь за нимъ смотрѣли почти какъ за плѣнникомъ; но стараясь этого не замѣчать, Наполеонъ, при извѣстіи о переходѣ пруссаковъ чрезъ Уазу и приближеніи къ Парижу, просилъ временное правительство, поручить ему армию какъ простому генералу, увѣряя что не ищетъ иной роли. Но Фуше съ товарищами, понимая значеніе этихъ увѣреній, наконецъ не желая остановиться на полу-дорогѣ, грубо отказали надшему монарху; Фуше употребилъ всѣ уловки, чтобы тотъ отправился въ Рошфоръ.

Здѣсь Наполеонъ могъ спастись почти навѣрное; но нерѣшительность не оставила его и здѣсь, какъ не оставляла въ дни Ватерлооской кампаніи; надежда на спасеніе исчезла, и,

чтобы не попасть въ руки Бурбоновъ, ожесточенныхъ смертію одного изъ своихъ принцевъ, онъ долженъ былъ искать убѣжища на англійской эскадрѣ.

Къ принцу-регенту и народу, столько разъ публично оскорбляемому, обратился онъ съ просьбою жить въ Англіи частнымъ человѣкомъ. Просьба не была принята. Конгрессъ государей заранѣе уже опредѣлилъ его жребій: пощадить жизнь, но отпавить подъ надзоромъ, въ тѣсный уголокъ, почти тюрьму безъ семьи, почти безъ друзей, въ убійственный климатъ. Такъ порѣшили монархи, и Англія взялась это выполнить.

Страшный конецъ великаго человѣка и великаго царствованія возбудилъ ожесточенные возгласы, горькія жалобы и сѣтованія на его судьбу. Исторія, поэзія, театръ, памфлетъ, литература находили въ ней неистощимую тему для вдохновенія. Но забывалось одно—этотъ человѣкъ шелъ къ одной цѣли: собственному величію; а царствованіе его два раза ставило Францію на край гибели.

Люди забывали ошибки, заблужденія, преступленія, они вмѣсто истины воспроизвели басню; видятъ мученика, гдѣ есть только искупленіе: и, благодаря этимъ фантазіямъ, чловѣкъ, опустошившій Европу, поработившій народы, истощившій силы Франціи, возбудившій непримиримыя антипатіи, погасившій свѣточъ революціи, вернувшій Францію къ злоупотребленіямъ прежняго времени, сталъ въ преданіи ангеломъ-избавителемъ народностей, мессіею прогресса и цивилизаціи.

Къ счастью начинаютъ разставаться съ этими невѣроятными иллюзіями.

Жребій Наполеона представляется наказаніемъ, ниспосланнымъ ему въ искупленіе провидѣніемъ.

Всѣ религіи и внутреннее чувство человѣка сходятся въ томъ, что въ жизни загробной каждому воздается по дѣламъ его; идея эта утѣшаетъ людей праведныхъ и угнетенныхъ; однако вѣра въ нее колеблется и зарождается скептицизмъ при видѣ того, какъ зло торжествуетъ на свѣтѣ. Нужно, необходимо нужно, чтобы и въ здѣшней жизни были примѣры, какъ великіе виновники, оскорбляющіе чловѣчество и чловѣчность,

честолюбцы, жертвующіе всё́мъ своему эгоизму, падали иногда съ высоты величія въ бездну несчастія. Жалѣть такого чело-вѣка, значитъ поддаваться чувству ложнаго великодушія, оскорблять небесное правосудіе и ободрять всё́хъ тѣхъ, кто мечталъ бы о подражаніи.

Скажу о себѣ—я холодно смотрю на Наполеона, заброшен-наго на пустынную скалу, среди океана; я берегу чувство жа-лости для жертвъ его честолюбія. Я плакалъ осматривая тѣ поля сраженій, гдѣ лежатъ тысячи нашихъ солдатъ, погиб-шихъ здѣсь въ чадѣ ефемернаго успѣха, тамъ среди грозно-разразившейся катастрофы.

Ватерлооскій разгромъ до сихъ поръ позорить насъ, скры-ваться тутъ нечего; хотятъ видѣть послѣднюю борьбу цѣлаго гибнущаго народа, тамъ гдѣ бились лишь полководецъ и армія: полководецъ, истощившій свой военный геній въ вак-ханаліяхъ деспотизма и армія, слабая числомъ, не имѣвшая за собою резервовъ, неприготовленныхъ вслѣдствіе непонятной медленности въ спѣшную пору, когда все должно было вы-пѣть для обороны, и вслѣдствіе уклончивой, парализующей живую жизнь народа, политики.

Народъ видѣлъ борьбу—и не могъ въ ней участвовать.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

(къ страницѣ 26-й)

Г. Тьеръ говоритъ: «Если бы Мюратъ, сосредоточивъ 60,000 въ окрестностяхъ Анконы, остановился тамъ, сохраняя угрожающее положеніе, и развлекая силы австрійцевъ—навѣрное можно сказать, что ни одинъ австрійскій солдатъ не явился бы ни передъ Antibes, ни передъ Шамбери и 30,000 войска могли быть передвинуты изъ Вогезовъ къ Арденнамъ, что дало бы Наполеону возможность располагать болѣе значительными силами подъ Ватерлоо ¹⁾.»

Эти показанія совершенно неточны. Г. Тьеръ вообще почти не обращаетъ вниманія на иностранные документы; такъ въ данномъ случаѣ онъ или не читалъ, или прочелъ безъ вниманія данныя, касавшіяся Италіи.

Въ Италіи была не одна (какъ кажется думаетъ Тьеръ); а двѣ австрійскія арміи. Одна, называвшаяся неаполитанскою, въ числѣ 40,000, подъ начальствомъ Біанки, состояла изъ трехъ корпусовъ; другая — италійская въ числѣ 60,000, была подчинена Фримону и состояла изъ четырехъ корпусовъ (одинъ сардинскій); **кромя** того на р. Варѣ стоялъ десяти тысячный корпусъ д'Озаско.

Слѣдовательно, не считая гарнизоновъ, коалиція сосредоточила въ Италіи 110,000 войска.

Неаполитанская армія дѣйствовала противъ Мюрата; силы ея были слишкомъ достаточны, чтобы мгновенно разбить и разсѣять италіянцевъ. Послѣ своей легкой побѣды, она нѣсколько времени занимала неаполитанское королевство, въ день битвы при Ватерлоо оставалась еще тамъ и вторглась во Францію только въ первыхъ числахъ августа.

Пустое предпріятіе Мюрата не отклонило ни на минуту верхне-италійской арміи отъ предложенной цѣли. Въ половинѣ іюня она перешла Симплонъ и Монъ-Сени, а д'Озаско со своимъ корпусомъ **началъ** угрожать со стороны р. Вара.

---

¹⁾ Histoire du Consulat et de l'Empire, tome XIX, p. 524.

Мюратъ удержалъ отъ вторженія во Францію до 40,000 неприятелей; съ его силами это было довольно — и даже если бы онъ сохранялъ грозную неподвижность на стратегическомъ пунктѣ, указанномъ ему г. Тьеромъ, онъ не могъ болѣе сдѣлать; австрійское правительство знало очень хорошо, что 40,000 слишкомъ достаточно для удержанія и въ случаѣ нужды разсѣянія арміи неаполитанцевъ, которая считалась самою плохую въ Европѣ и была мало привязана къ Мюрату.

Наконецъ г. Тьеръ предполагаетъ слишкомъ наивный образъ дѣйствій Австріи на Вѣнскомъ конгрессѣ, думая, что она позволила бы Мюрату хотя сутки держаться неопредѣленнаго положенія и сосредоточивать свои войска на границѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, конечно она бы заставила его дать немедленный отвѣтъ: держится ли онъ или нѣтъ коалиціи, и въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, разумеется поступила бы съ нимъ также, какъ въ послѣдствіи — когда онъ такъ неосторожно вызвалъ австрійское правительство и поплатился за то всѣмъ.

Не будемъ тревожить въ этомъ отношеніи грустную память Мюрата. Онъ не виноватъ, что Наполеонъ не могъ двинуть 30,000 изъ Вогезовъ (г. Тьеръ вѣроятно думалъ сказать Альпы) къ Арденнамъ и что численное отношеніе войскъ не измѣнилось въ нашу пользу подъ Ватерлоо²⁾. Причина несчастья та, что австрійцевъ въ Италіи было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы раздавить Мюрата, наступать чрезъ Альпійскіе проходы и вытѣснить оттуда наши слабые корпуса, преграждавшіе путь неприятелю.

Еще причина, почему Наполеонъ не могъ двинуть изъ Альпъ къ Ватерлоо 30,000, та — что въ Альпахъ находилось всего 13,000; девять тысячъ ³⁾ съ Сюше и 4,000 съ Брюномъ ³⁾.

Это обстоятельство хоть и важно, но оставимъ его въ покоѣ.

II.

(къ страницѣ 39-й).

Повторяя показанія С.-Еленской литературы, г. Тьеръ увѣряетъ, что Наполеонъ не вооружилъ парижскихъ федератистовъ только вслѣдствіе крайняго недостатка въ ружьяхъ; онъ не боялся выдать имъ оружіе; корреспонденція императора, напротивъ, доказываетъ, что онъ положительно хотѣлъ въ случаѣ, если столицѣ будетъ грозить опасность, отобрать ружья у національной гвардіи, несшей мѣстную службу и передать ее тѣмъ національнымъ гвардейцамъ, которымъ поручена была

---

²⁾ По строевому рапорту (архивъ военного министерства) въ корпусѣ Сюше людей всѣхъ оружій къ 10 іюню состояло 8,814 чел.

³⁾ По строевому рапорту, отъ 20 іюня (архивъ военного министерства), Брюнъ имѣлъ 4,081 чел.

оборона города ⁴⁾). Следовательно Наполеонъ думалъ послѣ пораженія приблизить къ мѣрѣ, на которую не осмѣлился передъ войною. Тутъ нѣтъ никакого вѣроятія — пораженіе лишаетъ побѣжденнаго силы и послѣдняго нравственнаго вліянія. Наполеонъ зналъ это по опыту. Недостатокъ ружей не болѣе какъ предлогъ; примѣръ Ліона служитъ доказательствомъ: тамъ не нужно было отнимать ружей у національной гвардіи, однако федератисты все-таки были снабжены ими очень неисправно. На 6,000 слишкомъ, составившихъ баталіоны стрѣлковъ, отпустили 1,000 ружей, въ тоже время, но наканунѣ отбѣзда въ Бельгію, Наполеонъ приказалъ выдать ліонской національной гвардіи еще 5,000 ружей въ придачу къ 2,000 имѣвшимся ружьямъ, хотя во всей городской національной гвардіи не было и 10,000 человекъ (письмо военнаго министра къ генералу Эвену, инспектору арсеналовъ, отъ 6 іюня 1815): федератисты такъ и остались при своей тысячѣ ружей, Ліонъ не имѣлъ впереди крѣпостей, находился въ 5 или 6 переходахъ отъ границы и подступы къ нему оборонялись слабымъ корпусомъ Сюше; на который обрушились 60.000 австро-сардовъ. Если, при подобныхъ обстоятельствахъ, ліонскіе федератисты не были вооружены, то правительство ясно показывало, что не желаетъ вооружать парижскихъ федератистовъ, даже и въ минуту опасности.

Къ довершенію, Наполеонъ совершенно опредѣлительно высказался передъ военнымъ министромъ и до конца не отступилъ отъ своихъ словъ: «государь не хочетъ выдать ружей парижскимъ и ліонскимъ рабочимъ, потому что потомъ ихъ нельзя будетъ вернуть», (письмо военнаго министра къ генералу Эвену отъ 29 мая 1815).

При руководствѣ перепишкою Наполеона, нужно быть особенно осторожнымъ, чтобы не принять ее за непреложный историческій матеріалъ.

Извѣстно, что Наполеонъ хитрилъ когда было нужно, даже съ самыми короткими приближенными. Онъ чувствовалъ какъ ложно и непрочнo было его положеніе во время ста дней и лавировалъ между партіями, недоверяя ни агентамъ своимъ, ни даже нѣкоторымъ министрамъ. Мы должны имѣть въ виду это обстоятельство. Если онъ и развивалъ передъ кѣмъ нибудь изъ нихъ будущій проектъ; а между тѣмъ думалъ и дѣйствовалъ совершенно иначе, то онъ либо скрывалъ тайную цѣль, либо просто увлекался собственною болтовнею. Вотъ мотивы, руководившіе его, въ приведенномъ нами случаѣ.

III.

(къ страницѣ 53-й).

Г. Тьеръ повторилъ за мемуарами на о. св. Елены, но только съ большимъ умѣньемъ, на тему о изумительной дѣятельности и энергіи

---

⁴⁾ Томъ XIX, стр. 476.

Наполеона во время ста дней. Нашъ рассказъ, подкрѣпленный данными времени, числами, фактами, офиціальными документами, служить достаточнымъ опроверженіемъ; однако мы считаемъ полезнымъ привести наудачу нѣсколько примѣровъ, по которымъ можно судить о значеніи доказательствъ г. Тьера.

Наполеонъ сдѣлалъ большую ошибку, что одновременно съ запоздалымъ призывомъ ветерановъ, не призвалъ конскриптовъ 1815 года. Г. Тьеръ, желая его оправдать, сводитъ свою защиту на то, что административныя власти и жандармы не имѣли возможности проводить одновременно двѣ эти мѣры; однако въ 2½ мѣсяца слѣдовало, по словамъ Тьера, собрать всего отъ 170,000 до 180,000 конскриптовъ; опыты подобнаго сбора мы уже производили въ странѣ, безъ всякихъ чрезвычайныхъ усилій.

Сдѣлавъ ошибку въ томъ, что производство конскрипціи было отложено до іюня 1815, Наполеонъ усилилъ ошибку тѣмъ, что призвалъ только часть годового контингента. Г. Тьеръ, стараясь и тутъ оправдать Наполеона, опять ограничивается простымъ доводомъ, увѣряя, что Наполеонъ сомнѣвался въ законности мѣры (декретированной однако еще въ 1813 году) и вслѣдствіе того обратился за совѣтомъ къ государственному совѣту, гдѣ подали мнѣніе въ пользу мѣстнаго призыва, распространеннаго его лишь на тѣхъ конскриптовъ, которые были призваны до паденія имперіи. Мнѣнію этому должны были подчиниться.

Не знаю, кто повѣритъ, что государственный совѣтъ, этотъ типъ работниства, провелъ бы мѣру, противную желаніямъ Наполеона? Какая странная наивность вѣрить, что Наполеонъ искренно сомнѣвался въ законности мѣръ, когда онъ всегда смотрѣлъ на легальность, какъ на игрушку и даже во время ста дней дѣйствовалъ диктаторски, собиралъ національную гвардію, отдавалъ ее въ распоряженіе военнаго министра, декретировалъ реквизиціи, секвестраціи, тюремное заключеніе, ссылки и проскрипціи.

Истина поразила самого Тьера. Онъ видитъ и сознается, что Наполеонъ не торопился наборомъ «потому что желалъ не поразить умы». Правда, не въ интересѣ Наполеона было произвестъ сильное впечатлѣніе; но это составляло жизненный интересъ для Франціи и было необходимо для ея спасенія.

Г. Тьеръ расходится съ нами не въ окончательныхъ выводахъ, но въ вѣрномъ пониманіи данныхъ. Напримѣръ, онъ долго толкуетъ о цифрахъ, до которыхъ могли быть доведены дѣйствующая армія и чрезвычайный резервъ наканунѣ Ватерлоо; однако волею неволею долженъ въ заключеніе привести почти тѣ цифры, какія привели мы, почерпая ихъ изъ офиціальныхъ документовъ. Такъ онъ сначала пишетъ, что въ Шампани, Бургундіи, Лотарингіи, Эльзасѣ, Франшъ-Конте, Ліонне, Оверни и Дофини, должно быть собрано для активной службы 200,000 національной гвардіи; но позже, когда началась война и мобилизація національной гвардіи распространилась на всю Францію, онъ соглашается, что не только эти 8 областей не выставили требуемой цифры; но даже все государство не дало ея. Онъ говоритъ напр. въ

половинѣ апрѣля призывъ отставныхъ былъ сдѣланъ заблаговременно; въ половинѣ мая приступили во-время къ формированію изъ матросовъ полковъ, назначенныхъ для защиты Парижа; а потомъ увѣряетъ, что въ іюнѣ 12,000 отставныхъ, прибытіе коихъ пополнило бы нашъ уронъ подѣ Ватерлоо, не успѣли еще присоединиться къ своимъ полкамъ, а матросскіе полки опоздали въ Парижъ. Такъ г. Тьеръ сначала рассказываетъ, что во-время и съ жаромъ принялись за укрѣпленіе Парижа, а потомъ сознается, что когда наступила критическая минута, укрѣпленія на правомъ берегу Сены были не окончены, а на лѣвомъ берегу едва трасированы.

Повторяетъ — между нами та разница, что онъ удивляется достигнутымъ результатамъ, мы ихъ считаемъ жалкими, принявъ во вниманіе нѣвшіеся средства, удобность исполненія, значительный промежутокъ времени и грозное значеніе разыгрывавшихся событій.

IV.

(къ страницѣ 59-й).

Разбитый и спасавшійся Наполеонъ, на первомъ привалѣ 19 іюня, поспѣшилъ отправить приказаніе Раппу спѣшить форсированными маршами на соединеніе съ арміею. Мѣра была хороша, но она была бы рациональнѣе, если бы была предписана не послѣ пораженія, а ранѣе.

Здравый смыслъ нашъ убѣждаетъ въ послѣднемъ. Вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, въ силу которыхъ Наполеонъ присоединилъ къ арміи корпусъ Жерара, онъ долженъ былъ притянуть корпусъ Раппа изъ Эльзаса; провинція эта, оставшись съ одною мѣстною національною гвардіею, была въ такомъ же положеніи какъ и Лотарингія.

Раппъ не отвратилъ и не могъ отвратить непріятельскаго вторженія. Онъ защитилъ лишь Страсбургъ, имѣвшій и безъ него полную возможность удержаться, подобно Мецу, противъ союзниковъ.

Мы винили Наполеона, что онъ, притянувъ къ себѣ Жерара, оставилъ Раппа въ Эльзасѣ. Однако Тьеръ придумываетъ и тутъ оправданія; основывая ихъ впрочемъ на показаніи въ такой степени неточномъ, что если бы оно и было вѣрно, то промахъ Наполеона становился еще грубѣе. Г. Тьеръ говоритъ, что въ корпусѣ Раппа было отъ 40,000 до 45,000 (20,000 пѣхоты и отъ 20,000 до 25,000 мобилизованной національной гвардіи ⁵⁾). тогда какъ по строевому рапорту, отъ 20 іюня, показано 19,031 линейныхъ войскъ и 2,929 національной гвардіи ⁶⁾, т. е.

⁵⁾ Tome XX, p. 9.

⁶⁾ Рапортъ подписанъ начальникомъ штаба въ корпусѣ Раппа и находится въ архивѣ военнаго министерства.

Кромѣ того, въ докладѣ, представленномъ 23 іюня военнымъ минист-

едва половина численности, приведенной Тьеромъ. Цифры безжалостны.

V.

(къ страницѣ 87-й).

Г. Тьеръ замѣчаетъ, что современники говорятъ разнорѣчиво о состояніи здоровья Наполеона, въ продолженіи короткой Бельгійской кампаніи, прибавляя при томъ: «Братъ Наполеона, принцъ Геронимъ и хирургъ, состоявшій при главномъ штабѣ, увѣряли меня, что императоръ страдалъ болѣзнію мочевого пузыря (vessie); а г. Маршанъ, прислуживавшій ему, говорилъ совсѣмъ иное». Затѣмъ Тьеръ, вѣроятно на основаніи иныхъ свѣдѣній, говоритъ, что Наполеонъ страдалъ мучительнымъ недугомъ, не называя впрочемъ какимъ.

Мы сказали, что Наполеонъ страдалъ отъ двухъ болѣзней; и основываемся на вѣрныхъ свѣдѣтельствахъ, которыя должны быть извѣстны лучше насъ Тьеру. Наполеонъ, въ 1815, страдалъ уже три года задержаніемъ мочи (affection dysurique) и годъ усилившимся гемороемъ; въ день Ватерлооской битвы, послѣдняя болѣзнь особенно его мучила.

Мы повторяемъ это за оберъ-гофмаршаломъ Бертрамомъ и генераломъ Гурго; и неразъ слышали, что въ день великой битвы, Наполеонъ, именно вслѣдствіе болѣзни, почти все время стоялъ и не могъ сѣсть на лошадь, даже когда его присутствіе было необходимо на разныхъ пунктахъ. Добрякъ генераль Бертранъ, по поводу постигшей его повелителя болѣзни, входилъ въ такіа интимныя подробности, что видимо, зналъ дѣло со всѣми подробностями ⁷⁾.

Ни Бертранъ, ни Гурго не открыли всего. До сихъ поръ мы не считали себя вправѣ даже намекать на третью, случайную болѣзнь Наполеона, которая однако причиняла ему сильныя страданія; но теперь не станемъ стѣсняться, видя какъ не хотятъ допустить ея возможности— Наполеонъ, возвратившись съ о. Эльбы, заболѣлъ тою болѣзнію, отъ которой умеръ Францискъ I.

ромъ исполнительной комиссіи, читаемъ: «Рейнская граница защищена корпусомъ генерала Раппа, силою въ 15,430 пѣхоты и 2,000 кавал., всего 17,430 чел., не считая артиллеріи, инженеровъ и проч. Гарнизоны крепостей 5-й военной дивизіи (Нижній и Верхній Рейнъ) вмѣщаютъ до 18,000 человекъ великихъ баталіоновъ національной гвардіи. Кромѣ того, въ Кольмарѣ, находится грехтысячная резервная дивизія той же гвардіи.

⁷⁾ Волабелль пишетъ, передавая слова Гурго: «уже нѣсколько времени какъ императоръ жестоко страдалъ; онъ съ трудомъ могъ ѣздить верхомъ; его мучилъ геморой...» («Histoire de deux Restaurations», tome II, Paris, 1847).

Г. Тьеръ, коротко знавшій Иеронима Бонапарте, долженъ былъ про нее знать; эксъ-король Вестфальскій ни отъ кого ее не скрывалъ, и 11 лѣтъ тому назадъ, въ двухъ письмахъ, вѣроятно еще существующихъ, подтвердилъ свое показаніе.

Мы читали эти письма.

Три болѣзни мучили Наполеона во время Бельгійской кампаніи—каждая изъ нихъ мѣшаетъ ѣздить верхомъ. Онъ садился съ трудомъ и при помощи другихъ на лошадь, и съ трудомъ держался въ сѣдлѣ. Странно, если г. Тьеръ не знаетъ этихъ мелочей.

Подъ Ватерлоо Наполеонъ хотѣлъ вскочить на лошадь; но ему такъ неловко помогли, что онъ потерялъ равновѣсіе и упалъ чрезъ сѣдло; онъ сильно разсердился... но гнѣвъ его скоро прошелъ.

Фактъ тотъ, что въ Бельгій Наполеонъ болѣлъ, и принужденъ былъ оставаться пѣшкомъ, когда слѣдовало быть на лошади. Фактъ, признанный и подтвержденный людьми, преданными памяти его, подобно г. Тьеру: отчего же послѣдній не послѣдовать ихъ примѣру? Мы говоримъ и упираемся на эти медицинскія подробности, чтобы еще разъ показать, какъ г. Тьеръ обращается съ своими изслѣдованіями; въ противномъ случаѣ какое намъ дѣло рѣшать эту пустую задачу.

Повѣривъ болѣзни Наполеона, мы объяснимъ нѣкоторыя, приписываемыя ему ошибки, и г. Тьеру нѣтъ нужды извинять тогда своего героя недоказательными натяжками—естественное, простое объясненіе найдено. Но если не принимать въ расчетъ разстройство здоровья Наполеона, мы должны будемъ отнести нѣкоторыя, сдѣланныя имъ ошибки, къ ослабленію его мыслительной способности—полагаемъ, что его память не выдерживаетъ отъ подобной замятны.

Быть можетъ тутъ скрывается какая нибудь тайна, непонятная для насъ и извѣстная лишь г. Тьеру, быть можетъ Наполеонъ недоступенъ болѣзнямъ. Человѣкъ, ставшій выше всѣхъ условій человѣческаго существованія, и въ физическомъ отношеніи избавленъ отъ людскихъ немощей?

Исторія не допускаетъ ни подобныхъ тонкостей и этого влеченія къ чудесному, ни слабости писателя, говорящаго: «удивляйтесь характеру этого человѣка. Даже больной, онъ совершаетъ великія дѣла...»

Не слѣдуетъ браться за дѣло выше силъ; это простиительно лишь тогда, когда долгъ призываетъ человѣка, здороваго или больного, годнаго или неспособнаго, и онъ жертвуетъ, для исполненія долга, собою и своими страданіями. Больной Наполеонъ не долженъ былъ оставлять о. Эльбы, да и здоровый онъ лучше бы сдѣлалъ, оставаясь тамъ—въ подобномъ поступкѣ проявилась бы вся сила его характера.

VI.

(къ страницѣ 106-й).

6-й корпусъ, бивакировавшій нѣсколько лѣтъ 3-го корпуса, выступилъ въ 3 часа утра 15 юня ⁸⁾; ему надо было идти за симъ послѣднимъ: дойдя до биваковъ 3-го корпуса, войска принуждены были остановиться, потому что 3-й корпусъ еще не двигался. Мы ждали болѣе часу, наконецъ корпусный командиръ, опасаясь, что за туманомъ 3-й корпусъ уйдетъ отъ насъ, послалъ меня дать знать, когда тронутся задніе эшелоны 3 корпуса. Я прибылъ на биваки, но нашелъ, что никто не трогался, точно была дневка, люди чистили ружья, оправлялись: офицеры удивились, когда я передалъ, что 3-й корпусъ задерживаетъ общее движеніе.

Прождавъ еще нѣсколько, и непонимая причинъ подобнаго промедленія, я отправился на квартиру графа Вандамма; но встрѣтился съ однимъ изъ начальствующихъ лицъ. Послѣ моего объясненія, онъ передалъ, что графъ не получалъ ночью никакихъ приказаній — единственный, отправленный съ приказаніемъ изъ главной квартиры, офицеръ, по дорогѣ упалъ съ лошади, сломалъ ногу и недоѣхалъ по назначенію. Тоже передали генералу Ронья, подвигавшемуся съ главнымъ паркомъ ⁹⁾.

Я очень мало знаю генерала Вандамма и не имѣю никакого повода его защищать; но очевидно онъ не получилъ никакого приказанія, потому что совершенно спокойно оставался на бивакахъ, хотя войска, долженствовавшія по диспозиціи идти за колоннами 3-го корпуса, столпились на дорогѣ. Туманъ скрывалъ ихъ... только чрезъ нѣсколько времени обстоятельства объяснились. Вандамъ тотчасъ же приказалъ перейти дефиле, раздѣлявшее корпусъ. Движеніе живо и отчетливо было произведено на моихъ глазахъ.

(Campagne de Waterloo—Жанена, полковника генеральнаго штаба, состоящаго по запасамъ. Paris 1820).

VI — bis.

(къ страницѣ 112-й).

Г. Тьеръ говоритъ: «Отъ Госсели до Катръ-Бра около 3 лье: при

---

⁸⁾ Вѣроятно тутъ или опечатка или ошибка — графъ Лобау долженъ былъ выступить въ четыре часа утра.

⁹⁾ Ошибочно. Генералъ Ронья подвигался съ инженернымъ паркомъ — даъ или три повозки должны были идти съ гвардейскими моряками и саперами, за первымъ полкомъ Вандаммова корпуса. Остальныя повозки должны были слѣдовать лѣвъѣ.

стараніи это пространство можетъ быть пройдено менѣе чѣмъ въ 2½ часа. Правда, солдаты Рейля сдѣлали уже 7 лье; но, выступивъ въ 3 часа утра, они находились цѣлыхъ 14 часовъ въ дорогѣ, и въ этотъ промежутокъ времени, имѣли возможность нѣсколько разъ привалить; безъ особеннаго изнуренія они бы сдѣлали еще 3 лье, следовательно Ней имѣлъ всѣ средства къ овладѣнію Катръ-Бра».

На самомъ дѣлѣ было такъ: войска Рейля, поднявшись въ 2½ часа утра, были на маршѣ съ 3 часовъ утра и прошли 7½ лье не по шоссе, (обстоятельство, упущенное г. Тьеромъ) а проселками по лѣсной, пересѣченной, покрытой высокою жатвою, мѣстности; встрѣчая на пути частыя дефилеи (вапр. мостъ у Маршіена и самое селеніе), люди тащили на себѣ 4-хъ дневный запасъ сухарей и по 50 патроновъ, жара парила цѣлый день, головы колоннъ должны были перестраиваться, начинать перестрѣлку, что конечно сокращало время привала и мѣшало заднимъ эшелонамъ отдыхать спокойно.

Войска Рейля пришли въ совершенное утомленіе. Отъ Госсели до Катръ-Бра дѣйствительно 3½ лье и дорога идетъ по прекрасному шоссе; но вмѣстѣ съ прежними 7½ лье этотъ придатокъ составилъ бы переходъ въ 11 лье. Безъ сомнѣнія войска Рейля совершили бы его; но невозможно допустить, чтобы они могли пройти отъ Госсели къ Катръ-Бра въ 2½ часа. т. е. дѣлая въ часъ отъ 5½ до 6 километровъ, скорость какой не достигаютъ и свѣжія, только что тронувшіяся войска, идущія не въ виду непріятеля и безъ задержекъ. Въ своемъ описаніи мы назначили имъ 3½ часа пути, и ни одинъ бывалый военный не скажетъ ничего противъ этого.

Выступивъ въ 5½ часовъ вечера къ Госсели, они, прибывали не въ 8 часовъ, какъ угодно г. Тьеру, а въ 9 часовъ къ Катръ-Бра; т. е. ¾ часа послѣ солнечнаго заката и то только тогда, если дорога была открыта и имъ не приходилось драться, что на дѣлѣ не вышло бы ¹⁰⁾.

Ней прибылъ къ Франу съ 8 или 9 т., направо, въ корпусъ Вандамъ, слышна была канонада. Непріятельскій баталіонъ, занимавшій деревню, отступилъ на свои резервы подъ покровительство артиллеріи. Ней не рѣшился завязать ночнаго дѣла и остановилъ войска.

Мы нашли рациональнымъ распоряженіе маршала. Г. Тьеръ находить, что онъ не выказалъ ни пропигательности, ни рѣшимости.

«Имѣя 4,500 ч. преносходной пѣхоты, не считая такого же числа

---

¹⁰⁾ Г. Тьеръ не всегда судить одинаково о солдатскихъ усиліяхъ на маршѣ. Переноса дивизіи Рейля отъ Леръ-Фосто къ Госсели (7½ лье) безъ усталости, онъ пишетъ: «корпусъ Жерара прибылъ въ Шатле, изнемогая отъ усталости (т. XX, р. 127), такъ что люди и на слѣдующій день не могли оправиться.» Изъ трехъ дивизій Жерара, подвигавшихся безъ выстрѣла, двѣ сдѣлали 7½ лье, подобно войскамъ Рейля, а третья, бивавшая съзади Филиппвилья, прошла 10 лье или тоже пространство, что и дивизія Башелю, сдѣлавшая переходъ отъ Леръ-Фосто до Франа.

отличной кавалеріи, Ней остановился передъ 4 т. плохой нассауской пѣхоты ¹¹⁾. Безъ сомнѣнія, продолжая наступленіе, онъ много бы разогналъ непріятеля. Находясь противъ 4 т. человекъ, онъ имѣлъ цѣлыхъ 20 т. съ прибытіемъ остальныхъ дивизій корпуса Рейля. Нелѣзно было предполагать, что англійская армія, захваченная нами въ 11 часу утра, уже получила и исполняла приказъ о сосредоточиваніи. Наконецъ, когда подъ рукою 4,500 коней, странно не провѣрить своихъ предположеній. Сдѣланная кавалерійская атака все открывала». Замѣчанія, разборъ и доводы не выдерживаютъ даже простаго фактическаго перечня.

Ней, хотя называемый поминутно героемъ, но тѣмъ не менѣе представляемый неспособнымъ и теряющимся, не зналъ, что дѣлалось ночью и утромъ въ англійской и прусской арміяхъ; не зналъ, передали ли шпионы о сосредоточеніи французской арміи у Бомона, а англійская начала или нѣтъ собираться съ 11 часовъ утра, т. е. захватили или не захватили мы ее върасплохъ. Мы доказали (см. главу VII нашего сочиненія), что начни Веллингтонъ, при первыхъ извѣстіяхъ, дѣйствовать энергически, подобно Блюхеру—у Катръ-Бра было бы сосредоточено отъ 20 до 30 тысячъ, къ тому времени какъ Ней появился передъ Франомъ.

Слѣдовательно г. Тьеръ ошибочно упрекаетъ маршала въ недостаткѣ соображенія. Напротивъ, онъ долженъ былъ принять непріятельскій отрядъ за авангардъ войскъ, скрытыхъ неровностями мѣстности и занимавшихъ лѣсъ по сторонамъ дороги, фермы и строенія Катръ-Бра.

Замѣчаніе, что нассаусцы могли быть мгновенно отброшены, не вѣрно. Нассаусцы были одушевлены патріотизмомъ, одушевлявшимъ вообще всѣхъ нѣмцевъ; состояли подъ начальствомъ молодого энергическаго человѣка, объявившаго, что онъ будетъ драться на позиціи до послѣдняго человѣка. Нассаусцы 15 іюня выказали бы ту же стойкость, какую они показали на слѣдующій день; когда, подкрѣпленные лишь 4 т. голландскою бригадою, они удерживались у Катръ-Бра, до прибытія англійскихъ резервовъ. слишкомъ 1½ часа противъ натисковъ Ней, имѣвшаго не 4, а цѣлыхъ 16 т. пѣхоты. Мѣстность въ высшей степени способствовала оборонѣ—лѣсъ по обѣимъ сторонамъ шоссе, фермы, рѣтвины, плетни, пахаты—всѣ эти препятствія не могли быть преодолены мгновенно; кавалерійская же атака подвела бы только кавалерію подъ выстрѣлы и мы не достигли бы никакихъ результатовъ въ лѣсу.

Г. Тьеръ также ошибается утверждая, что Ней могъ подвигаться безопасно, имѣя до 20,000 съ прибытіемъ остальныхъ дивизій корпуса Рейля. Здѣсь онъ противорѣчитъ собственному разсказу, гдѣ, согласно нашему описанію и замѣткамъ Рейля, говорить, что дивизіи, оставленныя въ Госсели Неемъ, не трогались оттуда до-утра.

---

¹¹⁾ По официальнымъ свѣдѣніямъ, у Ней было 4,000 пѣхоты, а нассаусцевъ 4,500.

Ней прибылъ къ Франу, послѣ солнечнаго заката, въ 9 часу вечера съ 8000 или 9000: люди были на ногахъ съ 2½ часовъ утра, сбѣжали переходъ въ 10 лье, дрались и маневрировали. Сзади праваго фланга (въ 3 лье) гремѣла канонада. Остановившись, у Франа. Ней не пошелъ къ Катръ-Бра: туда подступы были защищены и онъ могъ дойти только въ глухую ночь; онъ не рѣшился пройти до перекрестка, потому что рисковалъ быть охваченнымъ съ фронта, фланговъ и тыла союзниками. Не кинувшись очертя голову въ западню, Ней не выказалъ ни тупости, ни трусости, и поступилъ вполне благоразумно, осторожно и сообразно обстановкѣ. Мнѣя и нѣсколько лишнихъ тысячъ онъ долженъ былъ также поступить. Подтверждаемъ мнѣніе свое, высказанное нами въ книгѣ— гдѣ сказали, что увѣренія Наполеона ложны, и онъ не могъ предпринимать Нею захватить Катръ-Бра, вечеромъ 15-го іюня; подтвердивъ наши положенія доказательствами, по нашему мнѣнію, безусловными.

Г. Тьеръ не обратилъ на нихъ вниманія. Околдованный С. Еленскими разсказами, онъ настаиваетъ на томъ, что былъ отданъ; приказъ—занять 15-го вечеромъ Катръ-Бра и полагаетъ, что его слова подтверждаются неопровержимыми аргументами.

Замѣтка г. Тьера очень обширна; мы, въ свою очередь, должны вдаться въ подробности.

Г. Тьеръ догматически начинаетъ, что всякая основательная историческая критика основывается на свидѣтельствѣ и на вѣроятіи— вслѣдствіе этого онъ думаетъ разобрать, какое именно изъ этихъ двухъ началъ поддерживаетъ принятая нѣтъ положенія.

Мысль высказана вѣрно; но только при условіи, если всякое вѣрное свидѣтельство, не искажено, а начало вѣроятности выводится послѣ всесторонняго обсужденія. Г. Тьеръ не держится сихъ правилъ; приводя свидѣтельство Наполеона, онъ говоритъ: «существуетъ ли хотя одно показаніе въ опроверженіе? Нѣтъ—не существуетъ»¹²⁾, и пропускаетъ противное показаніе адъютанта Нея, полковника Геймеса, исправлявшаго въ день 15-го іюня и во всю кампанію обязанности начальника штаба при Неѣ. Геймесь скромный, почтенный человекъ, слышалъ разговоръ маршала съ Наполеономъ и долго спустя напечаталъ о немъ; его разсказъ явился въ печати нѣсколько разъ и даже приведенъ генералами Гурго и Монтолономъ въ IX томѣ «Мемуаровъ на о. св. Елены». Мы буквально передали въ своемъ описаніи слова Геймеса; самое названіе Катръ-Бра не встрѣчается въ разговорѣ, на него нѣтъ ни малѣйшаго намека. Смыслъ приказаній Наполеона слѣдующій: «принять Нею начальство надъ лѣвымъ крыломъ и тѣснить непріятеля».

Слѣдовательно г. Тьеръ ошибается, увѣряя, что показаніе Наполеона не встрѣтило возраженія—напротивъ оно встрѣтило полное, извѣстное и рѣшительное возраженіе.

Г. Тьеръ, желая увѣрить въ истинѣ Наполеоновскихъ словъ, выра-

¹²⁾ Т. XX, р. 49.

жается; «если бы они были ложны, то эта ложь была бы нагळे той же, какую позволяют себѣ подсудимые въ судѣ несправительной полиціи». Геймесь, говоря неправду, попадаетъ подъ это обвиненіе; извѣсивъ оба противныя показанія, основательный критикъ долженъ склониться на ту сторону, которая меньше заинтересована въ данномъ случаѣ.

Наконецъ г. Тьеръ неправъ говоря, что когда Наполеонъ писалъ свои мемуары: «приводимый фактъ прошелъ безспорно». Дѣйствительно, до появленія перваго сочиненія, явившагося съ о. св. Елены — Кампаніи 1815 г., фактъ не оспаривался; но тотчасъ, по появленіи книги, Гамо, шуринъ маршала Нея, издалъ въ опроверженіе брошюру, гдѣ положительно увѣряетъ, что Ней не получалъ приказанія занять 15-го іюня Катръ-Бра. Въ составленіи брошюры участвовали: Геймесь, Фуа, командовавшій дивизіею подъ начальствомъ Нея и маршалу Даву. Брошюра не церемонилась съ баснями, сочиненными на о. св. Елены и надѣлала много шума. Наполеонъ, передъ составленіемъ своего втораго очерка кампаніи, изданнаго въ 1820 году, навѣрное зналъ о содержаніи брошюры ¹³⁾.

Продолжая ссылаться на свидѣтельства, г. Тьеръ прибавляетъ: «существовалъ главный очевидецъ и участникъ, начальникъ главнаго штаба, маршалъ Сультъ, все видѣвшій и слышавшій, показаніе его можетъ быть весьма полезно. Онъ часто говаривалъ, что слышалъ самъ, какъ, въ полдень 15-го іюня, Наполеонъ приказывалъ Нею идти къ Катръ-Бра... герцогъ Эльхингенскій, сынъ маршала Нея, пріѣхалъ къ маршалу Сульту, и тогъ, изъ понятной деликатности, сказалъ, что не помнитъ. дѣйствительно ли Нею было приказано овладѣть Катръ-Бра. Герцогъ Эльхингенскій въ брошюрѣ: «Неизданные документы о кампаніи 1815 г.», привелъ весь свой разговоръ съ Сультомъ. Однако сош-

---

¹³⁾ Мы говоримъ въ своемъ сочиненіи о этой брошюрѣ. Вотъ ея заключеніе: «Что же находимъ мы въ этомъ сочиненіи (Кампанія 1815 г., изданная Гурго подъ своимъ именемъ). Рядъ выдумокъ, натяжекъ, слѣды коварства или ненависти. Этотъ чепухѣкъ (Гурго) переплылъ океанъ, чтобы преслѣдовать маршала (Нея); то онъ клеветаетъ на него, то представляетъ въ карикатурномъ видѣ, говоря, что ему мы обязаны нашимъ пораженьемъ и должны жалѣть, что его услуги были приняты Наполеономъ.

«Поношеніе!

«Встаньте солдаты, погибшіе подлѣ него подъ Ватерлоо! Скажите намъ, какъ, потерявъ убитыми пять лошадей, онъ остался послѣдній на полѣ битвы, въ платьѣ, прострѣленномъ пулями и картечью, и пѣшій сражался до наступленія ночи... выскажите свое негодованіе, что тревожатъ его прахъ, предавая поруганію его память...»

Приведа эту выписку, не можемъ не привести невѣроятную цитату Тьера: «Уважаю несчастье, постигшее Нея, Наполеонъ судилъ о немъ съ самую благородною осмотрительностью въ своемъ очеркѣ кампаніи 1815 года.»

лемся на свидѣтельство, заслуживающее вѣры и діаметрально противоположное. Генералъ Бертезенъ, въ своихъ занимательныхъ и правдивыхъ мемуарахъ, говоритъ, что Наполеонъ, въ полдень 15-го іюня, настоячиво приказывалъ Нею занять Катръ-Бра; фактъ этотъ переданъ Бертезену Сультомъ. Сультъ еще не умиралъ, когда появились мемуары Бертезена, слѣдовательно могъ возразить на нихъ».

По Тьеру, слѣдуетъ вѣрить тѣмъ словамъ Сульта, которыя приведены не въ брошюрѣ герцога Эльхингенскаго, а въ мемуарахъ Бертезена. Но слова приведены неточно, примѣчаніе къ нимъ неосновательно, и мы должны придти къ совершенно противоположному выводу.

Г. Тьеръ прочелъ безъ вниманія «Неизданные документы и пр.», и приписываетъ Сульту слова, которыхъ тотъ не говорилъ и намѣренія, коихъ онъ не имѣлъ. Онъ не только не отмалчивается изъ снисхожденія къ памяти Нея; но напротивъ отвѣчаетъ положительно, даже рѣзко.

«Въ 1829 г., пишетъ герцогъ Эльхингенскій, «я и полковникъ Геймессъ были у маршала герцога Далматскаго... онъ передалъ намъ, что императоръ не думалъ занимать 15-го вечеромъ Катръ-Бра и не отдавалъ на этотъ предметъ никакихъ приказаній» ¹⁴⁾.

Тонъ этихъ словъ очень рѣшителенъ. «Documents inédits» были изданы въ 1840, а маршалъ Сультъ умеръ только въ 1851 году — слѣдовательно имѣлъ время и прочесть ихъ, и сдѣлать свои возраженія; но конечно не возражалъ противъ собственныхъ словъ, буквально приведенныхъ. И сознаніе Сульта, и молчаніе его имѣютъ значеніе письменнаго, окончательнаго сужденія.

Правда, что Сультъ не опровергъ и мемуаровъ Бертезена; но это обстоятельство не подкрѣпляетъ доводовъ Тьера, а напротивъ уменьшаетъ ихъ значеніе; извѣстно что мемуары Бертезена явились въ свѣтъ четыре года спустя послѣ кончины Сульта. Сынъ Бертезена издалъ ихъ въ 1855 и испросилъ позволеніе посвятить настоящему главѣ французскаго правительства ¹⁵⁾, Сультъ же умеръ въ 1851 г.

Мы далеко не вѣримъ мемуарамъ Бертезена. Онъ искрененъ, но пользоваться ими нало съ большою разборчивостью. Воспоминанія невѣрны. Такъ короткій очеркъ кампаніи 1815 г. полонъ важныхъ неточностей; а духъ сочиненія, выражается въ слѣдующихъ строкахъ; «Наполеоновскій деспотизмъ, о которомъ столько пропумѣли, на который столько нападали, сводится въ дѣйствительности на рядъ нѣсколькихъ мѣръ; разсматривая ихъ внимательно, видимъ что эти мѣры были законны и клонились къ пользѣмъ отечества».

Въ результатѣ, вопреки увѣреніямъ г. Тьера, мнѣніе Наполеона подкрѣпленное лишь посмертными мемуарами его пламеннаго поклонника Бертезена, изданными по смерти Сульта, встрѣтило ясное, фор-

---

¹⁴⁾ «Documents inédits», page 30. У насъ въ текстѣ приведены эти слова на стр. 108, Тьеръ и тамъ не обратилъ на нихъ вниманія.

¹⁵⁾ «Souvenirs militaires de la République et de l'Empire, par le baron Berthezene, lieutenant-général, publiés par son fils». Paris, 1855.

мальное и безусловное показаніе очевидца, гораздо менѣ Наполеона заинтересованнаго возникшими преніями, начальника штаба у Нея, полковника (впоследствии генералъ) Геймеса, подтвержденное имъ потомъ въ брошюрѣ герцога Ольхингенскаго, и важное показаніе маршала Сульта, данное сыну Нея въ 1829, въ присутствіи Геймеса, изданное въ 1840 г., за долго до смерти Сульта и оставшееся безъ опроверженій со стороны послѣдняго.

Взаимное сличеніе объяснить достаточно на чьей сторонѣ правда.

Припомнимъ слова Тьера: «Сультъ при жизни часто говаривалъ, что слышалъ, какъ Наполеонъ, въ полдень 15-го іюня, приказывалъ Нею занять Катръ-Бра». Тьеръ обязанъ назвать лицъ, въ присутствіи которыхъ знаменитый маршалъ говорилъ эти слова — тутъ снова обмолвка. Мы можемъ достоверно сказать, что когда одинъ изъ родственниковъ Сульта, не задолго до его смерти въ 1851 г., по нашей просьбѣ, просилъ его разъяснить спорный вопросъ, тотъ отвѣчалъ: «Наполеоновскій рассказъ, будто Нею даны были инструкціи на вечеръ 15-го іюня, одна изъ сказокъ (маршалъ употребилъ болѣе энергическій эпитетъ), придуманныхъ имъ на о. св. Елены, чтобы скрасить свои ошибки».

Оставивъ вопросъ о свидѣтельствахъ, перейдемъ къ изъясненію факта; г. Тьеръ заключеніе по изъясненію считаетъ болѣе значущимъ подтвержденіемъ, чѣмъ современныя показанія и думаетъ видѣть въ немъ полную аналогію съ рассказомъ Наполеона, объясняя факты слѣдующимъ образомъ: «Если Наполеонъ, 15-го іюня, въ 4 часа по-полудни, не подумалъ о занятіи Катръ-Бра и не двинулъ впередъ Нею, не указалъ ему цѣли наступленія—значитъ, онъ или не смотрѣлъ на карту или отупѣлъ окончательно. Шарлеруа выбрали какъ пунктъ, откуда было удобно обрушиться на главный путь, связывавшій двѣ разобщенныя союзныя массы—шоссе изъ Намюра въ Брюссель. Шоссе могло быть захвачено у Сомбрефа, при движеніи вправо на Намюръ, и у Катръ-Бра, наступая влево на Брюссель. Съ занятіемъ Катръ-Бра, Наполеонъ достигалъ еще большихъ результатовъ: часть англійской арміи, расположенная между Атомъ и Нивелемъ, была бы отрѣзана отъ резерва, бывшаго у Брюсселя. Катръ-Бра было важнѣе Сомбрефа...»

Какъ же предполагать, что Наполеонъ, положивъ наступать чрезъ Флерусъ къ Сомбрефу, не подумаетъ о наступленіи чрезъ Франъ къ Катръ-Бра»¹⁶⁾.

Г. Тьеръ заблуждается.

Ни мы, ни другіе писатели не говоримъ, что Наполеонъ упустилъ изъ виду значеніе Катръ-Бра, или думалъ вести изолированную атаку на Сомбрефъ.

Мы видимъ, что дебушируя изъ Шарлеруа, Наполеонъ уже думалъ о Катръ-Бра; но повторяемъ за себя и другихъ, что онъ заботился и долженъ былъ заботиться въ тоже время о занятіи Сомбрефа—истъ намѣренія его и заданная цѣль заключались отнюдь не въ томъ, чтобы

---

¹⁶⁾ Tome XX, page 49.

занять одинъ пунктъ 15 іюня вечеромъ, а другой 16-го іюня утромъ, но оба пункта одновременно. Вслѣдствіе медленнаго наступленія арміи, 15-го іюня, эта двойная цѣль не была достигнута. Мы отстаивали положеніе, что Наполеонъ не хотѣлъ и не могъ выдвинуть свое лѣвое крыло (въ дѣйствительности менѣе половины войскъ, составляющихъ лѣвое крыло, могли быть выдвинуты), оставивъ свое правое крыло (какъ сдѣлано было въ дѣйствительности) въ 3 лье недоходя Сомбрефа у Ламбюсара и Жилли. Мы доказывали, что одинъ корпусъ, произведя подобный несмѣлный маневръ, т. е. врѣзавшись въ центральный пунктъ, лежавшій на шоссе и связывавшій квартирное расположеніе союзныхъ армій, рисковалъ испытать участь Вандамма подъ Кульмомъ, при наступленіи главныхъ англійскихъ силъ изъ Нивеля, англійскихъ резервовъ изъ Брюсселя и прусскихъ войскъ изъ Сомбрефа.

Вотъ наши тезисы—повѣрка по картѣ убѣдить въ томъ сильнѣе нашихъ словъ¹⁷⁾; къ нимъ мы прибавили положительное сужденіе, которое вѣроятно раздѣлится всякимъ непредубѣжденнымъ читателемъ, повторимъ и разъяснимъ оное.

Наполеонъ, намѣреваясь (слѣдуя предположеніямъ г. Тьера) занять сперва Катръ-Бра, а потомъ Сомбрефъ—послѣдній гораздо позже, если 15-го числа Нею были бы дѣйствительно отданы приказанія немедленно овладѣть Катръ-Бра—Наполеонъ, придавая такое первостепенное значеніе этому отдѣльному наступленію, и узнавъ о неисполненіи своихъ приказаній, въ ту же ночь или на разсвѣтъ, предписать бы самымъ рѣшительнымъ образомъ вѣсному и непослушному маршалу достигнуть Катръ-Бра. Ничего подобнаго не было. Въ ночь съ 15-го на 16-е іюня, Ней пріѣхалъ въ Шарлеруа къ Наполеону, оставаясь до 2 часовъ утра и уѣхалъ, не получивъ никакихъ опредѣлительныхъ приказаній—ему велѣно было ждать скорой присылки инструкцій; наконецъ инструкціи, заключающія въ себѣ приказъ наступать къ Катръ-Бра, были отправлены къ Нею въ 9 часовъ утра, когда правому крылу приказано наступать къ Сомбрефу, а резервамъ поддерживать это наступленіе.

Какъ ни скрывать Наполеонъ истину въ своихъ двухъ очеркахъ, обманувшихъ г. Тьера, не распознававшихъ сущности дѣла: но передъ подобными фактами не устоятъ ни приводимыя ими доказательства, ни разныя уловки, ни софизмы. Воображаемый Наполеонъ, озабоченный скорѣйшимъ занятіемъ Катръ-Бра, приказывающій занять его 15-го вечеромъ, отдѣльно отъ занятія Сомбрефа, исчезаетъ передъ Наполеономъ дѣйствительнымъ; послѣдній не выказываетъ суетливости ни ночью, ни на слѣдующее утро и посылаетъ приказаніе о наступленіи своему лѣвому, вмѣстѣ съ движеніемъ праваго крыла на Сомбрефъ.

---

¹⁷⁾ Генераль Жюини, пріобрѣтшій по праву славу военнаго писателя, котораго нельзя заподозрить въ пристрастіи къ Наполеону, говоритъ: «Неоспоримо, что Катръ-Бра и Сомбрефъ должны были быть заняты одновременно; только тогда маневръ удавался и велъ къ рѣшительнымъ результатамъ».

Г. Тьеръ выражается: «Ней остановился передъ Катръ-Бра, куда дорога была очищена; онъ не понялъ, что упускаетъ изъ рукъ счастье Франціи»; затѣмъ онъ передаетъ, какъ Наполеонъ принялъ Ней въ Шарлеруа самымъ дружескимъ образомъ — странное противорѣчіе. Дѣло идетъ о рѣшеніи судьбы Франціи; дѣло испорчено — а Наполеонъ доволенъ. Что то похожее на правду проглядываетъ здѣсь, какъ будто лучъ истины мелькнулъ передъ г. Тьеромъ за туманомъ, напущеннымъ разсказами на о. св. Елены. Г. Тьеру недалеко до сознанія, что Наполеонъ не упрекаетъ Ней и дружески принимаетъ его, потому что не за что было упрекать и маршалъ исполнилъ полученныя инструкціи, гдѣ и не упоминалось о занятіи Катръ-Бра. Тьеръ не издумалъ въ стратегическую необходимость одновременнаго занятія Катръ-Бра и Сомбрефа, конимъ прерывалась главная связь между союзными арміями; не разобралъ дѣйствій Наполеона, который держитъ Ней въ Шарлеруа до 2 часовъ, отпускаетъ его домой безъ особыхъ инструкцій, и наконецъ, только тогда отправляетъ къ нему приказаніе двинуться на Катръ-Бра, когда отдана диспозиція о движеніи къ Сомбрефу. Закрывая на все глаза, Тьеръ упорно стоитъ за воображаемый планъ Наполеона, за свои доказательства о необходимости этого плана, за непремѣнную отдачу приказаній Нейю занять Катръ-Бра вечеромъ 15-го іюня.

«Въ это время Наполеонъ не заботился особенно задерживать пруссаковъ, напротивъ онъ думалъ привлечь ихъ на себя и потомъ уже нанести имъ ударъ¹⁸⁾; онъ рѣшился, во что бы то ни стало, не допустить соединенія англичанъ съ пруссаками, и придавалъ этому такое значеніе, что отправилъ главную часть своихъ силъ, т. е. Рейля, д'Эрлона, Лефевра-Денуэта, всего 45,000 за Самбру; поручивъ ихъ энергическому Нейю въ надеждѣ, что тотъ будетъ рѣшительно наступать. Думать, что Наполеонъ приказалъ только дойти до Франа, куда и безъ того дорога была открыта, а не до Катръ-Бра, лежащаго въ одномъ лѣ отъ Франа, и съ занятіемъ коего англійскія силы разобщались между собою и съ пруссаками, значить допускать невозможное предположеніе, что одинъ изъ величайшихъ полководцевъ сталъ неспособнымъ».

Въ пылу оскорбительной полемики съ генераломъ Ронья, Наполеонъ дѣйствительно приписалъ себѣ намѣреніе, 15-го вечеромъ занять Катръ-Бра, отдѣльно отъ занятія Сомбрефа, выдвинувъ впередъ такимъ образомъ на 3 или 4 лѣе свое лѣвое крыло; но въ послѣдствіи, одумавшись, при составленіи своего втораго очерка о кампаніи 1815 года, онъ впадалъ въ совершенное противорѣчіе, утверждая, что хотѣлъ перенести свою главную квартиру во Флерусъ, но медленный маршъ войскъ помѣшалъ ему. Отсюда мы вправе заключить, что если бы ему не помѣшали, съ занятіемъ Флеруса онъ занялъ бы и Сомбрефъ.

---

¹⁸⁾ Касаясь событій 16 іюня, Тьеръ высказываетъ противоположное мнѣніе (стр. 62 и 63). «Наполеонъ началъ свое, заранѣе обдуманное сосредоточеніе силъ и приказалъ двинуть за Флерусъ корпусъ Вандамма и Жерара» — ясно, что двинуть такія массы за Флерусъ, не значило позволить неприятелю свободно дебушировать.

Понимаемъ, что г. Тьеръ не обратилъ вниманія на противорѣчіе въ словахъ Наполеона, потому что Наполеонъ, смотря по обстоятельствамъ, часто говоритъ одинъ разъ то, другой другое; если онъ дастъ вѣру бродящей фантазіи Наполеона, то долженъ допустить, что французскій вождь могъ сообразить, что при занятіи Катръ-Бра лѣвымъ крыломъ, Блюхеръ массируетъ свои силы противъ нашего праваго крыла и резервовъ; отсюда выходить, что Наполеону казалось болѣе удобнымъ атаковать всю прусскую армію на слѣдующій день на выбранной позиціи, усиленной нѣсколькими селеніями, какъ было на самомъ дѣлѣ въ полдень 16-го іюня, чѣмъ ударить въ тотъ же день на тѣхъ же пруссаковъ, разобщенныхъ въ трехъ или четырехъ массахъ?

Конечно и г. Тьеръ, и даже люди, раздѣляющіе наше мнѣніе, что военный гениі Наполеона сильно ослабѣлъ въ 1815 году, не допускаютъ въ немъ подобной тупости; слѣдовательно воображаемый планъ Наполеона, выставляемый Тьеромъ, невѣренъ и невозможенъ; основанія, заставившія г. Тьера повѣрить этому плану, вполне шатки.

Напримѣръ, совершенно невѣрно, что съ занятіемъ Катръ-Бра части англійской арміи были бы разобщены; напротивъ, онѣ очень удобно сосредоточивались позади Женаппа. Невѣрно, что когда Наполеонъ поручилъ Нею командованіе лѣвымъ крыломъ, до 45,000 были уже по ту сторону Самбры; изъ этой цифры надо вычесть почти цѣлый корпусъ Эрлона (20,000), не переправившійся еще чрезъ Самбру. Невѣроятнѣе всего то, что Наполеонъ думалъ занять Катръ-Бра и приказалъ Нею броситься въ ловушку.

Положительно извѣстно, что, видя запоздалость марша, Наполеонъ принужденъ былъ отказаться отъ желанія захватить шоссе между Катръ-Бра и Сомбрефомъ. Сказавъ, по показанію оченидда Геймеса, Нею: «идите и тѣсните непріятеля», (а «не идите къ Франу», какъ перефразировалъ г. Тьеръ) онъ сказалъ все, что благоразуміе ему указывало въ настоящихъ обстоятельствахъ: въ словахъ его заключался такой смыслъ: «подвигайтесь по возможности по Брюссельскому шоссе до наступленія темноты, сколько позволитъ численность войскъ, утомленіе ихъ, благоразуміе и осторожность — пока я самъ буду подвигаться съ правымъ крыломъ по намюрскому шоссе».

Прибѣгая къ теоріи вѣроятностей, надобно исчерпать ее всю. Г. Тьеръ этого не сдѣлалъ, и мы, дополнивъ его предположенія, лишь нагляднѣе выставимъ сдѣланную ошибку.

Тьеръ рисуетъ намъ рѣшимость, нетерпѣніе Наполеона захватить 15-го іюня Катръ-Бра, въ которомъ онъ видитъ «рѣшеніе судьбы Франціи».

Если краски вѣрны, волненіе Наполеона должно быть описано не въ однихъ пристрастныхъ мемуарахъ на о. св. Елены. Поиски будутъ напрасны.

Наполеонъ конечно не зналъ, когда пріѣдетъ въ арміи Ней, оставшійся утромъ въ Бомонѣ безъ верховой лошади и не имѣвшій возможности достать съ почтовой станціи лошади: Наполеонъ, по словамъ г. Тьера, дѣйствительно желая нетерпѣливо занять Катръ-Бра, не

ждалъ бы случайнаго прибытія къ войскамъ маршала и принялся бы самъ распоряжаться, отправляя адъютанта за адъютантомъ торопить Рейля, дебуширующаго изъ Маршіена, и д'Эрлона, подвигавшагося за нимъ; и гнать войска къ пункту, съ занятіемъ коего рѣшалась судьба Франціи. Катръ-Бра должно было быть паролемъ дня, однако ни Рейлю ни Эрлону не заикнулись о немъ.

Наполеонъ, въ 10 часовъ утра, приказывалъ Рейлю стать въ нѣсколько линій по обѣ стороны Брюссельскаго шоссе, пройдя одно или два лье за Маршіенъ, и выслать сильные разъѣзды къ сторонѣ Флеруса; д'Эрлону—перейти Самбру у Маршіена или у Гама, идти мимо Маршіена по дорогѣ, идущей отъ Шарлеруа къ Монсу и стать также въ нѣсколько линій, сохраняя связь съ арміею и выслать разъѣзды, по разнымъ направленіямъ—къ Монсу, Нивелю и проч. Въ 3 часа по-полудни отдается Рейлю приказаніе: «идти на Госсели и атаковать остановившагося тамъ непріятеля»; д'Эрлону—«слѣдовать также къ Госсели, отправивъ бригаду по дорогѣ на Монсъ»: наконецъ, послѣ свиданія Нея съ Наполеономъ, т. е. въ 4½ часа по-полудни, и быть можетъ даже въ 6 или 7 часу, начальникъ главнаго штаба изъ Шарлеруа предписываетъ д'Эрлону: «Императоръ желаетъ, чтобы вы стянули свой корпусъ на лѣвомъ берегу Самбры, и вошли въ связь съ 2 корпусомъ у Госсели, слѣдуя указаніямъ, которыя вы получите отъ маршала князя Москворѣцкаго. Отряды, оставленные въ Тинѣ, Сольвѣ и окрестностяхъ, должны быть притянуты».

Вотъ всѣ приказанія, отправленные въ день 15-го іюня Рейлю и д'Эрлону. Обоимъ генераламъ конечнымъ пунктомъ указывается Госсели, отстоящее на 3½ лье отъ Катръ-Бра: о послѣднемъ нѣтъ и помину. Въ цѣлый день, ни одинъ адъютантъ, ни одинъ ординарецъ не пріѣзжалъ къ Рейлю и д'Эрлону, указать на Катръ-Бра и торопить туда войска.

Разсказъ г. Тьера можетъ ли представить вѣроятныя, понятныя объясненія? Нѣтъ—въ немъ все темно, тогда какъ на дѣлѣ все просто, естественно, логично.

Наполеонъ, желая дѣйствительно на разсвѣтѣ 16 го іюня двинуть Нея на Катръ-Бра, написалъ бы, не теряя времени, маршалу (съ которымъ однако совѣщался почти до разсвѣта) обстоятельныя инструкціи, приславъ ихъ съ довѣреннымъ, посященнымъ во всѣ планы, адъютантомъ чтобы слѣдить, и торопить за исполненіемъ своихъ приказаній. Рѣшившись на тоже движеніе днемъ раньше, т. е. 15-го іюня, Наполеонъ не посылаетъ ни къ Рейлю, ни къ д'Эрлону, ни къ Нею чтобы увѣриться въ исполненіи собственныхъ приказаній и имѣть отъ нихъ скорое извѣдѣніе.

Эти противорѣчія необъяснимы.

Слѣдовательно — факты, свидѣтельства, вѣроятность, офиціальныя документы, логика, военныя условія, здравый смыслъ—все это положительно говоритъ противъ выдумокъ, придуманныхъ на о. св. Елены и воспроизведенныхъ г. Тьеромъ.

Убивъ репутацію Нея, подобно многимъ другимъ, на своемъ сказоч-

номъ искупительномъ олтартъ, г. Тьеръ говоритъ: «я не насилую воли читателя и предоставляю ему согласиться съ тѣми или иными показаніями; но даю честное слово, что я вполне вѣрю въ справедливость предпочтеннаго мною разсказа... во всякомъ случаѣ Наполеонъ останется тѣмъ же великимъ Наполеономъ, а Ней тѣмъ же героическимъ Неемъ».

Оставимъ въ сторонѣ историка-присяжнаго съ его клятвою, хотя онъ и не принимаетъ въ своихъ выводахъ ни существенныхъ показаній, ни официальныхъ данныхъ, ни цѣлой системы фактовъ; но возразимъ на его заключеніе. Если слова Наполеона, защищаемыя г. Тьеромъ ложны, и обвиняютъ напрасно Ней—обвинитель является мелочною, странною, отталкивающею личностью; если они вѣрны—Ней является ослушнымъ, слабымъ, трусливымъ генераломъ. Эпитетъ «героическій» клеймимъ его убійственною провѣю.

VIII.

(къ страницѣ 158-й).

Наполеонъ, желая осуществить задуманный планъ кампаніи, 16 іюня, долженъ былъ еще энергичнѣе дѣйствовать и захватить главное сообщеніе между союзными арміями—часть шоссе отъ Катръ-Бра до Сомбрефа.

Чѣмъ быстрѣе двинемся мы, тѣмъ болѣе будемъ имѣть шансовъ захватить каждую изъ союзныхъ армій върасплохъ, лишивъ ихъ взаимной поддержки.

Г. Тьеръ согласенъ съ этимъ, сознаваясь, что для Наполеона всего выгодише было: рѣшиться немедленно на разсѣтъ и двинуть на Катръ-Бра и Сомбрефъ, число войска, смотря по обстоятельствамъ ¹⁹⁾. Затѣмъ историкъ говоритъ совершенно противное только что высказанному, «французскій полководецъ медлитъ не отъ безпечности и нерѣшимости, но оттого, что иначе и нельзя было».

«Эта невозможность заключалась въ томъ, что приходилось перевести черезъ мостъ у Шарлеруа и по узкимъ городскимъ улицамъ до 25,000 человекъ (въ томъ числѣ 10,000 кавалеріи) и всѣ парки. Подобная операція требовала по крайней мѣрѣ 3 часа времени» ²⁰⁾.

Движеніе, начатое въ 3 часа утра, было бы окончено къ 6 часамъ утра, и тогда устранялась главная причина замедленія: остается объяснить, почему же армія еще долго стояла на мѣстѣ, и диспозицію разослала гораздо позже. Приведенная причина замедленія

¹⁹⁾ Tome XX, page 60.

²⁰⁾ Сказано на стр. 61; на стр. же 54 говорится — отъ двухъ до трехъ часовъ.

вздоръ—простая, минутная мѣра помогала горю. На разсвѣтѣ, по приказанію Наполеона, двѣ роты понтонеровъ въ часть, даже полчаса (оба берега были въ нашихъ рукахъ) могли навѣсть два или три пловучихъ моста у Шарлеруа и выше, гдѣ рѣка очень узка и имѣетъ удобные спуски. Келлерманъ, Мильго, Лобау (не съ 25,000 какъ говоритъ г. Тьеръ, а всего съ 17,600 чел.) перешли бы рѣку: первый двинулся бы по брюссельскому шоссе на соединеніе съ Неемъ, второй по наюрскому шоссе за Груши, а третій къ развѣтвленію обоихъ шоссе, гдѣ и остался бы на всякій случай (на дѣлѣ онъ и простоялъ здѣсь до 3-хъ часовъ пополудни). Парки, переправившись, могли остаться у Шарлеруа, какъ и было въ дѣйствительности.

Переправа войскъ, начатая въ 3 часа утра, была бы окончена къ 4 часамъ и вся армія тотчасъ же могла двинуться, тѣмъ болѣе при предвѣстительной разсылкѣ диспозицій въ войска лѣваго и праваго крыла.

Объяснять бездѣйствіе Наполеона, въ утро 16 іюня, невозможностью двигаться, значитъ приводить химерическую причину: мы видимъ, что съ солнечнымъ восходомъ ничто не мѣшало наступленію къ Сомбрефу и Катръ-Бра.

Кажется Тьеръ внутренно сознается въ неосновательности своего аргумента, несмотря на рѣшительный тонъ, которымъ онъ высказанъ; онъ заранѣе прибѣгаетъ къ другому, забывая, что самъ себя противорѣчить.

Г. Тьеръ сперва сказалъ, что для Наполеона всего выгоднѣе было немедленно рѣшиться и идти на Катръ-Бра и Сомбрефъ, сообразивъ цифру войскъ съ значеніемъ предполагаемой опасности; потомъ тотчасъ же мѣняетъ мнѣніе, увѣряя, что вся сущность состояла не въ томъ, чтобы драться двумя, тремя часами ранѣе, но въ томъ, чтобы вѣрно опредѣлить силы непріятеля на томъ или другомъ пунктѣ; прежде чѣмъ отдать диспозицію, Наполеонъ долженъ былъ выждать результаты усиленной рекогносцировки Груши противъ пруссаковъ; донесеніе отправленное императору въ 6 часовъ, прибыло къ нему въ 7 часу утра ²¹⁾.

Сначала дѣло идетъ о невозможности двигаться, теперь о необходимости не двигаться.

Повторимъ снова, что мы должны были тотчасъ же идти на Сомбрефъ и Катръ-Бра; впрочемъ временно согласимся съ г. Тьеромъ—его второй доводъ не выдерживаетъ никакой критики, по недосмотру и ошибкѣ.

Недосмотръ состоитъ въ томъ, что Наполеону, утромъ 16 іюня, вовсе не слѣдовало находиться въ Шарлеруа, т. е. въ 5 лье за аванпостами лѣваго крыла и въ 3 $\frac{1}{4}$ лье за аванпостами праваго—ему слѣдовало быть ближе къ нимъ, (конечно въ былое время онъ такъ бы и поступилъ) на флерусскомъ шоссе, у Ламбюсара или даже впереди.

---

²¹⁾ На стр. 66; на стр. же 128 говорится, что оно пришло гораздо позже семи часовъ.

Будь онъ тамъ, донесенія Груши шли бы не такъ слишкомъ, а всего десять или пятнадцать минутъ.

Въ своемъ разсказѣ мы опровергали ошибку, раздѣляемую г. Тьеромъ, о рапортѣ, будто бы отправленномъ Груши, тогда какъ онъ доносилъ два раза, и впервые донесъ не въ шесть, а въ 5 часовъ утра, такъ что донесеніе пришло въ Шарлеруа не въ 7, а въ 6 часовъ утра ²²⁾.

Допустивъ недопускаемое — необходимость ожидать донесеній отъ Груши, мы все-таки теряемъ два часа времени, когда слѣдовало дѣйствовать не колеблясь и съ быстротою молніи.

На самомъ дѣлѣ потеряли не два, а слишкомъ 5 часовъ времени: вся французская армія могла быть собрана по ту сторону Самбры и начать движеніе къ 4 часамъ утра... но она стояла еще въ 9 часовъ. Подобное невознаградимое бездѣйствіе мы приписали упадку военныхъ способностей въ Наполеонѣ, недостатку рѣшимости и энергіи, и теперь повторяемъ свое прежнее убѣжденіе.

Нашъ споръ съ г. Тьеромъ еще не конченъ. Онъ старается привести еще оправдывающее обстоятельство, говоря, что промедленіе, утромъ 16 іюня, не имѣло невыгоднаго вліянія на исходъ битвы при Линьи. Слова эти противорѣчатъ нашему разсказу и истинному ходу событій.

Не будемъ приводить доказательствъ, на коихъ мы основываемся, потому что г. Тьеръ не хочетъ обращать на нихъ вниманія; опровергнемъ его собственное заключеніе. «Войска были на позиціи въ полдень, но дѣло не могло быть начато ранѣе 2¼ часовъ по-полудни; не смотря на то оно было совершенно выиграно, и безъ случайной остановки, было бы кончено за долго до сумерекъ ²³⁾».

Если бы дѣло происходило описываемымъ образомъ, г. Тьеръ былъ бы почти правъ, хотя приходится отвергнуть выводы въ родѣ слѣдующихъ: все равно атаковать ли пруссаковъ сосредоточивающихся и на маршѣ или тогда, когда они уже стянулись; вести ли атаку на баррикады или на неукрѣпленную позицію. Сила въ томъ, что обстоятельства, передаваемые историкомъ, совершенно невѣрны.

Въ полдень войска еще не были на позиціи, Наполеонъ и Жераръ,

---

²²⁾ Г. Тьеръ, являясь строгимъ судьей Наполеоновскихъ генераловъ, говоритъ, что изучалъ подробности дѣйствій въ день 16 іюня, по подлиннымъ документамъ и съ совершеннымъ безпристрастіемъ, хотя въ тоже время осипаетъ Груши упреками, за то, что тотъ въ четыре часа утра еще не былъ на конѣ и послалъ свое донесеніе только въ шесть часовъ утра.

По поводу донесеній, полученныхъ Наполеономъ, утромъ 16 іюня, Тьеръ выражается: «растерявшіеся генералы вездѣ воображали видѣть передъ собою соединенныя силы пруссаковъ и англичанъ.» Самыхъ рапортовъ не приводится, да и трудно было бы ихъ привести—наконецъ Груши вовсе не терялся. Его донесенія коротки, правдивы и основательны.

²³⁾ Tome XX, page 67.

свидѣтель болѣе положительный, говорятъ ²⁴⁾, что 4-й корпусъ прибылъ въ часть по-полудни. Жераръ не имѣлъ привычки унижать собственную дѣятельность, и, получивъ въ 9½ часовъ приказаніе выступать, прибылъ въ часть на поле сраженія, вследствие чего дѣло могло быть начато только въ половинѣ третьяго. Войска Жерара, тянувшіяся слишкомъ 3 часа въ палящій зной, проселками, по пересѣченной, лѣсной мѣстности, должны были отдохнуть нѣсколько минутъ. Потому 68,000 армія должна была перестроиться въ боевой порядокъ, занять по фронту болѣе 1½ лье; это развертываніе потребовало болѣе часу времени.

Битва при Линьи не была совершенно выиграна, мы не добыли ни знаменъ, ни плѣнныхъ; непріятель, бросивъ нѣсколько орудій, не былъ разстроенъ и бивакировалъ, послѣ своего пораженія, на ружейный выстрѣлъ отъ уступленныхъ позицій.

Случайная остановка, т. е. появленіе корпуса д'Эрлона въ тылу Вандама, по словамъ самого Наполеона, отняла только часть времени ²⁵⁾. Конечно въ этотъ часъ мы много могли сдѣлать, завладѣвъ плато Бри, тѣмъ не менѣе данный промежутокъ времени былъ недостаточенъ для нанесенія полного пораженія прусской арміи. На кого же падаетъ вина въ томъ, что едва успѣхъ склонился на нашу сторону, какъ наступили сумерки? Конечно главнокомандующій виноватъ, что неожиданная задержка оказала вліяніе на результаты боя. Въ томъ и заключается дарованіе полководца, чтобы разсчитать и подготовить все такъ, чтобы парировать всякую неожиданность и поправлять случайное неблагоприятное вліяніе. Въ данномъ случаѣ дѣятельность полководца должна была выразиться двумя актами: сѣсть съ утра на коня и идти впередъ безостановочно.

Мы доказали, что всѣ объясненія г. Тьера, будто потерянное утро 16 іюня не помѣняло исходу битвы при Линьи, ошибочны и, не оправдывая Наполеона, только усиливаютъ его отвѣтственность.

Если бы часомъ ранѣе рѣшили что нибудь въ Шарлеруа, Жераръ скорѣе приходилъ къ Флерусу и битва была бы начата ранѣе; неожиданная остановка не замедляла дѣла и въ рукахъ нашихъ осталось бы тысячъ десять плѣнныхъ и 50 орудій; быть можетъ даже неукротимый Блюхеръ очутился бы въ нашихъ рукахъ. Начини же мы дѣйствовать

---

²⁴⁾ Правое крыло, бывшее подъ начальствомъ Жерара, прибыло къ центру изъ Шатле въ часть по-полудни (*Campagne de 1815*).

«Четвертый корпусъ, не получая особаго приказанія, прибылъ въ часть по-полудни, диспозиція о движеніи пришла къ нему только въ 9½ часовъ утра.» (*Quelques documents sur la bataille de Waterloo, par le général Gérard*).

²⁵⁾ Въ 5½ часовъ по-полудни генералъ Вандаммъ увѣдомилъ, что колонна, тысячъ въ 30, наступаетъ къ Флерусу... черезъ часъ узнали, что это не англичане, и гвардія снова двинулась на Линьи. (*Mémoires, t. IX*).

въ Шарлеруа 4 или 5 часами ранѣе, результаты дня были бы безусловно рѣшительны.

Таково настоящее значеніе фактовъ.

Г. Тьеръ расходится съ нами не въ одномъ только сужденіи о результатахъ, печально потеряннаго утра 16 іюня.

Мы осудили Наполеона за то, что выѣстъ съ гвардіею онъ не двинулъ на пруссаковъ 10,000 корпуса Лобау. Г. Тьеръ напротивъ утверждаетъ, что оставить въ резервъ послѣдній корпусъ было необходимо на случай перехода непріятеля въ наступленіе.

Самое вѣрное средство избѣжать со стороны непріятеля подобныхъ попытокъ, нанести ему ударъ, который бы лишилъ его возможности перейти въ наступленіе. Резервы исключительно назначены для нанесения подобныхъ ударовъ, непріятеля или обращають въ бѣгство или заставляютъ безостановочно начать отступленіе.

Теорія, практика, примѣры изъ военной исторіи и здравый смыслъ рѣшили послѣдніе два вопроса одинаково съ нами.

IX.

(къ страницѣ 163-й).

Г. Тьеръ, передавая, по какому именно случаю уланскій офицеръ, послѣ прибытія коего была отправлена депеша къ Нею изъ Шарлеруа, былъ посланъ маршаломъ къ Наполеону, прибавляетъ, что этотъ уланъ доложилъ про впечатлѣніе, произведенное его словами на Наполеона.

Г. Тьеръ говоритъ: «генераль Жираръ, находившійся съ дивизіею въ Флерусѣ, увидѣвъ, что пруссаки развертываются впереди Сомбрефа, донесъ своему непосредственному начальнику генералу Рейлю, бывшему въ Госсели, что императоръ скоро наткнется на всю прусскую армію, расположенную между Сомбрефомъ и Флерусомъ. Рейль былъ сильно встревоженъ полученнымъ извѣстіемъ. Этотъ генералъ, отличившійся подъ Витторіею, не могъ забыть этого пораженія. Ему показалось, что обычная рѣшимость Наполеоновскихъ движеній поставила корпусъ въ отчаянное положеніе: такъ какъ впереди были англичане, а въ тылу могли показаться пруссаки. Тогда къ нему заѣхалъ генералъ Флаго, ѣхавшій съ порученіемъ къ Нею: Флаго передалъ Рейлю приказаніе императора; корпусъ долженъ былъ идти тотчасъ къ Франу, ибо Ней, уѣзжая, предписалъ немедленно исполнять всѣ, получаемыя изъ главной квартиры, повелѣнія... однако Рейль остался въ Госсели впродолженіе до полученія отъ Жирара болѣе точныхъ извѣстій о движеніи пруссаковъ и донесъ въ такомъ смыслѣ Нею. Ней и безъ того озабоченный, видя опасенія своихъ генераловъ, растерялся и отправилъ въ Шарлеруа къ Наполеону уланскаго офицера передать: что впереди находится англійская армія, на правомъ флангѣ главныя силы пруссаковъ, и потому Ней не рѣшается начинать дѣло съ незначительными, имѣвшимися подъ рукою силами, и сообщаетъ ему о томъ».

«Наполеонъ выѣзжалъ изъ Шарлеруа въ Флерусъ, когда прибылъ посланный Ней. Императоръ былъ очень раздраженъ, видя что обыкновенно энергическій Ней, колеблется по вчерашнему и тотчасъ же поручилъ начальнику главнаго штаба увѣдомить Ней, что наканунѣ Блюхеръ находился еще въ Намюрѣ ²⁶⁾. Затѣмъ Наполеонъ отправился въ Флерусъ ²⁷⁾».

Излагаемые факты такъ ясны и вяжутся одни съ другими, что кажется трудно усумниться въ ихъ подлинности, однако, вглядываясь внимательно, видишь что и здѣсь г. Тьеръ слѣдуетъ обыкновенной манерѣ и принимаетъ за дѣйствительность собственную иллюзію.

Генералъ Жираръ дѣйствительно увѣдомилъ Рейля, что пруссаки показываются со стороны Флеруса, но онъ послалъ адъютанта съ словеснымъ докладомъ, не употребляя выраженій, приводимыхъ г. Тьеромъ: онъ не думалъ увѣрять, что императоръ наткнется на всю прусскую армію, бывшую между Флерусомъ и Сомбрефомъ; а пруссаки развертываются впереди Сомбрефа; но передалъ только, что двѣ непріятельскія колонны, силою каждая въ 6 баталіоновъ, подходятъ къ С. Аманду по намюрской дорогѣ, а за ними замѣтны еще войска.

Рейль немедленно изъ Госсели извѣстилъ Ней о донесеніи Жирара и томъ, что оставляетъ, впредь до приказанія, у Госсели дивизіи Фуа и Гильемно (а не до полученія новыхъ извѣстій отъ Жирара). Тонъ письма Рейля спокойный и ясный, точно также какъ и донесеніе Жирара, самый пытливый умъ не найдетъ въ нихъ никакой тревоги ²⁸⁾.

---

²⁶⁾ Г. Тьеръ невѣрно разбираетъ депешу Сульта. Приведемъ текстъ оной:

«Шарлеруа, 16 іюня 1815 года.

«Г. Маршалъ, уланскій офицеръ только что доложилъ императору, что непріятельскія массы показываются къ сторонѣ Катръ-Бра. Съ корпусами Рейля, д'Эрлона и графа Вальми, которому послано приказаніе немедленно идти на присоединеніе къ вамъ, вы должны опрокинуть встрѣчнаго непріятеля. Блюхеръ вчера былъ въ Намюрѣ и невѣроятно, чтобы онъ шелъ съ войсками къ Катръ-Бра; вы будете имѣть дѣло только съ непріятелемъ, подходящимъ со стороны Брюсселя. Я васъ увѣдомилъ уже, что маршалъ Груши двинуть къ Сомбрефу; императоръ ѣдетъ немедленно въ Флерусъ—туда и адресуйте донесенія Его Величеству.»

²⁷⁾ Tome XX, p. 72—74.

²⁸⁾ «Госсели, 16 іюня 1815, 10¼ часовъ утра.

«Г. Маршалъ!

«Честъ имѣю увѣдомить Ваше И—во, что генералъ Жираръ съ однимъ изъ своихъ офицеровъ прислалъ мнѣ словесное донесеніе.

«Непріятельская кавалерія по прежнему занимаетъ Флерусъ, выставивъ впередъ ведеты; открыты двѣ непріятельскія колонны, подходящія по намюрской дорогѣ къ С.-Аманду, головы ихъ поровнялись съ этимъ селеніемъ. По мѣрѣ усиливанія, непріятель подвигается болѣе. Непріятель далеко и

Письмо Рейля застало Нея въ Франѣ; но физически невозможно, чтобы, вслѣдствіе этого письма, уланскій офицеръ былъ отправленъ съ тревожною депешою Нея къ Наполеону, какъ повѣствуется съ изумительною отчетливостію у г. Тьера, самая депеша Сульта опровергаетъ это ложное показаніе. Физически невозможно, повторяемъ мы, потому что довольно высчитать разстоянія, чтобы убѣдиться, что письмо Рейля, отправленное изъ Госсели въ 10^{1/4}, не могло придти ранѣе 11 часовъ во Франъ ²⁹⁾, и только тогда воображаемый посланецъ Нея могъ поѣхать къ Наполеону съ его жалобами; прибыть же въ Шарлеруа онъ могъ только позже 12 часовъ ³⁰⁾; т. е. когда уже была отправлена депеша Сульта, посланная въ минуту отъѣзда Наполеона въ Флерусъ, ранѣе 11 часовъ ³¹⁾.

Слѣдовательно рассказъ г. Тьера основанъ на явной несообразности; затѣмъ все сказанное о растерянности Жирара, тревогѣ Рейля, колебаніяхъ Нея, отправка офицера въ Шарлеруа, раздраженіи Наполеона — все это сочинено и должно быть принято за выдумки.

Вѣроятно уланскій офицеръ прибылъ изъ Франа въ Шарлеруа въ 10 часовъ утра: можетъ быть какъ раненый онъ забрелъ сюда случайно, и былъ отправленъ въ главную квартиру, куда обыкновенно присылаютъ прибывающихъ съ аванпостовъ. Наполеонъ его разспросилъ, уланъ ложно показалъ, что массы непріятеля показываются къ сторонѣ Катръ-Бра. Вслѣдствіе его показанія, Наполеонъ приказалъ Сульту написать депешу, уже приведенную нами — въ ней главнокомандующій не высказываетъ ни нетерпѣнія, ни раздраженія.

Дѣлю объясняется просто — отчего его такъ и не рассказать. Къ чему дѣлать изъ уланскаго офицера Неевскаго ординарца? наконецъ,

---

трудно опредѣлить силы его; но Жираръ думаетъ, что каждая колонна состоитъ изъ шести баталіоновъ; за ними замѣтно еще движеніе войскъ.

«Генералъ Флаго передаѣ мнѣ сущность приказаній, передаваемыхъ Вашему П—ву; я сообщилъ о томъ графу д'Эрлону, чтобы войска его могли идти за моимъ корпусомъ. Я долженъ идти къ Франу, какъ только дивизіи стянута; но, послѣ полученнаго отъ Жирара донесенія, буду ожидать приказаній Вашего П—ва. Дивизіи придутъ скоро и времени потеряется немного. Офицера, прибывшаго отъ Жирара, я отправилъ къ императору.»

²⁹⁾ Отъ Госсели до Франа 2^{1/2} лье (9^{1/2} верстъ).

³⁰⁾ Отъ Франа до Шарлеруа 4^{1/2} лье (17 верстъ).

³¹⁾ Наполеонъ прибылъ въ Флерусъ въ 11^{1/2} часовъ. Отъ Шарлеруа до Флеруса нѣсколько болѣе 3 лье (12 верстъ); т. е. часть дороги.

Самъ г. Тьеръ не отрицаетъ этого, говоря на стр. 74 «Наполеонъ къ полудню прибылъ въ Флерусъ», и даже предполагать, что Наполеонъ выѣхалъ изъ Шарлеруа, раньше, чѣмъ мы показываемъ, увѣряя (на стр. 106), что Ней въ 11^{1/2} часовъ утра долженъ былъ получить депешу Сульта, отправленную въ минуту отъѣзда Наполеона изъ Шарлеруа.

если г. Тьеръ непремѣнно ставить на своемъ ³²⁾, почему онъ придаетъ посылкѣ офицера факты позднѣйшіе и невѣрно переданные, приписывая знаменитому маршалу слова, которыхъ тотъ не говорилъ и чувство боязни, котораго онъ не испытывалъ?

Тьеръ постоянно видитъ растерянныхъ генераловъ ³³⁾, разстроеннаго, пугающагося мысли объ атакѣ, маршала Нея—и эта тенденціозная иллюзія заставляетъ его болѣе придумывать обвиненія Наполеоновскимъ сподвижникамъ, чѣмъ разбирать офиціальныя данныя и карту театра военныхъ дѣйствій: онъ принужденъ сочинять басни, выдавая ихъ за дѣйствительныя факты, и приводить доказательства, отвергаемыя всякимъ разсудительнымъ человѣкомъ.

XI.

(къ страницѣ 196-й)

Г. Тьеръ дѣлитъ дѣйствія подъ Катръ-Бра на два періода: съ утра до начала атаки, и съ начала атаки до ночи.

Заключеніе его коротко: Ней виноватъ, Рейль и д'Эрлонъ виноваты, одинъ Наполеонъ правъ, сохранивъ исполнѣ свои обычныя способности: силу соображенія, энергію въ выполненіи ³⁴⁾.

Наши выводы иные—защитимъ ихъ еще разъ, опровергнувъ систему Тьеровскихъ доказательствъ и умозаключеній.

Г. Тьеръ, отказавшись, хотя и не безъ смущенія, отъ выдумки на о. св. Елены — ночной побѣдки Флага къ Нею, соглашается съ нами, что первыя инструкціи были получены маршаломъ съ Флага, въ 10^{1/2} часовъ во Франкѣ; потомъ, согласно съ нами, говоритъ, что Ней, тотчасъ же по полученіи ихъ, отправилъ въ Госсели къ Рейлю приказаніе двинуться съ дивизіями Фуа и Гильемино. (Г. Тьеръ предпочитаетъ называть послѣднюю дивизію принца Геронима).

Не имѣя предлога къ обвиненію Нея, онъ сперва нападаетъ на Рейля.

Рейль не двинулъ впередъ дивизіи Фуа и Гильемино, хотя, проѣздомъ чрезъ Госсели, Флагъ передать ему про сущность инструкцій Нею. Онъ

---

³²⁾ Очевидно, что если бы онъ былъ дѣйствительно посланъ Неемъ, то Сультъ выразился иначе — вмѣсто: «уланскій офицеръ только что передалъ императору и проч., онъ сказалъ бы «уланскій офицеръ, посланный отъ васъ къ императору и проч.»

³³⁾ «Утромъ, 16 іюня, Наполеонъ занялся донесеніями съ аванпостовъ, что было довольно затруднительно, потому что перепуганнымъ генераламъ всюду грезилась соединенная сила англичанъ и пруссаковъ.»

³⁴⁾ Томе XX, page 135.

на свою ответственность задержал дивизии впредь до приказаний от Нея, который, при получении известий от Жирара из Флеруса, мог изменить первоначальную диспозицию обших дивизий.

Действия Рейля всегда считались в данном случае здраво соображенными. Знаменитый военный писатель Жомини пишет, что Рейль, узнав о появлении пруссаков у С. Аманда, мог заключить, что его участие потребуется при атаке на Бри, движение же по Женевской дороге могло испортить дело. «Разсуждение тем более логичное», прибавляет Жомини, «что оно согласовалось с правилами стратегий; самъ императоръ, находясь въ положеніи Рейля, не поступилъ бы иначе ³⁵⁾».

Тьеръ находитъ что Рейль растерялся, при полученіи известія отъ Жирара, и слишкомъ много себя позволялъ, остановивъ у Госсели дивизіи Фуа и Гильемино, и задержавъ темъ на 3 часа прибытіе обшихъ дивизій къ Франу; что замедлило атаку Катръ-Бра.

Нетрудно доказать, что Рейль не опоздалъ и полутора часовъ; если бы не было остановки, результаты дня мало измѣнились.

Депеша Рейля къ Нею исполнена въ 10¼ часовъ утра, тамъ говорится, что въ этотъ періодъ времени дивизіи Фуа и Гильемино, получившіе за ½ часа, т. е. при проѣздѣ чрезъ Госсели Флага, приказаніе изготониться, не были еще выстроены. Войска были бы готовы къ 10½ часамъ, и выступивъ тотчасъ, могли прибыть чрезъ два часа къ Нею, потому что люди совершенно отдохнули и приходилось всего пройти 10 километровъ по широкому шоссе.

Конечно войска тронулись позже, но самъ Тьеръ опредѣляетъ прибытіе дивизій Фуа и Гильемино къ Франу въ 2 или 2¼ часа по-полудни ³⁶⁾, отсюда ясно, что потеряно всего 1¾ часа времени, а не три часа.

Предположимъ, что Рейль не замѣшкался бы, и Ней началъ атаку часомъ и тремя четвертями ранѣе. Онъ отбилъ бы сперва у принца Оранскаго Катръ-Бра — а потомъ ему пришлось бы удерживаться противъ повторяемыхъ приступовъ войскъ, подходившихъ изъ Брюсселя и Нивеля; удержавшись до 7 или 8 часовъ вечера противъ 35 или 40 тысячъ Веллингтона, онъ выказалъ бы чудеса энергіи. Допустимъ наконецъ невозможное—Ней отстоялъ бы свои позиціи, но роль корпуса д'Эрлона оставалась прежняя и результатъ дѣйствій 16-го іюня не измѣнился, потому что только прибытіе 20,000 д'Эрлона на помощь къ Наполеону и охватъ имъ фланга и тыла прусской арміи, доставляли намъ рѣшительную побѣду и измѣняли судьбы дня. Разъ началъ битву при Линьи въ 2¼ часа по-полудни, мы не видѣли никакой важности въ томъ, что Ней завяжетъ дело у Катръ-Бра часомъ позже или ранѣе

---

³⁵⁾ Lettre du général Jomini au duc d'Elchingen, 15 octobre 1841.

³⁶⁾ На стр. 131 г. Тьеръ говоритъ: «Ней около 11 часовъ хотѣлъ начать атаку; но принужденъ былъ 3 часа ждать прибытія войскъ, задержанныхъ въ Госсели Рейлемъ».

слѣдовательно распоряженія Рейля не имѣли никакого невыгоднаго вліянія на общій ходъ дѣйствій 16-го іюня.

Г. Тьеръ изводитъ еще обвиненіе на Рейля, приписывая позднее начало дѣла у Катръ-Бра не одному только задержанію Фуа и Гильемино у Госсели. Онъ говоритъ, будто Рейль, обогнавъ дивизіи, прибылъ къ Катръ-Бра. Ней готовъ былъ начать атаку съ одними дивизіями Пире и Башелю, но Рейль его уговорилъ отложить атаку до прибытія дивизій Фуа и Гильемино и всего корпуса д'Эрлона.

Пораженный впечатлѣніями, вынесенными изъ испанскихъ походовъ, онъ представилъ Нею какая серьезная вещь драться съ англичанами, предостерегалъ отъ ихъ тактики, заключавшейся въ томъ, чтобы скрывать какъ можно болѣе силъ въ лѣсу и неровностяхъ мѣстности, наконецъ нарисовалъ цѣлую картину о способѣ веденія войны англичанами; Ней же, дравшійся въ Испаніи 3 года сряду съ англичанами, слѣдовательно знавшій ихъ и безъ Рейля, такъ былъ пораженъ доводами своего корпуснаго командира, что согласился съ нимъ; и отложилъ атаку не до 2 ч. (когда прибыла дивизія Фуа, слѣдовавшая за Гильемино), но до 3-хъ часовъ по-полудни. Виною вторичнаго промедленія также былъ Рейль ³⁷⁾.

Вѣренъ ли приведенный разсказъ? По словамъ г. Тьера въ вѣрности нечего и сомнѣваться, такъ какъ онъ почерпнулъ изъ неизвѣстной рукописи генерала Фуа; гдѣ сказано, что сильная канонада у Линьи гремѣла, пока Рейль говорилъ; слѣдовательно дѣло было начато Неемъ около 3-хъ часовъ по-полудни.

Мы не сомнѣваемся, что г. Тьеръ вѣритъ этому источнику; но мы, вмѣстѣ съ изученіемъ французскихъ источниковъ, не забываемъ заглядывать въ иностранные, не забываемъ взаимно сѣбѣ ихъ ³⁸⁾ и потому приходимъ къ заключенію, что эта рукопись не только наводитъ на сомнѣніе, но она положительно невѣрна.

Можно повѣрить Фуа, что дѣйствительно Рейль преподавалъ своему начальнику урокъ тактики и совѣтывалъ ему быть осторожнымъ; но вѣроятно эти лекція была короче, чѣмъ ее выставляютъ — и Рейль началъ прерванный разговоръ въ то время, какъ раздавалась канонада при Линьи, а Ней уже открылъ огонь впереди Франа.

Въ нашемъ разсказѣ начало атаки Ней определено въ два часа—но, слѣдуя, цитируемой Тьеромъ рукописи, на которую теперь ссылаются въ опроверженіе моихъ доводовъ, можно отнести начало боя къ

---

³⁷⁾ Въ два часа, когда Ней хотѣлъ ударить на непріятеля, Рейль, забывшій испанской катастрофы, удержалъ его (стр. 131).

³⁸⁾ Г. Тьеръ такъ мало обращаетъ вниманія на иностранные источники, что говоритъ (стр. 130): «до полудня 16 іюня у Катръ-Бра противъ Ней находилось менѣе 4,000, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, въ 10 часовъ, тамъ было уже болѣе 7,000.

Ранѣе (стр. 70) онъ пишетъ: «бригада Биландта не подошла еще къ двумъ часамъ по-полудни въ Катръ-Бра»; снова невѣрное показаніе.

болѣ раннему времени, но мы предпочли черпать наши свѣдѣнія изъ болѣ вѣрныхъ источниковъ.

Голландскіе и англійскіе военные писатели завязали живую полемику, чтобы опредѣлить степень участія ихъ родныхъ войскъ въ бою при Катръ-Бра и время, когда тѣ и другія вступили въ дѣло—они согласно показываютъ, что Ней началъ атаку въ 2 часа по-полудни. Подобный фактъ знаменателенъ ³⁹⁾. Онъ находитъ себѣ подтвержденіе въ журналѣ военныхъ дѣйствій дивизіи Перпончера, хранящемся въ голландскомъ архивѣ и, что еще важнѣе, въ драгоцѣнномъ засвидѣтельствovanіи одного изъ безпристрастныхъ участниковъ. Мы обратились къ герцогу Бернгарду Саксенъ-Веймарскому, который при началѣ битвы занималъ съ сассаускою бригадою лѣсъ Боссю, расположенный на самомъ плато Катръ-Бра, и предложили ему вопросъ: слышна ли была канонада при Линь, когда пѣхота Ней динулась въ атаку? Онъ отвѣтилъ: «О нѣтъ, канонада раздалась гораздо позже; я тѣмъ болѣе это хорошо помню, что считалъ наше положеніе очень опаснымъ и внимательно вслушивался, не происходитъ ли чего со стороны Сомбреса».

Къ этимъ доказательствамъ присоединяется еще одно — точное, не враждебное Наполеоновскимъ апологистамъ или обвинителямъ Ней и очень старое—показаніе генераль-адъютанта Флаго. Онъ пишетъ, что Ней началъ атаку ранѣе прибытія залоздавшей пѣхоты.

Но такъ какъ г. Тьеръ согласенъ, что дивизія Фуа, за коей слѣдовалъ Гильемино, прибыла въ 2 часа къ Франу, то ясно, что Флаго относитъ начало атаки ко 2-му часу по полудни.

Приведенныхъ примѣровъ болѣ чѣмъ довольно для доказательства, что или рукопись Фуа не заслуживаетъ той вѣры, какую даетъ ей г. Тьеръ, или самъ генераль нѣсколько спутался въ своихъ воспоминаніяхъ—снова повторимъ, что если Рейль и поучалъ Ней, то поучалъ его не долго, такъ что дѣло все таки началось въ 2 часа, т. е. когда еще не раздавалось канонады при Линь ⁴⁰⁾.

---

³⁹⁾ Капитанъ англійской службы Сибурнъ, писавшій по показаніямъ многихъ участниковъ войны, говоритъ, что Ней началъ атаку около двухъ часовъ по-полудни. Свѣдущій голландскій полковникъ Кнопъ, упорный противникъ Сибурна, думаетъ, что атака начата ранѣе двухъ часовъ; тоже показываетъ добросовѣстный голландскій писатель полковникъ Ванъ-Лельсельсъ.

Бельгійскій генераль Ренаръ, тщательно записавшій показанія разныхъ офицеровъ дивизіи Перпончера, приходитъ къ подобному же выводу. (*Réfutation des allégations anglaises, et cet.*)

Недоброжелательный къ Ней, французскій генераль Вильгельмъ Водонкуръ замѣчаетъ, что маршалъ атаковалъ въ два часа пополудни. (*Histoire des campagnes de 1814 et de 1815. Paris, 1826.*)

⁴⁰⁾ Мы обращались также къ генераль-лейтенанту графу Гобле, состоявшему при дивизіи Перпончера въ качествѣ инженернаго капитана. Онъ передалъ намъ, что пѣхота Ней пошла ранѣе въ атаку, чѣмъ раздался громъ канонады при Линь.

Слѣдующее обстоятельство могло остановить г. Тьера среди его доводовъ: сбить въ промежутокъ отъ 3-хъ часовъ по-полудни до половины четвертаго часа постепенное прибытіе англійскихъ резервовъ и всѣ фазисы боя, предшествовавшіе вступленію этихъ резервовъ въ боевыя линіи, что не могло совершиться въ такой короткій періодъ времени. Основывая свой разсказъ на точныхъ и толковыхъ данныхъ, мы разбѣстили всѣ эти дѣйствія между 2-мя часами и половиною четвертаго.

Послѣ несостоятельныхъ нападокъ на Рейля, г. Тьеръ добирается до Нея и д'Эрлона; переходимъ за нимъ ко второму періоду дѣйствій подъ Катръ-Бра, или вѣрнѣе, къ печальному эпизоду странствованія д'Эрлона. Подобно защитникамъ Наполеона, г. Тьеръ нападаетъ на Нея, за призывъ д'Эрлона къ Катръ-Бра, на послѣдняго же за исполненіе призыва—свои обвиненія онъ строитъ на новомъ и неожиданномъ основаніи.

Между людьми, раздѣляющими наше мнѣніе и тѣмъ, кто на сторонѣ доказательствъ г. Тьера, существуетъ спорный вопросъ—вмѣшательство генерала Лабедойера въ событія второй половины дня 16-го іюня. На дѣлѣ онъ вмѣшался; но что ему приказывалъ Наполеонъ, какъ онъ пердалъ приказаніе, вотъ обстоятельства запутанныя и едва объяснимыя.

Разбирая странствія д'Эрлона, мы принисали ихъ вѣроятной ошибкѣ Лабедойера: никто ему не поручалъ измѣнять первоначальное направленіе, данное колоннамъ д'Эрлона, т. е. сворачивать ихъ, недоходя Франка, направо къ С.-Аманду, тогда какъ Ней ждалъ ихъ содѣйствія у Катръ-Бра. Фланговое движеніе отнимало у маршала цѣлую половину войскъ и не вяжется съ приказомъ, полученнымъ изъ Флеруса—приказаніе было написано опредѣленно, прямо, рѣшительно (снѣрва послано въ два часа, потомъ дубликатомъ въ 3¼ и 3½ часа по-полудни). Оно гласило: «атакуйте непріятеля, находящагося передъ вами, отбросьте его и перемѣните фронтъ на-право, чтобы обойти правое крыло пруссаковъ и зайти имъ въ тылъ», при этомъ напоминалось, что судьба Франціи рѣшается исполненіемъ данныхъ приказаній.

Нелѣпо предположить, что Наполеонъ въ одно время посылаетъ Лабедойера прямо и немедленно вести д'Эрлона къ С.-Аманду; а Нею, лишившемуся содѣйствія 20,000 или 25,000, приказываетъ отбросить непріятеля за Катръ-Бра и, двинувшись къ Бри, зайти въ тылъ пруссакамъ, чтобы помочь побѣдѣ, быть можетъ рѣшительной.

Прибавимъ въ поясненіе, что несомнѣнно Лабедойеръ былъ отправленъ ускорить взятіе Катръ-Бра, и затѣмъ, взявъ корпусъ д'Эрлона, вести его въ обходъ прусскаго тыла, но вѣтренный, пылкій, подъ живымъ впечатлѣніемъ только что розыгравшейся битвы, подъ впечатлѣніемъ раздающихся раскатовъ канонады, онъ встрѣтилъ войска д'Эрлона и двинулъ ихъ на С.-Амандъ, не заботясь о томъ взять или нѣтъ Ней Катръ-Бра и можетъ ли онъ отдѣлать половину войскъ на помощь Наполеону.

Г. Тьеръ напротивъ увѣряетъ, что Лабедойеру именно было приказано, взять корпусъ д'Эрлона, гдѣ застанетъ его приказаніе, не обра-

шать вниманія на положеніе дѣлъ у Катръ-Бра и вести его къ С.-Аманду—по содержанію Тьеровскаго разсказа, можно думать, что онъ дѣйствительно говоритъ дѣло. «Битва съ пруссаками была ужасна; селенія защищались ими съ ожесточеніемъ—все предвѣщало, что бой будетъ продолжителенъ и кровопролитенъ. Изъ главной квартиры отправили сперва въ 3¼, потомъ дубликатомъ въ 3½ часа, извѣстный приказъ: «зайдите въ тылъ пруссакамъ, судьба Франціи въ нашихъ рукахъ». Но Наполеонъ вдругъ рѣшился усилить непосредственно свое лѣвое крыло и раздавить имъ Блюхера. Зная, что корпусъ д'Эрлона тронулся послѣдній и находится вѣроятно подлѣ Госсели, такъ что офицеръ, помчавшись въ карьеръ, скоро отыщетъ его и приведетъ къ С.-Аманду, Наполеонъ послалъ Лабедойера съ запискою, написанною карандашемъ: «Эрлону свернуть съ прежняго направленія вправо и зайти по старой римской дорогѣ за мельницу Бри» ⁴¹⁾.

Лабедойеръ, снабженный письменнымъ приказаніемъ императора, въ 3½ часа встрѣтилъ за Франомъ корпусъ д'Эрлона и указалъ ему слѣдовать римскою дорогою на Бри; д'Эрлонъ, исполняя приказъ, отправилъ къ Нею своего начальника штаба Делькамбра, съ объясненіемъ почему войска не приблудутъ къ Катръ-Бра».

Вотъ сущность разсказа Тьера, онъ повидимому такъ опредѣлительно и положительно, что заставляетъ читателя вѣрить и думать, что наконецъ порученіе, данное Лабедойеру, объяснено; но разбирая частности, принятыя г. Тьеромъ за непреложные факты, видимъ, что весь разсказъ вымысленъ.

Г. Тьеръ выдумалъ время отъѣзда Лабедойера съ поля битвы при Линьи; выдумалъ часъ встрѣчи его съ корпусомъ д'Эрлона (многохотомъ замѣтить, что оба эти момента слиты у него въ одинъ); выдумалъ, что Лабедойеръ везъ письменное императорское приказаніе къ д'Эрлону и наконецъ выдумалъ самое содержаніе записки.

Мы знаемъ объ отправкѣ Лабедойера только по словамъ д'Эрлона; но д'Эрлонъ передавалъ только тѣ свѣдѣнія, какія находятся въ его письмѣ 1829 г. къ герцогу Эльхингенскому; оно приведено нами и противорѣчить во всемъ разсказу г. Тьера.

Припомнимъ разсказъ д'Эрлона, что, двинувшись съ войсками въ 12 часу утра (изъ Июме, не доходя ½ лье до Госсели), онъ обогналъ колонны, и проѣхалъ къ Катръ-Бра, чтобы узнать, что тамъ дѣлается, потому что корпусъ Рейля повидимому началъ дѣло: «За Франомъ я остановился потолковать съ гвардейскими генералами, къ намъ подъѣхалъ генералъ Лабедойеръ и показалъ мнѣ записку, писанную карандашемъ, которую онъ везетъ Нею; въ ней предписывалось маршалу отправить мой корпусъ къ Линьи. Затѣмъ генералъ Лабедойеръ предупредилъ меня, что онъ уже отъ себя свернулъ колонны по новому направленію и указалъ мѣсто, гдѣ я ихъ могу догнать. Я тотчасъ же поѣхалъ къ корпусу, отправивъ своего начальника штаба генерала Делькамбра, чтобы донести маршалу о случившемся».

⁴¹⁾ Tome XX, p. 89 - 90.

Эти строки хотя не совсемъ ясны; но изъ нихъ можно положительно заключить, что Лабедойеръ не везъ приказанія «именно къ д'Эрлону», но имѣлъ лишь записку къ Нею.

Наконечъ что такое была эта записка? это «императорское повелѣнiе», какъ титулуется ее г. Тьеръ — кто подписалъ ее, Наполеонъ, Сультъ? Не была ли то простая замятка, записанная Лабедойеромъ, чтобы не спутать словеснаго приказанія? Д'Эрлонъ не можетъ ничего пояснить, а Тьеръ напрасно выставляетъ неразъясненное обстоятельство за достовѣрное; равно д'Эрлонъ совершенно умалчиваетъ про то, какимъ образомъ предписывалось въ запискѣ исполнить движеніе, тогда какъ въ разсказѣ г. Тьера, оно изложено подробно и съ полною увѣренностью.

Всѣ свидѣнія о посылкѣ Лабедойера оставлены намъ исключительно однимъ д'Эрлономъ въ его письмѣ къ герцогу Эльхингенскому; записка карандашемъ исчезла въ первое же время и не была вполнѣдствіи отыскана; слѣдовательно очевидно, что весь разсказъ Тьера о приказаніи, посланномъ съ Лабедойеромъ, вымышленъ.

Мы высказали, что можно только предположить, что Лабедойеру было предписано погноронить Нея исполненіемъ отправленныхъ уже къ нему депешъ и дополнить ихъ тѣмъ, что для движенія въ тылъ пруссакамъ слѣдуетъ ему направить корпусъ д'Эрлона.

Лабедойеръ сдѣлалъ болѣе—тутъ по нашему мнѣнію вся его вина—встрѣтивъ корпусъ д'Эрлона, тянувшійся на присоединеніе къ главнымъ силамъ Нея, онъ свернулъ его въ сторону на флангъ пруссаковъ, и, превысивъ свое полномочіе, искажилъ такимъ образомъ данное ему порученіе.

Самъ д'Эрлонъ, не смотря на всю свою сдержанность въ отношеніи къ Лабедойеру, довольно ясно указываетъ на ошибку; слѣдующія слова его ускользнули отъ вниманія г. Тьера: «имѣлъ-ли порученіе генераль Лабедойеръ сворачивать мои войска ранѣ свиданія съ маршаломъ? я не знаю—но думаю, нѣтъ».

Въ военномъ смыслѣ это значить, что Нею предоставлялось обсудить когда и какъ двинуть противъ пруссаковъ д'Эрлона. Когда Наполеону понадобилось притянуть къ правому крылу дивизію Жирара, офицеръ, посланный привести ее къ С.-Аманду, не получалъ приказанія съѣздить предварительно къ маршалу Нею.

Мнѣніе д'Эрлона, замятка его, невозможное предположеніе, что Наполеонъ въ одно время хотѣлъ динуть одни и тѣ же войска отъ Франа прямо на правый флангъ пруссаковъ и отъ Катръ-Бра въ тылъ ихъ, т. е. предписываетъ два противорѣчащіе маневра, заставили насъ выразиться такъ: «почти навѣрное было отдано приказаніе, вслѣдствіе коего корпусъ д'Эрлона свернулъ на С.-Амандъ; но оно не послѣдовало отъ Наполеона, а было передано по ошибкѣ, вслѣдствіе неумѣстнаго усердія ординарца»!

Нашъ варіантъ кромя того сходится съ обоими разсказами на с. св. Елены.

Въ первомъ разсказѣ, Наполеонъ называетъ движеніе д'Эрлона оши-

бочнымъ и, стараясь его себѣ объяснить, произноситъ слѣдующія знаменательныя слова: «Развѣ маршалъ Ней не понялъ отданнаго ему приказанія, овладѣть Катръ-Бра и потомъ ударить въ тылъ пруссакамъ?» ⁴²⁾).

Во второмъ очеркѣ Наполеонъ говоритъ, что принялъ дебуширующий къ С.-Аманду корпусъ д'Эрлона за непріятельскія войска, потому что не ожидалъ съ этой стороны войскъ, прибывающихъ отъ нашего лѣваго крыла ⁴³⁾).

Послѣ своихъ вымысловъ, г. Тьеръ приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Ней, получивъ приказаніе отдѣлить корпусъ д'Эрлона, долженъ былъ немедленно повиноваться и съ оставшимися 20,000 перейти къ оборонительнымъ дѣйствіямъ, какъ это и сдѣлалъ спустя два часа». Затѣмъ онъ его обвиняетъ за неисполненіе приказаній и говоритъ, что этимъ разстроился великолѣпный планъ Наполеона и прусская армія спаслась отъ конечнаго истребленія. Приказъ д'Эрлону не существуетъ, слѣдовательно обвинительное заключеніе Тьера не имѣетъ никакого основанія ⁴⁴⁾).

Иные писатели, имѣя въ виду отстоять военную славу Наполеона, обвиняютъ Ней за то, что тотъ вернулъ корпусъ д'Эрлона къ Катръ-Бра; но не вдаются при этомъ въ столь грубыя заблужденія, какъ

---

⁴²⁾ Campagne de 1815.

⁴³⁾ Mémoires, tome IX.

⁴⁴⁾ Методъ, въ который вдался г. Тьеръ, объясняя посылку Лабедойера и эпизодъ марша и контръ-марша войскъ д'Эрлона, заставляетъ его ввести въ свой разсказъ очевидныя несообразности.

На стр. 103 корпусъ д'Эрлона не двигается съ мѣста и стоитъ за Рейлемъ задерживающимъ въ Госсели дивизіи Фуа и Гильемиво; а на стр. 123 тотъ же корпусъ въ 11 часовъ находится на маршѣ къ Франу. Отъ Жюме до Франа 3 1/2 лье (13 верстъ), и дорога идетъ широкимъ, прекраснымъ шоссе, однако свѣжія войска д'Эрлона не достигаютъ послѣдняго пункта даже къ 3 1/2 часамъ по-полудни, такъ что люди въ 4 1/2 часа времени не могутъ пройти этотъ пустой переходъ.

На стр. 89—90 г. Тьеръ заставляетъ Лабедойера ѣхать съ поля битвы при Линьи въ 3 1/2 часа, и къ тому же времени относитъ встрѣчу его съ д'Эрлономъ недоходя Франа, т. е. два лье разстоянія миновались у него мгновенно.

Въ 3 1/2 же часа д'Эрлонъ отправляетъ своего начальника штаба Делькамбра съ донесеніемъ къ Ней (стр. 123—124). Тому нужно проѣхать менѣе лье, онъ мчится во всю прыть, однако пріѣзжаетъ только въ шесть часовъ (стр. 115—116).

Наконецъ Ней въ шесть часовъ отправляетъ Делькамара къ д'Эрлону съ предписаніемъ немедленно вернуться къ Катръ-Бра и тотъ возвращается къ д'Эрлону, бывшему на маршѣ въ Бри въ двухъ или трехъ лье отъ Ней, въ шестомъ часу по-полудни, т. е. прибываетъ ранѣе, чѣмъ былъ отправленъ!

г. Тьеръ, не приводятъ пресловутаго приказа и подробностей его исполненія. Они говорятъ, что записка карандашемъ, привезенная Лабедойеромъ, содержала въ себѣ формальное приказаніе Нею немедленно отправить къ С.-Аманду корпусъ д'Эрлона; но видя не человѣческія усилія, и мрачное отчаяніе знаменитаго маршала подъ Катръ-Бра, они не рѣшаются досказать, что въ запискѣ предписывалось перейти ему къ оборонѣ; но обвиняютъ Нею въ недостаткѣ проницательности; онъ долженъ былъ сообразить, что исполненіе прежде полученныхъ депешъ уже не имѣетъ мѣста и новая роль Нея заключается въ томъ, чтобы, отпустивъ д'Эрлона къ С.-Аманду, отказаться отъ взятія Катръ-Бра и ограничиться защитою брюссельскаго шоссе.

Приводимый ими варіантъ, т. е. что приказъ, будто бы привезенный Лебедейеромъ, былъ отданъ Нею а не д'Эрлону, не сходится ни съ доказательствомъ д'Эрлона, ни съ разсказами на о. св. Елены: онъ противорѣчитъ истинѣ и здравому смыслу, претендуя выставить положительное приказаніе, требующее безусловнаго исполненія, и въ тоже время не осмѣливаясь прибавить, что новыя инструкціи заключали въ себѣ отмену прежде отданныхъ повелѣній взять Катръ-Бра и охватить пруссаковъ съ тыла.

Обвиненіе, основывающееся на подобныхъ данныхъ, конечно не имѣетъ никакого серьезнаго значенія.

Неудачную попытку Лабедойера только и можно объяснить однимъ способомъ, чтобы согласиться и съ д'Эрлономъ и словами Наполеона: этотъ молодой адъютантъ везъ приказаніе Нею, на его собственное усмотрѣніе; но, увлекшись своею горячностью и своимъ извѣстнымъ легкомысліемъ, отнялъ войска д'Эрлона раньше срока и направилъ ихъ къ С.-Аманду. Наполеонъ не виноватъ въ важной и грубой ошибкѣ, онъ не требовалъ одновременнаго исполненія двухъ противоположныхъ маневровъ; но и Нею не виноватъ, въ обвиненіи, что не выказалъ проницательности, или вѣрнѣе, дара предвидѣнія. Напротивъ, мы должны удивляться героизму этого челоѣка, когда онъ негодуетъ подъ Катръ-Бра, стараясь выполнить полученные инструкціи; мы сочувствуемъ его неудачѣ и не осуждаемъ за то, что, въ виду тѣхъ же инструкцій, онъ посылаетъ за д'Эрлономъ чтобы или довершить съ его помощью успѣхъ, если тотъ придетъ впору, или спастись отъ истребленія, если онъ придетъ поздно.

Г. Тьеръ не ограничивается обвиненіемъ одного Нея за жалкія движенія д'Эрлона; онъ обвиняетъ самого д'Эрлона.

По описанію г. Тьера, д'Эрлонъ, прибывъ къ С.-Аманду, долго обдумывалъ и пустился въ разсужденія съ однимъ изъ своихъ дивизионныхъ начальниковъ генераломъ Дюрютономъ. Въ это время начальникъ штаба генералъ Делькамбръ вернулся отъ Нея и привезъ приказаніе идти назадъ къ Катръ-Бра; вслѣдъ за нимъ прибыло отъ маршала еще нѣсколько офицеровъ съ настояніями, немедленно и подъ угрозою самой строгой отвѣтственности повернуть къ Катръ-Бра; изъ Линьи тоже пришли приказанія, корпусный командиръ оставался въ нерѣшимости. Видя, что въ Линьи онъ нуженъ для довершенія побѣды, а въ Катръ-

Бра для отвращенія катастрофы, д'Эрлонъ порѣшилъ вернуться, исполнивъ такимъ образомъ приказаніе своего непосредственнаго начальства и послушавшись высшаго начальства, т. е. самого императора» Г. Тьеръ за это и обвиняетъ д'Эрлона ⁴³⁾).

Дюрюттъ говоритъ, что «д'Эрлона понуждали идти къ Бри; но ни слова не упоминаетъ разсуждать ли съ нимъ д'Эрлонъ про то чтобы идти впередъ или вернуться назадъ. Мы сказали, что Наполеонъ не могъ настаивать передъ подчиненнымъ; если же слово «настоянія» употреблено въ смыслѣ «приказаній», то невѣроятно, чтобы д'Эрлонъ, получивъ ихъ, не повиновался имъ; кромѣ того самое заключеніе это показываетъ, что Дюрюттъ не знаетъ хорошенько какія сношенія завязались между д'Эрлономъ и Наполеономъ.

Г Тьеръ кажется понималъ справедливость замѣтки, и, чтобы обойти ее, слово: «понуженіе», замѣнилъ словомъ: «приказаніе»; такъ у него Наполеонъ приказываетъ д'Эрлону идти къ Бри. Но ни эта произвольная замѣна одного слова другимъ, ни фразы, произносимыя офицерами, присылаемыми изъ Линьи, не представляютъ никакихъ доказательствъ въ пользу словъ Тьера.

Мы приняли на себя трудъ опровергнуть выдумку о запискѣ императора къ д'Эрлону, отправленной чрезъ Лабедойера; но предоставляемъ самому читателю опровергнуть эту новую сказку, гдѣ простой генералъ, выросшій въ дисциплинѣ, привыкшій къ порядкамъ первой имперіи, да вдобавокъ съ характеромъ д'Эрлона, будетъ бояться отвѣтственности передъ маршаломъ Пеемъ, когда ее снимаетъ императорское повелѣніе и скорѣе послушаетъ маршала, чѣмъ самого императора, находясь всего въ одномъ мѣ отъ боеваго поля, гдѣ кипѣла кровавая битва и куда его настоятельно требовали.

Высказанное нами мнѣніе совершенно противорѣчитъ этому вымыслу, мы допустили, что д'Эрлонъ возвратился къ Катръ-Бра, если не по приказу то съ согласія Наполеона, отправленнаго къ нему по прибытіи назадъ того адъютанта, котораго посылали въ 5½ часовъ разузнать, какія войска принялъ Вандамъ за непріятельскія — вѣроятно адъютантъ и передалъ тогда Наполеону про критическое положеніе Пеея. Въ опроверженіе нашихъ словъ г. Тьеръ написалъ длинное замѣчаніе, но понятнымъ для насъ причинамъ.

Согласиться съ нами, что Наполеонъ приказалъ или позволилъ д'Эрлону вернуться къ Пеею, значитъ оправдать вполнѣ обоихъ генераловъ въ неполномъ результатѣ битвы при Линьи, и признать въ Наполеонѣ недостатокъ рѣшимости и проникательности, когда онъ не воспользовался счастливою ошибкою своего адъютанта.

Г. Тьеръ, по своей любимой привычкѣ догматизировать начала исторической науки, прежде чѣмъ приступить къ опроверженію нашихъ словъ, высказываетъ слѣдующій принципъ: «въ исторіи только тогда допускаются предположенія, когда онѣ необходимы для разъясненія

---

⁴³⁾ Tome XX, pages 124, 125, 134.

фактовъ безъ того необъяснимыхъ, и когда онѣ зиждутся на теоріи вѣроятностей и аналогіи фактовъ, выведенной послѣ ихъ общаго разбора».

Затѣмъ онѣ находятъ, что въ данномъ случаѣ нѣтъ необходимости дѣлать предположеніе, такъ что наша догадка о причинахъ контръмарша д'Эрлона не только ихъ не объясняетъ, но совершенно запутываетъ дѣло ⁴⁶⁾.

Г. Тьеръ забываетъ кажется, что приказаніе Наполеона д'Эрлону, посланное чрезъ Лабедойера, извлеченіе изъ этого приказанія и всѣ фразы, передаваемыя съ поля битвы при Линьи, все это—одни собственныя предположенія г. Тьера, сдѣланныя съ цѣлью объясненія факта, безъ того необъяснимаго. Кромѣ того онѣ допускаетъ за дѣйствительность вещи спорныя: напр. д'Эрлонъ колеблется между приказаніями Нея и Наполеона, толкуетъ о нихъ и наконецъ направляется къ Катръ-Бра въ убѣжденіи, что Ней находится въ опасности; а Наполеонъ не знаетъ о степени этой опасности. Г. Тьеръ, не отдавая себѣ отчета, создаетъ цѣлую систему догадокъ и послѣ того говоритъ, что находятъ сбивчивость, натянутость и невѣрность въ предположеніи—что Наполеонъ, не зная хорошо оборота дѣлъ у Катръ-Бра, приказалъ д'Эрлону возвратиться къ Нейю. Однако г. Тьеръ не замѣчаетъ, какъ самъ впадаетъ въ несообразность, допустивъ, что д'Эрлонъ не донесъ Наполеону о настоящемъ приказаніи Нея, вмѣстѣ съ офицеромъ, который ѣздилъ на рекогносцировку изъ главной квартиры и возвращался туда обратно.

Наше предположеніе, вызвавшее со стороны г. Тьера массу предположеній, ничего не объясняетъ по его словамъ, т. е. вѣрнѣе ничего не объясняетъ въ томъ смыслѣ, какъ ему хочется, и допущено нами безъ надлежащей повѣрки показаній, служащихъ ему основаніемъ; оно почеркнуто изъ двухъ источниковъ, совершенно противорѣчащихъ одинъ другому — на свидѣтельствѣ графа д'Эрлона и одного изъ дивизіонныхъ начальниковъ 1-го корпуса Дюрютта ⁴⁷⁾.

Г. Тьеръ вооружается противъ насъ не прочтя нашей книги, слѣдуя своему обыкновенію обращаться подобнымъ образомъ съ источниками, противорѣчащими его предположеніямъ, описаніямъ и придумываніямъ.

Мы основывались не на двухъ, а на четырехъ показаніяхъ: д'Эрлона, Дюрютта, Наполеона и Нея и всѣ четыре приведены въ текстѣ ⁴⁸⁾.

Изъ нихъ заслуживаетъ наибольшаго вѣроятія показаніе Нея, напечатанное спустя десять дней послѣ совершившихся событій въ «Монитерѣ» и перепечатанное въ разныхъ журналахъ на глазахъ Наполеона, Лабедойера, д'Эрлона, Дюрютта и разныхъ другихъ заинтересованныхъ лицъ. Ни одинъ голосъ не высказался въ опроверженіе показаній Нея;

⁴⁶⁾ Tome XX. pages 135, 136.

⁴⁷⁾ Tome XX. page 136.

⁴⁸⁾ См. стр. 185—186 нашей книги.

но г. Тьеръ не обращаетъ никакого вниманія на важное значеніе словъ Нея.

Маршалъ говоритъ, что корпусъ д'Эрлона прибылъ къ нему по приказанію Наполеона; дѣло опредѣляется положительнымъ и безусловнымъ образомъ: и изъ него видно, что д'Эрлонъ не ослушивался главнокомандующаго, произведя свой контръ-маршъ.

Правда Наполеонъ не сознался въ томъ, что корпусъ д'Эрлона отпраздненъ назадъ по его приказанію; но щедрый на вымыслы, когда приходится скрыть свои ошибки и промедленія и свалить всю вину на своихъ помощниковъ, онъ однако не противорѣчитъ формально Нею Говоря, что корпусъ д'Эрлона сперва двинулся къ С.-Аманду, но потомъ понадобился Нею и былъ имъ возвращенъ, Наполеонъ не винитъ ни маршала, ни послушавшагося д'Эрлона, и такъ далекъ отъ всякой мысли обвиненія, что прибавляетъ въ ихъ защиту совершенно неточное показаніе: будто движеніе д'Эрлона къ С.-Аманду только на полчаса замедлило прибытіе 1 корпуса къ Франу ⁴⁹⁾.

Если бы императорскія повелѣнія были нарушены, то спросимъ всякаго безпристрастнаго читателя, неужто мемуары на о. св. Елены не разразились самыми желчными обвиненіями противъ Нея и д'Эрлона. Наконецъ развѣ Наполеонъ оставилъ бы хоть часть д'Эрлона корпуснымъ командиромъ, за неповиновеніе въ такую важную, рѣшительную минуту?

Сказавъ, что Наполеонъ если не приказать то былъ согласенъ на роковое удаленіе д'Эрлона, мы произнесли наши слова не на вѣтеръ, (чтобы ни говорили г. Тьеръ) а держались самымъ строгимъ образомъ границъ вѣроятнаго и возможнаго; за насъ говоритъ логика фактовъ и офиціальное сообщеніе Нея, оставшееся неопровергнутымъ при его жизни и долгое время спустя по его смерти; наконецъ сами мемуары на о. св. Елены, пропустившіе Нею отозваніе корпуса д'Эрлона къ Катръ-Бра, не смотря на все желаніе выказывать ошибки маршаловъ и генераловъ и, если понадобится, даже взводить на нихъ напраслину.

Хотя мы высказали, что д'Эрлонъ въ единственномъ документѣ о событіяхъ 16-го іюня — своемъ письмѣ къ герцогу Эльхингенскому, говоритъ что вернулся къ Катръ-Бра, вслѣдствіе настоятельнаго приказанія Нея, привезеннаго генераломъ Делькамбромъ, и умалчиваетъ про приказъ или разрѣшеніе императора, но мы прибавили, что показаніе д'Эрлона нисколько не мѣшаетъ тому, что подобная мѣра была дѣйствительно принята Наполеономъ. Кажется мы не довольно ясно высказали свою мысль; но мы имѣли въ виду положеніе д'Эрлона, когда онъ писалъ свою замѣтку. Д'Эрлонъ, исполняя желаніе сына маршала Нея, въ 1829 г. отвѣчалъ ему съ страннымъ лаконизмомъ: тогда было время, когда всякій противникъ реставраціи (д'Эрлонъ же былъ имъ въ высшей степени) счелъ бы себя преданнымъ видамъ правительства и могъ прослыть за роялиста, за негоднаго фран-

---

⁴⁹⁾ Mémoires, tome IX.

цуза (нынѣ раболѣпные писатели, находясь въ такихъ же обстоятельствахъ, расточаютъ подобные же эпитеты), если бы усумнился въ безошибочности Наполеона или приписалъ ему хотя одну ошибку. Д'Эрлонъ не солгалъ сказавъ, что Ней его требовалъ; но, умолчавъ про предписаніе или разрѣшеніе Наполеона. онъ не исказилъ факта; наконецъ онъ ни слова не говоритъ про тѣхъ посланцевъ, которые у г. Тьера являются къ генералу съ поля битвы и понуждаютъ его довершить торжество французскаго оружія.

Дюрюттъ высказался послѣднимъ, послѣ д'Эрлона, Наполеона и Ней; цѣль его—объяснить странное бездѣйствіе д'Эрлона въ вечеръ 16 іюня; но видно, что сношенія между Наполеономъ и генераломъ ему почти неизвѣстны. Одно слово: «настояніе», употребляемое имъ, достаточно чтобы показать и незнаніе Дюрютта, и недостаточность его показанія.

Мы допускаемъ, что можно не обратить вниманія (хотя напрасно), на то, что д'Эрлонъ не получилъ выговора или не былъ наказанъ; на слова Ней, сказанныя чрезъ нѣсколько дней послѣ совершившихся событій и на глазахъ всѣхъ очевидцевъ; на слова самого Наполеона въ мемуарахъ на островѣ св. Елены, полныя желчи, клеветъ на генераловъ, дѣйствовавшихъ въ 1815 году и отдать предпочтеніе показаніямъ д'Эрлона и Дюрютта (хотя опять несправедливо), одному неполному, другому запоздалому и не точному—мы все это допускаемъ; но мы не можемъ понять, какъ отвергать и эти послѣднія свидѣтельства!

Какъ бы то ни было, всѣ разсужденія о роковомъ странствіи д'Эрлона приводятся къ двумъ положеніямъ: оно послѣдовало по приказанію и разрѣшенію Наполеона или было сдѣлано противъ его воли,

Мы раздѣляемъ первое мнѣніе, г. Тьеръ второе.

Если правы мы — Наполеонъ показалъ нерѣшимость, отсутствіе отваги, недостатокъ соображенія; если правъ г. Тьеръ, Наполеонъ не сумѣлъ ввести въ рѣшительную минуту въ дѣло цѣлый корпусъ войскъ, бывшій у него подъ рукою. Въ обоихъ случаяхъ промахъ Наполеона капиталенъ.

Замѣтимъ, что самъ г. Тьеръ не вполнѣ убѣжденъ въ вѣрности своихъ сужденій о Рейлѣ, д'Эрлонѣ, Ней: вслѣдъ за осужденіемъ онъ приводитъ въ пользу ихъ разныя смягчающія обстоятельства, и снимая всю отвѣтственность за гибельные, страшные промахи, приписываетъ все случаю. Онъ говоритъ: «рокъ тяготѣлъ надъ нами въ послѣдніе дни и разстраивалъ всѣ лучшія соображенія, весь дивный героизмъ».

Если г. Тьеръ начинаетъ вводить въ свой разсказъ судьбу, значить Наполеонъ сдѣлалъ какую-нибудь капитальную ошибку. Г. Тьеръ ее не видитъ и, не находя естественныхъ объясненій, воскрешаетъ *fatum* античной мифологии, передъ неумолимыми судьбами коего склоняются и смертные, и боги. Все зло сваливается на *fatum*, тотъ молчитъ и Наполеонъ остается непогрѣшимымъ.

Г. Тьеръ не покидаетъ своей привычки—сознавая, что Рейль, д'Эр-

донъ, Ней обвинены напрасно, что Наполеона обвинить онъ не въ силахъ, Тьеръ сваливаетъ все на судьбу.

Перейдя въ область мифологій, замѣтимъ ему, что 16 іюня судьбу можно было заколдовать. Для этого не слѣдовало въ бездѣйствіи и колебаніи терять утро въ Шарлеруа; затѣмъ, разъ упустивъ время, съумѣть еще нѣсколько продвинуть 20 т. корпусъ д'Эрлона, показавшійся въ виду С.-Аманда. Судьба дня зависѣла отъ такой бездѣлицы, что нелѣпо представлять ее безпощадною, враждебною. Иногда бываетъ очень удобно проклинать случай. Герой этимъ избавляется отъ труда послѣдовательно и разумно дѣйствовать, народы отъ труда думать, авологисты соглашались съ здравымъ смысломъ — но исторія не принимается легко съ мифологическими аргументами, тотъ, на комъ лежалъ успѣхъ дѣла, отвѣчаетъ за неполный успѣхъ, когда слѣдовало его довершить, за проигранную битву, когда ее не умѣли выиграть.

XI — bis.

(къ страницѣ 220-й).

Г. Тьеръ не хочетъ допустить, что 17 іюня въ Наполеонѣ проявилась хотя минутная нерѣшимость или была потеряна по его винѣ хотя частица времени; все упущеніе въ этомъ отношеніи произошло помямо воли французскаго вождя. «Вслѣдствіе усталости войскъ и колебаній Ней было потеряно утро», повѣствуетъ г. Тьеръ, «отъ страшной бури пропало для враждующихъ арій послѣ-обѣденное время... впрочемъ Наполеонъ не могъ ничего и сдѣлать въ цѣлый день, наступая къ Монъ-Сень-Жану; маршалъ Груши напротивъ потерялъ цѣлый день при движеніи къ Вавру⁵⁰⁾».

Г. Тьеръ приходитъ къ выводамъ противоположнымъ нашимъ; но они основаны на воображаемыхъ, противорѣчивыхъ, ошибочныхъ показаніяхъ и безчисленныхъ недосмотрахъ.

Намъ будетъ не трудно доказать справедливость сказаннаго; но при этомъ придется вѣдаться въ мелочи. Нѣсколько строкъ довольно чтобы высказать какую-нибудь нечѣстность — но чтобы объяснить и опровергнуть ее нужны цѣлыя страницы.

Г. Тьеръ говоритъ, что въ 11 часовъ вечера, тотчасъ послѣ побѣды при Линьи, Наполеонъ начерталъ уже планъ дѣйствій. Онъ рѣшился стянуть резервы къ лѣвому крылу и броситься на Веллингтона, пока Груши съ правымъ крыломъ будетъ преслѣдовать Блюхера. Поднявшись съ постели въ 5 часовъ утра, (спустя часъ по восходѣ солнца и два по-разсвѣтѣ, что кажется г. Тьеру очень раннею порокою) онъ нетерпѣливо ждалъ чтобы двинутся, но чрезмерная усталость войскъ

---

⁵⁰⁾ Tome XX, pages 278, 281, 282.

тому воспрепятствовала. Войска, не отдыхая, были три дня на марше и дрались два дня сряду⁵¹⁾. Наполеонъ съ большимъ огорченіемъ принужденъ былъ дать продолжительный отдыхъ.

Здѣсь рѣчь идетъ о войскахъ гвардіи и корпусахъ Лобау, Вандамма, Жерара, Мильо, Эксельмана и Пажоля.

16 іюня корпусъ Лобау сдѣлалъ переходъ въ 5 лье, остальные корпуса прошли два, три или 4 лье; тронулись они послѣ 12, 15, 18 часового отдыха и вплоть до битвы при Линьи гвардія и корпуса Лобау, Жерара и Мильо сомѣнь не были въ огнѣ; подѣ Жилли изъ корпуса Вандамма дрались только 6 баталіоновъ, а изъ корпуса Эксельмана 8 эскадроновъ; корпусъ же Пажоля не успѣлъ принять участія въ этой короткой схваткѣ. Говорить, что всѣ эти войска три дня были на маршѣ и дрались два дня, значитъ сильно отдаляться отъ истины. Подводить подъ одинъ уровень степень участія различныхъ корпусовъ въ битвѣ при Линьи, значитъ еще болѣе искажать истину. Корпуса Вандамма и Жерара долго были въ жестокомъ огнѣ и много пострадали, напротивъ гвардія, поздно вступила въ дѣло, дралась два или три часа и имѣла незначительныя потери⁵²⁾; Эксельманъ и Пажоль также приняли слабое участіе и имѣли пустой уронъ. Наконецъ Мильо сдѣлалъ нѣсколько атакъ въ концѣ боя⁵³⁾, а Лобау, такъ сказать и вовсе не дрался. Вотъ дѣйствительные факты; такъ они изложены и у г. Тьера; но онъ скоро забываетъ собственные слова.

Разсужденіе г. Тьера о чрезмѣрной усталости войскъ падаетъ само собою при сличеніи трудовъ, какая пала на долю разныхъ корпусовъ; слова его: «гвардія, не смотря на все свое самоотверженіе, должна была отдохнуть и подкрѣпиться нищою; такъ что простояла два или три часа на бивакахъ, послѣ 8 часовъ утра», вызываютъ невольно усмѣшку.

Хороши были бы главнокомандующіе, если отборный корпусъ, пройдя 3 лье и побывъ въ огнѣ два или три часа, долженъ отдыхать, не имѣя возможности тронуться до 10 или 11 часовъ утра?

Впрочемъ быть можетъ справедливо, что люди Вандамма и Жерара до того изнемогли, что были не въ состояніи двигаться и самъ Наполеонъ не рѣшился ихъ подымать въ 6 часовъ утра — они поконились (говоря словами Тьера) въ крови на 30 т. трупахъ⁵⁴⁾. Имъ быть мо-

---

⁵¹⁾ Tome XX, page 143.

⁵²⁾ На стр. 278, Тьеръ говоритъ: «часть гвардіи была двинута въ огонь», а на стр. 101, «вся гвардія», что болѣе вѣрно.

⁵³⁾ На стр. 99, Тьеръ вѣрно указываетъ на атаки кирасиръ Мильо, а на стр. 278 совершенно невѣрно приводитъ, что кирасиры вовсе не дрались.

⁵⁴⁾ Увлечшись гиперболическою фигурою, г. Тьеръ забываетъ, что при 30,000 трупахъ, должно было быть 140 или 150 тысячъ раненыхъ, т. е. все число сражавшихся въ обѣихъ арміяхъ.

жегъ слѣдовало дать время нѣсколько вычиститься, поѣсть, оправиться? Все эти вопросы категорически опровергаются военною исторіею.

Войска Вандамма и Жерара въ былое время, подымая прежнихъ своихъ соратникамъ, бывали способны на разныя успія; воодушевленные побѣдою, они имѣли возможность сдѣлать тоже, что и разбитые пруссаки: послѣдніе стали позже на биваки, однако тронулись съ нихъ до разсвѣта и шли безостановочно до Вавра. Сошлемся наконецъ на дѣйствія Бюлова — онъ гналъ корпусъ отъ Люттиха къ Совеньеру, потомъ къ Вавру, Планшенуа, потерялъ здѣсь $\frac{1}{4}$ наличнаго состава, однако, поощряемый Блюхеромъ, отважился на преслѣдованіе, испугавшее Наполеона послѣ Линьи — гналъ насъ всю ночь, довелъ до полного пораженія и, едва давъ войскамъ отдохнуть на зорькѣ, къ вечеру былъ уже въ Фонтенъ-л'Эвекъ или въ 8 лье отъ Планшенуа.

Конечно не душно отдохнуть, почиститься, пообѣдать; но нужно соображать свои отдыхи съ непріятельскими — французскій солдатъ понимаетъ эту истину лучше другихъ, особенно въ жару успѣха, когда успіе ведетъ къ рѣшительному торжеству. Горячая пища подкрѣпляетъ солдата; но онъ умѣлъ обходиться и безъ нея, даже не имѣлъ съ собою и на два дня сухарей, какъ имѣли войска Вандамма и Жерара ⁵⁵⁾. Когда дѣло горѣло, онъ умѣлъ варить и закусывать на скорую руку.

Слова г. Тьера въ такой степени противорѣчивы, что уничтожаются сами собою.

Мы увидимъ въ его разсказѣ, что тотчасъ послѣ битвы при Линьи, Наполеонъ отправилъ къ Нею предписаніе: «быть готовымъ выступить на разсвѣтъ по брюссельской дорогѣ, не опасаясь англичанъ». Историкъ считаетъ въ такой степени несложнымъ и исполнимымъ это движеніе, что осипаетъ упреками Нея за неисполненіе. Изъ 2 корпусовъ, находившихся въ распоряженіи маршала, корпусъ Рейля, прошелъ столько же сколько Вандамъ и Жераръ, былъ въ такомъ же сильномъ и продолжительномъ бою и сравнительно понесъ потерю равносильную съ ними ⁵⁶⁾. Доказывая, что Рейль могъ выступить на разсвѣтъ, г. Тьеръ въ тоже время утверждаетъ, что къ 6 часамъ утра солдаты Вандамма и Жерара были такъ утомлены, что не могли начать движенія ранѣ нѣсколькихъ часовъ ⁵⁷⁾.

Находясь въ одинаковыхъ условіяхъ войска Нея и Наполеона подводятся подъ дѣй различныя оцѣнки.

---

⁵⁵⁾ Въ приказъ по арміи, отъ 14 іюня, сказано: «генераламъ поручается наблюсти, чтобы солдаты имѣли на себѣ четырехдневный запасъ сухарей и подфунта рису).

⁵⁶⁾ Изъ 20,000 Рейль потерялъ 4,125 чел., Вандамъ изъ 19,000 чел. 4,000, а Жераръ изъ 16,000 чел. 3,700.

⁵⁷⁾ На стр. 278, Тьеръ говоритъ: «наблюденіе за пруссаками поручено войскамъ Вандамма и Жерара, нѣсколько утомленнымъ наканунѣ.»

Отсюда мы заключаемъ, что г. Тьеръ совершенно несправедливо относитъ потерю утра къ чрезмѣрной усталости войскъ; онъ долженъ согласиться съ нами и многими другими лицами, что самъ Наполеонъ виноватъ въ потерѣ времени, виноватъ по своей нерѣшимости и безпечности.

На самомъ дѣлѣ войска не просили отдыха, они желали идти спозаранку и были въ отчаяніи, что остаются въ бездѣйствіи—Наполеонъ не воспользовался одушевленіемъ своихъ солдатъ.

Приведа неосновательныя причины утренняго бездѣйствія, вследствие изнуренія людей, г. Тьеръ обвиняетъ Нея въ томъ, что отъ его нерѣшимости потеряли вторую половину утра, но и здѣсь доказательства его несостоятельны. Ней не только не проявилъ нерѣшимости, но даже не имѣлъ случая ее проявить. Хотя мы можемъ сослаться на нашъ разсказъ; но предпочитаемъ уличить г. Тьера собственнымъ его разсказомъ, который хотя и различествуетъ нѣсколько отъ разсказа на о. св. Елены, но тѣмъ не менѣе полною невѣрностей.

Мы замѣтили выше, что г. Тьеръ полагаетъ, что тотчасъ послѣ битвы при Линьи, въ 11 часовъ вечера, Наполеонъ уже составилъ планъ дѣйствій на слѣдующій день и отправилъ къ Нею предписаніе — не опасаясь англичанъ, къ разсвѣту быть готовымъ выступить по брюссельской дорогѣ; англійская армія не можетъ удержаться послѣ битвы при Линьи — потому что она будетъ обойдена движеніемъ изъ Сомбрефа на Катръ-Бра ⁵⁸⁾.

Ней не исполнилъ такого точнаго и положительнаго приказанія; онъ трусилъ, не наступалъ; такъ что ошибки его начинаются съ разсвѣта 17-го іюня.

Обвиненіе это принадлежитъ Наполеону; но значеніе его увеличено новымъ и необдуманнымъ текстомъ г. Тьера; недопускаемое у перваго, здѣсь оно теряетъ всякое подобіе правды. Несуществованіе ночнаго приказанія доказывается сравненіемъ дѣйствительныхъ распоряженій Наполеона съ тѣми мѣрами, какія бы слѣдовало ему предпринять, если бы приказъ на самомъ дѣлѣ былъ посланъ Нею. Наполеонъ, приказывая Нею—быть готову съ разсвѣтомъ выступить по брюссельскому шоссе, не опасаясь англичанъ; потому что ихъ обойти движеніемъ изъ Сомбрефа къ Катръ-Бра, если они вздумаютъ удерживаться—долженъ былъ, вследствие самой простой осторожности, идти самъ съ разсвѣтомъ, поддержать свое лѣвое крыло и обойти дѣйствительно англичанъ. Ему не были извѣстны время отступленія англійской арміи отъ Катръ-Бра, и силы ея; т. е. сосредоточилось ли $\frac{2}{3}$ или вся англійская армія. Веллингтонъ при Катръ-Бра 17-го іюня имѣлъ 46,000 и могъ усилиться еще 20,000; (все это ускользнуло отъ г. Тьера, потому что онъ обыкновенно не обращаетъ вниманія на иностранныя источники и движенія непріятельскихъ войскъ), узнавъ о результатахъ битвы при Линьи въ 8 часу утра, онъ началъ отступленіе въ 10 часовъ.

---

⁵⁸⁾ Tome XX, page 140.

Даже принимая предвзятый рассказ Тьера, видно, что Наполеонъ не принялъ никакихъ мѣръ для поддержки Нея или обхода англичанъ. Ложась спать, онъ не приказывалъ ничего на счетъ развѣдыванія къ сторонѣ Катръ-Бра. Наполеонъ проснулся въ 5 часовъ утра (два часа послѣ разсвѣта) и только въ 6 часовъ принялся за отдачу приказаній (по г. Тьеру касавшихся Катръ-Бра). Приказанія были самого неторопливаго свойства. Гвардія, Лобау, Милль должны были быть готовы выступить къ 10 или 11 часамъ утра. Предположимъ, что этимъ войскамъ приказали бы немедленно выступить—они все-таки не могли посѣть къ Катръ-Бра ранѣе 9 или 10 часовъ утра, т. е. опоздали бы и довершить побѣду Нея, и спасти его войска отъ пораженія, въ случаѣ столкновенія съ превосходными силами непріятеля ⁵⁹⁾. Повторяемъ, самый рассказъ г. Тьера подтверждаетъ ⁶⁰⁾, что Нею вовсе не приказывали идти съ разсвѣтомъ на Брюссель, не заботясь о англичанахъ.

Нельзя допустить, что Наполеонъ, рассчитывая раздвинуть англо-голландскую армію одновременною атакою съ фронта и со стороны Сомбрефа, пустить маршала на отдѣльную, невѣрную и кровавую битву съ непріятелемъ, быть можетъ превосходнымъ въ силахъ.

Наполеонъ искусно обставилъ свой рассказъ, говоря о посылкѣ приказаній ночью къ Нею—атаковать и преслѣдовать англичанъ; онъ выставилъ, что здѣсь дѣло касается лишь арріергарда, а не цѣлой англійской арміи, и то въ томъ только случаѣ, когда главные силы начнутъ отступленіе, при извѣстіи о пораженіи пруссаковъ при Линьи. Изъ разсказа Наполеона видно, что онъ хотѣлъ подкрѣпить Нея съ разсвѣтомъ.

Вообще весь рассказъ Наполеона, безъ провѣрки съ документами и дѣйствительными фактами, самъ по себѣ вѣроуменъ; но подъ перомъ г. Тьера, полнымъ преувеличеній, онъ невозможенъ. Историкъ не замѣчаетъ какъ лишаетъ его даже объяснительныхъ вымысловъ с. Еленскихъ мемуаровъ.

Ней не получалъ никакихъ приказаній о движеніи съ разсвѣтомъ 17-го іюня и остается свободенъ отъ взводимаго упрека въ нерѣшительности. Наполеонъ не потерялъ ни минуты по его вину; кстати обратимъ на то вниманіе, что г. Тьеръ почти не указываетъ на не-

---

⁵⁹⁾ Приказъ былъ отданъ по Тьеру въ шесть часовъ утра; людямъ нуженъ былъ часъ времени собраться и два, чтобы дойти до Катръ-Бра.

⁶⁰⁾ Рассказъ очень невѣренъ. По всей вѣроятности Наполеонъ проснулся позже, а приказанія гвардіи, Лобау и Милль, отправлены послѣ—и не изъ Флеруса—они продиктованы въ Линьи Наполеономъ оберъ-гофмаршалу Берграну.

Изъ Флеруса ничего не приказывали о рекогносцировкахъ; приказанія были отданы Наполеономъ при посѣщеніи имъ поля битвы при Линьи. Онъ самъ говоритъ: «императоръ послалъ развѣздъ къ Катръ-Бра для сообщенія съ лѣвыми крыломъ; въ тоже время онъ осмотрѣлъ войска, принимавшія участіе въ бою. (Campagne de 1815).

повиновеніе, выказанное маршалу и неисполненіе приказанія выступить съ разсвѣтомъ; но, продолжая свой разсказъ, упрекаетъ его лишь въ постоянныхъ колебаніяхъ.

По словамъ г. Тьера, генераль Флаго, вернувшись отъ Нея, прибылъ къ 6 часамъ утра въ Флерусъ и доложилъ Наполеону: «что Ней не выполнѣ вѣрить въ исходъ битвы при Линьи, высказался противъ наступленія и желаетъ у Катръ-Бра ограничиться оборонительными дѣйствіями. Наполеонъ былъ очень недоволенъ ⁶¹⁾, вѣроятно ожидая услышать, что Ней уже на-маршѣ. Наполеонъ приказалъ Сульту уведомить маршала о совершенномъ выигрышѣ сраженія и предписать: «не теряя времени рѣшительно наступать къ Катръ-Бра, потому что англичане, угрожаемые обходомъ съ фланга 40.000 человекъ, не станутъ держаться» ⁶²⁾. Въ то же время офицеры были отправлены на рекогносцировки къ Катръ-Бра по Намюрскому шоссе, чтобы узнать, отступаетъ ли Веллингтонъ и началъ ли Ней свое наступленіе. Разославъ къ 7 часамъ всѣ эти приказанія, Наполеонъ въ каретѣ отправился къ Линьи и прибывъ туда, пересѣлъ верхомъ для осмотра поля битвы» ⁶³⁾.

Обѣхавъ поле, Наполеонъ сошелъ съ коня на высотѣ Бри и въ ожиданіи рекогносцирующихъ офицеровъ, разговаривалъ съ генералами о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Въ это время ему доложили, что къ сторонѣ Катръ-Бра вмѣсто войскъ Нея нашли только англичанъ. Онъ былъ очень недоволенъ и отправилъ вновь приказаніе маршалу идти впередъ, не обращая вниманія на англичанъ, ибо, если они станутъ удерживаться, ихъ обойдутъ съ фланга; Добау приказано ускорить движеніе къ Катръ-Бра, а гвардіи поторопиться выступленіемъ.

«Въ 11 часовъ Наполеонъ съ высотъ Бри поскакалъ по намюрскому шоссе къ Катръ-Бра, чтобы лично удостовѣриться въ происхожденіи. Гвардія снималась съ бивака, а войска Добау были на маршѣ къ Катръ-Бра и достигли Марбе» ⁶⁴⁾.

Г. Тьеръ затѣмъ приводитъ своего героя на шоссе, гдѣ шла перестрѣлка съ англійскими застрѣльщиками. «Ней оставался еще на бивакахъ. Наполеонъ немедленно отъ себя приказалъ д'Эрлону, стоявшему въ 1-й линіи, идти къ Катръ-Бра и самъ прибылъ къ 1 корпусу, который долженъ былъ дебушировать чрезъ единственное дебуше—Женалипскій мостъ, такъ что 70.000 человекъ едва могли перейти его въ 3 часа времени. Съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ, Наполеонъ ждалъ въ Катръ-Бра прохода войскъ... къ 3 часамъ по-полудни они еще тянулись по мосту. Тучи, густо обложившія небо, разразились тогда ливнемъ...» ⁶⁵⁾.

⁶¹⁾ Мы сдѣлали замѣчаніе по этому случаю, останавливаясь надъ извуреніемъ войскъ, бывшихъ подъ его начальствомъ, Наполеонъ у г. Тьера не обращаетъ вниманія на усталость людей Рейля.

⁶²⁾ Въ дѣлѣ не упоминается ни про какія цифры.

⁶³⁾ Tome XX, page 146.

⁶⁴⁾ Tome XX, pages 149, 150, 153.

⁶⁵⁾ Tome XX, pages 155, 157.

Г. Тьеръ, заключая, что Ней не рѣшившись выполнить приказа, присланнаго изъ Флеруса по возвращеніи Флага, не выполнялъ новаго приказанія, привезеннаго съ высотъ Бри, строго осуждаетъ маршала за такое упорное колебаніе.

Приведенный нами рассказъ выдуманъ съ перваго до послѣдняго слова.

Мы не знаемъ, когда именно была исполнена депеша, отправленная начальникомъ главнаго штаба къ маршалу Нею; слова: «императоръ сейчасъ ѣдетъ на мельницу Бри», достаточно указываютъ, какъ сказано въ нашемъ сочиненіи, что Сульта писалъ послѣ 8 часовъ утра. Многія показанія именно къ этому времени относятся отъѣздъ Наполеона изъ Флеруса. Группы, для котораго было безразлично раньше или позже послѣдовать этому отъѣзду, называютъ 9-й частью, два офицера, принадлежавшіе къ его штабу, показываютъ тоже самое, а безучастный свидѣтель всѣхъ споровъ о войнѣ 1815 года, полковникъ (впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ) Бодранъ, сопровождавшій Наполеона изъ Флеруса на поле битвы при Линьи, говоритъ, что они выѣхали около 9 часовъ утра⁶⁶⁾.

Почти очевидно, что г. Тьеръ впадаетъ въ ошибку, относя къ 7 часамъ утра отправку депеши начальника главнаго штаба Нею; эта ошибка значительна⁶⁷⁾.

Слѣдующая ошибка рельефнѣе и совершенно очевидна, она изъ самыхъ капитальныхъ.

Г. Тьеръ такъ невнимательно прочелъ депешу начальника главнаго штаба, что передать ее совсѣмъ иначе. У него—Наполеонъ приказываетъ Нею немедленно и рѣшительно наступать на Катры-Бра, тогда какъ приказаніе сказано въ формѣ исключительно условной.

Сультъ пишетъ: «Его Величество желаетъ чтобы вы, согласно полученному приказанію, заняли Катры-Бра; если же нельзя, то донесите тотчасъ же подробно почему—императоръ двинется, какъ я уже сказалъ. Если противъ васъ находится лишь арріергардъ, атакуйте его и занимайте позицію»⁶⁸⁾.

Въ депешѣ Сульта не высказано никакого неудовольствія, принсипсанаго г. Тьеромъ Наполеону, когда тотъ выслушивалъ Флага; въ ней не видно сѣшности, Наполеонъ вовсе не объясняетъ намѣреній своихъ, развѣ только, что остается на мѣстѣ. Вся депеша обличаетъ г. Тьера, въ пылу увлеченія повѣрившаго собственнымъ вымысламъ, чтобы оправдать Наполеона и обвинить Нейя.

---

⁶⁶⁾ Письмо генерала Бодрана къ маршалу Груши. (Парижъ, 16 декабря 1841 г.).

⁶⁷⁾ Депеша Нею отъ Сульта (см. стр. 200) подтверждаетъ нашъ взглядъ; въ полдень Наполеонъ, находясь въ Линьи, не получалъ еще отвѣта; будучи оправдана, согласно Тьеру, въ семь часовъ, депеша смѣло могла оборотиться два раза между Франомъ и Линьи въ пять часовъ времени.

⁶⁸⁾ См. стр. 199 нашего сочиненія.

Возстановивъ смыслъ депеши, радикально измѣненный г. Тьеромъ, мы имѣемъ основаніе отнести также къ области вымысловъ новый приказъ, будто бы отправленный Нею съ возвышенности Бри, гдѣ предписывалось: «идти впередъ не смотря на англичанъ, которыхъ обойдутъ съ фланга, если они станутъ сопротивляться».

Наполеонъ, не зная силъ непріятеля у Катръ-Бра и не имѣя возможности немедленно ударить имъ во флангъ у Бри, также какъ и во Флерусѣ, не могъ отдавать рѣшительнаго приказанія объ атакѣ; г. Тьеръ это соображаетъ и, чтобы придать вѣроятіе своему новому приказанію, о которомъ нигдѣ не упоминается, даже въ мемуарахъ на о. св. Елены, онъ заставляетъ Наполеона сперва ускорить маршъ корпуса Лобау къ Катръ-Бра и выступленіе войскъ гвардіи, затѣмъ скакать съ возвышенности Бри по дорогѣ и прибыть къ 12 часамъ въ Катръ-Бра.

Официальныя данныя опровергаютъ весь разсказъ Тьера.

Мы сказали, (съ чѣмъ соглашается г. Тьеръ), что Лобау въ 10 часовъ выступилъ къ Марбе, которое отстоитъ на 1½, лье отъ его биваковъ, на плато Бюсси. Ему не только не приказывали ускорить маршъ къ Катръ-Бра; но напротивъ велѣли остановиться у Марбе. Въ полдень, спустя два часа по выступленіи, онъ еще находился тамъ, что неопровержимо подтверждается депешою Сульта ⁶⁹⁾. Гвардію тоже было нечего торопить, потому что двинутая къ Марбе, а не къ Катръ-Бра, въ полдень она остановилась подлѣ Лобау—цитированная нами депеша это снова подтверждаетъ. Наполеонъ не думалъ скакать къ Катръ-Бра въ 12 часу, находясь въ это время, по словамъ депеши Сульта, у Линьи ⁷⁰⁾.

Жаль, что документъ извѣстный и богатый указаніями, ускользнулъ отъ вниманія г. Тьера или былъ имъ прочитанъ съ заранѣе принятою цѣлю—выставить неустанную дѣятельность Наполеона ⁷¹⁾.

Истина въ томъ, что первое и единственное приказаніе, не безусловное а условное, атаковать непріятеля у Катръ-Бра, было отправлено къ Нею въ полдень. Оно было послано послѣ того, какъ вернулись

---

⁶⁹⁾ См. стр. 200—201 нашей книги.

⁷⁰⁾ Г. Тьеръ въ другой части своего сочиненія записываетъ еще болѣе; на стр. 278 онъ говоритъ: «лишь прибытіе къ 11 часамъ Наполеона съ гвардіею, кирасирами и корпусомъ Лобау вывело Нея изъ его опасеній и онъ двинулся.» Здѣсь у г. Тьера не только Наполеонъ, выѣхавшій съ возвышенности Бри, по его словамъ въ 11 часовъ, является въ тотъ же моментъ въ Катръ-Бра за три лье; но такой же фокусъ совершается съ корпусомъ Лобау и войсками гвардіи, которая по собственнымъ словамъ г. Тьера оставила бивакъ въ двѣнадцатомъ часу.

⁷¹⁾ По странной забывчивости, г. Тьеръ, показавъ отѣздъ Наполеона часомъ ранѣе настоящаго, прибавляетъ въ выноскѣ, что онъ основывается на самыхъ достовѣрныхъ источникахъ: Груши у него виноваты, невѣрно показавъ, что въ полдень Наполеонъ неоставлялъ еще поля битвы при Линьи.

рекогносцирующие отряды со стороны Катръ-Бра и принесли свѣдѣнія, что англо-голландская армія остается на мѣстѣ; какъ Груши получилъ отъ Наполеона нужныя инструкціи, войска Лобау, гвардіи и Мильго были массированы у Марбе, и самъ Наполеонъ собирался туда ѣхать—однимъ словомъ тогда, когда онъ могъ, какъ самъ выражается, содѣйствовать Неоу.

Повторимъ, что приказъ объ атакѣ, отправленный съ поля битвы при Линьѣ лишь въ полдень, не могъ имѣть никакого вліянія на распоряженія Ней. Онъ прибывалъ тогда, когда войска его уже двинулись. Д'Эрлонъ, оставилъ во 2-мъ часу по-полудни высоты Франа и показался передъ Катръ-Бра; гдѣ его появленіе г. Тьеръ совершенно несправедливо относитъ къ 12 часамъ.

При малѣйшемъ изученіи подлинныхъ источниковъ и фактовъ, видно что Ней чистъ отъ взводимыхъ упрековъ въ нерѣшительности.

Цѣлое утро онъ находился въ неизвѣстности о исходѣ битвы при Линьѣ; противъ него стояла цѣлая половина англо-голландской арміи; слѣдовательно чтобы не наткнуться на пораженіе или не завязывать бесполезнаго кровопролитія, прежде чѣмъ идти на Катръ-Бра, онъ долженъ былъ выждать, пока не явится на флангъ непріятеля колонна, прибывшая по памюрскому шоссе со стороны Линьи. Въ депешѣ Сульта, отправленной въ 8 часовъ утра, эта помощь была обѣщана Неоу, если ему нужно будетъ помочь и противъ него стоитъ болѣе чѣмъ непріятельскій арріергардъ.

По нашему разсказу и по самому ходу обстоятельствъ видно, что выжиданіе было предписано Неоу: чтобы удержать Веллингтона, слѣдовало не тревожить его. Англійскій полководецъ, оставаясь на позиціи до появленія на флангъ Наполеона, становился въ безвыходное положеніе, будучи атакованъ съ фронта и фланга.

Мы сказали въ своемъ сочиненіи, что Ней виноватъ, не двинувшись около полудня тотчасъ за англо-голландцами, когда выяснилось ихъ отступленіе и на позиціи оставался одинъ арріергардъ. Тутъ онъ выказалъ вялость и тупость; но сдѣланная ошибка, не имѣла и не могла имѣть никакого вліянія на результатъ цѣлого дня.

Положимъ, Ней тронулся бы съ своихъ биваковъ на высотахъ Франа въ полдень или раньше къ Катръ-Бра, сбилъ бы непріятеля и занялъ около часа (что не трудно было исполнить) позицію у Катръ-Бра и далѣе, чтобы очистить дорогу войскамъ, прибывающимъ изъ Марбе; все таки время дать битву было бы унушено, потому что Лобау и гвардія пришли къ Катръ-Бра только въ 2 часа по-полудни. Наконецъ самая важная помѣха—буря задержала движеніе колоннъ, «войска сбились, перепутались—распоряженія были парализованы», вотъ подлинныя слова г. Тьера ⁷²⁾.

Сдѣлаемъ еще замѣтку, хотя она собственно и не относится къ возникшему спору; укажемъ на двойную ошибку г. Тьера—въ описаніи

⁷²⁾ Tome XX, pages 157 — 158.

мѣстности и описаніи факта, какъ Наполеонъ подъ Катръ-Бра, находился у Женаппскаго моста, единственнаго прохода для войскъ, и ждалъ 3 часа, пока 70,000 человѣкъ тянулись черезъ мостъ.

На 6-й верстѣ отъ своего истока, у Женаппа и въ окрестности, р. Диль представляетъ маленькій ручеекъ, проходимый въ бродъ для пѣхоты и кавалеріи даже послѣ сильныхъ дождей. Для артиллеріи переходъ затруднителенъ. Въ 1815 г., кромѣ Женаппскаго моста находились ниже на $\frac{1}{4}$ лье, мостъ у Ве-ла-Гюттъ, черезъ который перешла англійская дивизія Альтена или ея артиллерія, ниже на $\frac{1}{2}$ лье мостъ у Ти, гдѣ прошла бригада Вивіена и наконецъ чуть выше Женаппа широкій бродъ, служившій мѣстомъ переправы дивизіи Перриончера съ ея артиллерією; наконецъ ниже брода мостъ у Лупуаня. Ко мѣстамъ названнымъ пунктамъ идутъ дороги почти параллельныя брюссельскому шоссе и выходящія на шоссе изъ Намюра въ Нивель въ окрестностяхъ Катръ-Бра.

Эти топографическія данныя, сдѣланныя мною на мѣстѣ, далеко не сходятся съ разсказомъ г. Тьера о единственномъ пунктѣ переправы Женаппскомъ мостѣ, черезъ который Наполеонъ, въ теченіи трехъ часовъ, провелъ 70,000 человѣкъ всѣхъ оружій съ обозами.

Маленькій ручеекъ Диль не могъ задержать марша арміи, потому что не представлялось никакого затрудненія, направить изъ окрестностей Катръ-Бра войска, прибывающія изъ Марбе къ Ве-Ла-Гюттъ и Ти; а Иею идти съ двумя колоннами—съ одною по брюссельскому шоссе къ Женаппу, а другою къ Лупуаньскому мосту и броду, служившему переправой для дивизіи Перриончера. Такимъ образомъ войска, разбитыя по теченію р. Диль, перешли бы его въ бродъ въ одно время съ артиллерією, которая бы совершила переправу въ 4-хъ или 5 названныхъ пунктахъ.

Если принять сообщенія г. Тьера, то Наполеонъ самъ виноватъ въ безполезной тратѣ времени, переводя 70,000 человѣкъ съ артиллерією черезъ Женаппскій мостъ; но на самомъ дѣлѣ Наполеонъ, хотя и не воспользовался всѣми мѣстными удобствами, но не выказалъ ни безпечности, ни наивности, какими его награждаетъ совершенно безсознательно г. Тьеръ.

Наполеонъ прибылъ къ Катръ-Бра въ половинѣ втораго ⁷³⁾; полдня было уже потеряно; англо-голландская армія, оставивъ кавалерійскій арріергардъ, ускользнула, такъ что, и догнавъ ее, онъ не имѣлъ времени дать ей битву; прусская армія (по его убѣжденію—показаніе самого Тьера) была разстроена на два или на три дни (что они и доказали на слѣдующій день); наконецъ дождь не переставалъ и лилъ какъ изъ ведра: вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Наполеонъ изъ окрестностей Катръ-Бра не направилъ тотчасъ же арміи 4 колоннами, что

---

⁷³⁾ Выѣхавъ изъ Линьи въ 12½ часовъ, Наполеонъ, проѣхавъ болѣе трехъ лье, не могъ быть ранѣе половины втораго у Катръ-Бра. Во всякомъ случаѣ войска Любау и гвардія, стоявшія въ первомъ часу еще у Марбе, не могли туда посѣть ранѣе сказаннаго времени.

не преминулъ бы сдѣлать въ пныхъ обстоятельствахъ, но и не тратилъ 3-хъ часовъ на переходъ Женаппскаго моста. Почти всѣ войска перешли выше и ниже мѣстечка въ бродъ, и хотя большая часть артиллеріи тянулась чрезъ мостъ, но нѣсколько батарей перешли по другимъ мостамъ: наконецъ онъ не ожидая перехода корпуса Рейля. Корпусъ этотъ, силою въ 16,000 чел., т. е. почти въ $\frac{1}{4}$ наличныхъ силъ, бывшихъ подъ рукою Наполеона, составлялъ арріергардъ и сталъ на bivouacъ въ Женаппѣ.

Всѣ наши разсужденія приводятъ къ тому заключенію, что переправа, не будучи соответственно скорою, отняла не три часа, а менѣе часа времени. Не переходъ чрезъ р. Дилъ, а бушевавшая непогода замедлила наступленіе арміи къ Россомеккимъ высямъ; повторяемъ снова, что Дилъ у Женаппа течетъ мелкимъ ручьемъ, доступнымъ даже полку большихъ дождей для пѣхоты и кавалеріи; тяжести же могутъ переходить по разнымъ мостамъ ⁷⁴⁾.

Оставивъ въ сторонѣ двойную ошибку г. Тьера, мы видимъ, что необходимое заключеніе нашего длиннаго разсужденія—то, что и «колебанія Ней, возбужденныя впервые С.-Еленскими разсказами и извуреніе войскъ», все это лишь плоды фантазіи г. Тьера.

Смѣло говоримъ, что длинное лѣтнее утро, 17 іюня, было потеряно, подобно вчерашнему, единственно потому, что Наполеонъ сналъ, когда ему слѣдовало быть уже на конѣ, и колебался, когда необходимо было мгновенное рѣшеніе.

16 іюня потерявъ утро, мы не успѣли одержать рѣшительнаго успѣха надъ пруссаками; 17 потеряли еще болѣе времени и упустили случай захватить англо-голландскую армію; только что мы догнали ея арріергардъ, какъ разразилась гроза и парализовала наше преслѣдованіе.

Припомнимъ аксіому, что всякая потеря времени всегда бываетъ ошибкою, иногда несправимою, капитальною.

Г. Тьеръ, защищая Наполеона противъ упрековъ въ безпечности и нерѣшительности, не останавливается на томъ, что сваливаетъ неуспѣхъ на Ней и на изнуреніе арміи. Кажется онъ самъ сомнѣвается въ значеніи двойнаго аргумента, потому что находитъ третій доводъ—который оправдывалъ бы исполнѣ его героя, если бы имѣлъ достаточно вѣрное основаніе.

Г. Тьеръ говоритъ, что время не имѣло особаго значенія въ день 17 іюня, такъ что имъ можно было распоряжаться беззаботно и безнаказанно ⁷⁵⁾.

Мнѣніе это принадлежитъ исключительно г. Тьеру—ни одинъ историкъ не раздѣляетъ его; напротивъ, на островѣ св. Елены, самъ На-

---

⁷⁴⁾ Г. Тьеръ, разсказывая про пораженіе наше на слѣдующій день, говоритъ, что эта рѣчка переходима въ бродъ; но тѣмъ не менѣе упорствуетъ видѣть единственный мостъ у Женаппа.

⁷⁵⁾ Tome XX, pages 278—279.

полсонтъ, сознавая ошибку, горько стѣновалъ на потерю времени, но сваливалъ вину на Ней ⁷⁶⁾.

«Послѣ побѣды надъ пруссаками», толкуетъ г. Тьеръ, «оставалось разбить англичанъ и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше; но время и мѣсто встрѣчи съ ними зависѣло не отъ Наполеона, а отъ Веллингтона.

«Мы отстали на полперехода отъ непріятеля и должны были тащиться не быстрее его; непріятель, рѣшаясь на битву, ждалъ насъ передъ Суаньскимъ лѣсомъ — если бы мы начали тѣснить англичанъ, они отступили бы за лѣсъ и избѣгли битвы....

«Чтобы принудить противника къ бою, Наполеону нечего было предупреждать его у Суаньскаго лѣса. На битву могли рассчитывать только вслѣдствіе отваги Блюхера и честолюбія Веллингтона ⁷⁷⁾; бы-строга марша тутъ не при чемъ: усталость войскъ, нерѣшительность Ней, страшная буря, дѣлали битву невозможною, а сосѣдство Суаньскаго лѣса бесполезною.»

Несостоятельность предположенія бросается въ глаза.

Конечно нужно было сперва встрѣтиться съ англичанами, а потомъ ихъ разбить: но что условія встрѣчи зависѣли отъ Веллингтона, а сосѣдство Суаньскаго лѣса позволяло ему избѣгать битвы совершенно невѣрно; напротивъ, все даетъ намъ право сказать, что при большей энергіи и настойчивости со стороны Наполеона, положеніе англійскаго вождя становилось критическимъ.

Во-первыхъ, мы не отстали на половину перехода отъ англичанъ, потому что Ней съ 40,000 бивакировалъ въ виду Веллингтона, имѣвшаго 46,000; и только 30,000 войска, назначеннаго къ выступленію изъ Линьи къ Катръ-Бра, находились въ полумаршѣ отъ англичанъ.

Близкое сосѣдство было не только не неблагоприятно, но напротивъ очень выгодно, и давало легкую возможность нанести рѣшительный, быть можетъ окончательный, ударъ англійской арміи. Довольно было Наполеону съ резервами выступить въ четвертомъ часу съ высотъ Бри; въ шесть часовъ онъ очутился бы передъ англичанами, въ одно время съ предувѣдомленнымъ Неемъ, начавшимъ рѣшительное наступленіе.

Веллингтонъ не могъ избѣжать битвы, т. е. кѣрнаго пораженія, потому что, какъ извѣстно, не сдѣлалъ до того никакихъ распоряженій объ отступленіи и не зналъ результата битвы при Линьи — извѣстіе о ней дошло бы вмѣстѣ съ канонадою Наполеона; двойная атака съ фронта и тыла застигала его врасплохъ ⁷⁸⁾. Наше близкое сосѣдство съ не-

---

⁷⁶⁾ Campagne de 1815; Mémoires, t. IX.

⁷⁷⁾ Г. Тьеръ такъ опредѣляетъ честолюбіе Веллингтона: «онъ мечталъ одинъ кончить войну, поднятую противъ насъ, и играть при этомъ главную роль» (стр. 177). Не знаемъ основаній этой новости; знаемъ только, что она опровергается просьбами Веллингтона къ Блюхеру о помощи, и письмомъ къ нему же, подъ стѣнами Парижа, отъ 2 іюля.

⁷⁸⁾ Это заключеніе тѣмъ болѣе вѣрно, если принять топографическія замѣтки Тьера. По его словамъ, существовалъ въ тылу Катръ-Бра един-

приятелемъ служило только къ нашей выгодѣ: представляя возможность раздавить его совокупнымъ нападеніемъ.

Допустимъ при этомъ невозможное предположеніе, что Веллингтонъ успѣлъ бы уйти безъ особыхъ потерь съ позиціи при Катръ-Бра. Мы имѣли передъ собою столько времени — въ промежутокъ отъ 6 часовъ утра до 3 или 4 часовъ по-полудни, когда разразилась гроза и представила существенное препятствіе движеніямъ войскъ, что могли или принудить его къ битвѣ, недоходя лѣса у Монъ-Сентъ-Жана, или заставить его отступить за лѣсъ.

Въ первомъ случаѣ, Веллингтонъ, лишенный содѣйствія Блюхера, былъ бы разбитъ: а во второмъ случаѣ, покидая крѣпкую и знакомую Монъ-Сентъ-Жанскую позицію, онъ принужденъ былъ бы отступить за Брюссель и долженъ былъ притянуть къ Антверпену дивизіи, стоявшія у Бренъ-ле-Конта и Ангіена — сообщенія съ Блюхеромъ, находившимся въ Ваврѣ, совершенно прерывались.

Значеніе времени въ день 17 іюня было важною, капитальною вещью, чтобы ни говорилъ г. Тьеръ.

Если бы Наполеонъ не потерялъ безцѣльно почти цѣлаго дня, онъ разбилъ бы англо-голландцевъ или по малой мѣрѣ отстранилъ страшную возможность имѣть дѣло съ обѣими арміями и отвратилъ бы такимъ образомъ пораженіе при Ватерлоо.

Мы упустили время и противъ англо-голландцевъ и въ дѣйствіяхъ противъ Блюхера. Мы сказали, что Наполеонъ подарилъ пруссакамъ первую половину дня, а маршалъ Груши, поздно двинутый для ихъ преслѣдованія, не воспользовался остаткомъ дня.

Г. Тьеръ высказывается въ иномъ смыслѣ, думая, что Наполеонъ исполнилъ правъ, а Груши потерялъ почти цѣлый день на маршѣ къ Вавру ⁷⁹⁾.

Понятно, что г. Тьеръ долженъ выдержать обвинительный характеръ въ своемъ легендарномъ повѣствованіи — осудивъ въ оправданіе Наполеона дѣйствія Нея на лѣвомъ крылѣ, онъ осуждаетъ теперь Груши за дѣйствія на правомъ крылѣ.

Г. Тьеръ снова здѣсь отступаетъ отъ рассказовъ на о. св. Елены, ложность коихъ мы доказали; но тѣмъ не менѣе описаніе его остается также невѣрно и пристрастно.

Тьеръ обвиняетъ маршала Груши за потерю почти цѣлаго дня на ваврской дорогѣ: но день этотъ дѣлится на двѣ половины — первая съ разсвѣта, до той минуты, какъ Груши принялъ начальство — и вторая

ственный путь отступленія у Жонаппскаго моста. Если семидесятитысячная армія Наполеона тянулась черезъ него три часа, такъ для сорокатысячной арміи Веллингтона нужно было по крайней мѣрѣ два часа — время, достаточное для полнаго истребленія англо-голландской арміи.

⁷⁹⁾ Г. Тьеръ говоритъ объ этомъ предметѣ: на стр. 282 сказано, что маршалъ потерялъ почти цѣлый день; на стр. 192, 254, 289 половину дня, а на стр. 290 пять или шесть часовъ. Все это невѣрно.

до ночи. За первую половину дня онъ не отвѣчаетъ, во второй онъ не нарушалъ инструкцій и не упускалъ изъ виду обстоятельствъ ⁸⁰⁾.

Мы скоро дойдемъ до ошибокъ Груши; но сперва опредѣлимъ продолжительность времени, протекшаго съ утра до той минуты, какъ онъ принялъ начальство и припомнимъ что было сдѣлано противъ пруссаковъ, потому что дѣйствія утромъ имѣли рѣшительное вліяніе на послѣдующія затѣмъ событія. Г. Тьеръ говоритъ, что Груши принялъ начальство послѣ выступленія къ Марбе корпуса Лобау, т. е. въ 11 часу утра, когда историкъ, не зная, что дѣлать съ Наполеономъ на высотѣ Бри, представляетъ его скачущимъ къ Катръ Бра: мы уже доказали, что отбѣздъ Наполеона показанъ часомъ ранѣе. Это позволяетъ думать, что и роль маршала начинается въ разсказѣ ранѣе настоящаго; но существуютъ болѣе положительные доводы. Одинъ изъ нихъ: увѣреніе Груши, основанное на свидѣтельствѣ безпристрастнаго очевидца, Наполеоновскаго адъютанта генерала Бернара, въ томъ, что онъ получилъ начальство только послѣ полудня, былъ приведенъ нами выше — прибавимъ къ нему, что Жераръ, пристрастный и нерасположенный къ Груши, также подтверждаетъ слова маршала. Онъ пишетъ, что получилъ приказаніе выступить въ 12½ часовъ; конечно онъ не упустилъ бы случая обвинить маршала, если бы тутъ была хотя малѣйшая мѣшкотность. Мы достоверно можемъ сказать, что до 12½ часовъ утра Груши не виноватъ, и одинъ Наполеонъ виноватъ въ тѣхъ мѣрахъ, которыя слѣдовало предпринять за это время противъ пруссаковъ. Въ чемъ состояли эти мѣры? Чтобы не повторяться, отвѣтимъ собственными словами г. Тьера: «На другой день, послѣ битвы при Линьи, не слѣдовало давать пруссакамъ ни минуты отдыха; но гнать ихъ по пятамъ, захватывая отсталыхъ, такъ чтобы наше преслѣдованіе стоило непріятелю, столько же, сколько и проигранное сраженіе ⁸¹⁾.

Было ли это сдѣлано? конечно нѣтъ, потому что Наполеонъ потерялъ половину дня, пока не назначилъ Груши, такъ что прусская армія успѣла отъ насъ уйти, а ея отсталые подтянулись, случай уничтожить прусскую армію миновался безвозвратно. Эту важную потерю половины дня слѣдуетъ приписать главнокомандующему, распорядившемуся дѣйствіями, т. е. Наполеону, не принявшему ни одной изъ мѣръ, указанныхъ даже г. Тьеромъ.

Г. Тьеръ старается затѣмъ смягчить высказанныя сужденія о мѣрахъ, которыя слѣдовало предпринять; «прежде чѣмъ идти за пруссаками слѣдовало отправить кавалерію для отысканія пути отступленія; иначе рисковали идти не по тому направленію. Что было возможно для быстрой легкой кавалеріи, то становилось очень неудобнымъ для уставшей пѣхоты» ⁸²⁾.

---

⁸⁰⁾ «Я желаю, чтобы генералы слушались васъ; прибывъ на мѣсто, я буду отдавать приказанія лично.» (Письмо Наполеона къ Груши, отъ 16 іюня).

⁸¹⁾ Tome XX, page 140.

⁸²⁾ Tome XX, page 145.

Добавленіе г. Тьера не только не оправдывает Наполеона; но еще болѣе выставляетъ его апатію и нерѣшимость.

Если дѣйствительно надлежало отыскать слѣды прусской арміи, прежде чѣмъ подымать пѣхоту, то слѣдовало тотчасъ же разослать кавалерію по всѣмъ направленіямъ—но именно Наполеонъ этого не сдѣлалъ, что явствуетъ изъ нашего разсказа, изъ словъ г. Тьера; что неоспоримо и не оспаривается никѣмъ.

Наканунѣ, онъ приказалъ лишь одной легкой кавалерійской дивизіи изъ корпуса Пажоля, идти съ развѣдомъ за отступавшими пруссакими; но къ несчастью она была отпавлена по направленію къ Намюру—отбивъ нѣсколько орудій и обоза, она сбилась съ толку и цѣлое утро, даже часть дня, искала пруссаковъ къ востоку, тогда какъ они отступали на сѣверъ, и доставила лишь невѣрныя и темныя донесенія.

Болѣе ничего не сдѣлали для отысканія пруссаковъ.

Пока Пажоль напрасно шелъ къ Намюру, Наполеонъ почивалъ во Флерусѣ, затѣмъ отдохнувъ и выспавшись, унылый, нерѣшительный, поѣхалъ къ Линьи, убилъ тамъ время на безполезный смотръ и болтовню, нисколько не заботясь отправить по расходящимся радіусамъ одну или двѣ дивизіи легкой кавалеріи, изъ бывшихъ у него подъ рукою чтобы открыть куда отступаютъ пруссаки⁸³⁾. Конечно, при подобномъ образѣ дѣйствій, никого никогда не найдутъ—прусская армія ускользнула.

Въ былое время Наполеонъ распорядился иначе и настигалъ противника.

Назадъ тому два года, дѣятельность и рѣшимость императора начинали истощаться, однако на другой день послѣ побѣды при Дрезденѣ, онъ съ развѣдомъ былъ на конѣ, на аванпостяхъ, тонувшихъ въ грязи—онъ лично и изъ донесеній своихъ развѣздомъ удосговѣрился по какому направленію отступаетъ непріятель и немедленно двинулъ впередъ свою армію.

Выказавъ въ день 17 іюня подобную же неутомимость и рѣшимость, онъ могъ быть въ 3 часа утра на плато Бюсси; отпавивъ оттуда 3 или 4 рекогносцировки, по донесеніямъ ихъ могъ узнать, гдѣ наши пруссаковъ, и въ какомъ разстояніи находится вся прусская армія отъ нашихъ главныхъ силъ—припомнимъ, что она занимала еще Сомбрефъ и послѣдніе прусскіе баталіоны очищали Бри.

Двинувъ немедленно за разстроеннымъ и разбиченнымъ непріателемъ всѣ, бывшія подъ руками войска, Наполеонъ имѣлъ возможность безъ труда разбить ихъ вторично, довершить вчерашнее пораженіе, раздавить непріятеля, такъ что онъ долго не могъ бы оправиться. Тогда, двинувъ—за ними часть войскъ, (какъ впоследствии вышло къ худшему) до 33,000 съ Груши, мы, гоня по пятамъ непріятеля, смяли

---

⁸³⁾ Г. Тьеръ упустилъ изъ виду безпечность Наполеона; и только послѣ отъѣзда Наполеона изъ Линьи видитъ необходимость по радіусамъ полукруга освѣтить пространство впереди, чтобы отыскать пруссаковъ—за неисполненіе этого онъ горячо винить Груши.

бы его аррьергардъ, быть можетъ какой нибудь изъ корпусовъ, забрали нѣсколько тысячъ отсталыхъ и конечно не допустили бы сосредоточиться у Вавра.

Наполеонъ не выказалъ ни рѣшимости, ни дѣятельности: онъ упустилъ единственный удобный случай или имѣть рѣшительный успѣхъ, дѣйствуя противъ пруссаковъ всѣми силами, или нанести имъ значительный уронъ, отрядивъ противъ нихъ часть арміи.

До перваго часа по-полудни онъ не предпринималъ ничего и не зналъ даже, гдѣ пруссаки. Слѣдъ ихъ былъ потерянъ—тогда какъ, по словамъ г. Тьера, онъ непремѣнно долженъ былъ быть отысканъ; когда Груши поручили командованіе, первую обязанностью для него поставили искать пруссаковъ, найти ихъ и слѣдовать за ними.

Въ нашемъ разсказѣ мы доказали, что половина дня была потеряна не по винѣ Груши, но исключительно по винѣ Наполеона—мы промѣдили не на наврской дорогѣ, а на бивакахъ, съ которыхъ такъ поздно тронулись. Важнымъ слѣдствіемъ подобной потери времени было то, что Груши, получивъ приказаніе преслѣдовать давно исчезнувшую прусскую армію, не зналъ даже куда идти, чтобы набрести на ея слѣдъ. Здѣсь начинается активная роль Груши, мы разберемъ степень его отвѣтственности.

Мы передали словесныя инструкціи Наполеона Груши, со словъ послѣдняго, ⁸⁴⁾ потому что не сомнѣвались въ ихъ достовѣрности, такъ какъ они сходятся съ фактическою послѣдовательностью, съ извѣстными намѣреніями Наполеона въ эту пору дня, не возбудили противъ себя серьезныхъ возраженій и нашли поддержку въ чловѣкѣ, бывшемъ ожесточеннымъ порицателемъ маршала Груши.

Г. Тьеръ напротивъ думаетъ, что Наполеонъ отдалъ Груши болѣе точныя и законченныя наставленія при его назначеніи, чѣмъ тѣ, какія привелъ самъ Груши. У Тьера, Наполеонъ исключительно предписываетъ: «не терять пруссаковъ изъ виду, маневрируя такимъ образомъ, чтобы сохранять постоянное сообщеніе съ главными силами арміи и находиться между ними и пруссаками, отправивъ для отысканія пруссаковъ кавалерію къ Вавру и Намюру.

Груши и Тьеръ противорѣчатъ другъ другу; первый говоритъ, что былъ почти предоставленъ самъ себѣ; но Тьеру, онъ получилъ точныя и обстоятельныя инструкціи, что пытаются доказать и мемуары на о. св. Елены.

---

⁸⁴⁾ См. стр. 202 этой книги. Мы заимствуемъ отъ маршала Груши съ крайнею разборчивостью, и когда слова его подтверждаются официальными документами или подлинными свидѣтельствами. Груши, служа постоянно цѣлью для нападокъ, рѣдко справедливыхъ, но большей части пристрастныхъ, невѣжественныхъ или злонамѣренныхъ, такъ теряется, что въ послѣднихъ очеркахъ особенно высказываетъ свою душевную тревогу: онъ забываетъ или перевираетъ факты и официальныя данныя, представляющія для него важное оправданіе; и впадаетъ въ очевидныя противорѣчія и несогласія съ самимъ собою.

Вдаваясь въ подробности, г. Тьеръ говоритъ, что слышалъ ихъ отъ очевидца, маршала Жерара, одного изъ самыхъ прямыхъ и правдивыхъ людей; но насъ не убѣждаютъ эти слова. Напротивъ, мы вполне увѣрены, что и словесное свидѣтельство очевидца, подобно разнымъ показаніямъ и документамъ, подчинилось заранѣе предвзятой идеѣ: видѣть вещи какъ ему хочется, а не такъ какъ онѣ происходили на самомъ дѣлѣ.

Жераръ издалъ двѣ пристрастныя и фѣкія брошюры противъ Груши, гдѣ не только не оспариваетъ подлинность приведенныхъ маршаломъ словесныхъ инструкцій Наполеона: но напротивъ дѣлаетъ ихъ основаніемъ для всѣхъ послѣдующихъ выводовъ въ своей второй брошюрѣ, помѣстивъ ихъ тамъ буквально ⁸⁵⁾. Конечно найдя въ нихъ неполноту и неточность, онъ тотчасъ же указалъ бы на это, и сказалъ Груши: «при мнѣ вамъ императоръ приказывалъ совѣтъ не то, что вы говорите».

Слѣдовательно мы должны вѣрить словамъ Груши.

Отдавъ маршалу приказанія словесно, Наполеонъ тотчасъ же, вслѣдствіе вновь полученныхъ свѣдѣній, нѣсколько измѣнилъ смыслъ ихъ и продиктовалъ Бертрану болѣе опредѣлительныя инструкціи для Груши, заключивъ ими всѣ приказанія маршалу: ему указана главная цѣль порученія: достигнуть со всѣми силами Жемблу, и предписано преслѣдовать непріятеля и стараться угадать его намѣренія.

Разсматривая въ какой мѣрѣ выполнилъ маршалъ возложенное на него порученіе, мы заключаемъ потеряно или итѣть нѣтъ время. Г. Тьеръ напримѣръ увѣряетъ, что Груши безвозвратно потерялъ время; подобное сужденіе высказано Наполеономъ и было въ своемъ мѣстѣ разсмотрѣно нами; но, въ виду новыхъ обвиненій г. Тьера, различныхъ отъ увѣреній Жемуаровъ на о. св. Елены, мы докажемъ что и новый рассказъ и новое заключеніе совершенно невѣрны.

«Наполеонъ выѣхалъ въ 11 часовъ въ Катръ-Бра: (тогда какъ извѣстно, что послѣ 12 часовъ онъ находился еще въ Линьи) легкая гавалерія, двинутая прямокомъ чрезъ поле, между Марбе и Линьи видѣла смятую жатву отъ прохода множества войска» ⁸⁶⁾; затѣмъ г. Тьеръ говоритъ: «ясное доказательство, что прусскій корпусъ шелъ на Вавръ изъ Тилли... прежнее предположеніе, что пруссаки отступали на Рейнъ опровергалось въ концѣ» ⁸⁷⁾.

⁸⁵⁾ Dernières observation и проч. Ген. Жерара, стр. 17—18.

⁸⁶⁾ Ни одной колонны пруссаковъ не прошло чрезъ Марбе. (См. всѣхъ прусскихъ историковъ).

⁸⁷⁾ Если Наполеонъ видѣлъ, что пруссаки не отступаютъ на Рейнъ, онъ сообщилъ бы о томъ Груши и далъ соответствующія инструкціи — особенно наставляя на движеніи къ Вавру; и не послалъ бы того въ Жемблу. Однако отступленіе пруссаковъ къ Рейну продолжало озабочивать Наполеона, и въ депешѣ Груши (такъ невнимательно прочитанной Тьеромъ) онъ разсматриваетъ возможность отдѣленія Блюхера отъ англичанъ и возможность соединенія союзниковъ.

«Наполеонъ, не имѣя подлѣ себя Судьта, продиктовалъ оберъ-гоф-маршалу Бертрону инструкціи маршалу Груши, чтобы дополнить и объяснить словесное приказаніе, отданное два часа назадъ—онъ написалъ направиться къ Жемблу, лежащему по ваврской дорогѣ ⁸⁸⁾; послѣдній пунктъ былъ тѣмъ еще выгоднѣе, что имѣлъ по рижской дорогѣ прямое сообщеніе съ Намюромъ и Люттихомъ ⁸⁹⁾.

При этомъ маршалу предлагалось обречкогносцировать путь отступленія непріятеля по всевозможнымъ направленіямъ» ⁹⁰⁾.

Г. Тьеръ продолжаетъ съ прежнею увѣренностью рассказывать, какъ Груши «разставшись съ Наполеономъ въ Сомбрефѣ ⁹¹⁾, поскакалъ по намюрской дорогѣ, узнавъ что тамъ Пажоль подобралъ плѣнныхъ и пушки; депеша настигла маршала, безразсудно направляющагося къ Намюру; тотъ повернулъ тогда кавалерію къ Жемблу, куда приказалъ идти пѣхотѣ Вандамма и Жерара. Пѣхота тронулась лишь въ 4 часу по-полудни, и вслѣдствіе непогоды пришла поздно въ Жемблу. Здѣсь Груши ее остановилъ, чтобы дать ей отдыхъ и имѣть возможность ранѣе начать наступленіе на слѣдующій день». Г. Тьеръ заканчиваетъ разсужденіемъ: «очень жаль, что мы прошли въ цѣлый день 2½ лье, вмѣсто того чтобы настойчиво преслѣдовать пруссаковъ». Наполеонъ высказалъ тоже. чрезъ нѣсколько часовъ, но въ болѣе жесткихъ выраженіяхъ, (принимая на вѣру слова Тьера, по обычаю основанныя на вѣрныхъ и несомнѣнныхъ доказательствахъ) императоръ выразился, что Груши дѣйствуетъ плохо, и день потерянь, потому что прошли всего 2½ лье.

Поведеніе Груши, выставленное такимъ образомъ, не плохо, а нелѣпо; но дѣйствія маршала искажены и рассказаны невѣрно.

Письменные инструкціи Груши не были отданы двумя часами позже словесныхъ; по Тьеру маршалъ безтолково скакалъ эти два часа къ Намюру, а Наполеонъ въ 11 часовъ ѣдетъ въ Катръ-Бра, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ оставался въ Линьи еще въ полдень, потому въ Марбе онъ диктуетъ инструкціи, отданныя на самомъ дѣлѣ въ Линьи ⁹²⁾. Исторія не терпитъ подобныхъ промаховъ; одни инструкціи были отданы вслѣдъ за другими, такъ что Жераръ, присутствовавшій при разговорѣ Наполеона съ Груши, въ 12½ часовъ получилъ

---

⁸⁸⁾ Жемблу ближе къ Вавру, чѣмъ Линьи, но сказать, что оно лежитъ по дорогѣ невѣрно (см. карту № 1)—дорога изъ Линьи на Вавръ идетъ чрезъ Меллеры или Жентинъ и Монъ-Сенъ-Гиберь.

⁸⁹⁾ Римская дорога лежитъ далеко въ сторонѣ отъ пути между Жемблу и Намюромъ. (См. карту № 1).

⁹⁰⁾ Дѣйствительно это должно было быть сказано въ депешѣ, по этого нѣтъ: «обречкогносцируйте дороги на Намюръ и Матрихсъ и проч.» см. стр. 203 настоящаго сочиненія.

⁹¹⁾ Наполеонъ не заѣзжалъ въ Сомбрефъ.

⁹²⁾ См. стр. 200, 201, 203 этой книги.

приказаніе идти къ Жемблу ⁹³⁾. Онъ не упрекаетъ маршала за потерю времени, припомнимъ еще разъ, что словесныя инструкціи были отданы Груши въ полдень.

Письменные инструкціи не искали Груши отъ Марбе по намюрской дорогѣ, гдѣ безтолково скакалъ маршалъ; онѣ были продиктованы въ Линьи и переданы съ такою быстротою, что въ 12½ часовъ Жераръ и Вандамъ получили приказаніе тронуться. Жерару приказъ переданъ лично маршалою, Вандамъ получилъ его отъ одного изъ маршальскихъ адъютантовъ.

Вандамъ и Жераръ тронулись ранѣе 4-го часа по-полудни. Первый, тотчасъ же получившій приказъ о выступленіи, двинулся изъ С-Аманда въ два часа по-полудни, мимо сел. Линьи, гдѣ находился Жераръ. Послѣдній началъ движеніе въ 3 часа, потянувшись за Вандаммою. Ссылаемся на Жерара, правдивѣйшаго человѣка, по словамъ Тьера; свидѣтельство его должно было быть извѣстно Тьеру ⁹⁴⁾.

Ни Груши, ни его помощники, исполняя предписанное Наполеономъ движеніе къ Жемблу, не потеряли пока еще ни минуты времени.

Неоспоримо, что, оставивъ войска Вандама и Жерара идти къ Жемблу, Груши, отправился туда, и напелъ Эксельмана съ драгунами; онъ старался поспѣшно собрать всѣ свѣдѣнія.

Корпусъ Вандама прибылъ къ Жемблу въ 9 часовъ вечера, корпусъ Жерара часомъ позже ⁹⁵⁾, корпуса прошли не 2½ лье, какъ увѣряетъ Тьеръ, считающій по циркулю, а цѣлыхъ 3½ лье (13 верстъ).

Вотъ результаты движенія, названные и Тьеромъ, и Наполеономъ ничтожными.

Конечно прошли мало; но виноваты не солдаты, не генералы, ни самъ Груши. Дождь, лившій съ 2 часовъ, перепортилъ дороги. Ссылаемся опять на Жерара, на коего мы сдѣлали ссыдки въ самомъ сочиненіи. Онъ увѣряетъ, что войска прошли сколько хватило силъ, кажется г. Тьеръ, собравшій изустные рассказы Жерара, не позаботился прочесть его письменныхъ очерковъ.

Впрочемъ, г. Тьеръ лучше всѣхъ намъ объясняетъ вліяніе на задержки во время марша, «бури, разразившейся надъ всею равниною Бельгій» ⁹⁶⁾. «... тучи, заставшія небо, разразились ливнемъ, рѣдкимъ ливнемъ—окрестность была мгновенно залита и обратилась въ непроходимое для людей и лошадей болото. Наши различные корпуса были принуждены столпиться на шоссе отъ Катръ-Бра къ Брюсселю. Столпленіе было чрезвычайное, части перемѣшались и шли въ разбродъ. При видѣ этого грустнаго зрѣлища можно было не жалѣть о потерѣ цѣлаго утра. Если бы мы тронулись и 3 часами ранѣе, этотъ ливень

---

⁹³⁾ Quelques documents etc., генерала Жерара.

⁹⁴⁾ См. примѣчаніе 26 къ страницѣ 218 настоящаго сочиненія.

⁹⁵⁾ .... 17-го, войска четвертаго корпуса достигли биваковъ только въ 10 часовъ вечера... (Quelques documents и проч., генерала Жерара).

⁹⁶⁾ Tome XX, page 174.

все равно остановить бы военные дѣйствія... ⁹⁷⁾ войска едва тащились—и англичане, и французы раскисли среди бури. Небо не могло очиститься отъ тучъ и черезъ нѣсколько часовъ—видъ вашей арміи возбуждалъ жалость. Войска не могли помѣститься на шоссе—пѣхота должна была уступить кавалеріи и артиллеріи, и брела по сторонамъ шоссе, по-колѣно въ глинь... ряды разстроились. Люди шли какъ по-падо, влѣчаясь за темнѣвшими вдали массами кавалеріи и артиллеріи... къ вечеру стало еще хуже—армія поникла духомъ. Густой туманъ спустился за два часа до сумерекъ ⁹⁸⁾.

Въ другомъ мѣстѣ г. Тьеръ такъ очерчиваетъ представленную картину: «страшная буря парализовала дѣйствія англійской и французской арміи, людская воля должна преклониться передъ могуществомъ стихій» ⁹⁹⁾.

Тьеръ представилъ намъ свою оживленную картину, съ единственною цѣлью оправдать Наполеона, выступившаго въ два часа пополудни изъ Катръ-Бра ¹⁰⁰⁾ и сдѣланшаго въ цѣлый день только 2½ лье. Картина Тьера въ свою очередь объясняетъ и оправдываетъ крайне медленное движеніе къ Жемблу войскъ Вандама и Жерара; гдѣхъ боже, что оба генерала шли не по широкому шоссе, но по узкимъ, дряннымъ проселкамъ, по гористой и перестѣнной мѣстности ¹⁰¹⁾.

Г. Тьеръ непослѣдователенъ и пристрастенъ обвиняя Груши, за то, что тотъ прошелъ лишь 2½ лье (на самомъ дѣлѣ 3½ лье). Если дѣйствительно Наполеонъ произнесъ, приписываемая (что невозможно) ему Тьеромъ, слова—то это только доказываетъ, что вождь французовъ оклеветалъ. Груши заранее—не испытывъ еще ни мукъ пораженія, ни праздности въ изгнаніи.

Груши, перейдя съ пѣхотою отъ С.-Аманда и Линьи до Жемблу, сдѣлалъ возможное для силъ человѣческихъ, среди разбухшавшейся непогоды.

Замѣтимъ еще невѣрность въ словахъ Тьера, когда онъ, имѣя въ виду рѣшительный день 18 іюня, говорить, что Груши остановилъ войска въ Жемблу, чтобы дать хорошенько отдохнуть остатокъ дня.

Пѣхота не провела остатка дня въ Жемблу—части бивакировали по ту и по сю сторону города, ставъ на ночлегъ въ 9 и 10 часовъ, что составляетъ начало даже іюньской ночи. Она провела остатокъ дня на походѣ; припомнивъ фразу: «къ вечеру стало еще хуже», мы увидимъ,

⁹⁷⁾ Повторимъ, что слѣдовало выступить не тремя часами ранѣе, а въ четвертомъ часу утра.

⁹⁸⁾ Tome XX, pages 157—158.

⁹⁹⁾ Tome XX, page 287.

¹⁰⁰⁾ По Тьеру Наполеонъ выступилъ въ полдень; но мы уже указали на его ошибку.

¹⁰¹⁾ Четвертый корпусъ бивакировалъ подлѣ Жемблу — на мѣстности крайне гористой и перестѣнной. (Quelques documents и проч., генерала Жерара).

что пронеда его очень тяжело. Г. Тьеръ начерталъ картину для Наполеоновскихъ войскъ; но въ тѣхъ же краскахъ должно быть очерчено положеніе колоннъ Груши. Войска и Наполеона и Груши, страдали одинаково—люди, придя въ изнеможеніе наступая по бруссельскому шоссе, должны были утомиться и тащась по проселкамъ къ Жемблу.

Ко всѣмъ своимъ неточностямъ, Тьеръ, думая еще рѣзче обвинить маршала Груши, прибавляетъ: «... полезнѣе было въ полдень двинуть пѣхоту Груши на Жемблу. Она прибывала туда въ два часа по-полудни, т. е. до начала грозы, разразившейся надъ цѣлою Бельгіею, и могла отдохнуть три-четыре часа, приблизиться къ Вавру, если вновь собранныя свѣдѣнія указывали на пользу этого движенія ¹⁰²⁾».

Повторимъ, обвиненіе не клеймимъ Груши. Самое лучшее было: съ разсвѣтомъ искать слѣдовъ прусской арміи, съ солнечнымъ восходомъ двинуть пѣхоту Груши не на Жемблу, а на Сомбрефъ, откуда выступалъ Тильманъ, или на Тилли, гдѣ находились еще Цитенъ и Пирхъ 1-й жѣры эти не были приняты и вся вина за упущеніе падаетъ на главнокомандующаго. Результатъ дѣя не измѣнялся; если бы мы выступили въ полдень, а не въ два часа по-полудни. Пѣхота не имѣла возможности прибыть въ Жемблу къ двумъ часамъ по-полудни, какъ порѣшилъ это Тьеръ. Ей нужно было пройти 3½ лье по дурнымъ проселкамъ, да къ тому же буря захватила бы ее на дорогѣ. Въ два часа Цитенъ, Пирхъ 1-й и Бюловъ давнымъ давно стояли уже у Вавра, а Тильманъ, приваившій одно лье пройдя за Жемблу, возобновилъ свой маршъ къ Вавру. Во всякомъ случаѣ Груши не виноватъ, что не тронулся двумя часами раньше, ибо получить командованіе лишь въ полдень, а приказаніе идти къ Жемблу еще позже, кромѣ того людямъ, не ожидавшимъ марша, нужно было дать время собраться и устроиться. Вина опять падаетъ на Наполеона.

Вникая въ обстановку, и не дѣлая предположеній въ родѣ того, что колонна Груши шла въ яркій, солнечный день, а войска Наполеона въ тоже время топили и изнемогали въ грязи, мы увидимъ какъ пристрастенъ г. Тьеръ въ отношеніи Груши, говоря о маршѣ на Жемблу, который былъ положительно предписанъ Наполеономъ, и убѣдився, что маршалъ не упустилъ времени, исполняя данныя ему инструкціи.

Инструкціи предписывали Груши рекогносцировать дороги къ сторонѣ Намюра и Мастрихта, преслѣдовать непріятеля и открыть его вѣдѣренія. Въ своемъ сочиненіи мы уже описали, какъ выполнилъ маршалъ каждое изъ этихъ порученій.

По намюрской дорогѣ нечего было дѣлать, туда Наполеонъ отпиралъ уже и очень неудачно Пажоля. Къ сторонѣ Мастрихта (тоже и Люттиха) былъ отправленъ корпусъ Эксельмана, прибывшій въ 3 часу по-полудни къ Жемблу, гдѣ съ 10 часовъ утра была бригада Бертона ¹⁰³⁾. Когда пѣхота стала подходить къ Жемблу, Груши направилъ

¹⁰²⁾ Tome XX, pages 173—174.

¹⁰³⁾ Тьеръ, увлеченный желаніемъ обвинить Груши, говоритъ: «онъ не

Эксельмана къ Совеньеру, приказавъ ему отправить отсюда нѣсколько эскадроновъ къ Сарь-ле-Валену и Пернезу, освѣщая пространство къ сторонѣ Мاستрихта и Вавра.

Слѣдовательно Груши исполнилъ часть предписанія, дополнивъ инструкцію тѣмъ, что отправилъ рекогносцировку по направленію къ Вавру.

Обратимся теперь къ порученію преслѣдовать непріятеля. Груши взялъ ложное направленіе на Жемблу, гдѣ не нашли пруссаковъ, потому что ихъ тамъ не было, но это движеніе положительнымъ и настоящимъ образомъ было указано маршалу Наполеономъ. Впрочемъ, взявъ вѣрное направленіе, т. е. двинувшись, даже въ минуту принятія начальства, чрезъ Жентинъ и Монъ-Сенъ-Гиберь и притянувъ отрядъ Пажоля къ своему правому флангу, къ римской дорогѣ, на высоту съ Жемблу, маршалъ тѣмъ не менѣе не достигалъ никакихъ рѣшительныхъ результатовъ. Напрасно толкуетъ г. Тьеръ, не скрывая своихъ придирокъ къ Груши, о отсталыхъ, которые тысячами бы попали въ руки нашей кавалеріи, если бы ее умѣли лучше направить. Критика обращается не на маршала, а на Наполеона. Мы могли подобрать тысячи отсталыхъ пруссаковъ утромъ, пока Наполеонъ спалъ, медлилъ или бездѣйствовалъ, оставляя армію на бивакахъ. Въ полдень, въ два часа, отсталыхъ уже не было, а которые и оставались, такъ были уже не въ нашей власти. Опять Груши не виноватъ, опять онъ не теряетъ времени.

Груши сдѣлалъ единственную ошибку при исполненіи отданныхъ ему инструкцій, онъ не открылъ почти намѣреній непріятеля, тогда какъ это достигалось очень легко; странно, что онъ выказалъ такую недогадливость. О ней упомянуто нами въ текстѣ. Груши нечего было ни подражать безпечности Наполеона, ни ограничиваться буквальнымъ исполненіемъ инструкцій. Въсѣтъ съ указаннымъ императоромъ движеніемъ въ сторону на Жемблу съ войсками Эксельмана, Вандамма и Жерара, онъ долженъ былъ послать одну или двѣ усиленныя рекогносцировки по прямой ваврской дорогѣ — однако не послалъ ничего.

Правда, что произведя рекогносцировку лишь въ полдень, когда непріятель шелъ по ваврской дорогѣ, пришлось бы отправить ее очень далеко и пройти по слѣдамъ пруссаковъ вплоть до Монъ-Сенъ-Гибера, отстоящаго въ 4-хъ лье отъ С.-Аманда и Линьи и занятаго непріятельскимъ арріергардомъ. Конечно съ артиллеріею и пѣхотою, въ шугѣвшую бурю, по гадкимъ дорогамъ, по пересѣченной мѣстности, пришлось бы совершить тяжелый и продолжительный маршъ; но мы

обрекогносцировалъ даже къ сторонѣ Жемблу.» Прочтя рапортъ Эксельмана къ Груши, въ которомъ онъ доноситъ, что стоитъ у Жемблу, и за р. Орно открыто присутствіе непріятеля, Тьеръ избѣгъ бы новаго и важнаго промаха. Какъ извѣстно, замѣченный непріятель, былъ корпусъ Тильмана, начавшій отступленіе въ два часа по-полудни — прусскій арріергардъ исчезъ изъ виду въ три часа.

можемъ допустить, что въ полночь Груши могъ имѣть вѣрные свѣдѣнія, недостающія ему, что Блюхеръ сосредоточилъ армию у Вавра съ вѣроятнымъ намѣреніемъ соединиться съ Веллингтономъ.

Таковъ результатъ, котораго бы достигъ маршалъ обрекогносцировавъ дорогу на Вавръ. Онъ выходилъ изъ неизвѣстности въ полночь, а не на слѣдующее утро, какъ вышло въ дѣйствительности.

Тьеръ говоритъ, что Груши могъ достигъ совсѣмъ иныхъ результатовъ, если бы захотѣлъ. «Груши, разставшись въ 11 часовъ съ Наполеономъ, долженъ былъ въ 4 часу по-полудни имѣть всѣ нужныя свѣдѣнія, а въ 9 часу дойти до окрестностей Вавра, рѣшившись направиться туда, или переправиться на лѣвый берегъ Дилы, что оказывалось еще выгоднѣе, приближая его къ главнымъ силамъ Наполеона».

Здѣсь г. Тьеръ болѣе чѣмъ когда либо запутывается въ вымыслахъ и противорѣчіяхъ. Повторяемъ, что Наполеонъ въ полдень оставался еще въ Линьи, слѣдовательно не могъ разстаться съ Груши въ 11 часовъ утра, и маршалъ далъ людямъ время приготовиться къ маршу. Допустимъ эту необходимую задержку, допустимъ, что рекогносцировка слетала съ Тьеровскою быстротою и въ 5 часу по-полудни, маршалъ зналъ бы о настоящемъ направленіи прусской арміи. Войска Вандаммы и Жерара находились въ это время на маршѣ къ Жемблу. Повернувъ головы колоннъ на лѣво, войска прибывали въ 10 часу вечера въ окрестности Вавра или на лѣвый берегъ Дилы, т. е. за дер. Мути, гдѣ находится порная переправа черезъ рѣку. Говоря иными словами, пѣхота Вандаммы и Жерара, выступившая въ 2 и 3 часа по-полудни изъ С.-Аманда и Линьи, и едва дотащившаяся до Жемблу черезъ 7 часовъ времени, прошла бы въ 6-ти часовой промежутокъ болѣе чѣмъ двойное пространство, сравнительно съ маршемъ къ Жемблу.

Самъ Тьеръ отступаетъ отъ своего показанія, когда еще разъ мы напомнимъ ему слова Жерара, «правдивѣйшаго изъ людей», о трудностяхъ движенія, шумѣвшей бурѣ и мрачную картину марша Наполеоновской колонны: «видъ арміи возбуждалъ жалость... ряды разстроились, люди шли какъ попало, ночью стало хуже и за два часа до сумерекъ разостлался густой туманъ. Военныя дѣйствія пріостановлены, вражескія арміи парализованы бушующею непогодой и воля людская смиряется предъ ревущею стихіею».

Нѣтъ, Груши сдѣлалъ все, что позволяли ему обстоятельства, чтобы исполнить инструкціи, предписанныя ему императоромъ: обвинять его за потерю цѣлаго дня на маршѣ къ Вавру не вѣрно и несправедливо; онъ подвергается уже извѣстному, высказанному нами упреку, не обрекогносцировавъ дороги на Вавръ; впрочемъ прибавимъ, что если бы онъ отправилъ рекогносцировку и узналъ объ отступленіи пруссаковъ къ Вавру, т. е. намѣреніи ихъ соединиться съ англичанами, событія разрѣшились бы все таки трагически.

Въ ночь на 18-е Блюхеръ массировалъ 90,000 съ 280 орудіями (въ томъ числѣ 31,000 совершенно свѣжихъ войскъ); обстановка совершенно измѣнилась противъ утренней, когда пруссаки были въ 3-хъ разобщенныхъ массахъ, еще не пришли въ порядокъ и не имѣли за-

рядовъ и патроновъ. Раннимъ утромъ Груши съ своими 33,000 могъ нанести сильный уронъ прусской арміи и помѣшать ея соединенію у Вавра; но въ то время, какъ маршалъ получилъ начальство надъ правымъ крыломъ и инструкція Наполеона, онъ не могъ уже съ 33,000 воспрепятствовать Блюхеру, имѣвшему 90,000, помочь Веллингтону и разгромить нашу армію. Мы наглядно докажемъ это внослѣдствіи.

Тьеръ, приготовившись разбить Груши, увѣряетъ, что подобныя силы въ распоряженіи искуснаго и рѣшительнаго генерала были достаточны противъ разбитой арміи, подкрѣпляя свой поверхностный выводъ словами: «маршалъ Даву могъ же держаться съ 26,000 въ славный день Ауэрштедта, въ 1806, противъ 70,000 прусской арміи» ¹⁰⁴).

Ссылка неутѣрна и исполнена лжи Пруссаки подъ Ауэрштедтомъ имѣли не 70,000, а едва 50,000 ¹⁰⁵) войска, уступающаго прусской арміи 1815 года во всѣхъ отношеніяхъ, по составу начальниковъ, организаціи, комплектованію, боевой опытности и въ особенностяхъ по нравственнымъ свойствамъ. Всѣ согласны съ этимъ. Что касается корпуса Даву, одинъ Тьеръ раздѣляетъ мифъ, что наша армія въ 1815 году несмотря на свое одушевленіе и жажду боя, могла сравняться съ дивизіями Фриана, Гюдена и Морана.

Думаемъ, что въ нашей длинной и подробной замѣткѣ, мы защитили дѣйствія Нея и Груши въ день 17 іюня, отъ капитальнаго обвиненія въ потерѣ времени, и г. Тьеръ не успѣлъ въ своихъ нападкахъ на обоихъ маршаловъ. Всѣ его обвиненія зиждутся на вымыслахъ, которые рушатся при первомъ сличеніи съ истинными фактами.

ХІІ.

(къ страницѣ 306-й).

Г. Тьеръ изъ всѣхъ замѣчаній, сдѣланныхъ Наполеономъ о дѣйствіяхъ Веллингтона и Блюхера въ день 18 іюня, подтверждаетъ только два; но и ихъ слѣдовало оставить безъ вниманія.

Онъ осуждаетъ рѣшимость союзныхъ главнокомандующихъ держаться до послѣдняго передъ Суаньскимъ лѣсомъ; строго обвиняетъ Веллингтона за выборъ Монъ-Сентъ-Жанской позиціи, гдѣ ждалъ онъ напора французской арміи.

¹⁰⁴) Tome XX, page 142.

¹⁰⁵) *Victoires et Conquetes*—сочиненіе, представляющее образецъ тупо-патріотическихъ военныхъ книгъ, увеличивающихъ силы непріятеля и уменьшающихъ собственныя—показываетъ силу прусской арміи подъ Ауэрштедомъ слишкомъ въ 50 тысячъ. Въ дѣйствительности Даву имѣлъ 27 или 28 тысячъ, а пруссаки едва 50 тысячъ (52 батал., 70 эскадроновъ и 15 батарей).

Въ первомъ замѣчаніи мы видимъ вспышку побѣжденнаго. Оно въ такой степени жалко, что всякій серьезный писатель пропуститъ его безъ вниманія; въ своемъ сочиненіи мы даже ея и не коснулись; теперь она возродилась подъ перомъ г. Тьера и намъ приходится ее опровергать.

Онъ пишетъ: «Союзные главнокомандующіе, отступивъ за Суанскій дѣсъ, разстрѣливали всѣ соображенія Наполеона и заставляли его отступать, чтобы противостать массамъ, подходившимъ съ восточной стороны; но вмѣсто дѣйствій на-вѣрное, они предпочли безумно-смѣлое и рискованное предпріятіе» ¹⁰⁶⁾.

Мысль эта перефразирована со словъ Наполеона.

Наполеонъ намѣренно показывалъ, что не понимаетъ того, что вторженіе въ Бельгію придавало особый характеръ военнымъ дѣйствіямъ.

До вторженія, коалиція могла выжидать время для нанесенія удара; послѣ него, всякое промедленіе могло вредно отразиться.

Отступление Веллингтона и Блюхера за Суанскій дѣсъ отдавало въ руки Наполеона Брюссель; вступленіе же нашихъ войскъ въ столицу Бельгіи, спустя двое сутокъ послѣ побѣды при Линьи, показалось бы важнымъ событіемъ и значительнымъ успѣхомъ, ободривъ приверженцевъ Наполеона, смутивъ его враговъ и нанеся ударъ Вандейскому возстанію. Всѣ эти доводы для обоихъ полководцевъ становились самою побудительною причиною, чтобы воспреятствовать всѣми силами ихъ осуществленію, т. е. дать или принять генеральное сраженіе. Кромя того существовалъ еще важный предлогъ.

Веллингтонъ и Блюхеръ, послѣ пораженія при Линьи и полу-успѣха при Катръ-Бра, вслѣдъ за коимъ, точно послѣ неудачи, началось медленное отступленіе, отказываясь отъ битвы и продолжая отступать, стали занятіе Бельгіи въ зависимость отъ столкновенія Наполеона съ войсками, подходившими съ востока; своимъ ожиданіемъ они вдружь облакали его моральнымъ превосходствомъ и заставляли думать, что коалиція начинаетъ колебаться при самомъ началѣ борьбы; не допустить до такого мѣбнія было для нихъ существеннымъ дѣломъ.

Наконецъ г. Тьеръ ошибается, говоря, что отступленіе разстраивало всѣ планы Наполеона, напротивъ не исполнялся только одинъ его планъ. Пробывъ нѣсколько дней въ Брюсселѣ, даже за Брюсселемъ, онъ отступалъ въ порядкѣ почти побѣдителя и могъ безъ труда перейти къ своему первому плану военныхъ дѣйствій, обсужденному въ Парижѣ. Самъ Наполеонъ говоритъ о немъ, г. Тьеръ же забываетъ свои собственныя слова объ этомъ планѣ ¹⁰⁷⁾.

Съ точки зрѣнія политики всякій иной образъ дѣйствій сомнѣныхъ

---

¹⁰⁶⁾ Tome XX, p. 283.

¹⁰⁷⁾ Предположимъ, что смѣлое вторженіе въ Бельгію не достигало желаемыхъ успѣховъ, ничто не мѣшало Наполеону перейти къ постепенной оборонѣ родной земли. (Tome XX, page 14).

вождей нанести бы много вреда дѣлу коалиціи. Они должны были не впускать Наполеона въ столицу Бельгін, а напротивъ употребить всѣ усилія, чтобы отбросить его во Францію.

Съ военной точки зрѣнія, оба генерала дѣйствовали безукоризненно.

Откладывая на двѣнадцать, пятнадцать, даже болѣе дней отплату за Линнъ и заключеніе полу-успѣха у Катры-Бра, они во первыхъ ослабляли одушевленіе своихъ войскъ; во вторыхъ они упускали удобный случай, сосредоточить для боя свои силы, вслѣдствіе медленности и нерѣшительности Наполеона.

Блюхеръ изъ Вавра могъ очень удобно подкрѣпить Веллингтона, занимавшаго крѣпкую Монъ-Сентъ-Жанскую позицію, цѣлою своею арміею, если Наполеонъ не оставилъ бы противъ пруссаковъ отряда, или частью арміи, если бы этотъ отрядъ былъ оставленъ для наблюденія за пруссаками; но такую значительную часть, что вмѣстѣ съ англо-голландцами собирали столько войска, что Наполеонъ долженъ былъ быть подавленъ численнымъ превосходствомъ непріятеля.

Въ подобныхъ условіяхъ искать битвы, значило дѣйствовать умно и искусно, отнюдь не бросаясь на рискъ. На войнѣ надо мгновенно пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, иначе онъ можетъ и не представиться вторично.

Перейдемъ теперь къ словамъ г. Тьера, гдѣ онъ разбираетъ самый выборъ Монъ-Сентъ-Жанской позиціи, и утѣряетъ что она представляла большія неудобства, имѣя въ тылу Суаньскій лѣсъ, и единственно возможный путь отступленія черезъ этотъ лѣсъ—брюссельское шоссе ¹⁰⁸⁾.

Здѣсь онъ безъ всякаго варіанта повторяетъ слова Наполеона ¹⁰⁹⁾.

Основываясь на показаніяхъ современниковъ, а еще болѣе на топографическихъ планахъ той эпохи, мы сказали, что Суаньскій лѣсъ былъ высокая, ровная лѣтва безъ кустарника, такъ что онъ былъ доступенъ по всѣмъ направленіямъ и для пѣшихъ и для конныхъ. Руководствуясь нашими прежними данными, мы сказали, что лѣсъ перекрещивался кромѣ широкаго брюссельскаго шоссе, почти нездѣ мощеною альзембергскою дорогою, ведущею отъ Монъ-Сентъ-Жана къ столицѣ Бельгін, и тремя проселками, совершенно въ родѣ тѣхъ, по которымъ шли пруссаки отъ Вавра; по такимъ проселкамъ шелъ Груши и въслѣдствіи мы увидимъ, какъ г. Тьеръ обвиняетъ его въ слишкомъ медленномъ маршѣ. Не обращая ни на что вниманія, Тьеръ, подобно Наполеону, видитъ чрезъ Суаньскій лѣсъ только одинъ доступный путь отступленія. Чтя легенду о Ватерлоо, онъ въ то же время находитъ позицію Наполеона превосходною, не замѣчая, что въ тылу ея переправы на р. Дилъ были еще

---

¹⁰⁸⁾ Tome XX, pages 199—284.

¹⁰⁹⁾ Впрочемъ мы должны замѣтить, что Тьеръ, убѣжденный, что Монъ-Сентъ-Жанская позиція въ день битвы нигде негодилась, въ другомъ мѣстѣ своего разсказа называетъ ее прекрасною: «17-го, проливной дождь помогъ и утромъ и вечеромъ англичанамъ; имѣя намѣреніе занять прекрасную позицію при Монъ-Сентъ-Жанѣ, они....» и проч. (т. XX, р. 157—158).

неудобнѣ Суаньскаго лѣса для отступленія артиллеріи и прочихъ родовъ оружія ¹¹⁰⁾.

На карты и планы г. Тьеръ смотритъ точно также какъ на депеши и приказы: взглядываетъ на нихъ мелькомъ, ошибается и выбираетъ лишь дѣйствительно поражающее ¹¹¹⁾.

На прибавивъ ничего новаго и повторивъ за Наполеономъ два его несправедливыя замѣчанія на дѣйствія противниковъ, г. Тьеръ рѣшился доказать, что французскій вождь во-время началъ битву и прекрасно управлялъ ея ходомъ—такъ что въ сдѣланныхъ ошибкахъ кругомъ виноваты его помощники.

Прослѣдимъ за апологіею Наполеона и обвиненіемъ нашихъ генераловъ, считая своимъ долгомъ извиниться за неизбѣжныя повторенія. Слѣдуя многимъ писателямъ, мы сдѣлали Наполеону первый упрекъ за позднее начало атаки

Ссылаясь на собственныя его слова ¹¹²⁾ и припомнивъ передвиженія англо-голландской арміи, пока мы не двигались, мы показали, что дѣло могло начаться не въ 11½ часовъ утра, а четырьмя часами ранѣе: потеря времени имѣла невыгодное вліяніе на исходъ битвы, который могъ быть для насъ иной.

Г. Тьеръ не возражаетъ на это; да и странно возражать въ виду словъ Наполеона, естественнаго хода дневныхъ событій и оборота битвы; но онъ какъ будто обвиняетъ за промедленіе Друо, хотя тотчасъ же доказываетъ, что послѣднее обстоятельство не ошибка, но рациональный разсчетъ, заключаая словами: «результатъ—этотъ всепреклоняющій *fatum* — былъ противенъ разсчету; хотя послѣдній все-таки остается правильно-сообразеннымъ».

---

¹¹⁰⁾ Неточность Тьера тѣмъ страннѣе, что ранѣе онъ говоритъ (несправедливость его словъ нами доказана раньше), что чрезъ р. Диль существовала только одна переправа—мостъ при Женапигъ и рассказываетъ (опять невѣрно), что 17 іюня, Наполеонъ употребилъ три часа времени на переходъ семидесятитысячной арміи чрезъ этотъ ручей.

¹¹¹⁾ Генералъ Жюини, не особенно расположенный къ Наполеону, говоритъ въ своемъ классическомъ сочиненіи: «*Précis de l'art de la guerre*»: «Отступленіе войскъ съ позиціи, имѣющей въ тылу лѣсъ, образующій вогнутую линію къ центру, какъ напримѣръ было подъ Ватерло, безопасно потому, что секторъ составляетъ плацдармъ, войска имѣютъ возможность собраться и постепенно вытянуться на большую дорогу».

Ученый писатель лично осматривалъ всѣ колесныя дороги, перерѣзывавшія Суанскій лѣсъ въ 1815 году. Онъ прибавляетъ сюда шоссе отъ Ла-Гюльна, которое могло, въ случаѣ нужды, служить путемъ отступленія для лѣваго крыла Веллингтона.

¹¹²⁾ Въ это время (8 часовъ) артиллерійскіе офицеры, рекогносцировавшіе мѣстность, доложили, что артиллерія можетъ двигаться, но съ трудомъ; чрезъ часть всѣ трудности въ этомъ отношеніи значительно уменьшатся.» (*Mémoires*, tome IX).

Мы вѣримъ г. Тьеру, что Наполеонъ спросилъ мнѣніе Друо насчетъ растворимости почвы, вѣримъ что въ 1816 г. этотъ генералъ передалъ одному изъ своихъ друзей, какъ онъ сказалъ Наполеону: «что въ 8 часу утра, артиллерія съ трудомъ будетъ двигаться, но чрезъ два или три часа, этихъ трудностей не будетъ»; однако нисколько не снимаемъ сдѣланнаго промаха съ ответственности Наполеона.

Друо, какъ артиллерійскій офицеръ, судилъ только объ участіи артиллеріи; но Наполеонъ, одинъ имѣвшій возможность окинуть общій взглядомъ положеніе дѣлъ, могъ самъ судить пренебречь ли временною невыгодою или избѣгнуть ее, Главнокомандующій не имѣетъ права ссылаться на совѣты подчиненныхъ. когда можетъ лично убѣдиться въ практичности совѣта: разъ принявъ его, онъ отвѣчаетъ за него и за послѣдствія какъ за результатъ своего собственнаго рѣшенія. Такъ судили всегда и судили справедливо.

Г. Тьеръ не отрицаетъ этого (впослѣдствіи мы увидимъ, какъ приписываетъ онъ эту аксіому въ отношеніи артиллерійскаго генерала, подавшаго подобный же совѣтъ Груши) и потому старается отстоять и превознести промедленіе Наполеона.

«Въ лѣтяую пору», пишетъ онъ, «не значило поздно начинать, открывая битву при Ватерлоо въ 11 часовъ, тѣмъ болѣе, что битва при Линнѣ, начатая въ 12³/₄ часовъ, была, все-таки выиграна. Важно было не завязать своей артиллеріи и кавалеріи, двухъ лучшихъ родовъ оружія въ арміи, ⁽¹³⁾ рѣшительные доводы Друо убѣдили Наполеона и потомство не имѣетъ права упрекать его за то ⁽¹⁴⁾».

Г. Тьеръ кажется могъ бы остеречься проводить мысль, оказавшуюся несостоятельною 16 и 17 іюня—что нечего спѣшить, потому что лѣтніе дни такъ продолжительны; но онъ снова высказываетъ ее, не видя что время, потерянное въ Шарлеруа, имѣло слѣдствіемъ неудачу подъ Катри-Бра и неполный успѣхъ при Линнѣ; что промедленіе во Флерусѣ и на высотахъ Бри спасло прусскую армію и избавило англо-голландцевъ отъ рѣшительнаго удара—не видитъ всего этого и рѣшается повторять, что битва при Ватерлоо не была поздно начата!

Артиллерія и кавалерія могли завязнуть — по подобное неудобство существуетъ только въ воображеніи г. Тьера. Самъ Друо говоритъ, что артиллерія будетъ двигаться очень медленно, слѣдовательно допускаетъ все-таки возможность движенія. Наконецъ, припомнимъ, самъ Наполеонъ пишетъ, какъ въ 8 часовъ прибыли артиллерійскіе офицеры, послѣ объѣзда позицій, съ донесеніемъ, что артиллерія можетъ переходить, хотя съ трудомъ, но чрезъ часть трудностей будетъ меньше: ни Друо, ни Наполеонъ не упоминаютъ про кавалерію.

Слѣдовательно доводъ, приводимый г. Тьеромъ, въ пользу сужденія Друо, придуманъ имъ самимъ—не отступившимъ передъ преувеличеніями; напрасно ссылается онъ на судъ потомства, еще передъ Ватерлоо сыпались упреки на вашу лѣтскость.

¹¹³⁾ Незнаемъ на чемъ основано это бездоказательное свидѣніе.

¹¹⁴⁾ Tome XX, page 284.

Продолжая свою апологию, г. Тьеръ говоритъ: «Наполеонъ, согласившись съ Дроо, рѣшился выждать, пока подсохнетъ, и не имѣлъ никакого повода сѣѣшить началомъ битвы, тѣмъ болѣе, что англичане не уклонились отъ нея. Онъ выигрывалъ въ двухъ отношеніяхъ — почва укрѣпится и Груши подоспѣетъ ¹¹⁵⁾».

Одни невѣрности.

Земля высыхаетъ не для однихъ насъ, драгуны Понсонби, изрубивъ и довершивъ разстройство дивизій д'Эрлона, Сомерсетъ съ гвардіею опрокинувъ наши кирасиръ, бригады Вивіена и Ванделера, гоня передъ собою наши войска, доказали, что англичане пользуются высохшею почвою; правда и то, что сухость почвы важнѣе въ началѣ дѣла для атакующаго, чѣмъ для обороняющагося: но что значить этотъ благоприятный для насъ шансъ въ сравненіи съ представляющимся шансомъ разбить отдѣльно англичанъ?

Г. Тьеръ увѣряетъ, что англичане не избѣгали битвы и потому Наполеону было нечего торопиться; но напротивъ это самое и должно было ускорить начало атаки, показывая, что они ждутъ Блюхера и увѣрены въ его содѣйствіи.

«Наполеонъ поджидалъ Груши», говоритъ Тьеръ. Здѣсь не мѣсто разбирать дѣйствія Груши въ этотъ роковой день; припомнимъ лишь, что въ 10 часовъ Наполеонъ предписывалъ маршалу идти къ Вавру, что вовсе не означаетъ, что онъ ждалъ его у Планшенуа. Самое прибытіе Груши, независимо отъ всѣхъ прочихъ причинъ, было дѣломъ въ высшей степени условнымъ. Груши могъ очутиться противъ равносильныхъ непріятельскихъ силъ, могъ промедлить до полудня при атакѣ, тоже въ ожиданіи пока просохнетъ и потерять 6—8 часовъ, когда главныя силы непріятеля шли соединиться съ Веллингтономъ для подавленія Наполеона. Положимъ даже, что онъ двинулся бы къ Ватерлоо и чудомъ не встрѣтилъ по пути непріятеля, поспѣвъ къ дѣлу съ своимъ 33,000 и 96 орудіями—разумѣется Блюхеръ тоже поспѣлъ бы изъ Вавра съ 90,000 арміею и 280 орудіями.

Воображаемое ожиданіе Груши не имѣло и не могло имѣть никакого вліянія на позднее начало битвы. Наполеонъ мѣшкать не потому что ждалъ Груши, но по той причинѣ, что не разсчитывалъ на вмѣшательство пруссаковъ, думая, что они отступаютъ и разстроены, такъ что два-три дня не могутъ ничего предпринять противъ насъ. Вотъ корень ошибки Наполеона, которую подтверждаетъ и г. Тьеръ ¹¹⁶⁾.

Наполеонъ думалъ, что имѣетъ довольно и силъ, и времени справиться съ англо-голландцами—«Еще поспѣю», безпечно, нерѣшительно говорилъ онъ, какъ и въ прошлые два дня кампаніи, и точно также обманулся, но послѣдняя ошибка на этотъ разъ привела къ безпримѣрной катастрофѣ.

---

¹¹⁵⁾ Tome XX, page 188.

¹¹⁶⁾ «Пруссаки (утромъ 17) были разстроены на два или на три дня—слѣдовало отыскать и разбить англичанъ.» (Т. XX, р. 141).

Г. Тьеръ соглашается, что атака на Гумонъ очень плохо велась; но обвиняетъ исключительно Рейля, который «не убѣждался лично въ исполненіи собственныхъ приказаній, не былъ подь огнемъ, гдѣ ему слѣдовало быть, и совсѣмъ упалъ духомъ ¹¹⁷⁾»; согласенъ, что портили и подь Ла-Ге-Сентомъ, но обращаетъ всю вину на Нея ¹¹⁸⁾; согласенъ, что при атакѣ лѣваго крыла англо-голландской арміи корпусъ д'Эрлона былъ безобразно построенъ—но виноваты тутъ Ней и д'Эрлонъ ¹¹⁹⁾.

Въ своемъ сочиненіи мы выразились, что главнокомандующій долженъ не только приказывать, но и наблюдать за исполненіемъ своихъ приказаній, и повторили лишь общеизвѣстную военную истину. Г. Тьеръ, описывая кампанію 1814, высказалъ такую же мысль, но только въ иныхъ выраженіяхъ: «дѣло не клеится, если главнокомандующій не предупредитъ случайностей своею предусмотрительностью».

Г. Тьеръ, повторивъ въ свою очередь ходячую истину, умѣлъ обработать ее противъ Блюхера; но аксіома, приложенная къ непріятельскому вождю, должна относиться и къ Наполеону; тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ поле наблюденія для главнокомандующаго было гораздо тѣснѣе.

Желая выгородить Наполеона отъ обвиненій въ ошибкахъ, указанныхъ и разобранныхъ нами и признаваемыхъ самимъ Тьеромъ, г. Тьеръ неизвинительно дѣйствуетъ, отступаясь отъ приведеннаго принципа въ пользу императора.

Ошибки были сдѣланы передъ глазами, и, такъ сказать, подь рукою Наполеона.

Повѣримъ на планѣ растояніе отъ Россомской возвышенности, гдѣ находился почти всю битву Наполеонъ, до Гумона. Здѣсь нѣтъ и 1,500 метровъ (менѣе 1½ версты). Въ нѣсколько минутъ Наполеонъ могъ доскакать (у Тьера онъ скачетъ безпрестанно, а въ дѣйствительности очень рѣдко садился на лошадь) до строеній, увидѣть причину неудачи,

---

¹¹⁷⁾ Tome XX, page 295. Тьеръ первый обвинилъ Рейля въ трусости и вялости, не указывая—откуда почерпаетъ свое показаніе. Полагаемъ, что оно совершенно невѣрно.

¹¹⁸⁾ «Мы атаковали англійскій центръ у Ла-Ге-Санта и лѣвое крыло вдоль Огенской дороги, построясь въ густыя массы, не имѣвшія возможности дѣйствовать противъ кавалеріи. Странно, что такой искусный тактикъ какъ Ней сдѣлалъ столь грубую ошибку — Наполеонъ не имѣлъ времени помѣшаться ей, и могъ замѣтить ее, когда колонны уже двинулись и нѣкогда было перестраиваться.» (Т. XX, р. 285).

¹¹⁹⁾ Тактическая ошибка сдѣлана была Неемъ и д'Эрлономъ. (Т. XX, р. 210).

¹²⁰⁾ «Блюхеръ былъ очень недоволенъ, что мостъ у Бери-о-Бакъ, по нерадѣнію Винценгероде, былъ оставленъ; но самъ виновать въ происшедшей оплошности. Дѣло не клеится, если главнокомандующій не отстранитъ случайностей своею предупредительностью.» (Histoire du Consulat et de l'Empire, t. XVII).

поправить ошибки Рейля, его дивизионных генералов и не допустить чтобы 2-й корпус по частям ввязался въ ненужную атаку. Оставайся Наполеонъ тѣмъ, какимъ онъ являлся въ Италіи и Египтѣ — худощавымъ, пламеннымъ, увѣреннымъ, неутомимымъ генераломъ Бонапарте — онъ съѣздитъ бы два, три раза къ Гумону и поправитъ путаницу, не упуская въ то же время изъ виду общаго хода битвы. Напр. Веллингтонъ могъ быть два раза у Гумона безъ особеннаго вреда для общаго направленія битвы. Наполеонъ совсѣмъ не показался у Гумона и далъ развиться, усилиться сдѣланной ошибкѣ. Думаемъ, что рѣдкій главнокомандующій показалъ такую примѣрную неосмотрительность и беззечность

Ла-Ге-Сентъ находится на такомъ же разстояніи отъ Россомской возвышенности. Здѣсь была повторена прежняя ошибка, и Наполеонъ не ѣздитъ совсѣмъ къ Ла-Ге-Сенту. Ферму взяли въ 4 часа, послѣ значительной потери въ людяхъ; мы вѣроятно были бы совсѣмъ отбиты, если бы строенія фермы были подобны Гумонскимъ. Мы могли рѣшительно поддержать атаки нашей кавалеріи на плато, тѣмъ количествомъ пѣхотинцевъ, какое напрасно легло подъ стѣнами Гумона и Ла-Ге-Сента. Самое простое разсужденіе не пришло въ голову Наполеону, если же пришло — почему оно не было тотчасъ же исполнено. Если бы мы подвезли нѣсколько орудій къ оградѣ, то въ нѣсколько минутъ ядрами пробивали брешь, а гранатами зажигали строенія; ограда и двери, устоявшія противъ прикладовъ, были бы обрушены петардою или мѣшками съ порохомъ.

Беззечность и апатія Наполеона еще болѣе рѣзкимъ образомъ выдаются въ подготовленіи и производствѣ д'Эрлоновой атаки.

«Наполеонъ», по словамъ Тьера, «былъ принужденъ поручить подробности атаки своимъ генераламъ». Такъ—но слѣдовало обратить личное вниманіе на атаку, въ которую шло 20,000 человекъ, т. е. почти треть наличныхъ силъ, имѣвшую первостепенное значеніе и результатомъ коей было пораженіе англо-голландской арміи, тѣмъ болѣе, что эта атака производилась такъ близко отъ Наполеона. Императоръ смотрѣлъ на атаку сквозь пальцы; отъ этого неудобное построеніе войскъ д'Эрлона не было поправлено, кавалерія не поддерживала во время нашей пѣхоты, и мы испытали важную неудачу, имѣя возможность одержать большой успѣхъ.

Въ данномъ случаѣ приложеніе на дѣлѣ извѣстной намъ военной аксіомы всего убѣдительнѣе подтверждается; взглянувъ на разбитыя, смятыя колонны д'Эрлона, мы обвиняемъ за неудачу вождя. Но вождь этотъ—Наполеонъ, и Тьеръ не можетъ обвинить его, закрывая глаза на причину ошибки и обвиняя въ ней лишь генераловъ.

Спрашиваемъ г. Тьера, въ чемъ же состоитъ осмотрительность главнокомандующаго, если онъ смотритъ какъ на мелочи, не стоящія вниманія, на подготовку атаки, въ которую идетъ 20,000 человекъ, которая рѣшаетъ судьбу боя?

Г. Тьеръ высказался, что вниманіе Наполеона было исключительно занято появленіемъ пруссаковъ, и думаетъ тѣмъ оправдать

разсѣянность своего героя; но мы убѣждены, что Наполеону нужно было всего нѣсколько минутъ, чтобы дать должное направленіе атакамъ у Гумона и на лѣвомъ крылѣ: странно предположить, что онъ не могъ удѣлить даже этихъ нѣсколькихъ минутъ.

Наконецъ Наполеонъ долженъ былъ самъ разсудить, въ состояніи ли онъ управлять боемъ, одновременно и противъ англичанъ, и противъ Бюлова; и если рѣшалъ этотъ вопросъ отрицательно, то долженъ былъ отступить.

Дѣло въ томъ, что сила вниманія, рѣшительность, энергія, неутомимость были уже притуплены въ Наполеонѣ. Онъ не съумѣлъ ни отступить, ни руководить какъ слѣдуетъ боемъ. Мы видимъ подтвержденіе тому въ мѣрахъ, принятыхъ противъ пруссаковъ, появленіе конихъ, по словамъ г. Тьера, поглотило все вниманіе императора.

Наполеонъ зналъ уже, что корпусъ Бюлова стягивается у С.-Ламбера и атакуетъ наше правое крыло; отправивъ на встрѣчу пруссакамъ Домона и Сюберви, потомъ Лобау, онъ не приказалъ имъ занять Ланскія тѣнины, откуда пруссаки должны были дебушировать, Лобау, вѣсто того чтобы ждать непріятеля по сю сторону Парижскаго лѣса, занявъ дефиле, имѣлъ возможность надолго задержать Бюлова, быть можетъ даже до прибытія войскъ Ширха 1-го ¹²¹⁾.

Гьеръ не отрицаетъ нашего довода, сказавъ, что занявъ искусно тѣнины, мы могли остановить цѣлую армію ¹²²⁾; но ему и въ голову не приходитъ отнести ошибку къ Наполеону; виноватъ тутъ Груши.

«Мы не приняли никакихъ предосторожностей со стороны С.-Ламбера, потому что были убѣждены, что лишь войска Груши могутъ показаться оттуда» ¹²³⁾. На дѣлѣ подобнаго убѣжденія не существовало и не могло существовать. Еще въ 10 часовъ утра мы предписывали Груши направиться не къ С.-Ламберу, а къ Вавру; допустивъ даже возможность подобнаго убѣжденія, мы знаемъ, что Ланское дефиле было такъ важно, что его слѣдовало занять изъ самой простой и понятной предосторожности.

Съ появленіемъ же у С.-Ламбера не корпуса Груши, а войскъ Бюлова, предосторожность становилась необходимостью, мы должны были безотлагательно занять Ланскія тѣнины и преградить дорогу пруссакамъ, однако не сдѣлали къ тому никакихъ распоряженій.

Опять виноватъ Груши! неужели несчастный маршалъ будетъ принесенъ въ жертву славію Наполеона даже за Ланскую оплошность? неужели никогда не помирится съ правдою и не припишутъ послѣдней ошибки, подобно ошибкамъ подъ Гумономъ, Ла-Ге-Сентомъ, при атакѣ д'Эрлона, ихъ настоящему основанію: упадку военныхъ способностей въ Наполеонѣ?

Перейдемъ теперь къ грандіозному, трагическому эпизоду битвы,

---

¹²¹⁾ См. стр. 239 и 297 настоящаго сочиненія.

¹²²⁾ Tome XX, page 213.

¹²³⁾ Idem.

къ атакѣмъ нашей кавалеріи на англо-голландскій центръ. Тьеръ и здѣсь, оправдывая Наполеона, во всемъ винить одного изъ подчиненныхъ генераловъ.

Всѣ соглашаются, что кавалерійская атака была ошибочна въ томъ смыслѣ, что не была достаточно подготовлена артиллерійскимъ огнемъ и не была поддержана пѣхотою. Кого же мы должны винить въ ошибкѣ?

Мы видѣли, какъ Наполеонъ въ своемъ второмъ и позднѣйшемъ очеркѣ кампаніи, оправдалъ совершенно Нея за ошибочное производство атаки и даже не упомянулъ его имени, обвиняя, въ своемъ сотканномъ и сбитомъ изъ однихъ неточностей повѣствованіи, генерала Мильго ¹²⁴). Вспомнимъ, что императоръ всѣ свои пораженія сваливалъ обыкновенно на подчиненныхъ, тогда какъ былъ виноватъ самъ; такъ онъ обвинилъ—Вандамму за Кульмъ, Мармона еще болѣе напрасно за Парижъ. Припомнимъ наконецъ, что кавалерійская атака могла быть остановлена, чего однако Наполеонъ не сдѣлалъ, введя въ дѣло даже карабинеровъ, оставленныхъ въ резервѣ Келлерманомъ. Извѣстны всѣ приведенные доводы, мы сказали на стр. 300, что атака была начата по приказанію самого Наполеона, когда 1-я англо-голландская линія подалась нѣсколько назадъ, и онъ счелъ это за начало отступленія и думалъ смѣшавъ непріятельскую пѣхоту, двинувъ на нее массу въ нѣсколько тысячъ коней.

Г. Тьеръ оспариваетъ наше мнѣніе въ текстѣ и замѣткѣ; послѣдняя направлена исключительно противъ насъ.

О разсказѣ скажемъ только, что онъ невѣренъ и неправдоподобенъ; въ особенности когда рѣчь касается спорнаго вопроса, какъ начались атаки. Описаніе г. Тьера въ такой степени шатко, что говоря одно на одной страницѣ, онъ чрезъ нѣсколько страницъ высказываетъ совершенно иное ¹²⁵).

Сдѣлаемъ нѣсколько возраженій противъ замѣтки.

Тьеръ, по своему обычаю, объясняетъ дѣло на основаніи вѣроятій и на основаніи свидѣтельствъ, и приходитъ къ рѣшительному обвиненію Нея.

«Наполеонъ», говоритъ онъ, «разсказываетъ въ своемъ очеркѣ, изданномъ генераломъ Гурго, и повторяетъ въ мемуарахъ, что онъ приказалъ Нею оставаться въ Ла-Ге-Сентъ впредь до приказанія и очень жалбеть о кавалерійской атакѣ маршала, которую оставалось только поддерживать. Это увѣреніе въ такой степени естественно, что я ему совершенно вѣрю» ¹²⁶).

Тьеръ впадаетъ въ ошибку, прочитавъ въ разсказѣ изъ Наполеоновскихъ мемуаровъ, то чего тамъ нѣтъ. Наполеонъ, говоря про кавалерійскую атаку, не упоминаетъ даже имени Нея, исключительно приписывая всю вину невинному генералу Мильго.

---

¹²⁴) См. стр. 298 и 299 нашей исторіи.

¹²⁵) См. стр. 218 и 228 т. XX и 287 тср. того же тома.

¹²⁶) Tome XX. page 232.

Мы обратили вниманіе читателя на то, какъ Наполеонъ отказался отъ своего перваго обвиненія, которое падало на Ней и находится въ первомъ очеркѣ, изданномъ отъ имени генерала Гурго. Желая опровергнуть наши доводы, Тьеръ къ сожалѣнію невнимательно прочелъ очерки—пусть онъ перечтетъ второй Наполеоновскій рассказъ, гдѣ императоръ говоритъ отъ собственнаго имени и увидитъ, что Наполеонъ не только не повторилъ свое естественное, вызывающее вѣру въ г. Тьерѣ, обвиненіе; но и окончательно отъ него отказался.

Полагаясь, что послѣ подобной поправки, намъ не слѣдовало бы останавливаться надъ замѣткою г. Тьера; но остановимся единственно потому, чтобы имѣть передъ собою прекрасный примѣръ того, какъ историкъ запутывается, изъ желанія обрисовать непогрѣзительность Наполеона. Занимательно, поучительно видѣть, какъ Тьеръ выбивается изъ силъ, чтобы поддержать и увѣрить въ доводѣ, который на столько несостоятеленъ, что Наполеонъ, сочинившій его, самъ отъ него отступился.

«Вѣрность Наполеоновскаго рассказа», говоритъ Тьеръ, подтверждается доказательствами, которыя показались мнѣ заслуживающими довѣрія. Во первыхъ, Наполеонъ былъ такъ озабоченъ атакою пруссаковъ, что остановилъ дѣло на прочихъ пунктахъ сраженія и рѣшился не трогать ни одного гвардейскаго баталіона, пока Бюловъ не будетъ отбитъ. Какъ согласить, что, не желая тратить пѣхоту праваго крыла, Наполеонъ согласится двинуть впередъ свою тяжелую кавалерію, зная, что не поддержитъ ее пѣхотою? Какъ допустить, что такой опытный полководецъ, пуститъ кавалерію въ атаку, когда весь пѣхотный резервъ остался на мѣстѣ? Скажутъ быть можетъ, что тутъ распорядился Ней... Конечно маршалъ былъ далеко ниже Наполеона, зарвался, пришелъ въ изступленіе подъ огнемъ, и, не командуя арміею, не зная, что въ данную минуту пѣхота не можетъ поддержать начатой атаки. Ошибка простибельная для Ней—для Наполеона непростибельна» ¹²⁷⁾.

Тьеръ, разсуждая подобнымъ образомъ, принимаетъ свои слова за убѣждающія доказательства.

Начнемъ съ того, что битва не была пріостановлена на всѣхъ пунктахъ, и не велась только противъ пруссаковъ. Ней продолжалъ атаку Ла-Ге-Сента и овладѣлъ фермою, когда прусскій корпусъ началъ дебушированіе; во время тѣхъ же дѣйствій съ пруссаками, мы яростно подступали къ Гумону, овладѣли фермою Папелотъ и были отбиты отъ Ла-Ге.

Равно ничего не доказываетъ желаніе Наполеона, не трогать ни одного гвардейскаго баталіона, пока атака Бюлова не будетъ отбита. Онъ могъ думать сперва что одна кавалерія въ состояніи прорвать англо-голландскій центръ, потомъ, видя невозможность этого, колебался

¹²⁷⁾ Tome XX, pages 232—233.

¹²⁸⁾ Самъ Тьеръ говоритъ, что прусская кавалерія завязала дѣло съ нашею въ три часа по-полудни. (Tome XX, page 213).

и не рѣшился поддержать свои геройскіе эскадроны частью гвардейской пѣхоты.

Наконецъ—говорить, что Наполеонъ какъ опытный полководецъ не могъ надѣлать ошибокъ, значить вмѣсто доказательствъ представить родъ какого то прошенія. Безспорно, Наполеонъ былъ опытный, перестепенный, гениальный полководецъ; но мы, вмѣстѣ съ другими, думаемъ, что уже передъ Бельгійскою кампаніею военный гений Наполеона сталъ петошаться, сдѣлался неровенъ, такъ что въ послѣднюю войну проявлялся лишь урывками; а характеръ и дѣятельность совершенно опустились. Въ день Ватерлооской битвы онъ дѣлаетъ ошибку за ошибкою, припоминаетъ напр. слѣдующую—передъ нашею кавалерійскою атакою, произведенною безъ поддержки пѣхоты, корпусъ д'Эрлона былъ двинутъ въ атаку и не былъ подкрѣпленъ кавалерією.

Фридрихъ Великій выразился: «подъ Филиппсбургомъ я видѣлъ одну тѣнь великаго Евгенія». Тьеру слѣдовало подумать надъ этимъ выраженіемъ ¹²⁹⁾.

Всѣ убѣждающія доказательства Тьера въ сущности сводятся на невѣрные доводы и увѣреніе въ непогрѣшимости Наполеона—т. е. другими словами они не представляютъ и тѣни доказательствъ.

Затѣмъ онъ тотчасъ же ссылается на неоспоримыя, по его мнѣнію, свидѣтельства; придавая этотъ эпигетъ свидѣтельствамъ, подкрѣпляющимъ обвиненіе Нея, сперва выдуманное, потомъ оставленное Наполеономъ.

Тьеръ приводитъ сперва показаніе адъютанта Нея, полковника Геймеса, оставившаго короткій очеркъ кампаніи 1815; въ текстъ мы ссылались иногда на него. До сихъ поръ мы думали, что Тьеръ не читалъ этого очерка; потому что Геймесь оставилъ важное показаніе на счетъ словесныхъ инструкцій, отданныхъ Нею Наполеономъ, передъ вечеромъ 15 іюня; показаніе его противорѣчитъ словамъ Наполеона; а Тьеръ увѣрялъ, что не знаетъ ни одного свидѣтельства, которое бы говорило противъ словъ императора:

Надо думать, что Тьеръ прочелъ одинъ конецъ брошюры Геймеса.

«Какъ бы то ни было, но Геймесь, рассказывая о знаменитой атакѣ кавалеріи, не посмѣлъ сказать, что она была произведена по приказанію Наполеона. Если бы существовало малѣйшее извиненіе для Нея, оно было бы приведено; но Геймесь ограничивается лишь словами, что маршалъ желалъ захватить часть позицій и артиллерію ¹³⁰⁾. казалось оставленную Веллингтономъ при его отступательномъ движеніи. Если люди, неказившіе факты съ цѣлью оправдать Нея, не рѣшаются положительно извинить его, значить причины извиненія не существуетъ».

Тьеръ совершенно не впопадъ оскорбляетъ память маршальскаго адъютанта. Геймесь сказалъ все что зналъ о знаменитой кавалерійской атакѣ, подобная сдержанность показываетъ лишь его честность,

---

¹²⁹⁾ Ламаркъ сказалъ тоже о Наполеонѣ подъ Ватерлоо.

¹³⁰⁾ Геймесь ни слова не говоритъ про артиллерію.

но отнюдь не безсиліе защищать Нея. Геймесь не зналъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла—что убѣдительно доказывается самымъ разсказомъ.

Такъ онъ говоритъ, что кавалерія занеслась вся разомъ на плато, тогда какъ Наполеонъ въ мемуарахъ приводитъ, что корпусу Келлермана было приказано поддерживать уже начатую атаку; а одинъ изъ адъютантовъ императора, приближаясь болѣе къ истинѣ, пишетъ: что передалъ приказаніе—всей кавалеріи поддерживать эскадроны, перешедшіе лощину, раздѣлявшую насъ отъ непріятеля ¹³¹⁾.

Огрицать фактъ, потому только, что онъ остался неизвѣстенъ Геймесу, значить выводить неразумное заключеніе. Довольно прочесть строки Геймеса о кавалерійской атакѣ, чтобы видѣть, какъ онъ совершенно оправдываетъ Нея, подобно второму Наполеоновскому варианту ¹³²⁾.

Опираясь на какое нибудь показаніе, приводятъ его цѣликомъ: а не вырываютъ изъ него клочки, какъ дѣлаетъ г. Тьеръ. Такъ у Геймеса сказано: «движеніе кавалеріи совершилось передъ глазами императора, онъ могъ остановить ее, но не остановилъ ¹³³⁾», Разумѣется, при послѣднемъ условіи, движеніе должно быть приписано главнокомандующему и падаетъ на его полную отвѣтственность.

Пропустивъ начало брошюры Геймеса, Тьеръ могъ избавить себя отъ труда прочесть такъ невнимательно конецъ ея. Онъ приводитъ другое, «тоже убѣдительное доказательство», въ подкрѣпленіе своего довода, но снова рѣшительно ничего не доказываетъ.

«Наполеонъ передъ глазами Нея ¹³⁴⁾ продиктовалъ въ Лаонѣ подробный бюллетень о битвѣ при Ватерлоо. Ней могъ опровергнуть бюл-

---

¹³¹⁾ Письмо генерала Флаго къ редактору «Монитера», отъ 6 апрѣля 1857 г. Атака приписана своеволью Нея, слѣдовательно Флаго держится перваго Наполеоновскаго варианта.

¹³²⁾ Очеркъ Геймеса написанъ въ 1829 г. Прибавимъ, что герцогъ Эльхингенскій, сынъ Нея, считалъ своего знаменитаго отца совершенно оправданнымъ Наполеоновскими мемуарами (Documents inédits и проч. герцога Эльхингенскаго).

¹³³⁾ Г. Тьеръ говоритъ, что въ минуту начала кавалерійской атаки, Наполеонъ поскакалъ къ правому крылу, распорядиться ходомъ дѣла противъ пруссаковъ. Уловка умная, но слова Тьера опровергаются двумя вариантами Наполеона, всѣми описаніями Ватерлооской битвы и свѣдѣтельствомъ генерала Флаго, бывшаго впоследствии сенаторомъ; показаніе его не можетъ быть подозрительно для Тьера: «императоръ во время битвы находился на пригоркѣ въ центрѣ, откуда могъ слѣдить за общимъ ходомъ дѣла; онъ замѣтилъ движеніе нашей кавалеріи, начатое по приказанію Нея, и послалъ меня двинуть весь остальной кавалерійскій резервъ.....» (Письмо Флаго къ редактору «Монитера»).

¹³⁴⁾ Не надо принимать эти слова буквально, потому что Нея не было въ то время въ Лаонѣ.

летень и дѣйствительно чрезъ два дня въ палатѣ перовъ, говорилъ что кавалерія, увлекшись безразсудною отвагою, занеслась безъ его приказанія. Въ Лаонѣ, Наполеонъ сказалъ: «я могу обвинить Нея въ самой важной ошибкѣ — кавалерійской атакѣ, но я этого не сдѣлаю», и потому, не называя имени маршала, отнесъ къ запальчивости войскъ, эту атаку, истощившую весь нашъ кавалерійскій матеріалъ, прежде чѣмъ наступила рѣшительная минута. Въ присутствіи Друо и многихъ другихъ свидѣтелей, Наполеонъ не позволилъ бы себѣ подобныхъ увѣреній, если бы дѣйствительно распорядился отъ себя. Самъ Ней, спустя два дня въ палатѣ перовъ, горячо нападая на общія распоряженія въ кампаніи, т. е. на Наполеона, не рѣшился въ свою защиту сказать, что дѣйствовалъ съ кавалеріею по приказанію императора между тѣмъ какъ подобнымъ извиненіемъ могъ отвратить отъ себя общіе упреки¹³⁵⁾. Изъ всего этого Тьеръ выводитъ заключеніе, что кавалерійская атака была произведена по-мимо воли императора, увлекшимся Неемъ. Заключеніе это къ сожалѣнію невѣрно и неправдоподобно.

Мы вѣримъ, что въ Лаонѣ императоръ сказалъ своимъ приближеннымъ: «я могу обвинить Нея въ самой важной ошибкѣ—кавалерійской атакѣ, но я этого не сдѣлаю.» Однако слова Наполеона не доказываютъ ни его правдивости, ни его искренности, потому что онъ говорилъ передъ Друо и многими другими свидѣтелями. Утверждая противное, мы слишкомъ забываемъ характеръ и привычки Наполеона и окружающихъ его лицъ. Г. Тьеръ не разъ старается выставить впередъ личность Друо, представляя его суровымъ мудрецомъ¹³⁶⁾, передъ которымъ Наполеонъ постыдился бы лгать и клеветать; и называя его: «правдивымъ, честнымъ человекомъ».

Мудрецъ, служившій деспоту и тирану, мудрецъ, вернувшійся съ нимъ съ о. Эльбы, не можетъ считаться особенно мудрымъ. Эта олицетворенная правота, этотъ мудрецъ, былъ адъютантомъ Наполеона подъ Кульмомъ, когда императоръ отобралъ у секретаря Вандаммова, свои повелѣнія, кругомъ оправдывавша несчастнаго генерала, и свалилъ на Вандамма отвѣтственность въ постигшей насъ катастрофѣ; былъ съ Наполеономъ на палубѣ «Inconstant'a, когда писались знаменитыя прокламаціи, цинически клеймившія Ожеро и Мармона, чтобы оправдать гибель Наполеона въ 1814 году¹³⁷⁾, однако своимъ присут-

---

¹³⁵⁾ Tome XX, pages 233—234.

¹³⁶⁾ «Друо, мудрейшій изъ людей.» (Tome XX, page 238).

¹³⁷⁾ «Измѣна герцога Кастильоне предала неприятелю Лионъ безъ обороны... измѣна герцога Рагузскаго предала нашу столицу...» (прокламація Наполеона, отъ 1 марта, въ Жуанской бухтѣ).

Ожеро былъ слабый, безтактный генералъ, но онъ не былъ измѣнникомъ. Оборона Парижа Мармономъ и Мортье принадлежитъ къ самымъ славнымъ страницамъ нашей военной исторіи, тѣмъ болѣе, что маршалы были оставлены правительствомъ и братьями Наполеона—Иосифомъ и Иеронимомъ, постыдно и поспѣшно убѣжавшими.

ствием не сдержалъ клеветъ ¹³⁸⁾; былъ наконецъ съ нимъ въ Лаонѣ, на привалѣ послѣ пораженія, и не помѣшалъ, не возразилъ даже Наполеону на его бюллетень, клеветавшій на французскихъ солдатъ, съ цѣлью скрыть ошибки императора ¹³⁹⁾.

Наполеонъ былъ разбитъ такъ, какъ не разбивали никогда никого, онъ боялся чтобы, вслѣдствіе испытаннаго пораженія, власть его не подверглась опасности и въ видахъ самозащиты рѣшился снять съ себя всю отвѣтственность въ проигранномъ сраженіи, нагородивъ такихъ же ложныхъ оправданій, какъ и въ 1812—1813 и 1814 годахъ съ цѣлью обмануть Францію и сохранить передъ нею заколдованное могущество необходимости. Кажется извѣстно, какъ изъ личныхъ интересовъ, Наполеонъ былъ способенъ на все. Слова его, что онъ можетъ и не хочетъ обвинить Нея, не имѣютъ никакого значенія; онъ такъ часто лгалъ и клеветалъ, что вѣрить имъ и придавать цѣну историческаго документа, значить выказать крайнее простодушіе.

Если Тьеръ правъ и Наполеонъ дѣйствительно высказалъ, приписанный ему слова—онъ только произнесъ новую клевету предъ своими приближенными. Но мы убѣждены въ несуществованіи подобнаго факта. Наполеонъ вѣроятно одумался, диктуя бюллетень и вспомнилъ, что Ней живъ и можетъ возражать. Тьеръ въ сдержанности Наполеона видитъ великодушіе—но хорошо великодушіе, когда потомъ въ очеркахъ, изданныхъ генераломъ Гурго, явился первый Наполеоновскій вариантъ.

Г. Тьеръ идетъ далѣе, думая найти неопровержимое доказательство противъ Нея въ томъ, что маршалъ: «въ палатѣ перовъ, горячо нападая на общія распоряженія въ кампаніи, т. е. на Наполеона, не рѣшился въ свою защиту сказать, что дѣйствовалъ съ кавалеріею по приказанію Наполеона; между тѣмъ какъ подобнымъ извиненіемъ могъ отвлечь отъ себя общіе упреки.

Тьеръ не всегда такъ внимателенъ къ словамъ маршала; такъ Ней сказалъ, что 16 іюня корпусъ д'Эрлона былъ присланъ къ нему Наполеономъ ¹⁴⁰⁾; однако Тьеръ не приводитъ его показанія и говоритъ, что контръ-маршъ 1-го корпуса объясняется лишь въ свидѣтельствахъ Дюрютта и самого д'Эрлона.

---

¹³⁸⁾ Припомнимъ фактъ уступчивости Друо, когда онъ подписался подъ адресомъ всѣхъ чиновъ императорской гвардіи. Адресъ этотъ, продиктованный Наполеономъ, появился въ «Монитерѣ», отъ 21 марта 1815 года; онъ обвиняетъ Бурбоновъ въ томъ, что они увезли съ собою въ Англію на 400 милліоновъ чрезвычайныхъ дотаций, принадлежавшихъ арміи, въ награду за ея заслуги.

¹³⁹⁾ Присутствіе очевидцевъ такъ мало стѣсняло Наполеона, что въ своемъ бюллетенѣ, продиктованномъ въ Лаонѣ, онъ говоритъ, что двѣ кирасирскія дивизіи (не называя впрочемъ ихъ начальника) поспѣвали самовольно, а за ними, для поддержки ихъ, увязалась остальная наша кавалерія. Припомнимъ читателю слова Флаго въ его письмѣ.

¹⁴⁰⁾ См. стр. 465.

Толкованія рѣчи маршала въ палатѣ перовъ въ высшей степени неудовлетворительны.

Ней прибылъ въ Парижъ 21 іюня въ полдень, т. е. въ тотъ день какъ вернулся Наполеонъ и былъ обнародованъ бюллетень про Ватерлоо; спустя сутки онъ говорилъ въ палатѣ перовъ, горячо и нескладицаю нападая на извѣстія изъ армій, сообщенныя Карно, за отсутствіемъ военнаго министра. При этомъ Ней сдѣлалъ нападки на распоряженія императора, хотя, сколько намъ извѣстно, ни одинъ журналъ не высказался въ такомъ духѣ ¹⁴¹⁾; но имя его было оставлено въ покоѣ бюллетенемъ и конечно маршалу нечего было оправдываться Наполеоновскимъ приказаніемъ, за начало кавалерійскихъ атакъ. Упрека же вѣроятно ни отъ кого Ней не слыхалъ, хотя Тьеръ приписываетъ ему значеніе ходячаго уприска. Упрекъ раздался впоследствии, когда несчастный маршалъ лежалъ въ могилѣ и апологисты Наполеона не боялись уже его возраженій. Подтвердимъ наше мнѣніе, что на слѣдующій день послѣ выходки Ней въ палатѣ перовъ «правдивый, честный Дроу», представивъ перамъ картину битвы, не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній на производствѣ атаки, хотя Ней сидѣлъ тутъ же ¹⁴²⁾.

Черезъ три дня маршалъ Ней, узнавъ что оскорбительныя клеветы пущены на его счетъ, что его обвиняютъ въ измѣнѣ и указываютъ народу и войску, какъ на главнаго виновника катастрофы, написалъ длинное письмо президенту правительственной комиссіи, съ цѣлью заставить замолкнуть клеветниковъ, на коихъ онъ ясно указываетъ въ словахъ: «стараются прикрыть ошибки, некомпетентности этой кампаніи, сваливая все на измѣну, потому что не рѣшаются сознаться въ нихъ въ бюллетенѣ ¹⁴³⁾».

Письмо вскорѣ было напечатано; въ немъ Ней набрасываетъ очеркъ

---

¹⁴¹⁾ Въ «Монитерѣ» сказано по этому поводу: «князь Москворѣцкій передалъ разныя подробности о движеніи нашихъ войскъ».

Въ «Histoire parlementaire» Бюше и Ру, также приведены лишь возраженія Ней на сообщенія Карно.

Часть рѣчи Ней, пропущенная повременными періодическими изданіями, помѣщена въ сочиненіи Вильмена: «Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature». Мы не раздѣляемъ многихъ взглядовъ и заключеній автора; но считаемъ книгу чрезвычайно поучительною и самымъ замѣчательнымъ трактатомъ о роковомъ періодѣ ста дней.

Вильмень присутствовалъ въ засѣданіи, и вѣроятно писалъ свои мемуары подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, потому что слова его дышутъ истиною.

Ней такъ говоритъ про атаку кавалеріи: «сдѣло шло хорошо, мы овладѣли гребнемъ Монъ-Сенъ-Жанскаго плато съ кирасирами храбраго Мильго и гвардейскою кавалерійскою дивизіею....»

¹⁴²⁾ По всему видно, что Дроу не только не упрекалъ Ней, но и не считалъ ошибкою атаку резервной кавалеріи; въ собственноручной замѣткѣ о Бельгійской кампаніи, написанной въ 1819 году, онъ не критикуетъ атаки.

¹⁴³⁾ Письмо Ней Фуше, отъ 21 іюня 1815 г.

первых трех дней кампаніи, строго разбирает и останавливается на дѣйствіяхъ 16 іюня, и, переходя къ Ватерлоо, говоритъ, что отчетъ Дроу перамъ о битвѣ вѣренъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ умолченныхъ или неизвѣстныхъ составителей фактовъ, о коихъ тутъ же и упоминаетъ вкратцѣ, затѣмъ, подобно Дроу, онъ не касается кавалерійской атаки, конечно считая себя въ данномъ случаѣ не заслуживающимъ ни обвиненій, ни нареканій. Только обвиняемые люди защищаются въ чемъ либо.

Послѣ всего сказаннаго, можемъ оцѣнить настоящимъ образомъ значеніе неоспоримыхъ доказательствъ Тьера. Они выдуманы противъ насъ, въ обвиненіе Нея и оправданіе Наполеона, поддерживая мнѣніе послѣдняго, которое онъ сперва высказалъ, потомъ отъ него отступился. Просимъ Тьера съ большимъ вниманіемъ перечестъ и нашу книгу, и второй Наполеоновскій варіантъ — направивъ его такъ положительно, не думаемъ, что онъ останется при своемъ мнѣніи, выкажетъ болѣе упорства въ обвиненіяхъ противъ Нея, чѣмъ самъ Наполеонъ — и доведетъ до абсурда свой имперіализмъ. Мы могли ограничиться вмѣсто изслѣдованій лишь однимъ софтизмъ, но распространились съ цѣлью показать — до какой степени можетъ сбиваться писатель, подчиняющій факты разъ составленному убѣжденію — онъ насилуетъ событія, истощается въ доказательствахъ, увѣряетъ въ ихъ значеніи и считаетъ отступникомъ своего героя, который сперва изъ личныхъ видовъ стоялъ за ложный фактъ, но потомъ, видя невозможность защиты, отказался отъ него.

Урокъ поучителенъ; но оставимъ Тьера при его убѣжденіи, Ней оправданъ, Мильго также не можетъ быть обвиненъ, слѣдовательно кавалерійская атака была пачата по приказанію Наполеона.

Въ текстѣ мы выразились, что Наполеонъ имѣлъ возможность остановить атаку; но г. Тьеръ не смотритъ на этотъ аргументъ: «разъ началась атака, Наполеонъ рѣшился ее поддержать, потому что не могъ дѣйствовать иначе».

Допустимъ, хотя это совершенно невѣрно, съ Тьеромъ, что кавалерійская атака не распадалась на два эпизода, но слилась въ одинъ. Неужели генералы Мильго и Лефевръ-Денуэтъ съ 5,000 всадниковъ не могли отступить съ плато подъ прикрытіемъ кавалеріи Келлермана и Гюо (4,500 коней) и подъ покровительствомъ многочисленной артиллеріи. Военная исторія представляетъ безчисленные примѣры, какъ болѣе или менѣе значительная масса кавалеріи, разъ отбитая, отступала по приказанію главнокомандующаго на прежнюю позицію, выжидала удобной минуты для возобновленія удара — была готова въ рѣшительную минуту боя, такъ что главнокомандующій лишь выигрывалъ, вслѣдствіе своего сдержаннаго образа дѣйствій. Отведя назадъ кавалерію Мильго и Лефевра-Денуэта чего могли мы опасаться? Преслѣдованія непріятельской конницы? но она была бы встрѣчена резервами и рисковала испытать участь, подобную бригадѣ Понсонби. Перехода Веллингтона въ наступленіе? но англійскій генералъ подвелъ бы свои войска, разъ уже отведенныя съ гребня, во избѣжаніе потерь, подъ нашъ артилле-

рійскій огонь, что было очень кстати для насъ. Англичане, дожидая рѣшительной помощи Блюхера, держались стойко на плато и были защищены крѣпостью позиціи—спустившись, они лишались всѣхъ выгодъ и могли быть сбиты. Мы не ошибемся сказавъ, что Веллингтонъ не рискнулъ бы преждевременно, т. е. ранѣе прибытія корпусовъ Цитена и Пирха I, оставить свою крѣпкую позицію ¹⁴⁴⁾.

Утвержденіе въ невозможности остановить атаку, лишено всякаго основанія и опровергается фактами, представляемыми военною исторіею.

Кавалерія легко могла быть удержана, но французскій вожь не сдѣлалъ этого, упорствуя въ мнѣніи, что Мильо и Лефевръ-Денуэтъ, поддержанные Келлерманомъ и Гюо, прорвутъ англійскій центръ.

Увидѣвъ свою ошибку, Наполеонъ не сознается въ ней и выдумалъ, что кавалерійская атака была начата помимо его, и ему оставалось только поддержать ее.

Къ ошибкамъ, сдѣланнымъ у Гумона, Ла-Ге-Сента, при атакѣ д'Эрлона, у Памелотъ, Ла-Ге, въ Ланьскихъ тѣснинахъ прибавимъ еще ошибочную кавалерійскую атаку, произведенную безъ поддержки пѣхоты; упорствуя въ атакахъ, Наполеонъ усугубилъ послѣднюю ошибку и сдѣлалъ ее непоправимою.

Мы сказали, что Наполеонъ не долженъ былъ передъ вечеромъ двигать 6 гвардейскихъ (4 по Тьеру) баталіоновъ на плато; но напротивъ симъ послѣднимъ резервомъ прикрыть свою измученную кавалерію и начать немедленное отступленіе, чтобы имѣть возможность произвести его въ порядкѣ.

Г. Тьеръ напротивъ считаетъ атаку гвардіи послѣднимъ возможнымъ маневромъ ¹⁴⁵⁾. Онъ тоже сравниваетъ Наполеона съ игрокомъ, но въ смыслѣ намъ противоположномъ, и восторженно восклицаетъ: «великій игрокъ сталъ въ такое трагическое положеніе, что порывъ отчаянія становится разумнѣйшею предосторожностью».

Г. Тьеръ считаетъ послѣднимъ возможнымъ маневромъ маневръ, произведенный вслѣдствіе двухъ ошибочныхъ мнѣній—1) что Веллингтонъ истощилъ всѣ свои резервы, тогда какъ у него оставалось до 10,000 (въ томъ числѣ 2,500 кавалеріи) свѣжаго войска, и 2) что Бюловъ не возобновитъ атаки и истощенная прусская армія, помогаетъ лишь однимъ корпусомъ союзнику. Въ свою очередь скажемъ, что атака гвардіи была единственный невозможный маневръ, во первыхъ, основываясь на двухъ ложныхъ началахъ; во вторыхъ, становясь порывомъ отчаянія, ставившимъ на авось участь битвы и кампаніи. Самъ Тьеръ согласенъ, что солдаты дошли до такой степени напряженія и

---

¹⁴⁴⁾ Кавалерійскій генералъ Бертонъ, враждебный Нею и ярый поклонникъ Наполеона, осуждаетъ въ своемъ «Précis historique» (издано ранѣе появленія книги Гурго) преждевременное употребленіе кавалеріи, говоря: «слѣдовало отвести кавалерію назадъ; но ее вмѣсто того подкрѣпили, что и привело къ роковой развязкѣ.

¹⁴⁵⁾ Tome XX, page 287.

утомленія, что въ случаѣ неуспѣха, мы не просто проигрывали сраженіе съ его обычнымъ слѣдствіемъ—отступленіемъ въ порядкѣ. Нѣтъ мы должны были испытать безпримѣрное пораженіе, въ которомъ гибла наша единственная армія—ставить на карту судьбу этой арміи, а съ нею и судьбу Франціи, ставить, имѣя сто неблагоприятныхъ шансовъ противъ одного, было безуміемъ. Понятно, что Наполеонъ рискнулъ всѣмъ, чтобы удержать за собою все; но онъ игралъ участію Франціи, онъ не можетъ очиститься отъ обвиненія.

Послѣдняя атака гвардіи, составляющая предметъ удивленія Тьера, никуда не годится въ военномъ отношеніи — это фарсъ генерала-авантюриста, но не дѣйствіе полководца, правителя, патріота. Наполеонъ закончилъ всѣ свои ошибки, сдѣланныя въ день Ватерлоо и во всю кампанію, громадною, непростительною ошибкою—онъ думалъ о себѣ, о собственномъ спасеніи, пренебрегая спасеніемъ отечества.

Когда же, спросимъ мы, этотъ роковой человѣкъ руководствовался чѣмъ либо кромѣ своего эгоизма?

ХІІІ.

(къ страницѣ 342-й).

Тьеръ допускаетъ, что Груши не получалъ инструкцій, отправленныхъ къ нему Наполеономъ въ ночь съ 17 на 18 іюня; онѣ были перехвачены пруссаками или выданы непріятелю ординарцами, имена и чины коихъ остались неизвѣстными—онъ не можетъ согласиться, что существованіе инструкцій придумано на о. св. Елены, послѣ урока, вынесеннаго изъ кампаніи, и считаетъ ихъ подлинными.

Мы не удивляемся такому упорству. Признавая ихъ подложность, мы выставлемъ Наполеона лжецомъ, допускаемъ съ его стороны ошибку, гдѣ онъ выказалъ недостатокъ соображенія, предусмотрительности и слѣное убѣжденіе въ томъ, что пруссаки не въ состояніи принять участіе въ дѣйствіяхъ у Монъ-Сень-Жана; видимъ, что онъ не рассчитываетъ на содѣйствіе Груши и не подготавливаетъ онаго.

Легенда не можетъ допустить подобныхъ заключеній.

Мы доказали уже, что Наполеонъ выдумываетъ, Тьеръ старается уклониться отъ сдѣланныхъ замѣчаній и пробуетъ это въ разсказѣ и примѣчаніи.

Докажемъ вымышленность разсказа и полнѣйшую несостоятельность примѣчанія.

Тьеръ пишетъ: «Въ 10 часовъ вечера, 17 числа, Наполеонъ отправилъ къ Груши инструкціи, гдѣ обсуждалъ взаимное положеніе враждующихъ съ различныхъ сторонъ и изложилъ ихъ съ необыкновенною точностью».

«Если пруссаки», писалъ онъ, «отступаютъ на Рейнъ, не заботьтесь о нихъ и отправьте тысячу человѣкъ кавалеріи, чтобы убѣдиться, что

они не возвращаются. Если они отступают по ваврской дорогѣ на Брюссель, довольно тоже преслѣдовать ихъ 1,000 человекъ конницы—изъ обоихъ случаевъ снверните корпусъ для соединенія со мною. Мы раздвинемъ англійскую армію. Наконецъ, если пруссаки остановились передъ Суаньскимъ лѣсомъ, въ Вавръ или другомъ пунктѣ, вамъ слѣдуетъ стать между ими и мною, развлечь ихъ, остановить и отправить 7,000 дивизію для атаки съ тыла лѣваго крыла англичанъ. Слѣдуйте буквально настоящимъ инструкціямъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что инструкція могли придти и быть исполнены своевременно. Онѣ были отданы въ 10 часовъ, положили офицеръ, предваренный что найдетъ Груши въ Жемблу, отправился съ ними чрезъ часъ, самое позднее онъ прибылъ въ 2 часа по-полудни къ мѣсту назначенія ¹⁴⁶⁾.

Наполеонъ получилъ депешу маршала Груши, отправленную изъ Жемблу въ 10 часовъ вечера, гдѣ маршалъ доносилъ, что занялъ позицію, промежуточную между направленіями на Люттихъ и Вавръ... найдя дѣйствія маршала слабыми, и цѣлый день почти потеряннымъ, потому что правая колонна прошла всего 2½ лье, Наполеонъ немедленно (въ три часа утра) отправилъ къ нему дубликатъ приказанія, посланнаго наканунѣ въ 10 часовъ вечера».

Таковъ рассказъ г. Тьера. Тонъ его утвердительно, но тѣмъ не менѣе весь рассказъ вымышленъ.

Мы слышимъ о существованіи этихъ таинственныхъ инструкцій лишь исключительно отъ одного Наполеона. Онъ говоритъ о нихъ два раза—въ очеркѣ кампаніи, изданномъ отъ имени генерала Гурго (*Campanie de 1815*) чрезъ три года послѣ Ватерлоо и во второмъ очеркѣ, помѣщенномъ въ Наполеоновскихъ мемуарахъ ¹⁴⁷⁾.

---

¹⁴⁶⁾ Tome XX, pages 164—166

¹⁴⁷⁾ На стр. 340 и 341 нашей исторіи приведенъ варіантъ мемуаровъ, приведемъ варіантъ изъ изданія Гурго—«*La Campanie de 1815*»:

«Мы думали, что Груши находится противъ Вавра, въ виду отступающей прусской арміи.

«Въ 10 часовъ вечера императоръ отправилъ офицера къ маршалу Груши съ увѣдомленіемъ, что на-завтра будетъ дано генеральное сраженіе и англо-голландская армія занимаетъ позицію недоходя Суаньскаго лѣса, примыкая лѣвымъ флангомъ къ деревнѣ Ла-Ге, а фельдмаршалъ Блюхеръ принялъ одно изъ слѣдующихъ трехъ рѣшеній: 1) отступаетъ на Люттихъ; 2) отступаетъ къ Брюсселю, и 3) остается у Вавра. Во всѣхъ трехъ случаяхъ маршалъ Груши долженъ маневрировать къ сторонѣ С.-Ламбера, чтобы охватить лѣвое крыло англичанъ и войти въ связь съ правымъ крыломъ французской арміи. Въ первыхъ двухъ случаяхъ движеніе это должно быть совершено съ большею частью силъ, въ третьемъ съ отрядомъ, сила котораго опредѣлится условіями того положенія, какое Груши занимаетъ противъ пруссаковъ.

«Въ два часа утра пришла депеша Груши изъ Жемблу. Маршалъ доно-

Г. Тьеръ вѣрить словамъ Наполеона, слѣдовательно долженъ строго слѣдовать обоимъ разсказамъ, передавъ существенныя черты ихъ, чтобы убѣдить (если только возможно) читателя въ искренности собственной и своего героя; однако на дѣлѣ поступаетъ иначе.

Слова наши подтверждаются сравненіемъ приведеннаго разсказа съ двумя Наполеоновскими варіантами. Тьеръ самымъ произвольнымъ образомъ измѣнилъ ихъ, въ особенности мѣста, бывшія въ глаза своей невѣрностью, съ цѣлю придать имъ вѣроятіе и стусевать рѣзкую невѣрность красокъ.

Въ обоихъ очеркахъ Наполеонъ положительно убѣжденъ, что Груши находится въ виду прусской арміи у Вавра и предписывать ему отправить отрядъ въ пунктъ заранее опредѣленный, къ С.-Ламберу. И убѣжденіе, и предписаніе послужили намъ темою для рѣшительнаго опроверженія доводовъ Наполеона.

Тьеръ вычеркиваетъ у себя названіе С.-Ламбера и не называетъ никакого пункта; Наполеона же онъ заставляетъ считать Груши въ Жемблу, а Блюхера тамъ и сямъ.

Разсказъ Тьера представляется подобно Наполеоновскому вымыслу, но вымыслу исправленнымъ очень ловко, съ оттѣнкомъ вѣроятія; мы остаемся при своемъ и считаемъ излишнимъ заниматься имъ.

Замѣтимъ однако, что не смотря на свои искусныя успія, Тьеръ попадаетъ въ противорѣчіе. Оно выражается въ томъ, что Наполеонъ, твердо убѣжденный въ нахожденіи Груши въ Жемблу, такъ что именно туда отправляетъ съ депешою ординарца, въ то же время (что и согласуется съ императорскими очерками) удивленъ и разсерженъ, узнавъ что Груши находится въ Жемблу... «найди дѣйствія маршала слабыми и считая цѣлый день почти потеряннымъ, потому что правая колонна прошла 2½ лье и проч.

Какое разногласіе — съ одной стороны Наполеонъ, знающій, что Груши стоитъ въ Жемблу; съ другой, удивленный, негодующій узнавъ, что тотъ же Груши находится въ томъ же Жемблу.

Тьеръ, желая убѣдить читателей въ правдивости Наполеона, не ограничился приведеннымъ страннымъ разсказомъ; онъ прибавляетъ еще замѣтку, исключительно назначенную для той же цѣли.

Замѣтка Тьера представляетъ три нравственныхъ доказательства.

силъ, что потерялъ изъ виду Блюхера. Такъ онъ упустилъ прусскую армію и прошелъ въ цѣлый день всего 2½ лье.

«Императоръ тотчасъ же отправилъ дубликатъ приказанія, посланнаго въ 10 часовъ вечера, и предписывалъ Груши, двинуться до-свѣта, переправиться чрезъ Диль ниже Вавра и направиться къ С.-Ламберу. Ординарецъ поѣхалъ съ депешою въ три часа утра... чрезъ два часа, въ главную квартиру, пришла вторичная депеша отъ маршала....»

Сравнивъ этотъ варіантъ съ варіантомъ мемуаровъ, мы видимъ какъ противорѣчатъ они одинъ другому. Это обстоятельство заставляетъ недо-вѣрять ихъ автору.

1) «Наполеонъ на о. св. Елены съ такою точностью и съ такими подробностями разсказалъ про отправку приказанія, что если въ дѣйствительности его не посылалъ—то произносить такую ложь, въ возможность коей мы отказываемся вѣрить ¹⁴⁸⁾».

Слова эти представляютъ только вѣру Тьера въ Наполеона, но отнюдь не нравственное доказательство—мы не убѣждаемся ими, потому что часто ловили его героя въ самой отъявленной лжи; тѣмъ болѣе, что самъ Тьеръ, того не замѣчая, усумнился въ существованіи этого точно обставленнаго приказа. Если онъ забылъ подобный фактъ, мы ему напомнимъ. Наполеонъ, желая оправдаться въ своей мѣшкотности и своихъ колебаніяхъ 16 іюня, разсказываетъ самымъ утвердительнымъ образомъ на о. св. Елены, что «Нею ночью былъ отправленъ съ флагомъ Флаго приказъ: идти съ разсвѣтомъ къ Катръ-Бра, занять выгодную позицію по обѣ стороны брюссельскаго шоссе и проч.» ¹⁴⁹⁾.

Слова эти ложны, хуже—они исполнены клеветы на Нея, признанной въ такой степени, что Тьеръ не рѣшился повторять ее и отнестись отправку Флага къ 9 часамъ утра, какъ оно и было въ дѣйствительности.

2) «Наполеонъ, эта олицетворенная бдительность, долженъ былъ наканунѣ самой рѣшительной битвы въ своей жизни, отдать приказанія правому крылу, предназначавшемуся для важной роли въ дѣлѣ—допускать противное, значить допускать невозможное... представляя, что самый предусмотрительный и энергическій вождь позволить себѣ такую небрежность».

Другими словами г. Тьеръ доказываетъ отправку инструкцій Груши только тѣмъ, что Наполеонъ, исполненный предусмотрительности и дѣятельности, не могъ ихъ не отправить. Но утверженіе не представляетъ еще доказательства; между тѣмъ какъ паденіе энергіи и предусмотрительности въ Наполеонѣ, за эти грустные дни, доказано какъ слѣдуетъ.

Тьеръ видитъ въ Наполеонѣ непогрѣшающаго вождя, требуетъ отъ другихъ подобнаго же взгляда; но одна воля г. Тьера не есть еще историческій законъ.

З е и самое убѣдительное (по миѣнію Тьера) нравственное доказательство состоитъ въ слѣдующемъ: «Наполеонъ, придумывая свой приказъ на о. св. Елены, придумалъ бы его иначе. Вмѣсто того чтобы говорить, что онъ не зналъ, гдѣ были пруссаки 17-го вечеромъ, а Груши было приказано отрядить 7,000 отрядъ въ помощь нашимъ главнымъ силамъ, онъ придумалъ бы такую хвастливую комбинацію: Груши перейти со всѣми силами р. Диль и разобить пруссаковъ отъ англичанъ. Скромное показаніе Наполеона, гдѣ онъ сознается въ отпадѣ приказа на основаніи неопредѣлительныхъ данныхъ, по моему, самымъ

---

¹⁴⁸⁾ Tome XX, page 167.

¹⁴⁹⁾ Mémoires, t. IX, разсказъ Наполеона приведенъ у насъ въ текстѣ на стр. 188.

убѣдительнымъ образомъ доказываетъ, что онъ на о. св. Елены не выдумывалъ и передавалъ дѣло, какъ оно было ¹⁵⁰⁾.

Впрочемъ, если г. Тьеръ говорить о инструкціяхъ, сочиненныхъ имъ и приписанныхъ Наполеону, онъ можетъ считать себя правымъ: но инструкціи эти представляютъ лишь плодъ фантазій Тьера, а мы не думаемъ разбирать серьезно вымыслы. Дѣло должно касаться собственныхъ приказаній Наполеона, какія по его словамъ были отправлены къ Груши и изложены императоромъ въ двухъ очеркахъ—они не представляютъ никакого нравственнаго доказательства.

Нравственные доказательства Тьера придуманы съ оправдательною цѣлью.

Наполеонъ представленъ такъ, какъ будто разсчитывалъ, что Груши 17-го вечеромъ будетъ у Вавра; дѣло такъ ловко обставлено, что въ неприбытіи туда оказывается виноватъ маршалъ, а не Наполеонъ, потерявшій въ колебаніи и нерѣшимости цѣлые полдня.

Наполеонъ выставленъ такъ, будто предугадывалъ присутствіе прусской арміи въ Ваврѣ, зналъ про ея силы и состояніе, между тѣмъ какъ на дѣлѣ онъ считалъ ее отступающею въ разстройствѣ по двумъ или тремъ направленіямъ и разстроенною до того, что «два или три дня она не предприметъ ничего», выражаясь словами Тьера.

Наполеонъ будто указываетъ Груши опредѣленный пунктъ С.-Ламберъ, къ сторонѣ коего онъ долженъ маневрировать, и разсчитываетъ или на участіе сильнаго отряда отъ войскъ праваго крыла въ дѣлѣ съ Веллингтономъ въ извѣстномъ случаѣ или на всѣ силы маршала въ прочихъ случаяхъ—прочтя это двойное показаніе, введенное съ цѣлью заставить читателя вѣрить въ Наполеоновскія соображенія и заранѣе обвинять Груши въ томъ, что войска его не появились на полѣ битвы у Ватерлоо.

Мы можемъ только удивляться рѣшимости Тьера находить скромность въ Наполеонѣ послѣ всего этого. Конечно, сочиняя на основаніи урока, вынесеннаго изъ совершившихся событій, онъ могъ солгать еще крупнѣе; но не сдѣлалъ этого—не изъ скромности, какъ полагаетъ г. Тьеръ, а потому что ложь была бесполезна, и человѣкъ, слишкомъ зававшись, рискуетъ встрѣтить полное недовѣріе къ своимъ словамъ.

И безъ того Наполеонъ неосторожно запутался въ собственныхъ объясненіяхъ; этотъ промахъ не исправляется ни повѣствованіемъ г. Тьера, ни его тремя нравственными доказательствами.

Инструкціи, ночью отданныя Груши, покажутся подложными и придуманными впоследствии, для того кто хочетъ и умѣетъ добиться правды.

Но существуетъ еще officialный документъ, который одинъ можетъ опровергнуть всѣ увѣренія въ отдачѣ инструкцій ночью, и доказываетъ, что Наполеонъ, даже начиная битву, не разсчитывалъ на содѣйствіе Груши, не думалъ притягивать его къ себѣ и не подозрѣвалъ возможности вѣжливости прусской арміи. Документъ этотъ—депеша,

---

¹⁵⁰⁾ Tome XX, page 168.

отправленная начальникомъ главного штаба Сультомъ, къ Груши 18 іюня, въ 10 часовъ утра.

Сультъ писалъ именемъ Наполеона, онъ не намекаетъ на существованіе какого либо прежде отданнаго приказа, не упоминаетъ даже названія С.-Ламберъ, не проситъ у Груши ни отправки главныхъ силъ, ни 7,000 отряда, ни малѣйшаго отдѣленія войскъ; маршалу только предписывается «двинуться къ Вавру, куда и прибыть возможно ранѣе». Заимѣтимъ кстати, что направленіе отъ Жемблу къ Вавру параллельно направленію отъ Катръ-Бра къ Брюсселю, по шоссе, которое было занято войсками Веллингтона и Наполеона.

Г. Тьеръ не могъ помѣстить просто подобнаго обличительнаго документа; онъ постарался измѣнить его смыслъ и уменьшить значеніе.

Тьеръ обвиняетъ Сульта за то, что тотъ, въ письмѣ къ Груши, не сумѣлъ выразить мысли и воли императора—то и другое извѣстно Тьеру и повторяется имъ. Наполеонъ требовалъ Груши, непременно хотѣлъ его содѣйствія въ битвѣ съ Веллингтономъ, а Сультъ этого не понималъ! Вотъ увѣренія Тьера:

«...Наполеонъ рассчитывалъ на прибытіе отряда отъ праваго крыла или всего праваго крыла. Не смотря на приказанія, отправленные вечеромъ и повторенныя ночью, онъ рѣшился послать еще офицера къ Груши, объяснить ему свое положеніе и какого рода помощь армія можетъ получить отъ него. Императоръ приказалъ позвать польскаго офицера Зеновича, который долженъ былъ ѣхать съ депешей, взвелъ его на возвышеніе, откуда открывалась вся окрестность, повернулся направо и сказалъ ему: «я жду, нетерпѣливо жду Груши съ этой стороны... поѣзжайте, ведите его войска и оставайтесь при немъ, пока онъ не начнетъ дебушировать на позицію». Затѣмъ императоръ приказалъ Зеновичу скорѣе ѣхать, и взять у Сульта письменную депешу, которая бы точнѣ разъяснила дѣло; а самъ бросился на походную кровать, сказалъ брату Іерониму: «теперь десять часовъ, я отдохну часъ»¹⁵¹⁾.

Полякъ Зеновичъ ждалъ цѣлый часъ, пока получилъ отъ Сульта депешу. Она была такъ неопредѣлительно изложена, что ее не стоило и ждать». Въ другомъ мѣстѣ Тьеръ говоритъ: «по винѣ маршала Сульта Зеновичъ могъ отправиться только въ 11½ часовъ»¹⁵²⁾.

Разсказъ новъ, оригиналенъ; но страдаетъ отсутствіемъ самого существеннаго достоинства—вѣрности.

Мы допускаемъ, что Тьеру могли его передать такимъ образомъ; но не понимаемъ, какъ онъ могъ повѣрить ему.

Если Наполеонъ не имѣлъ подлѣ себя Сульта (что подлежитъ еще сомнѣнію), то какъ не позволялъ онъ помощника начальника главного штаба Монтиона и не объяснилъ сущность инструкцій, отправляемыхъ къ Груши и имѣвшихъ первостепенную важность, а если не случилось и того, то какъ не продиктовалъ ихъ кому либо изъ окружавшихъ:

¹⁵¹⁾ Tome XX, pages 189—190.

¹⁵²⁾ Tome XX, page 266.

Бертрану, Флаго, Лабедойеру, даже тому же Зеновичу? Какъ допускаетъ это Тьеръ, вмѣстѣ съ своимъ предположеніемъ, что Сульта не сѣмѣлъ въ депешѣ, передать смыслъ словъ Наполеона, будто бы сказанныхъ Зеновичу; словъ положительныхъ, точныхъ, рѣзкихъ — не сѣмѣлъ выразить ихъ приказаніемъ: «направиться какъ можно скорѣе къ Вавру»; императоръ приказываетъ Груши идти въ нему немедленно; а Сультъ станеть ему предписывать идти не по діогнали къ Планшенуа, а двигаться параллельно брюссельскому шоссе, въ одномъ переходѣ отъ послѣдняго.

Тьеръ не уважаетъ Сульта, строго и упорно осуждаетъ его дѣйствія не только въ послѣднюю, но и въ предъидущія кампаніи; онъ можетъ не уважать Сульта, но долженъ признать за нимъ здравый, вѣрный взглядъ, въ чемъ всегда отдавали ему справедливость и сами наши не-пріатели.

Допустивъ, подобно Тьеру, что онъ не умѣлъ передать депеши, какъ приказывалъ Наполеонъ, мы не только отымаемъ у него здравый смыслъ, мы лишаемъ его даже той дозы пониманія, которая доступна самому мелкому штабному офицеру.

Спросимъ еще Тьера, какимъ образомъ Сультъ употребилъ часть, даже полтора часа времени, чтобы написать депешу въ 25 строкъ, помѣченную 10 часомъ; а отправленную въ 11½ часовъ?

Разсказъ Тьера новъ и оригиналенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ невѣроятенъ и невозможенъ. Дѣло объясняется проще—Сультъ писалъ Груши только то, что Наполеонъ приказывалъ. Въ депешѣ не говорится про ожиданіе Наполеона, потому что императоръ не ждалъ Груши; ни про призывъ Груши—такъ какъ объ этомъ еще не думали; она кажется Тьеру неопредѣлительною, потому что тотъ упорствуетъ найти въ ней вещи несуществующія.

Въ 10 часовъ утра, 18 іюня, Наполеонъ желалъ движенія Груши къ Вавру, въ силу причинъ, мотивированныхъ въ депешѣ маршала Сульта—иного императоръ пока не требовалъ и не думалъ призывать Груши на поле сраженія, ибо оставался при своемъ вчерашнемъ убѣжденіи, т. е. считалъ прусскую армію разстроенною и неспособною, въ теченіи двухъ или трехъ дней, рѣшиться на какую либо серьезную попытку. Онъ сталъ опасаться появленія ея только въ часть по-полудни, узнавъ о прибытіи Бюлова къ С. Ламберу и лишь тогда рѣшился притянуть къ себѣ Груши, Сультъ предписываетъ маршалу прибыть какъ можно скорѣе, исполняя депешу быстро и облекая волю Наполеона въ слѣдующую форму: «не теряя ни минуты, идите къ намъ—вы захватите Бюлова въ-распlohъ». Тьеръ замѣчаетъ, что «наконецъ въ головѣ у Сульта прояснилось» ¹⁵³⁾, но опять ошибается. Прояснилась обстановка, а не пониманіе Сульта—Наполеонъ увидѣлъ пруссаковъ у С. Ламбера и почувалъ, что ему придется имѣть съ ними дѣло.

Сультъ и въ 10 часовъ утра, и въ часть по-полудни понималъ вещи ясно, и излагалъ опредѣлительно то, что предписывалъ ему Наполеонъ.

---

¹⁵³⁾ Tome XX, page 270.

Истина не затмится невѣроятнымъ разсказомъ Тьера, въ которомъ, стараясь придать Наполеону уже исчезнувшее качество—предусмотрительность, онъ отваживается ставить Сульта ниже самого тупаго штабнаго офицера. Тьеръ не замѣчаетъ, что при этомъ онъ унижаетъ своего героя, потому что тотъ выбралъ къ себѣ въ начальники главнаго штаба идиота, который не въ состояніи связать двухъ словъ изъ самого положительнаго и опредѣлительнаго приказанія ¹⁵⁴⁾.

Повторяемъ — денеша Сульта остается безусловнымъ доказательствомъ, что до 10 часовъ утра Наполеонъ не отправлялъ Груши никакихъ распоряженій, относительно дѣйствій его въ день 18 іюня.

Разсказъ Тьера, нравственныя его доказательства и нападка на Сульта представляютъ вымыслы, противорѣчія и невѣрности разнаго рода, они не опровергаютъ нашихъ замѣчаній, выведенныхъ изъ сравненія ложныхъ Наполеоновскихъ очерковъ съ подлинными документами главной квартиры.

Наполеонъ увѣрялъ, что, въ ночь съ 17 на 18, были посланы инструкции Груши; инструкции эти выведены изъ урока, вынесеннаго изъ совершившихся событій. Онѣ подложны — фактъ этотъ признанъ исторіею.

XIV.

(къ страницѣ 344-й).

Тьеръ признаетъ маршала Груши главнымъ виновникомъ нашихъ бѣдствій.

«Три раза, въ день 18 іюня, Франція была бы спасена: 1) выступивъ изъ Жемблу въ 4 часа утра и перейдя Диль, мы открывали движеніе пруссаковъ и могли слѣдить за ними; 2) направясь въ полдень изъ Саръ-Ле-Валена на Марансаръ, мы появлялись въ 6 часу по-полудни въ тылу Бюлова; наконецъ 3) перейдя въ два часа мосты у Лимала и Лимелета, какъ только стало извѣстно движеніе пруссаковъ къ Монъ-Сень-Жану, мы задержали бы корпуса Пирха и Цитена. Всѣ три раза начальникъ праваго крыла не хотѣлъ понять обстановки. Провидѣніе, желая насъ наказать, избрало наказующимъ орудіемъ маршала Груши» ¹⁵⁵⁾.

Тьеръ вѣшалъ неумолимый фатумъ въ событія 16 іюня, тогда какъ дѣло объяснялось проще—повторенными и очевидными ошибками

¹⁵⁴⁾ Тьеръ часто повторяетъ, что Сультъ былъ неопытенъ въ обязанности начальника главнаго штаба. Онъ ошибается — Сультъ былъ начальникомъ штаба въ 1793 и 1794 годахъ и нѣкоторое время начальникомъ главнаго штаба испанской арміи (*major général de l'armée*). Кромѣ того онъ командовалъ корпусами и арміями.

¹⁵⁵⁾ Tome XX, pages 269—270.

Наполеона. Чрезъ два дня Наполеонъ былъ разбитъ на голову, при-
недя къ такой развязкѣ, вслѣдствіе своей нерѣшимости, медленности и
слѣпнago упорства, съ какимъ считалъ пруссаковъ разстроенными послѣ
битвы при Линьи. Тьеръ не хочетъ подобнаго простаго объясненія и
вмѣшиваетъ вліяніе сверхъестественной силы; оставляя этотъ разъ
нѣсколько обвѣтшавшій *fatum* и выводъ на сцену провидѣніе. Прови-
дѣніе насъ наказало и «непобѣдимый» палъ. Мы пропустили бы тол-
кованія Тьера, если бы онъ этимъ злосчастнымъ орудіемъ небесныхъ
силъ не выставилъ Груши, который своими ошибками разстроилъ всѣ
соображенія Наполеона.

Мы безпристрастно указали на ошибки Груши, доказавъ вмѣстѣ
съ тѣмъ, что, и избѣгнувъ ихъ, онъ не воспрепятствовалъ бы гибели
Наполеона. Эти доводы конечно не убѣдили Тьера, утверждающаго,
что Груши три раза могъ спасти Францію и три раза упустилъ благо-
пріятный случай.

Наполеонъ, испытывая гнѣтъ справедливаго обвиненія, въ томъ,
что онъ своимъ возвращеніемъ съ о. Эльбы и эгоистическимъ често-
любіемъ навлекъ на отечество бѣдствія втораго нашествія, и полный
самохваленія, конечно долженъ былъ говорить, и говорилъ, что побѣда
при Ватерлоо спасала Францію, т. е. разрывала, уничтожала коалицію
цѣлой Европы—преданіе начало передавать эти слова; но ни одинъ
думающій человекъ не приметъ серьезно приведеннаго увѣренія, и мы
не станемъ доказывать его ложность. Согласимся, не смотря на оче-
видную несостоятельность мнѣнія, съ нимъ и перейдемъ къ опровер-
женію положеній г. Тьера, посредствомъ которыхъ онъ старается обойти
или опровергнуть наши слова, т. е. вѣрнѣе докажемъ, что, въ день
18 іюня, Груши не имѣлъ возможности три раза склонить побѣду на
сторону Наполеона.

Первый указываемый маневръ мы разобрали самымъ мелочнымъ
образомъ и наконецъ пришли къ убѣжденію, что Груши, тронувшись
на разсвѣтъ къ р. Дилу, не могъ измѣнить судьбы Ватерлооскаго боя.

Въ данномъ случаѣ, полковникъ Ледебюръ, оставленный съ вчераш-
няго дня у Монъ-Сень-Гибера съ 2,000 арріергардомъ, имѣя сзади
8 эскадроновъ, (Тьеръ пропускаетъ этотъ арріергардъ) замѣтилъ бы дви-
женіе Груши и тотчасъ же донесъ о томъ Блюхеру. Самое нехитрое
разсужденіе заставляло Блюхера выполнить контръ-маневръ, тѣмъ
болѣе, что время позволяло. Оставивъ противъ Груши половину арміи,
т. е. 45,000, которая бы задержали на берегахъ Дили маршала съ его
33,000, Блюхеръ съ остальною половиною могъ сдержать обѣщаніе,
повторенное Веллингтону еще утромъ — и усилить его армію на ту
цифру, какая въ дѣйствительности подавила Наполеона—въ случаѣ не-
благопріятномъ, т. е. невозможномъ, если Груши подоспѣвалъ къ концу
Ватерлооской битвы, вся прусская армія приходила на поле сраженія
и конечный результатъ не измѣнялся; численное превосходство брало
верхъ.

Мы можемъ допустить противный выводъ только въ одномъ случаѣ—
если Ледебюръ прозѣвалъ бы движеніе 33,000 корпуса Груши къ Монъ-

Сень-Гиберу, а Блюхеръ не произвелъ единственнаго, парализовавшаго маршъ Груши, маневра, значеніе коего сознавалъ всякій прусскій подпоручикъ. Но допуская невозможное, мы уже не можемъ серьезно обсуждать на подобной почвѣ.

Въ защиту своего положенія, Тьеръ говоритъ, что мы открывали пруссаковъ и могли слѣдить за ними. Спрашиваемъ, какимъ образомъ 33,000 французовъ (Тьеръ нарочно пропускаетъ эту цифру), преслѣдуя 90,000 пруссаковъ, прошли бы мимо нихъ незамѣченными? или эти же 33,000 съ 96 ор. какъ могли совершенно остановить 90,000 съ 280 орудіями и не дать, хотя половинѣ этихъ силъ, подкрѣпить Веллингтона? Тьеръ не объясняетъ этого обстоятельства и имѣетъ на то основаніе.

Въ концѣ настоящаго приложенія мы будемъ имѣть случай привести одно мѣсто изъ книги Тьера, гдѣ говорится по поводу тѣхъ предположеній, въ какія мы можемъ облечь непріятельскія намѣренія: «мы люди и должны считать своихъ противниковъ не полубогами, а также людьми!» Вѣрно — но фраза не досказана; мы ее dokonчимъ «людьми, а не идіотами, болванами, которые получаютъ удары, не паируютъ ихъ.

Тьеръ именно представляетъ себѣ пруссаковъ идіотами и болванами, увѣряя, на обумъ, что Груши, двинувшись изъ Жемблу къ переправѣ на р. Дилѣ, склонялъ побѣду на сторону Наполеона и спасалъ Францію.

Первое увѣреніе Тьера не имѣетъ серьезнаго значенія и не имѣетъ никакого вліянія на наши слова. Оставимъ его и предоставимъ судить читателю о результатахъ, произведенныхъ имъ.

Перейдемъ ко второму маневру, какой слѣдовало, по Тьеру, предпринять Груши: выступивъ въ полдень изъ Саръ-Ле-Валена въ Марансаръ, онъ могъ появиться въ тылу у Бюлова въ 6 часу пополудни и рѣшалъ тѣмъ побѣду въ нашу пользу. Тьеръ здѣсь не ограничивается голословными увѣреніями и старается подкрѣпить ихъ доказательствами; сперва въ разсказѣ, потомъ въ заключительномъ обзорѣнн кампаніи, гдѣ, рачетая восторженныя похвалы Наполеону, не скупится на ждкія порицанія его генераламъ.

Тьеръ считаетъ свои доказательства очень положительными; но мы должны сказать, что онъ не сказалъ ничего новаго послѣ Наполеона, Жерара и цѣлой плеяды апологистовъ. Они были уже опровергнуты въ нашемъ сочиненіи, какъ г. Тьеръ, въ свою очередь, взялся за нихъ. При этомъ, онъ очистилъ ихъ отъ разной лжи, слишкомъ явной нынѣ, придалъ имъ болѣе ловкій, обманчивый оттѣнокъ, усыная изрѣчка довольно правдоподобными разсужденіями — такъ что мы рѣшаемся опровергнуть эти доводы въ ихъ новой формѣ. Намъ придется вдаться въ повторенія; но за то представляется случай точнѣе удостовериться въ извѣстныхъ фактахъ, дополнить разныя подробности XIV и XV главъ нашего сочиненія, указать на свидѣтельства, пропущенныя нами, чтобы не обременить ими разсказа — мы считаемъ все это очень полезнымъ въ спорѣ, который волнуетъ умы также сильно, какъ и полвѣка тому назадъ.

Приводимъ разсказъ Тьера.

«Было 11½ часовъ утра; маршалъ завтракалъ. Въ комнатѣ находились корпусные командиры Жераръ и Вандаммъ, начальникъ инженеровъ Валазе, начальникъ артиллеріи Бальтусъ¹⁵⁶⁾. Вдругъ явственно послышались сильные удары отъ канонады, гремѣвшей влѣво, къ сторонѣ Монъ-Сенъ-Жана. Гулъ усиливался—не оставалось никакого сомнѣнія, что Наполеонъ, давъ битву пруссакамъ, выдерживалъ битву съ Веллингтономъ, недоходя Суаньскаго лѣса. Всѣ присутствовавшіе единодушно вскрикнули, что надо идти на выстрѣлы.

Самый уважаемый изъ нихъ, генералъ Жераръ, покрывшій себя славою въ послѣднія кампаніи, всталъ и съ жаромъ сказалъ завтракавшему маршалу: «идемъ на помощь императору»¹⁵⁷⁾. Затѣмъ Тьеръ приводитъ убѣжденія Жерара, отвѣты и отказъ Груши и прибавляетъ: «Хозяинъ замка, гдѣ завтракалъ маршалъ Груши, увѣрялъ, что до мѣста битвы надо пройти три или четыре лье, такъ что туда можно поспѣть чрезъ четыре часа. Проводникъ, долго служившій съ французами, ручался, что приведетъ армію чрезъ три или четыре часа къ Монъ-Сенъ-Жану. Одинъ генералъ Бальтусъ присталъ къ мнѣнію Груши и выразилъ нѣкоторые сомнѣнія за то, какъ пройдетъ артиллерія. Начальникъ инженеровъ Валазе обѣщалъ съ своими саперами устранить на пути всѣ затрудненія»¹⁵⁸⁾.

Все это представляетъ очень оживленную картину — талантливый Вандаммъ, поддерживающій Жерара, единодушное восклицаніе всѣхъ присутствовавшихъ, что надо слѣшить на выстрѣлы; Жераръ, вскакивающій и съ жаромъ обращающійся къ спокойно завтракающему Груши; увѣреніе владѣльца и проводника, что чрезъ три или четыре часа армія будетъ у Монъ-Сенъ-Жана; безпокойство Бальтуса за артиллерію, ручательство Валазе, что онъ съ своими саперами поможетъ, гдѣ будетъ нужно—эти черты могутъ вызвать читателя на довѣріе къ высказываемымъ затѣмъ доводамъ. Но картина невѣрна, и событія произошли не такъ, какъ рассказываетъ ихъ г. Тьеръ, а какъ изложены они въ нашемъ разсказѣ.

Вандамма не было въ данную минуту въ Саръ-Ле-Валенѣ, онъ находился при корпусѣ¹⁵⁹⁾.

Жераръ, обогнавшій свой корпусъ, цѣлые полчаса разговаривалъ съ завтракавшимъ Груши, когда временно исправлявшій должность начальника штаба въ 4 корпусѣ, полковникъ Симонъ-Лорьеръ вошелъ и сказалъ, что слышна канонада¹⁶⁰⁾. Груши и Жераръ вышли въ садъ

---

¹⁵⁶⁾ Оба командовали своими частями въ третьемъ корпусѣ.

¹⁵⁷⁾ Tome XX, page 257.

¹⁵⁸⁾ Tome XX, pages 260—261.

¹⁵⁹⁾ См. письмо Симонъ-Лорьера начальника штаба четвертаго корпуса, приведенное въ *Quelques documents* и проч. и всѣ разсказы о кампаніи 1815 года.

¹⁶⁰⁾ Письмо Жерара къ полковнику А. Груши. (*Quelques documents* и проч.).

и только чрезъ четверть часа, пока прислушивались къ гулу выстрѣловъ, судили откуда доносятся они, звали и спрашивали Голлерта, Жераръ далъ совѣтъ идти къ Наполеону ¹⁶¹⁾, и далъ его безъ особенной пылкости. «Мнѣ кажется», сказалъ онъ, «слѣдуетъ идти на выстрѣлы, я бы это сдѣлалъ», и затѣмъ сталъ проводить свою мысль ¹⁶²⁾.

Присутствующіе не выпускали единодушныхъ восклицаній, что было бы довольно неумѣстно передъ маршаломъ Франціи; все единодушіе выразилось въ томъ, что кромѣ Жерара, единственные генералы, присутствовавшіе и подавшіе здѣсь свое мнѣніе, были Бальтусъ и Валазе—оба подали противныя другъ другу мнѣнія.

Бальтусъ не только нѣсколько беспокоился за артиллерію; но утверждалъ, что дороги затруднительны, пушки завязнутъ и мы не успѣемъ во время къ мѣсту битвы ¹⁶³⁾.

Валазе не увѣрялъ, что съ своими саперами устранить всѣ затрудненія. Вотъ его собственныя выраженія: «я представилъ, что имѣя три роты саперъ, я могу облегчить нѣкоторыя затрудненія, и разравняю мѣста, затруднительныя для перехода ¹⁶⁴⁾.

Легко можетъ быть, что показаніе очевидно вѣрно, и владѣлецъ съ проводникомъ, при спросѣ ихъ, увѣрили, что чрезъ три или четыре часа армія поспѣетъ изъ Саръ-Ле-Валена къ Монъ-Сенъ-Жану; но обязанность историка сказать, что оба они грубо ошиблись. По всѣмъ картамъ разстояніе между обоими пунктами по прямой линіи 6 лье, а по дорогамъ 7½ лье. Не только армія, баталіонъ, но ни одинъ скороходъ не промахнетъ это разстояніе (28 верстъ) въ 3½ часа, дѣлая по дѣла лье (7½ верстъ) въ часъ.

Мы привели это замѣчаніе не въ оправданіе Груши, одного отвѣчающаго за свои распоряженія, но потому чтобы ослабить впечатлѣніе, производимое разсказомъ Тьера; онъ служить лишь введеніемъ къ разсужденіямъ автора, къ которымъ мы теперь переходимъ.

«Было 11½ часовъ; выступивъ, самое позднее, въ полдень, мы выиграли бы время, какъ уже доказали въ нашемъ грустномъ разсказѣ (о битвѣ при Ватерлоо). Передовой корпусъ Вандамма, дошелъ до

---

¹⁶¹⁾ Письмо Симонъ-Лорьера къ Жерару, и Жерара къ полковнику Груши. (Quelques documents и проч.

¹⁶²⁾ Письмо Денъ къ Жерару въ Quelques documents: «я узналъ въ этой фразѣ вашъ обычный образъ выраженія, но она остановила меня своимъ лаконизмомъ.

¹⁶³⁾ Письмо Валазе и Денъ къ Жерару (Quelques documents) и донесеніе Груши Наполеону: «генераль Бальтусъ увѣрялъ, что невозможно придти во время на поле битвы.

Тьеръ, придавая такое значеніе словамъ Друо, утромъ-подъ Ватерлоо на счетъ маневрированія артиллеріи, съ умысломъ ослабляетъ тонъ рѣчей Бальтуса.

¹⁶⁴⁾ Письмо Валазе къ Жерару въ Dernières observations и проч.

Ниль-Сень-Винсента, по близости отъ Саръ-ле-Валена, куда пришелъ уже корпусъ Жерара. Драгуны Эксельмана достигли р. Дия. Войска могли быть направлены отъ Ниль-Сень-Винсента къ мосту у Муты, оставленному къ счастью для насъ безъ наблюденія. Перейдя мостъ и направляясь прямо на выстрѣлы, мы прибывали къ Марансару, деревнѣ лежащей противъ Планшенуа; деревня расположена у ложины, откуда вытекаетъ ручей Лань, по берегамъ коего Лобау уже дрался съ Бюловымъ. Очутившись такимъ образомъ въ тылу пруссаковъ, мы сбрасывали ихъ въ ложину и уничтожали тамъ, потому что они могли обратиться оттуда лишь чрезъ лѣсъ, только что пройденный съ такимъ трудомъ. Между Ниль-Сень-Винсентомъ и Марансаромъ 5 лье; одушевившіяся войска употребили бы на этотъ переходъ отъ 4 до 5 часовъ времени.

Вѣрность нашего расчета доказывается тѣмъ, что корпусъ Вандаммы, выступивъ въ 8 часовъ утра изъ Жемблу, прибылъ къ с. Баракъ въ 2 часа по-полудни (разстояніе же между этими пунктами тоже, что и между Ниль-Сень-Винсентомъ и Марансаромъ), не забудемъ, что корпусъ часто останавливался, стоялъ долго въ Ниль-Сень-Винсентѣ, такъ что остановки заняли болѣе часа времени, и собственно на маршъ употребили менѣе 5 часовъ. Наконецъ дороги отъ Жемблу къ с. Баракъ служили путемъ отступленія для прусскихъ колоннъ и были размяты, такъ что проселки къ Марансару, широкіе и порядочно содержавшіеся, были гораздо лучше. Жители толковали, что можно дойти по нимъ въ 3½ часа и самое долгое въ 4 часа. Прибавивъ еще одну часть, что слишкомъ достаточно для войскъ полныхъ одушевленія, мы получимъ предѣльный періодъ времени, необходимаго для совершенія марша.

Слѣдовательно, Вандаммы, выступивъ въ полдень, поспѣвалъ въ 5 часовъ по-полудни; корпусъ Жерара могъ прибыть часомъ позже, т. е. въ 6 часовъ, но дѣло было бы сдѣлано появленіемъ войскъ Вандаммы, Жераръ только заканчивалъ его.

Мы знаемъ, что Бюловъ, въ 5 часовъ по-полудни, едва началъ схватку съ кавалеріею Домона и Сюберви, и повелъ атаку на Лобау полчасаю позже, въ 6 часовъ онъ бился съ молодою гвардіею, въ 7 схватился со старою. Въ 6½ часовъ дѣло у Планшенуа не принимало пока рѣшительнаго оборота—передъ нами было шесть съ половиною часовъ времени. Скажемъ, что появленіе передовыхъ эшелоновъ нашихъ не къ 5, а къ 6 часамъ времени, имѣло бы болѣе непосредственное вліяніе. Бюловъ, завязавшій къ тому времени сильное дѣло, былъ бы сброшенъ въ Ланьскія тѣсины и уничтоженъ. Трудно представить впечатлѣніе, произведенное на нашихъ солдатъ и на англичанъ этою удачею и ту роковую для непріятеля развязку, когда 23 свѣжихъ гвардейскихъ баталіона ударили бы на истощенную англійскую армію¹⁶⁵⁾.

Оставивъ эпизоды Бюловскихъ атакъ, изложенные довольно невѣрно,

---

¹⁶⁵⁾ Tome XX, pages 261—263.

что впрочемъ въ настоящемъ случаѣ не представляетъ особой важности; не дѣлая замѣтки, что если Груши съ 33,000, дебушировалъ бы въ 7 часу по-полудни въ тылу Бюлова, Пирхъ 1-й и Тильманъ, усиленные отрядами полковниковъ Ледебюра и Штенгеля, съ 45,000 появились бы въ тоже время на флангъ и сзади Груши, что производило впечатлѣніе, діаметрально противоположное тому, какое выставлено Тьеромъ; забывъ, что англійская армія имѣла еще 10,000 свѣжаго резерва и усиливалась корпусомъ Цитена; оставивъ до времени всю прусскую армію, ограничимся только оспариваніемъ доводовъ, выставленныхъ г. Тьеромъ. Разберемъ доказательство, на первый разъ кажущееся вѣроятнымъ, что Груши послѣдовалъ къ Марансару во время, чтобы спасти Наполеона, какъ живописуетъ г. Тьеръ или облегчить только его положеніе.

Тьеръ основывается на слѣдующихъ данныхъ: Жераръ совѣтывалъ Груши въ 11½ часовъ, и черезъ полчаса совѣтъ его могъ быть исполненъ; Вандамъ выступилъ съ бивакомъ въ 8 часовъ утра; потерялъ болѣе часа на частыя и излишнія остановки, и прошелъ до с. Баракъ разстояніе почти равное разстоянію между Ниль-Сень-Винсентомъ и Марансаромъ. Если эти четыре основныя положенія невѣрны, все заключеніе Тьера рушится совершенно.

Докажемъ, что всѣ четыре положенія невѣрны; но просимъ читателя запастись терпѣніемъ. Писатель можетъ легко исказить факты; но для опроверженія этихъ искаженій часто бываетъ необходимо вдаваться въ самыя мелкія подробности. Въ подобномъ положеніи находимся мы теперь.

Тьеръ, передавъ очень невѣрно, какъ видѣли мы, про родъ военнаго совѣта въ Саръ-ле-Валентъ, когда донеслась канонада при Ватерлоо, начинаетъ разсказъ словами: «было 11½ часовъ»; затѣмъ, переходя къ разсужденіямъ, имѣющимъ цѣлью доказать, что мы могли послѣть къ Марансару, онъ начинаетъ свои доказательства тѣми же словами—было 11½ часовъ.

Слѣдуя Тьеру, выходитъ, что споръ Жерара и Груши, подача мнѣній Бальтуса и Валазе, распросъ хозяина и проводника—все это произошло мгновенно, и въ началѣ разсказа и въ концѣ его, все стоитъ 11½ часовъ.

Конечно соображая подобнымъ образомъ время, Тьеръ можетъ говорить, что Вандамъ, находившійся совсѣмъ не по близости, а въ 1¼ лье (около 5 верстъ), имѣлъ возможность въ полдень исполнить полученнаго приказаніе—идти на выстрѣлы. Критика не можетъ мириться съ подобнымъ историческимъ методомъ, тѣмъ болѣе, что ей легко доказать, какъ совѣтъ Жерара былъ данъ не въ 11½ часовъ, а въ полдень или даже вѣскольکو позже.

Перечислимъ и разберемъ показанія очевидцевъ.

Полковникъ Симонъ-Лорьеръ и Валазе, нерасположенные къ Груши, отвѣчая вполнѣтвіи Жерару, приводятъ, что этотъ генераль совѣтывалъ маршалу идти на выстрѣлы, когда раздалась сильнѣйшая ка-

нонада ¹⁶⁶⁾, и выстрѣлы слышались такъ явственно, будто земля колеблется и самъ Груши сказалъ, что разыгралась битва въ родѣ Ваграмской ¹⁶⁷⁾.

Конечно гулъ канонады донесся съ такою силою лишь тогда, какъ загремѣла большая батарея на нашемъ правомъ крылѣ; а она открыла свое дѣйствіе не ранѣе полудня. Всѣ рассказы согласно подтверждаютъ этотъ фактъ.

Отъ 11½ часовъ до полудня у насъ дѣйствовало только нѣсколько орудій противъ Гумона, а гулъ ихъ не могъ раздаваться такъ сильно, что казалось земля колебалась въ 6 лье разстоянія (около 20 верстъ) и не напоминалъ Ваграмской канонады. Наполеонъ, ревностно старающійся оправдаться въ позднемъ началѣ битвы и такъ охотно прибѣгающій къ вымысламъ, изъ за своихъ интересовъ, въ обонхъ очеркахъ кампаніи, сказалъ, что приказалъ только въ полдень Нею открыть огонь со своихъ батарей ¹⁶⁸⁾.

И Валазе, и Симонъ-Лорьеръ, и начало Ватерлооской канонады со-

---

¹⁶⁶⁾ «Я находился въ комнатѣ, сосѣдней съ тою, гдѣ были вы и маршалъ Груши; нѣсколько выстрѣловъ показали намъ, что завязалось авангардное дѣло, какъ вдругъ раздалась сильнѣйшая канонада... вы вышли съ маршаломъ въ бѣсѣдку, возвышавшуюся въ саду, я подошелъ къ вамъ и помню очень хорошо, какъ вы съ живостью сказали маршалу: «надо идти на выстрѣлы». (Dernières observation и проч., письмо Валазе Жерару).

¹⁶⁷⁾ «Я гулялъ по саду, какъ услышалъ (около 11½ часовъ), что съ лѣвой стороны доносится пушечный гулъ. Шелъ мелкій дождь и выстрѣлы были едва слышны. Сообразивъ въ чемъ дѣло, я поспѣшилъ сообщить о томъ моему корпусному командиру. Онъ вышелъ съ маршаломъ къ возвышенію, откуда я слышалъ пальбу. Съ нами было еще нѣсколько офицеровъ изъ свиты маршала и графа Жерара, адъютанты и ординарцы Вандамма, Эксельмана и чиновникъ Денъе.

Всѣ согласились со мною. Спустя четверть часа, послѣ того какъ пересталъ дождь, удары начали раздаваться съ такою силою, что казалось будто земля колеблется. Самъ маршалъ полагалъ, что разыгралось сраженіе въ родѣ втораго Ваграма.

«Маршалъ послалъ за хозяиномъ дома Голлертомъ и спросилъ его мнѣнія, гдѣ могла гремѣть эта ужасная канонада. Тотъ сказалъ, что у Суаньскаго лѣса, въ 3½ лье отъ насъ; генералъ Жераръ подаль тогда совѣтъ идти на выстрѣлы...» (Quelques documents и проч., письмо Симонъ-Лорьера къ Жерару).

¹⁶⁸⁾ «Въ 12 часовъ, 80 орудій открыли огонь.» (Campagne de 1815).

«Въ 12 часовъ стрѣлковыя цѣпи были разсыпаны по всей линіи; но настоящее дѣло началось лишь на нашемъ лѣвомъ крылѣ — въ лѣсу и у замка Гугумона. Императоръ приказалъ Нею открыть огонь со своихъ батарей... 80 орудій дѣйствовали смертоносно противъ всего лѣваго англійскаго крыла.» (Mémoires, t. IX).

гласно указываютъ, что Жераръ подалъ совѣтъ свой въ полдень или нѣсколько позже; это согласуется съ письмомъ, отправленнымъ Груши изъ Саръ-ле-Валена къ Наполеону и свидѣтельствами Жерара и Симонъ-Лорьера.

Письмо, означенное 11 часами, такъ пространно, что не могло быть исполнено ранѣе 15 или 20 минутъ, Жераръ свидѣтельствуешь, что засталъ маршала за завтракомъ и пробылъ съ нимъ цѣлые полчаса, пока Симонъ-Лорьеръ пришелъ доложить, что слышны выстрѣлы ¹⁶⁹⁾; Симонъ-Лорьеръ въ свою очередь приводитъ, что онъ слышалъ уже $\frac{1}{2}$ часа выстрѣлы, пока Жераръ не посоветывалъ Груши идти на соединеніе съ Наполеономъ—все это показываетъ, что сказанный совѣтъ былъ данъ не въ 11 $\frac{1}{2}$ часовъ, а въ полдень, или чуть позже.

Положимъ, что въ 20 минутъ времени можно было возбудить и рѣшить вопросъ, позвать хозяина и проводника, разсмотрѣть по картѣ, провѣрить дальность и трудность марша и отдать нужныя распоряженія; положимъ срдинарецъ, отправленный къ Вандамму съ приказаніемъ свернуть на выстрѣлы, доѣхалъ бы до него въ 10 или 15 минутъ, хотя ему приходилось проѣхать почти 5 верстъ по дорогѣ, запруженной войсками; положимъ наконецъ, что Вандаммъ быстро бы перемѣнилъ направленіе колонны — все-таки онъ могъ выступить въ исходѣ первого часа по-полудни, а не въ 12 часовъ, какъ говорить Тьеръ.

Первое положеніе Тьера оказывается невѣрнымъ, второе—о времени выступленія Вандамму съ ночлега также невѣрно, генералъ тронулся не въ 8, а въ 7 часовъ утра, какъ это приведено въ нашемъ разсказѣ. Мы опять впаддемъ въ мелочи, но не видимъ иныхъ путей къ достиженію истины.

Мы знаемъ, что Груши, вечеромъ 17 іюня предписалъ Вандамму направиться въ 6 часовъ утра къ Саръ-ле-Валену, а Жерару подняться двумя часами позже. Фактъ этотъ признанъ, потому что два приказанія Груши существуютъ ¹⁷⁰⁾; остается только убѣдиться съ какою точностью они были исполнены и для того слѣдуетъ обратиться къ показаніямъ очевидцевъ; но взаимная вражда въ такой степени разогрѣла страсти и спутала воспоминанія, что довольно намъ указать на то

---

¹⁶⁹⁾ «Около 11 часовъ утра я увидѣлся съ начальникомъ праваго крыла арміи. Онъ завтракалъ у нотаріуса Голлерта. Послѣ получасоваго разговора, приводитъ который считаю излишнимъ, въ комнату вошелъ полковникъ Симонъ-Лорьеръ и доложилъ, что слышалъ выстрѣлы — мы тотчасъ же вышли въ садъ.» (Quelques documents, письмо Жерара къ полковнику Груши).

Въ письмѣ къ Симонъ-Лорьеру Жераръ говоритъ: «я засталъ Груши часовъ въ одиннадцать, раньше или позже, право не помню, онъ былъ клубнику. Черезъ нѣсколько времени донеслись звуки пушечныхъ выстрѣловъ; мы тотчасъ же вышли удостовѣриться, съ какой стороны слышна пальба....» (Quelques documents и проч.).

¹⁷⁰⁾ См. стр. 205 нашей исторіи.

обстоятельство, что Груши ничего не говорил сначала о своих письменных приказаніяхъ, а Жераръ отрицалъ существованіе ихъ ¹⁷¹⁾.

Груши, защищая свой образъ дѣйствій, забылъ про нихъ и не имѣлъ возможности справиться, затерявъ свою переписку съ подчиненными генералами; по словамъ его, она сгорѣла съ замкомъ, во время продолжительнаго изгнанія. Критика навела маршала на умъ, и онъ сталъ увѣрять, что приказалъ своей пѣхотѣ выступить съ разсвѣтомъ.

Жераръ, увлеченный споромъ и желаніемъ обвинить Груши, равномѣрно перепуталъ событія. Протло нѣсколько лѣтъ; потерянная переписка Груши съ корпусными командирами случайно отыскалась, была издана и Жераръ нашелся вынужденнымъ замолчать.

Изъ сказаннаго мы видимъ, какъ слѣдуетъ быть осторожнымъ съ показаніемъ той и другой стороны, и убѣждаемся, что нужно ихъ непремѣнно сличить, для точнаго опредѣленія времени, когда были исполнены приказанія Груши, о коихъ идетъ рѣчь.

Груши сперва увѣрять, что Вандамъ выступилъ до разсвѣта, а Жераръ долженъ былъ идти за нимъ въ шесть часовъ утра; это увѣреніе, хотя и подтверждено показаніями нѣсколькихъ лицъ его штаба; но оказывается несостоятельнымъ передъ содержаніемъ приказовъ самого же Груши.

Жераръ напротивъ приводитъ, что утромъ 18 іюня «всѣ войска съ нетерпѣніемъ ждали выступленія, приказъ же о томъ былъ отданъ позже 7 часовъ утра

Вандамъ, спрошенный Жераромъ, небрежно и презрительно отпесся къ Груши и показалъ почти тоже самое; но двойное показаніе заслуживаетъ столь же мало вѣроятія, какъ и слова Груши, и одинаково опровергается приказомъ Груши, отданнымъ 17 числа, въ 10 часовъ вечера.

Бертезенъ, командовавшій дивизіею въ корпусѣ Вандамъ, говоритъ: «3-й корпусъ, выступилъ съ позиціи у Жемблу въ 8 часовъ утра ¹⁷²⁾.

Симонъ-Лорьеръ, исправлявшій должность начальника штаба 4 корпуса, показываетъ, что 4 корпусъ, выступивъ въ 7 часовъ утра, пройдя длиннымъ дефиле Жемблу, долженъ былъ остановиться за г. Жемблу, чтобы дать 3 корпусу вытннуться; но въ 9 часовъ былъ уже въ движеніи ¹⁷³⁾.

Гюло, шедшій въ головѣ 4 корпуса, рассказываетъ, что поставивъ дивизію въ ружье около 7 часовъ утра, потянулся чрезъ Жемблу, шель слишкомъ чась къ корпусному сборному пункту (1/4 лье за Жемблу);

---

¹⁷¹⁾ «Вѣроятно всѣ бывалые люди удивятся не мало, узнавъ, что маркизъ Груши не отдалъ письменныхъ приказаній, какъ это всегда и вездѣ водятся.» (Dernières observations и проч. генерала Жерара).

¹⁷²⁾ Письмо Бертезена къ Жерару въ Dernières observations и проч.

¹⁷³⁾ Письмо Симонъ-Лорьера къ Жерару въ Quelques documents и пр.

гдѣ весь корпусъ простоялъ довольно долго, пока дорога была свободна и хвостъ 3 корпуса вытянулся по ней ¹⁷⁴⁾.

Изъ трехъ приведенныхъ свидѣтельствъ, данныхъ людьми враждебными Груши, два первыхъ, одно точно, другое приблизительно, опредѣляютъ выступленіе Вандамма въ 8 часовъ; а третье въ 7½ часовъ, если положить 20 или 25 минутъ на остановку за Жемблу, что составляетъ довольно продолжительную остановку.

Перечисливъ всѣ три, сообщенныя ему, показанія и сказать, что диспозиція была отдана Груши позже 7 часовъ утра, Жераръ конечно долженъ привести собственное показаніе о времени выступленія и писать, что почти всѣ войска тронулись около 8 часовъ утра ¹⁷⁵⁾.

Обратившись къ воспоминаніямъ своихъ двухъ подчиненныхъ и Бертезена, онъ замѣтилъ преувеличенія въ ихъ разсказѣ и нѣсколько сгладилъ ихъ; но разумѣется не съ цѣлью оправдать Груши, будучи ожесточеннымъ и упорнымъ порицателемъ маршала.

Не думаю, чтобы кто нибудь держался противнаго мнѣнія; свидѣтельство Жерара представляетъ самую умѣренную дозу истины и такъ должно быть понимаемо. Сказать, что всѣ войска тронулись около 8 часовъ утра, значитъ опредѣлить время выступленія Вандамма около 7 часовъ, потому что прошло по крайней мѣрѣ часть времени, пока вытянулась по узкому неудобному проселку длинная общая колонна въ 6 пѣхотныхъ дивизій (корпуса Вандамма и Жерара) съ 8 батареями, слѣдовавшими по-орудійно, ящики за орудіями.

Слѣдовательно Тьеръ не правъ, отнеся начало движенія Вандамма къ 8 часамъ утра, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ выступилъ въ 7 часовъ и можетъ быть даже нѣсколько ранѣе ¹⁷⁶⁾.

Переходимъ къ третьему невѣрному положенію Тьера, гдѣ онъ говоритъ, что Вандамъ потерялъ болѣе часа времени на безпрестанныя остановки.

---

¹⁷⁴⁾ Письмо Гюло къ Жерару въ *Quelques documents* и проч.

¹⁷⁵⁾ «Если бы дѣйствительно генераль Вандамъ снялся съ своихъ bivakъ у Жемблу вмѣстѣ съ восходомъ солнца, а мнѣ приказывали идти въ шесть часовъ утра, все таки между началомъ движенія его и моихъ войскъ долженъ существовать промежутокъ въ два часа времени. Говорю еще разъ, что въ дѣйствительности было не такъ и всѣ войска тронулись около восьми часовъ утра; какъ это видно изъ рапорта генерала Гюло, который я привелъ въ своемъ первомъ очеркѣ. Дивизія Гюло шла въ головѣ четвертаго корпуса, безпрестанно наталкивалась на хвостъ колонны третьяго корпуса и часто останавливалась, чтобы дать пройти впередъ.» (*Dernières observations et cet.*).

¹⁷⁶⁾ Бертезенъ, забывъ письмо свое къ Жерару, пишетъ въ своихъ, надо сказать очень недостоверныхъ, мемуарахъ: «армія начала движеніе въ восьмомъ часу утра.»

Извѣстно, что Бертезенъ до такой степени неавидѣлъ Груши, что въ 1840 году обвинялъ его въ намѣренныхъ ошибкахъ; но принужденъ былъ отказаться отъ своего обвиненія.

Вандамм не потерялъ ни минуты. Остановки необходимы войскамъ. Неужели намъ приходится толковать о тактической азбукѣ? Остановки дѣлаются всегда—если почва не затрудняетъ, мѣстность удобна, колонны не теряютъ дистанцій, такъ что движеніе производится свободно—онѣ коротки; напротивъ, при измѣненіи приведенныхъ условій, онѣ становятся болѣе долгими, увеличиваясь сообразно длинѣ походныхъ колоннъ; каждое встрѣчное дефиле останавливаетъ колонну. Если не дать передохнуть людямъ во время марша, или остановиться лишь на минуту, мы навѣрное изнуримъ солдатъ, придемъ позже, и что еще хуже, придемъ въ беспорядкѣ и разстройствѣ.

Вандамм шелъ по почвѣ глубоко растворенной проливнымъ дождемъ, по узкому, избитому, ужасному (выраженіе Жерара) проселку, по мѣстности пересѣченной и представлявшей на каждомъ шагу дефиле (какъ свидѣлствуетъ генераль Гюло), Вандаммъ часто останавливался и конечно подчинялся въ этомъ случаѣ одной необходимости и основнымъ тактическимъ приемамъ. Любой офицеръ генеральнаго штаба, зная характеръ мѣстности между Жемблу и с. Баракъ, состояние дорогъ, проходимость ихъ 18 іюня, вычислить тотчасъ же время нужное на задержки, и этотъ періодъ времени вѣроятно далеко оставить за собою цифру, указанную Тьеромъ.

Слѣдовательно нашъ историкъ опять неправъ, говоря что Вандаммъ терялъ время на напрасныя остановки.

Наконецъ четвертое, послѣднее основное положеніе Тьера тоже не вѣрно—онъ сказалъ, что разстояніе отъ Ниль-Сень-Винсента до Марансара равно разстоянію, которое было пройдено отъ ночлега подъ Жемблу до с. Баракъ.

Вандаммъ въ сущности выступилъ не изъ Жемблу, какъ толкуетъ Тьеръ, но съ биваковъ въ $\frac{1}{2}$ лье (менѣе двухъ верстъ) пройдя городъ—пройденное имъ до с. Барака пространство, относится къ разстоянію между Ниль-Сень-Винсентомъ и Марансаромъ почти какъ 4 : 5. Разсужденія наши привели насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: Жераръ далъ свой совѣтъ Груши не въ 11 $\frac{1}{2}$ часовъ, а въ полдень; онъ могъ быть исполненъ въ 12 $\frac{3}{4}$ часовъ, а не ровно въ полдень; Вандаммъ выступилъ съ бивака въ 7 часовъ утра, а не въ восемь и на пути терпѣлъ не напрасныя, но необходимыя остановки; наконецъ ему слѣдовало пройти отъ Ниль-Сень-Винсента къ Марансару разстояніе не равное, но нѣсколько болѣе того, какое онъ прошелъ до с. Баракъ. Слѣдовательно мы доказали, что Тьеръ основывался на четырехъ не вѣрныхъ данныхъ, сказавъ, что Вандаммъ имѣлъ возможность прибыть къ Марансару въ 5, 6 или 7 часовъ по-полудни. Исправивъ всѣ вкравшіяся неточности и принявъ за маасштабъ единицу времени, употребленную Вандаммомъ на переходъ съ его биваковъ подъ Жемблу до с. Баракъ, мы, посредствомъ простаго арифметическаго расчета, вычислимъ время, потребное для перехода отъ Ниль-Сень-Винсента, и найдемъ, что онъ могъ прибыть только позже 9 часовъ вечера ¹⁷⁷⁾.

¹⁷⁷⁾ Отъ бивака за Жемблу до Барака сдѣлали переходъ въ семь

Незабудемъ еще выраженій Тьера: «дороги между Жемблу и с. Баракъ были размыты проходомъ прусской арміи; между тѣмъ какъ поперечные пути отъ Ниль-Сенъ-Винсента къ Марансару—широкіе и хорошо поддерживавшіеся проселки, не были испорчены движеніемъ войскъ.» Отсюда слѣдуетъ, что Вандамъ, по нимъ, долженъ былъ идти скорѣе утренняго. Тьеръ не рассчитываетъ математически, какъ дѣлаетъ онъ, вычисляя утреннія остановки Вандамъ, на сколько скорѣе шелъ бы Вандамъ послѣ обѣда; но разница легко опредѣляется. Ея почти не существуетъ, вслѣдствіе двухъ причинъ.

1) Поперечныя дороги дѣйствительно не были испорчены, подобно продольнымъ дорогамъ, проходомъ прусской арміи; но были размыты дождемъ, а тамъ гдѣ отсутствіе дефилей позволяло пѣхотѣ идти по сторонамъ дороги, поля были залиты, подобно полямъ, находящимся между Жемблу и с. Баракъ, наконецъ пѣхота, утомленная долгимъ переходомъ по грязи, не могла уже послѣ полудня идти съ тою же бодростью, какъ утромъ.

2) Эти поперечные, широкіе и прекрасно содержимые проселки, въ дѣйствительности были не лучше продольныхъ дорогъ—узкіе, плохіе, едва проходимые послѣ дождя. Бальтустъ боялся по нимъ завязить артиллерию, Валазе съ 3 ротами саперъ вызывался сравнить гдѣ нужно землю и устроить проходы. Очевидцы и официальные документы намъ ясно представляютъ состояніе проселочныхъ дорогъ въ Бельгіи, послѣ 15 лѣтняго Наполеоновскаго управленія—оно было тоже, что и во Франціи. Мы сами, долгое время спустя послѣ 1815 года, видѣли каковы онѣ были у насъ. Кривыя, узкія, немошечныя, съ вѣчными промонами, на перекресткахъ рытвины—трудно проходимыя для пѣшеходовъ, едва возможныя для повозокъ. Когда Европа отдохнула наконецъ отъ убійственныхъ Наполеоновскихъ войнъ, и насталъ миръ; мы воспользовались однимъ изъ его благодѣяній; во Франціи и Бельгіи были устроены прекрасныя главныя и большія дороги, хорошія проѣзжія дороги и порядочныя проселочныя, удобныя для людей и тѣлегъ; мѣстами дороги плохи, но онѣ поправляются, улучшаются съ каждымъ днемъ. Припоминаемъ хоть это послѣднее Тьеру, какъ онъ ни восхищайся войнами, отъ которыхъ страдало человѣчество и гдѣ право попиралось духомъ завоеваній и тираніи. Уступаемъ нѣсколько времени Тьеру, не въ силу его «прекрасныхъ, хорошо содержащихся» проселковъ, которые существуютъ только въ его воображеніи; но потому, что громъ Ватерлооской канонады подгонялъ войска. Положимъ Вандамъ прибывалъ ранѣе часомъ, что очень скоро, даже полутора часами (почти невозможныя усилія)—все таки онъ прибывалъ къ Марансару послѣ 8 часовъ вечера. Прибытіе Вандамъ не склоняло побѣды на сторону Наполеона, не

часовъ (отъ семи часовъ утра до двухъ по-полудни); разстояніе отъ Н. С. Винсента къ Марансару на четверть болѣе пройденнаго разстоянія, слѣдовательно требовало $8\frac{3}{4}$ часовъ на переходъ. Вандамъ, выступивъ въ $12\frac{3}{4}$ часовъ, прибывалъ къ $9\frac{1}{2}$ часамъ вечера.

спасало нашей арміи отъ разгрома. Замѣтимъ, что до сихъ поръ, за одно съ г. Тьеромъ, мы полагали, что д'Марансаръ лежитъ на полѣ сраженія; но она отдалена отъ него слишкомъ на $\frac{1}{2}$ лье и отдѣлена тѣснинами ручья Ланъ; (кручами, по выраженію Тьера) которыя представляли длинное, неудобное дефиле для движенія нашихъ колоннъ и могли быть легко защищаемы пруссаками.

Груши, явившись чудомъ передъ Марансаромъ въ 8 часовъ вечера съ войсками Эксельмана и Вандамма, т. е. съ 17 тыс. человекъ, за коними черезъ часть могъ подоспѣть Жераръ (какъ увѣряетъ Тьеръ) попадалъ въ такое положеніе, что ему оставалось только какъ можно скорѣе отступать; онъ долженъ былъ считать за счастье, если бы быстрымъ отступленіемъ спасся отъ общаго разгрома. Предположеніе это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Вникая серьезно въ факты, мы убѣждаемся, что второй, указываемый Тьеромъ маневръ, спасавшій Францію, не могъ быть исполненъ по недостатку времени. Груши, упорствуя дойти до Марансара, подвергался самъ самой страшной опасности.

Мы сказали, что Тьеръ въ другомъ мѣстѣ своей книги опять возвращается къ этому маневру, стараясь доказать, что Вандаммъ во-время поспѣвалъ изъ Ниль-Сенъ-Винсента къ Марансару—новые доводы Тьера также несостоятельны какъ и прежніе, даже при невозможномъ условіи, что войска наши, прибывъ къ с. Марансару, прибывали и на поле битвы; хотя на самомъ дѣлѣ находились отъ него въ полу-лье и были отдѣлены кручами ручья Ланъ.

Тьеръ говоритъ: «Разстояніе отъ Ниль-Сенъ-Винсента до Марансара никакъ не болѣе 5 лье, что составляетъ 4 прежнихъ лье. По словамъ жителей оно могло быть пройдено въ четыре часа, такъ какъ извѣстно, что одно лье можно пройти менѣе чѣмъ въ часъ. Принявъ во вниманіе плохое состояніе дорогъ, которыя однако были лучше дорогъ, служившихъ для прохода прусской арміи, полагаемъ, что путь былъ бы пройденъ въ 5 часовъ; мы кладемъ много, потому что гулъ канонады наэлектризовывалъ солдатъ. Положимъ, хотя мы позволяемъ себѣ слишкомъ уступать, войска проходили 6 часовъ—минута ихъ прибытія была еще болѣе благопріятная; семь часовъ—они опять поспѣвали во-время, старая гвардія выбила только что пруссаковъ изъ Планшенуа, гдѣ ихъ захватили въ совершенномъ разстройствѣ.

Представимъ примѣры того, какъ могли мы сдѣлать переходъ при высказанныхъ условіяхъ. Корпусъ Вандамма, выступивъ изъ Жемблу въ 8 часовъ утра, прибылъ къ с. Баракъ въ 2 часа по-полудни, двигаясь очень медленно и потерявъ на-маршѣ болѣе часа времени, разстояніе отъ Жемблу къ с. Баракъ почти равняется разстоянію отъ Ниль-Сенъ-Винсента къ Марансару; слѣдовательно послѣдній переходъ могъ быть совершенъ въ 5 часовъ времени.

Представимъ еще болѣе убѣдительное доказательство. Отъ Вавра до Жемблу слишкомъ 5 лье, а 19 іюня, когда мысль, какъ бы спастись отъ побѣдоноснаго врага, подгоняла насъ, корпусъ Вандамма, выступившій съ солнечнымъ закатомъ, т. е. въ 8 часовъ вечера, въ 11 ча-

совъ былъ уже въ Жемблу (см. показаніе Бертезена во 2 томѣ его мемуаровъ). Я думаю, что Вандаммъ, 18 іюня, могъ сдѣлать 5 лье въ 5 часовъ, когда на другой день прошелъ тоже пространство въ 3 часа времени ¹⁷⁸⁾.

Затѣмъ онъ указываетъ еще на 3-й примѣръ (о немъ здѣсь не упомянуто, но идетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ).

«Пажоль, утромъ отправленный Груши къ Лютиху, въ 6 часовъ вечера былъ у Лимали, сдѣлавъ въ день 12 лье, отсюда слѣдуетъ, что въ полдня Груши могъ сдѣлать 5 или 6 лье» ¹⁷⁹⁾.

Разсмотримъ на сколько состоятельны приведенныя доказательства, часть коихъ была уже опровергнута нами.

Разумѣется простой пѣшеходъ можетъ пройти одно лье ($3\frac{3}{4}$ версты) менѣе часа, и жители имѣли основаніе говорить, что можно посчитать отъ Ниль-Сентъ-Винсента къ Марансару чрезъ четыре часа; но мы допускаемъ ихъ слова при непремѣнномъ условіи, что эти люди имѣли въ виду хорошаго ходока, который идетъ одинъ и на-легкѣ.

Движеніе 15,000 корпуса, когда люди несутъ ружья, ранцы, патроны и идутъ по грязи, узкими проселками, залитыми дождемъ и по пересѣченной мѣстности, не можетъ измѣряться подобнымъ маасштабомъ. Одинокій пѣшеходъ пройдетъ иную тѣснину въ нѣсколько минутъ, тогда какъ корпусъ простоятъ изъ за нея полчаса, если не больше. Слова, будто сказанныя жителями, здѣсь не примѣръ.

Дѣйствительно цѣлый корпусъ можетъ иногда дѣлать болѣе лье въ часъ; но за то часто онъ дѣлаетъ менѣе.

Корпусъ нашихъ войскъ, по выступленіи съ биваковъ, считая съ остановками, дѣлаетъ въ 2 часа—2 ($7\frac{1}{2}$ верстъ), $2\frac{1}{4}$ и даже $2\frac{1}{2}$ лье ($9\frac{1}{4}$ в.); пройдя четыре, пять лье, если людямъ указана близкая цѣль и остается пройти лье или два, войска, въ чаду воодушевленія, могутъ еще нѣсколько ускорить маршъ. Подобная скорость достигается лишь при благоприятной обстановкѣ, т. е. если артиллерія идетъ по шоссе или широкой дорогѣ взводами, пѣхота по взводно или по полувзводно тѣмъ же шоссе или по сторонамъ, сухимъ полемъ, не заросшимъ ни высокою жнитвою, ни кустарникомъ; да въ добавокъ нѣтъ дефиле и мѣстность ровная.

Путь отъ Ниль-Сентъ-Винсента къ Марансару не представлялъ ни одного изъ сказанныхъ удобствъ для движенія колоннъ Вандамма. Все задерживало маршъ—узкія, избитыя дороги, вязкой грунтъ, то кустарникъ, то жнитво, тѣснины на каждомъ шагѣ. Мосты у Мути и Оттиньи необходимо задержали бы 15,000 корпусъ Вандамма—по первому мосту, шириною въ метръ (около $1\frac{1}{2}$ аршинъ) пѣхота могла проходить гуськомъ; а по второму (ширина 3 метра) артиллерія по орудійно, а пѣхота четырехъ-рядною колонною. Полагаемъ, что г. Тьеръ не станетъ

¹⁷⁸⁾ Tome XX, pages 291—292.

¹⁷⁹⁾ Tome XX, pages 270—271.

противорѣчить намъ относительно моста у Оттиньи; онъ самъ сказалъ, что мостъ у Женаппа (шириною болѣе 4 метровъ) задержалъ на цѣлыхъ 3 часа 70,000 армию Наполеона, т. е. силы въпятиро превосходившія численность 3-го корпуса.

Надо думать, у Тьера закралось сомнѣніе въ рѣшительномъ значеніи иныхъ своихъ доказательствъ. Забывая, что войска Вандамма давно на ногахъ, сдѣлали переходъ по грязи и были нѣсколько утомлены; забывая про узкіе мосты чрезъ Диль, и разныя тѣснины, именно углубленную, на протяженіи $\frac{1}{4}$ лье, дорогу, которая начинается тотчасъ за деревнею Мути, Тьеръ уже не говоритъ о «широкихъ, прекрасно содержащихся» проселочныхъ дорогахъ между Н. С. Винсентомъ и Марансаромъ, о которыхъ только что распространялся въ своемъ разсказѣ, и начинаетъ допускать, что вслѣдствіе дурныхъ дорогъ переходъ могъ потребовать 5, 6, даже 7 часовъ времени; но ловкость, съ какою вводится уступка, не маскируетъ всей ея ничтожности; она не поддерживается и тремя, приведенными примѣрами марша.

Первый изъ этихъ примѣровъ—маршъ Вандамма съ бивакомъ подъ Жемблу къ с. Баракъ, разсказанный Тьеромъ, мы уже рассмотрѣли, и доказали, что пунктуально опредѣливъ разстояніе и изложивъ дѣйствительные факты, придемъ къ заключенію — что маршъ отъ Ниль-Сент-Винсента къ Марансару занялъ бы не 5, 6 или 7 часовъ, а болѣе 8 $\frac{3}{4}$ часовъ.

Замѣтимъ, что указывая вторично на маршъ Груши, столь неудачно подкрѣпляющій принятый тезисъ, Тьеръ вводитъ новое показаніе съ цѣлью доказать, подобно прежнимъ увѣреніямъ, уже опровергнутымъ мною, что Вандамму могъ скорѣе придти къ с. Баракъ. «Вандамму шель очень тихо до этого пункта», говоритъ Тьеръ, выражаясь ранѣе очень ясно и приписывая медленность марша нерѣшимости Груши, который не зналъ самъ куда слѣдовать ¹⁸⁰⁾. Мнѣніе это окончательно ложно. Доказано безспорно, что Груши ни минуты не ѣхалъ при корпусѣ Вандамма, обогналъ его при выступленіи, проѣхавъ въ Саръ-Ле-Валентъ, чтобы тамъ собрать новыя свѣдѣнія. Онъ предоставилъ такимъ образомъ корпусъ на волю и не имѣлъ никакого вліянія на его маршъ. Одинъ изъ враговъ Груши, Бертезень, называя маршъ то чрезмѣрно медленнымъ, то просто медленнымъ и съ частыми остановками, не обвиняетъ нисколько Груши въ замедленіи. Вандамму останавливался долго и часто, и шель медленно вслѣдствіе единственной причины, не позволявшей ему иначе идти — грязи и плохихъ дорогъ. Письмо безпристрастнаго очевидца генерала Гюло къ Жерару, на которое мы ссылались когда-то, очень хорошо объясняетъ причины задержекъ, которая равно объясняются и указаніями опыта.

Новое доказательство Тьера, подобно всѣмъ предыдущимъ, лишено фактической вѣрности, и примѣръ марша войскъ Вандамма къ с. Баракъ

---

¹⁸⁰⁾ Tome XX, page 256.

не только не подкрѣпляетъ довода, но напротивъ говорить противъ него, и мы доказали самымъ примѣромъ марша, что войска могли придти къ Марансару не ранѣе 9½ часовъ вечера.

Переходимъ ко второму примѣру, представляемому Тьеромъ—маршу, исполненному корпусомъ Вандамма отъ Вавра къ Жемблу, 19 іюня, на другой день послѣ Ватерлооскаго разгрома.

Тьеръ считаетъ его за рѣшительное доказательство; но оно можетъ быть принято такимъ, когда мы непременно докажемъ, что состояніе дорогъ осталось прежнее, и Вандаммъ дѣйствительно выступилъ изъ Вавра въ 8, а прибылъ въ Жемблу въ 11 часовъ вечера. Тьеръ не только не доказалъ, не пробовалъ доказать, но конечно и не докажетъ этого.

Невозможно допустить или отстаивать мнѣніе, что за 30 часовъ сухой погоды, лѣтомъ, дороги сильно не просохли. Напомнимъ Тьеру его собственныя выраженія; когда онъ оправдывалъ Наполеона, въ томъ что тотъ отложилъ на 4 часа начало атаки при Ватерлоо; рассчитывая, что почва сильно просохнетъ за это время. Надѣюсь, послѣ подобныхъ разсужденій, Тьеръ согласится, что въ 30 часовъ грунтъ высыхалъ и дороги могли много поправиться.

Физически невозможно, немисливо, чтобы Вандаммъ, выступивъ въ 8 часовъ вечера изъ Вавра, прибылъ бы чрезъ 3 часа въ Жемблу. Самымъ очевиднымъ опроверженіемъ служить то, что ни одинъ военный корпусъ въ новыя времена не проходилъ 5 лье (18¾ верстъ) въ три часа. Одинокій пѣшеходъ также никогда не ходилъ съ такою скоростью; она возможна лишь скороходу.

Тьеръ ссылается на мемуары Бертезена, но придаетъ имъ совершенно ложное толкованіе. Дѣйствительно Бертезенъ пишетъ, что Вандаммъ выступилъ при закатѣ солнца и прибылъ въ 11 часовъ; но онъ остерегся сказать, подобно г. Тьеру, что говоря: «при закатѣ солнца», онъ непременно разумѣетъ 8 часовъ вечера. Военный не осмѣлится утверждать, что войска дѣлаютъ въ 3 часа по 5 лье. Вѣроятно, онъ думалъ указать, что Вандаммъ выступилъ въ концѣ дня, и генераль Ламаркъ, составившій очеркъ кампаніи 1815, по замѣткамъ Бертезена, именно опредѣляетъ начало движенія Вандамма въ 6 часовъ по-полудни.

Наконецъ, мы должны сказать, мемуарами Бертезена слѣдуетъ пользоваться съ самою крайнею разборчивостью—они невѣрны, пристрастны, въ особенности когда рѣчь заходитъ о Груши. Укажемъ на слѣдующій примѣръ: Бертезенъ показываетъ, что войска Груши выступили изъ С.-Аманда и Линьи, 17 іюня, въ полдень; тогда какъ самъ Жераръ, приводить время выступленія въ 2 и 3 часа по-полудни. Всякое показаніе мемуаровъ, которыми мы желали бы воспользоваться, должно быть проверено на основаніи другихъ разсказовъ и свидѣтельствъ; въ данномъ случаѣ существуетъ лишь показаніе Ламарка, которое мы и приводимъ.

Слѣдовательно второй примѣръ Тьера, маршъ Вандамма 19 іюня, не представляетъ никакого серьезнаго подтвержденія доказательствъ—

дороги были лучше и принятая продолжительность марша не может быть допущена.

Третій примѣръ, движеніе Пажоля, въ день 18 іюня, выбранъ еще неудачнѣе; г. Тьеръ, при малѣйшемъ вниманіи къ передвиженіямъ Пажоля, не привелъ бы своего примѣра.

Сказавъ, что Пажоль, отправленный утромъ Груши по направленію къ Люттиху, прибылъ въ 6 часовъ къ Лималю, совершивъ переходъ въ 12 лье, Тьеръ изъ этого факта заключаетъ, что Груши въ половину дня могъ пройти 5 или 6 лье; т. е., точнѣе говоря, поспѣть къ Марансару, выступивъ изъ Ниль-Сень-Винсента и Саръ-ле-Валена въ полдень.

Возстановимъ факты на основаніи официальныхъ документовъ. Пажоль снялся съ своихъ биваковъ у Мази, за Жемблу въ 4 часа утра, т. е. нѣсколько позже, чѣмъ приказывалъ ему Груши ¹⁸¹⁾, и, согласно приказанію, оставивъ влѣво Жемблу, прибылъ въ Гранъ-Леесъ ¹⁸²⁾, держась приблизительно на $\frac{3}{4}$ лье въ сторонѣ дороги, по которой слѣдовали войска Груши. Въ Гранъ-Леесѣ его застало письменное приказаніе маршала—идти къ Туриннъ-ле-з'Урдону (на одно лье восточнѣе Ниль-Сень-Винсента); Пажоль направился параллельно главнымъ силамъ, и продолжалъ такъ идти за Туриннъ-ле-з'Урдонъ, пока ему не приказали свернуть къ Лималю, куда онъ прибылъ, какъ мы думаемъ, нѣсколько позже времени, показаннаго Тьеромъ, слѣлавъ по прямой линіи немного менѣе 6 лье, а по дорогамъ нѣсколько менѣе $7\frac{1}{2}$ лье; такъ что, оставивъ нѣ сторонѣ сравнительную легкость движенія маленькой колонны, мы приходимъ къ заключенію, что главная колонна пройдя половину дня слѣдала бы 4 лье, что совершенно опровергаетъ заключеніе Тьера.

Мы видимъ такимъ образомъ, что изъ трехъ, приведенныхъ Тьеромъ, примѣровъ, которые могли доказать, что Груши имѣлъ возможность во-время поспѣть изъ Ниль-Сень-Винсента къ Марансару, первый и третій очевидно доказываютъ, что это было невозможно, а второй не имѣетъ никакого значенія.

Но какъ, подводя сравненія для марша, который слѣдовало совершить Груши къ Ниль-Сень-Винсенту, Тьеръ ничего не говоритъ о движеніяхъ прусской арміи, 18 іюня?

Мы допускаемъ, почему онъ не говоритъ о движеніи корпуса Бюлова изъ Діонъ-ле-Мона къ С.-Дамберу и Парижскому лѣсу—онъ мо-

---

¹⁸¹⁾ Письмо Пажоля къ Груши изъ Мази, 18 іюня, въ четыре часа утра.

¹⁸²⁾ «Прошу васъ выступить завтра съ разсвѣтомъ изъ Мази съ вашимъ корпусомъ и дивизіею Теста, и направиться къ Гранъ-Леесу, гдѣ вы получите приказаніе вновь. (Письмо Груши къ Пажолу изъ Жемблу, 17 іюня, десять часовъ вечера).

¹⁸³⁾ «Я желалъ бы, чтобы вы направились къ Гранъ-Леесу, потому что Жемблу запружено войсками.» (Письмо Груши къ Пажолу).

жетъ привести, что неизвѣстно на сколько пожаръ въ Ваирѣ задержалъ движеніе этого корпуса; хотя пожаръ не имѣлъ никакого вліянія на маршъ передовой дивизіи Бюлова, пришедшей въ поддевѣ къ С.-Ламберу. Допускаемъ, почему не упоминается о движеніи двухъ дивизій корпуса Пирха 1-го изъ С.-Аннѣ и Эзмона къ Планшенуа—найдется возраженіе, что онѣ шли вслѣдъ за войсками Бюлова, которыя размяли торную дорогу; хотя на самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе этого обстоятельства, не слѣдуетъ отвергать маршъ пруссаковъ, какъ масштаба для опредѣленія возможнаго марша Груши—потому что, если французскимъ войскамъ пришлось идти по дорогѣ, испорченной проходомъ непріятельскихъ колоннъ, за то они выступили гораздо ранѣе Пирха 1-го.

Но Тьеръ пропускаетъ движеніе Цитена!.. единственное, могущее служить образцомъ для опредѣленія времени, потребнаго на совершеніе перехода отъ Ниль-Сенъ-Винсента къ Марансару. Корпусъ Цитена, расположенный у Бьержа, выступилъ въ полдень, т. е. почти въ то время, какъ Вандамму приходилось сворачивать колонну на Марансаръ, и шелъ нетронутымъ проселкомъ на Фромонъ и Огень. Впереди гремѣла канонада, люди были одушевлены въ высшей степени, люди умѣли ходить, что доказывали уже два года съ открытія кампаніи—короче находились при совершенно тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ очутились бы корпусъ Груши: однако бригада, бывшая въ авангардѣ вступила въ боевыя линіи противъ Ла-Ге и Смогена ровно въ 7½ часовъ вечера. Движеніе Цитена самый лучший образецъ для нужныхъ Тьеру сравненій, однако оно оставлено безъ вниманія.

Маршъ этотъ опровергаетъ возможность попытокъ Тьера; пространство, пройденное авангардомъ Цитена въ 7½ часовъ времени на $\frac{1}{3}$ короче разстоянія между Ниль-Сенъ-Винсентомъ и Марансаромъ; кромѣ того Цитенъ, до похода, отдыхалъ цѣлыя сутки и не встрѣчалъ передъ собою тѣснинъ, подобныхъ мостамъ на р. Дилѣ.

Иные историки приводятъ, что корпусъ Цитена выступилъ только въ часъ по-полудни, и бригада, бывшая въ авангардѣ, замедлила начать дѣло, вслѣдствіе недоразумѣнія; другіе не приводятъ ни первой, ни второй причины замедленія и оспариваютъ ихъ, въ чемъ, по нашему мнѣнію, совершенно правы, въ особенности относительно первой причины. Допустимъ существованіе обѣихъ причинъ: положивъ на задержку отъ недоразумѣнія полчаса, что считаемъ совершенно достаточнымъ¹⁸⁴⁾, намъ останется доказать, что Цитенъ долженъ былъ употребить 6 часовъ времени на переходъ, меньшій на $\frac{1}{3}$, чѣмъ разстояніе между Ниль-Сенъ-Винсентомъ и Марансаромъ; откуда слѣдуетъ, что Вандамму шелъ бы 8 часовъ, не считая времени, потеряннаго на переходъ по узкимъ мостамъ у Мути и Огтивьи. Примѣръ марша Цитена уничто-

---

¹⁸⁴⁾ Генераль Гофманъ ввелъ въ огонь первые три баталіона авангарда Цитена; въ 1858 году, говоря про недоразумѣніе, пишетъ: «задержка продолжалась не болѣе полчаса; но она показала намъ безконечную, въ виду наступившихъ рѣшительныхъ минутъ».

жаетъ Тьера и сравненіемъ доказываетъ, что Вандамъ прибылъ бы лишь въ ночь къ Марансару, отстоящему на $\frac{1}{2}$ лье отъ поля битвы и отдѣленному отъ него «кручами ручья Лань».

Несмотря на такое длинное разсужденіе, мы все еще не разобрали окончательно втораго изъ трехъ маневровъ, рѣшавшихъ битву въ пользу Наполеона и спасавшихъ Францію.

Въ XV главѣ мы доказали, повторивъ нынѣ свои доказательства съ большими подробностями, что дальность разстоянія и трудности пути не позволили бы Груши оказать малѣйшую помощь Наполеону, и потомъ прибавили замѣтку, что если сказанныя трудности устранились (вѣря апологистамъ Наполеона) и наше заключеніе оказывается невѣрнымъ, противное же мнѣніе вполнѣ справедливымъ — все таки Груши не имѣлъ возможности быть полезнымъ для Наполеона, ибо дорога не была для него открыта. Груши приходилось имѣть дѣло съ прусскою арміею; мы сдѣлали самое скромное предположеніе, конечно при условіи, что прусскіе генералы и солдаты не превратятся вдругъ въ слѣпыхъ калѣкъ, сказавъ, что Груши, во время своего флангового марша, былъ бы атакованъ слишкомъ 30,000 человекъ (не принявшихъ никакого участія въ сраженіи при Ватерлоо) и непріятельская атака на столько задерживала наше движеніе, что нашъ маневръ не удавался.

Замѣтка, понятная для всякаго непредубѣжденнаго ума, не убѣдила г. Тьера, который поддерживаетъ противное. «Извиняли Груши тѣмъ», пишетъ г. Тьеръ, «что онъ наткнулся бы, при переправѣ чрезъ р. Диль, на 40,000 пруссаковъ, пока остальные 50,000 подавили бы Наполеона ¹⁸⁵⁾».

«Подъ Вавромъ, куда мы шли атаковать непріятеля въ неприступной позиціи, это увѣреніе оправдывалось; при движеніи Груши къ необороненнымъ мостамъ у Мути и Оттиньи оно оказывалось ложнымъ».

«Придавъ непріятелю даръ предвидѣнія, который къ несчастію не проявился въ дѣйствіяхъ нашего праваго крыла, мы увидѣли бы, что Блюхеръ, угадывая наши намѣренія, оставилъ бы 40,000 противъ двинувшагося на нихъ Жерара, отправилъ остальные 45,000 (болѣе взявъ ему было не откуда для подавленія главныхъ силъ Наполеона. Все это могло случиться; но, будучи сами только людьми, мы не имѣемъ основанія считать своихъ непріятелей полубогами».

«Фактически дѣло было поведено иначе. Блюхеръ, замѣтивъ преслѣдованіе наше къ Вавру, оставилъ тамъ Тильмана съ 28,000 человекъ, чтобы отвлечь вниманіе Груши. отправилъ 30,000 корпусъ Бюлона къ С.-Ламберу и Планшенуа, и за нимъ двинулъ корпусъ Пирха 1-го, силою въ 15,000. Цитенъ съ 15,000 былъ направленъ вдоль опушки Суаньскаго лѣса. Груши, послушавшись Жерара, прибывалъ въ часть или два часа по-полудни къ мостамъ у Мути и Оттиньи; переправясь безпрепятственно, онъ не встрѣчалъ непріятеля и находилъ дорогу на

---

¹⁸⁵⁾ Tome XX, page 290.

Марансарь открытою. Пажоль и Тестъ, съ утра отправленные къ Туринну, двинувшись на Вавръ, отвлекли бы Тильмана на нѣсколько часовъ; Груши могъ двинуться со всѣми остальными силами, т. е. съ 30,000 къ Марансару. Цитенъ, завязавшій дѣло въ Ланьской тѣснинѣ, такъ что ему было не до того, что дѣлается у него въ тылу, былъ бы захваченъ нами; а Пирхъ 1-й и Цитенъ не могли замѣтить появленія Груши, потому что слишкомъ далеко прошли. Предположимъ, что Груши могъ лишь отвлечь два послѣдніе корпуса отъ цѣли ихъ назначенія; задача наша была тѣмъ не менѣе исполнена, потому что собственно появленіе Цитена и Пирха 1-го на полѣ сраженія, погубило нашу армию.

Но даже отвлекши ихъ, Груши могъ пройти ранѣе, чѣмъ тѣ успѣвали задержать его и достигалъ такимъ образомъ двойной цѣли, избавивъ Наполеона отъ двухъ прусскихъ корпусовъ и подавивъ третій корпусъ Бюлова.

Для Груши нѣтъ смягчающихъ обстоятельствъ, все его оправданіе въ прежнихъ заслугахъ, честныхъ намѣренійхъ и преданности¹⁸⁶⁾.

Настоящая выписка очень длинна, но мы сдѣлали это съ намѣреніемъ, чтобы удобнѣе обнять ложность доказательствъ, противопоставленныхъ намъ. Мы покажемъ настоящее значеніе всей этой лжи; но сначала распредѣлимъ роли.

Мы никогда не задавали себѣ цѣли оправдать Груши; мы стремились лишь къ розысканію истины, исправленію ошибокъ, опроверженію вымысловъ и клеветъ, придавшихъ маршала. Груши жалокъ, намъ, какъ всякій честный человѣкъ, ставшій жертвою несправедливости.

Мы не пишемъ ни апологіи, ни апотеоза. Напротивъ историкъ Тьеръ, не можетъ забыть, какъ будучи первымъ министромъ либеральной июльской монархіи, придумалъ, возбудилъ, приготовилъ самый вѣликолѣбный посмертный триумфъ заговорщику 18 Брюмера, угнетателю континента и восстановителю монархіи абсолютизма и произвола.

Въ концѣ сочиненія, Тьеръ уступилъ вліянію общественнаго мнѣнія, пересталъ восхищаться политикомъ своего героя; но рѣшился отстоять военную славу его во всемъ ея ореолѣ. Увижая Груши, онъ оправдываетъ, возвышаетъ Наполеона.

Объяснившись, переходимъ къ диспуту. Тьеръ повторяетъ за всѣми военными писателями и за нами извѣстный фактъ, что мосты у Мути и Оттиньи были оставлены безъ наблюденія, но при движеніи къ нимъ Груши, послѣдовавшаго совѣту Жерара, пруссаки навѣрное подоспѣли бы къ нимъ; атаковавъ насъ по ту или по сю сторону мостовъ, непріятель частью своихъ силъ не допускалъ насъ идти къ Ватерлоо, а съ остальною частью, какъ это произошло на самомъ дѣлѣ, оказавъ существенную помощь Веллингтону, рѣшалъ тѣмъ битву и пораженіе Наполеона.

---

¹⁸⁶⁾ Tome XX, pages 292—294.

Мы показали, что естественное, рациональное разрѣшеніе этого вопроса должно быть въ положительномъ смыслѣ. Напротивъ, Тьеръ рѣшаетъ, что пруссаки не могли ни парализовать, ни замедлить марша Груши; и если бы остановили маршала, то не иначе какъ обративъ противъ него силы, необходимо нужныя для рѣшенія битвы при Ватерлоо. Положеніе Тьера высказано въ разныхъ доводахъ, которые всѣ основаны на невѣрно переданныхъ фактахъ.

Тильманъ не имѣлъ 28 тысячъ, по той причинѣ, что, имѣя при открытіи кампаніи 28,500 человѣкъ, потерялъ въ битвѣ при Линьи до 4000. Корпуса Цитена и Пирха I были, каждый силою, не въ 15 т., а въ 20 т. человѣкъ. Въ корпусахъ было при началѣ кампаніи по 32,700 человѣкъ, изъ коихъ въ каждомъ было до 12 т. въ день битвы при Линьи и послѣ нея отъ побѣговъ.

Блюхеръ не оставлялъ Тильмана отвлекать французовъ, напротивъ тотъ долженъ былъ дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ. Распоряженія Блюхера извѣстны, они окончательно изложены въ приказаніи, отданномъ 18 іюня, когда Веллингтонъ далъ знать, что французская армія заняла позицію противъ англо-голландской.

«4, 2, 1 корпуса (Бюлова, Пирха I, Цитена) двинуться двумя колоннами на подкрѣпленіе герцога Веллингтона, который сегодня будетъ атаковать французскую армію; правое крыло англо-голландской арміи упирается въ Бренъ-Ла-Ле, лѣвое расположено подлѣ Монъ-Сень-Жана; корпуса произведутъ диверсію въ тылу Бонапарте.

Лѣвая колонна (4 и 2 корпуса) слѣдуетъ чрезъ Невъ-Кабаре къ С. Ламберу. Правая колонна (1 корпусъ) чрезъ Фромонъ къ Огену.

Въ случаѣ наступленія непріятеля, 3-й корпусъ будетъ защищать позицію у Вавра; въ противномъ же случаѣ, оставивъ два баталіона въ Ваврѣ, двинется къ с. Кутюръ-Сень-Жермену, будетъ служить резервомъ для лѣвой колонны и дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ.

Въ случаѣ неудачи отступить на Лувенъ.»

Бюловъ, въ исполненіе предписанія, выступилъ раннимъ утромъ; но былъ сильно задержанъ плохими дорогами, вязкимъ грунтомъ, дефилеями и пожаромъ, вспыхнувшимъ въ Ваврѣ, когда авангардная бригада миновала только что городъ; такъ что атаковалъ Планшенуа только въ 4½ часа. Маршъ слѣва освѣщался дальними разлѣдами, двумя кавалерійскими отрядами маіоровъ Фалькенгаузена и Витовскаго.

Цитенъ, стоявшій на лѣвомъ берегу р. Дилы, у Бьержа, выступилъ въ полдень, когда полковникъ Ледебюръ обмѣнивался пушечными выстрѣлами съ Эксельманомъ, испыталъ на-маршѣ большія задержки и принялъ участіе подъ Ватерлоо не съ цѣлымъ корпусомъ, какъ говорить Тьеръ, но съ кавалеріею и одною бригадою пѣхоты, бывшею въ авангардѣ. Прочія три бригады прибыли, когда ни одинъ французъ не дрался на полѣ битвы.

Пирхъ I-й былъ въ С.-Аннѣ и Эзмонѣ. Онъ выступилъ также въ полдень; но ему предстояло пройти мостъ у Вавра и городъ. Двѣ первыя бригады прошли городъ, а двѣ послѣднія втягивались на мостъ, какъ узнали о появленіи французовъ у Невъ-Сара, Пирхъ I остано-

вилъ заднія бригады, а кавалерійскую бригаду Зора отправилъ на поддержаніе Ледебюра. Затѣмъ, узнавъ что Эксельманъ усилился кавалеріею Валеня и пѣхотою, онъ приказалъ двумъ остановленнымъ бригадамъ занять лѣски Вальромбру и Сара. Между тѣмъ двѣ головныя бригады не были вовсе останавливаемы и продолжали маршъ какъ ни въ чемъ ни бывало, самъ Тильманъ догналъ ихъ. Оставшіяся бригады, уклоняясь отъ серьезнаго боя съ Эксельманомъ и Вандаммомъ, отошли къ Вавру вслѣдъ за Ледебюромъ и Зоромъ, перешли р. Диль и поспѣшно двинулись къ С.-Ламберу и р. Ланъ, не заботясь о французахъ, усилившихся однако корпусомъ Жерара.

Пирхъ 1-й, вслѣдствіе общихъ съ Цитеномъ задержекъ, принялъ участіе въ битвѣ при Ватерлоо не съ цѣлымъ корпусомъ, какъ увѣряетъ Тьеръ, а только съ двумя пѣхотными бригадами и частью кавалеріи. Остальныя войска прибыли ночью къ р. Ланъ.

Тильманъ совсѣмъ остался въ Ваврѣ задерживать Груши; но онъ остался только съ кавалеріею и тремя пѣхотными бригадами, т. е. съ 15 т. человекъ; четвертая бригада пошла къ Кутюру въ то время, какъ 30 т. французовъ, массировавшихся противъ пруссаковъ, повели на нихъ сильную атаку. Мы изложили факты—комментаріи Тьера разсыпаются передъ ними, что намъ легко доказать.

Во первыхъ, Блюхеръ отдалъ точныя приказанія о движеніи различныхъ корпусовъ; во вторыхъ, прибытіе къ с. Баракъ Эксельмана, Валеня и затѣмъ Вандамма, всего до 18 т. французовъ, не произвело никакого вліянія на движеніе Бюлова, не остановило ни на минуту и не отклонило отъ указаннаго направленія корпусъ Цитена и двѣ первыя бригады корпуса Пирха I; въ третьихъ, массированіе 18 т. французовъ передъ Вавромъ не помѣшало пріостановленнымъ двумъ послѣднимъ бригадамъ Пирха I возобновить прерванное движеніе за своими первыми бригадами и не помѣшало Ледебюру и Зору сдѣлать тоже; въ четвертыхъ, одна изъ бригадъ Тильмана направилась изъ Вавра въ Кутюръ, въ то самое время какъ подошелъ 12 т. корпусъ Жерара къ войскамъ Эксельмана, Валеня и Вандамма, и мы имѣли до 30 т. Пруссаки не побоялись выдерживать бой противъ насъ съ половиннымъ числомъ войска, слѣдовательно, если бы къ Вавру прибыли только Пажоль и Тестъ, имѣвшіе всего менѣе 4 т., то непріятель оставилъ бы въ горѣ всего 2 т.—наконецъ съ прибытіемъ двухъ генераловъ не достигался даже этотъ мизерный результатъ. Генералы прибывали слишкомъ поздно; не забудемъ, что они подошли бы къ 7 часамъ вечера. Положимъ, какими либо чудомъ, они явились бы въ 3 часа; они наткнулись бы только на два баталіона (1000 чел.), которые Блюхеръ предписывалъ тамъ оставить.

Тьеръ приводитъ совершенно ложное увѣреніе, что Груши, направивъ изъ Туринна Пажоля и Теста къ Вавру, отвлекалъ Тильмана на нѣсколько часовъ и съ 30 т. могъ пройти къ Марансару; напротивъ факты показываютъ, что эта демонстрація была бы излишнею; генералы не отвлекали ни на минуту Тильмана, онъ даже не замѣтилъ бы ихъ; потому что уходилъ не задолго до появленія снѣжъ отрядовъ

передъ Вавромъ, къ Блюхеру чрезъ д. Кутюръ, лежащую въ полулье отъ Марансара, на правомъ берегу ручья Лань.

Прочія увѣренія г. Тьера одинаково ложны съ первымъ, изъ котораго впрочемъ они вытекаютъ.

При движеніи Груши на Марансаръ, прусскіе генералы или узнали или не узнали бы про его движеніе. Въ обоихъ случаяхъ, говорить г. Тьеръ, дѣло было спасено — это увѣреніе лишается силы, если вспомнимъ распоряженія Блюхера и изложенные нами факты.

Въ первомъ, самомъ вѣроятномъ по мнѣнію Тьера, случаѣ — а по нашему мнѣнію, такъ самомъ невѣроятномъ, потому что мы не забыли ни аррьергарда полковника Ледебюра, ни многочисленной прусской кавалеріи и отправленныхъ отъ нея разъѣздовъ для освѣщенія пространства между р. Дилемъ и ручьемъ Лань, Цитенъ, Пирхъ I, Бюловъ и Тильманъ приняли бы извѣстный способъ дѣйствій — говорю извѣстный, потому что онъ былъ имъ предписанъ главнокомандующимъ арміею. Бюловъ и Цитенъ не измѣняли марша — одинъ направился бы чрезъ С.-Ламберъ къ Парижскому лѣсу, другой чрезъ Женваль и Огенъ къ Смогену и Фришмону; Пирхъ I же двинулся бы на соединеніе съ Бюловымъ не съ половиною корпуса, но со всѣми войсками, т. е. съ 20 т. человекъ; полковнику Ледебюру нечего было оставаться до 4-хъ часовъ по-полудни у Вавра, какъ вышло въ дѣйствительности, и онъ успѣлъ бы придти къ Бюлову, не остановившись на ночлегъ у С.-Ламбера. Тильманъ на дѣлѣ остановился въ Ваврѣ съ 3 бригадами пѣхоты и кавалеріею, отправивъ очень поздно 4-ю пѣхотную бригаду на Кутюръ-Сенъ-Жерменъ — но въ разсматриваемомъ случаѣ, оставивъ у Вавра 2 баталіона, онъ увелъ бы весь корпусъ къ Кутюръ-Сенъ-Жермену, начавъ движеніе около часа по-полудни, когда войска Пирха I очищали ему дорогу.

Пирхъ I, изъ С.-Аннъ и Эзмона; Ледебюръ и Тильманъ, изъ Вавра, выступали въ одно время съ Груши, двинувшимся изъ Ниль-Сенъ-Винсента; но они имѣли передъ послѣднимъ ту значительную выгоду, что имъ нужно было меньше пройти, такъ что маршалъ очевидно прибылъ бы къ Марансару, гораздо позже Тильмана къ Кутюръ-Сенъ-Жермену, потому что тому не предстояло переправы чрезъ Диль, и послѣ того какъ Пирхъ I и Ледебюръ присоединялись къ Бюлову.

Можетъ быть, хотя повторяемъ едва-ли, наши войска не были бы замѣчены до самаго Марансара; но эта деревня лежитъ всего въ полулье отъ Кутюръ-Сенъ-Жермена, такъ что, по прибытіи къ Марансару, французы были бы замѣчены Тильманомъ, располагавшимъ 2 т. кавалеріи и конечно выставившимъ бы посты къ Марансару.

Не думаемъ, что мы дѣлаемъ Тильмана полубогомъ, если предположимъ, что онъ тогчасъ же съ 20 т. двинулся бы во флангъ Груши, къ которому Жераръ подтянулся бы только чрезъ часъ? Пирхъ I также не представляется намъ полубогомъ, если положимъ, онъ двинулся бы съ половиною своего корпуса, которая не dospѣла подъ Ватерлоо, на встрѣчу Груши и ударилъ на него съ фронта, въ одно время съ фланговою атакою Тильмана. Думаемъ, что самъ Тьеръ не станетъ под-

держивать противнаго мнѣнія—прусскіе генералы, принявъ предполагаемый нами образъ дѣйствій, выказывали лишь самую нехитрую энергію и соображеніе; на ихъ мѣстѣ всякіе понялъ бы, что слѣдуетъ воспренятствовать всѣми средствами Груши, который иначе могъ охватить прусскія бригады, выдерживавшія бой съ корпусомъ Лобау и императорскою гвардіею. Допустимъ, что храбрый маршалъ и геройскія войска его выдержали бы двойную атаку 30 т. пруссаковъ и опрокинули непріятеля съ прибытіемъ корпуса Жерара; но бой завязывался на долго; и въ продолженіи его, Наполеонъ проигрывалъ битву, какъ это случилось съ нимъ въ дѣйствительности. Вспомнимъ, какъ битва при Ватерлоо была разомъ рѣшена, вслѣдствіе вступленія въ дѣло, въ 7½ часовъ вечера, Цитена съ 5 т. и Пирха I съ 10 т. человекъ; побѣда досталась такъ легко обомъ, что, изъ 15 т., они потеряли очень немного—всего около 600 человекъ.

Такимъ образомъ мнѣніе г. Тьера не выдерживаетъ критики и опровергается диспозиціею Блюхера, оставшеюся неизвѣстною Тьеру, неизвѣстными ему фактами, и нашимъ предположеніемъ, когда мы придали прусскимъ генераламъ самыя простыя военныя качества, не воображая разумѣется ихъ за то полубогами.

Переходимъ ко второму, и по нашему, самому вѣроятному случаю—когда пруссаки узнавали о фланговомъ маршѣ Груши. Тьеръ доказываетъ, что тѣмъ не менѣе маршалъ могъ отвлечь Пирха I и Цитена и достигалъ чрезъ это существенной цѣли, ибо только прибытіе двухъ названныхъ корпусовъ погубило нашу армію; вѣрнѣе онъ могъ опередить ихъ, прежде чѣмъ они успѣвали преградить путь и выручить бы Наполеона, раздавивъ Бюлова. Тьеръ опять впадаетъ въ ошибку и впадаетъ потому, что не знаетъ ни диспозиціи Блюхера, ни различныхъ передвиженій, совершенныхъ прусскими корпусами; онъ воображалъ, что Цитенъ и Пирхъ I должны были оставаться въ Ваврѣ до полученія извѣстій о Груши; а Тильману, во всякомъ случаѣ, назначалось оттуда не трогаться; тогда какъ Блюхеръ далъ тремъ генераламъ точныя и разнообразныя приказанія; разъ, воля главнокомандующаго была исполнена—всякій споръ замолкаетъ, какъ и въ предъидущемъ случаѣ.

Извѣстіе о движеніи Груши къ Муті и Оттиньи, и потомъ къ Марансару, которое было начато около часа по-полудни, не застало бы въ Ваврѣ генераловъ; они (по крайней мѣрѣ Цитенъ) направлялись уже къ назначеннымъ имъ по приказу пунктамъ. Но это извѣстіе, по словамъ Тьера, отвлекало корпуса Цитена и Пирха I.

Цитенъ шелъ къ положительной цѣли, которая не имѣла никакой связи съ появленіемъ Груши, такъ что прусскій генералъ нисколько не беспокоился ни за свой тылъ, ни за свое лѣвое крыло, и предположеніе Тьера совершенно къ нему не относится. Цитенъ узнавалъ о наступленіи Груши, находясь отъ него въ 3 лье разстоянія и будучи прикрытъ войсками Пирха I, направлявшимися къ С.-Лауберу, и войсками Тильмана, слѣдовавшими къ Кутюръ-Сенъ-Жермену. Цитенъ,

не обращая вниманія на французовъ, продолжать бы движеніе, во исполненіе приказаній главнокомандующаго.

Тылъ корпуса Пирха I былъ обезпеченъ расположеніемъ войскъ Тильмана; но конечно онъ былъ бы озабоченъ движеніемъ Груши. Тильманъ, по порученію Блюхера, составлявшій арріергардъ къ сторонѣ Вавра, разумѣется былъ бы еще болѣе встревоженъ; но мы не можемъ допустить, что Пирхъ I рѣшился бы отказаться отъ возложеннаго на него порученія, т. е. оставилъ Блюхера безъ скорой помощи.

Мы имѣемъ напротивъ основаніе думать, что онъ распорядился бы такимъ образомъ, чтобы и помочь Бюлову, и задержать Груши, т. е., двинувшись по слѣдамъ Бюлова съ половиною корпуса, отдалъ бы другую Тильману. Тильманъ, усиленный этими 10,000 и отрядомъ Ледебюра, ударилъ бы на правый флангъ Груши. Предположеніе это основательно, если мы будемъ считать обоихъ прусскихъ генераловъ не полубогами, а простыми, неказистыми военными, которые имѣютъ на столько въ головѣ, чтобы понимать, что жизненный вопросъ — не допустить Груши обрушиться на Бюлова. Въ дѣйствительности Пирхъ I-й раздѣлилъ свой корпусъ, когда это раздѣленіе не становилось даже жизненною, спасительною мѣрою, какъ при фланговомъ маршѣ Груши; половина корпуса продолжала идти на соединеніе съ Бюловымъ, другая осталась поддерживать Тильмана противъ Груши; это измѣненіе первоначальнаго приказанія Блюхера составляетъ рѣшительное подтвержденіе сдѣланнаго нами предположенія.

Мы только что припомнили, какъ Пирхъ I-й, замѣтивъ наступленіе значительныхъ французскихъ силъ къ Вавру у с. Баракъ, продолжалъ съ половиною войскъ начатое движеніе, отдавъ другую въ распоряженіе Тильмана; послѣдній оставилъ ее на время, пока не убѣдился, что въ ней нѣтъ настоящей надобности.

Слѣдовательно фланговый маршъ Груши могъ отвлечь не два корпуса Цитена и Пирха I-го, какъ доказываетъ Тьеръ, но только половину войскъ Пирха I-го, корпусъ Тильмана и отрядъ Ледебюра, т. е. отъ 32,000 до 33,000 человекъ, изъ коихъ, на самомъ дѣлѣ, ни одинъ не принялъ участія въ Ватерлооской битвѣ. Оттянутыя прусскія войска бросились бы на Груши и остановили его. Груши, взятый во флангъ, превосходнымъ въ силахъ противникомъ (Жераръ былъ еще назадъ), могъ отбиться только послѣ ожесточеннаго боя; такъ что мы принимаемъ самое скромное показаніе, сказавъ что Груши былъ бы задержанъ на два или на три часа—въ это время прибытіе на поле сраженія авангарда Цитена и половины корпуса Пирха неизмѣнно рѣшало Ватерлооскую битву.

Тьеръ почти не допускаетъ возможности столкновенія, приводя, что, и оттянуть Цитена и Пирха I-го, французскій маршалъ могъ предупредить ихъ, пока они еще не успѣли преградить ему дороги. Доводъ этотъ, подобно предыдущимъ, опровергается диспозиціею Блюхера и фактами, вновь разсказанными нами.

Повторимъ, что извѣстіе о фланговомъ маршѣ Груши, не застало бы Цитена, Пирха I-го и Тильмана неподвижными у Вавра; исполняя

диспозицію главнокомандующаго, всѣ они шли къ указанной цѣли. Выступившій изъ Бьержа Цитенъ ушелъ очень далеко отъ Груши и вслѣдствіе мотивированныхъ нами причинъ, не прервалъ бы своего марша. Избѣгнувъ столкновенія съ Цитеномъ, Груши подпадалъ за то подъ удары корпуса Тильмана и половины корпуса Пирха I-го и долженъ былъ бы выдержать съ ними тотъ двухъ или трехъ-часовой бой, который уже предположенъ нами — бой былъ неминуемъ, потому что Груши не только не обгонялъ ихъ, но оставался у нихъ въ тылу; послѣднее несомнѣнно. Пирхъ I-й выступилъ въ полдень изъ С.-Аннъ и Эземона. Тильманъ вслѣдъ за нимъ въ часъ по-полудни—обонимъ приходилось пройти до р. Ланъ меньшее разстояніе, чѣмъ туда же Груши, выступившему почти въ часъ изъ Ниль-Сенъ-Винсента.

Всѣ основанія, служація Тьеру для выводовъ, что Груши имѣлъ возможность исполнить свой фланговый маршъ, падаютъ предъ очевидною невозможностью.

Груши приходилось на-маршъ маневрировать и встрѣчать большія задержки—такъ что, даже выйдя изъ боя съ торжествомъ, онъ былъ не въ силахъ измѣнить исхода Ватерлооской битвы; напротивъ вѣроятно, что этотъ хваленый маршъ, приблизивъ его къ побѣдоноснымъ непріятельскимъ арміямъ, могъ подвергнуть его неминуемой гибели въ тотъ же вечеръ или на другой день.

Вотъ истина!

Резюмируя наше длинное разсужденіе, которое мы не могли сократить, потому что противъ насъ воздвигли столько ошибокъ и невѣрностей—съ полнымъ, незыблемымъ убѣжденіемъ повторяемъ свое сужденіе, произнесенное шесть лѣтъ тому назадъ, не въ пылу увлеченія, но единственно изъ стремленія къ справедливости и правдѣ. Второй изъ трехъ маневровъ, освященныхъ прежде легендою, возведенныхъ нынѣ Тьеромъ на степенъ гениальности, поправившей все дѣло, не имѣлъ бы успѣха, вслѣдствіе дальняго разстоянія и плохихъ дорогъ — даже если какими либо чудомъ эти препятствія исчезали, пруссаки неминуемо останавливали маршала и Груши могъ погибнуть вмѣстѣ съ главною нашею арміею.

Мнѣніе, противное нашему, справедливо, если докажутъ, что диспозиція Блюхера и существованіе корпусовъ Цитена, Пирха I-го и Тильмана придуманы въ оправданіе Груши. Тьеръ слишкомъ уменъ и честенъ, чтобы рѣшиться на подобную выходку, но за нимъ прачутся раболѣпные и слѣпые поклонники Наполеона I, которые быть можетъ не устоятъ противъ искушенія. Они представляютъ пожалуй доказательства; тѣ не составляютъ и половины безсмыслицъ, передаваемыхъ преданіемъ и иными писателями—и найдутъ довѣрчивыхъ.

Перейдемъ къ третьему и послѣднему маневру; по словамъ Тьера, Груши, исполнивъ его, склонялъ побѣду на сторону Наполеона и спасалъ Францію.

Маневръ заключался въ томъ, чтобы, въ 2 часа по-полудни, перейти мосты у Лималъ и Лимелета, когда будетъ видно, что прусскіе корпуса направляются къ Монъ-Сенъ-Жану.

Тьеръ такъ рисуеъ возможность, пользу и безошибочность маневра: «Мосты были слабо защищены и легко могли быть нами захвачены ¹⁸⁷⁾; захвативъ ихъ и переправившись, мы могли безпрепятственно слѣдить за пруссаками и слѣдовать за ними, куда понадобится... въ два часа время еще не ушло.

Пруссаки были бы захвачены на маршѣ и подставили свой лѣвый флангъ. Фланговая атака много скрадывала численное неравенство, и самое маленькое, чего мы достигали, была задержка корпусовъ Цитена и Пирха I, которые одни рѣшили окончательно Ватерлооскую битву».

Повторивъ аргументы наши противъ 2 маневра, мы докажемъ всю несостоятельность третьяго. Тьеръ опять не смотритъ на диспозицію Блюхера и невѣрно передаетъ про передвиженія пруссаковъ и позиціи, занятая, въ полдень 18 іюня, корпусами Цитена, Пирха I и Тильмана.

Вандамъ, въ 2 часа (Тьеръ повторяетъ тоже на другой страницѣ) прибылъ въ с. Баракъ и въ данную минуту не имѣлъ возможности переправиться, по той простой причинѣ, что не дошелъ до мостовъ у Лимала и Лимелета (гдѣ Тьеръ хочетъ его переправить въ 2 часа) дѣлаго лье по прямой линіи, что составитъ подорогамъ 1 ¹/₄ лье. Кромѣ того дорога туда была преграждена отрядомъ Ледебюра, кавалерійскою бригадою Зора и пѣхотными бригадами Рекгофа и Браузе; всѣ эти силы (до 13,000) заняли дѣски Сара и Варломбру по сторонамъ дороги.

Мы не могли добраться до мостовъ такъ скоро и легко, какъ думаетъ Тьеръ, забывшій про 13,000 пруссаковъ. Въ разсказѣ мы описали, какъ пруссаки отступили къ Вавру, не оказывая серьезнаго сопротивления, такъ что слабо дрался только ихъ арріергардъ; но они поступили бы иначе, увидѣвъ, что Вандамъ направляется къ мостамъ у Лимала и Лимелета, и Вандамму пришлось бы крѣпко драться—дѣйствительно, пруссакамъ было выгодно заманить насъ вести фронтальную атаку на Вавръ; и въ высшей степени важно отбить насъ отъ мостовъ, ниже города, потому что, овладѣвъ переправой, мы не только обходили непріятельскую позицію, но могли захватить дороги, по которымъ войска, остававшіяся въ Ваврѣ, должны были слѣдовать къ главнымъ прусскимъ силамъ.

Безъ сомнѣнія, Груши, имѣя подъ рукою Вандамма, Эксельмана и дивизію Валеня, т. е. 18,000 человекъ и усилившись корпусомъ Жерара, могъ проложить дорогу къ мостамъ, но конечно прибывалъ туда позже 4 часовъ по-полудни. Тьеръ, согласно съ нами, показываетъ время прибытія Груши къ Вавру въ 4 часа; а разстояніе отъ Барака до Вавра тоже, что до Лимала и Лимелета, да кромѣ того по первому направленію онъ не имѣлъ такого горячаго дѣла, какое выпадало на его долю, въ случаѣ движенія къ упомянутымъ мостамъ.

Полковникъ Штенгель, съ 3 бат., 3 эск. и нѣсколькими орудіями, защищалъ мосты; положимъ, несмотря на постепенную близость дѣла, онъ не разрушилъ бы обоихъ деревянныхъ мостовъ и Груши легко за-

---

¹⁸⁷⁾ Tome XX, page 265.

хватывалъ ихъ; но послѣднему приходилось переходить по нимъ, дебушировать, что конечно отняло бы время, такъ что на всѣ эти эволюціи мы кладемъ минимумъ часъ или полтора, такъ что мы переходили на лѣвый берегъ Дилы, въ 6 часу по-полудни.

Остальная часть Тьеровскаго предложенія: «... переправившись, мы могли безпрепятственно слѣдить за пруссаками и слѣдовать за ними куда повнадобится. Пруссакъ подставляли свой лѣвый флангъ и самое маленькое, чего мы достигали, была задержка корпусовъ Цитена и Пирха», представляетъ въ свою очередь одни невѣрности.

Дѣйствительно мы открывали пруссаковъ; но не Тьеровскихъ пруссаковъ: цѣлый корпусъ Тильмана, который разумѣется не остался бы въ Вавръ, во время движенія Груши къ Лималу и Лимелсту, т. е. боя съ Ледебюромъ, Рекгофомъ, Браузе и Штенгелемъ; мы не только не избавлялись отъ препятствій, но напротивъ подставляли свой правый флангъ Тильману, если только не наткнулись бы на него при атакѣ мостовъ. Корпуса Цитена и Пирха 1-го (только двѣ бригады) ушли такъ далеко, что настичь и задержать ихъ мы могли развѣ чудомъ. Неужели намъ опять повторяться! По приказанію Блюхера Пирхъ 1-й, съ двумя бригадами, въ полдень выступилъ изъ С.-Аннъ и Эзмона, въ одно время съ Цитеномъ, оставившимъ Бьержъ—оба генерала достигли уже заданной имъ цѣли. Мы имѣли возможность задержать лишь отряды Ледебюра, Штенгеля, бригаду Зора, двѣ послѣднія бригады Пирха 1-го (Рекгофа и Браузе) и корпусъ Тильмана, т. е. 45,000 человекъ, изъ коихъ ни одинъ не принялъ участія въ Ватерлооской битвѣ.

Чтобы дать вѣрное понятіе какого рода дѣло мы могли имѣть съ Тильманомъ, припомнимъ дѣло его 19 іюня. Тильманъ, не имѣя возможности атаковать насъ съ фланга, оставался съ одною кавалеріею и 3 пѣхотными бригадами, т. е. имѣлъ всего 15,000 противъ нашихъ 30,000; однако держался семь или восемь часовъ и умѣлъ отступить въ порядкѣ.

Послѣдній маневръ, догматически проповѣдуемый Тьеромъ, подобно первымъ двумъ, не склонялъ побѣду на сторону Наполеона и не спасалъ Франціи!

Если мы захотимъ поддерживать противное, нужно доказать несуществованіе Блюхеровской диспозиціи и призрачность 35,000 живыхъ пруссаковъ, которые, по исторіи, 18 іюня въ два часа по-полудни, были сосредоточены въ окрестностяхъ Вавра или же убѣдиться, что то была толпа калѣкъ, предводимая слѣпыми и юродивыми.

«Несчастный!» восклицаетъ Тьеръ, говоря о Груши. Да, онъ дѣйствительно несчастенъ; чтобы онъ ни сдѣлалъ, онъ остается агнецемъ закланія, который принесенъ въ жертву Наполеономъ, этимъ роковымъ вдохновителемъ самыхъ ложныхъ легендъ, и его вѣрующею паствою. Груши, исполнивъ одинъ изъ трехъ спасительныхъ маневровъ, за отступление отъ коихъ Тьеръ осыпаетъ его упреками, не ушелъ бы отъ обвиненія мемуаровъ на о. св. Елены. Его осудили бы за то, что онъ не пошелъ къ Вавру, тогда какъ это движеніе все спасало. Новое обви-

неніе было бы основано на доказательствахъ, вычисленіяхъ, предположеніяхъ и повѣствованіяхъ, одинаковыхъ съ тѣми, которыя опровергнуты нами. Иные люди повѣрятъ имъ, увѣрять въ то, что Груши, двинувшись къ Вавру, отвлекалъ Цитена, Пирха 1-го, Тильмана, быть можетъ даже Бюлова, и давалъ Наполеону возможность разбить Веллингтона.

Эти люди тоже закричатъ о Груши: «несчастный! онъ предпринялъ несвоевременный фланговый маршъ, которому пруссаки всегда могли помѣшать—маршъ опасный, безцѣльный—тогда какъ ему нужно было идти прямо и Франція была бы спасена!»

XV.

(къ страницѣ 405-й).

Составъ и числительная сила арміи, собранной подъ Парижемъ, къ 1 Іюлю 1815 г.

		Пѣхота.	Кавале- рія.	Артил., инжен. и пр.
Императорская гвардія. Генералъ-лейтенантъ Друо (Въ Вилъе, у Нелъи).	Пѣхота.	<div> Дивизія гренадеръ . . . . . 2,159 " егерей . . . . . 2,254 Молодой гвардіи . . . . . 1,353 </div>	5,766	
	Кавалерія.	<div> Конно-гренадеры, драгуны, уланы, конно-егеря, жандармы . . . . . </div>	—	3,392
	Артиллерія, инженеры и пр.		—	1,864
1-й корпусъ. Генералъ-лейтенантъ д'Эрлонъ. (Въ Бельвиль).	Пѣхота.	<div> 1-я дивизія . . . . . 1,116 2-я " . . . . . 1,312 3-я " . . . . . 699 4-я " . . . . . 1,182 </div>	4,309	
	Кавалерія.	1-я кавалерійская дивизія	—	1,064
	Артиллерія и проч.		—	133
2-й корпусъ. Генералъ-лейтенантъ Рейль. (Въ Ла-Шапель).	Пѣхота.	<div> 5-я дивизія . . . . . 1,340 6-я " . . . . . 2,092 7-я " . . . . . 2,064 9-я " . . . . . 1,561 </div>	7,057	
	Кавалерія.	2-я кавалерійская дивизія	—	1,248
	Артиллерія и проч.		—	513

6-й корпусъ. (Въ вѣдѣніи Рейлл).	Пѣхота.	{ 19-я дивизія . . . . . 1,829 20-я „ . . . . . 961 }	2,790	
1-й резервный кавалер. корпусъ. Генералъ-лейтенантъ Пажоль. (Въ Ла-Вилеттѣ).	Кавалерія	—	—	1,991
3-й резервный кавалер. корпусъ. Генералъ-лейтенантъ Келлерманъ. (Въ Нельи).	Кавалерія	—	—	1,641
	Артиллерія	—	—	— 111
4-й резервный кавалер. корпусъ. Генералъ-лейтенантъ Мильго. (Въ Отейгѣ).	Кавалерія	—	—	1,127
3-й корпусъ. Генералъ-лейтенантъ Вандаммъ. (Въ Монружѣ).	Пѣхота.	{ 8-я дивизія . . . . . 2,742 10-я „ . . . . . 2,896 11-я „ . . . . . 2,670 21-я „ . . . . . 1,546 (Изъ 6-го корпуса).	9,854	
4-й корпусъ. — Генералъ-лейте- нантъ Вишери (подчиненъ Ван- дамму — въ Вожирагѣ).	Пѣхота.	{ 12-я дивизія . . . . . 2,719 13-я „ . . . . . 3,117 14-я „ . . . . . 2,530 }	8,366	
	Кавалерія	—	—	1,200
2-й резервный кавалер. корпусъ. Генералъ-лейтенантъ Эксельманъ (подч. Вандамму — въ Монружѣ).	Кавалерія	—	—	2,000

Гдѣ не показано спеціальныхъ родовъ оружія, тамъ въ вѣдо-
мости они пропущены.

Считая приблизительно кавалерійскую дивизію при 3-мъ кор-
пусѣ въ 600 человекъ; а войска спеціальныхъ родовъ въ кор-
пусахъ, ввѣренныхъ Вандамму, въ 2,000 чел., всего получимъ

38,142 14,263 5,221
Общій итогъ. 57,626.

Отряды, прибывшіе изъ гвардейскихъ и линейныхъ депо, и составленные изъ одиночныхъ людей, разбѣжавшихся подъ Ватерлоо.

	Пѣхота.	Кавалерія	Артиллерія.
Генерала Бомона (въ Бельвиллѣ)	1,683		
» Тилли (въ Берси	492	—	58
» Амбера (въ Ла-Вилеттѣ)	3,209	—	84
» Менье (противъ Обервилле).	1,939		
» Пюлли (въ Булонскомъ лѣсу)	2,031	334	
» Аликса (въ С.-Дени)	1,848	—	485
Въ Парижѣ	1,012		
Итого .	12,214	334	627
	Всего 13,175		

1-го іюля 1815 г., численность арміи, собранной подъ Парижемъ, простиралась до 70,800 человекъ (считая офицеровъ), въ томъ числѣ было — пѣхоты 50,356 человекъ, кавалеріи 14,567, прочихъ оружій 5,848 человекъ.

Слѣдуетъ помнить, что въ приводимыхъ цифрахъ заключается 6,000 вооруженныхъ стрѣлковъ національной гвардіи, 432 человека (2 баталіона мобилизованной національной гвардіи департамента Эндры) и 400 человекъ (баталіонъ департамента Эндры и Луары).

3-го іюля прибыли въ Парижъ два баталіона мобилизованной національной гвардіи (1-й и 2-й) изъ департамента Верхней-Марны, всего 631 человекъ; но они были неоде́ты.

СОДЕРЖАНІЕ КАРТЪ и ПЛАНОВЪ.

№ I. Карта театра главныхъ военныхъ дѣйствій въ 1815 году.

№ II. Планъ сраженія при Линьи.

Французы: А. — Гвардія; В — 4-й резервный кавалерійскій корпусъ (Мильтго); С — 3-й корпусъ (Вандаммъ); D — дивизія Жирара; Е — 4-й корпусъ (Жераръ); F — 2-й резервный кавалерійскій корпусъ (Эксельманъ); 1-й резервный кавалерійскій корпусъ (Пажоль).

Пруссаки: К — 1-й корпусъ Цитена; J — 2-й корпусъ Пирха I; M — 3-й корпусъ Тильмана.

Положеніе сражающихся означено въ 2½ часа по-полудни, когда корпусъ Лобау не прибывалъ еще на поле сраженія.

№ III. Планъ сраженія при Катръ-Вра.

Французы: А — дивизія Фуа; В — дивизія Башелю; С и D дивизія Пире; M — дивизія Лефевра-Денуэта.

Англо-голландцы: E — бригада Биландта; F — бригада принца Саксенъ-Веймарскаго.

Положеніе враждующихъ сторонъ изображено въ исходѣ 2-го часа по-полудни, передъ началомъ боя.

№ IV. Планъ сраженія при Ватерлоо.

Французы: А — корпусъ Рейля (2-й); В — корпусъ д'Эрлона (1-й); С — 3-й резервный кавалерійскій корпусъ (Келлерманъ); D — корпусъ Лобау (6-й); D' — idem (2-я позиція); E — кавале-

рійскія дивизіи Домона и Сюберви; E'—idem (2-я позиція). F — 4-й резервный кавалерійскій корпусъ (Мильтон); G — дивизія Гюо; H — гвардейская пѣхота; J — дивизія Лефевра-Денуэта. **Англо-голландцы** a — дивизія Шассе; b — бригада Митчеля (изъ дивизіи Кольвиля), c — дивизія Кука; d — дивизія Альтена—бригада ф. Крузе; e—дивизія Шиктона; g — бригада Винке; h — бригады Вивисна и Ванделера; i — дивизія Клиптона; j — брауншвейгцы; m — бригады Гранта, Дернберга, Арипильтга и ванъ-Мерлена, o — бригады Сомерсета, Понсонби. Хинн и Трипа, s — артиллерійскій резерв; t — бригада Ламберга (дивизіи Коля).

Положеніе французской и англо-голландской армій представлено въ 11^{1/2} часовъ утра; но вторыя позиціи (P', E') въ 4^{1/2} часа по-полудни.

Пруссакѣ: x — 4-й корпусъ (Бюлова) въ половинѣ пятого; y — 1-й корпусъ (Цитена) въ половинѣ седьмого часа по-полудни.

№ V. Планъ сраженія при Ваврѣ.

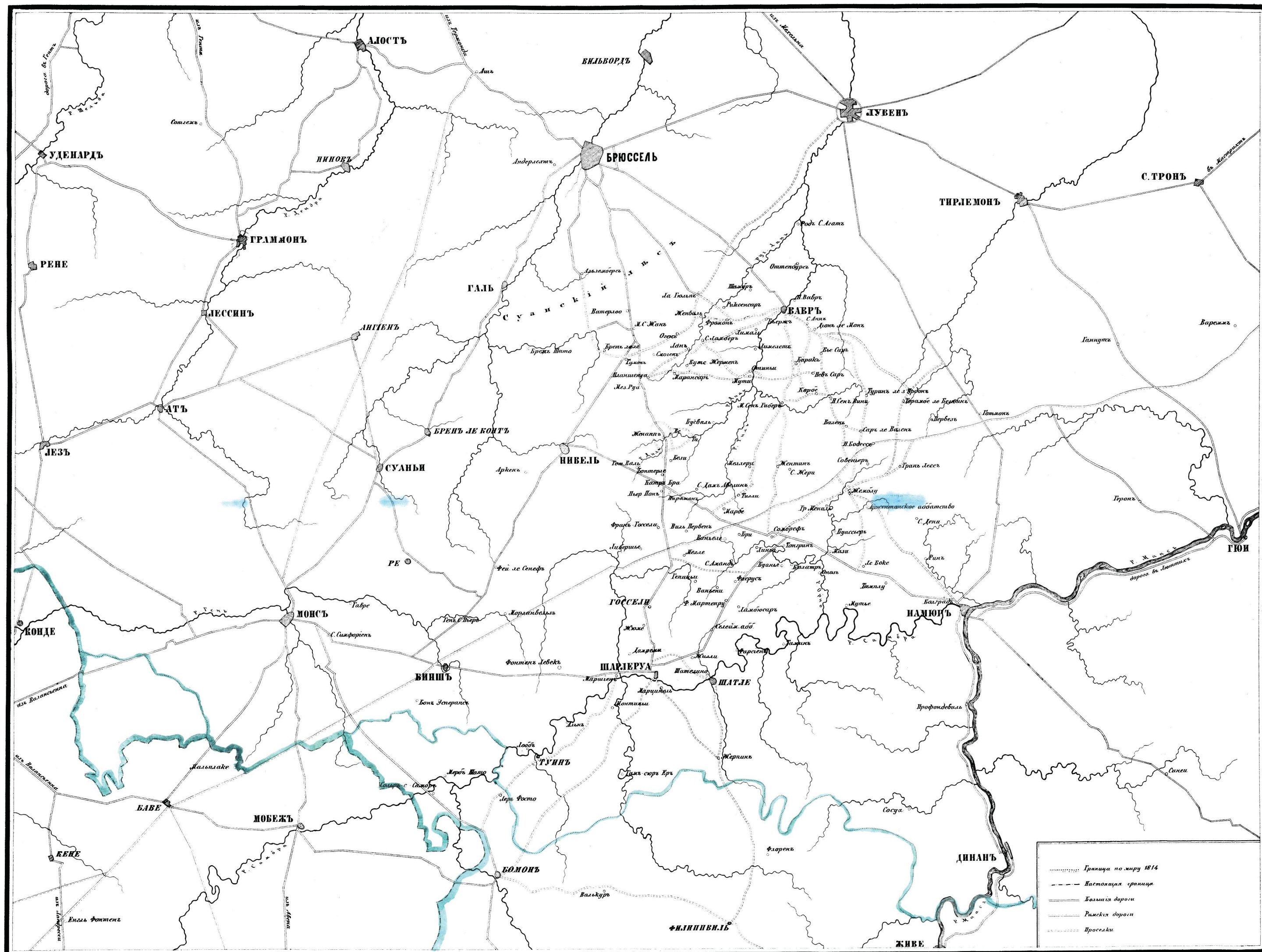
Французы: M — кавалерія Эксельмана; N — 3-й корпусъ; (Вандамма); O — 4-й корпусъ (Жерара); P — кавалерія Галена Q — сводный корпусъ Пажоля.

Пруссакѣ: A — бригада Штульмана; B — бригада Кемпена; C — бригада Люка, D — отрядъ полковника Цепелена; E — отрядъ полковника Штенгеля.

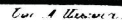
Положеніе враждующихъ сторонъ представлено въ 7-мъ часу по-полудни, 18 іюня.

№ VI. Карта сѣверо-восточной части Франціи.

№ VII. Карта окрестностей Парижа.

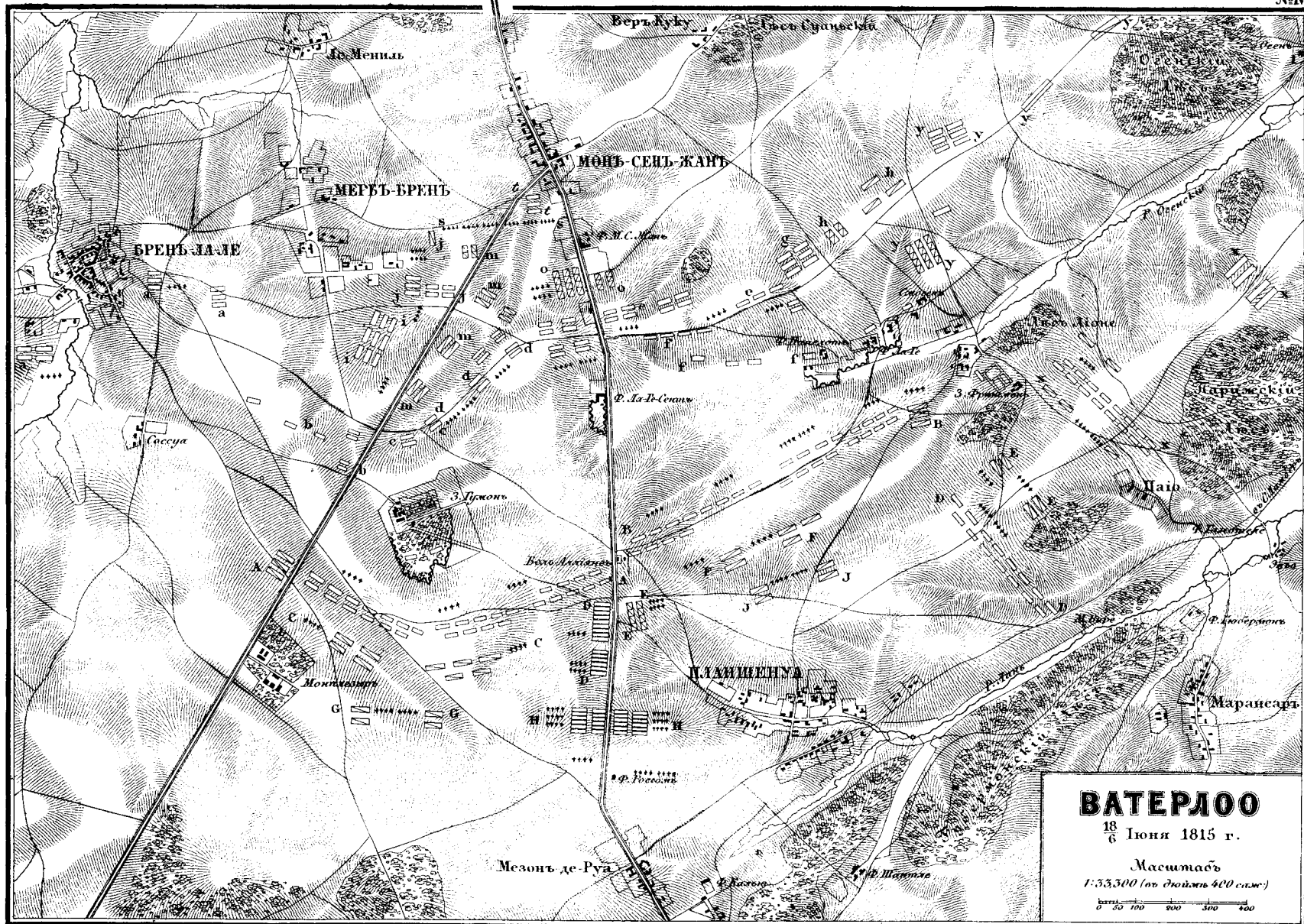

ВАТЕРЛОО

Le Vie-з-Ами

№IV

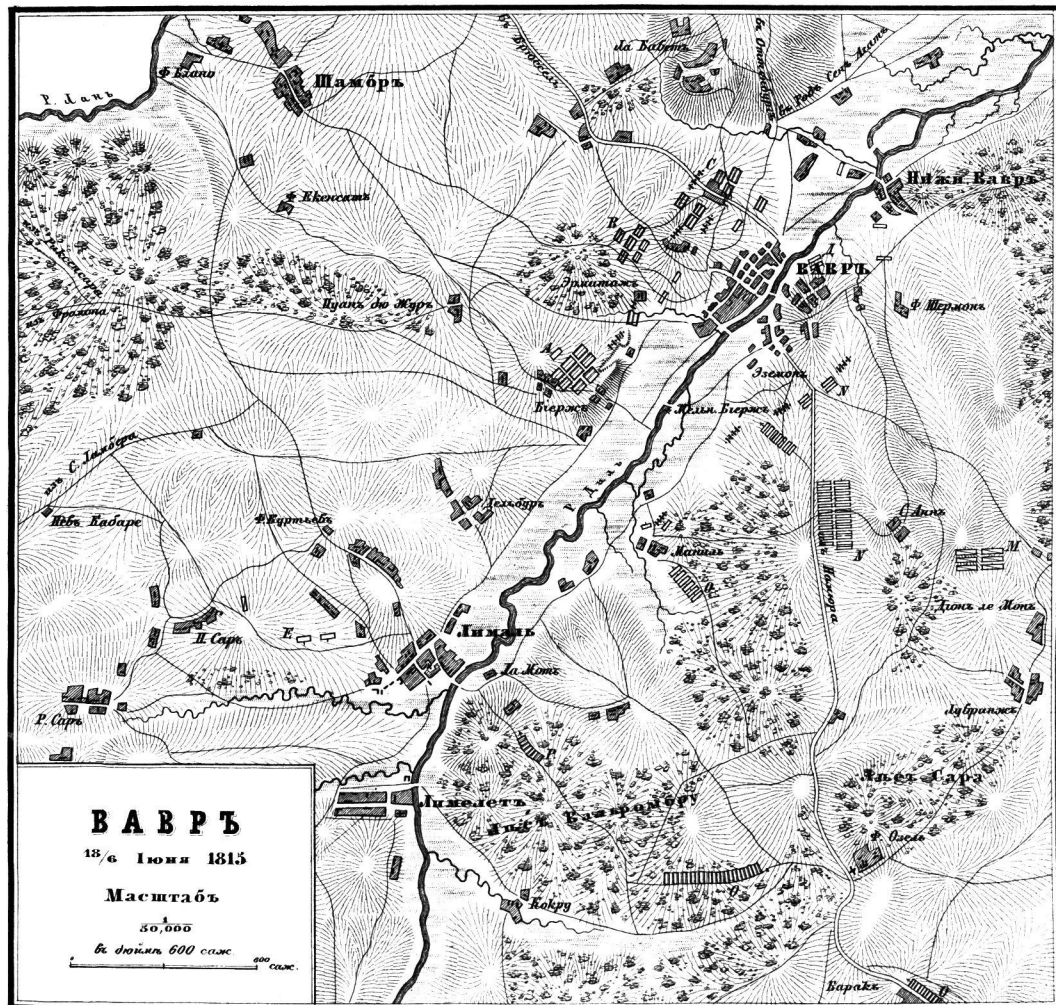
ВАТЕРЛОО

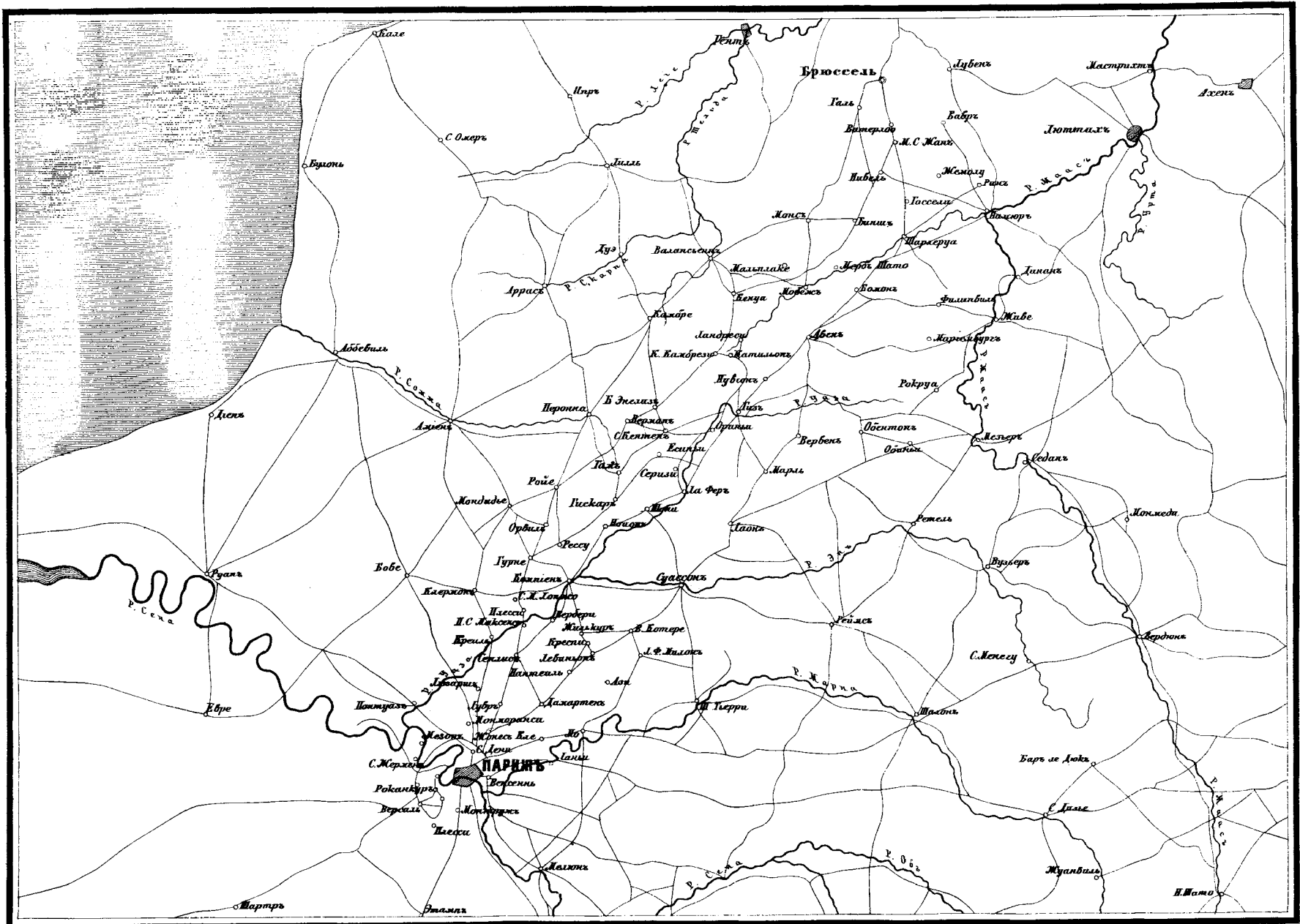
18
6
Юня 1815 г.

Масштабъ

1:33,300 (въ дюймахъ 400 саж.)

0 50 100 200 300 400

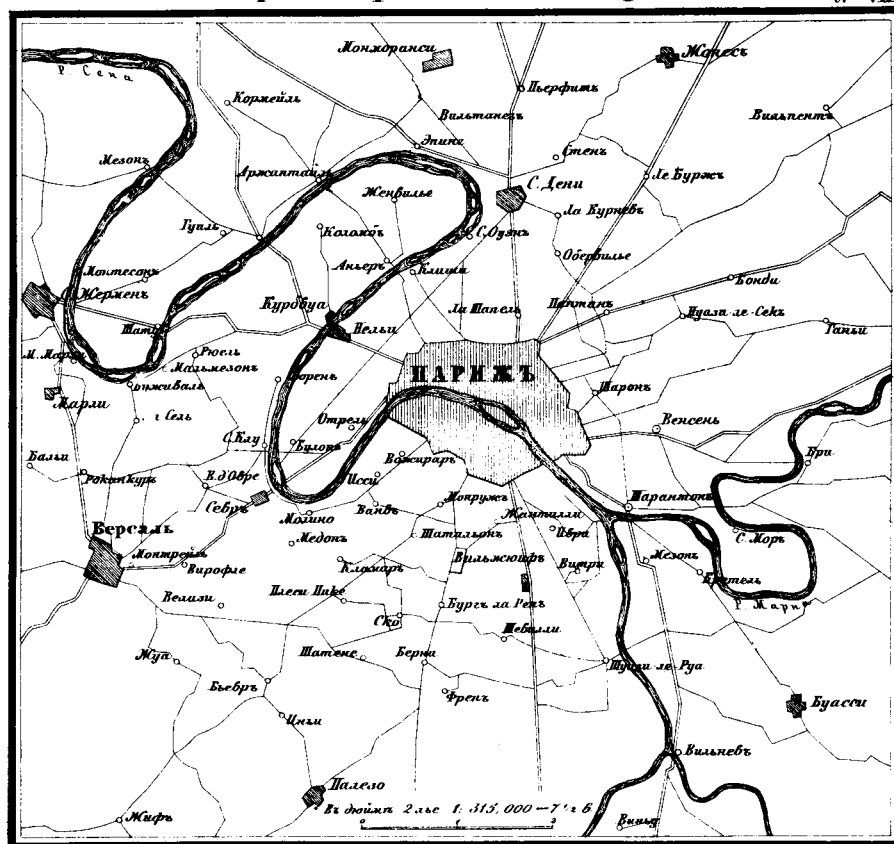

Масштабъ въ дюймовъ 11 1/2 и въ 1:820,000 43 1/2 в.

Картографическое Сав. А. Тилина. Б. № 11-43.

№ VII

Бартоломеевское Зв и Казина

Репринтное издание

Шаррас Жан-Филипп

ИСТОРИЯ КАМПАНИИ 1815 ГОДА ВАТЕРЛОО

*Перевод с французского
П. Пичугина*

Ответственный редактор *Ю. С. Юрченко*
Технический редактор *Е. С. Адмаева*
Обработка файлов *Е. А. Курьшева*
Сканирование *Я. В. Каптивая*

Подписано в печать 04.07.12. Формат 170х240 мм.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 41,40. Тираж 30 экз.
Заказ № 16330. Проект № 1635

Подготовлено к печати в издательстве «Альфаре́т»
190000, Россия, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 101
Тел./факс: +7 (812) 603-23-63
info@alfaret.ru
www.alfaret.ru

Адрес типографии: 197342, Россия, Санкт-Петербург,
ул. Белоостровская, д. 22
Тел./факс: +7 (812) 603-23-63

